Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ Том 3

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт востоковедения РАН

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 3

От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.)

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
Москва

УДК 94(100)"653"+94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)4я73-1+63.3(0)5я73-1
В19

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский*;
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

Васильев Л. С.

В19 Всеобщая история. Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.): учебное пособие / Л. С. Васильев. — 2-е изд. доп. и перераб. — М.: КДУ, 2013. — 606 с.

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-852-4 (Том 3)

Читателю предлагается серьезная работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования. Первые тома уже выходили в 2007–10 гг., но были серьезно переработаны и дополнены для настоящего издания.

В третьем томе идет речь о периоде, отмеченном серьезными переменами в мире. Говорится о прогрессирующей предбуржуазной Западной Европе, которая в процессе Великих географических открытий приступила к колонизации освоенных ею неевропейских территорий. Уделяется внимание экспансии Запада, опиравшегося на ускоренные темпы эволюции и усиливавшемуся благодаря огнестрельному оружию; процессу вестернизации мира; развитию океанской торговли и промышленности в колониях. По-новому ставится проблема колониализма: помимо принуждения и насилия по отношению к местному населению, выделяются стимулирование развития, создание условий для выживания и численного роста. В историософско-теоретических главах идет речь о факторах эволюции, роли идей, типах власти, о феномене буржуазной эволюции (Нидерланды, Англия, США) и революции (Франция).

Для студентов исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов (бакалавриат и магистратура), преподавателей и всех читателей, интересующихся историей.

УДК 94(100)"653"+94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)4я73-1+63.3(0)5я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-852-4 (Том 3)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

Введение 8

Часть первая. ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА В НЕЕВРОПЕЙСКОМ МИРЕ 15

Глава первая. РЕНЕССАНС, РЕФОРМАЦИЯ И БУРЖУАЗИЯ 16
- Становление буржуазии на Западе 22
- Протобуржуазия в Античности 24
- Предбуржуазия в средневековой Западной Европе 29
- Проблема генезиса капитализма и просчет Маркса 33
- Суть и смысл Реформации 39
- Протестантская этика и дух капитализма 45

Глава вторая. ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ И НЕЕВРОПЕЙСКИЙ МИР 47
- Европейцы в поисках пути в Индию 52
- Проблема колоний для Запада и Востока 55
- Начальный этап реализации географических открытий 59
- Испанцы и португальцы в Новом Свете 63
- Крушение великодержавного могущества Испании 70
- Революция цен 75

Глава третья. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ ДРУГИХ СТРАН ЕВРОПЫ 77
- Нидерланды и Англия 78
- Освоение колонистами Северной Америки 83
- Колонизаторы в Африке 92
- Колониальные захваты в странах традиционного Востока 97
- Движение русских на Восток 101

Глава четвертая. ФАКТОРЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ УСПЕШНОЙ ЭВОЛЮЦИИ 103
- Удачная случайность в истории 103
- Стечение обстоятельств 112
- Третий и важнейший — буржуазный — фактор ускоренной эволюции (о приоритете рыночно-частнособственнических отношений) 123

Часть вторая. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В XVI–XVIII вв. 128

Глава пятая. ИСПАНИЯ, ИТАЛИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ПОРТУГАЛИЯ 132
Италия под властью Испании 136
Нидерланды в борьбе за независимость 141
Голландия и испанские Нидерланды в XVII–XVIII вв. 146
Стагнация Испании 150
Португалия после 1640 года 155

Глава шестая. АНГЛИЯ 156
Долгий парламент и гражданская война 161
Республика в Англии. Протекторат Кромвеля 166
Реставрации монархии и «Славный переворот» 171
Итоги и оценка событий в Англии во второй половине XVII в. 175
Англия в XVIII веке 177
Новая буржуазная экономика 178
Внутренняя и внешняя политика 183
Английские колонии в Северной Америке 186
Колонии против метрополии 190

Глава седьмая. ФРАНЦИЯ 194
Религиозные войны 198
Франция в XVII веке: от Генриха IV до Людовика XIV 202
Франция времен Людовика XV 210

Глава восьмая. ГЕРМАНИЯ, СКАНДИНАВИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ 214
Австрия 217
Тридцатилетняя война и Вестфальский мир 219
Германия и Австрия после Вестфальского мира. Пруссия 223
Германские государства в XVIII веке 228
Скандинавия 231
Швейцария 236

Глава девятая. ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДА В XVI–XVIII вв. (суть и значение перемен) 239
О «приоритете рыночно-частнособственнических отношений» 241
Социополитические сдвиги и их восприятие в обществе 245
Резкий рост интеллектуального потенциала 249
Успехи буржуазного предпринимательства 252
Буржуазное развитие и его критика 255

Часть третья. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ В XVI–XVIII вв. 258

Глава десятая. ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ, ПРИБАЛТИКА, ПОЛЬША 259
Чехия 260
Венгрия 264
Прибалтика 268
Литва. Великое княжество Литовское 271
Польша (Речь Посполитая) 275

Глава одиннадцатая. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ БАЛКАН: СЛАВЯНЕ; ГРЕЦИЯ, АЛБАНИЯ, РУМЫНИЯ 280
Южные славяне 280
Неславянские народы: Греция, Албания, Румыния 287

Глава двенадцатая. РОССИЯ ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА I 293
Царь Федор, Борис Годунов и Лжедмитрий I 297
Лжедмитрий II и поляки. Великая Смута 301
Минин и Пожарский. Конец Смуты. Романовы у власти 304
Система администрации в XVI–XVII вв. 309
Экономика и массовые социальные движения 312
Внешняя политика 315
Патриарх Никон и раскол 316

Глава тринадцатая. РОССИЯ В XVIII веке 318
Юность Петра 319
Петр I на Западе и его войны 321
Преобразования Петра Великого 323
Россия после Петра 331
Императрица Елизавета Петровна и Петр III 334
Екатерина Вторая и Павел Петрович 341

Глава четырнадцатая. РОССИЯ И ЕВРОПА: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ДЕФЕОДАЛИЗАЦИИ 352
Феоды и дефеодализация 352
Есть ли смысл у термина «абсолютизм»? 355
О типах власти в Западной Европе 359
Форма власти в России 368
Россия и Западная Европа 371

Часть четвертая. СТОЛКНОВЕНИЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА. ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИАЛИЗМА 374

Глава пятнадцатая. ТРАДИЦИОННЫЙ ВОСТОК. ДРУГИЕ РЕГИОНЫ 378
Османская империя и Иран 380
Остальные страны и народы мира ислама 386
Китай, Корея, Япония и Вьетнам 389
Африка 396
Маргинальные территории Востока 401

Глава шестнадцатая. ЗАПАД НА ВОСТОКЕ 408
Испанцы и португальцы в Новом Свете 409
Португалия и Голландия в борьбе за пряности 423
Англичане и французы в Индии 430
Освоение колоний и работорговля 434

Глава семнадцатая. ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАТОРОВ В ИХ КОЛОНИЯХ 440
Португальцы в колониях 442
Колониальная политика голландцев 449
Франция и ее политика в колониях 454
Англия в процессе освоения колоний 457
Русские в Сибири и в Америке 460

Глава восемнадцатая. КОЛОНИИ КАК ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ 463
Типы колоний 464
Колонисты и колонизаторы 472
Колониализм, насилие и войны 475
Колониализм как предтеча мирового рынка 480

Часть пятая. ОТ ИДЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ К ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 490

Глава девятнадцатая. ВЕЛИКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ 494
Идеи просвещения в Англии 495
Просветители в Германии 499
Век Просвещения во Франции 502
Влияние и значение идей Просвещения 510

Глава двадцатая. ИДЕИ И ИНТЕРЕСЫ ... 513
Бытие или сознание? ... 516
Потребности и интересы ... 521
Идеи и интересы. Что сначала? ... 528

Глава двадцать первая. БОРЬБА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЗДАНИЕ США ... 530
Декларация независимости ... 532
Война со сторонниками метрополии ... 535
Формирование основ политической структуры ... 537
Конституция США (1787) ... 540
США после принятия конституции ... 543
Возникновение США как историческое событие ... 546

Глава двадцать вторая. РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. ВЕЛИКАЯ И КРОВАВАЯ ... 549
Накануне революции ... 551
Первые достижения ... 554
Парламент и король. Ликвидация монархии ... 559
Национальный Конвент. Жирондисты и якобинцы ... 565
Террор и поражение якобинцев ... 569
Конец революции. Директория и Наполеон ... 573

Глава двадцать третья. ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ ... 577
Что такое революция ... 578
О причинах революции ... 581
Когда революция не нужна ... 584
Революция во Франции ... 587
Логика революции: от законов к беззаконию ... 590
Революционный дух народа ... 592
Психология толпы ... 594
От беззакония к террору. Термидор ... 598
Завершение революции ... 600
Французская революция в мировой истории ... 601

Введение

Переходному периоду XVI–XVIII веков, в отличие от предшествовавших ему древнего и средневекового, как и периода, последовавшего за ними, уделено специальное внимание в особом томе серии, посвященной историческому процессу в целом. Это важно обосновать. Учитывая многочисленные споры о критериях членения мировой истории, концепция автора делает ситуацию достаточно ясной для того, чтобы было понято главное. А оно — главное — в том, что и древность, и Средние века, и путь от средневековых порядков к тем, что были характерны для движения в сторону развитого буржуазного общества на Западе и начинавшего вестернизоваться колониального общества на Востоке, были каждый лишь этапом на очень важном предварительном пути. А заключительный этап этого пути, XVI–XVIII вв., иногда в отечественной историографии именуемый неопределенным термином «раннее новое время», следовало бы именовать переходным именно для того, чтобы всем стало ясным, что в эти три века произошел некий революционный скачок. Смысл скачка в том, что он фиксирует очень важный для истории человечества переход от ранней модификации урбанистической цивилизации с приоритетом структуры власти-собственности и общества восточного типа к поздней ее модификации с приоритетом антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры с обществом западного типа.

Вся история человечества, знакомая с урбанистической цивилизацией и государственностью, являет собой процесс, который делится на два периода, **предварительный**, когда формировались античнопротобуржузные и западноевропейско-предбуржуазные отношения между человеком и властью, и **основной**, уже с безусловным господством буржуа, гражданского общества и системой власти с институтами, гарантирующими приоритет гражданина. Основной период начался в XIX столетии. Его следует начинать с буржуазной революции во Франции, а по значимости считать эпохой триумфа бур-

жуазии с ее новыми темпами освобожденного от оков производства, гигантским технико-технологическим взлетом и резким улучшением качества жизни на огромной территории планеты. Разумеется, все это новое далось человечеству нелегко, о чем в деталях сказано в томах, посвященных предыдущим этапам эволюции общества. Если в двух словах напомнить о них, то начать следует с проблем трансформации древности, с мутации, которая способствовала созданию основополагающих социополитических институтов Античности. Не пытаясь характеризовать их, нужно обратить внимание на великий вклад античной древности в оплодотворение существовавшего до нее восточного мира. Правда, к быстрой победе античной традиции над ближневосточной *хорой* это не привело. Более того, переход человечества от древности к Средневековью был связан с крушением античного мира и возвышением ислама. Это были основополагающие события завершающих веков древности, которые привели к трагической приостановке процесса социополитической и экономической эволюции общества.

Кризис Западной Римской империи и аналогичный кризис в торговой экономике арабского мира ознаменовали конец западной и восточной древности. Однако они сами по себе, волею судеб ознаменовавшие наступление этапа так называемых Средних веков, не означали перехода всего цивилизованного мира от старого качества к некоему новому. Традиционный Восток остался в период Средневековья таким же, каким и был. Что же касается его антагониста, античного мира, то он уцелел в форме традиций в раннесредневековых королевствах Европы и в остаточном виде в православной Византии. Грекоязычная православная Византия шла к упадку и в конечном счете рухнула под ударами с Востока. А вот в раннесредневековой католической Западной Европе традиции античности, вначале резко придавленные, со временем, хотя и не слишком быстрыми темпами начали энергично давать о себе знать. Более того, к решающему моменту Возрождения, Реформации и Великих географических открытий — а это и было переходным периодом к новому буржуазному времени — они, набравшись сил и, главное, вполне отвечая потребностям времени, стали выступать на передний план и понемногу определять ход человечества к новому времени.

Человечество, начавшее в облике его незначительной части, варварского европейского Запада, переход к славному для него Новому времени, к эпохе триумфа буржуазии, делало это успешно и в доста-

точно быстром темпе именно потому, что в мире возродилось утерянное было им со времен Античности принципиально новое буржуазное качество. Этот радикальный поворот был новацией стран Запада. Иначе обстояли дела на традиционном Востоке, который развивался по-прежнему весьма замедленными темпами и при этом далеко не везде и не сразу оказался под некоторым влиянием западных структур. Но если в связи с этим взглянуть на историю экспансии Запада в неевропейском мире, на начало колонизации западными державами восточных стран, то окажется, что вестернизация была решающим толчком для их развития. А это значит, что процесс эволюции всего мира вне Запада шел под определяющим влиянием, а подчас и при силовом воздействии Запада и связанных с ним институционального фундамента и буржуазных рыночно-частнособственнических отношений.

К сказанному следует добавить тот немаловажный факт, что открытие Нового Света вызвало к жизни энергичную миграцию, как добровольную — если иметь в виду европейцев, — так и насильственную, связанную с торговлей африканскими рабами. В целом освоение американского континента тоже вело к укреплению позиций Запада. А Латинская Америка в том виде, какой она обрела в первые века после завоевания, была и частью колонизованного Востока и, в религиозно-цивилизационном плане, модификацией католического Запада. Что же касается североамериканского субконтинента, то он стал — за исключением Мексики — оплотом быстро развивающегося Запада.

Все эти важные для мирового исторического процесса события как раз и заняли те самые три столетия, которым посвящен данный том. И выделение его — точнее, этих веков — из общей устоявшейся уже практики принятого в исторических трудах членения истории следует считать результатом объективной потребности дополнить принятое членение истории важным переходным этапом мирового исторического процесса. Этап этот, лежащий между открытиями XV в. и новоевропейским временем (есть много оснований считать понятия *«новое»* и *«новоевропейское»* время синонимами), в общем и целом можно было бы, таким образом, назвать периодом вызревания капитализма на Западе и энергичного освоения западными странами колоний разного типа и в разных регионах земного шара. Как бы то ни было, но период XVI–XVIII столетий выступает в виде некоего особого и чрезвычайно важного этапа исторического процесса трансформации привычного прежде облика большинства регионов мира.

Начало его было тесно связано с Ренессансом, Реформацией и Великими географическими открытиями, давшими мощный толчок развитию, в котором практически абсолютно доминировал в качестве динамичной силы Запад. Содержание его — идеи Ренессанса, Реформации и века Просвещения, выдвижение на авансцену истории Испании и Португалии, затем Голландии и Англии, а также появление США, а конец — великая революция во Франции, которая поставила решительную точку на прошлом. Правда, это произошло далеко не сразу и не сразу стало заметным. Н. А. Иванов обратил внимание на то, что Восток очень медленно уступал свои лидирующие в мире (Новый Свет в этом случае остается в стороне) позиции. Вплоть до XVI, а кое в чем и даже до XVII века он имел, по мнению Иванова, перед Западом немало очевидных преимуществ. Так, Восток в целом был более густо населен, производил больше и во многом лучшего качества продуктов, в частности зерна, славился мастерством своих ремесленников, изысканностью предметов роскоши[1]. При всем том, однако, взлет Западной Европы в эти же века был отнюдь не случайным. Он обусловливался накоплением результатов тех важных процессов, которые протекали на Западе на протяжении ряда столетий и были в определенной степени решающими в соревновании с традиционным Востоком.

В странах Западной Европы, пусть не во всех, резко ускорился темп развития. Вышли на авансцену возрожденные предбуржуазией античные рыночно-частнособственнические отношения, часто патронируемые властью и практически ничем не ограниченные. Более того, эти отношения, особенно в тех странах Запада, где большинство населения решительно отказалось от католического христианства и предпочло ему протестантизм, начали становиться нормой. Вскоре именно они стали господствовать во всем мире, в конечном счете подмяв под себя как все то, что было связано с феодальной системой в Западной Европе, так и — пусть в гораздо меньшей степени — то, что было характерным для огромного большинства неевропейских обществ традиционного Востока с характерными для них институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции.

Такого рода радикальные перемены имели далеко идущие последствия. Главным внешним проявлением их стало все более энергичное

[1] *Иванов Н. А.* Всеобщая история. Курс лекций. М.: «Восточная литература», 2005. С. 212–221.

и постоянно усиливавшееся давление Запада на заметно отставший от него в темпах развития Восток. Это проявлялось в том, что западные страны вступили на путь энергичного развития частного предпринимательства и рыночно-частнособственнических отношений. И хотя такой путь был уже довольно давно освоен западноевропейскими горожанами позднего Средневековья, новые темпы, предложенные протестантами Нидерландов, Англии и — чуть позже — первыми поколениями колонистов Северной Америки, оказались решающим фактором в изменении соотношения сил Запада и Востока. Запад, заметно начинавший лидировать в торгово-промышленном и историко-культурном соревновании с Востоком уже по меньшей мере с XV–XVI веков, если даже в некоторых отношениях не раньше, постепенно и уверенно обходил консервативно-стабильные и развивавшиеся замедленными темпами традиционные восточные структуры. Восток же, включая и типологически близкую к нему Латинскую Америку, с каждым веком становился все более очевидно отставшим по сравнению с быстро развивавшимся Западом.

Правда, соперником христианского Запада в эти века был еще исламский Восток, резко увеличивший свое влияние и размеры после укрепления Османской империи за счет арабских стран, исламизации Индии и Индонезии, да и ряда других стран Центральной и Юго-Восточной Азии, частично даже восточноевропейских и африканских территорий. Стоит напомнить в этой связи, что ислам активно выступал и на границах Западной Европы, причем не только со стороны Средиземноморья, где активно действовали корсары, и на юге Иберийского полуострова, но и буквально в ее центре. Только поражение в битве под Веной в 1529 году едва остановило натиск ислама на Запад. Но это поражение в конечном счете предопределило то обстоятельство, что мир ислама не просто остановился в своей экспансии, но и начал отступать, ибо все более очевидно оказывался в состоянии междоусобных войн, в частности между суннитами (турки) и шиитами (иранцы). Именно это обстоятельство не только дало Западной Европе возможность укрепиться, несмотря на такие же междоусобные войны, в основном вызванные Реформацией, но и поверить в то, что веками складывавшаяся и восходившая корнями к античности не в меньшей степени, нежели к иудеохристианству, западноевропейская цивилизация имеет ряд неоценимых преимуществ перед всеми восточными. Эти преимущества со временем все более отчетливо давали о себе знать и, в частности, привели к колонизации

и вестернизации предпринимателями и торговцами передовых стран Европы практически всего остального мира.

Очень важно отметить, что этот принципиально новый важный шаг в развитии человечества — в отличие от предшествовавших ему — в конечном счете (далеко не сразу) сблизил Восток и Запад во многих отношениях, впервые соединив весь мир в единое целое. Это не значит, разумеется, что весь традиционный Восток уже где-то в XVIII веке перестал быть прежним Востоком, а энергично развивавшийся Запад в чем-то с ним структурно слился. Время глобализации — даже если считать, что именно открытие Нового Света и начало колонизации дали ему старт, — еще не настало. В лучшем случае оно только заявило о своем подходе. Произошло же нечто иное. Восток, впервые в истории ощутив преимущества энергичного и динамичного развития, был вынужден, во всяком случае в пределах переходного периода, о котором будет идти речь в данном томе, подчиниться тенденции к ускорению темпов эволюции, для чего ему следовало кое-что заимствовать у Запада. Запад же, включив на полную мощность свои преимущества, не только не приостановил дальнейшее ускорение темпов развития, но умело использовал это ускорение для того, чтобы попытаться побудить Восток успешно реализовать свои несметные ресурсы и убыстрить процесс включения скрытых потенций в интересах развития и модернизации по европейскому стандарту.

Практически сказанное означает, что европейский — а затем и не только европейский — Запад в период, о котором идет речь, стал много интенсивней двигаться по пути хорошо знакомого еще античности предпринимательству с явно выраженной тенденцией к постоянной его модернизации. При этом имело значение все то, что могло этому способствовать. С одной стороны, это были расцвет буржуазного хозяйства и резкое укрепление в европейских странах власти всесильных правителей, а с другой — развитие энергичной и быстрыми темпами растущей транзитной торговли, прежде всего с Востоком, включая и Новый Свет. Под нажимом бесцеремонного Запада Восток оказался вынужден, конечно не везде и далеко не в равной степени, открыть свои двери для этой далеко не всегда нужной ему, особенно в столь интенсивно развивавшейся форме, торговли.

Собственно, именно в этих двух шедших навстречу друг другу процессах всемирно-исторического значения и заключался в самом общем виде смысл нового этапа в эволюции человечества. И имеется в виду не только уже обозначившая себя тенденция к глобализации.

Многое значит и все то, что вело к серьезным социальным и экономическим переменам. В частности, к их числу нужно отнести постепенный выход в Западной Европе на передний план так называемого *третьего сословия*. Под этим названием традиционно имеются в виду все те, кто не принадлежал к сословиям дворянства и духовенства и выход которых на авансцену энергично завершал процесс дефеодализации. Обычно в отечественной историографии процесс ухода феодалов со сцены привычно именуют иначе, выдвигая на передний план становление некоего не вполне четко определяемого *абсолютизма*, о чем еще будет идти речь. Но на самом деле то, что именуется абсолютизмом, т.е. централизация власти в укреплявшихся странах Запада, было на самом деле очень резким усилением центральной власти, т.е. авторитаризмом, который как раз и приходил на смену феодализму, сливаясь с процессом дефеодализации, протекавшей в разных формах. Ведь феодализм, стоит повторить, — это не некая мифическая формация, а именно ситуация социополитической раздробленности при децентрализации власти. С такого рода феодализмом были очень хорошо знакомы и в древности многие страны, начиная от просуществовавшего долгое время (X–III вв. до н.э.) в подобного рода политическом режиме чжоуского Китая.

Все это составляло основное содержание исторического процесса в переходном периоде. Отмеченный огромными и в основном весьма позитивными для мира переменами, процесс шел поэтапно и при этом очень по-разному на Западе и на Востоке, которые по-прежнему являли собой различные в структурном плане гигантские геополитические массивы. Разумеется, все это не преминуло сказаться на результатах, которые реально были ощутимы в основном позже, уже в период Нового времени и тем более в последующие века, вплоть до современности. Но оставим рассуждения обо всех этих очень важных для периода расцвета новоевропейской истории на будущее. В рамках настоящего тома, который связан с описанием событий переходного периода, речь пойдет о другом. Содержащиеся в нем материалы будут посвящены описанию и анализу всех тех процессов и перемен, которые испытала всемирная история именно в эпоху переломных для человечества во многих отношениях XVI–XVIII веков.

Часть первая

Экспансия Запада в неевропейском мире

Процесс начала глобальной трансформации планеты, характеристике которого посвящен том, хронологически достаточно велик. За три столетия в бурно изменявшемся мире произошло множество перемен самого разного характера. Для начала необходимо определить, что было главным, наиболее важным в этом процессе и какие сдвиги оказали самое существенное влияние на ход истории, определив тем ее очертания в последующее время, характеризующееся резким, чем дальше, тем больше, ускорением шагов.

Первым и наиболее заметным даже на внешний беглый взгляд были, как о том уже упомянуто во введении, энергичная территориальная экспансия Запада и его мощное выдвижение на авансцену исторического процесса. При этом следует специально оговориться, что речь идет не только и не столько о важных сдвигах в самой Западной Европе, но прежде всего о тех территориях вне ее, где именно европейцы, мигранты и колонизаторы, начали в очень существенном объеме определять ход эволюции, опираясь при этом на западноевропейские традиции. В итоге термин *Запад* вполне очевидно стал не только в рамках принятой в данной работе концепции, но и на карте мира не географическим, но историко-культурным понятием, что очень важно иметь в виду при всех последующих рассуждениях о Западе и Востоке. Соответственно и Восток, как некую сумму всех тех стран, которые нельзя считать Западом, тоже следует воспринимать — по меньшей мере до второй половины XX века, когда очень многое в мире снова начало решительно изменяться, хотя бы в связи с процессом деколонизации Востока, — как именно историко-культурный феномен.

Очень существенно принять во внимание, что процесс трансформации, о котором пойдет речь, имел свою весьма заметную специфику. Она в том, что он плавно проистекал из тех решительных перемен, кои-

ми завершился для стран Запада и только для него период Средних веков. Имеются в виду те следствия, которые оказались непосредственным результатом Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий, этих **трех событий всемирно-исторического значения**, которые вкупе обозначили собой конец Средневековья. Поэтому есть настоятельная необходимость рассказать о них более подробно. Они этого заслуживают. Можно даже сказать, что они стоят много большего.

Глава первая. РЕНЕССАНС, РЕФОРМАЦИЯ И БУРЖУАЗИЯ

Дело в том, что все они, особенно начавший процесс перемен Ренессанс, дали западной культуре, а через ее посредство и всему западноевропейскому обществу гигантский толчок для возрождения и резкого ускорения темпов эволюции. Это было понято — особенно современниками событий — далеко не сразу. Вначале сдвиги, начатые в эпоху Возрождения, были объективно восприняты как своего рода сближение с великими античными нормами свободомыслия. Именно возрождение традиций Античности в их если даже не полном, то во всяком случае очень значимом объеме в сфере прежде всего высокой гуманистической культуры и выдающегося как бы поистине заново вочеловеченного искусства, архитектуры, живописи и скульптуры, равных которым не знало развивавшееся в основном под эгидой церковных норм западноевропейское Средневековье, дало старт первым великим шагам в направлении отрицания церковно-схоластического и жестко-догматического католического богословия. Важность этого возрождения вершин античной древности едва ли можно переоценить.

Процесс аккультурации варварских обществ, находившихся в лучшем случае на уровне только что трибализованных протогосударственных образований, был бледной тенью того, что происходило теперь, на исходе Средневековья. Те ранние этнические общности оказались в IV–VI вв. в гуще римских колоний, разбросанных почти по всей территории тогдашней Западной Европы. И по меньшей мере на первых порах они не столько заимствовали высокую культуру античного Рима, сколько сладострастно либо походя разрушали ее. Правда, при этом многое из накопленных Римом античных традиций все же не погибло, но напротив, помогло вчерашним кочев-

никам либо общностям, ведшим полукочевой образ жизни, осесть на землю и стать земледельцами. И это движение было естественным и объективно обусловленным, ибо подходящих условий для ведения хозяйства привычного для них кочевого либо полукочевого типа в Западной Европе практически не было.

Но что они в тот момент, да и на протяжении нескольких веков после оседания и аккультурации, взяли и могли взять от Античности? Не высокую культуру поэзии, философии, архитектуры либо изобразительного искусства. Главным направлением в заимствованиях были агрокультура, нормы оседлого образа жизни, а также, что крайне существенно, уважение к праву и давно сложившимся формам общественного устройства. Кроме того, в возникавших заново или восстанавливавшихся со временем старых городах укрепились, пусть не полностью, многие свойственные именно Античности, а не восточным деспотиям, институты. Это античные традиции свободы и самоуправления, великий принцип не контролируемой властью частной собственности, нормы римского частного права и тесно связанные с ними предпринимательство и торговля, включая и транзитную. Все же то, что имело хоть какое-нибудь отношение к высокой культуре (элементарной грамотности, тем более поэзии, философии, а также изобразительному искусству, архитектуре, да и многому другому в том же роде), шло к вчерашним восточным варварам, во всяком случае сначала, по большей части от христианства. Религия в те далекие времена отличалась не стяжательством, но искренним стремлением нести более высокую культуру варварам. В этом смысле она, к слову, хотя и имела собственные глубокие корни, была не слишком чужда творческим достижениям античной культуры.

Вот в этом содружестве и в соответствующем ему направлении как раз и продолжалось многие столетия развитие западноевропейских народов. В связи со сказанным очень важно обратить внимание на то, что нормы христианства с его специфической книжной культурой, богословскими спорами и построениями, устными проповедями, а также величественной архитектурой соборов и красочными изображениями на библейские темы по многим важным параметрам не имели прямого отношения к Античности. Христианство воспитывало паству в ином направлении, нежели то было свойственно античному миру. И истовая вера прихожан, столь наглядно проявившаяся в века крестовых походов, была не чем-то необычным, обусловленным экстраординарной обстановкой. Она была воспитана христиан-

ством и долгие века оставалась привычной нормой. А от античной древности в религии была разве что небольшая, хотя и весьма ценная и, что существенно заметить, отличавшая западное христианство от восточного (православия), доля уважения к личности. Это проявлялось, в частности, в том, что в храмах были сидячие места для прихожан, а вне храма служители церкви, дававшие обет безбрачия и потому не связанные семейными заботами, обычно более внимательно следили за ростом бытовой культуры их паствы.

Однако мрачное господство церкви и ее иерархов, с особой силой проявившееся после неудач с крестовыми походами, к концу Средневековья стало не просто тормозом, мешавшим движению вперед. Нашедшая свое бесчеловечное и своекорыстное отражение в жестоком преследовании ересей, в бесцеремонной продаже индульгенций и, как изуверская вершина, в инквизиции с ее *аутодафе*, церковь превратилась в некий рассадник мракобесия. Поставив целью во что бы то ни стало сохранить господство, она не была заинтересована в том, чтобы дать слишком бурно цвести росткам давно вроде бы поверженной античности. Но откуда в этом случае в столь мрачной обстановке брались эти ростки и почему в этой затхлой атмосфере в конечном счете они все же смогли начать столь дружно цвести? Было это чьим-то субъективным стремлением либо отражением стремлений достаточно многих людей, почему-либо старавшихся вырваться из надоевших им мрачных объятий церковников? Или это было вызвано некой объективной ситуацией, стечением обстоятельств, в совокупности которых проявлялась неизбежность перехода Западной Европы к чему-то новому, уже спонтанно в ней созревавшему?

Нет сомнений, что свою роль сыграли разные причины. Но при этом на первый план по меньшей мере внешне совершенно очевидно выходило объективно обусловленное стечение обстоятельств, благоприятствовавших тому, что вскоре получило наименование Возрождения. Ведь нет никакого сомнения в том, что «Божественная комедия», этот поэтический роман великого А. Данте, который был создан в самом начале XIV века, был порожден не столько гением автора — хотя в гениальности ему никогда никто не отказывал, — сколько обстановкой, которая в то время сложилась в городах североитальянской Ломбардии, прежде всего в общепризнанной столице этих городов (во всяком случае в период Возрождения), Флоренции. И несмотря на то, что Данте тщательнейшим образом воспроизводит в своем романе структуру и стилистику новозаветного ада со всеми

его кругами-ярусами, так что формально придраться к нему церковники не имели оснований, всем было абсолютно ясно, что произведение его столь же далеко от постного официального богословия, сколь близко к страстно любимой и хорошо изученной поэтом античности с ее жизнелюбием и подчеркнутой гуманностью, т.е. с уважением ко всему тому, что свойственно людям, находившимся на высоком уровне культуры. При всем том, что автор романа был искренним католиком, он проповедовал в своих произведениях ту свободу и те стремления к расширению познания за счет выхода из тесных рамок официального богословия, которые были чужды иерархам Рима.

Разумеется, далеко не один Данте в это время решился на то, чтобы четко выдвинуть в качестве главной ценности мировоззрения не Бога, но Человека (откуда и пошло наименование деятелей эпохи — гуманисты). Но кто-то должен был сделать в этом направлении первый шаг, и одним из первых был именно он. Затем в том же XIV веке на смену Данте пришли итальянскис поэты Ф. Петрарка и Д. Боккаччо. Петрарка вызывающе воспел красоту человеческой личности и высоту ее чувств, а Боккаччо пошел еще дальше и с невиданной до того резкостью обрушился на ханжескую официальную санкционированную церковью мораль. Его знаменитый «Декамерон» был если и не вызовом, то прямой противоположностью тем слащавым рыцарским романам и малозаметным новеллам, которые существовали в западноевропейской культуре ранее. А дальше все напоминало обрушивающуюся с гор лавину. На смену великим мастерам слова пришли еще более великие мастера кисти и резца.

Во второй половине XV века поразил современников разносторонностью и высочайшим мастерством один из величайших творцов человечества Леонардо да Винчи, более всего прославившийся своей неповторимой живописью, хотя бывший в то же время, как говорится, мастером на все руки, будь то скульптура, архитектура, наука или техника. Полувеком спустя, уже в начале XVI века, его сменили Микеланджело и Рафаэль, каждый из которых знаменит свыше всякой меры созданием шедевров в области живописи и, что особенно относится к Микеланджело, скульптуры. И ведь дело далеко не в том или, во всяком случае, не только в том, что эти люди создали шедевры, равных которым практически нет, не было и скорей всего не будет. Гораздо важнее то, что их шедевры при всей вроде бы лояльности по отношению ко все той же церкви (Микеланджело, как известно, расписал Сикстинскую капеллу, а Рафаэль проектировал знаменитый

собор Святого Петра в Ватикане) были отнюдь не похожи на безликие фрески либо иные живописные изображения в католических соборах. Беглого взгляда, мимолетного сопоставления достаточно для того, чтобы увидеть разницу и понять, что новые мастера привнесли в искусство то преклонение перед Человеком, равным богам (тому же Зевсу), которое было столь свойственно, в частности, древнегреческим скульпторам.

Перечисление мастеров культуры эпохи Ренессанса можно продолжать до бесконечности. К итальянским живописцам, скульпторам, архитекторам и поэтам есть основания добавить мастеров в сфере политической науки, таких как Н. Макиавелли, который жил на рубеже XV–XVI вв. и был готов принести обыденную мораль в жертву политическому успеху, или жившего век спустя одного из первых классиков социополитической утопии Т. Кампанеллу. И все это только из числа жителей Италии, практически преимущественно из городов Ломбардии. Правда, несколько позже итальянцев поддержали гуманисты из многих других западноевропейских стран, будь то мастер сатирического гротеска француз Ф. Рабле и его соотечественник философ М. Монтень, язвительный Эразм Роттердамский. Особого слова заслуживают знаменитые живописцы голландской школы с великим Рембрандтом в качестве своего пика, английский гуманист и утопист Т. Мор, а затем и загадочный, но по сей день непревзойденный У. Шекспир, наконец, такие гиганты, как автор бессмертного «Дон Кихота» М. Сервантес.

Ренессанс, представленный перечисленными именами и многими из тех, кто остался вне списка, — это величайший всплеск гениальности во всех сферах жизни. Это триумф мысли, разума, уважения к Человеку с большой буквы, к человеку как свободной личности, к человеку как гражданину — тому самому или, вернее, такому, каким был гражданин в античном мире. И это была не просто дань гуманистов по отношению к людям, не только символ перемены в настроениях и даже в системе ценностей, хотя все это зримо либо незримо присутствовало даже в творениях истово верующих католиков. Ренессанс с точки зрения истории, исторического процесса был чем-то много более глубоким. Вызванный к жизни очень существенными объективно обусловленными переменами в политической ситуации в Европе, в экономике и социальных отношениях, особенно в городах, прежде всего во все той же Ломбардии с ее Флоренцией, где творили многие из гигантов гуманистической идеи, он был своего рода

великим символом обновления. Более того, он был первым шагом и как бы предвестником и на пути к тому, что следовало бы считать неизбежностью. Если идти глубже, он был вызван к жизни вполне определенными интересами.

Говоря об интересах, анализу которых посвящена заключительная глава первой части тома, очень важно подчеркнуть роль формировавшейся в городах позднего Средневековья западноевропейской буржуазии. И в этой связи встает законный вопрос, на который следует дать ответ: что же все-таки Ренессанс — удачная случайность, стечение благоприятных обстоятельств или признание факта исторической неизбежности приоритета рыночно-частнособственнических отношений? Разумеется, тот всплеск гениальности, который никогда и нигде более не повторялся, во всяком случае в таком количестве и качестве за столь незначительный с точки зрения истории срок, — это своего рода великая для всего человечества случайность. Но имела ли эта случайность свои причины, вызвавшие ее к жизни? Безусловно, да. Большой шаг истории вперед от западноевропейского прошлого, все более отчетливо оказывавшегося под пятой церкви с ее постоянно и зримо — особенно после неудач с крестовыми походами — возраставшим мракобесием, был неизбежен. И едва ли кто-нибудь станет в этом сомневаться. Но был ли обязательным столь пышный шлейф, которым сопровождался этот большой, даже великий шаг?

Едва ли могут быть сомнения в том, что истинная причина всплеска гениальности творцов эпохи Возрождения, о котором только что шла речь, сводилась к наиблагоприятнейшему стечению обстоятельств. Резкий упадок авторитета церкви в сочетании с распущенностью и стяжательством ее развращенных высших иерархов как бы раскрепостили давно дремавший в душе наиболее способных мастеров дух свободы, активного внутреннего неповиновения в сочетании с гуманистическим отношением к людям. И хотя все это, вместе взятое, не означало сначала заметного умаления католического христианства как религии, ситуация с положением церкви не могла не сказаться на общем отношении ко всему тому, что было с ним связано. Возникла сумма неких вполне объективных причин, которые не могли не сформировать вполне устойчивое, хотя и далеко не всеми сразу отчетливо осознанное и тем более вслух высказанное стечение обстоятельств. Вот оно-то и послужило истоком того мощного импульса, который в какой-то, даже в весьма определенной степени существовал при римлянах, а затем, уже в латентном состоянии,

в Западной Европе после ее крушения. Этот импульс с его огромной внутренней силой вышел на авансцену вместе с Ренессансом и начал активно влиять на ускорение темпов движения вперед. Именно он, этот неощутимый, но всеми как-то тем не менее ощущавшийся импульс, побудил всех интеллектуалов эпохи внутренне переоценить привычную систему ценностей и в поисках альтернативы обратить внимание на лучшие образцы античности.

Стечение обстоятельств, которое породило феномен Возрождения, было внутренне теснейшим образом связано с тем неизбежным ходом истории, который в наибольшей степени, во всяком случае в то время, проявил себя в росте западноевропейской предбуржуазии. Активизация предбуржуазии Ломбардии как раз и способствовала выходу на передний план того самого сыгравшего колоссальную роль мощного импульса, который имеется в виду. **Все дело в конечном счете в том, что Возрождение как заметный возврат к античности при всем его внешне культурно-гуманистическом аспекте было на самом деле отнюдь не только и даже в общем итоге не столько явлением гуманитарной сферы, сколько фактором, свидетельствующим о выдвижении на передний план рыночно-частнособственнической структуры, на сей раз в ее предбуржуазном облике. Иными словами, Возрождение — как и античность — это прежде всего приоритет именно этой структуры, которая была хорошо знакома в несколько иной форме еще античному миру.**

СТАНОВЛЕНИЕ БУРЖУАЗИИ НА ЗАПАДЕ

Проблемы, связанные с эволюцией рыночно-частнособственнической структуры на Западе с древности и до эпохи Возрождения заслуживают специального и достаточно обстоятельного анализа. Обратимся к нему. Начнем с главного, что было характерным для европейского Запада. Речь пойдет о непростом и достаточно длительном процессе превращения стран Западной Европы в буржуазные. А поскольку этот вопрос основательно запутан марксистскими теориями о смене формаций (там в лучшем случае лишь ставят вопрос о формировании в период, о котором идет речь, так называемого *капиталистического уклада*), возникает острая необходимость разобраться в том, что такое буржуазность как феномен. Мало того, нужно уяснить, как и откуда появилось то, что потом стало воспри-

ниматься как буржуазность или просто капитализм, когда и как этот капитализм появился и каковы были этапы его эволюции. И что, наконец, означают используемые в данной работе сочетания *буржуазный*, равно как и *протобуржуазный* и *предбуржуазный Запад*.

Хорошо известно, что в отечественном обществоведении вот уже едва ли не столетие господствует представление о том, что буржуазное развитие (*капитализм, буржуазный способ производства*) — это, как писал о том в свое время К. Маркс, так называемая *буржуазная формация*, пришедшая в виде совсем нового способа производства на смену старому, феодальному. В рамках подобного рода терминов и процессов были воспитаны как поколения отечественных специалистов, так и все те, кто был вынужден не столько изучать, сколько «сдавать» теорию марксистских формаций на экзаменах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что представление о смене формаций до сих пор доминирует в наших учебниках и потому в немалой степени влияет на умы новых поколений, которые обычно с легкостью воспринимают в общем-то очень несложную идею о формациях, обычно не ставя перед собой задачи вдумываться в суть дела.

Это, в частности, привело к тому, что феодализм, как правило, легко и непринужденно ассоциируется с историческим периодом Средневековья. Причем имеется в виду не только средневековая Западная Европа, где вызванные к жизни длительным временем децентрализации феодальные социополитические отношения действительно были наглядно представлены, но и весь остальной мир того же времени, в котором за редкими исключениями ничего подобного не было. И в то же время реально существовавший феодализм вне Западной Европы и тем более вне Средневековья, например в древнем — чжоуском — Китае, отечественные специалисты обычно просто не хотят воспринимать всерьез, ибо он не вписывается в столь привычную и так удобную для восприятия, тем более для преподавания марксистскую историко-материалистическую схему.

Словом, выработанное полтора века назад Марксом на основе материалов средневековой европейской истории представление о том, что феодальная формация предшествовала буржуазной и что будто бы именно в этом смысл всемирно-исторического процесса, к сожалению, верно служит многим отечественным специалистам по сей день. И все это несмотря на то, что сам Маркс еще в своем XIX веке заметил, что с его гладкой схемой что-то не так, что в нее не вписывается главное — великий **Восток, где не было никаких формаций**, а

вечно господствовал названный им *азиатским* способ производства. Правда, Маркс не придал этому открытию слишком большого значения, справедливо полагая в середине своего XIX века, что подлинная история шла и идет на европейском Западе, тогда как традиционный Восток, что называется, «спит». Поэтому он и не подверг свою схему сколько-нибудь решительной корректировке, чем и поставил своих последователей — а вместе с ними и многие миллионы ни в чем не повинных людей, которые просто привыкли к марксистским схемам, — в очень неловкое положение.

В некотором смысле выход был найден в СССР, где все рассуждения на тему об *азиатском* способе производства сначала надолго были просто запрещены, а затем довольно решительно осуждались властью. В итоге схема формаций (безо всякого *азиатского* способа производства), столь удобная для восприятия, не только уцелела, но и стала, как уже говорилось, непреложной нормой. Более того, стоит повторить, фактически во многих случаях она действует до наших дней. Собственно, именно это существенное обстоятельство заставляет вновь и вновь возвращаться к проблеме марксистского и любого иного объяснения исторического процесса. В частности, это едва ли не в первую очередь очень важно для понимания сути сложного процесса генезиса западноевропейского капитализма.

ПРОТОБУРЖУАЗИЯ В АНТИЧНОСТИ

Если — в отличие от того, что предлагается марксизмом, — считать, как то и было на самом деле, что капитализм возник не в результате смены одной мифической формации на другую, то у специалистов есть все основания считать протобуржуазными отношениями не что иное, как рыночно-частнособственнические связи. Но имеются в виду не хорошо налаженное постоянное производство товаров и торговля ими, в том числе транзитная. В таком случае едва ли не первыми обществами, где такие отношения начали успешно развиваться, можно было бы считать древневосточные государства, начиная с Египта и стран древнего Двуречья. Однако здесь есть маленькое «но», которое заставляет поставить вопрос в несколько иной плоскости. Суть проблемы в том, что возникновение частной собственности — а это было условием необходимого расширения масштабов предпринимательской деятельности — не было делом только самих

собственников. Напротив, с глубокой древности все возраставшее производство товаров и развитие рыночных связей на традиционном Востоке находилось, как правило, под сильным и жестким контролем власти, чиновников.

Институт власти-собственности, полностью господствовавший во всем доантичном и неантичном мире, обычно ставил не имевшего отношения к власти частного собственника в зависимое положение как от системы администрации в целом, так и от ее представителей-чиновников на местах. Такая зависимость была сродни практически ничем не ограниченной коррупции всякого, имеющего власть. И хотя от власть имущих частные собственники постоянно откупались, ухитряясь тем самым сохранять предприятия и рыночные связи, в своих торгово-предпринимательских действиях они, как правило, не имели полной свободы. Тем более они не обладали привилегиями, гарантиями и элементарной поддержкой со стороны государства[1]. Это, естественно, тормозило не только сам процесс производства и торговли, равно как и рыночных отношений, без которых большие восточные сообщества не могли существовать, но и возможности для более или менее быстрой и к тому же успешной эволюции рыночно-частнособственнических отношений, для превращения доходов в капитал, приносящий проценты. Частный собственник на Востоке всегда был не просто зависим от власти. Он был опутан густой сетью различных форм зависимости и, что очень важно, не имел не только гарантий, но и элементарных прав. В любой момент аппарат власти мог экспроприировать ничем формально от этого не защищенного чересчур разбогатевшего собственника и пополнить казну за его счет.

Иное дело — античная структура с ее организованными в рамках полисов самоуправляющимися коллективами граждан. Главным достоянием античного гражданского общества были не только абсолютное и никем никогда не оспаривавшееся право на частную

[1] Бывали и исключения, смысл которых сводился к тому, что в уникальных обстоятельствах власть не слишком энергично контролировала предпринимателей и частных собственников, владельцев торгово-финансовых домов, как то было в халдейском Вавилоне, где существовали даже весьма развитые формы организации наемного труда. Бывали необычные города-государства в Финикии, торговые центры вроде древнейшего Ашшура, где тон задавали все те же частные предприниматели. Но это были именно исключения, которые к тому же в силу многих объективных причин не вели и не могли привести к созданию общества типа античных полисов.

собственность, производство и свободные рыночные связи, но и хорошо разработанная в полисах система гарантий и привилегий. Эта система в свою очередь строго соблюдалась избранной гражданами полиса властью (магистратами) и опиралась на ими же самими изданные и всегда строго соблюдавшиеся законы. Вообще власть в полисах существовала прежде всего и главным образом для того, чтобы сохранять столь элементарную и так важную для граждан структуру. Здесь очень важно обратить внимание на то, что для марксистской схемы, в рамках которой античная формация, предшествовавшая феодальной, ассоциировалась прежде всего с фактом существования в полисах рабства, все фактически именно к рабству и сводилось. И хотя специалисты осторожно обращали внимание на то, что не рабы или во всяком случае отнюдь не только они производили и делали все то, что способствовало процветанию античных полисов, эта важная оговорка редко кем всерьез воспринималась.

Вплоть до сегодняшнего дня очень многие грамотные и образованные люди искренне верят в то, что античный мир прежде всего жестокое рабство. А раз так, то античная древность — это рабовладельческий строй, во главе которого стоит опять же так называемый рабовладельческий класс. Термины подобного типа встречаются сплошь и рядом, вставляются студентами в их незрелые еще самостоятельные работы бездумно, автоматически, даже несмотря на специальные предупреждения лекторов на лекциях. Между тем все тот же Маркс, который намного обошел в этом смысле своих бездумных последователей, часто обращал внимание не столько на *рабовладельческий строй* Античности, сколько на *поголовное рабство* на Востоке, когда каждый нижестоящий в сложной иерархической структуре, венчаемой всевластным правителем, был истинным рабом вышестоящего. Причем рабом в полном смысле этого слова, включая и соответствующую привитую ему веками психологию. Ведь на Востоке хозяин, т.е. вышестоящий, всегда имел в сложившейся системе отношений неписанное, но никем не оспаривавшееся право как высокомерно похвалить своего подчиненного (раба) за верность, так и столь же элементарно казнить его за провинность, что многократно и происходило в жизни. К слову, все знакомые с событиями времен Ивана Грозного могут легко представить себе, как это происходило в реальности в нашей стране, которая в этом, да и во многих других отношениях, долгое время принадлежала гораздо более к Востоку, чем к Западу.

Это, разумеется, отнюдь не означает, что на всем Востоке и всегда было нечто, что мы так хорошо знаем из собственной истории. Но вопрос стоит иначе. Где больше рабства и где оно страшнее? Там, где рабы все, или там, где наряду с большинством населения, полноправными гражданами, которые сами осуществляют власть (в этом, к слову, начала демократии), есть и бесправные, с которыми в общем-то обращаются не всегда плохо, которым подчас дают волю, что дает возможность вольноотпущенникам — коль скоро они того захотят и сумеют добиться — стать если и не полноправными гражданами, то во всяком случае **полностью защищенными законом предпринимателями или торговцами в том же полисе. Поэтому-то античный мир — это не рабовладельческая формация**, как ее любят именовать специалисты по отечественному так называемому истмату (историческому материализму — теперь это название уже не употребляется, хотя специалисты отнюдь не вывелись). Античность — это условия для расцвета знания, для активного стремления к модернизации в сфере науки и техники. Она, по М. Веберу, едва ли не наивысшее проявление того самого идеального типа рациональности, который со временем стал основой развитого капитализма. Античность — это право на превращение дохода в капитал с практической возможностью поступать таким образом, на страже реализации которого стоит строгий и всеми соблюдаемый закон. **Поэтому она может и более того, должна считаться эпохой зарождения капитализма, этапом протобуржуазных отношений.**

И это отнюдь не открытие. Весь XIX век это уже считалось почти аксиомой для специалистов, не имеющих отношения к марксизму. О том писали, в частности, такие крупные и всемирно известные знатоки древности, как Эд. Мейер, М. И. Ростовцев и некоторые другие. И ныне восприятие развитых античных (или в чем-то сходных с ними финикийских и даже вавилонских времен халдеев) торгово-предпринимательских, а то и финансово-кредитных организаций в качестве чего-то близкого по многим основным параметрам к капитализму, пусть тогда еще находившемуся в своей самой ранней фазе эволюции, остается аксиомой. Просто об этом уже устали писать. Аксиома не нуждается в частых пояснениях и тем более доказательствах.

Особенно наглядно система давно возникших и уже вполне развившихся протобуржуазных отношений проявила себя тогда, когда на смену полисам в процессе *синойкизма* пришли большие древнегреческие города. Вообще сам термин *буржуа*, если уж на то пошло,

в переводе с французского означает *горожанин, житель города* (не стоит путать с античным юридическим понятием **гражданин**). Античные города с огромным количеством филиалов-колоний, а затем целые империи, сперва эллинистические, основанные Александром Македонским, а потом Римская, были не просто крупными агломерациями с хорошо разработанной городской инфраструктурой и порой великолепной архитектурой. Гораздо важнее то, что они были средоточием высокоразвитого производства, причем не только мелкого ремесла. В них имелись большие верфи, на которых строились многочисленные морские суда, они были знакомы с крупномасштабной строительной индустрией и оказывались способными производить немалое количество пусть еще примитивной, но всем очень нужной техники, различных, порой весьма хитроумных механизмов. Развитой была и финансово-экономическая система, на которую опирались в эллинского типа городах, символах **мирового города**, производство и крупномасштабная торговля.

Вот почему многие века существования этих городов в рамках огромных эллинистических и римских государственных образований можно считать периодом процветания рыночно-частнособственнических отношений именно **буржуазного**, пусть в его еще **ранней протобуржуазной форме**, хозяйства. Важно добавить к сказанному, что в эпоху эллинизма и на Римском Востоке такие же отношения появились в затронутых влиянием античности древних ближневосточных странах эпохи эллинизма. Правда, нужно оговориться, что на Востоке при этом сохранялись, особенно в пределах обширной хоры, также и нормы, характерные для традиционных восточных структур.

Не вдаваясь в детали, есть основания заметить, что расцвет рыночно-частнособственнических отношений, находившихся под покровительством властей и защищенных законами, правами и гарантиями, а иногда и системой привилегий, — это и есть протобуржуазная структура. Иными словами, это ранний капитализм, никак не связанный с феодализмом и вовсе не вызревавший в его недрах, как то подразумевается в марксистской теории формаций. Сравнительно слабо и ненадолго затронув ближневосточную древность (хотя при этом все же не стоит забывать о таких великих центрах, как Вавилон), протокапитализм был характерен прежде всего для античного мира и в немалой мере представлял собой, в отличие от традиционного Востока (**мировая деревня**), его главную сущность.

ПРЕДБУРЖУАЗИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Античная и даже эллинистическо-римская протобуржуазная структура на территории Ближнего Востока была — с точки зрения эволюции буржуазных отношений — уже достаточно развитой. Но прошли еще долгие века, прежде чем она превратилась в гораздо более продвинутую систему предбуржуазных общностей западноевропейского Средневековья. Века эти были связаны с крушением Западной Римской империи, ориентализацией с помощью ислама эллинистическо-римского наследия на том же Ближнем Востоке и очень медленным процессом вызревания на территории Западной Европы новых сперва варварских, а затем и вполне цивилизованных и христианизованных королевств. Именно в рамках этих королевств и прежде всего в ряде наиболее развитых их регионов, будь то итальянская Ломбардия либо, позже, северогерманская Ганза, возникли в специфических условиях привычно децентрализованной феодальной социополитической системы независимые города. Эти города обычно специализировались на развитии производства тех либо иных товаров в промышленном масштабе и на непременном сочетании успешного предпринимательства с процветающей торговлей, часто транзитной и богато оснащенной собственными средствами передвижения, прежде всего торговым флотом.

Города, о которых идет речь, — это, в сущности, выросшие и окрепшие наследники древнегреческих полисов и римских центров торговой активности. С самого начала важно подчеркнуть, что речь идет именно о городах античного типа, принципиально отличавшихся от процветавших городов Востока. Ведь суть города в том смысле, который нас сейчас интересует, не в количестве и красоте храмовых и дворцовых зданий, не в богатстве городских усадеб, даже не в роскоши общественных зданий, начиная с рыночных площадей и кончая системой дорог либо городской стражи. Суть их в возможности для развития и степени защищенности всех тех частнопредпринимательских и рыночно-частнособственнических связей, о которых ужс говорилось. И в этом смысле положение обычных раннесредневековых городских центров Западной Европы вначале было не слишком завидным. На них наседали все еще бродившие по Европе не осевшие на землю полукочевые варварские племена. Они подвергались разбойным нападениям. С них пытались драть три шкуры феодалы, которым короли в ту

эпоху вынужденно раздавали права владения на те либо иные территории. Отнюдь не гладко шла и торговля, ибо помимо множества таможен между феодальными владениями торговые караваны то и дело подвергались элементарному грабежу со стороны разбойных шаек, в том числе и лихих викингов, долго державших в страхе всю Европу.

Но времена постепенно менялись. Европа успокаивалась, полукочевые племена оседали на землю, земельные отношения и торговые связи понемногу упорядочивались, и даже викинги постепенно утихомиривались. Неудивительно, что в этих новых условиях создавались гораздо более благоприятные возможности для городов, унаследовавших многие принципы жизни античных городских центров. Речь идет в первую очередь и главным образом о принципах внутренней автономии и о тех правах и гарантиях, без которых рыночно-частнособственнические отношения не могут нормально существовать и энергично развиваться. А поскольку в западноевропейских городах не существовало традиционной восточной традиции жесткого контроля администрации за жизнью каждого города и даже каждого горожанина, то это важное обстоятельство сыграло им на руку. Оно дало возможность буквально ожить многим из них и по крайней мере части их превратиться в развитые и богатые центры товарного производства и энергичной торговли.

Правда, это было не просто. Городам приходилось не только откупаться от наседавших на них феодалов, но и, пользуясь покровительством королей, стремившихся к укреплению своих политических позиций и довольных сокращением всевластия их феодальных вассалов, буквально завоевывать себе права и привилегии, позволявшие им активно развиваться. Крупнейшие из них имели чуть ли не свои армии, позволявшие им успешно отстаивать свое существование. Многие из такого рода городов, особенно в Ломбардии, являли собой вместе с окружавшей их территорией самостоятельные государства, нередко республиканского типа (хотя подчас и с правителями явно деспотического нрава). Другие, как чуть позже сформировавшаяся Ганза, были союзом городов, завоевавших себе права и привилегии. Именно то, что было завоевано этими городами и что тем самым способствовало их дальнейшему и достаточно скорому и успешному развитию, превращало их в весьма развитые предбуржуазные, раннекапиталистические структуры.

Западноевропейские средневековые и тем более позднесредневековые структуры такого типа кое в чем отличались как от своих

более ранних античных предшественников, так и тем более от постантичных византийских, постепенно ориентализировавшихся и обраставших чиновниками, которые по восточному стандарту пытались от имени императора и аппарата власти контролировать городскую жизнь. Принципиальным отличием была не столько полная независимость западноевропейских городов при отсутствии в них к тому же несвободного населения, сколько строгая цеховая система организации производителей, стоявшая на страже их прав, гарантий и привилегий. Западноевропейские города и их союзы не были похожи на раннеантичные полисы с полным собственным самоуправлением. Власть в них, как упоминалось, была другой. Но какой бы она ни была, система цехов и вообще внутренней организации горожан, т.е. буржуа, пусть даже вначале лишь предбуржуа, была весьма сильной и эффективной. Это было, как и в Античности, своего рода гражданское общество, даже в условиях далеко не всегда демократической власти. И наличие такого общества, надежно обеспечивавшего свои законные права, гарантии и привилегии, как раз и превращало городскую структуру в предбуржуазную. Стоит при этом заметить, что такая структура в общем и целом была приемлемой не только для королевской власти, но и для тех владетельных феодалов или всесильных правителей-деспотов в городах, которые жили за счет процветания города и потому никак не препятствовали сохранению всех тех прав и условий, которые были необходимы для этого процветания.

Ничего похожего вне Западной Европы в те времена еще не было. Правда, были города и даже нечто вроде городских республик на окраинах Западной Европы. Эти города черпали свою силу и свое право на самоуправление от связей с западноевропейскими партнерами. Наиболее известен в этом смысле Великий Новгород, который был связан с Ганзой и являлся важным пунктом в международной торговле, получившей наименование *из варяг в греки*. Однако новгородские вольности мешали русским царям, заинтересованным не в торговле варягов с греками, а в создании с помощью силы единого государства. Результат известен: при Иване Грозном Новгород как часть формировавшейся предбуржуазной Европы был уничтожен.

Предбуржуазная Западная Европа, представленная, к слову, отнюдь не всеми городами субконтинента, в котором немалая часть городов была еще под жесткой властью королей либо всесильных феодальных властителей, достаточно долго ждала своего часа, чтобы попытаться вздохнуть полной грудью. И это время стало наступать

уже в эпоху Возрождения, которая открыла перед всем миром, но в первую очередь и главным образом перед все той же Западной Европой широкий спектр возможностей для быстрого и успешного развития. Не все города и страны Западной Европы в силу разных причин сумели сразу же воспользоваться благоприятными возможностями. Но те, что сумели добиться наибольшего эффекта, как раз и заложили фундамент западноевропейского капитализма.

Таким образом, капитализм, т.е. период формирования и выхода на передний план в Европе развитой рыночно-частнособственнической структуры, не был обязан своим появлением преодолению феодализма как некой формации. Другое дело, что выход на авансцену позднесредневековой Западной Европы буржуазной рыночно-частнособственнической структуры способствовал укреплению центральной власти и авторитаризма королей, что косвенно влияло и на процесс дефеодализации. А это в свою очередь вело к ослаблению **феодализма как социополитической системы**, что облегчило уход этой системы отношений в прошлое, правда не везде достаточно быстро и решительно. Словом, дефеодализация как сопутствовавший упрочению буржуазных отношений процесс была результатом прежде всего усилий городского населения Западной Европы. Именно буржуазия наиболее резко выступала против феодалов — это бесспорный исторический факт. Но из него никак не следует тот привычный для отечественной историографии на протяжении едва ли не всего XX века вывод, что капитализм как некая формация чуть ли не гармонично, как нечто само собой разумеющееся, пришел в Европе просто на смену другой формации, феодальной.

Все это очень важно принять во внимание, дабы уяснить, что **не некая в реальности не существовавшая феодальная формация своей гибелью породила капитализм.** Все было совсем не так. Не феодализм, а только и именно предбуржуазная рыночно-частнособственническая структура, которая преобладала во многих западноевропейских городах и была там защищена системой правовых норм, стала истинной корневой системой, взрастившей капитализм. **Что же касается генезиса этой корневой системы, то она восходит к античному миру с его правами, нормами жизни и принципами организации общества и государства.** Таким образом, этот мир был логичным предшественником и законным предком сначала предбуржуазии в средневековых европейских городах, а затем и всей буржуазной структуры Запада. Феодализм же как

явление, уходившее корнями в принцип децентрализованной редистрибуции, был лишь весомым фактором в сфере политических, социальных и экономических отношений. Он вынужденно сосуществовал как с восточной структурой власти-собственности, что, в частности, было свойственно начальному этапу формирования западноевропейских королевств, так и с быстрыми темпами выходившей на авансцену истории предбуржуазной и буржуазной рыночно-частнособственнической структурой.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА И ПРОСЧЕТ МАРКСА

Итак, Ренессанс, т.е. великая эпоха духовного обновления, в буквальном смысле слова не только возродил многие нормы Античности с ее явным приоритетом рыночно-частнособственической структуры, но и тем самым создал условия для торжества капитализма. Иными словами, капитализм, основы которого были заложены только в условиях Запада, причем на тех базовых принципах, что были свойственны именно ему и принципиально противостояли структуре традиционного Востока, обязан своим появлением в форме высокоразвитых буржуазных отношений эпохе Возрождения. **Эта эпоха, сама не подозревая о том, широко распахнула двери для наступления в Западной Европе новой эры существования.** Но широко распахнутые двери были лишь началом, открывшимся свободным ходом, первым этапом и толчком в сложном процессе формирования того полноценного высокоразвитого капитализма, который за исторически кратчайший срок радикально изменил мир. Вторым важнейшим этапом в процессе торжества капитализма была религиозная Реформации.

Надо с самого начала иметь в виду, что Реформация вообще-то имела очень слабый контакт — если он вообще был — с событиями, вызванными к жизни мощным потоком гуманистического Возрождения. Если уж на то пошло, то прямой связи между этими важнейшими событиями практически не было вовсе. Они шли параллельно-последовательным курсом, причем второй этап, Реформация, начался тогда, когда первый уже был близок к завершению. Однако при всем том косвенные связи между обоими событиями, разумеется, существовали. Они сводились прежде всего к тому, что объективно Реформация была, опять-таки вне зависимости от того, насколько

это реально осознавали те, кто стоял у истоков религиозного бунта, не менее, но даже в некотором смысле гораздо более тесно связана с выполнением великой исторической миссии выдвижения на передний план буржуазии. Ведь именно протестантизм, решительно реформировав западное христианство, дал свой, причем гораздо более сильный, чем то было сделано эпохой Возрождения, толчок, который способствовал рождению быстрых и все ускорявшихся темпов развития буржуазных отношений. Он сыграл также едва ли не решающую роль в ускорении процесса дефеодализации, который ознаменовал прощание европейского Запада с прошлым. И здесь существенно сделать некоторое важное отступление для того, чтобы обстоятельней разобраться в теоретической основе проблемы генезиса капитализма. Это важно потому, что в отечественной традиции, воспитанной на марксизме, многое воспринимается не вполне адекватно тому, как реально шел исторический процесс в те времена, когда Ренессанс и Реформация открывали двери для энергичного развития и торжества западноевропейского капитализма.

К. Маркс в главном труде своей жизни на примере ряда европейских стран и прежде всего Англии попытался реконструировать свое понимание процесса генезиса капитализма. Истоки современного капитализма он в основном сводил к так называемому первоначальному накоплению капитала. В его интерпретации капитализм как формация был порочен с самого своего появления на свет в позднесредневековой Европе в немалой степени именно потому, что возникал на основе погони за прибылью любой ценой и соответственно беззастенчивой эксплуатации работавшего на него пролетариата. Древнеримское понятие *пролетариат* воспринималось им как совокупность производителей, оторванных (насильственно либо в результате объективно создавшихся условий) от средств производства, в первую очередь от земли и сельского хозяйства.

Нет слов, и прибыль для капитала всегда была жизненно важна, и рабочие в период, о котором идет речь, были в основном вчерашними крестьянами. И работали они на мануфактурах, постепенно превращавшихся в предприятия, оснащенные более производительной техникой, в тяжелых условиях и порой очень много часов в день. Однако нет никакого смысла доказывать, что рабочие были все-таки свободными людьми, а тяжелые условия труда во многом диктовались объективными возможностями. Одни нанимались, другие увольнялись. Без рабочих предприятие существовать не могло, так что его нормальное функционирование зависело в конечном счете от

согласия договаривающихся сторон, работодателя и рабочих. И владельцы предприятия, заботясь о прибыли, не забывали о том, чтобы обеспечить трудившимся на предприятии максимум возможного для того, чтобы они в условиях преобладающего тяжелого и чаще всего ручного труда соглашались работать.

Маркс не случайно в своих построениях и особенно обличениях опирался в основном на материалы из истории Англии XVI века, когда традиционный упор в хозяйстве этой страны на разведение овец, продажу шерсти и вначале весьма грубо выделанного сукна достиг своей высшей точки. В Англии шел процесс так называемого *огораживания*, сводившегося к увеличению пастбищ и уменьшению пахотной земли. Результатом были разорение многих крестьянских хозяйств и появление в стране нищих и бродяг, т.е. *пауперов*, согласных на любую работу. «Овцы съели людей», — писал Томас Мор. Несмотря на то, что правители страны из династии Тюдоров всячески препятствовали этому процессу, ибо казна лишалась ее законных налоговых поступлений, процесс *раскрестьянивания* шел почти весь XVI век, порой сопровождаясь крестьянскими восстаниями. Вел ли он к первоначальному накоплению? Безусловно, да. Было ли это бедствием для людей? Вне всякого сомнения. И так продолжалось немало десятилетий. Лишь в конце все того же XVI и уж во всяком случае в начале XVII века почти все, связанное с огораживанием, ушло в прошлое. Зато благодаря огораживанию Англия получила возможность резко ускорить темпы капиталистического развития и выйти в число передовых стран мира.

Здесь очень важно обратить внимание и на то, что задолго до пароксизмов огораживания в Англии уже сложились основы предбуржуазных отношений. Капитализм как феномен был хорошо знаком английским горожанам, да и сельским хозяевам. И это при всем том, что Англия — в отличие, скажем, от ее основного соперника Нидерландов — была в основном деревенской страной. Городов в ней было немного; число городских жителей за XVI век возросло, по некоторым подсчетам, с 10 примерно до 20%, тогда как в Нидерландах городское население в то время преобладало. Это соотношение многое объясняет: у Англии не было иного выхода догнать и обогнать промышленно развитые Нидерланды, кроме как тем единственным способом, который издавна приносил ей немалую прибыль. И существенно иметь в виду, что англичане вполне осознанно шли по ускоренному пути развития буржуазных отношений. Более того, другого пути у них в сложившихся обстоятельствах просто не было.

Едва ли следует по этому поводу морализировать. Картина и без того достаточно ясна. Проблема лишь в том, насколько объективно в созданной Марксом ее интерпретации отражены реалии стран, в которых шло или по крайней мере могло, даже должно было идти так называемое первоначальное накопление. Везде ли оно было нужно, всегда ли оно принимало такую жестокую и с таким сладострастием разоблаченную врагом капитализма форму, как то было в Англии? Чтобы ответить на эти и некоторые другие вопросы, связанные с проблемой генезиса развитого капитализма, обратим внимание на другую страну, история которой весьма показательна с интересующей нас точки зрения. Речь пойдет об Испании.

В том же XVI веке испанцы вывезли из Мезоамерики огромные богатства. Десятки кораблей, доверху наполненных золотом и серебром, несказанно обогатили эту страну. Казалось бы — вот оно, первоначальное накопление. Ведь в конечном счете имелось в виду не только и не столько наличие *раскрестьяненных* кандидатов в марксистские пролетарии. Нельзя же всерьез считать ими американских индейцев, лишавшихся не только своей земли, но в большинстве случаев и вообще условий для привычного нормального существования и в немалом числе вымиравших в процессе испанской конкисты. Главным все-таки у того же Маркса был капитал, накопленный в ходе постулированного им *первоначального накопления*, полученного в результате либо *раскрестьянивания*, либо ограбления. Так ведь? И именно этот капитал, а точнее богатство, которое **можно было бы, как то вытекает из конструкции Маркса,** превратить в капитал, у испанцев был, да еще в каком количестве!

Казалось бы, дело оставалось за малым — используй горы золота для того, чтобы наладить капиталистическое производство. Только захоти — и все пойдет как по маслу. Но американское золото, как хорошо известно, не принесло испанцам ничего, кроме неприятностей. Так почему же Испания не развивала капиталистические отношения? Ведь она не была вовсе чуждой предбуржуазным западноевропейским традициям, более всего проявившимся в ее развитом мореплавании и стремлении к получению выгод от транзитной торговли с дальними странами (откуда и начинается вся история с Колумбом, его экспедицией и открытием Нового Света). Видимо, важен был не капитал как деньги, каким-то образом первоначально накопленные, а институты того общества, у которого есть большие доходы.

Ни в XIX веке, ни позже, насколько известно, Марксу не было принято бросать упреки по поводу того, что он рассуждал только о первоначальном накоплении в Англии и практически игнорировал Испанию. А ведь он не мог не видеть Испанию с ее баснословными доходами. Однако эта страна с ее награбленными деньгами, как и парламентские институты Британии, только мешала стройности его теории, которая исходила из того, что главное — производство, а система институтов, способствующих либо мешающих ему, — это второстепенная *надстройка*, обязанная подстраиваться под *базис*, производственные отношения. Между тем сопоставление Англии и Испании позволяет сделать вывод, что успехи в развитии капитализма зависели не от исходного богатства (первоначального накопления) и тем более не от наличия кандидатов в пролетарии. Главное было в том, что в одних странах преобладающими оказались одни институты и, понятно, соответствующие им приоритеты, а в других совсем иные. И здесь снова встает вопрос, что первично и что определяет поведение людей прежде всего, или, выражаясь марксистскими терминами, что именно следует считать базисом, основой, фундаментом, а что надстройкой.

Для преданных марксистской идее (обратим внимание: и здесь на самом деле первична идея, именно она, а вовсе не производство оказалась своего рода *базисом* для большевистского эксперимента; вся история СССР в XX веке с уверенностью в необходимости воплотить в жизнь **некую идею** тоже убедительное этому доказательство) нет сомнений в том, что в фундаменте лежит, тем не менее, как учил Маркс, нечто материальное, производство. Нет слов, без этого, без производства, не проживешь, а для развития его в процессе генезиса капитализма нужны средства, что Маркс и называл *первоначальным накоплением*. Но если так, то почему в некоторых случаях с этим делом, с деньгами, было все в порядке (не только в Испании XVI в., но и в России XXI-го), но они не сыграли своей важной генерирующей роли? Или, возвращаясь к проблеме генезиса капитализма, почему нищая Англия шла на то, чтобы разорить деревню и пустить по миру своих крестьян, лишь бы развить в условиях давно формировавшейся там либеральной демократии с парламентом в качестве ее основы развитые антично-буржуазные по характеру рыночно-частнособственнические отношения, а Испания об этом не думала? Почему богатая Испания в то же самое время и примерно в тех же объективных обстоятельствах не знала, как с толком употребить сва-

лившееся на нее богатство? И это при всем том, что именно Испания была в первых рядах тех, кто искал морской путь на Восток и совершал для этого Великие географические открытия. Иными словами, в Испании тоже существовал некий объективный импульс, который мог и должен был бы вести страну к проблеме развития рыночно-частнособственнических отношений. Мог вести к ускорению темпов эволюции, но на деле ничего такого не делал. Почему? Потому, что минимального комплекса необходимых для этого восходящих к античности институтов у нее почти не было. Во всяком случае с Англией или Голландией она тягаться не могла, да и не собиралась.

Это интригующее само по себе обстоятельство обычно не принимается всерьез во внимание, более того, совершенно игнорируется отечественными обществоведами. Никто, как правило, не сопоставляет Англию и Испанию, хотя это вполне заслуживает внимания. А все дело в том, что стремление к капитализму или подчеркнутое равнодушие к нему объясняется вовсе не наличием или отсутствием *первоначального накопления*, вообще средств в той или иной стране, даже не степенью ее развития. Все считавшиеся марксизмом первостепенными (*базисными*) социально-экономические отношения, как выясняется, не первостепенны. Главным и действительно наиважнейшим для Испании, в отличие от Англии, стала проблема того, как потратить неожиданно свалившееся на нее награбленное богатство. Нужно ли и стоит ли вкладываться в производство, ведя до предела аскетический образ жизни, дабы затем разбогатеть, или проще с удовольствием потратить то, что с такой щедростью подарила судьба. Иными словами, все упиралось в итоге как в систему отсутствовавших в Испании, но могущих способствовать генезису капитализма институтов, так и в элементарную генеральную идею: не проще ли все со смаком прожить? Идея в сложившихся обстоятельствах, естественно, и вышла победителем.

В Западной Европе XVI и ряда последующих веков проблема приоритета той либо иной системы господствующих институтов и идей была напрямую связана с религией, которая и формулировала в конечном счете содержание всей системы сложившихся или не сложившихся духовно-интеллектуальных ценностей, которые способствовали либо препятствовали процессу генезиса капитализма. Иными словами, все в конечном итоге восходило к влиянию на общество той или иной идеологической системы, точнее, того идейно-институционального фундамента, опираясь на который общество

воспринимало и ориентировало свои потребности и деятельность, которая призвана была вызвать к жизни методы, активизировавшие необходимую для этого политику. Вот здесь мы и подходим вплотную к проблеме Реформации и к той великой роли, которую сыграл идейно-институциональный фундамент, а более конкретно протестантский вариант развитого христианства. Ведь в итоге все же идеи оказались решающим фактором в укреплении и тем более преобладании в той либо иной (вначале лишь западноевропейской) стране предбуржуазного или уже практически вполне буржуазного рыночно-частнособственнического импульса, направленного на убыстрение темпов развития капитализма.

СУТЬ И СМЫСЛ РЕФОРМАЦИИ

Истоки движения, впоследствии превратившегося в резкую церковную Реформацию, восходят к XIV веку, т.е. могут считаться практически одновременными с первыми проблесками Ренессанса. Однако стоит сразу же обратить внимание на то, что оба движения далеко не однозначны, особенно для всесильной церкви, бдительно следившей за состоянием дел в сфере идей, особенно религиозных. Все началось с того, что после неудач с крестовыми походами и начала жестокого преследования еретиков сама церковь оказалась в состоянии жестокого кризиса, а то и просто развала. Шел очень заметный процесс деградации католицизма. Стяжательство и тесно связанная с ним продажность привели к распущенности в нравах среди высших иерархов, не исключая и самих *понтификов*, что стало достаточно известным. На свет стали появляться то два, а то и сразу три понтифика, ожесточенно боровшихся друг с другом за власть. Это, как и множество иных причин, привело к упадку влияния католической церкви, пытавшейся восстановить свой престиж насилием, охотой за еретиками, инквизицией. Столь жалкое состояние высшей церковной иерархии вызвало резкие протесты. Уже в XIV веке в разных странах появились открытые выступления не убоявшихся суровой казни *еретиков*. В двух отдаленных друг от друга государствах, в Англии и чуть позже в Чехии, этот протест принял форму очень резкого выступления против католической церкви и ее продажных высших иерархов.

Наиболее заметными среди первых жестких критиков уже не *схизмы* (развала церкви) как таковой, а разложившихся иерархов

стали труды и активные публичные выступления знаменитого английского теолога Д. Уиклифа (род. между 1330 и 1340, ум. в 1384) и воспринявшего многие его идеи профессора Пражского университета Яна Гуса (1371–1415). Каждого из них активно поддержали достаточно заметные, даже массовые народные движения, в которых собственно религиозные мотивы органически сочетались с некоторыми другими, в частности социальными в Англии либо национально-патриотическими в Чехии. При этом очень важно заметить, что число сторонников этих движений в Англии и в Чехии было несопоставимо. И отнюдь не случайно в Чехии уже после казни Гуса ширившееся в стране патриотическое движение, массовые гуситские войны, во главе которых оказался талантливый полководец Ян Жижка, длилось несколько долгих десятилетий. В Англии же оно (имеются в виду поддерживавшие Уиклифа *лолларды*) сошло со сцены в том же XIV веке в считанные годы. И в то же время то, что начал в Англии Уиклиф, оказалось с точки зрения успехов будущей Реформации гораздо более значимым. Почему же? Что сыграло здесь свою роль?

В Чехии, несмотря на всю мощь патриотического движения, успешно и активно просуществовавшего свыше столетия, стечение обстоятельств было не в пользу бунтующего народа и его настроенных против продажных иерархов лидеров. И Гус, и Жижка, и их последователи не сумели избавиться от жесткого давления со стороны австрийских Габсбургов, тесно связанных с Римом и получавших от него, в первую очередь через крайне активно действовавших иезуитов, важную для них поддержку. Совсем иная обстановка сложилась в Англии, где со времен Уиклифа Рим и его продажных иерархов не очень-то жаловали. Это помогло Уиклифу избежать казни и более того, заложить солидную основу для сравнительно легкого отказа от католицизма в пользу протестантизма в первые же годы после выступления Лютера с изложением сущности этого учения. В эти годы, уже много позже Уиклифа, в Англии правил Генрих VIII, нелады которого с Римом привели к тому, что протестантизм, закономерно воспринимавшийся прежде всего как противостояние прогнившему католицизму, в этой стране очень легко одержал победу.

Так в чем же смысл церковной реформы и как она помогла расцвету капитализма на Западе? В чем суть Реформации? Почему она сумела дать некоторым из западноевропейских стран столь мощный толчок вперед? Кто, как и когда выдвинул и разработал основные ее идеи? Какие страны и почему именно они восприняли эти идеи? Все

это в общем-то хорошо известно. Остановимся, тем не менее, на самом главном. 31 октября 1517 г. Мартин Лютер, монах из ордена августинцев и профессор немецкого университета в Виттенберге, вывесил на двери городского собора текст с изложением своих знаменитых 95 тезисов. В них католицизм был подвергнут резкой критике. Суть ее сводилась к резкой критике претензий Римского папы на абсолютную власть и непогрешимость, к требованию отстранить всю католическую иерархию от ее главной позиции быть посредниками между Человеком и Богом. Лютер требовал от церкви отказа от ее давно устоявшейся пышной обрядности с многочисленными праздниками и привычкой слишком активно вмешиваться в мирские дела.

Смысл тезисов лютеранства был прежде всего в том, что возрожденная эпохой Ренессанса свобода, которую обрели люди, прежде всего бюргеры (буржуа), должна привести к тому, чтобы каждый был вправе сам, без посредника, обращаться к Богу. Не молитвы, а твердая внутренняя вера откроет любому путь к спасению. Именно искренняя вера, сопровождаемая самоконтролем и чистотой помыслов, может привести к достижению высокой богоугодной цели. Такая вера способна вызвать у каждого строго контролируемую свободу, ограниченную суровыми и сознательно возложенными им на себя нравственными принципами. Служители обновленной церкви, пасторы, должны быть освобождены от принципа целибата и пышных католических мантий. В свободное от церковных дел время они вправе вести себя как обычные граждане. Лютеранство выступило за секуляризацию церковного и монашеского имущества и против культа святых и апостолов, икон и статуй. Отрицая веками сложившееся католическое предание, оно признавало только Святую Троицу и Священное Писание, т.е. Библию, переведенную на родной для каждого верующего язык.

Лютер — об этом следует сразу же предупредить читателя — отнюдь не был идеологом буржуазии. Его идеи не представляли собой напрямую отражения чаяний какого-либо социального слоя, в частности сословия горожан, бюргеров, буржуа. Всей своей интеллектуальной мощью реформатора он выступал лишь против отжившей свое политики иерархов католической церкви. Эта политика находила выражение в стяжательстве, откровенных злоупотреблениях, наглом лихоимстве, склонности к безделью и, едва ли не главное, в требовании оплаченного прихожанами посредничества между людьми и Богом. Главное, чего хотел признанный вождь церковной реформы,

заключалось в том, чтобы сделать Человека, которого столь высоко вознесли гуманисты Ренессанса, самого ответственным за свои дела и прежде всего за свое понимание Бога и обязанностей по отношению к нему. Но при этом всем пафосом своих обличений учение Лютера активно стимулировало движение передовой буржуазной части Западной Европы, вкусившей плоды Возрождения, к новой системе взглядов, отражавших ее потребности. Лютер родил новую, принципиально новую и великую идею. Эта идея носилась в воздухе. Она в той либо иной более узкой, ограниченной и осторожной форме уже высказывалась до него. Но именно он сформулировал ее наиболее полно, четко, смело и всесторонне. Его дело, как то было характерным для многих родоначальников великих идей, заключалось в том, чтобы дать толчок для последующей работы мысли в том же направлении и заложить основу для попыток реализации реформы.

Итак, в основе была хорошо продуманная и умело сформулированная идея. Она привлекла к себе внимание людей, ощущавших необходимость не только и даже не столько в реформировании церкви с ее религиозными нормами и догмами, сколько в том, чтобы освободиться, наконец, от ее навязчивой вездесущности. Мало того, буржуазии нужна была идея, суть которой сводилась бы к самостоятельности в реализации мирских дел, в принципе соответствующих Божьему промыслу. И в этом смысле предложенное Лютером конкретное реформирование всей системы религиозных отправлений было для нее более чем подходящим. Занявшие место священников с их молитвами и ритуалами протестантские пасторы оказывали лишь необходимую помощь, руководили собраниями верующих и совершали отдельные обряды, такие как крещение, конфирмация, обряд причащения и немногие другие, связанные, например, с браком либо разводом. При этом весьма существенно, что сами общины прихожан избирали церковные советы, которые вместе с ними выбирали и приглашали к себе пастора-проповедника.

В годы жизни Лютера уже получило широкое распространение великое изобретение Иоганна Гуттенберга, благодаря которому Лютер смог не только большими тиражами печатать свои прокламации и целые памфлеты, но и украшать стены немецких храмов соответствующими гравюрами. Это повышало популярность лютеранства, способствуя его распространению и популяризации среди широких слоев городского и сельского населения. Но, пожалуй, самое главное то, что не только Германия, возбужденная крестьянскими религиоз-

ными движениями, оказалась готовой к Реформации. Из Германии лютеранство проникло в Швейцарию, где вслед за Ульрихом Цвингли наибольшую популярность обрел мигрировавший в Женеву французский богослов Жан Кальвин.

Концепция Кальвина сводилась к подчеркиванию зависимости человека от Бога и соответственно к увеличению роли предопределения в жизни людей. Бог судит, кому он предоставит спасение и вечное блаженство, а кому — погибель в аду. Однако жесткость принципа предопределения смягчалась и более того, практически аннулировалась тем, что самому человеку неведомо уготованное именно ему будущее. **Он мог и даже должен был делать все, дабы преуспеть в жизни и тем самым реализовать свои возможности и добиться спасения, т.е. предопределенной ему в посмертном будущем лучшей доли. Подчиняясь воле Господа, все обязаны были стремиться к успеху, ибо именно это является доказательством их избранности. Доверяя свою судьбу Богу, человек обретает уверенность в достижении цели. Иными словами, всеми силами стремясь в земной жизни к достижению поставленной им цели, смертный доказывает Богу, что он достоин высшего блаженства.**

В Швейцарии, где феодальные отношения на раннем этапе становления государственности лишь едва давали о себе знать, а предбуржуазная предпринимательская деятельность давно уже была в почете, Кальвин и его идеи были восприняты с воодушевлением. Они трактовались таким образом, что любой экономический успех буржуазного предпринимателя был свидетельством избранности его Богом. Поэтому неудивительно, что позиции Кальвина стали неколебимыми. Это придало кальвинизму немалую силу, причем не столько церковно-религиозную, сколько политическую, к чему, скажем сразу, Лютер никогда не стремился.

Вся жизнь населения Женевы была перестроена в соотвстствии с кальвинизмом. Общины верующих избирали своего пресвитера (церковного старосту) и приглашали для богослужений проповедника-пастора, сведущего в теологии и знающего Священное Писание. Богослужение ограничивалось немногословными проповедями, пением псалмов и краткими молитвами. В целом именно кальвинизм оказался едва ли не оптимальным вариантом протестантизма. Он начал быстро распространяться из Швейцарии в соседние страны — во Францию, в Нидерланды, в Англию, в некоторые княжества Германии и в другие страны Европы, позже и в Америку. Стоит отметить, что вне

Женевы учение Кальвина оказалось менее жестким, что позволило ему стать приемлемым для многих и сыграть немалую роль в борьбе североевропейского протестантизма с католическим Римом. По мере своего распространения по миру кальвинизм менял свой привычный облик. Учение разнообразилось, обрастало национальными вариантами, хотя в общем и целом суть его оставалась неизменной.

В Англии идеи Уиклифа оказали большое влияние на крестьянское движение лоллардов, представители которого более всего известны по своему знаменитому вопросу: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был джентльменом?». Поднятое лоллардами восстание Уота Тайлера в 1381 г. было подавлено. Тучи нависли и над Уиклифом, который, правда, вскоре умер. Однако отношения династии Тюдоров с Римом становились все напряженнее. Что касается Чехии, то хотя Ян Гус был осужден церковными иерархами и сожжен на костре, его идеи получили, как было упомянуто, широкую народную поддержку. И, несмотря на то, что небольшой чешский народ не имел реальной возможности одержать победу в противостоянии Священной Римской империи, он продолжал эту борьбу свыше чем столетие, когда она перешла в знаменитую Тридцатилетнюю войну, которая хотя и сыграла решающую роль в победе европейских протестантов, но не дала полностью вкусить плоды этой победы именно чехам. Вообще же в связи с борьбой предшественников Лютера и Кальвина стоит заметить, что уже в XIV веке выступления против опорочившей себя католической церкви, среди высших иерархов которой, включая и Римских пап, все чаще и чаще встречались недостойные, а то и вовсе порочные люди, совпадали с общенациональными движениями.

Правда, так было далеко не везде. Характерной в смысле преданности церкви была и долго еще оставалась Испания, где католичество во всей своей красе, включая деятельность великого инквизитора Торквемады (1420–1498), задавало тон и было незыблемой нормой. Сыграло ли это свою роль в том, что, как о том уже шла речь, богатая Испания относилась к капитализму иначе, чем бедная Англия? Разумеется, да. Но именно это и объясняет, почему при общем примерно одинаковом раскладе сил, включая и заметную роль предбуржуазии (стоит обратить внимание на то, что высокоразвитые города североитальянской Ломбардии, как и не менее развитые и заселенные в основном горожанами Нидерланды, находились под властью испанской короны), движение Англии и Испании вперед оказалось столь разным.

Стечение обстоятельств сыграло роль основного фактора исторического процесса. Случайность в данной ситуации сводилась лишь к тому, кто первым и когда именно, при каких обстоятельствах и в каком направлении сделает решающий шаг. Испании были ненавистны нидерландские и тем более ломбардские буржуа. Англия, напротив, делала явную ставку на процветание своей буржуазии. И хотя, как об этом будет идти речь в следующей части тома, проблема выбора между католицизмом и протестантизмом в Англии была связана и с личностью ее короля, знаменитого Генриха VIII, факт остается фактом. Политика Англии с ее склонностью к протекции своим буржуа сыграла решающую роль в процветании этой страны. А противоположная политика испанских Габсбургов оказалась роковой для движения вперед Испании, разбогатевшей на экспроприации богатств Нового Света. В любом случае важно подчеркнуть, что объективно протестантизм далеко не случайно вышел на передний план в наиболее развитых буржуазных странах Запада, что не могло не способствовать успехам в их развитии. Что же, если продолжить теоретические рассуждения, сыграло столь важную, даже решающую роль в успехах буржуазных стран, причастных к протестантизму?

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА

Иными словами, перед нами серьезная теоретическая проблема: а были бы без перемен в религиозном мировоззрении населения буржуазного Запада возможны те успехи в сфере научно-технической мысли и энергичной предпринимательской деятельности, которыми вправе гордиться современная цивилизация? Именно этот вопрос выдвинул на передний план, за что и обрел всемирное признание, один из умнейших мыслителей XX века Макс Вебер. Логика его рассуждений достаточно проста. Обратив внимание на то, что выходцы из протестантов гораздо чаще, чем католики, несколько веков назад были склонны к получению технического образования, занятию в сферах промышленного производства и к наиболее активному участию в предпринимательской деятельности, он задумался о причинах этого. Отвергнув предположение, что поступавшие так протестанты были склонны к получению выгоды, к хорошей жизни,

и обратив внимание как раз на обратное, а именно на аскетическую жизнь в постоянном труде и истовую набожность (именно эти нормы поведения преобладали среди первых поколений протестантов), Вебер подошел вплотную к истине.

Истина оказалась элементарной. **Не дух стяжательства и стремление к наживе, как о том писал Маркс (обратите внимание, тоже дух, идея!), именно в этом видевший важную основу феномена капитализма и особенно первоначального накопления капитала, но нечто прямо противоположное лежало в основе успехов капитализма.** Это противоположное — протестантская этика или, иными словами, великое благочестие и набожность, равно как и связанная с ними соответствующая социопсихологическая ориентация личности, как и общества в целом, породили основу основ успешного предпринимательства, его генеральный принцип: *время — деньги*. То несомненное обстоятельство, что деньги способны приносить новые деньги лишь при условии старательного труда, позволяющего существенно сэкономить время, необходимое для этого, оказалось вполне созвучным внутреннему убеждению трудолюбивого и отказывающего себе во всем лишнем протестанта-пуританина, который стремился, будучи преданным заветам Бога, постоянно и продуктивно работать. Именно этим и в первую очередь этим протестанты с начала нового религиозного осмысления христианства стали резко отличаться от их вчерашних собратьев-католиков, ведших довольно спокойную, чтобы не сказать привольную жизнь с ее обилием свободных от работы праздничных дней и повышенным вниманием к непроизводительной трате драгоценного времени.

Главное из всего отмеченного не в том, сколько и как человеку нужно работать и сколько времени у него должно уходить на праздники в честь святых, что вообще-то можно считать отдыхом. Не ставя своей целью ни судить, ни даже излагать все аргументы, мобилизованные Вебером для доказательства выдвинутого им тезиса, по сути опровергнувшего теорию Маркса о генезисе капитализма, важно отметить главное: **дух капитализма, т.е. протестантская этика, в конечном счете идейные импульсы в реальности оказались, вопреки марксизму с его первоначальным накоплением, первичными.** Именно они начали регулярно рождать те самые товары, а за ними и деньги, которые были столь нужны для успешного предпринимательства капиталистического типа. Иными словами, не деньги как таковые, которые очень часто, легко и беззаботно спускались, про-

матывались их обладателями, как то было в Испании, а этический и социопсихологический стереотип поведения, **дух раннего капитализма**, обусловленный протестантским характером мышления и поведения, был в основе экономического успеха там, где этот успех оказался очевидным. Что же касается сущности этого духа, то он сводился главным образом к суровой этике протестантизма.

Эта этика, особенно на раннем этапе развитого капитализма, очень близка к аскезе и к убеждению в том, что едва ли не самый тяжкий грех — бесполезная трата времени. Понятно, что подобного рода установка была объективно способна превратить любые, даже очень небольшие деньги в капитал. Тяжелый непрестанный труд, завещанный Богом, жесткая пуританская норма жизни, характерная для первых поколений кальвинистов и лютеран, требовавшая бережного отношения к деньгам и времени, — вот та первооснова, которая обеспечивала в те времена предпринимательский успех. Вот тот дух капитализма, который рождал и приумножал начальный капитал.

Сегодня рассуждения М. Вебера есть все основания считать азбучной истиной. Но именно это лишний раз объясняет, почему после Вестфальского мира 1648 года, завершившего Тридцатилетнюю войну и разделившего Европу на католическую и протестантскую, именно та часть, где стали преобладать протестанты, оказалась лидером как в сфере капиталистического развития, так и, что было следствием этого, в сфере колониального освоения мира.

Глава вторая. ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ И НЕЕВРОПЕЙСКИЙ МИР

Теперь речь пойдет прежде всего о третьем из великих событий, которые очертили грань между Средневековьем и постепенным переходом к полному торжеству новоевропейского этапа истории, т.е. о Великих географических открытиях. Были ли эти открытия както связаны с тем, что было начато Ренессансом и завершено Реформацией? Или жесткой связи здесь не было и лишь случайность поспособствовала стремившимся к тому отважным мореплавателям и торговцам открыть морской путь в Индию, а заодно и в Новый Свет, именно в ту эпоху, которая объединила все три великие события всемирно-исторического значения?

Связь не просто была. Дело обстояло таким образом, что именно в процессе кардинальных перемен, о котором идет речь в связи с тремя великими событиями, интересы буржуазии как выходившего на авансцену истории важнейшего социального слоя с бесспорным для него приоритетом рыночно-частнособственнической структуры стали наиболее явными и очевидными. Нет никаких сомнений в той истовости, с которой западноевропейская предбуржуазия стремилась взять в свои руки транзитную торговлю с далекой Индией. Одни — португальцы — искали морской путь вокруг Африки. Другие во главе с Колумбом пытались найти его, двигаясь через неизвестность Великого океана на запад. Все вело к тому, что рано или поздно, но поиск должен был обернуться некой реальностью. Однако не следует забывать, что и китайский флот почти столетием раньше португальцев и Колумба бороздил океаны в районе все той же богатой пряностями Индии, но при этом отнюдь не стремился ни к открытиям, ни к торговле. Стало быть, в основе открытий лежала не страсть к путешествиям и географическим открытиям далеко за пределами какого-то субконтинента. Основой был объективный фактор, обусловленный интересами западноевропейской буржуазии, а через ее посредство и эволюцией всего западного мира.

Здесь стоит обратить внимание на то, что этот объективный фактор исходил из постоянно растущих потребностей западноевропейского общества, которое отражало интересы возрождавшейся античной протобуржуазии, структуры, давно уже дававшей о себе знать и проявлявшей себя в форме неудержимой торгово-предпринимательской экспансии пока что лишь в замкнутой сфере Западной Европы. Правда, случайность и стечение обстоятельств при этом сыграли свою важную роль. Ирония истории в этом смысле заключалась в том, что наилучшими мореходами и искателями морских торговых путей оказались представители не слишком развитых стран иберийской окраины континента. Конечно, это были страны все той же Западной Европы. Но именно в них, в отличие от наиболее развитых Англии либо Голландии конца XV века, объективно сложились наиболее благоприятные условия для поиска новых путей торговли. В этих путях были заинтересованы не только и не столько буржуа, сколько правительства, не склонные поддерживать свою еще сравнительно слабую буржуазию, однако, отнюдь не равнодушные к большим деньгам, которые они не безосновательно рассчитывали получить от открытия океанских торговых путей.

Но ломает ли этот факт концепцию о кардинальном воздействии всех трех великих событий, о которых идет речь, на ход истории? Конечно, нет. Пусть даже испано-португальская предбуржуазия была слабой и не могла играть значительной роли в своих странах, что привело эти страны после Великих географических открытий к весьма печальному финалу. Дело ведь отнюдь не в судьбах Испании и Португалии. Гораздо важнее то, что эти страны были неделимой составной частью Западной Европы, что они в ходе открытий и освоения дорог в Индию и в Новый Свет со всеми теми последствиями, которые за этим освоением наступили, выступали именно как представители Запада. Рыночно-частнособственнической структуре уже не были чужды все слои населения на Западе, в том числе и высшая знать во главе с королями, которая активно помогала мореходам, а среди них были представители связанных с Испанией очень развитых в буржуазном отношении регионов, как, например, выходец из Ломбардии генуэзец Христофор Колумб, делать их великое дело в расчете на великую выгоду. Стоит для сравнения еще раз напомнить о том, что одна из наиболее развитых и культурных стран Востока, огромный Китай, в том же XV веке не видела смысла в погоне за экономической выгодой. Китайцы совершали свои дорогостоящие дальние морские вояжи исключительно с целью поднятия престижа страны, чему в этой весьма прагматически смотревшей на жизнь стране всегда уделяли первостепенное внимание. А престиж без подкрепляющей его материальной выгоды стоит дорого, что и продемонстрировал Китай, прекратив свои дальние плавания и уничтожив огромный океанский флот.

В этой связи следует вкратце снова напомнить о некоторых существенных различиях между Востоком и Западом. Что было характерно для эволюции Востока в конце европейского Средневековья? Представленный в это время по преимуществу сильными и развитыми централизованными империями, он не только был наиболее богатой частью мировой цивилизации, но и уверенно шел вперед, пусть и не слишком быстрыми темпами. Именно цветущие города средневекового Востока (а некоторые из них находились и в Европе — вспомним Кордовский халифат и Османский султанат) славились тогда искусными ремесленниками, умелыми и опытными торговцами, развитым строительным мастерством, включая подчас достигавшие уровня шедевров архитектурные комплексы. Земледельцы стран Востока жили и работали, как правило, в благоприятных с точки зрения сельского хозяйства южных широтах. Своим

упорным трудом и умелым использованием агротехники, ирригационных сооружений и постоянно совершенствовавшихся различных технико-технологических приемов они создавали основу для хороших урожаев весьма разнообразных продуктов. Все это активно содействовало процветанию восточных стран и рождало заметный контраст между ними и западноевропейскими странами, которые вплоть до сравнительно позднего времени, до XII–XV веков, очень заметно отставали от Востока.

Это и неудивительно. Лежавшей в руинах после крушения Западной Римской империи варварской Европе было в раннем Средневековье еще очень далеко до передовых и наиболее развитых восточных государств. Это находило свое отражение и в производстве, и в технико-технологической сфере, и в бытовой культуре, да и во многих иных отношениях. Разница была особенно заметна самим европейцам. Они высоко ценили изделия восточных мастеров, перенимали многие из достижений ремесла и сельского хозяйства Востока, развивали торговлю с восточными странами и более того, богатели и постепенно расцветали на этой основе, что особенно касается Ломбардии, т.е. североитальянских городов и городских республик. Передовыми форпостами Востока для раннесредневековой Европы были Византия на ее отдаленной восточной окраине и Кордовский халифат в западной ее части. И здесь и там европейские купцы сталкивались с высокой производственной и бытовой культурой Востока и очень ее ценили. Можно напомнить, что и в сфере знаний, включая книжную культуру (имеются в виду античные рукописи, порой переведенные на арабский) и тем более элементарную важную для европейцев конфессиональную грамоту — христологические споры в Византии, — обе эти окраины Европы также были для нее ценны.

Все это существенно иметь в виду, коль скоро речь заходит о важнейших сдвигах, которые произошли в Западной Европе на завершающем этапе Средневековья, отмеченном ее бурным взлетом в великую эпоху Ренессанса, Реформации и важнейших географических открытий. **Эта эпоха, о чем уже упоминалось, резко изменила соотношение сил в мире. На авансцену всемирной истории выступил передовой Запад с его бурно развивавшимся товарным производством и предпринимательской энергией.** Нельзя не упомянуть в этой связи и о высоко ценившихся в Европе восточных пряностях, которые были дорогостоящим предметом очень далекой транзитной торговли, находившейся в руках восточных торговцев. Именно с этого момента,

и началось очень заметное и многостороннее, но долговременное движение западного мира от прошлого к новому. В этом занявшем века движении Запад не просто лидировал. Он абсолютно доминировал. Но почему столь заметно стал отставать от него еще недавно вроде бы процветавший и многого достигший Восток?

Попытаемся разобраться более основательно в том, почему богатый и немалого добившийся в своем пусть медленном, но все же поступательном развитии Восток начал с этого момента, с рубежа XV–XVI вв., резко отставать от Запада. Почему европейские страны, вначале некоторые, а затем и почти все, в считанные десятилетия оставили позади не только старый классический Восток, но и весь неевропейский мир (кроме тех его частей, которые оказались заселены преимущественно, а то и почти исключительно европейцами и потому уверенно пошли вперед по европейскому пути). Почему весь мир в кратчайшие исторические сроки оказался, причем на долгое время, резко поделенным — если говорить в самом общем плане, без необходимых оговорок, — на капиталистический Запад и явно отставший от него колониальный и зависимый Восток?

Обратим для начала внимание на то, что Восток, не считая давно уже прекратившейся экспансии мусульманских арабов, достигшей Пиренеев, но остановленной на этом рубеже, не стремился к энергичному освоению новых пространств. Он не нуждался в продуктах, которые произрастали в прохладной европейской географической зоне. Да и все население этой зоны, в эпоху Средневековья еще не слишком густо заселенной и не производившей слишком много полезных товаров, которые не сумели бы в достатке изготовлять высококвалифицированные восточные мастера, не представляло большого интереса для Востока в целом. Иными словами, для Востока маленькая по географическим и иным понятиям средневековая Западная Европа с ее хотя и бурно, но достаточно беспорядочно развивавшимися политическими процессами не была особо интересна. Правда, когда началась эпоха крестовых походов, некоторые североафриканские страны ислама, которых это непосредственно коснулось, вынуждены были что-то противопоставить наплыву крестоносцев. И надо сказать, что это не стоило воинам ислама слишком больших усилий, хотя конечный успех и не пришел к ним слишком скоро. Но в целом крестовые походы Европе не принесли ничего, кроме серии поражений, а Восток в лице большинства своих стран этих походов просто не заметил.

Естественно, что на Востоке никто практически не ощущал никакой угрозы со стороны западных европейцев. Особенно это стало очевидным после того, как турки успешно ликвидировали Византию и создали в юго-восточной части Европы огромную и процветавшую Османскую империю, натиск которой с опаской воспринимали уже сами европейцы, особенно на востоке и в центре Европы. Можно напомнить, что от турок пришлось даже обороняться в районе Вены, и что Средиземное море временами находилось почти под полным их контролем. Словом, политическая ситуация на планете на рубеже XV–XVI вв. не только не предвещала все еще процветавшему и в некотором смысле даже победоносному Востоку каких-либо неприятностей, но напротив, как бы гарантировала его успешный статус-кво. Правда, европейцы уже на рубеже XIV–XV вв. были знакомы с огнестрельным оружием в его очень примитивной форме чего-то вроде засыпавшейся порохом трубы с пулей и фитилем (европейская аркебуза, русская пищаль). Но Востоку и это тогда практически не было известно. А всего столетие спустя европейцы уже имели пушки.

ЕВРОПЕЙЦЫ В ПОИСКАХ ПУТИ В ИНДИЮ

Словом, ситуация постепенно изменялась. Она менялась не только и не столько в Европе, о чем в связи с воздействием на нее перемен, связанных с Возрождением и Реформацией уже немало было сказано, но и вследствие всего того, что было связано с географическими открытиями и активным освоением европейцами заокеанских территорий. Эти открытия сыграли в историческом процессе в целом и в истории Западной Европы и Востока, включая Новый Свет, огромную, неоценимую роль. Впрочем, все это, если уж на то пошло, было лишь конечным сводным результатом многих причин, которые определили резкую перемену во взаимоотношениях и, что важнее, в потенциальных возможностях Запада и Востока. Внешне, о чем всем известно, это выглядело как поиск более легкого и дешевого морского торгового пути в Индию за нужными Европе и желанными европейским торговцам пряностями. Но за этой основной целью стояло многое из того, о чем следует сказать особо.

Начнем с того, что Запад и Восток на рубеже XV–XVI вв. не только по-прежнему оставались принципиально разными структурами,

но что эти различия со временем и особенно в период великих переломных событий в Западной Европе резко возрастали. А возрастая, рождали мощный стимул для последующих качественных и решающих перемен в соотношении сил и историческом месте Запада и Востока в начавшем резко изменяться мире. В чем суть этих перемен? Она прежде всего в том, что если Восток, о чем только что шла речь, сравнительно мало интересовался средневековой Западной Европой, то европейцы, напротив, постоянно и в какой-то степени вынужденно проявляли живейший интерес к странам Востока. Пожалуй, лучше всего это видно на примере развития мореплавания, которое обеспечивало наиболее дешевый и легкий, хотя и далеко не самый краткий и тем более безопасный, путь из Запада на Восток и обратно.

Конечно, европейцы максимально использовали и сухопутные пути, о чем, в частности, свидетельствуют походы венецианского купца Марко Поло, добравшегося до Китая еще в XIII веке и прожившего там немало лет, да и многих других. Стоит упомянуть среди них достигшего Южной Индии тверского купца Афанасия Никитина. Но нельзя не заметить, что эти путешествия были более познавательными, нежели результативными, во всяком случае с точки зрения торговли. И хотя Великий шелковый путь как важная артерия соединял Средиземноморье с Китаем еще до начала нашей эры, по нему перемещать большие партии товаров было крайне трудно. И далеко не случайно он был шелковым (стоит напомнить, что китайский шелк долгие века ценился в Европе, особенно в Римской империи, чуть ли не на вес золота). Согласимся, что в подобных условиях морской путь имел много преимуществ и был с точки зрения торговой выгоды идеально приспособлен для успешных коммуникаций.

В этой связи, дабы не быть голословным, необходимо снова напомнить об успехах в морских путешествиях. Как то ни покажется странным, но наибольшего успеха в них достигли китайцы в начале XV века. Именно в это время они выстроили уже упоминавшийся великолепный флот, состоявший из нескольких многопалубных фрегатов, оснащенный необходимыми приборами и совершавший дальние путешествия в сторону стран южных морей (прежде всего к островам Индонезии), а также в Индию и, по некоторым данным, вплоть до берегов Восточной Африки. Вообще-то в этом нет ничего странного, ибо китайцы были великолепными мастерами, задолго до XV века изобрели компас и бороздили моря вокруг своей страны уже

много веков. Вопрос совсем в другом: зачем был построен огромный флот, совершивший несколько дальних престижных путешествий, и чего хотели те, кто строил корабли и посылал их в далекие края?

И вот здесь-то мы и подходим к едва ли не наиболее наглядному проявлению принципиальной разницы между Востоком и Западом. Китай, в отличие от предбуржуазного Запада, ничего не хотел от далеких варваров, которых он высокомерно навещал, подчас вмешиваясь в их дела где-нибудь на островах Индонезии. Для него огромный флот, как упоминалось, был едва ли не только элементом престижа сына Неба, императора Поднебесной. Есть сведения, что после одного из дальних путешествий, африканского, в Китай привезли жирафа, чьи рожки весьма напоминали изображение ритуальной маски *тао-те* на древнекитайских сакральных бронзовых сосудах. Это был знатный подарок сыну Неба. Но большего флот не привез, да и не стремился к этому. Неудивительно, что после нескольких такого рода дорогостоящих вояжей, опустошивших императорскую казну, корабли были поставлены на прикол и затем уничтожены. Слишком дорогой и, главное, бесполезной для страны оказалась вся эта затея.

А теперь сравним эти вояжи с теми походами в конце того же XV века небольших шхун Колумба, искавшего удобный морской путь в Индию, но открывшего Америку, и Васко да Гамы, обогнувшего Африку и достигшего настоящей Индии. Оба великих мореплавателя тоже не пренебрегали помощью из королевской казны, но, во-первых, вернули взятое сторицей, а во-вторых, дали огромный толчок для развития столь выгодной для европейских купцов торговли не говоря уже об элементарном ограблении Америки. Итог очевиден. Совсем иные возможности и принципиально разные цели разделяли китайский флот начала династии Мин и шхуны европейских открывателей новых земель с их стремившимися к наживе торговцами и тем более бесцеремонными конкистадорами. Одни в погоне за престижем зря теряли огромные средства и не умели, да и не желали использовать открывавшиеся перед ними торговые возможности, что и привело флот к печальному концу. Другие же именно ради этих возможностей совершили подлинную революцию не только в морском деле и географии, что само по себе немаловажно, но и в мировой экономике, в энергичном развитии рыночно-частнособственнической предбуржуазной структуры, трансформировавшейся в развитый капитализм.

ПРОБЛЕМА КОЛОНИЙ ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Разница, которая столь наглядна, что не нуждается в комментариях, восходит к традиции и в конечном счете полностью соответствует различию в структуре Востока и Запада. Эта разница, к слову, может быть замечена уже применительно к античной и даже доантичной (финикийской) древности. Именно тогда в районе Средиземноморья и Черного моря начались первые морские путешествия с целью открыть новые земли для их заселения и освоения, для получения выгод от морской торговли. Именно с того далекого времени выявилось существенное различие между большими древневосточными государствами и небольшими зажатыми между сильными соседями городами-государствами. Правители больших восточных стран не имели отношения к торговой наживе и обычно не желали иметь ничего общего с сомнительной практикой колонизации дальних земель. Небольшие же финикийские города и греческие полисы, зажатые в тесных прибрежных и сравнительно малоплодородных районах, напротив, очень нуждались и в новых землях-колониях, и в торговле, прежде всего морской, за счет которой они в основном только и существовали.

Позже, в период Средневековья, ситуация традиционно сохранялась примерно такой же. Разница была разве что в том, что китайские торговцы самовольно, не только без содействия, но и порой без разрешения властей понемногу осваивали страны южных морей, создавая там немалые общины, выгодно отличавшиеся от местного населения своими производственно-торговыми возможностями, и потому становились весьма зажиточными. Арабы, осваивавшие восточное побережье Африки, находились примерно в таком же положении. Китайских мигрантов-*хуацяо* и восточноафриканских арабов объединяло то, что их государствам не было никакого дела до них. Эти восточные страны не были заботливыми метрополиями по отношению к колонистам. Напротив, колонисты воспринимались на своей бывшей родине как своего рода отрезанный ломоть. Причина была везде одной и той же: государства Востока, в принципе всегда готовые отхватить кусок территории соседа и вообще расшириться за счет завоевания, не видели смысла в том, чтобы осваивать далекие заморские чужие земли. Они не были слишком заинтересованы в торговле с дальними странами и соответственно не желали поддерживать колонизацию этих земель отдельными частными лицами из

числа бывших подданных этих стран. Государство на Востоке — это аппарат власти, взимающий с подданных ренту-налог и живущий за счет ее редистрибуции. А как и что возьмешь с жителей дальних земель? Себе дороже.

Собственно, именно эта столь же элементарная, сколь и принципиальная разница в структуре государства и общества и лежит в основе того, почему традиционный Восток и Западная Европа столь по-разному относились к проблеме заморской торговли и освоения ради этой торговли колоний в предколониальное время. Она же позволяет понять, почему европейцы после Великих географических открытий начали энергично осваивать колонии и закладывать в чужих землях нужные для этого торговые форпосты (об Америке и тем более об Африке речь должна идти особо), тогда как высокоразвитые и богатые страны Востока лишь позволяли чужеземцам строить эти форпосты, опираясь на которые, да к тому же постепенно все время расширяя их территории, пришельцы вели столь нужную им — но не Востоку! — торговлю. Восток же относился к чужеземным торговцам по-разному. Иногда безразлично — пусть торгуют, лишь бы платили пошлины. А в ряде стран, в частности в Китае и Японии, разрешали торговлю лишь в ограниченном размере, да еще и под строгим контролем властей.

Здесь снова важно оговориться. Казалось бы, именно географические открытия, столь крепко связавшие Запад и Восток, должны были сразу же и заметно способствовать взаимовлиянию и взаимодействию между ними. Отчасти — особенно если иметь в виду воздействие испанцев и португальцев на южную часть Нового Света и последовавшее за этим рабство африканских негров — это так и случилось. Но дело в том, что как раз эта самая ситуация с непосредственными последствиями географических открытий, о которых идет речь, долгое время не затрагивала традиционный Восток. Тот самый, ради укрепления контактов с которым были открыты морской путь в Индию и лишь по какой-то случайности (если иметь в виду намерения тех, кто искал морские пути) Новый Свет. Оставляя в стороне Новый Свет, существенно заметить, что связи с традиционным Востоком устанавливались таким образом, что достаточно долгое время лишь в некоторой его части появлялись западные анклавы и велась активная торговля. Детальное рассмотрение взаимоотношений между Западом и Востоком в период тех трех столетий, о которых говорится в томе, убедительно свидетельствует, что по меньшей мере на

начальном этапе этого периода географические открытия не сыграли существенной роли (быть может, за исключением немногих стран, связанных с пряностями) в текущей жизни традиционного Востока.

Мне уже приходилось в другой работе говорить о том, что для традиционного Востока с его древними центрами высокой культуры (речь не идет о Мезоамерике, включение которой в традиционный Восток — если это вообще может быть принято — нуждается в серьезных оговорках) Великие географические открытия как таковые и последовавшие за ними важнейшие для Запада перемены были лишь «началом некоторых изменений, в то время едва заметных, если заметных вообще»[1]. Вообще Восток в Средние века и в период перехода от Средневековья к тому времени, которое следует считать эпохой абсолютного господства Запада, практически никак или почти никак, на что уже обращалось внимание, не был связан с теми тремя великими событиями, которые всколыхнули Европу и сыграли решающую роль в ее трансформации. Поэтому нет оснований слишком тесно связывать первые хорошо известные колониальные порывы бурно развивавшегося Запада с судьбами большинства стран традиционного Востока, которые (снова оговоримся, что речь не идет об Африке с ее «черным товаром» и о Латинской Америке) ощутили в сколько-нибудь значительной степени результаты этих порывов лишь где-то в середине XVIII, если даже не на рубеже XVIII–XIX веков. Что же касается существенных перемен, то они относятся к еще более позднему времени.

Тем не менее колониальное освоение традиционного Востока европейцами началось на рубеже XV–XVI вв. Больше того, с открытия Васко да Гамой морского пути в Индию начался период торгового колониализма, вначале не приносившего Востоку сколько-нибудь заметного ущерба и к тому же не рождавшего в нем, как правило, заметного чувства униженности и неполноценности. Эта форма колонизации продолжалась — правда, со временем видоизменяясь, — практически весь переходный период к новому времени, когда энергичное развитие европейских буржуазных обществ в передовых странах Западной Европы привело к тому, что колониализм на Востоке, пусть не на всем и тем более не сразу, не одновременно, принял иные формы. Однако это случилось уже в самом конце переходного периода. Вначале же все было иначе.

---

[1] *Васильев Л. С.* История Востока. Т. I. М., 2005. С. 257.

Ранний колониализм был для полунищей Европы не только вынужденным, но и жизненно важным делом. Ведь и поиск морского пути в Индию, что стало началом и первопричиной Великих географических открытий, а затем и колониализма, столь резко изменивших положение в мире, был далеко не случаен. Европейцам просто нечем было бы платить за пряности и все прочее, что прибывало в Европу через посредство в основном арабов и турок сухопутным караванным путем и к тому же требовалось во все большем количестве. Но как только морской путь был открыт, а торговля наладилась, перед предбуржуазной и, стоит повторить, еще совсем не богатой Европой стал новый важный вопрос: как и чем платить странам Востока за все то, что так нужно Европе, не говоря уже о самих немалых торговых издержках (длительные морские путешествия дешевле караванной торговли, но тоже стоят достаточно дорого), равно как и о неизбежных немалых тратах на строительство портов и окружающих их поселений, многих крупных и дорогостоящих укрепленных форпостов.

Что же касается Востока в раннеколониальное время и особенно в XVI веке, до возникновения Британской (1600) и Голландской (1602) Ост-Индских компаний, активно поддерживавшихся западноевропейскими державами-метрополиями, то он получал от этой торговли немалую, вполне ощутимую выгоду и более того, рассчитывал со временем получать все больше. Откуда же было брать те ценности, которые удовлетворили бы изысканные претензии Востока? Разумеется, частично это было высоко ценившееся огнестрельное оружие, отчасти хорошие ткани и кое-какие иные товары вроде *огненной воды*. Но всего этого было мало. Для развития торговли в нужных Европе объемах требовалось нечто гораздо большее. А если товаров было мало, нужны были деньги, т.е. привычные на Востоке драгоценные металлы, золото и серебро, лучше всего в отчеканенном виде монет. Вопрос о деньгах долго еще оставался бы главной причиной резкого замедления столь желанной и только-только наладившейся регулярной торговли предбуржуазного Запада с традиционным Востоком, если б не посланное европейцам судьбой так неожиданно свалившееся на них богатство после открытия ими Америки. Интересно в этой связи еще раз напомнить, что Колумб, который открыл Новый Свет, о золоте и не мечтал. Ему нужна была Индия с ее пряностями, торговля которыми сулила немалый доход.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Поиск морского пути в Индию, сыгравший столь серьезную роль в процессе географических открытий, во многом буквально перевернувших мир, очень тесно связан с колониальным освоением различных территорий и прежде всего двух гигантских континентов, Африки и Америки. Обратим для начала внимание на некоторые важные аспекты этих открытий, которые давно уже стояли на повестке дня и были актуализованы на рубеже XV–XVI веков.

Прежде всего, это серия технико-технологических открытий и серьезных усовершенствований, способствовавших развитию дальнего мореплавания, причем не в хорошо знакомом европейцам Средиземном море, а в открытом океане. Правда, уровень китайцев в европейском мореплавании XV века, видимо, еще не был достигнут. Но к числу важных нововведений, которые способствовали развитию морского судоходства в Западной Европе, следует отнести достаточно многое. Это и умение строить устойчивые в море корабли (испанские шхуны, португальские каравеллы), и оснащение их сетью разнообразных парусов, и создание надежных навигационных приборов, и — едва ли не самое главное для демонстрации силы местному населению — огнестрельное оружие, корабельные пушки. Пушки впервые появились именно на европейских морских судах и оказывали немалое воздействие на жителей соседних районов, в частности прибрежной полосы Африки и островитян, с которыми имели дело главным образом португальцы. Стоит заметить, что Португалия весьма прохладно отнеслась в свое время к предложению Колумба искать путь в Индии, пересекая океан, именно потому, что она к моменту обсуждения этого предложения уже немалого достигла. Имеются в виду как успехи в продвижении вдоль африканского побережья с тем, чтобы выйти в Индийский океан, обойдя Африку с юга, так и та сравнительная легкость, с которой эти успехи при усовершенствовании корабельного дела достигались.

История постепенного освоения португальцами африканского побережья и открытие Америки, столь тесно связанное со все тем же поиском морского пути в Индию, небезынтересны сами по себе. Здесь остро соперничали между собой два пиренейских государства, Португалия и Испания, только-только добившаяся решающих успехов в Реконкисте и освободившая Пиренеи от арабов. Дух воинственной энер-

гии способствовал дальнейшему усилению нажима на побежденных соседей, чем и занялись прежде всего португальцы. Именно они, как известно, в поисках интересовавшего в то время всю Европу морского пути в Индию сделали ставку на освоение Африки, тогда как испанцы — точнее, нашедший поддержку у Изабеллы Кастильской генуэзец Христофор Колумб — предпочли, следуя на запад, пересечь океан.

Исторически сложилось так, что первыми в борьбе за открытие новых путей оказались португальцы, которые медленно, шаг за шагом, начали проникать в Африку. Успешная борьба с североафриканскими маврами позволила им уже в первой половине XV века овладеть несколькими важными торговыми владениями арабов на северо-западной окраине африканского континента. Сумев создать большой флот, португальцы в дальнейшем начали осваивать западное побережье Африки, ставя своей целью с помощью системы форпостов связать свои западноафриканские владения в нечто единое целое и добраться до юга континента. Имеются в виду в основном западная и юго-западная части этого континента, прежде всего южнее Сахары, т.е. территории, населенные негритянскими этническими общностями. Эти освоенные португальцами прибрежные районы Тропической Африки, как то хорошо известно, сыграли немалую роль не только и даже не столько в процессе географических открытий как таковых, сколько, если иметь в виду работорговлю, в деле интенсивного освоения вновь открытых территорий в Новом Свете.

Большой вклад в экспедиции португальцев на юг внес принц Генрих Мореплаватель. Создав орден Христа, Генрих разработал программу освоения африканского побережья и прилегающих островов, включая Мадейру и Азорские. Именно он первым из португальцев начал вывоз из Африки черных рабов. Стоит, однако, в связи с этим напомнить, что на противоположном побережье континента этим задолго до него занимались осваивавшие восточную часть Африки арабы. Генрих Мореплаватель перед смертью (1460 г.) всерьез строил планы обогнуть Африку и достичь Индии. Однако реальный вклад в эти планы внес свыше четверти века спустя другой выдающийся португальский мореход Б. Диаш, который достиг мыса Доброй Надежды в 1488 году, после чего дорога к Индии через Индийский океан была по сути уже открыта. Осталось приложить усилия для того, чтобы пересечь океан. Это и сделал Васко да Гама в 1497–1499 гг., когда его корабли достигли Индии, в частности восточноиндийского порта Каликут (современная Калькутта). Успешная борьба с египет-

ским флотом, который был разгромлен португальцами в 1509 году, позволила им стать хозяевами на южноиндийском острове Гоа, на Цейлоне и даже в восточноафриканском Занзибаре.

Чуть позже, в 1511 г., в руки португальцев попали вожделенные территории близ Молуккского пролива, столь богатые желанными пряностями. Еще позже они сумели закрепиться в других местах Азии, в частности на территории Персидского залива, Красного моря и даже далекого Китая. В захваченных ими землях и на морских путях португальцы обычно не очень-то церемонились с местным населением. Вооруженные огнестрельным оружием, они демонстрировали свою силу местному населению и правителям в районе тех небольших анклавов, в которых им удавалось закрепиться. При этом стоит заметить, что вывоз желанных пряностей считался монополией короны, которая бдительно следила за притоком дорогостоящих товаров и вела учет той выгоды, которую получала от них казна. Казалось бы, португальцы сумели обойти всех и именно им теперь принадлежит почетное право взять в свои руки торговлю с Востоком. Однако вскоре ситуация стала резко изменяться.

Перемены начали сказываться далеко не сразу. Вначале они были почти незаметны, так как главными конкурентами португальцев достаточно долгое время были их соседи испанцы, а основным объектом колонизации испанцев оказались иные земли. Поэтому нежелательных спорных контактов между Португалией и Испанией вначале почти не было. Впрочем, взглянем на быстрыми темпами изменявшуюся ситуацию более внимательно. Учтем, что в поиск морского пути к пряностям наряду с продвижением португальцев вдоль восточноафриканского побережья включились испанцы, усилиями которых в 1492 году была открыта Америка. Открытие и освоение Америки началось с достигшей уже довольно заметного уровня цивилизации средней и южной части континента. И здесь следует прямо сказать, что та Америка, которая была открыта Колумбом и с которой европейцы имели дело на первых порах, век-полтора после открытия Нового Света, это, собственно, была в основном его центральная часть, так называемая Мезоамерика. Сначала она предстала — в частности, перед Колумбом — в виде ее окраины, островов и побережья Карибского моря, позже получившей наименование Вест-Индии. Но вскоре после этого испанцы захватили древние и наиболее развитые районы, основные очаги американской цивилизации, если более конкретно, то Мексику, Перу и Боливию.

Первым достигший берегов Америки Христофор Колумб был уверен в том, что он открыл западный путь в вожделенную Индию. Он и не называл найденные им земли иначе (откуда и современный термин *Вест-Индия*), а их жителей до наших дней с его легкой руки именуют индейцами. Правда, все его последующие экспедиции к Новому Свету не подтверждали его уверенности в том, что он достиг именно Индостана. В частности, желанные пряности не попадались. Обидно и исторически несправедливо, но даже и название новому континенту дали по имени не Колумба, а того, кто первым понял, обследовав обнаруженные испанцами и несколько позже также и португальцами земли, что Колумб открыл не Индию. Это был тоже выходец из Италии, Америго Веспуччи. Тем не менее ошибка Колумба никак не помешала тому, что богатейшие цивилизации Мезоамерики завоевывали удачливые испанцы.

Успехи португальцев и испанцев в поисках новых морских путей с первых же их шагов привели к острым противоречиям между этими двумя самыми могущественными в тот момент морскими державами. Третейским судьей в важном вопросе раздела сфер влияния выступил тогда глава католической церкви (оба государства принадлежали к числу едва ли не наиболее ревностных католических стран). В 1494 году при деятельном участии понтифика Александра VI, автора нескольких булл, связанных с решением этой проблемы, был заключен Тордесильясский договор, проведший меридиональную линию раздела сфер влияния. Согласно решению римского понтифика, практически вся Южная Америка досталась завоевавшим ее испанцам, тогда как Бразилия[1] и все вновь освоенные земли к востоку от Атлантики остались за Португалией. Решение Рима было принято обеими сторонами. Это позволило экспедициям Э. Кортеса и Ф. Писарро, не говоря уже о других конкистадорах, за кратчайший срок в первой трети XVI в. присоединить всю Центральную Америку, а также часть юга континента, за исключением Бразилии, к и без

[1] Бразилия была открыта португальцем П. Кабралом в 1500 году случайно: он направлялся в Индию, но в районе мыса Доброй Надежды его корабли были отнесены течением на запад, в результате чего португальцы и оказались на юге будущей Бразилии. Эта важная случайность сыграла позже свою роль, сделав Бразилию сферой интересов именно Португалии. Но что касается Кабрала, то он повернул свои корабли обратно и все же достиг Индии.

того обширным владениям испанской короны. С этого и началось освоение европейцами южной, центральной, а затем и северной части американского континента.

ИСПАНЦЫ И ПОРТУГАЛЬЦЫ В НОВОМ СВЕТЕ

Итак, ситуация в мире на рубеже XVI века сложилась таким образом, что освоение европейцами прибрежной полосы Африки, некоторых анклавов в Индии и странах к югу и юго-востоку от нее шло практически одновременно с появлением тех же европейцев в Америке. В каждом из захваченных ими регионов процесс шел по-своему и потому заслуживает специального рассмотрения. Было, однако, и нечто общее в описанной уже ситуации. Оно сводилось к тому, что начали превращать аннексированные ими территории в свои колониальные владения два едва ли не самых отсталых государства Западной Европы. Это обстоятельство не осталось без последствий, суть которых свелась к тому, что во всяком случае на первых порах освоением чужих заморских земель занималась в основном не предбуржуазия, которая в Западной Европе потенциально была готова к этому и вскоре стала во главе процесса, а государства, игнорировавшие интересы буржуазии и, более того, вообще выгоды буржуазного развития для себя, но стремившиеся лишь к обеспечению монополии казны на эксплуатацию колоний.

Проблема оказалась в том, что оба государства в лице высокопоставленной и очень влиятельной знати и не слишком эффективного централизованного аппарата администрации с не очень опытными чиновниками не могли сами справиться со всеми сложными проблемами освоения огромных территорий и организации дальних перевозок. Для всего этого они, особенно Испания, в той или иной форме вынуждены были сотрудничать с собственными либо принадлежавшими другим странам частными предпринимателями. Своя предбуржуазия была в пиренейских государствах слабой. Поэтому львиная доля соответствующих заказов и всей торговли попала в руки представителей более развитых стран Западной Европы, которые начали извлекать из посреднических операций немалые выгоды. Более того, к берегам Америки стали в большом количестве отправляться корабли с контрабандой, эти же берега обстоятельно исследовались предводителями полубандитских групп авантюри-

стов и пиратов, в частности английских. Достаточно упомянуть имя знаменитого Ф. Дрейка, впоследствии возведенного королевой Елизаветой за его успехи в этом не вполне благопристойном деле в чин адмирала. К слову, стремились не упустить своей выгоды и нелегальные торговцы рабами.

Правда, Испания была достаточно сильна для того, чтобы диктовать свои условия и обеспечивать жесткий контроль, дабы сохранить свою монополию. Другими словами, ее политика, как и политика Португалии в Бразилии (и в Индии), сводилась к тому, что никто из всех прочих европейских стран без соответствующего разрешения под страхом жестоких санкций не должен был конкурировать с подданными пиренейских государств. Однако соблазн был слишком велик, чтобы страх перед санкциями остановил тех, кто стремился к соперничеству с пиренейскими странами в освоении новых территорий. Но как бы то ни было, монополия реально все-таки существовала и, несмотря на пиратские набеги и контрабанду других держав, прежде всего Англии, но также Голландии и Франции, сохранилась надолго.

Как шел процесс завоевания Нового Света? Примем во внимание, что Америка до появления европейцев была населена как большим количеством весьма примитивных догосударственных этнических общностей, так и жителями достигших впечатляющего уровня в ряде сфер производства и культуры очагов цивилизации. Однако все цивилизации Нового Света очень сильно отличались от того стандарта, который противопоставил им Старый Свет после открытия и начала освоения Америки. Эти отличия и сыграли решающую роль в исторических судьбах большой территории Нового Света, будущей испано- и португалоязычной Латинской Америки с полновластием там католицизма. Неоценимая разница сводилась к тому, что европейцы, даже в лице представителей далеко не самых развитых католических стран с их придавленной властью предбуржуазией, оказались для туземного населения посланцами иного мира, обладавшего мощью огнестрельного оружия и других достижений развитой западноевропейской технико-технологической и прочей материальной и духовной культуры, а также возбужденного жаждой легкого обогащения за счет неподготовленного к эффективному сопротивлению заморским пришельцам местного населения.

После открытия Америки и нескольких экспедиций Колумба на острова Вест-Индии испанцы стали энергично осваивать американский континент, преимущественно в его центре и на севере, вплоть

до района Флориды, но в основном на юге. Это освоение шло вначале главным образом в форме хорошо вооруженных и достаточно подготовленных экспедиций. В 1519 г. первая из них во главе с Э. Кортесом, размещенная на 11 кораблях, высадилась в Мексике, где было расположено государство ацтеков. Выступив со сравнительно небольшим по численности отрядом, заметную часть которого составляли всадники, Кортес сначала сумел вмешаться в конфликт ацтеков с соседними индейскими племенами. Это привело к тому, что он обрел поддержку противников ацтеков и усилился за этот счет. Почувствовав, что сил его достаточно для решительного натиска, Кортес захватил столицу ацтеков Теночтитлан, после чего, преодолев с помощью союзников сопротивление защитников города, взял в плен правителя страны Монтесуму и заставил лишившихся правителя обескураженных ацтеков внести за него огромное количество золота в качестве выкупа. Когда условие было выполнено, завоеватель, хладнокровно продемонстрировав изумленным ацтекам изощренное коварство, казнил Монтесуму и, не теряя времени, опираясь на поддержку одних племен и при содействии еще нескольких хорошо вооруженных отрядов конкистадоров покоряя других, добился уничтожения государства ацтеков.

Это крупное и богатое государство, расположенное на территории Мексики, оказалось слабым как по его внутренней структуре, так и вследствие постоянных войн с соседями. Конфликты с соседями, видимо, сыграли важную роль в ослаблении ацтеков, появившихся в Мексике с севера сравнительно недавно, за век-полтора до появления там испанцев, и потому, возможно, считавшихся кое-кем из расположенных рядом племен чужаками-завоевателями. Нельзя не учесть также и психологического шока, который не мог не сыграть своей роли. Увидев странно одетых бледнолицых и к тому же вооруженных огнестрельным оружием всадников (лошадей в Новом Свете не было), ацтеки, как и все их соседи, не могли не вспомнить предания о предполагаемом возвращении в необычном виде их наиболее почитаемого и считавшегося исчезнувшим божества Кецалькоатля. Как бы то ни было, но с государством ацтеков Кортес, принятый, возможно, за этого Кецалькоатля, разделался удивительно легко и быстро.

После этого успеха испанцы за несколько лет подчинили соседние с этим государством племена, включая давно уже ослабленных так называемых постклассических майя, и вышли к Панамскому перешейку. Здесь они услыхали о существовании на юге большого и богатого го-

сударства. Покорение его выпало на долю второго из самых известных конкистадоров, Ф. Писарро. Государство инков с его развитым аппаратом администрации было более сильным, нежели ацтекское. Казалось бы, уж с ним-то испанским конкистадорам справиться будет нелегко. Однако на деле все оказалось достаточно просто. Перенявший опыт Кортеса и решивший действовать так же, как и он, т.е. напористо и нагло, Писарро в 1532 году на нескольких кораблях с небольшим отрядом (около 200 человек с 50 лошадьми) столь же смело, как и в свое время Кортес, направился к лагерю явно ожидавших его воинственных инков и, используя те же коварные приемы, захватил в плен Великого Инку Атауальпу, после чего перепуганные инки стали свозить к Писарро свои запасы золота для выкупа правителя. Это, однако, не спасло Великого Инку от казни, а его страну от покорения конкистадорами.

В итоге оба конкистадора с их до смешного незначительными отрядами (правда, вооруженными огнестрельным оружием и в немалой своей части сидевшими на невиданных в Америке лошадях) сыграли решающую роль в уничтожении южноамериканских государств. Вслед за этим последовало достаточно быстрое крушение всей долгие века процветавшей цивилизации, внутренне еще не слишком развитой и тем более не привыкшей к жесткой манере беззастенчивых конкистадоров, для которых главным было запугать местное население и любым способом выжать из него золото. Исходя из всего того, что известно о первых столкновениях испанцев с государствами Мезоамерики, можно заключить, что местное население, неплохо знакомое с войнами, проявило удивительную беспомощность перед лицом ничтожного меньшинства конкистадоров. Наиболее значительные государства, как внутренне крепкое инкское, так и сравнительно слабое ацтекское, оказались не в состоянии оказать серьезное и организованное сопротивление. Мало того, они, насколько можно судить, были поражены необъяснимым почти животным страхом перед вызывающей наглостью и коварством пришельцев.

Но почему случилось именно так? Для анализа причин, определивших историю государств Нового Света после завоевания их европейцами, важно определить все те слабые места, которые обусловили их незавидную судьбу при первом же столкновении с малочисленными, но жестокими и до предела безжалостными испанскими конкистадорами. Едва ли эти слабые места могут быть сведены лишь к тому, что у конкистадоров было огнестрельное оружие. Ведь этого оружия было немало и у колонистов Северной Америки. Однако там

это привело лишь к тому, что североамериканские индейцы быстро научились добывать винтовки у тех же колонистов и умело, даже активно их использовать. То же самое следует сказать и о привезенных европейцами в Новый Свет лошадях, столь перепугавших жителей Центральной и Южной Америки, но не произведших подобного впечатления на североамериканских индейцев, сумевших овладеть искусством верховой езды.

Правда, много более отсталые североамериканские индейцы с их неразвитыми религиозными представлениями едва ли что-нибудь знали об исчезнувшем Кецалькоатле и его предполагаемом возвращении. А ведь эта мифологема не может не быть принята во внимание — достаточно напомнить о том месте в религиозных верованиях христиан, которое занимает едва ли не центральная в них идея о втором пришествии Христа. Эта идея способна в случае ее гипотетической реализации вызвать смятение у гораздо большего числа много более развитых людей. И потому нельзя не учесть ту огромную роль, которую могла и даже должна была сыграть мифологема с ее огромным психологическим воздействием на людей, пронизанных религиозным преклонением перед их всемогущими богами. Но, даже если страх перед пришельцами на юге и в центре Нового Света был обусловлен мифом, нельзя не учитывать, что вслед за тем и параллельно с психологическим шоком свою роль сыграло насилие, сопровождавшееся постоянной и очень энергичной аккультурацией индейского населения в этой части Нового Света.

Ведь влияние аккультурации — если иметь в виду воздействие со стороны много более развитой религиозно-культурной традиции — невозможно переоценить. Вспомним, как развивались в свое время те варварские народы, которые разрушили Рим. Конечно, разница, причем существенная, в том, что в раннесредневековой Западной Европе насилие осуществляли сами эти народы, позже подвергшиеся со стороны поверженных римлян мирной и пошедшей всем им во благо аккультурации. В Америке было иначе. Там субъектами насилия были европейцы, тогда как объектом и насилия, и последовавшей за ним аккультурации оказалось многочисленное местное население, как хорошо знакомые с государственностью народы центральной части Нового Света (Мезоамерики), так и, пусть во много меньшей степени, воинственные индейцы севера.

Разумеется, рассуждая о поразительных успехах горстки конкистадоров, нельзя забывать о неразвитости цивилизации Нового Све-

та, о внутренних распрях между различными этническими группами и, едва ли не главное, об обуявшем местное население страхе перед наглыми самоуверенными пришельцами. В то же время в успехах конкистадоров, с легкостью покорявших большие государства, есть и немалая доля удачного стечения обстоятельств, умелого расчета хорошо оснащенных пришельцев и явной неподготовленности местного населения к отпору, не говоря уже о внутренних раздорах в его рядах. Все это помогало испанцам покорить государства ацтеков, инков и другие, менее значимые. Но за всем этим стояла и гигантская разница в потенциале очагов цивилизаций Нового Света, находившихся на уровне древнеегипетского либо шумерского государств едва ли не самого раннего периода их существования, с одной стороны, и Западной Европы постренессансного времени — с другой.

Еще и еще раз принимая во внимание, что католическая Испания была одной из тех стран, которые в культурном отношении находились как бы на задворках Западной Европы, нельзя не заметить связи ее с более передовыми государствами, в частности с Нидерландами и североитальянской городской культурой Ломбардии, откуда родом был генуэзец Колумб. Иными словами, за отсталой в некотором смысле Испанией стояла очень успешно шедшая вперед предбуржуазная Европа, стремившаяся к расширению сфер своего влияния и, в частности, к сближению с дальними странами Востока. Правда, после открытия Нового Света и тем более после удачливых завоеваний Кортеса, Писарро и всех иных конкистадоров (а количество их было весьма значительным) центральная и южная часть гигантского континента оказалась отнюдь не под властью испанской предбуржуазии, которой досталось очень немногое. Не слишком много досталось, как о том уже упоминалось, и представителям западноевропейской буржуазии из развитых стран Европы. Монополия на использование богатств и контроль над колонизованной Испанией большей частью Нового Света попали в руки испанского государства. Это, пусть даже с некоторыми оговорками, относится и к португальской Бразилии.

Стоит напомнить, что по букве Тордесильясского соглашения 1494 года Испания должна была ограничить свои колониальные аппетиты пределами Нового Света, причем и там никто не мог гарантировать отсутствие других претендентов на те либо иные территории огромного континента. Но, как известно, экспедиция Магеллана привела к захвату испанцами архипелага, названного ими в честь короля Филиппа II Филиппинами. Этот захват не только показал всю неу-

стойчивость договора о разделе колониальных империй между двумя пиренейскими государствами. Согласно договору, в дальнейшем следовало уточнить демаркационную линию. Но практически этого не произошло, причем не столько из-за Филиппин, сколько потому, что казавшиеся столь могущественными колониальные империи пиренейских государств одна за другой начали быстро разваливаться. Если не считать Мезоамерики, которая под влиянием разумной политики прежде всего испанцев и едва ли не в наибольшей степени католических миссионеров быстрыми темпами превращалась в Латинскую Америку, то под властью Испании и Португалии уже через век-полтора после возникновения их колониальных империй, кроме небольших районов в Африке и крохотных заокеанских анклавов в Азии практически почти ничего не осталось.

Причины этого легко увидеть. Во-первых, для двух сравнительно не слишком больших и развитых государств владение колониальными анклавами чуть ли не на территории всего неевропейского мира оказалось делом практически непосильным, особенно для Португалии, преуспевшей в освоении восточных территорий Старого Света. Тысячи наиболее активных и предприимчивых уезжали в колонии, причем многие из них гибли там от непривычного климата и разных болезней, не говоря уже о войнах. Стремление государственной администрации страны держать под своим контролем процесс колониальной торговли и получать ощутимые выгоды от нее тоже обходилось казне очень дорого. Выгоды от торговли были не слишком значительными и уж никак не сравнимыми с теми, что достались испанцам в Мезоамерике. Результаты предельного напряжения Португалии сказались достаточно быстро. Уже в середине XVI в. вызванный первыми успехами колониальной торговли подъем в экономике страны сменился кризисом. А чуть позже Португалия на несколько долгих десятилетий (1581–1640) стала частью Испании. И хотя это присоединение не было актом грубой аннексии, а оказалось итогом династических сплетений, так что многие из прежних институтов страны были сохранены в относительной неприкосновенности, колониальные владения Португалии оказались ослабленными. Этим сразу же не преминули воспользоваться набиравшие силу Голландия и Англия, в меньшей степени также и некоторые другие западноевропейские страны, например Франция.

Во-вторых, ни Португалия, ни формально поглотившая ее Испания ничего с наступлением на них более крупных и развитых западноевропейских стран сделать не могли. В частности, они не были в

состоянии пресечь ни все ширившуюся контрабанду, ни тем более пиратство. И, наконец, в-третьих, очень многое в неудачах, сопутствовавших освоению испанцами заокеанских территорий, зависело от невнимания к собственной предбуржуазии, что замедляло темпы развития колоний в Америке, равно как и от того, как Испания расходовала доставшееся ей в Новом Свете богатство в виде золота и серебра. Неудивительно, что все это способствовало ослаблению могущества Испании и облегчало задачу более развитых западноевропейских государств потеснить ее в том, что касалось обладания собственными колониальными империями.

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО МОГУЩЕСТВА ИСПАНИИ

История колониальных захватов, успешно начатая испанцами и португальцами, превращалась во всемирный процесс, на фоне которого и мало пригодная для ее освоения Африка и богатейшая Латинская Америка в некотором смысле начали отступать на задний план. А на передний довольно быстро стали выходить та самая Индия и, главное, прилегавшие к ней так называемые страны южных морей, которые как раз и были наиболее богаты пряностями и иными ценными товарами, столь давно интересовавшими быстрыми темпами развивавшуюся Европу. К этой Индии, а точнее, к тем территориям, которые действительно были основным производителем столь важных для Европы пряностей (а это в первую очередь Цейлон и страны Молуккского пролива, а также острова современной Индонезии или, как ее называли в не слишком далеком прошлом, Голландской Индии), европейцы и прежде всего португальцы, как о том уже шла речь, стремились давно. Стремились и немало сделали в этом направлении.

Казалось бы, все было вполне разумно, особенно если принять во внимание реальные результаты, т.е. достижение морским путем Индии и захват ключевых позиций в ряде территориально близких к ней островных стран, где и произрастали пряности, за которыми европейцы охотились. Но когда параллельно с этими немалыми достижениями Колумб открыл Америку, а последовавшие за ним испанские конкистадоры не только описали этот континент, но и — что для того момента было намного важнее — обнаружили несметные богатства на нем и начали целыми корабельными караванами выво-

зить из Южной Америки золото и серебро, ситуация оказалась гораздо более сложной.

Сначала стало ясным, что португальцы не столько даже опоздали, сколько оплошали, уступив основные богатства Нового Света испанцам. Затем выяснилось, что освоение захваченных в районе Индийского океана колониальных анклавов обходится тем же португальцам очень дорого, как и дорога туда (путь от Лиссабона до южноиндийского Гоа длился 18 месяцев), не говоря уже о том, что за пряности приходилось платить. Пусть немного — по европейским ценам, — но все же платить. Платить именно тем золотом и серебром, которые оказались в основном в руках испанцев. Вкупе со многими другими причинами это немаловажное обстоятельство привело, видимо, к крушению вначале столь обширной империи Португалии в районе Ост-Индии (имеются в виду не столько сама Индия, сколько многочисленные анклавы и форпосты, которые были созданы в богатом пряностями регионе).

Здесь следует сделать существенную оговорку и заметить, что период так называемого торгового колониализма в отношениях Европы со странами Востока длился по меньшей мере до середины XVIII века и что еще в начале этого века английский экспорт товаров в районе к востоку от мыса Доброй Надежды покрывал, по некоторым подсчетам, лишь пятую часть импорта, тогда как разница приходилась на долю драгоценных металлов. Иными словами, дальняя морская торговля с вроде бы уже колониальными (но политически часто все еще независимыми) странами приносила чуть ли не прямую выгоду именно им, но не колонизаторам. За пряности европейцам приходилось платить немалые деньги. Но где европейцы брали эти деньги?

На первых порах португальцы и особенно испанцы, не слишком поощрявшие рыночно-частнособственнические предбуржуазные слои в собственных странах и стремившиеся к строгой монополии государства в торговле с Америкой или Ост-Индией, использовали поддержку развитых городских центров и богатых финансово-экономических организаций в континентальной Европе. Северо-итальянские города или знаменитый в те времена дом Фуггеров из Аугсбурга взялись быть посредниками в торговле португальцев пряностями Востока или в добыче испанцами серебра в Боливии. Именно это посредничество, которое некоторое время позволяло португальцам и испанцам сохранять свои позиции, привело в конечном счете к тому, что центром рыночно-капиталистических связей Евро-

пы с Америкой и Востоком начала становиться биржа в Антверпене. В этом фламандском городе сосредоточивались все международные связи, скапливалась важнейшая торговая информация и заключались самые крупные сделки. Один только коммерческий оборот этого города в середине XVI века составлял полтора миллиарда золотых флоринов в год — гигантская по тем временам сумма!

Ситуация с деньгами, таким образом, постепенно переставала быть заботой испанцев и португальцев и начинала становиться делом передовых капиталистических компаний и торговых домов всей Европы. К этому и сводится по существу проблема потери сначала португальцами, а затем и испанцами их столь вроде бы выгодных позиций первооткрывателей новых морских путей. Эти пути, о чем уже подробно говорилось, призваны были заменить веками функционировавшую и казавшуюся всегда слишком дорогой находившуюся в руках в основном арабов как морскую, так и караванную сухопутную транзитную торговлю, которая приносила выгоду многим народам, но в наименьшей степени европейцам. Но морские пути оказались на деле не слишком доходными. У португальцев не было средств, чтобы поддерживать и контролировать, тем более монополизировать нормальное и экономически выгодное функционирование открытых ими торговых путей. Почему же португальцы — если вести речь не о Новом Свете, а о восточных раннеколониальных анклавах, т.е. в первую очередь об Индии и странах южных морей, Молуккского пролива, — оказались столь бедными? Почему испанцы с их неслыханным количеством американского золота и серебра не сумели удержать достойного места в европейской торговле при всем том, что в 1581 г. они присоединили к себе, пусть на недолгое время, Португалию со всеми ее азиатскими владениями?

Здесь необходимо еще раз и теперь более основательно разобраться с ситуацией, сложившейся на Пиренеях в конце XV века. Все дело в том, что страны Пиренейского полуострова, только-только в 1492 г. завершившие столь дорого давшуюся им Реконкисту, отличались невысоким уровнем развития городов и предбуржуазии. Богатые процветавшие города мавританской Испании, т.е. Кордовского халифата, были опустошены и потеряли свое прежнее экономическое значение из-за изгнания из них мавров и евреев, которые обеспечивали их экономическое процветание. А своей предбуржуазии у испанцев и португальцев было немного, как не слишком процветающими были и их города, где ведущую социополитическую позицию занимали богатые гранды и прелаты католической церкви. И хотя

нельзя сказать, чтобы правители пиренейских государств не интересовались экономическими проблемами (достаточно вспомнить, что именно с их финансовой помощью была организована первая экспедиция Колумба, искавшая морской путь в богатую пряностями Индию), этот интерес был не слишком значителен. И существенно принять во внимание, что он не имел практически ничего общего с интересами слабой местной предбуржуазии, которая теряла даже те позиции, что имела прежде, как представительство в *кортесах*, существенное в XIII–XIV вв. и понемногу утрачивавшееся с XV века.

Низкий уровень политической значимости и экономических привилегий испанских городов — правда, получивший некоторый толчок для развития в результате открытия и освоения Мезоамерики, — замедлялся и тем крайне важным обстоятельством, что абсолютно господствовавший на полуострове католицизм объективно, в отличие от протестантизма, препятствовал развитию капиталистических отношений. Более того, разгул инквизиции при Торквемаде вел к вынужденной эмиграции из страны десятков, если даже не сотен тысяч наиболее предприимчивых ее горожан из числа евреев, которых принуждали насильно перейти в христианство, и мавров-*морисков*, этих великих мастеров сельскохозяйственного производства, особенно садоводства.

Результат не замедлил сказаться. Несмотря на приток золота и серебра из Америки, в Испании не возникли благоприятные условия для развития товарного хозяйства и торговли, которые уже были в странах победившего протестантизма, прежде всего в Нидерландах и Англии, отчасти и во Франции. И еще важное обстоятельство: споры в Испании о том, кому должна принадлежать львиная доля доходов от ограбления Америки, в сложившихся условиях безоговорочно решались в пользу казны, знати и духовенства. А эти сословия умело и выгодно распоряжаться свалившимся на них богатством просто не умели, не говоря уже о том, что они и не задумывались над тем, как лучше его истратить. Роскошь и бездумные траты были главным способом его употребления[1]. Неудивительны и следствия: богатство

[1] Специалисты обращают особое внимание на то, что Реконкиста, вызвавшая к жизни непропорционально большой рост дворянства (около 10% населения), бывшего основой военной силы и демонстративно не желавшего принимать участия в мирных занятиях, создавала заметный перекос в социальных и экономических отношениях в Испании. Обедневшие *идальго* предпочитали влачить жалкое существование, но не ронять свое достоинство,

быстро и непроизводительно таяло, чему отчасти помогали и продолжавшиеся феодальные войны.

Попытки испанских городов, еще не забывших о тех временах, когда в стране существовали кортесы, защищавшие их интересы, отстоять свои права лишь ухудшили ситуацию. К предбуржуазии в богатевшей за счет грабежа Америке испанские власти относились все хуже. Города с их часто неконкурентоспособной продукцией стране были не очень нужны. Карл I (1516–1556)[1], объединивший все государственные образования полуострова, кроме Португалии, в единое и достаточно крепкое королевство, предпочитал опираться на усилившееся в стране дворянство. Во-первых потому, что главной целью правителей Пиренейского полуострова было все еще завершение Реконкисты, т.е. изгнание мавров из Испании. А во-вторых и, пожалуй, прежде всего дело было в том, что испанская казна и высшая знать захватили в свои руки фактическую монополию на богатства Южной Америки, которая попала под власть испанских администраторов. В итоге города и испанские торговцы, т.е. вся еще достаточно слабая испанская предбуржуазия, были в основном лишены возможности развиваться за счет управления новыми землями. Вся власть в Мезоамерике оказалась в руках не имевших никакого финансово-экономического опыта, но страстно жаждавших элементарной наживы испанских грандов. Результат не замедлил сказаться.

Как вскоре выяснилось, для выживания испанских владений в Америке требовался привоз из Европы немалого количества товаров, без которых колонисты, т.е. многочисленные осевшие в Южной Америке испанцы, не привыкли обходиться. Казалось бы, объективно это немаловажное обстоятельство вполне могло содействовать развитию испанских городов с их предбуржуазным производством не-

---

уподобляясь простолюдинам. Число таких дворян постоянно возрастало за счет жестких норм майората. Все это содействовало переключению активности идальго на заполнение муниципальных административных должностей в городах либо на королевской службе, а также на активное участие в феодальных войнах, ведшихся правителями Испании с переменным успехом то с итальянскими государствами, то с Францией или с Нидерландами.

[1] Будучи сыном Хуаны, дочери соединившихся в брачном союзе Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, Карл Габсбург одновременно с 1519 года оказался императором Священной Римской империи (Карлом V). Избрание его на этот номинально высший монархический пост в Западной Европе сильно, хотя и ненадолго, укрепило позиции Испании.

обходимых стране и тем более Новому Свету товаров. Но произошло иначе. Основные города страны постепенно приходили во все больший упадок, что ложилось немалой тяжестью на испанскую казну, вынужденную закупать необходимые товары в других европейских странах, где города и предбуржуазия развивались более быстрыми темпами и потому могли успешно конкурировать с продукцией испанских горожан. Примерно такое же положение продолжалось и при наследнике Карла Филиппе II, управлявшем Испанией почти до конца XVI века. Филипп вообще мало внимания уделял южноамериканским колониям, хотя мудрое использование их богатств могло бы надолго превратить Испанию в величайшую державу мира, которой к концу следующего века по праву стала Англия.

Так почему же все обернулось иначе? Куда делись испанские (и немалые прибавленные к ним португальские) богатства? Как оказалось, здесь сыграл свою решающую роль именно приток американского золота, которым не успевший и не сумевший подготовиться к разумному его использованию Пиренейский полуостров просто подавился. Как это ни парадоксально звучит, но как раз этот приток неслыханных до того в Европе ценностей и погубил Испанию. Имеются в виду так называемая революция цен и ее последствия, роковые прежде всего для этой страны, хотя частично и для всей остальной Европы, включая и такую ее далекую окраину, как Османская империя.

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН

Смысл этой революции в том, что обилие драгоценных металлов (с 1503 по 1650 г., по некоторым подсчетам, было ввезено около 180 т золота и 17 тысяч т серебра; в результате количество золота и серебра в Европе за XVI век увеличилось почти вчетверо, а цены — в 2–3, а то и в 4 раза) позволило прежде всего привычной к роскоши и бездумным бесполезным тратам своих немалых доходов испанской знати еще более щедро сыпать деньгами ради любых прихотей. Мало того, обилие ценностей дало возможность, не считая, тратить их на приобретение как всего того, что необходимо для ведущей почти постоянные войны страны, так и на товары, нужные для освоения американских территорий, не говоря уже обо всем том, что следует считать роскошью. В итоге прибывавшие из Америки ценности

несчитанными количествами уплывали из Испании, причем ускоренными темпами, а закупаемые испанцами товары в этих условиях быстро дорожали, особенно в тех странах, с которыми Испания торговала и которые она присоединяла к числу своих владений. Важно при этом принять во внимание, что в самой Испании деньги почти не задерживались и, что существенно, не оказывались в распоряжении медленно развивавшейся и не обеспеченной королевской защитой местной предбуржуазии.

Из-за замедленных темпов развития, связанных, в частности, с усилиями, потраченными на Реконкисту, Испания была еще практически незнакома с затронувшим уже многие страны Европы процессом дефеодализации. Заметное укрепление централизованной администрации, что в иных условиях вело к уменьшению роли феодальной знати и к определенной, пусть не слишком заметной вначале дефеодализации, в Испании не приводило к этому. Не приводило потому, что нужда в развитии администрации, не говоря уже о возможности приобретать владения в Новом Свете, с лихвой покрывала все претензии готовых занимать высокие должности грандов и даже захудалых идальго. При этом горделивая испанская знать не считала себя предназначенной для решения экономических проблем. Она была выше этого и с легкостью отдавала эти проблемы казне, которая, не имея возможности опереться на собственную предбуржуазию, была вынуждена тратить большие деньги на закупку всего необходимого для колоний в других странах.

Немалую роль в отставании Пиренеев сыграло и упомянутое выселение в XV веке евреев и морисков, игравших большую роль в процветании мавританских владений, да и во всей экономико-финансовой сфере городов, в которых они до выселения в основном проживали. Словом, все здесь сошлось одно к одному и запуталось в тугой узел. А итоговый смысл свелся к тому, что более всего от революции цен пострадали именно государства Иберийского полуострова.

Перед нами один из многих исторических парадоксов: те самые страны, которые вроде бы были наиболее активны и, главное, удачливы в поисках расширения торговых путей и экономической выгоды, потеряли едва ли не все. Они в конечном итоге за какое-то столетие не только спустили все награбленное, но и оказались в довольно жалком положении слабых и нищих. Пиренейская предбуржуазия, столь мало получившая от притока ценностей, хирела. Придавлен-

ная грандами деревня нищала, так что в конце XVI века даже зерно приходилось покупать за границей. И, в заключение всего, попытка помериться силами с процветающей Англией завершилась позорной гибелью в 1588 году испанской «Непобедимой армады», что практически означало потерю контроля над атлантическими торговыми путями и, как неизбежный конечный результат, крах Испании как великой военно-морской державы, дополненный финансовым банкротством страны.

Банкротство сопровождалось неизбежным военным ослаблением Испании и потерей большей части совсем недавно присоединенных территорий, начиная с быстро богатеющих Нидерландов в Европе и кончая далекими заморскими владениями Португалии, которая, правда, в 1640 году сумела отделиться от Испании, восстановив свое государство. Единственное, что осталось у испанцев, — это большая часть Латинской Америки и Филиппины (у Португалии — Бразилия, небольшие анклавы в Индии и других районах Азии и некоторые африканские земли). Но для более или менее успешного буржуазного развития этого было явно недостаточно, о чем свидетельствует и вся последующая история этих стран.

Глава третья. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ ДРУГИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Кого же вознесли Великие географические открытия, выгодная колониальная торговля и в конечном счете все та же революция цен? Ответ на этот вопрос не представляет труда. Это были прежде всего те страны, где процесс дефеодализации и буржуазного развития шел наиболее быстрыми темпами. Впрочем, не чуждыми по отношению к колониальной экспансии оказались и некоторые другие европейские страны, особенно из числа крупных, таких как Франция или даже Россия. Однако в любом случае пальма первенства в этом сложном и исторически весьма важном процессе (имеется в виду колонизация неевропейского мира) принадлежит двум из числа западноевропейских стран, самым передовым с точки зрения буржуазного развития. Имеются в виду Нидерланды и Англия, об особенностях развития которых стоит сказать особо, ибо именно успехи в развитии по буржуазному пути обеспечили им возможность быть первыми в ходе процесса колонизации.

НИДЕРЛАНДЫ И АНГЛИЯ

Нидерланды с их упоминавшимся уже общеевропейским центром международных торгово-промышленных связей и с биржей в Антверпене во многом в XVI–XVII вв. были первыми. Здесь, где наиболее быстрыми темпами шел процесс развития городской буржуазии и возникали огромные портовые центры, все было иначе, чем на Пиренейском полуострове. И хотя географически именно пиренейские порты были едва ли не удачнее всего расположены для процветания мировой морской торговли, ставшей на ряд веков важнейшим элементом энергичного развития Запада, на передний план быстро стали выходить протестантские страны на севере Европы. Заместив собой старые центры средиземноморской торговли, в частности торговые города и городские республики североитальянской Ломбардии, да и Ганзу, новые нидерландские, а затем и британские океанические порты с их передовой по тому времени техникой, сверхмощными верфями, огромными торговыми оборотами и скоплением финансовых центров оказались в условиях революции цен, болезненно сказавшейся на большинстве европейского населения, в наиболее выгодном положении.

В Нидерландах и Англии процесс складывания уже достаточно развитых и во всяком случае доминирующих в народном хозяйстве предбуржуазных отношений, которые сопровождались ускоренными темпами шедшей дефеодализацией, в XVI веке достиг наибольших успехов. Революция цен и умелая экономическая политика, учитывавшая интересы прежде всего экономического развития, способствовали вложению в расширяющиеся производство и торговлю немалых средств, быстро окупавших себя и приносивших все возрастающий доход. И это при всем том, что параллельно с экономическим развитием Нидерланды были вынуждены вести долгие и дорогостоящие военные действия. Дело в том, что успешные торговые сделки и быстрое развитие буржуазного производства, характерные для голландцев в середине XVI века, натолкнулись на игру династических комбинаций. В результате этой игры после ликвидации в конце XV века Бургундского герцогства верховная власть над Нидерландами перешла сначала к французскому королю Людовику XI, затем к империи Габсбургов и после смерти императора Карла V к Испании в лице Филиппа II (1556 г.). Казалось бы, в итоге случайности династических союзов судьба вновь дала в руки незадачливых

властителей Испании великолепный шанс. Получить в свои руки цветущую Голландию с ее энергичными темпами буржуазного развития — это был богатый дар. Увы, испанцы не были в состоянии его оценить, как не могли они достаточно дальновидно использовать те потенциальные возможности, которые были открыты перед ними после овладения южной частью Нового Света.

Вместо того, чтобы дать некоторую волю протестантским Нидерландам и стричь купоны с высоких доходов местных буржуа, Филипп попытался повернуть время назад и насильно превратить эту страну в католический придаток Испании. Понять логику действий католических государей Испании несложно, но столь же ясно, что замыслы испанцев в те годы не могли быть осуществлены. В начале XVII века, как о том подробней будет сказано далее, испанцы вынуждены были признать независимость нового государства. С этих пор процветающая буржуазная Голландия с ее океанскими портами и верфями, развитым кораблестроением и морской торговлей практически вышла на передний план в освоении чужих земель и развитии мировых торговых связей. Ее огромный торговый флот, в то время наибольший в мире, один за другим захватывал принадлежавшие Испании и Португалии колониальные анклавы либо остававшиеся еще никем не занятыми территории в разных регионах планеты. Это были и некогда столь желанные земли на юге Индии и в районе Молуккского пролива, и никем еще не освоенные территории на юге Африки, в Америке и даже в Китае.

Но при всем том гегемония голландцев тоже оказалась не очень длительной. Вскоре сравнительно небольшая Голландия почувствовала себя не в состоянии конкурировать с новой достигшей еще более высокого уровня развития европейской буржуазной державой. выступившей на арену борьбы за мировые пространства. На сей раз это была Англия, чьи успехи в промышленности и торговле, равно как и заметные сдвиги в сфере гражданско-правовых норм и парламентарной демократии, позволили именно этой небольшой по меркам того времени стране решительно выступить на арене борьбы за мировые пространства.

После Войны Алой и Белой розы, завершившейся в конце XV века взаимоуничтожением большинства знатных аристократических домов страны, претендовавшие на власть Йорки, представители боковой ветви династии Плантагенетов, потерпели поражение. Престол в стране перешел к династии Ланкастеров, а точнее, к наиболее

могущественной ее ветви, к Тюдорам. Англия, бывшая в то время сравнительно небольшой страной[1], имела перед другими ряд весомых преимуществ. Первым среди них следует считать устойчивое существование парламента, что предполагало хотя и совсем не абсолютное, но все же весьма заметное уважение к правовым нормам. Согласно Великой хартии вольностей (1215) приоритет суда и закона был непререкаем, а создание в 1265 году парламента превратило это типичное средневековое западноевропейское государство в монархию с устойчивым сословным представительством. Английский парламент издавал законы, разрабатывал регламент и необходимые процедуры, способствовал появлению уважения к парламентариям из разных сословий, обладавшим неприкосновенностью на период его сессий. Для XIII века это было своего рода выдающимся достижением, сближавшим Англию с гражданскими обществами полисной античности (стоит иметь в виду, что эпоха Ренессанса в то время в Западной Европе еще не вступила в свои права).

Вторым заметным преимуществом процесса развития Англии было раннее освобождение большинства населения от различных столь свойственных западноевропейскому средневековью форм феодальной зависимости, что произошло в немалой степени из-за удачного для страны стечения обстоятельств. Речь идет прежде всего о ведшихся чуть ли не веками феодальных войнах, губительных для феодалов. В Столетней войне (1337–1453) англичане, как известно, потерпели поражение, а в сразу же последовавшей за ней гражданской войне Алой и Белой розы (1455–1485) была истреблена, как упоминалось, почти вся родовитая знать страны. Это привело к быстрым и существенным изменениям в социополитической и финансово-экономической системах отношений в стране. Вышедшее на передний план так называемое новое дворянство, *джентри*, оказалось тесно связанным с рыночными товарно-денежными отношениями, что превратило это новое сословие в союзника городской буржуазии, темпы роста и усиления значения которой были в Англии в то время очень велики.

Третьим преимуществом следует считать получившее развитие еще в XII–XIV вв. и упоминавшееся уже овцеводство с продажей

[1] Ни Шотландия, ни Ирландия в ее состав не входили, а количество населения, по некоторым данным, приближалось к 3 миллионам человек, тогда как в Испании было около 10 миллионов жителей, а во Франции и тем более в Германии еще в полтора-два раза больше.

шерсти, а затем и постоянно улучшавшегося по качеству выделки сукна в разные страны Европы, от Фландрии до Италии, а также тесно связанное с этим все растущее мануфактурное производство. И хотя требовавшееся для разведения овец так называемое *огораживание*, т.е. превращение немалого количества полей в пастбища, сопровождавшееся разорением многих крестьянских хозяйств, очень дорого обошлось, особенно беднейшим слоям населения, объективно этот процесс вел к энергичному поступательному развитию. В частности, имеется в виду расцвет английских городов и всей буржуазной рыночно-частнособственнической структуры, решительно оттеснявшей восходящую корнями к варварско-восточному прошлому ослабевшую и уже едва ощущавшуюся структуру власти-собственности с ее децентрализованной феодальной редистрибуцией.

Четвертым, причем далеко не последним по значению фактором, заложившим основу процветания Британии, был переход большинства населения этой страны в число протестантов. Этому переходу объективно способствовало многое, будь то возможность конфисковать богатые церковно-монастырские угодья или столь желанное стремление Тюдоров ограничить всесилие католической Испании, превратившейся в великую державу и явно стремившейся подчинить себе, помимо прочих европейских государств, еще и Англию. Но едва ли не решающую роль в разрыве с Римом сыграли некоторые субъективные факторы, в частности своенравие Генриха VIII (годы правления 1509–1547) и вынужденно-нерасчетливая политика Римского папы.

Все началось с того, что Генрих, как того требовали нормы, обратился в Рим с просьбой разрешить ему развод с Екатериной Арагонской, не рожавшей ему сыновей. Но Екатерина приходилась теткой испанскому королю Карлу I, который был к тому же императором Священной Римской империи Карлом V. Поэтому римский понтифик не рискнул дать согласие. Разъяренный Генрих обошелся без него и вскоре принял решение порвать с католической церковью, провозгласив себя в 1534 году главой англиканской церкви. В отличие от других протестантских церквей, которые и церквами-то в строгом смысле именовать нельзя, англиканская сохранила систему епископата и некоторые из католических догматов и обрядов. И все же на деле она быстро становилась если и не стопроцентно, то в основном именно протестантской. Этому способствовали не столько натянутые отношения с Римом и католической Испанией,

сколько требования протестантизма лишить церковь накопленных ею богатств и тем более прав на церковную десятину и иные поборы. Генрих с большим удовольствием сделал все то, что способствовало ликвидации церковных и монастырских богатств, значительная часть которых в конечном счете оказалась в руках представителей нового дворянства и, как результат, влилась в развивавшуюся рыночно-частнособственническую систему укреплявшегося английского капитализма.

Говоря об англиканской церкви и об успехах протестантизма в Англии (а они шли не слишком быстро, ибо среди наследников Генриха VIII были и рьяные католики, пытавшиеся повернуть Англию назад), нельзя вновь не обратить внимание на то, что протестантизм в его формах лютеранства и умеренного кальвинизма сыграл решающую роль и в первоначальных успехах, и в еще большей степени в конечном торжестве капитализма в Англии. Именно английский протестантизм в его наиболее очищенной от влияний католицизма пуританской форме, который вместе с англичанами перебрался и в Северную Америку и во многие иные страны, провозгласил нормой суровый осознанный и опосредованный религией постоянный труд со свойственным ему классическим принципом «время — деньги». Этика протестантов, как о том уже говорилось со ссылкой на М. Вебера, породила тот дух капитализма, ту систему завещанной новыми представлениями о Боге безмерной отдачи себя труду, которая, как считалось, одна только и могла привести человека к успехам в этой жизни и к благоденствию в посмертном будущем.

Приняв во внимание все те преимущества, которые выпали на долю Англии уже в первой половине XVI века, будет сравнительно легко понять, почему именно Англии вслед за Голландией выпала счастливая доля обойти напыщенную, но внутренне пустую Испанию и сравнительно легко занять ее место в мировой политике освоения новых территорий. При этом имеется в виду не столько традиционный Восток (весь Ближний Восток был тогда под властью могущественной Османской империи, Дальний — под сильным влиянием Китая; только Индия и Юго-Восточная Азия оставались, как, впрочем, и всегда, главным объектом колониальных устремлений Запада на Востоке), но и другие земли.

Резко возросший капитал позволил англичанам усилить торговые связи и увеличить их геополитический размах. Английские корабли бороздили не только восточные моря, но и прибрежные воды

Америки несмотря на то, что Испания категорически запрещала подданным иных государств без ее официального разрешения появляться в ее владениях и даже около них на территории Нового Света. Английские купцы создавали компании, получавшие, особенно в годы правления дочери Генриха VIII Елизаветы I (1558–1603), не только лицензии, но и официальную поддержку власти. Были созданы компании, ставившие своей целью, как то было и в Нидерландах, на свой страх и риск, на свои деньги, но при активной поддержке правительства вести торговые дела в далеких районах мира. Среди них была и знаменитая Ост-Индская компания, заложившая фундамент английского господства в Индостане. Но главным достижением англичан в деле колониального освоения неевропейского мира в XVII веке стало образование серии колоний на восточном побережье северной части Нового Света. На это стоит обратить особое внимание, особенно в связи с тем, что эта зона колонизовавшихся европейцами территорий была на протяжении значительной части XVI века и тем более в следующем столетии ареной ожесточенного соперничества.

ОСВОЕНИЕ КОЛОНИСТАМИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

По сравнению с Южной судьба Северной Америки, о чем вскользь уже шла речь, была совершенно иной. Здесь до прихода европейцев не было центров урбанистической цивилизации, а многочисленные индейские племена жили в условиях первобытности. Максимум, чего они достигли в процессе начинавшегося политогенеза, были протогосударственные образования, причем процессом трибализации они, скорей всего, были обязаны государствам доколумбовой Америки. Вот с этими индейскими племенами, порой объединявшимися в весьма непрочные, но все же придававшие им силу племенные союзы, как то было у ирокезов или дакота, и встретились самые первые европейские путешественники, а затем и колонисты, начавшие прибывать в Северную Америку уже в первой трети XVI века.

Стоит с самого начала специально оговориться, что в стремлении как-то обойти монополию пиренейских государств на контакты с их американскими колониями англичане, голландцы и французы стали делать акцент на уже упоминавшуюся контрабандную торговлю и тесно связанные с ней морские пиратские экспедиции. Но ни контра-

бандная торговля, ни пиратские набеги сами по себе отнюдь не сразу привели к освоению американского континента в той его части, где еще не было испанцев. Первые попытки высадиться на берег будущей Канады осуществили французы в 1535 г. Территория была объявлена владением французской короны, а пятью годами спустя здесь появился первый вице-король. Он получил власть над землями, на которых проживали добывавшие меха и торговавшие ими с французами туземные племена и всего 200 французских колонистов.

Освоение этой территории шло довольно медленными темпами, что объяснялось вполне объективными причинами. Французы не стремились переселяться в эту далекую северную страну, населенную местными охотничьими племенами и не сулившую быстрого дохода. Одним из первых был построен город Квебек, но только в 1628 году было принято решение переселять в Канаду ежегодно 200–300 рабочих разных профессий. В 1642 году был основан город Монреаль. Но дальнейшее расширение французских владений в Канаде из-за столкновений с англичанами было заторможено. В Канаде в начале XVII века была создана компания «Новая Франция», которой было предоставлено право основывать поселения и вести торговлю. Правда, это не помешало тому, что в конце того же века начался закат французской экспансии в Америке. И хотя французы в 1682 году стали заниматься разведкой земель бассейна реки Миссисипи, в результате чего огромные территории Северной Америки вплоть до впадения Миссисипи в Мексиканский залив (район Луизианы, названный в честь Людовика XIV) были объявлены французскими, это можно считать уже своеобразной лебединой песнью французских колонистов. Франция, не баловавшая вниманием свою в основном протестантскую (гугенотскую) предбуржуазию, оказалась не готовой к активной борьбе за колонизацию земель, не суливших к тому же ей легкого дохода. В 1713 году французы без особых сложностей отдали Англии район Гудзонова залива, контролировавший доступ к колониям в Канаде. А после поражения в Семилетней войне в 1763 г. они лишились всех своих владений в Канаде и части их на островах Вест-Индии.

В другой позиции оказались голландцы и англичане, которые начали проявлять интерес к колонизации Нового Света позже французов. Голландцы еще в конце XVI века направили свои экспедиции в район Южной Америки, давно уже осваивавшийся испанцами и португальцами и потому оказавшийся недоступным для легальной

колонизации. Однако, несмотря на это, в первой трети XVII в. они сумели на время закрепиться в некоторых небольших береговых анклавах на северо-востоке Южной Америки, в районе испанских и португальских (Бразилия) владений. Одновременно они стремились закрепиться на восточном побережье Северной Америки. Первая голландская колония в Америке была основана в 1609 г. на реке Гудзон. Место было выбрано удачно, ибо обеспечивало успешные торговые сделки. В 1613 г. на острове Манхэттен было создано хранилище для закупленной у индейцев пушнины, построен порт, в 1626 г. был даже выстроен небольшой город Новый Амстердам. При этом поселенцы, владевшие значительными участками захваченной ими земли, где они налаживали контакт с местными индейцами, охотившимися на зверей, отнюдь не спешили с заселением занятой ими территории большим количеством колонистов (в 1664 г. их насчитывалось всего 10 тысяч, причем половина из них были англичанами). Это сыграло важную роль в потере Голландией ее североамериканских колоний. В том же 1664 году в занятом ею районе Северной Америки появился большой английский флот, который без особого труда ликвидировал власть Голландии в северной части современных США. Нью-Амстердам был куплен за 24 доллара и переименован в Нью-Йорк.

В целом стоит заметить, что голландцы, как и французы, не сумели удержать своих позиций в борьбе за американские колонии. На юге, где они в основном промышляли работорговлей, их вытеснили португальцы и испанцы, а на севере англичане. Легко понять, почему все произошло именно так. У небольшой, пусть и хорошо развитой в промышленном отношении и имевшей огромный торговый флот Голландии не было достаточно сил, чтобы успешно справляться со своими колониальными проблемами одновременно в Вест-Индии и в Ост-Индии с ее пряностями, которая была для колонизаторов много важнее. Голландская Вест-Индская компания вынуждена была признать свои неудачи и была реорганизована в 1674–1675 годах, после чего фактически утратила свое значение.

Место голландцев заняли англичане. История освоения переселенцами из Англии североамериканского субконтинента заняла немало времени. С того момента, как первые английские колонисты появились здесь, прошло свыше четырех столетий. Но за этот срок северная часть Америки не просто изменилась до неузнаваемости. Она в лице США по меньшей мере уже свыше ста лет является самым сильным и наиболее быстро и эффективно развивающимся го-

сударством, причем во многих отношениях передовым, с образцово выстроенным и до удивления стабильным конституционным строем, хорошо продуманным и основанным на строгом соблюдении баланса сил властями, и с огромными финансово-экономическими и рыночно-частнособственническими потенциями. Но все это пришло не сразу и далось не слишком легко.

Существенно напомнить, что в процессе колонизации всего Нового Света очень заметную роль играла крайне выгодная торговля рабами. Однако запретительная или строго ограничительная политика испанских властей в сфере торговли на южноамериканском субконтиненте вела к тому, что торговцы из наиболее развитых стран Запада, в первую очередь англичане, стремившиеся урвать свою долю прибыли, стали развивать нелегальную торговлю с Америкой, прежде всего на островах Вест-Индии. Нелегальная торговля быстро ширилась и вскоре, уже в последней трети XVI века, приняла характер организованного и крупномасштабного пиратства. Пираты с помощью оружия стремились открыть пути для контрабандной торговли. Особенно прославился в этом деле упоминавшийся уже Ф. Дрейк, который не только успешно преодолевал испанские запреты на торговлю иностранцев в Вест-Индии, но и совершил дальнее морское плавание, обойдя Америку через Магелланов пролив и почти безнаказанно ограбив порты на тихоокеанском побережье Южной Америки. Успехи Дрейка вызвали резонные опасения испанских властей, тогда как королева Елизавета с ее склонностью к протекционизму высоко их оценила, возведя пирата в рыцари, что сыграло свою роль в обострении англо-испанских взаимоотношений и в конечном счете привело к военным действиям, завершившимся трагической гибелью испанской «Непобедимой армады» в 1588 году.

Практически одновременно с этим событием, определившим роль Англии в борьбе за колонии в Америке, в 1583 году англичане оккупировали мало пригодный для проживания там колонистов северный остров Ньюфаундленд. А в 1585 году У. Рели основал первую английскую колонию на острове близ современного американского штата Северная Каролина. В честь королевы-девственницы колония была названа Виргинией (ныне штат Вирджиния) Однако первые английские колонисты, стремившиеся найти здесь золото, мало занимались освоением территории и вскоре вымерли от голода или пали в боях с местными индейскими племенами. Именно это было

с горечью зафиксировано экспедицией, посланной проведать их в 1590 г., уже после победы над Испанией.

С начала XVII века англичане приступили к более активной колонизации восточного побережья Северной Америки. Сразу же выяснилось, что эти земли много сложнее для их освоения европейцами, нежели территории Южной Америки. Индейцев здесь было немного и поначалу они даже охотно уступали переселенцам из Англии часть своих земель. Однако далеко не все основывавшиеся в начале века колонии оказались, как то было достаточно убедительно продемонстрировано первым поселением в Виргинии, вполне жизнеспособными. Известно, что гибель колонии, названной ее именем, сильно подействовала на королеву, так что вплоть до ее смерти в 1603 году и в первые годы правления ее преемника Якова I Стюарта, заключившего мир с Испанией, попыток основать новые колонии более не было. Лишь в 1606 г. король разрешил начать заново осваивать земли в Виргинии. Однако ситуация с освоением колонии повторилась. Многие из первопоселенцев, в основном из числа авантюристов, как то было и при первой попытке основать здесь английскую колонию, предпочли охотиться за сокровищами и быстро вымерли либо вернулись в Англию. К 1610 г. в Виргинии осталось около 60 в основном больных поселенцев. Вскоре на помощь им прибыли новые группы колонистов. Во втором десятилетии XVII века были сделаны не очень удачные попытки наладить систему выживания. Колонисты получали земельные наделы, на которых они начали выращивать табак, пользовавшийся спросом в Европе. Однако при этом колония по-прежнему страдала от голода и болезней, не говоря уже о нападениях индейцев. Лишь в 1624 году Виргиния была наконец объявлена королевской колонией во главе с назначавшимся из Лондона губернатором.

Удача пришла к англичанам только после появления чуть к северу от Виргинии переселенцев-пуритан, прибывших в ноябре 1620 года на корабле «Мэйфлауэр» и с самого начала оказавшихся очень хорошо организованными. Среди этой группы переселенцев практически не было авантюристов и искателей наживы, сыгравших столь роковую роль в процессе развития колонии в Виргинии. Более того, переселенцы с этого знаменитого корабля прославились тем, что с первых шагов в Америке, еще на территории не отплывшего обратно корабля, они подписали сыгравшее огромную роль в истории будущих США соглашение между взрослыми мужчинами колонии. Оно предусматривало создание гражданского социополитическо-

го порядка, обеспечивающего справедливый закон и стремящегося к достижению всеобщего блага в условиях духовного единодушия переселенцев.

Явный либерально-демократический дух этого соглашения поражает тем, что он проявил себя задолго до того, как вся Англия лишь почти столетие спустя, на рубеже XVII–XVIII вв., при Вильгельме III Оранском, оказалась конституционной монархией либерально-демократического типа. Сложилось так, что переселенцы, да и вся колония в так называемой Новой Англии в этом смысле намного опередили историческую судьбу метрополии и, более того, заложили основы будущего свободолюбивого демократического общества, сложившегося в своем окончательном виде, правда, далеко не сразу.

Первый год жизни — до весны и тем более до урожая 1621 года — дался переселенцам тяжело. Едва ли не половина их погибла от голода и болезней. Но сменявшие друг друга избиравшиеся колонистами и отличавшиеся умом, бескорыстием и справедливостью губернаторы (не будем забывать, что переселенцами были протестанты, организованные в общину духовных единомышленников) обеспечивали в колонии порядок и очень строгую дисциплину, чем она выгодно отличалась от того, что прежде было в той же Виргинии. Каждый колонист получил земельный надел в частную собственность. Постепенно колония расширялась, колонисты создавали новые поселки, начал функционировать рынок, появились зажиточные предприниматели, которые владели крупными земельными участками. Но преобладали хозяйства протофермерского типа. Возник новый орган управления — магистрат (обратите внимание на античные корни термина), состоявший из избранных общим собранием колонистов губернатора и пяти его помощников. И стоит заметить, что порядки, установленные в этой колонии, стали привлекать в Америку все большее количество переселенцев из числа в первую очередь английских пуритан-*конгрегационалистов*, противостоявших *пресвитерианам*, более близким к официальной англиканской церкви.

Это создавало в колонии ситуацию политической оппозиции королю, которого колонисты, однако, формально признавали верховным властителем и кому готовы были платить положенные налоги. Вскоре, через 10 лет, часть новопоселенцев, взяв за основу структуру первых колонистов Новой Англии, переселилась в район современного штата Массачусетс. Центром колонии стал Бостон. Руководство новой колонии, его магистрат, было ближе к англиканской церкви,

что породило среди колонистов немалое внутреннее напряжение. В конечном счете большинство колонистов Массачусетса сумело, тем не менее, в 1641 году создать и утвердить новый «Свод свобод» с правовыми нормами, близкими к тем, что были зафиксированы в метрополии лишь в 1679 г. в знаменитом *Хабеас корпус акт*. Признавая короля и его верховенство, свод отдавал высшую власть в руки общего собрания, избиравшего магистрат, т.е. представителей исполнительной власти. Конгрегационалисты при этом сохранили свое влияние.

В течение XVII века на восточном побережье возникло еще несколько английских колоний, в частности в Коннектикуте и Нью-Хейвене, причем каждая из них обычно управлялась губернатором, назначенным из Лондона либо избранным, и имела свое законодательное собрание. Но колонии были разными. В некоторых из них преобладали либеральные порядки, в других господствовали ортодоксы из числа лиц, близких к англиканской церкви. В Род-Айленде, например, церковь (религия) была отделена от государства, что, впрочем, не мешало проповедникам делать свое дело. В Пенсильвании, которой управлял банкир и квакер У. Пенн, власть была демократичной, все люди считались равными, рабство было осуждено, порядок основывался на законе и даже гражданским бракам отдавали предпочтение перед церковным венчанием. Главный город этой колонии, Филадельфия, стал центром притяжения большого числа переселенцев из всей Европы

Середина XVII века прошла в североамериканских колониях англичан под знаком роста внутренней политической напряженности, что было тесно связано как с увеличением численности колоний и ростом разнообразия в религиозных взглядах старых и новых колонистов, так и с появлением все растущего числа мигрантов. Одна за другой на восточном побережье Северной Америки создавались новые колонии англичан. Часть их возникала за счет естественного роста старых, от которых отпочковывались дочерние поселения, другая за счет довольно энергичного притока мигрантов. Колонии располагались долгое время узкой полосой вдоль атлантического побережья. К числу южных относились Джорджия, Южная Каролина, Северная Каролина, Мэриленд и Виргиния; севернее их располагались Делавэр, Пенсильвания, Нью-Джерси и Нью-Йорк, а самую северную часть линии составляли колонии Новой Англии — Коннектикут, Род-Айленд, Массачусетс и Нью-Гэмпшир.

По мере увеличения численности населения, в том числе и за счет мигрантов, они расширялись на запад, причем расширение происходило в форме естественного распространения, часто самовольного захвата участков земли (скваттерство). На практике освоение новых участков земли при постоянном сопротивлении индейцев было делом хлопотным. Оно обычно требовало объединения переселенцев в своеобразные группы взаимопомощи и взаимной поддержки. По типу своему вновь возникавшие поселения были весьма разными, причем во многом это зависело от состава населения, включая наличие либо отсутствие негров-рабов, или намерений тех в Англии, кто, начиная с короля, планировал структуру колоний и формы управления ими. Многое также зависело от религиозной ориентации мигрантов, среди которых вначале абсолютно преобладали протестанты, а несколько позже стали появляться во все возраставшем количестве и представители иных конфессий, причем не только христианских. В частности, в немалом количестве стали появляться евреи. Но стоит заметить, что самым главным везде был дух гражданского общества, которое было основано, по античному стандарту, на непререкаемых нормах близких к греческому полису принципов взаимоуважения и подчинения закону.

В те колонии, что были расположены на юге, ввозились африканские рабы. В этой связи очень важно иметь в виду, что характер землепользования и, в частности, возможность ведения плантационного хозяйства, что было характерным для южных колоний, сыграли важную роль в возникновении существенной разницы между будущими северными и южными штатами. Это та самая разница, которая вызвала значительно позже единственную и очень тяжело пережитую США гражданскую войну, результатом которой стало освобождение североамериканских негров, потомков ввезенных туда рабов. Не просто складывались отношения колонистов с окружавшими их индейскими племенами. Вытеснение местного населения сопровождалось ожесточенными схватками. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Однако количество колонистов и число колоний постоянно росли, и это, наряду с многими другими факторами, определяло и соотношение сил и конкретный результат. Существенная разница между колонизаторами Южной Америки и колонистами Северной Америки была в том, что здесь, на севере континента, не было стремления заставить работать на себя негров, тем более индейцев.

Политическая напряженность в колониях усиливалась в связи с событиями в метрополии, с началом острых противоречий парламента

с королевской властью в Англии в 40-х гг. XVII века. В ряде колоний, в первую очередь в Виргинии, острые противоречия между сторонниками и противниками короля, усиленные социальными противоречиями между богатыми собственниками и простыми колонистами, вылились в длительную борьбу, подчас принимавшую форму вооруженных выступлений. Но в конечном счете исход борьбы решался политическими переменами, происходившими в метрополии. Кроме того, нельзя не принимать во внимание политические симпатии протестантов, преобладавших в колониях и явно склонных поддержать Кромвеля. Это сыграло свою роль и в сложном, длительном процессе объединения колоний. Уже в 1643 году колонии Новой Англии создали нечто вроде конфедерации, причем не столько для совместной борьбы с индейцами, хотя это и играло свою роль, сколько ради того, чтобы усилить позиции протестантов. В ситуации, когда на юге были роялистски настроенные колонии Виргиния и Мэриленд, а на западе, в Канаде, набирали силу колонисты из католической Франции, это было чрезвычайно важно. После казни короля Карла I в 1649 г. в Виргинию мигрировало немалое количество его сторонников. Однако присланная из республиканской Англии военная экспедиция сыграла свою роль в том, что и Виргиния, и Мэриленд не оказались во власти роялистов. В итоге все английские колонии в Америке поддержали сторонников Кромвеля и те важные политические перемены, которые последовали в Англии после казни короля.

Это было тем более естественным и даже само собой разумеющимся, что колонии с самого своего возникновения твердо шли по пути буржуазного развития. Мало того, они развивались быстро. Движение их вперед, несмотря на всю сложность обстановки, начиная с внутренних противоречий и кончая столкновением с индейцами, явно опережало те темпы, которые были доступны быстро эволюционировавшей, но все же еще густо опутанной феодальными связями метрополии. Это с особой силой проявилось в годы реставрации власти династии Стюартов. Стоит специально обратить внимание на то, что попытки английских королей по испанскому стандарту раздавать фаворитам американские земли и вводить в колониях свои порядки приводили лишь к обострению отношений. Назначенные королем губернаторы подчас смещались колонистами, а создававшаяся в колониях собственными усилиями милиция действовала самостоятельно. Когда в результате переворота 1688 года в Англии была ограничена королевская власть, американские коло-

нии получили формальную самостоятельность. К этому времени в 13 колониях проживало уже около 200 тысяч поселенцев, причем количество их быстро возрастало. Единственное, что почти безнаказанно позволяла себе метрополия, так это монополия на торговлю. Принятая в это время политика меркантилизма, поощрявшего торговлю своими товарами и через своих торговцев, вела к обогащению Англии за счет дешевого сырья, получаемого из колоний, и высокой цены на разнообразные промышленные изделия и иные товары, которых у колонистов не было. Стоит оговориться, что, в отличие от испанцев на юге Америки, выгоды от этого получала не английская корона, а буржуазия. Колонисты хорошо сознавали это и потому не протестовали, но напротив, настроены были вначале на активную поддержку политики метрополии в Америке.

КОЛОНИЗАТОРЫ В АФРИКЕ

Африка — особый континент, очень непохожий на остальные. Непохож он не только тем, что здесь огромную территорию занимают тропические леса и пустыни, что здесь проходит экватор и господствует соответствующий климат. Нечто подобное есть и далеко от Африки. Достаточно напомнить о гигантском бассейне реки Амазонки в Бразилии или о джунглях Индостана. Отличие Африки прежде всего в том, что — если не считать ее северную полосу, выходящую к Средиземному морю и населенную в основном не чернокожими аборигенами, но пришлыми арабами, — этот континент очень мало приспособлен для благополучного обитания в нем людей и тем более для эволюции человеческого общества. Такой вывод может на первый взгляд показаться парадоксом. Ведь именно здесь, в Африке, жили предки человекообразных, появились первые гоминиды и именно отсюда выплескивались на север одна за другой волны человекообразных, причем постепенно все более продвинутых видов, вплоть до Homo Sapiens. Тем не менее все именно так. И как знать, быть может, именно тому, что Африка собой всегда представляла, разные виды гоминидов обязаны своим движением на север, что помогало эволюции (метисация) и энергично способствовало распространению человекообразных по планете.

Но как бы то ни было, а печальный факт остается фактом: Африка, бывшая матерью человечества, очень долгое время оставалась его

мачехой. По крайней мере в том печальном смысле, что сама она, за исключением немногих территорий на севере и крайнем юге, не была приспособлена для успешной эволюции человека. Ее почти не обогащенные гумусом почвы могли давать лишь очень слабые урожаи, ее климат не способствовал производственной активности, ее растительность и животный мир не создавали удобств для обитания в ней людей, особенно больших и плотно живущих коллективов. Словом, Африка отставала в своем развитии и эволюционировала, даже при активном содействии транзитной торговли, крайне слабо. Она была вплоть до сравнительно недавнего времени гигантским первобытным океаном, на котором небольшими и крайне неустойчивыми островками выделялись анклавы, чуть знакомые с основами государственности и цивилизации. При этом волны первобытного океана нередко бывали столь мощными, что они время от времени захлестывали эти островки. И такое происходило именно потому, что эти островки были небольшими, а их уровень лишь едва возвышался над уровнем океана.

Все это необходимо иметь в виду, коль скоро мы подходим в изложении событий к той роли, которую Африка и ее негритянское население, жившее в основном южнее Сахары, сыграли в истории колонизации, столь тесно связанной с географическими открытиями. Речь о чернокожих рабах. Вообще практика работорговли была известна человечеству с незапамятных времен. Но наиболее кричащие черты она обрела тогда, когда рабами начали становиться не пленники, которые обычно вскоре растворялись в местном населении, а обычные мирные жители прибрежной полосы континента. Дело в том, что Африка южнее Сахары представляла собой в середине II тысячелетия, когда предбуржуазная Европа выходила в своем развитии на финишную прямую, упомянутый уже океан примитивной первобытности и полупервобытности с лишь очень немногими островками очень ранней и крайне неустойчивой государственности. Островки были не просто небольшими. Они отличались еще и тем, что располагались вдали друг от друга и потому обычно заметно отличались языковыми и этническими характеристиками. Иными словами, это были общности, почти каждая из которых воспринимала себя в качестве вполне самостоятельной и высоко ценящей свою уникальную идентичность. Такого типа особенность, ведшая к разрозненности и если не к войнам (на войны у первобытных людей не было ни сил, ни средств), то во всяком случае к противостоянию, а то и к силовым схваткам, всегда ослабляла каждую из многочисленных

общностей и в конечном счете способствовала ее отсталости. А если принять во внимание, что подобного рода мелкие обособленные общности, если опираться на подсчеты лингвистов, измерялись тысячами, то станет очевидной безбрежность того океана первобытности и полупервобытности, который веками и тысячелетиями являла собой Тропическая Африка.

Океан африканской первобытности был легко доступным для посторонних. Более того, он привычно и даже вполне естественно воспринимался ими как источник бескрайних ресурсов, которыми можно пользоваться без особых усилий. Или, уходя от метафор, Тропическая Африка воспринималась извне как источник не только природных богатств, которые нужно было еще добыть, но и как неисчерпаемый резервуар почти даровой рабочей силы, в которой то и дело нуждались те, кто появлялся в Африке. Стоит заметить, что первыми это учли арабы, осваивавшие восточноафриканское побережье. Именно они вывозили из Африки рабочую силу для тяжелых работ, каковым был, в частности, нелегкий труд по расчистке солончаков либо избавлению устья рек Тигра и Евфрата от многовековых илистых наслоений, которые препятствовали течению и вызывали наводнения. Многие тысячи негров были привезены в этот район, где они использовались в качестве рабов. Как известно, в конце IX века недовольные зинджи подняли восстание, обратив при этом в рабство многих из тех, кто были до того их хозяевами. Восстание, вскоре подавленное властями, продемонстрировало, что рабство как форма взаимоотношений между различными расовыми группами воспринималось отставшими в развитии негритянскими невольниками как едва ли не единственно возможная форма взаимоотношений между различными расовыми группами.

Случай с зинджами, которые использовались в качестве даровой рабочей силы и в форме издавна известного классическому Востоку рабства, ясно показывает, что негритянская Африка за много веков до появления там европейцев воспринималась представителями более развитых цивилизаций как массив ничего не стоившего труда. Едва ли это представление было ограничено одними зинджами и более чем вероятно, что о нем знали не только в мусульманском мире. Ведь захватом пленников в рабство со времен финикийцев не брезговали пиратские шайки в Средиземном море. Однако существенная разница сводилась к тому, что немногочисленных пленников из числа европейцев нередко выкупали. В любом случае они доставались не

слишком легко и потому ценились довольно дорого. По сравнению с ними черные рабы не стоили почти ничего, и, что немаловажно, никто не только не стал бы их выкупать, но и не позаботился бы о том, чтобы как-либо облегчить их участь либо спасти их от неволи.

Иными словами, негры в практически безгосударственной Африке, раздробленной на многочисленные и часто враждующие друг с другом мелкие этнические общности, реже более или менее крупные племена и тем более племенные союзы, были как бы ничьи и потому беззащитны. Это важное обстоятельство, видимо, не могли не учесть арабы, которые первыми в значительном количестве осели в Африке и потому были хорошо, причем задолго до португальцев, знакомы с этим континентом. И если арабы не сумели проникнуть вглубь континента и во много раз увеличить масштабы использования даровых африканских ресурсов, то это объясняется тем, что в такого рода ресурсах арабо-мусульманский мир не очень-то нуждался. Кроме того, проникновение во внутренние районы тропического континента было чревато многочисленными опасностями, справиться с которыми было нелегко. Стоит в связи с этим обратить внимание на то, что и колонизация Тропической Африки европейцами тоже шла очень осторожными темпами. Спервоначала, причем на протяжении довольно длительного времени, она обычно ограничивалась освоением побережья, и лишь спустя несколько столетий, в основном лишь с XIX века, да и то не с самого его начала, стал понемногу идти процесс проникновения европейцев вглубь континента.

Португальцы, начавшие первыми из европейцев осваивать побережье Африки на западном и юго-западном ее побережье, бесцеремонно скупали интересовавшие их анклавы за бесценок у старейшин местных общин либо глав небольших племен, служивших посредниками и в торговле живыми людьми. Анклавы, быстро обраставшие укреплениями и портовыми сооружениями, превращались в достаточно крепкие и надежные форпосты, едва ли не главной задачей жителей которых была работорговля. Практика покупки чернокожих началась еще до эпохи широкомасштабной европейской колонизации. Первая партия чернокожих рабов была доставлена в Лиссабон еще в 1441 году, когда португальцы только-только начали осваивать северо-западное побережье континента в поисках путей в Индию. Как много таких партий прибывало в последующие годы в Португалию и что там делали с этими рабами, не очень ясно. Но объективно это была своего рода подготовка к массовой закупке рабов с целью выгодной

переправки их в нуждавшуюся в рабочих руках Америку, прежде всего Южную, где местное население, особенно в жаркой Вест-Индии, вымирало с начала XVI века крайне быстрыми темпами.

Черные африканские рабы, хотя они и ни в коей мере не были приобщены к цивилизации и тем более к тяжкому повседневному труду, оказались, тем не менее, выносливее аборигенов Вест-Индии. И хотя немалое число их умирало в пути либо не выдерживало тяжелых условий труда на новых местах, торговля африканскими рабами оказалась делом выгодным. Ею занялись после освоения Америки торговцы из многих стран, включая не только Португалию и Испанию, но и весьма просвещенные и передовые Голландию, Англию и Францию. Впрочем, этому не стоит удивляться. Представители этих стран, имевшие интересы в Америке и сталкивавшиеся с нехваткой рабочих рук в Новом Свете, вынуждены были позаботиться о пополнении числа этих рук. Переселенцы из Европы прибывали в Новый Свет достаточно медленными темпами, причем они, как правило, не очень стремились заняться тяжелым трудом на плантациях либо в рудниках. Словом, чернокожие рабы, даже обходившиеся достаточно дорого, были нужны. А поскольку рынок есть рынок и там спрос определяет предложение, то не приходится удивляться тому, что охотников заняться работорговлей оказалось немало. Более того, все анклавы, создававшиеся португальцами на западноафриканском побережье и особенно в Гвинейском заливе в качестве опорных баз для освоения морского пути в Индию (позже их создавали также и на восточноафриканское побережье, часть которого оказалась под властью тех же португальцев), стали со временем в большей либо меньшей степени центрами работорговли.

Тесная связь между снабжением рабами Южной Америки, в частности малонаселенной Бразилии, и Африкой была в 1552 году формально зафиксирована тем, что португальские владения в Африке оказались подчинены губернатору Бразилии. Испания же не имела в Африке такого количества анклавов, как Португалия. Но это, однако, не помешало испанцам тоже ввозить из Африки многие десятки тысяч чернокожих рабов. Вообще вся вторая половина XVI и XVII–XVIII века в торговле рабами из Африки прошли под знаком постепенного вытеснения торговцами из других стран португальцев, бывших до того едва ли не монополистами. Франция, например, создала на западноафриканском побережье анклавы в районе Сенегала и Гвинеи, откуда отправлялись рабы преимущественно в район захваченных

французами островов Вест-Индии. Голландские купцы, тоже имевшие на западном побережье Африки с начала XVII века ряд анклавов (острова Зеленого мыса, Сьерра-Леоне и др.), привозили чернокожих рабов в Бразилию и северо-восточную часть Южной Америки, в частности в район Эссекибо, до тех пор, пока эти территории находились в числе голландских колоний в Южной Америке. Что касается англичан, то они, как и французы, сумели в XVII веке вытеснить испанцев из нескольких островов Вест-Индии, что вынудило и их позаботиться о ввозе на острова африканских рабов. Надо сказать, что плантационное рабство на островах близ тропиков было настолько тяжелым, что не раз рабы там восставали. Впрочем, это не вело к изменению ситуации, но напротив, было для англичан чем-то вроде тренировки, т.е. подготовки к тому времени, когда плантационное рабство появилось и стало едва ли не основой производства в южных штатах США.

Завершая печальный рассказ о превращении многих миллионов африканцев в чернокожих рабов на территории Южной Америки и островов Вест-Индии, а потом и в южных штатах США, необходимо заметить, что при всей бесчеловечности рабства чернокожих в Америке перемещение масс африканского населения на территорию Нового Света сыграло все же — со всеми необходимыми оговорками — и исторически позитивную роль. Потомки выносливых людей, переживших труднейший период в истории своей расы, внесли огромный вклад в развитие Америки как на юге, так и на севере континента, и в конечном счете все они, будь то чернокожие или мулаты и метисы, оказались сегодня весьма заметной частью ее населения. Как известно, именно мулаты и метисы преобладают в большинстве современных стран Латинской Америки. Немалое количество ныне так называемых афроамериканцев проживает и на севере континента, причем в достаточно комфортных для них условиях подчеркнутой законом и нормами обычного права и тщательно соблюдаемой во всей стране — имеются в виду прежде всего США — современной политкорректности.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ В СТРАНАХ ТРАДИЦИОННОГО ВОСТОКА

Главной целью энергичной предпринимательской активности европейцев в освоении океанских путей было стремление найти путь в Индию и тем самым избавиться от посредничества арабов в обрете-

нии столь нужных Европе пряностей, обходившихся из-за сложностей транзитной сухопутной торговли слишком дорого. И здесь мы сталкиваемся с проблемой колонизации и с принципами освоения колонизаторами тех далеких территорий, где эти пряности взращивались. Частично об этом упоминалось; теперь нужно сказать несколько подробней и с учетом взаимодействия пришлых торговцев с местным населением и особенно с правителями далеких стран за пределами Ближнего Востока. Речь о тех, с которыми в древности античный и эллинистический мир не имел хоть сколько-нибудь прочных связей и о которых он очень мало знал.

Начало освоению этих отдаленных территорий, которые на первых порах чаще всего именовались сводным термином «Индия» и располагались в бассейнах далеких от Европы южноазиатских морей, было положено, как о том уже шла речь, португальцами. Лишь Филиппины по игре случая оказались испанскими, но там не было пряностей, и потому они осваивались не слишком энергично. Раньше всего, в самом начале XVI века, португальцы закрепились в некоторых районах Восточной Африки (Мозамбик, Могадишо, Занзибар и др.). В одних захваченных ими территориях поселений не было, из других, в частности из Занзибара, были вытеснены обитавшие там арабы из Омана, которые, впрочем, сумели уже в конце того же века вернуть себе остров. Но, хотя португальцы не очень стремились закрепиться в Восточной Африке, они все же оценили сравнительно выгодно расположенные земли Мозамбика и остались там надолго, пытаясь даже, правда, безуспешно, захватить протогосударство Мономотапа.

Главной целью португальцев было не восточноафриканское побережье, хотя оно впоследствии долгое время служило одним из мест, откуда вывозились рабы, а создание небольших форпостов для более удобного сообщения с Индией. Такими форпостами, по большей части временными, служили им анклавы и в Персидском заливе. Достигнув Индии, португальцы надолго закрепились в Гоа, где был создан центр вице-королевства. В самой Индии, как вскоре выяснилось, желанных пряностей было немного. Но стратегическое положение континента оказалось очень важным для всей колониальной торговли, так что анклав в Гоа с мощным торговым и военным флотом, равно как другие форпосты португальцев в прибрежных районах субконтинента, стал для Португалии на доброе столетие удобным способом контролировать и ограничивать традиционную морскую торговлю индийцев и арабов. Уничтожение кораблей, не имевших португаль-

ской лицензии, превратилось в норму и обеспечило по крайней мере на столетие, если не больше, монополию португальской короны на торговлю пряностями.

Но так как им нужны были пряности, то нет ничего удивительного в том, что по мере своего закрепления в различных прибрежных районах Индийского океана они уверенно двигались на юг и юго-восток, где эти пряности в основном и произрастали. Речь о Малайе, Индонезии и Цейлоне, куда португальцы сумели проникнуть уже в самом начале XVI столетия и где они, организовав сеть хорошо вооруженных форпостов, сумели заставить местных правителей признать свою власть. Эта власть выражалась в праве вмешательства во внутренние дела враждовавших между собой государств, включая энергичную миссионерскую деятельность, в организации торговли пряностями и в активной борьбе с соперниками, особенно англичанами и голландцами, за монополию в торговле пряностями. В этом последнем деле португальцы преуспели менее всего, ибо время работало против слабой и отсталой Португалии, даже усиленной союзом с Испанией. Англичане и голландцы успешно теснили своих иберийских соперников. Военная мощь португальского флота и солдаты-наемники (в том числе африканцы и индийцы), а также регулярная помощь из Гоа сумели на время обеспечить португальцам позиции главной правящей силы на Цейлоне, а затем и в районе Малакки и Молуккского пролива, частично также и на некоторых островах Индонезии. С начала XVII века, хотя и не сразу, огромные затраты на поддержание их господства начали окупаться. Торговля корицей была объявлена монополией короны и шла только через порт Коломбо. Но так обстояло дело очень недолго. Уже в 1658 году власть над островом Цейлон перешла к Голландии.

Португальцы в своем движении вперед достигли Китая, где закрепились в Макао, сыгравшем очень большую роль в их торговле. Они также наладили торговые связи с Японией, где оппозиционные по отношению к сёгуну южные князья-даймё приветствовали появление португальских кораблей, оказывая им дружескую встречу и охотно торгуя с ними с целью приобретения огнестрельного оружия, да и некоторых других товаров. Однако если говорить в целом, то владычество Португалии и здесь, как и во всех странах южных морей, оказалось недолгим. Сумев закрепить за собой лишь восточную часть острова Тимор на крайнем востоке Индонезии, недалеко от северного побережья Австралии, большего она не достигла. Зато

уже с начала XVII века под ударами голландцев и англичан Португалия начала терять одно за другим свои колониальные приобретения. Одной из первых потерь был иранский Ормуз. Затем наступила очередь анклавов в Индии, где с начала XVII века стали активно действовать англичане. И хотя пряностей здесь, вопреки представлениям европейцев, почти не оказалось (из их числа упоминают обычно лишь шафран), тем не менее богатства Индии (драгоценности, металлы, ткани, краски, лак и т.п.) всегда привлекали внимание европейцев. Кроме того, оказалось возможным расширить производство некоторых видов пряностей. Главным же было стремление нажиться на торговле, причем не только собственной, но и местной либо ведшейся третьими странами, которые заставляли фрахтовать грузы в захваченных англичанами портах. Всем этим и занялись весьма активно первые поколения английских колонизаторов, особенно после учреждения защищавшей их интересы английской Ост-Индской компании.

Богатства Индии привлекли и французов, которые в силу ряда обстоятельств, связанных как с условиями внутреннего экономического развития, так и с военно-политической и даже религиозной ситуацией в стране, начали процесс колонизации позже основных своих соперников. Это сыграло решающую роль в том, что в соперничестве с англичанами в территориально огромном Индостане они в конечном счете проиграли. Правда, французы попытались взять реванш в Сиаме, где в XVII веке уже активно действовали голландцы и англичане. Но Сиам оказался крепким орешком. И в конце того же века иностранные колонизаторы оставили эту страну, которая была прочно закрыта от контактов с ними. На территории соседней с Сиамом Бирмы, где пряностей не было, португальцы форпостов не создавали, но в качестве авантюристов, солдат-наемников и пиратов обрели на первых порах печальную известность. Впрочем, ненадолго. Вскоре английская и голландская Ост-Индские компании попытались в середине XVII века наладить здесь нормальную торговлю. Однако они тоже не очень в этом преуспели, в основном из-за междоусобиц и разорения портов, но также и потому, что привлекательных для европейцев товаров по сходной цене было немного.

Едва ли не единственным значительным успехом колониальной политики Испании в юго-восточноазиатском регионе был, как упоминалось, захват Филиппинского архипелага. Отдаленность Филиппин от остальных более или менее развитых стран традици-

онного Востока обусловила значительное отставание местного населения в развитии. На Филиппинах до испанцев на общем фоне полупервобытности существовали лишь немногие политические структуры типа ранних протогосударств. Из их числа наиболее сильными были, пожалуй, южные, где уже получил распространение шедший из островного мира Индокитая ислам. Наладить отношения с мусульманами-*моро* (маврами, как привычно именовали мусульман в Иберии) испанцам было очень нелегко. Что же касается остальной части архипелага, по многим параметрам близкого к периферийным районам уже давно осваивавшейся испанцами Мезоамерики, то там была в 1570 г. введена система *энкомиенд*, в рамках которой преобладающую роль, по крайней мере на первых порах, играла католическая церковь. Результат был очень схож с тем, какого добились колонизаторы в Южной Америке, где подавляющее большинство местного населения было христианизовано, причем в большинстве случаев при этом сохранялась общинная структура во главе с традиционными для индейского населения старейшинами-*касиками*.

ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ НА ВОСТОК

Интерес русских к Востоку был, как и в Западной Европе, связан прежде всего с развитием торговли. Правда, потребность в пряностях здесь, в северных землях с холодным климатом, особо не ощущалась. Но это не помешало тому, что русские купцы, как Афанасий Никитин, еще в XV веке достигали в ходе своих длительных странствий южных государств Индостана. Впрочем, у русских были свом торговые интересы. Новгородские купцы еще задолго до Никитина посещали северные территории Сибири, выменивая свои ремесленные изделия на пушнину у сибирских охотников, а то и посылали военные дружины собирать дань мехами с местного населения. Позже, уже на рубеже XV–XVI вв., дружины русских князей доходили до Тобола, Иртыша и Оби, вынуждая редкое местное население — ненцев, хантов и других — признавать себя вассалами русских и платить ясак, дань пушниной. И хотя эти экспедиции были лишь разовыми и к регулярной выплате дани не приводили, сведения о богатствах Сибири не забывались. А после завоевания при Иване Грозном Казанского и Астраханского царств и освоения русскими Поволжья и Приуралья

ситуация в корне изменилась. Успехи в борьбе с татарами привели к хотя и не вполне официальной, обязанной скорее интересам богатых купцов Строгановых, чем стремлениям властей, экспедиции отряда казаков во главе с Ермаком в Сибирь, в зону владений Сибирского ханства. Экспедиция началась в 1582 году и на первых порах добилась довольно значительных результатов. Овладев рядом северных сибирских территорий, казаки собирали ясак с манси и хантов. И несмотря на то, что они вместе с атаманом, попав в засаду, погибли в 1585 г., начало освоению Сибири было положено. Вскоре Сибирское ханство перестало существовать, а на его территории уже в конце XVI века появились русские городки-крепости Тюмень, Тобольск, Тара, Березов на Оби, Сургут, Нарым. В 1601 году была создана северная крепость Мангазея, а в 1604 году построен Томск.

Как и в процессе освоения колоний западноевропейскими странами, движение в Сибирь начиналось с проникновения туда вольных людей, часто просто авантюристов, нередко основательных предпринимателей. Они шли все дальше и дальше, создавая новые крепости, будь то Туруханск или Якутск, а то и Нерчинск на Амуре. За первопроходцами шли вольнопоселенцы, основывавшие в подходящих для этого местах деревни или хутора-заимки, позволявшие обеспечивать Сибирь продовольствием. Едва ли не последними прибывали на уже освоенные земли служивые люди русского царя, закладывавшие фундамент администрации и стремившиеся упорядочить сбор ясака с покоренного местного населения. Обилие неосвоенных земель и малочисленность русских колонистов способствовали сохранению на присоединенных к Русскому государству гигантских территориях Сибири сравнительно безболезненной системы отношений с местным населением, что выгодно отличает процесс освоения русскими вновь обретенных колоний от всего того, что происходило, в частности, в Новом Свете. Более того, русские промысловики сумели захватить и некоторые земли северо-восточного побережья Америки, начиная с Аляски, где они достаточно активно занимались морским промыслом и даже основали в 1799 году Российскую американскую кампанию, ведшую торговлю добычей с бостонскими купцами, поставлявшими им в обмен продовольствие. К северу от Калифорнии появился и русский форт Росс. Все это в начале XIX века сыграло немалую роль в возникновении регулярных контактов с США, что в свою очередь привело в 1807 году к установлению дипломатических отношений между этими государствами.

Глава четвертая. ФАКТОРЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ УСПЕШНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Во всех трех предшествующих главах шла речь об энергичной экспансии Запада, ведшей к постепенной буржуазной вестернизации почти всей планеты. Что способствовало этому мощному и необычайно широкомасштабному движению? И почему именно Запад (некоторую оговорку следовало бы сделать разве что по отношению к России, специфику геополитической ситуации которой стоит при этом принять во внимание) сумел начать и продолжал столь долго и последовательно осваивать различные части территории земного шара, до того бывшие по многим причинам практически ему недоступными? Теоретическая проблема движущих сил и динамики исторического процесса заслуживает специального внимания. Речь пойдет о тех основных факторах, влияние которых способно оказать значительное позитивное воздействие на ход исторического процесса. Таких факторов — если говорить о самых главных из них — всего три, причем они достаточно разные. Но сходство сводится к свойству их способствовать успеху эволюции или препятствовать ему. Словом, перед нами проблема, в которой следует разобраться особенно тщательно, ибо от правильного ее понимания зависит очень многое.

УДАЧНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ В ИСТОРИИ

Этот — первый — фактор можно считать если и далеко не самым важным, то во всяком случае наиболее распространенным и чаще всего играющим свою не просто очень существенную, но решающую роль. Но для начала поставим вопрос в самом широком плане и обратим специальное внимание на феномен как таковой. Что такое случай и как могут повернуться события в зависимости именно от этого на первый взгляд столь несерьезного для солидного академического исследования фактора. Стоит оговориться, что перед нами очень серьезная научная проблема, разработке которой уделяли внимание многие философы и ученые, особенно математики (теория вероятности). Однако, не включаясь в ученый спор, обратимся к тому, что важно для нас, к роли случая в истории, к его месту в историческом процессе. Фактор случайности здесь более чем серьезен и вполь-

не заслуживает самого пристального анализа. Я мог бы сослаться на известные рассуждения Анри Пуанкаре о том, что когда-то, в момент зачатия Наполеона, достаточно было сперматозоиду сдвинуться на микрон и уступить место другому, не было бы Наполеона (вместо него родился бы кто-то другой), и вся история могла бы пойти иначе[1]. Но я не стану опираться на авторитет великого, хотя его мысль в чем-то абсолютно безупречна. Случайностей такого рода всегда неохватное множество. Но нужно выстроить их ряд, чтобы понять то, что имеет значение для истории.

Не углубляясь в детали и не стремясь расширить количество примеров, обратим внимание на самое основное. То, что обычно выглядит как некая случайность и что есть основания воспринимать именно так, это событие, которое может произойти либо не произойти, обернуться так или иначе, принести пользу или вред, победу или поражение. Событий такого рода неизмеримая масса, причем они абсолютно везде, встречаются на каждом шагу, как в жизни каждого, так и в явлениях глобально-космического ряда.

И вот это и есть что-то очень важное. На этом держатся цепь событий, все законы эволюции, если согласиться, что они существуют[2]. Отталкиваясь от этого, заметим, что первая и важнейшая для человечества случайность в том, что в далекое время начала расширения Вселенной после Большого взрыва появились наша галактика и в ней — наше столь отличающееся от миллионов иных звезд Солнце. Ведь этого легко могло просто не произойти и никто никогда этого даже не заметил бы. И можно только гадать, что случилось бы вместо этого (как в случае с зачатием Наполеона в рассуждениях Пуанкаре). Следующая аналогичная случайность, что у нашего Солнца появились планеты, еще одна в том, что на нашу планету пал исключительно редкий жребий, т.е. возникновение и развитие жизни, что на нее не упал солидный астероид, который мог бы расколоть и погубить ее. Очередной неоценимый случай — появление в результате услож-

[1] *Пуанкаре А.* Наука и метод. Книга I. Ученый и наука. СПб., 1910. Гл. IV. Случайность, пункт 9 (текст из интернета).

[2] Первый из них в концепции автора — закон вызова и адекватного на него ответа, отвечающий принципу вечного движения, вне которого всему сущему грозит энтропия. Второй — закон баланса, отвечающего за соответствующую этому принципу и необходимую для его соблюдения коррекцию в процессе самоорганизации неравновесных систем.

нения форм земной жизни млекопитающих, приматов, антропоидов, наконец, Homo Sapiens, т.е. людей, наделенных разумом и творческими потенциями необычайной силы. Далее, следуя тому же Пуанкаре, каждый из нас и наших предков имел возможность появиться на свет, но столь же легко мог и не появиться — и понятно, от какого бесчисленного количества неопределенностей это зависит. Любой и фактически в любую минуту может умереть от болезни либо несчастного случая, на войне или в результате иного бедствия, а может спокойно дожить до старости и почить окруженным большой семьей из многих детей и внуков. Война, в которой гибнут многие, может случиться именно в годы вашей жизни, а может, если повезет, обойти вас стороной. Это же относится к эпидемиям, к космическим явлениям земного порядка, таким как наводнения, землетрясения, перемены климата и т.д. и т.п.

Попытаемся резюмировать. Перед нами цепь событий, каждое из которых уникально, но которые в своей итоговой сумме могут считаться взаимно обусловленными каузальными связями. Однако в реальной своей конкретике все эти связи абсолютно случайны. Но есть ли в этой приятной цепи удачных случайностей, как любили утверждать марксисты, закономерность? Сразу же заметим, что следы ее лишь в итоговом результате. И не поддается подсчету, сколько параллельно с результатом, достигнутым человечеством в XXI в. на третьей планете Солнца в нашей галактике, таких, которые можно считать результатом одной в этой длинной каузальной цепи неудачной случайности. А это значит, что закономерности в смысле повторяемости нет и не может быть. Она остается для нас лишь в том, что мы, каждый из нас и человечество в целом, являемся элементом и этапом процесса эволюции. Для нашей Солнечной системы — уникальной в своем роде, а для Вселенной — одного из несчитанных вариантов возможных и, главное, не имеющих для нее ровным счетом никакого значения других итоговых результатов. Не было нас (как и планеты с Солнцем, и всей галактики), потом мы появились, метеором — особенно люди с разумом и цивилизацией — промелькнули и ушли в небытие. Никто и никогда этого не заметит. Так что же тогда на этом вселенском фоне нескончаемого движения и эволюции как его формы мы все, включая и Наполеона в рассуждениях Пуанкаре, значим? О какой закономерности можно вести речь? И какой вывод из этого следует?

Sapienti sat, как говорили древние. Едва ли стоит продолжать. В самом общем виде важно понять, что исторический процесс на

нашей планете есть скопление случайностей. Но вся цепь случайностей отражает определенный процесс, который, впрочем, на что важно обратить внимание, в любую минуту может остановиться, напоровшись на драматическую и на сей раз неудачную, а то и роковую случайность. Речь может идти об элементарном разовом и даже уникальном (хотя и вполне возможно повторяющемся) событии, воздействие которого решительным образом изменяет многое. Это многое может быть и в жизни людей, и в явлениях более крупного масштаба, будь то многие важные исторические события (существование или гибель стран и народов, заметное изменение геополитической картины мира и т.п.) или даже катаклизмы космического масштаба. Понятно, что для анализа поставленной проблемы всего перечисленного слишком много. Поэтому, оставив в стороне все лишнее, остановимся на том, что крайне существенно для истории, и начнем с процесса антропогенеза, напомнив о его сути.

В ходе очень длительной серии неповторимых и в своем наборе явно случайных мутаций и следовавших за каждой из них непредсказуемых метисаций произошел сапиентный человек. Нет никаких оснований сомневаться в том, что это был уникальный счастливый случай. Природа, которую в нашем случае олицетворяло все многообразие изменяющейся жизни на планете, вроде бы играла сама с собой, следуя классическому принципу проб и ошибок. Эта игра была безо всякой определенной и во всяком случае кем-либо и как-то осознанной цели. Но встает вопрос, был ли случай совершенно случайным (извините за тавтологию) или в нем таилась некая объективная неизбежность, продиктованная процессом эволюции, имманентным стремлением всего живого в процессе естественного отбора к чему-то более совершенному. Ведь могла же эволюция гоминидов (не вообще появление их, а некое упорное стремление к совершенству, требовавшее дополнительных стимулирующих усилий) завершиться до возникновения сапиентов, как завершилась она в процессе эволюции других приматов, не говоря уже об остальном живом мире? И если считать, что какая-то неизбежность появления на нашей планете Человека Разумного все-таки почему-то была, то почему? Что заставляло человекообразных двигаться к завершению начатого их далекими предшественниками поиска еще одной удачной случайности? И что способствовало ее реализации?

Современная наука, археология и физическая антропология, не в состоянии дать развернутый убедительный ответ на этот вопрос.

И не случайно, что вплоть до сегодняшнего дня в качестве альтернативы выступает религиозный миф, созданный разными религиями еще на заре истории. Но оставим миф в покое. Предположим, что тогда, когда процесс возникновения все более совершенных видов в семействе Homo на нашей планете почти полностью завершился, остался лишь один этап, последний и завершающий, вызванный к жизни стремлением Природы (будем считать так) создать сапиентного человека. Гоминиды, каждый вид которых в процессе эволюции сменялся в результате удачных мутаций более развитым, не останавливались в этом долгом поступательном процессе до того, как в результате сохранившихся еще в их распоряжении потенций они достигли уровня Человека Разумного. В огромном и разнообразном мире живого на нашей планете возник разум как принципиально новое качество, быть может, во всей Вселенной, хотя нам никогда этого не узнать. И на этом эволюция в форме резко преобразующих виды гоминидов мутаций вроде бы остановилась. Почему же? Видимо, все дело в том, что был достигнут некий предел. Речь о разуме.

Разум в мире живого, руководствовавшегося в повседневном поведении до того лишь инстинктами, это очень много. Без него или при его заметном недостатке человекообразное существо и просто любой современный человек перестает быть полноценным, даже если он вполне в состоянии совершать некоторые простейшие действия. Место такого несчастного в современном человеческом обществе если и не в доме умалишенных, то в любом случае под строгим присмотром медицинских учреждений. И разница между ним и полноценным сапиентным человеком необычайно велика. Поэтому очень важной удачной случайностью следует считать тот факт, что процесс антропогенеза, продолжавший в силу объективной необходимости эволюционного развития делать шаг за шагом вперед в ходе спорадических мутаций, логично ориентировался в своем объективном стремлении вперед именно этим.

Достигнув этого, цепь случайностей-мутаций завершилась, потому что главное было сделано. Человек Разумный возник. Собственно, именно этот великий завершающий момент в процессе антропогенеза и был, как следует полагать, высшей конечной его целью. И вот здесь стоит приостановиться и, как говорится, призадуматься. До тех пор, пока цепь случайностей не доходила до уровня разума, все оставалось на уровне эволюции сущего или живого неразумного и было результатом его стихийно-адекватного ответа на некий вселенский

вызов (от имени Вселенной выступала наша планета, она же Природа). И только в момент появления Разума, как можно полагать, он оказался то ли соперником, то ли активным сотрудником Природы. Согласен, что это допущение более чем условно и ничем, кроме прекращения эволюции человека по достижении им состояния Sapiens, это нельзя доказать. Но нужно ли доказывать? Вполне достаточно отождествить Разум с объективно функционирующей Природой и заключить, что обе эти силы, высшая объективная и высшая совокупная субъективная, оказались заинтересованы в соблюдении нормы баланса, которая наподобие стража порядка призвана следить за каждым последующим шагом человечества. И не только оценивать, но и считать этот шаг не столько результатом непредсказуемой случайности, сколько неким итогом осознанного выбора, сделанного разумным человечеством, учитывающим нормы закона баланса.

Разум, руководствуясь импульсами со стороны нормы баланса, обеспечил процветание жизни людей на нашей планете, что и есть первая и главная удачная случайность в том историческом процессе, который стоит в центре нашего внимания. На протяжении всей истории (по завершении процесса антропогенеза) удачные случайности продолжали играть исключительно важную роль. Они содействовали обладающим разумом людям овладеть производством пищи (земледелие и скотоводство), перейти к оседлому образу жизни в постоянных постройках, научиться изготовлению керамических сосудов, прядению, ткачеству и изготовлению одежды. Случай познакомил их с искусством изготовления орудий и оружия не только из камня, но и из металла. Собственно, вся история длившейся ряд тысячелетий неолитической революции — совокупность счастливых находок и удачных случайностей. Но стоит заметить, что разум контролировал случай и, учитывая норму баланса, стремился соответствовать ему. Речь, разумеется, не о конкретных случайностях бытия человека, общности или даже страны, государства, а о том, что имеет общечеловеческую значимость и вписывается в то, что мы именуем историческим процессом, имея в виду опять-таки лишь генеральные его очертания.

Известно, например, что первые шаги неолитических земледельцев были направлены в сторону великих речных долин, из которых наиболее удачной для освоения оказалась долина Нила с его медленным течением и регулярными с календарной точностью разливами. Для ранних этапов истории с их естественным стремлением к консервативной стабильности это было желанной нормой. Жить

спокойно, без излишних волнений, вызываемых новшествами и переменами, от которых неизвестно чего можно ожидать, — вполне оправданное желание. Но замедленная, подчас застывшая жизнь не способствует эволюции. А естественный прирост населения и набеги соседей, тем более жестоких варваров-кочевников, обычно рушащих все, что попадает им под руку, и редко щадящих при этом мирных жителей, с течением времени вступают во все более острые противоречия с привычкой жить спокойно и не торопясь. Жизнь требует поворачиваться быстрее и развиваться энергичней, ибо иначе консервативная стабильность может оказаться чреватой ослаблением и гибелью. Вывод очевиден: спокойная жизнь вступает в противоречие с успешной эволюцией. Это очень важное несоответствие в середине I тысячелетия до нашей эры было хорошо осознано в пределах стран и народов ближневосточной древности, оказавшихся завоеванными персидской империей Ахеменидов.

В государствах традиционного Востока господствовала структура власти-собственности с соответствующими ей институтами централизованной или децентрализованной редистрибуции. Практически это означает, что обычные предприниматели в рамках рыночно-частнособственнических отношений (за редчайшими исключениями рано возникших торговых центров, оказавшихся вне больших государств, да и при этом далеко не в полной мере) были не свободны в торгово-экономических операциях. Торговые связи и ремесло находились под строгим контролем администрации и не имели прав, свобод, гарантий и тем более привилегий, но были обременены обусловленными нормами обычного права обязательствами, сводившимися не только к налогам и таможенным пошлинам, но и к подношениям власть имущим.

Вторичность и зависимость торговли, рынка и частной собственности были порождены тем, что становление государственных институтов в древневосточных странах намного опередило тот период, когда в них набирал силу процесс приватизации и получали распространение товарно-денежные связи и рынок. Естественно, что власть, привыкшая распоряжаться всем произведенным продуктом (откуда и понятие *власть-собственность*), рассматривала богатевших частных собственников как конкурентов, которые залезали в карман казны, куда до того стекалось все то, что создавалось в государстве. Появление частнособственнического хозяйственного уклада стало приносить казне неудобства, даже учитывая рост произведенного

продукта за счет успехов рыночно-частнособственнической экономической активности. Но показательно, что частные собственники, лишенные прав и защиты и невольно становившиеся объектом зависти обездоленных, предпочитали опираться на вороватых чиновников, оказывавших им покровительство, нежели быть один на один с разъяренным народом, особенно в голодные неурожайные годы.

Такого рода ситуация в странах традиционного Востока грозила навечно законсервировать консервативную стабильность и поставить под вопрос саму идею эволюции, движения к новому. Здесь и сработал, как следует полагать, закон баланса, от имени которого в балканской Греции, на далекой окраине Востока произошла очередная всепланетного масштаба случайность, социополитическая мутация, которая привела к появлению античного полиса с его демократическим идейно-институциональным фундаментом, культом свободы, права и закона, гражданским обществом и патронировавшимися выборной властью рыночно-частнособственническими отношениями. Но что стояло за этим? Разумеется, совокупный разум передовой и наиболее продвинутой в тех обстоятельствах части человечества.

Когда упоминавшаяся персидская империя Ахеменидов, подчинившая себе все государства ближневосточной древности, попыталась было начать войну с разрозненными и крайне мало населенными греческими полисами, с трудом объединившимися перед опасностью извне (вот чему было поучиться русским князьям в момент нашествия татар!), она не сумела одолеть противника в серии так называемых греко-персидских войн. Более того, спустя всего около века после окончания этих войн собравшая в кулак все свое огромное военное могущество эта же империя позорно проиграла все битвы с великим греко-македонским полководцем Александром, сила войска которого не шла в сравнение с тем, чем обладал Дарий III, правитель Ахеменидов. Почему проиграла? Вообще практически в любой войне решающую роль — при всей бесспорной значимости многих прочих факторов — играет опять-таки случай. Но этот случай в подобных обстоятельствах тоже появляется не сам собой, но является чаще всего итогом умелого расчета, т.е. результатом напряженной работы выдающегося разума. В падении великой и, можно сказать, мировой державы Ахеменидов решающую роль сыграл, как то всем хорошо известно, военный гений Александра. **Здесь роль не только одного случая, но и Разума, а в конечном счете всего слож-**

ного комплекса благоприятного стечения обстоятельств, о котором речь впереди, едва ли подлежит сомнению.

Почему греки одолели врага? Решающую роль в успехах эллинов сыграла не столько их военно-морская мощь, которую не стоит недооценивать, равно как и их умение забывать взаимную неприязнь и объединяться в борьбе с общим врагом. Победу грекам и македонцам принесли их принципиально новая социополитическая структура, их демократические нормы жизни, рыночно-частнособственническая экономика и та самая свобода, которую все они столь высоко ценили. А это результат возникшего у них нового идейно-институционального фундамента, бывшего следствием и свидетельством работы разума. Ведь Элладе противостояли солдаты империи, которую нередко именуют деспотией поголовного рабства. Господство античной структуры и нанесенное эллинами поражение Ахеменидам привели к тому, что эллинизм начал быстро распространяться в городах рухнувшей и доставшейся завоевателям персидской империи. И не приходится удивляться тому, что в городах древнего Ближнего Востока возникло новое смешанного типа хозяйство, в котором стал задавать тон эллинизм, т.е. сохранявшее свой приоритет — пусть даже при наличии прежней имперской администрации — высокоразвитое и огражденное законами, гарантиями и привилегиями активное и быстрыми темпами эволюционирующее хозяйство. Собственно, именно это, а не само по себе завоевание империи Александром, привело к радикальным переменам на традиционном Востоке. Правда, эти перемены, затронувшие лишь города и оставившие вне своего воздействия обширную провинциальную *хору*, не сумели, к сожалению, за несколько веков своего существования сломать тысячелетиями создававшуюся и хранившую свои традиции в рамках обширной и многонаселенной *хоры* привычную восточную структуру власти-собственности. И именно эта традиционная структура с характерными для нее институтами и нормами, включая и тягу к веками сохранявшемуся образу жизни с его привычным замедленным темпом существования, сыграла роковую роль в последующих событиях.

Удачные случайности, т.е. завоевания Александра и победоносное шествие эллинизма на Ближнем Востоке, слившись воедино, могли дать огромной силы мощный импульс. Он, казалось бы, должен был преодолеть древнюю и явно более отсталую и потому не имевшую серьезных шансов выдержать соперничество с новой старую струк-

туру, основанную на власти-собственности со всеми ее привычными нормами устоявшегося тысячелетиями бытия. Но получилось не так. Что же случилось? И что сыграло в этом главную роль?

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Вот теперь самое время разобраться в том, как функционировал второй важнейший фактор эволюции, который сыграл роковую роль в судьбах античности. Речь о стечении обстоятельств, благоприятных и не очень, а подчас и явно неблагоприятных. Именно оно выходит на передний план в реальных сплетениях многих исторических событий. И как раз оно, это сложное явление, далеко не всегда в деталях поддающееся точному анализу, очень часто играло и все еще играет решающую роль в различного рода событиях, приводя всех их участников к неожиданному и очень часто никем не предполагавшемуся результату. Переходя к оценке значимости второго фактора, снова обратим некоторое внимание на первый. Проблема в том, что случай в нашем анализе рассматривался исключительно как удачная случайность. Все прочие бесчисленные варианты случайных событий были исключены из поля зрения потому, что одна только удачная случайность может и должна считаться фактором, способствующим эволюции.

Однако случай в нашем быту и в более серьезных событиях встречается на каждом шагу, что не нуждается в аргументации, тогда как удачная или, напротив, резко неудачная трагическая случайность, каждая из которых тоже может сыграть решающую роль в историческом процессе, явление в общем-то достаточно редкое. Это крайности — своего рода удачный жребий, неожиданный крупный выигрыш, либо, наоборот, крупный проигрыш с неописуемыми последствиями. В любом случае это поле соревнования как для людей, так и для идей, для человеческого разума. Сложность, неясность, даже запутанность и часто неожиданность, быстротечность ситуации легко объясняются тем, что общественно значимая случайность (а речь именно о ней) есть нечто единичное, четко фиксированное, однократное. Она может решительно и бесповоротно что-то изменить в ту ли другую сторону.

В первом — удачном — варианте это должно расцениваться как бесценный подарок судьбы, Великий Дар Природы. Так было, когда

человек обрел Разум, стал сапиентным. Или когда эволюция привела его к достижениям веков неолита, к очагам урбанистической цивилизации, к культурным достижениям восточных городов и государств, а затем и к Великой бифуркации, приведшей в результате социополитической мутации к возникновению античной полисной структуры. Во втором результатом могут быть разного рода бедствия, от космических или климатических (типа ледниковых периодов) катаклизмов до войн или эпидемий. В качестве примера можно напомнить о чуме в Европе в XIV в., которая унесла в могилу большинство жившего тогда там населения. Но что делать, если перед нами не случай, сколь бы ни был он значим и серьезен по последствиям для всего человечества, а нечто вроде совокупности разного рода случаев? Сущность ее постигается далеко не сразу и обычно не просто воспринимается. Перед нами выходящая за рамки всего вообразимого серия событий чрезвычайной важности, которая просчитывается как таковая позже. Вот здесь, собственно, мы от элементарной, но жизненно важной случайности переходим к стечению обстоятельств. Что это такое, чем бывает вызвано?

Возьмем простейший вариант, войну, особенно большую и жизненно важную для истории, для судеб человечества. Это нечто, близкое к случайности (только что упоминалось о греках и персах, Ахеменидах, Александре и эллинизме на Ближнем Востоке), но уже выходящее не столько по масштабу события, сколько по неизмеримой его сложности за ее пределы. Почти всегда, если речь о войне и вообще о политике, нечто в этом роде есть сочетание индивидуального расчета (иногда интуитивного чувства гения) с учетом многочисленных объективных обстоятельств, как вроде бы хорошо видных и поддающихся расчету, так и скрытых либо не выдвинутых на передний план, а то и вовсе не заметных. Вначале, при принятии важного стратегического решения, все может казаться не столь уж и сложным. Продумай ситуацию и прими разумное решение. Но на деле все обстоит очень непросто и, несмотря на предельное напряжение разума, к легкому и тем более бесспорному решению практически никогда не ведет. И события XX–XXI вв. с их мировыми войнами, массовыми кровавыми социальными экспериментами и непредсказуемыми глобальными проблемами наглядное тому свидетельство.

Можно было бы предположить, что Природа, наградив человека разумом, тем самым раз и навсегда обезопасила человечество в целом от серьезных угрожающих ему и нашей планете угроз (об асте-

роидах и т.п. речь, конечно, не идет). По на деле все обстоит намного сложней. Практика свидетельствует о том, что та же Природа после превращения людей в сапиентных долго еще должна была, как ведущая за руку ребенка заботливая мать, содействовать ему на каждом шагу. И переход от присвоения пищи к ее производству в период длительной неолитической революции, и процесс политогенеза, приведший к появлению государств, обеспечивавших порядок, оказавшийся столь необходимым численно разросшимся и враждующим коллективам, и социополитическая мутация, приведшая к античной структуре, не обошлись, на взгляд автора, без идущих от Природы импульсов, побуждавших людей к поиску определенных новаций. В этом, собственно, и проявлялась эволюция человечества, его движение вперед, без чего жизнь замирает и наступают стагнация и энтропия.

Можно, конечно, просто отвергнуть эту гипотезу как дань мистике и считать, что все шло как бы само собой. Но тогда каким был механизм, обеспечивавший это безусловно существовавшее и сравнительно легко просматривающееся с позиций метаистории движение? Теория формаций оказалась несостоятельной, рассуждение об исторических и неисторических народах, объясняющее факт отставания одних и выход вперед других, позволяет определить то, что способствует или препятствует эволюции, но механизма ее не раскрывает. Можно было бы, конечно, все свести к разуму передовых, *исторических* народов и стран. Но ведь процесс эволюции, пусть не столь стремительный, шел и до появления на планете сапиентов. Стало быть, некие внешние импульсы по отношению к субъектам эволюции, всему сущему и живому, в первую очередь к гоминидам и предлюдям, а потом и к людям, все же были. А сложность ситуации и роль случайности и стечения обстоятельств заметны на каждом этапе долгого пути человечества от его первых шагов в условиях первобытности до современности. И если начистоту, то суть всего в том, что людям чаще всего не хватало разума, чтобы обходиться без подсказки, без упомянутых гипотетических импульсов, объективно выполнявших всего-навсего одну и почти что механически ограниченную функцию — подгонять вперед по крайней мере ту часть человечества, которая оказывалась для этого пригодной.

Здесь тоже нужна суровая оговорка, напоминающая о том, что люди вышли в конечном счете из мира животных и что поэтому животно-биологическая их основа, базирующаяся на инстинкте, мог-

ла быть жестко поставлена в приемлемые для все той же Природы — планеты — рамки лишь в том случае, если она продолжала регулироваться принципами борьбы за существование и естественного отбора, которые, собственно, и являются видимой и вполне ощутимой частью все тех же импульсов. Так оно и было до поры до времени. Но как только в принципы, о которых идет речь, вмешался созданный Природой разум, т.е. то, чем человек отличается от всего остального мира живого, ситуация начала решительно изменяться. Разум человека постоянно вносил в эти принципы заметные коррективы.

На первый взгляд могло бы показаться, что эти коррективы идут в том же русле, что и заботы Природы об эволюции человечества. Но на деле все было не совсем так. Природа долго была пристрастна к человеку, этому наиболее совершенному ее произведению. Но человек, следуя генеральным принципам естественного отбора в борьбе за существование, не стеснялся в средствах, а разум помогал ему в этом. И как знать, не истребили ли бы люди на планете все живое, а затем и сами себя, завершив тем самым дорогой Природе эксперимент с разумом, если бы не импульс, побудивший когда-то на заре истории некоторых из людей перестать убивать и поедать всех живых и тем более себе подобных, но переключиться на производство пищи. А затем и сорганизоваться в социополитические надобщинные структуры, призванные гарантировать разросшимся общностям определенный порядок. Новая пища, животная и растительная, не столько сырая, сколько специально приготовленная и потому более совершенная, была новацией неизмеримого значения, как и связанный с ней оседло-земледельческий образ жизни, а затем и восточного типа государственность с ее безусловным приоритетом власти над далеко еще не созревшей личностью, неотделимой от первобытной массы, мировой общинной деревни.

Понятно, что генеральный принцип консервативной стабильности в сочетании со спорадическими войнами и взаимоуничтожением огромных масс людей, целых стран и народов, был эквивалентом естественного отбора в борьбе за существование, который контролировал и регулировал процесс эволюции. Но остановка в движении — путь к энтропии. И очередной импульс принял форму социополитической мутации, которая породила либерально-демократическую структуру античного полиса с его великими потенциями. Потенции были реализованы не сразу, но достаточно созревший разум наиболее подготовленных для этого людей, живших в условиях свободного

общества западного типа, сам взялся за то, чтобы позаботиться о собственном благе.

И теперь возвратимся к теме, к стечению обстоятельств. Становится совершенно очевидным, что в процессе формирования общества и государства этот фактор эволюции становился приоритетным. Слепая случайность — хотя за ней всегда оставалось достаточно многое — уступала место осознанному и сознательно конструируемому комплексу условий и обстоятельств, связанных с разумным осмыслением ситуации. Все чаще поиски великих правителей, полководцев и мудрецов сливались в нечто трудно расчленяемое, но доступное острому, а то и гениальному уму стратегов типа Александра или Наполеона, которые **в конечном счете** и принимали единственно верное и победоносное решение. Или, иначе, человек — не всякий, разумеется, — не только как бы становился почти вровень с Природой, но и оказывался в состоянии, выступая от имени передовой части человечества, отразить и защитить интересы всего его, сводившиеся, что важно заметить, к неостановимому движению вперед.

Сразу же встает вопрос, как было быть со всеми остальными, которые вначале, в процессе упомянутого движения, могли постепенно стать вымирающим меньшинством, но со временем в силу стечения благоприятных для них обстоятельств и в условиях отсутствия борьбы за существование и естественного отбора стать, как то заметно сегодня, огромным и резко преобладающим большинством. Оставив пока этот вопрос, но приняв его во внимание, вернемся к фактору стечения обстоятельств. Итак, перед нами комплекс объективных и субъективных, т.е. зависящих от людей с их разумом, обстоятельств. Если начать с субъективных, то важно сразу же обратить внимание на то, что потенции разума не одинаковы у разных людей. Можно выразиться много серьезней и, к сожалению, справедливей: у подавляющего большинства человечества природного и приобретенного разума не слишком много, не говоря уже о том, что используется тот, что есть, отнюдь не всегда на добрые дела. Не говоря уже, что не содействует эволюции. Но и это не все. Часто люди, полагая или делая вид, что стараются ради других, а то и всех, на деле приносят им только вред или откровенно причиняют им зло. А так как, помимо всего, сила разума, мощь несущей его личности различна и неясно, чей и какой по типу разум в данной конкретной ситуации может взять верх, в жизни людей, человеческих сообществ и больших государств возникает достаточно широкий простор для любого типа случая. Иными

словами, разумный вроде бы расчет может быть заведомо неверен, причем не исключено, что сразу у всех спорящих сторон.

Другая сложность в том, что складывающееся в каждом данном случае стечение обстоятельств — а таких ситуаций может быть довольно много — зависит не только от субъективного начала, от глубины и мощи разума тех, от кого зависят решения, и тем более от его вектора, но и от объективного, заданного ситуацией. Кроме того, многое зависит от реального соотношения внешних по отношению к непосредственно вовлеченным в ситуацию самых разнообразных сил, опять-таки и объективных, и субъективных. Должны быть также учтены условия, в которых протекает процесс, конкретные устремления власть имущих, страсти людские, решительность либо безволие, принуждение, умело и вовремя использованная элементарная сила и многое-многое другое. И далеко не всегда, естественно, разум и целесообразность торжествуют, рассчитанные следствия и желанный результат достигаются, а замысел выходит победителем. Чаще бывает прямо обратное, причем подчас в самых невообразимых вариантах. Но как происходит само это соревнование сил и страстей в рамках сложившегося в важный для кого-то или чего-то момент стечения обстоятельств? Как взаимодействуют многочисленные и противоречивые интересы, намерения и силы, которые в роковой момент истории вступают друг с другом в некое серьезное сцепление?

Коль скоро главная наша цель — разобраться в проблемах эволюции и особенно в причинах ускорения темпов эволюции, то ответить на этот вопрос очень важно. Видимо, если говорить в самом общем виде, все зависит от итогового сочетания взаимодействующих и противодействующих сил. Эти силы графически образуют геометрическую, а то и стереометрическую фигуру, математически решаемую с помощью сведения всех противоречивых моментов к простейшему параллелограмму сил, равнодействующая которого после сложения их — как правило, только лишь задним числом, когда всё взаимодействующее себя уже со всей очевидностью проявило, — определяет конечный итог. Не ставя целью утомлять читателя дальнейшими рассуждениями в подобном духе, следует резюмировать, что многое, если не все, при любом стечении обстоятельств зависит от соотношения сил. Но при этом главная сложность даже не в том, чтобы заранее увидеть и учесть каждую из них, не упустить ничего, не ошибиться в величине и направлении каждого из самых разных обстоятельств, что почти невероятно. Важно вовремя заме-

тить и принять во внимание динамику и тенденции изменений всех их, так как в любой момент, что должно учитываться стратегами, принимающими ответственные решения, могут произойти перемены, невнимание к которым может перечеркнуть все прежние вроде бы вполне серьезные расчеты. А поскольку даже самый тонкий и умело сделанный расчет, в том числе на компьютере (если вести речь о сегодняшнем дне), не в состоянии при всех сложившихся обстоятельствах решить проблему так, чтобы вы имели основание быть уверенным в своем решении, то реальное решение проблемы окажется зависящим не от ваших расчетов и даже вполне уместных перерасчетов, а от чего-то неожиданного. Оно вполне может сразу же решительно спутать все карты.

Учитывая сказанное, стоит учесть, что благоприятное стечение обстоятельств встречается не слишком часто и дается не чересчур легко. Сложный комплекс благоприятного стечения обстоятельств потому и запутан, что охватывает обычно слишком много неизвестных, но в то же время существеннейшим образом важен для судеб истории. Этот комплекс может складываться — в отличие от удачного случая — медленно и проявлять себя не сразу, в чем еще одно его важное отличие от обычного счастливого случая. Можно сказать, что определение его в чем-то сравнимо со стратегической задачей, с шахматной игрой, конец которой никогда не предрешен. На начальном этапе формирования комплекса — а он может создаваться и вполне сознательно, задумываться как далеко идущий план или иметь характер чего-то вроде эстафеты, передающей решение сложной и важной задачи из рук в руки, — очертания и вообще параметры его еще не вполне ясны тем, кто его создает. Более или менее ясна лишь конечная цель.

Обратимся к историческим примерам. Эллинизованные государства ближневосточной древности после романизации и христианизации региона имели неплохие шансы добиться упрочения на Востоке передовой рыночно-частнособственнической структуры. Во главе с Восточной Римской империей, бывшей в первых веках нашей эры наисовершеннейшим воплощением успехов, достигнутых этой структурой, эллинизм вполне мог резко ускорить темпы своей эволюции. Но реализация этого оказалось невозможной как раз из-за той не сразу замеченной и не учтенной силы, о которой в теоретическом плане выше уже шла речь. Столкнувшись с мощным движением полукочевых бедуинов, обретших великую мощь и организованность

с принятием ислама, рыночно-частнособственническая структура оказалась не в состоянии успешно противостоять воинам пророка и сменивших его халифов. Соотношение сил оказалось очевидным, все было против чуждого не только мусульманам, но и всей консервативной ближневосточной провинциальной хоре — **мировой деревне** — эллинизма, этого символа западного **мирового города**. И все пало к их ногам. Уцелела разве что Византия, да и то оказавшись сильно потрепанной. Весь остальной Ближний Восток без серьезного сопротивления не только подчинился воинственным бедуинам, но и в подавляющем своем большинстве, пусть даже не сразу, принял ислам, резонно увидев в его элементарных основах удобный способ вернуться к привычному прошлому, забыв об эллинизме, романизации и даже о христианизации, но зато вспомнив о традиции почтения к консервативной стабильности древних.

Печальный опыт с ближневосточной постэллинистической древностью, с легкостью преодоленной полупервобытным исламом, говорит о том, что стечение обстоятельств как сложный многовекторный фактор отнюдь не обязательно содействует эволюции. Он, в отличие от случайности, не может с легкостью определяться в качестве благоприятного либо неудачного, да и вообще многим отличается от первого фактора, разового, редкого и могущего быть даже чем-то вроде жребия. Этот фактор особый, и в зависимости от того, куда укажет незримая равнодействующая всех сил и векторов, оказывающих свое влияние в рамках данного стечения обстоятельств, его можно считать способствующим успешной эволюции либо, напротив, препятствующим ей.

Стоит в этой связи уделить особое внимание той конкретной ситуации, которая оказалась для всего мирового исторического процесса именно благоприятным стечением обстоятельств. Совершенно очевидно, что это, как и удачная случайность, встречается не слишком часто. Но зато в исторически важные, ключевые моменты именно оно могло подчас сыграть решающую роль. Впрочем, снова взглянем на факты. О результате неблагоприятного стечения обстоятельств на рубеже древности и Средневековья в связи с исламским завоеванием только что упоминалось. Но едва ли не самое интересное с точки зрения изучения роли этого фактора в том, что одновременно с ближневосточным в западноевропейской части Евразии протекал параллельный и аналогичный ему процесс, который оказался более чем благоприятным для человечества.

Вспомним, как протекали важнейшие из событий раннесредневекового Рима. Многие восточные по происхождению этнические общности (Великое переселение народов) разгромили находившуюся в состоянии острого кризиса Западную Римскую империю. С конца V в. варварские кочевые и полукочевые племена и тем более не прошедшие еще этапа трибализации этнические общности не просто стремились разграбить Рим, но пытались стереть его с лица земли, как когда-то сделали это греки-дорийцы с ахейской Грецией. Более того, варвары, которых было намного больше, чем дорийцев в Греции, и которые принадлежали к разным этническим общностям, в ожесточенных столкновениях друг с другом тоже могли довести процесс уничтожения наследия античного Рима до нулевой точки. Неизвестно, что произошло бы со средневековой Европой в этом случае. Но случилось нечто другое. Рим не просто уцелел, но и понемногу одолел своих противников. Как это произошло?

Вернемся к проблеме благоприятного стечения обстоятельств как одного из основных факторов эволюции. Нельзя сказать, что ситуация была явно благоприятной по отношению к античному наследию, т.е. к зародышу третьего и самого главного из рассматриваемых в данной главе факторов, о чем пойдет речь далее. Товарно-денежные связи, рынок и сама частная собственность в начале второй половины I тысячелетия нашей эры во всей Западной Европе, густо заселенной римскими колонистами (точнее, уже их потомками), находились в жалком состоянии. Воинственный дух пришельцев с Востока, откуда они могли принести лишь структуру власти-собственности, да и то только в зачаточном состоянии, без развитой администрации с обычно свойственной ей централизованной редистрибуцией, без городов, о чем не стоит и заикаться, активно противостоял таким отношениям. Какая серьезная и влиятельная сила в таких условиях могла помочь римлянам?

Этих сил было две. С одной стороны, не угасшие, хотя и притоптанные конями варваров античные традиции с их высокоразвитыми торгово-денежными и рыночными связями, с огромной ролью права и благоговейным отношением к свободе, гражданскому городскому обществу и к частной собственности, практически вовсе не знакомой варварам. С другой — крепко уже стоявшая на ногах христианская церковь, весьма воодушевленная возможностью прозелитизма, обычно поднимающего дух миссионеров. Никакой альтернативы столь высокоразвитой религии у варваров в Западной Европе — в отличие

от аравийских мусульман-бедуинов — не было. А проповеди миссионеров и благолепие церковной службы в тех римских городах, где многие церкви уцелели (их, кроме всего прочего, варварам было не так легко разрушить), способствовали успокоению воинственного пыла вчерашних кочевников и полукочевников. Нельзя к тому же не учесть, что в силу отсутствия удобных условий для кочевий варвары были вынуждены понемногу оседать и превращаться в земледельцев, что по определению делало их более мирными и спокойными, более открытыми к христианской вере и рутинным занятиям земледельцев.

Античные традиции римских колонистов, которые жили по соседству с новопоселенцами, причем в немалом количестве, активно содействовали обретению вчерашними варварами некоторых важнейших элементов духовной, а затем и материальной культуры Рима. И все это, вместе взятое, способствовало не только успешной аккультурации, но и последовавшему за ней довольно быстрому поступательному развитию раннесредневековой Европы. **Результат очевиден: высокий уровень античной культуры и накопленная римлянами мощь опыта, знаний, их уважение к праву и явный приоритет городского гражданского общества и рыночно-частнособственнической структуры как единственно известного в античном мире способа существования не сразу, но все же вскоре взяли верх над полупервобытными нравами восточного происхождения.** Принципы жизни представителей античного мира в тяжелых условиях длительного соревнования оказались предпочтительней. При этом, однако, отсутствие сколько-нибудь развитой администрации и политическая децентрализация в возникавших государственных образованиях варварских королевств вызвали к жизни те самые феодальные социополитические и хозяйственно-правовые отношения, которые были знакомы некоторым древневосточным странам, как, например, чжоускому Китаю, начавшему свое существование в некотором смысле в аналогичных условиях, с незапамятных времен. В то же время, однако, города раннесредневековой Западной Европы, в отличие от тех же чжоуских, восприняли от античного наследия самое главное, т.е. влиятельнейшую роль и явный приоритет освобожденных от институтов власти-собственности рыночно-частнособственнических отношений с присущими им гарантиями, правами и привилегиями.

Итак, перед нами сложное многовекторное стечение обстоятельств. Но если попытаться вычленить основные силы и направ-

ления, то окажется, что в силу ряда конкретных условий некоторые противоречивые векторы гасили друг друга, а равнодействующая их все уверенней превращалась в линию, которая символизировала успех того, что можно было бы оценить как благоприятное для потомков римлян стечение обстоятельств. И появление этого важного фактора успешной эволюции было не просто случайностью, а неким важным итоговым результатом. Этот результат сводился к тому, что рядом с принципиально чуждой античной римской традиции феодальной политической системой со свойственными ей привилегиями крупных и часто сепаратистски настроенных властителей укреплялись позиции городов, где быстрыми темпами возрождалась и укреплялась античная традиция города с гражданским обществом и либеральной демократией. Неясная и вначале очень скверно складывавшаяся для рухнувшего Рима ситуация обернулась через некоторое время для потомков античных римлян и завоевавших Рим варваров благоприятным для тех и других стечением обстоятельств. Суть его свелась к безусловному приоритету предбуржуазных по характеру рыночно-частнособственнических отношений и к ускоренным темпам их развития.

Это благоприятное стечение обстоятельств, бывшее результатом взаимодействия множества объективных и субъективных сил, включая, похоже, и внешние по отношению к этим силам импульсы, побуждавшие потомков римлян энергично восстанавливать античко-протобуржуазную полисно-городскую структуру **мирового города**, резко отличную от восточной власти-собственности, полупервобытно-общинной **мировой деревни**, сыграло исторически неоценимую роль в формировании нового и на сей раз целиком созданного окрепшим разумом человечества механизма успешной и ускоренной эволюции. Смысл этого механизма сводился к тому, чтобы, использовав вновь возникшую и вначале не очень определенную ситуацию, попытаться еще раз закрепить на планете не сумевший добиться победы на Ближнем Востоке античко-ближневосточный вариант эллинистической эволюции с присущим ему приоритетом прото- или даже уже предбуржуазной рыночно-частнособственнической структуры. Успех этого варианта в новых условиях был важен для того, чтобы какая-то часть планеты снова получила необходимые преимущества, сводившиеся, как то было и в античности, к динамичному и эффективному развитию с ускорением темпов эволюции.

ТРЕТИЙ И ВАЖНЕЙШИЙ – БУРЖУАЗНЫЙ – ФАКТОР УСКОРЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ
(о приоритете рыночно-частнособственнических отношений)

В чем же великий смысл свершившегося поворота, достигшего успеха в период перехода от древности к Средневековью не сразу, но лишь со второй попытки? И какую роль в этом сыграли, если это было в реальности, импульсы со стороны Природы? Смысл и суть всего того, что позволило добиться впечатляющего успеха в развитии новых отношений во многих городах позднесредневековой Европы в том, что возник и начал активно действовать третий и самый важный антично-предбуржуазный фактор эволюции с нарастающим темпом ее ускорения. Этот фактор не был совсем новым, генетически он восходил к античности с ее протобуржуазными формами активной предпринимательской деятельности. Но в новых условиях, когда в меру ограниченные акции античной протобуржуазии оказались замещены энергичным натиском западноевропейской городской предбуржуазии, проблема приоритета городов с их самоуправлением стала основной. Опираясь на свои возросшие возможности, формирующиеся западноевропейские буржуа стремились, насколько это им удавалось в разных странах и при различном стечении обстоятельств, включить третий фактор эволюции, все более очевидно становившийся приоритетным, на полную мощность. Это оказывалось событием величайшего исторического значения. Предбуржуазный фактор, энергично превращавшийся в буржуазный (антично-буржуазный с городским самоуправлением и гражданским обществом), становился не просто приоритетным, но фактически господствующим. Он все более превращался в самый главный реально значимый фактор, резко ускорявший темпы эволюции всего человечества.

Активизация этого важнейшего из факторов эволюции, знакомого Западу в определенной степени с античных времен, подчеркнула принципиальное отличие западного пути развития. Успехи буржуазного предпринимательства на рубеже XVIII–XIX вв. уже ни у кого на Западе не вызывали сомнений. Связанные с этим активизировавшимся фактором многочисленные новации подготовили, а затем и обеспечили, не говоря уже о производстве как основе экономического процветания, все те великие достижения в сфере науки, тех-

ники, культуры и искусства, которыми заслуженно мог гордиться и гордится по сей день динамично развивавшийся и продолжающий все более энергичными темпами развиваться постсредневековый Запад. И уместно обратить внимание на то, что именно он с его обществом западного типа как олицетворение высокоразвитой рыночно-частнособственнической структуры был в конечном счете чем-то единым и этим принципиально отличался от Востока.

Сложившаяся в столетия переходного периода ситуация достаточно точно отражает сущность проблемы, которая имеет самое непосредственное отношение к роли третьего и важнейшего фактора, определяющего как темпы эволюции, так и общее направление хода истории позже, уже в новоевропейском и современном мире. Суть в том, что процесс выхода на передний план, обретения приоритета и господства именно буржуазной эволюции был свойствен после крушения античности лишь средневековой Западной Европе. Весь неевропейский мир и прежде всего традиционный Восток начал изменяться (вестернизоваться) в этом смысле, да и то лишь частично, только в период колонизации, причем далеко не сразу, скорей на заключительном ее этапе, где-то с начала, если даже не с середины XIX века. До того ему были свойственны иные тенденции, т.е. неизменная тяга к консервативной стабильности, о чем уже не раз упоминалось и еще будет идти речь. Важно напомнить об этом для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что Запад в целом принципиально отличался от Востока — по крайней мере от доколониального и пока еще не вестернизованного, который существовал вплоть до XIX века, а кое-где и позже, — как раз тем, что он был очень хорошо знаком со складывавшимся веками тем фактором эволюции, который издревле был тесно связан с рыночно-частнособственнической структурой. Неудивительно поэтому, что именно этот, **третий фактор с его постоянным ускорением**, превратился в могучую силу тогда, когда упомянутая структура обрела свою полноценную форму в виде все быстрее эволюционировавшего буржуазного производства.

Таким образом, о третьем факторе, исключительном по своей столь энергично преобразующей мир силе, есть все основания говорить только применительно к Западу. **Значимость этого фактора как некой мощной силы истории, как рычага, включающего неостановимое и все ускоряющееся движение вперед, стала со временем повсеместно заметна.** В этой связи крайне важно также заметить, что упоминание о протестантской буржуазии как локомотиве энер-

гичного развития могло создать впечатление, что западноевропейские страны, оставшиеся католическими и потому не оказавшиеся в первых рядах радикальных буржуазных преобразований, стали принципиально отличаться от передовых. Это не так. Различие было, причем именно на нем выше сознательно делался акцент. Однако это различие не было непреодолимым в том смысле, что стремление к приоритету буржуазного предпринимательства активно действовало не только в протестантских странах. Когда третий буржуазный фактор явственно продемонстрировал Западу свои несомненные потенции, он побудил большую часть западных стран уделить особое внимание развитию рыночно-частнособственнической структуры в ее полноценном варианте. Такого рода акцент способствовал тому, что и католические страны, за редким исключением вроде Франции, вынуждены были пересмотреть отношение к своей придавленной властью предбуржуазии. Правители стагнировавших либо просто заметно отставáвших западноевропейских стран (частично это касается и восточноевропейских стран, о которых пойдет речь особо) вынуждены были осознать, что курс на пренебрежение третьим сословием неверен.

Это стало адекватно восприниматься, прежде всего и особенно в сфере технико-технологических новаций, практически всеми в Европе, от противостоявших протестантам католиков до Петра I, особенно после того, как успехи первых буржуазных стран, Голландии и Англии, стали разумно рассматриваться как пример, которому стоит следовать, если нет желания отстать и оказаться позади всех. Власти единственной из крупных стран Европы, которые не пожелали осознать этот бесспорный факт, — Франции — как известно, дорого за это заплатили (речь о великой революции пойдет в заключительной части тома). Что же касается остальных, то пусть не сразу и не резко, но все они понемногу стали подтягиваться и вставать на рельсы того пути, по которому с ускорением двигался буржуазный локомотив истории. Это относится и к Испании, и к Германии, да и ко многим другим европейским странам. Процесс резкого ускорения темпов эволюции человечества проложил широкую дорогу для буржуазного развития Запада, а затем и почти всего мира, что наиболее наглядно проявило себя в последующие столетия, особенно в XIX и XX веках.

Если попытаться более конкретно ответить на вопрос, что же это за третий фактор и откуда у него такая сила, то вкратце ответ будет примерно таков: **речь идет о факторе эволюции, гарантирующем**

неизбежность быстрых темпов эволюции только одной и вполне определенной, западной по происхождению античо-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры. Но, имея в виду неоценимую значимость вызванного к жизни социополитической мутацией и развитого потенциями предбуржуазного предпринимательства античного полиса третьего фактора, стоит отнестись к нему как к важной теоретико-философской проблеме. Проблема как таковая вполне очевидна: буржуазное, как и предшествовавшие ему прото- и предбуржуазное, предпринимательство со свойственными всем им тенденциями к увеличению объема и ускорению темпов производства с превращением дохода в капитал, приносящий проценты, не только постоянно вызывало к жизни, поддерживало и всячески усиливало мощь фактора эволюции, о котором теперь идет речь, но и всегда опиралось на его неиссякающие потенции.

Третий буржуазный фактор эволюции стал работать в полную силу лишь при общественном признании его приоритета, при реальном и активном обеспечении его абсолютного господства. Оба рассмотренные ранее факторы, **удачный случай** и **благоприятное стечение обстоятельств**, всегда содействовавшие поступательной эволюции, являли собой лишь часть, причем малую, заведомо меньшую часть некой мощной латентной силы. Эта сила раскрывалась и спорадически выступала на передний план лишь в тех случаях, в такой форме и с такой долей внутренней мощи, которые соответствовали определенной и в принципе вначале лишь разовой, а позже часто ограниченной обстановке. А вот с выходом на авансцену истории **третьего буржуазного фактора эволюции со свойственной именно ему тенденцией к прогрессирующему ускорению** значимость первых двух вполне естественно сократилась. Оба они отошли на задний план. Разумеется, в конкретной исторической ситуации и случайность, и стечение обстоятельств продолжали давать о себе знать. Чего стоит хотя бы знаменитый «насморк» Наполеона, который будто бы более всего виновен в его поражении под Ватерлоо. Но во всем том, что касается ускоренных темпов эволюции, столь заметных на Западе, а затем и во всем мире с XIX столетия, основная роль перешла к третьему мощному фактору, затмившему собой все.

Это вполне понятно. Первый и второй факторы, игравшие решающую роль тогда, когда третий еще отсутствовал, не могли быть ни постоянно действующими, ни работающими сверх заложенной в них мощи. Они продолжали существовать и играть важную роль в форме,

к примеру, войн, особенно мировых. Но в других сферах жизни общества многое стало иным, коль скоро появился и особенно заработал в свою полную силу третий фактор. Это было тогда, когда западноевропейские общества и государства, а в конечном счете буржуазия Запада (пусть сначала не везде и тем более далеко не сразу) предоставили обретшей верховенство рыночно-частнособственнической структуре абсолютно все возможности для ее функционирования в качестве мощной пружины, ускорявшей темпы эволюции. Включение буржуазного фактора эволюции на его полную мощность, собственно, как раз и следует считать важнейшим качественным отличием новоевропейской истории (XIX век) от средневековой. Этот фактор гарантировал безусловный приоритет рыночно-частнособственнических отношений, что и является движущей силой предпринимательства развитого буржуазного типа. Произошло это в немалой мере — и это впервые в истории человечества стало не просто заметным, но и легко доказуемым — в результате усилий набравшейся разума передовой части человечества, сконцентрированной в рамках немногих еще тогда обществ западного типа, сложившихся или завершавших процесс сложения в основном в нескольких странах Западной Европы. Собственно, достижение этого уровня расцвета совокупного Разума человечества и было важнейшим успехом, самым главным итогом переходного периода. Буржуазный фактор начинал полноценно действовать в постепенно изменявшейся обстановке заново открывавшегося и обретавшего новый облик мира. А мощную силу его в тех условиях, когда власть имущие почему-либо не желали с ним считаться, прочувствовали на себе те, кто попытался было преградить ему путь. Имеется в виду прежде всего и практически исключительно Франция.

Часть вторая

Западная Европа в XVI–XVIII вв.

Процесс трансформации, т.е. более или менее плавного — хотя и не очень быстрого — перехода передовой и наиболее развитой части человечества от средневекового общества к новоевропейскому, был широким и многогранным. Фактически, несмотря на численно незначительные размеры населения предбуржуазного и тем более уже буржуазного Запада, он в форме вестернизации затронул всю территорию планеты. Этот процесс был связан с активностью западноевропейских стран, но справедливости ради существенно заметить, что параллельно с освоением западными мореплавателями и европейскими предпринимателями огромной части планеты продолжался и весьма заметный в рамках планеты аналогичный процесс экспансии ислама.

Мир ислама, бурно стартовавший в первые века возникновения халифата, когда границы его растянулись от Испании почти до Китая, вскоре после возникновения халифата на достаточно длительное время замедлил свой агрессивный натиск. Это было вызвано рядом причин и в первую очередь ослаблением внутренней структуры халифата, начавшего распадаться на многочисленные фактически самостоятельные эмираты, султанаты и ханства. Однако специфика ислама как религии, претендующей на вселенский охват, позволила ей достаточно скоро оправиться от непривычного вначале политического сепаратизма и, осознав еще раз бесспорный примат религиозного начала над политическим, начать новый и весьма эффективный этап расширения своих пределов. После завоевания северной части Индии мусульманские торговцы стали активно осваивать ту самую столь вожделенную для европейцев зону южных морей, откуда шла торговля пряностями. Эта зона вскоре была мирным путем исламизована, так что значительная часть Юго-Восточной Азии (острова Индонезии, южные территории Малайи и Филиппин) была превращена

в часть исламского мира. Если добавить к этому значительную часть Центральной Азии, Поволжья и даже Балкан и вспомнить о завоеваниях Османской империи, о восточном побережье и северо-западной части Африки, то окажется, что территория, которую нередко именуют «миром ислама», вполне сопоставима с той, которая после завоевания Нового Света попала под влияние Западной Европы.

Поэтому объективно в мире в конце Средневековья создалась ситуация противостояния стран Запада и мира ислама. Это противостояние Запада и исламского Востока было не просто заметным, но и вполне реальным. И если развитие событий не пошло по пути прежде всего расширения значимости подобного рода противостояния, то это объяснялось отнюдь не тем, что зоны распространения влияния Запада и исламских стран почти не соприкасались (исключение составляли разве что балканская часть Османской империи и остатки Кордовского халифата на юге Испании). Той небольшой полосы соприкосновения, особенно с могущественной империей Османов, в принципе вполне хватило бы на длительную схватку. Проблема оказалась в ином. Беда мусульманских стран, включая и империю — Оттоманскую Порту, как ее чаще именовали в Европе, — была в том, что средневековый и неподвижный в основных своих параметрах мир ислама не мог и не хотел вступить на путь энергичной эволюции. Это постоянно ощущалось и в сфере поиска новаций, т.е. обретения новых основных идей (они обычно жестко ограничивались религией), и в застывшей на долгие века структуре, которая, как и на всем Востоке, не менялась.

Прочно господствующими оставались принципы власти-собственности и до предела централизованной редистрибуции, усиленные слитностью политики с религией. Мир ислама без сильного влияния западноевропейских буржуазных отношений и связанных с ними потенций в производстве, науке, технике, технологии и культуре, не только не имел возможности, но и явно не желал стремиться к каким-либо переменам. А одна лишь голая его сила уже не могла успешно противостоять христианскому Западу, как то было, скажем, в период крестовых походов. Кроме того, Османская империя — основная общепризнанная мощь ислама — после Сулеймана Великолепного и в немалой степени в результате революции цен в Европе все более очевидно оказывалась в состоянии кризиса. Мало того, борьба ее с соседним с ней шиитским Сефевидским Ираном всерьез способствовала дальнейшему ее ослаблению.

Словом, ситуация в мире в XVI–XVIII веках решительно поворачивалась лицом к успешно развивавшемуся Западу. Это, разумеется, не означало, что в самой Западной Европе не было острых противоречий, междоусобиц и длительных войн. Напротив, все это было и ослабляло его. Но внутренние проблемы Запада оказались намного менее деструктивными, нежели аналогичные проявления противоречий в мире ислама. Это в некоторой степени способствовало тому, что именно Европа стала активным началом, хотя главное, как известно, было не в этом. Исламские государства, как и весь остальной мир вне предбуржуазного Запада, оказались в положении пассивного или в лучшем для них случае нейтрального объекта приложения интересов западноевропейского общества, активно и очень энергично шедшего по пути становления буржуазной структуры.

Сущностью внутреннего социополитического процесса, который активно способствовал буржуазной эволюции Запада, была решительная, хотя и не слишком быстро происходившая дефеодализация. Незаметная на первый взгляд, она была наряду с ростом темпов буржуазной эволюции (под влиянием факторов, о которых шла речь в предыдущей главе) основным содержанием трансформации Запада в переходный период. В итоге на протяжении XVI–XVIII веков Западная Европа — во всяком случае, передовая и наиболее развитая ее часть — уверенно шла вперед, причем конец XVIII столетия был той финишной прямой, за которой уже отчетливо виделось новое время, принципиально отличавшееся не только от постсредневековья с его потрясшими западный мир новациями, но и от этапов переходного периода. Как то будет очевидно из всего последующего текста, эти этапы внесли много нового в развитие стран Запада, прежде всего тех, где большинство населения было протестантским, хотя и не только их. Однако конкретные условия, т.е. уровень развития, а также различного рода объективные обстоятельства, главным образом специфика эволюции и зависевшие от нее темпы трансформации западноевропейских стран, были весьма разными, что во многом определило судьбу каждой из них.

Судьба эта проявлялась, в частности, в том, какое место в системе политических взаимоотношений как в Европе, так и в масштабе резко возросшего пространства освоенного европейцами мира занимало то либо другое государство. Немаловажную роль играли тенденция эволюции каждого из западных государств, равно как и те удачи либо неудачи, что выпадали на его долю в сложной системе военно-

политического взаимодействия с соперниками. Тенденции, о которых идет речь, были в основе своей достаточно долговременными, хотя это и не означает того, что перемены им были вовсе не присущи. В целом же в переходный период, о котором идет речь, произошли серьезные изменения во внутренней структуре ведущих стран Западной Европы и в политической значимости каждой из них.

Эти перемены повлияли не только на образ жизни населения, включая и тех, кто мигрировал в заново открытые страны, прежде всего в Новый Свет, но и на образ мысли наиболее развитых и умных из их числа. И именно их усилиями в интеллекте Запада, а затем и всей планеты шли постоянные позитивные процессы. И если на начальной стадии периода эти процессы находили свое отражение в основном в сфере религии (Реформация и противостоявшая ей католическая Контрреформация), то на завершающей стадии на передний план решительно вышла сфера гуманитарных знаний и современной науки во всех ее основных проявлениях. Эти перемены привели к тому, что последнее (XVIII) столетие переходного периода далеко не случайно получило почетное наименование «века Просвещения», причем Просвещения с большой буквы. Главное в идеях этого века в том, что они оказались тесно связаны с теми важнейшими переменами в Западной Европе XVI–XVIII столетий, которые, собственно, и стали базовой основой этих идей.

Важно подчеркнуть именно эту связь и вместе с тем обратить внимание читателя на великую роль благоприятного стечения обстоятельств в ходе развития человечества. Для XVIII в., который завершился важнейшими в истории человечества преобразованиями, в США и особенно во Франции, это особенно существенно. Ведь начало века отнюдь не предвещало того, что случилось в его конце. Тогда, в колониях соперничали две державы, которые смогли хорошо освоить далекие земли Востока и извлекали из умело налаженной посреднической торговли немалые выгоды. Правда, соотношение сил между ними было далеким от устойчивого баланса. Некоторым преимуществом маленькой Голландии можно было считать лишь хорошо налаженное кораблестроение и активную работу крупных торгово-финансовых и биржевых центров, причем для начальной стадии буржуазного предпринимательства в масштабах всей планеты этого было совсем не мало. Но для устойчивости достигнутого, да еще в условиях войн с соперниками, такого преимущества оказалось явно недостаточно. Словом, соперничество в борьбе за первенство

в мировой торговле, а затем и во всей мировой экономике, да и вообще в мире, за несколько десятилетий в XVII–XVIII вв. сравнительно легко выиграла Англия. Именно она стала промышленной мастерской мира.

Однако из этого отнюдь не следует, что Англия оказалась передовой во всем. Конечно, она тоже внесла свой немалый вклад в развитие передовых идей века Просвещения, о котором речь впереди. Но стоит заметить, что центральную роль в этом процессе играли континентальные страны Европы и в первую очередь Франция. О событиях во Франции, способствовавших расцвету там важнейших идей Просвещения, речь пойдет дальше. Пока же обратим внимание на то, что легло в основу всех тех крупных или хоть сколько-нибудь значимых свершений, которые привели Запад к зримо завершающим переходный период великим событиям, включая и все то, что имело отношение к веку Просвещения и в своей сумме в конечном счете как раз создавало фундамент для развития его идей.

Глава пятая. ИСПАНИЯ, ИТАЛИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ПОРТУГАЛИЯ

Начать изложение событий переходного периода целесообразно, однако, с Испании. Во-первых, потому, что с XVI века в силу ряда династических комбинаций, позволивших испанским правителям овладеть значительной частью Италии и Нидерландов, эта страна стала едва ли не крупнейшей в Западной Европе. А во-вторых, из-за того, что именно на ее долю выпала уникальная удача — открытие Нового Света и освоение территории Мезоамерики. Правда, это преимущество оказалось выгодным достижением для испанцев не слишком долго. Более того, оно повлекло за собой немало сложностей. Но, несмотря на это, Латинская Америка навсегда осталась и остается поныне зоной господства католичества и испанского языка. Однако и это еще далеко не все. Помимо Америки Испания на протяжении свыше полувека пользовалась всеми теми успехами, которых добились португальцы как в районе Ост-Индии, так и частично в той же Мезоамерике, в Бразилии. Экспедиция Магеллана (1519–1521 гг.) позволила ей овладеть Филиппинами. Кроме того, именно в XVI веке испанский король оказался одновременно императором Священной Римской империи. У испанцев до трагической гибели большей части

ее военных кораблей, «Непобедимой армады» (1588 г.), был едва ли не самый мощный в мире флот. Словом, многое говорит за то, что почти весь XVI век был прежде всего и в наиболее заметной форме веком Испании. Испания была первой поистине мировой державой, во владениях которой «никогда не заходило солнце».

Об этом кое-что уже было сказано. К сказанному, однако, целесообразно добавить несколько слов об экономике. Уклон в овцеводство здесь, в отличие от Англии (вот она, роль институтов), не был доходным, но напротив, вел к упадку сельского хозяйства. Только на юге страны, где значительную долю населения составляли христианизованные мориски, потомки вытесненных в ходе Реконкисты арабов и иных мусульманских народов, еще некоторое время сохранялся высокий уровень земледельческой культуры с хорошо налаженной ирригацией и выращиванием трудоемких садово-плантационных продуктов (виноград, цитрусовые, сахарный тростник и т.п.). Но это продолжалось недолго. После изгнания морисков запустел и юг страны. Промышленность, прежде всего текстильная, не была достаточно развита, хотя необходимость снабжать колонии способствовала на первых порах после завоевания Мезоамерики некоторому, весьма ограниченному, ее подъему. Ведь торговля и тем более финансовые дела не были главным занятием ущемленной в своих правах и возможностях испанской городской предбуржуазии и во многом оказались заботой государства. Итог, как уже шла речь, был плачевным: экономика страны быстрыми темпами приходила в упадок.

Испанский король Карл I, он же император Священной Римской империи Карл V, вел войны с Францией, в частности за Италию, и с немецкими протестантами. Король родился во Фландрии, почти не знал испанского языка, так что неудивительно, что события в Испании его беспокоили меньше, чем честолюбивые стремления завоевать чужие европейские территории и создать под своей властью вместо символической «Священной Римской империи» реальную супердержаву. И надо сказать, он был не слишком далек от достижения цели, в чем ему активно содействовала католическая церковь. Очень похоже на то, что заморские дела и все то, что было с ними связано, его интересовали не слишком сильно, как и недовольство самих испанцев его преимущественным вниманием к чужим делам. Недовольство испанцев проявилось в так называемом «восстании коммунерос», т.е. жителей ряда городов (городских коммун) с центром в Толедо, которое началось в 1520 году. В качестве главных требований

восставших были ослабление налогового бремени и восстановление городских свобод, бесцеремонно отнятых правительством Карла, который не обращал должного внимания на потенциал предбуржуазии ни в Нидерландах, где он вырос, ни тем более в Испании. Восстание в 1522 г. было подавлено, что привело к ослаблению роли кортесов, прежде имевших немалое влияние в стране. А это в свою очередь способствовало укреплению роли знати, испанских грандов и королевских чиновников.

Для сына Карла Филиппа II (1556–1598) главной заботой, в отличие от отца, была Испания. Он сумел объединить еще слабо связанные друг с другом части Пиренейского полуострова, создав из них единое королевство. На его долю выпало присоединить доставшиеся Испании Нидерланды. В состав его королевства вошла в 1580 г. ослабевшая Португалия со всеми ее заморскими колониальными анклавами. И хотя должности германского императора, которую имел его отец, он лишился, его приобретения создали величайшую для того времени империю. В итоге можно сказать, что в сфере успешных феодальных войн и тем более ограбления захваченных чужих, особенно голландских, территорий, а также в результате столь неожиданно обретенных несметных богатств Мезоамерики Испания в XVI в. добилась огромных выгод. Но к развитию промышленности и торговли в стране Филипп II, как и Карл, интереса не проявлял.

Покровительство аристократии и церкви были для него на первом месте, а в стремлении защитить торговые и финансовые интересы страны[1] Филипп со своей Непобедимой армадой потерпел поражение, открывшее дорогу к мировой гегемонии быстрыми темпами развивавшейся Англии. Правда, американские колонии объективно вели к некоторому экономическому развитию испанской промышленности, что частично и происходило вопреки невниманию короля. Развивалось производство текстиля, включая шелк. В больших городах создавались крупные мануфактуры. Некоторые успехи демонстрировали металлургия и производство огнестрельного оружия. Но это развитие оказалось недолгим в результате той революции цен,

[1] Этим интересам всерьез угрожали пиратские походы английских кораблей в Америку, что не только подрывало объявленную королевскими указами монополию на связи с испанскими колониями в Америке, но и ставило под удар безопасность флотилий, которые везли американские золото и серебро в Испанию.

о которой уже шла речь. Быстрый приток американского золота и серебра раньше и больше всего отрицательно повлиял на экономику Испании, где темпы роста цен были наивысшими. Этот рост вел к тому, что производство товаров, особенно текстиля, обходилось испанской промышленности все дороже, что делало более выгодным покупать те же товары в других европейских странах и тем самым обрекало испанское хозяйство в городе и деревне (овцеводство) на прозябание. Предбуржуазия лишалась перспектив для развития. В упадок приходило и все сельское хозяйство, где вырождалось производство многих редких и ценных продуктов (тутовника, оливок и др.), и из-за неразумных ограничений не хватало даже зерна, которое приходилось покупать в других странах. При этом резко возрастало налогообложение, особенно испанских торговцев, не выдерживавших такого нажима. Понятно, что соответственно увеличивалась контрабандная торговля англичан, французов и голландцев с испанскими колониями в Америке.

Все это, вместе взятое, а в основном революция цен и неудачи Филиппа II в войнах с Англией и Францией привели испанскую казну, как то ни покажется парадоксальным, к банкротству. После смерти Филиппа долги Испании превышали 100 млн гульденов, огромная по тем временам цифра. Один только немецкий дом Фуггеров, главный кредитор Филиппа II, потерял на этом 3 млн гульденов. Рост цен, увеличение налогов и общий экономический кризис, поразивший вроде бы имевшую все основания для процветания страну, продолжались и при преемниках Филиппа. При Филиппе III и Филиппе IV, царствование которых продолжалось до 1665 года, экономика Испании продолжала деградировать. Легко может создаться впечатление, что правители страны просто не отдавали себе отчет в том, что они делают. Чего стоит, например, окончательное изгнание на рубеже XVI–XVII вв. около полумиллиона морисков, сохранявших многие немалые достижения производства и культуры мавританской эпохи и, в частности, заботливо обрабатывавших плодородные южные земли страны, приносившие едва ли не наибольший доход.

Изгнание людей, вроде бы принявших христианство, объясняется тем, что многие из морисков не только продолжали жить, придерживаясь норм ислама, но и временами поднимали восстания, вызывавшиеся нажимом на них со стороны инквизиции. В 1568 году произошло восстание под лозунгом восстановления халифата. Оно привело к кровавой расправе с морисками, которые вскоре после этого начали

вытесняться из Испании. Есть сведения, что изгнание, завершившееся в 1609 году, сопровождалось конфискацией большей части имущества изгнанных (каждому разрешалось забрать с собой только то, что он в состоянии унести на себе; деньги брать было запрещено). К этому стоит добавить, что чуть ли не во всех населенных пунктах власти сознательно разрешали остаться лишь нескольким семьям из числа обращенных в католичество «наиболее верных христиан». Похоже, что власти рассчитывали, что оставшиеся сумеют передать новопоселенцам навыки своей агротехники и связанные с этим веками накопленные знания. Однако этого не случилось, а изгнание лучших сельских хозяев во имя католической чистоты Пиренеев привело, как и следовало ожидать, к дальнейшему развитию кризиса в экономике и социальных отношениях в стране. Если прибавить к этому, что примерно та же участь досталась и жившим в городах страны в немалом количестве евреям, то не приходится удивляться, что казна пустела, государственный долг продолжал расти, города приходили в упадок, а восстания недовольных жестоко подавлялись.

ИТАЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСПАНИИ

Политическая судьба Италии, еще недавно столь славившейся своими богатыми городами и республиками Ломбардии, в XVI–XVII вв. была печальной, чтобы не сказать трагической. Раздробленность страны привела к тому, что французские короли еще задолго до окончания Столетней войны стали строить планы захвата ряда территорий Аппенинского полуострова. Попытки их отвоевать его часть привели к ожесточенным разорительным войнам и в конце концов, заняв свыше 60 лет, завершились полной неудачей. Согласно мирному договору 1559 года основная часть Италии осталась под властью испанских Габсбургов. Лишь Венеция, Пьемонт и Савойя, а также несколько мелких владений и Папская область сохранили политическую самостоятельность, но — увы! — не возможность эффективно развиваться. Можно выразиться и точнее: с середины XVI века экономика прежде столь высокоразвитой Ломбардии резко замедлила темпы эволюции, демонстрируя явственную тенденцию к застою и упадку.

Вообще-то Испания стала играть важную роль в итальянских делах достаточно давно. Еще в конце XIII в. Сицилия, богатая житница Италии, попала под власть испанского королевства Арагон. В середи-

не XV века владением испанского Арагона стало и Неаполитанское королевство. А с приходом к власти в Испании Карла I подчиненной Габсбургам территорией оказалась значительная часть Ломбардии, как формально включенная в Священную Римскую империю, так и в немалой степени реально от нее зависевшая. Важно принять во внимание, что целью императора было не только создание великой христианской империи, которая могла бы противостоять туркам, в 1529 году уже пытавшимся штурмовать Вену, но и извлечение дохода из богатых североитальянских государств Ломбардии. Правда, после неудачи Османской империи в ее попытках захватить Вену стало ясно, что турки более не представляют для Западной Европы смертельную, даже сколько-нибудь серьезную опасность. Но стремление пополнить казну за счет Ломбардии у правителей Испании осталось. Однако и здесь испанцев постигла неудача.

В XIII–XIV вв. именно этот район северной Италии был наиболее процветающим с точки зрения не только буржуазного предпринимательства, но и высочайшей культуры. Именно Ломбардия была — и этого никогда не следует забывать — родиной выдающихся деятелей гуманизма, с которых и начался Ренессанс, первый этап великих преобразований. Но спустя всего два столетия многое изменилось. Идеи Ренессанса остались достоянием выдающихся интеллектуалов и творческих личностей других стран Западной Европы, тогда как Ломбардия начала приходить в состояние упадка. Важной причиной этого следует считать неблагоприятное для нее стечение обстоятельств. Главным из них были те географические открытия, которые резко изменили ситуацию с транзитной морской торговлей, долгие века служившей основой процветания промышленности городов Ломбардии. Открытие Нового Света, а также морского пути в Индию и страны Юго-Восточной Азии сильно ударило по традиционной торговле Ломбардии с восточными странами, оставив на ее долю лишь Ближний Восток, особенно район Леванта, который в начале века вошел в состав империи Османов, не очень нуждавшейся в торговом посредничестве. Финансовое могущество банкиров и ростовщиков Ломбардии приходило в упадок вслед за производством и торговлей в результате тех же объективных обстоятельств. Но к главной причине застоя следует прибавить и другую, принадлежность значительной части севера Италии деградирующей Испании.

Вместе с Испанией Италия в середине XVI в. медленно, но верно приходила в состояние упадка. Богатые и развитые ее города,

бывшие еще совсем недавно промышленными центрами, постепенно утрачивали свою монополию на производство высококачественных товаров, в первую очередь текстиля (сукна, отчасти шелка, хлопчатобумажных тканей) и оружия. Только производство предметов роскоши (частично это относится и к вычурным изделиям из шелка) еще сохраняло свое значение, но оно не было в состоянии поддержать прежний уровень успешного развития городов Ломбардии и тем более Италии в целом, остававшейся к тому же в состоянии политической раздробленности, препятствовавшей координации усилий, единству действий. Итальянцев, которые едва ли не раньше всех в Европе стали энергично развивать промышленное производство, базировавшееся едва ли не целиком на буржуазной основе, стали оставлять далеко позади их новые конкуренты, прежде всего голландцы и англичане. Соответственно Ломбардия быстрыми темпами переставала быть признанным центром европейского торгово-промышленного потенциала. Иными словами, объективное стечение обстоятельств сыграло роковую роль в том, что время Ренессанса в этой части Европы быстро подходило к концу. Эпоха, когда в северной Италии создавались шедевры, когда именно она диктовала миру высочайшие стандарты искусства, ушла в прошлое в считанные века. Показательно, что и последовавшие за Ренессансом нововведения Реформации не нашли активной поддержки в приходивших в упадок буржуазных центрах северной Италии. Такую поддержку оказали идеям протестантизма в соседней с Италией Швейцарии, тогда как расположенная рядом Ломбардия не откликнулась на это.

Упадок Италии стал особенно заметным в конце XVI и в XVII в., когда на океанских торговых путях начали господствовать не только энергично развивавшиеся Англия и Нидерланды, но даже Франция и некоторые другие страны Запада. Ни Испания, ни зависевшая от нее Италия в сложившейся обстановке не были в состоянии выдержать жесткой конкуренции со стороны северных стран Европы. Однако то, что было сделано в свое время в Ломбардии, сыграло свою великую историческую роль. Италия как родина Возрождения долго еще время от времени продолжала удивлять мир своими успехами в области высоких художественных достижений и гениальных трудов выдающихся мыслителей. Достаточно назвать имена знаменитого ученого Д. Бруно (1550–1600), закончившего жизнь на костре инквизиции, и великого Г. Галилея (1564–1642). Но все это следует оценить лишь

как яркую вспышку угасающей звезды. Италия и особенно Флоренция, так много давшие человечеству и столь долго, целеустремленно ведшие Западную Европу к Ренессансу, к расцвету буржуазных отношений, сами именно в момент достигнутого Европой уже очень высокого уровня развития этих отношений начали безнадежно отставать. Имевшая формальную власть над большей частью страны испанская авторитарная монархия не только сама быстрыми темпами входила в состояние перманентного кризиса, но и тащила за собой ослабленную Италию, которая оказалась под ее господством.

Владычество Испании практически над всеми государствами Италии продолжалось весь XVII век. Для итальянцев это был тяжелый период безвременья, упадка и оскудения. В отличие от блестящих предыдущих веков страна как бы замерла. Население почти не росло. Немалая часть его нищала, причем увеличивавшееся количество наемников и арендаторов сливалось с обилием пауперов. Культурная жизнь страны, особенно в конце века, ушла почти в небытие. Только восстания недовольного народа то здесь, то там будоражили Италию, причем слабеющая Испания находила достаточно сил, чтобы положить им конец. Казалось бы, ситуация была более чем подходящей для того, чтобы именно Италия выступила одной из тех стран, где назревало недовольство влиянием испанских правителей и стоявшей на страже их интересов активно стремившейся к стяжательству и столь сильной именно здесь католической иерархии. Одно время казалось, что нечто в этом роде возможно. Еще в конце XV века идеи, связанные с именем и деятельностью известного доминиканского монаха Д. Савонаролы (1452–1498), требовавшего реформирования церкви, получили в стране некоторое распространение.

Но Савонарола оказался более чем противоречивой личностью. Осуждая образ жизни высших иерархов, он в то же время сам ревностно сжигал многие книги либо произведения искусства, которые, по его мнению, противоречили христианской морали, за что был осужден церковью и повешен. И хотя после его смерти некоторые итальянские сторонники Реформации, которых в этой стране, на родине Возрождения, оказалось в это столь тяжелое для страны время на удивление немного, пытались было использовать отдельные его высказывания для подтверждения своих позиций, в целом Италия, о чем уже было упомянуто, не стала ни первым, ни вообще сколько-нибудь значительным центром Реформации. Это стоит принять во внимание как еще одно весомое свидетельство определенной

деградации страны, прежде всего Ломбардии. Деградации — что стоит особо подчеркнуть — именно в тот период, когда возбужденная успехами Ренессанса Европа страстно воспринимала призывы к переменам в образе жизни, к реформированию привычных норм, включая едва ли не в первую очередь те, что были связаны с господством развращенной католической церкви. В качестве конечного итога рассказа о неудачах, преследовавших Италию в XVII столетии, важно учесть также, что экономическое благополучие сельскохозяйственного юга, т.е. Сицилии и Неаполя (Неаполитанское королевство либо королевство обеих Сицилий), ушло в прошлое. Это благосостояние, выгодно оттенявшее в XVI веке постепенно становившееся все более заметным неблагополучие торгово-промышленного и финансово-ростовщического севера, прежде всего Ломбардии, в XVII веке стало медленно, но верно приходить в состояние застоя и сопутствующей ему депрессии. Вся Италия, еще совсем недавно столь ярко блиставшая своими достижениями, оказалась близкой к стагнации.

Первая половина XVIII столетия была здесь заполнена войнами, причем результатом их был переход едва ли не всей северной части страны в руки австрийских Габсбургов. Легко понять, что непрекращавшиеся войны в этом некогда процветавшем регионе способствовали дальнейшему его упадку. И лишь с середины XVIII века экономика Италии начала как-то развиваться, постепенно наверстывая упущенное. Понемногу восстанавливался торгово-промышленный потенциал северной Италии, приходило в норму крайне запущенное сельскохозяйственное производство на юге. Но рост шел медленно и не очень уверенно. Он не сопровождался, как то было прежде, энергичным выходом вперед предбуржуазии и тем более сколько-нибудь заметной дефеодализацией. Правда, вторая половина XVIII в. была отмечена растущим интересом к аграрно-промышленным новинкам в мире, в частности к внедрению в сельское хозяйство юга усовершенствованных орудий и даже к созданию производств фабричного типа. Но появление крупных предприятий, современных уровню конца этого века в промышленно развитых странах, было редким явлением. В Италии ощущался недостаток рабочих мест, что вызывало быстро растущую миграцию в США и в соседние более развитые и быстрее развивавшиеся страны, в частности в Швейцарию, Францию и Германию. Словом, ситуация в экономике Италии постепенно изменялась к лучшему, но при этом крайне замедленными темпами. Передовая некогда Италия стонала под испанским владычеством и явно отставала

от своих соседей, прежде имевших основания завидовать процветающей Ломбардии. Зато совсем иначе складывалась ситуация в другой части Европы, тоже находившейся под властью испанской короны.

НИДЕРЛАНДЫ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Испанские Габсбурги, которые в XVI в. закрепили за собой не только весь Пиренейский полуостров и почти всю Италию[1], но также и Нидерланды, были одно время близки к тому, чтобы и с этой довольно далекой от Испании североевропейской страной проделать то же самое, что со столь страшной силой проявило себя в Испании и Италии. И если это им не удалось, то основной причиной неудачи следует считать то, что Нидерланды, в отличие от Италии, не говоря уже о самой Испании, находились в гораздо более выгодных условиях, которые активно содействовали давно уже взятому здесь курсу на ускоренное буржуазное развитие. Нидерланды, *низкие земли* в районе устья ряда рек, впадающих с юга в Северное море, уже в позднем Средневековье славились развитой промышленной структурой с обилием городов и преобладающим, причем многочисленным бюргерским населением. Здесь вырабатывались лучшие европейские сукна, для выделки которых в Нидерланды через портовые города шла торговля шерстью из разных стран, от Англии до Испании. Кроме того, эти же города были центрами кораблестроения, торгово-финансовых операций, включая знаменитую антверпенскую биржу. В XV веке эти земли были частью могущественного герцогства Бургундского, затем на короткий срок владением французского короля Людовика XI, после чего оказались в составе империи Габсбургов, а затем владений Филиппа II Испанского.

О Нидерландах и возникшей в их северной части независимой Голландии выше уже шла речь в связи с историей колониальной торговли. Не повторяясь, следует заметить, что эта страна со сравнительно небольшим, в 2–3 миллиона человек, населением и преобладанием больших экономически развитых городов (всего их было около трех сотен) отличалась — как, впрочем, это долгое время было характерно и для Ломбардии — высоким уровнем внутреннего

[1] Наследница бургундского герцога Карла Смелого Мария, вышедшая замуж за Максимилиана, ставшего затем германским императором, приходилась бабушкой Карлу V Габсбургскому, т.е. Карлу I, правителю Испании.

самоуправления. Каждая из 17 ее провинций имела свои провинциальные штаты и собственные суды, не говоря уже о давно завоеванных вольностях и даже привилегиях. Еще в рамках Бургундии в Нидерландах возникли Генеральные штаты, представленные делегатами из всех провинций. При испанских Карле I и Филиппе II формально эти давние вольности сохранялись, но фактически резко возросшее налогообложение и стремление заместить протестантизм католицизмом привели к усилению нажима на привыкшее к вольностям местное население[1]. Большое количество введенных в Нидерланды испанских войск тоже находилось на содержании городов, что вызывало у горожан естественное недовольство. Очень существенно обратить внимание на то, что ни родившийся во Фландрии Карл, ни его сын Филипп II не понимали и не хотели понимать того, что именно нидерландская буржуазия приносит и сможет в будущем приносить Испании наибольший, причем все возрастающий доход и что поэтому к ней стоило бы отнестись со вниманием.

Как бы то ни было, но небрежение со стороны правителей и даже стремление подавить вольные города, что было бы чревато их упадком, как то произошло в самой Испании и в попавшей под ее власть Италии, стали фактом. Несмотря на то, что бурное развитие Нидерландов вроде бы приносило Испании немалые выгоды (один только антверпенский порт ежегодно принимал и отправлял многие тысячи нагруженных добротными товарами судов, а на его товарной и фондовой биржах заключались крупнейшие в мире торгово-финансовые сделки), политика в этой стране была до предела жесткой. Высокомерные испанские гранды, окружавшие испанских наместников, не считались с тем немаловажным обстоятельством, что из 4 млн гульденов, которые испанская казна получала в качестве налогов только на военные расходы, половину давали Нидерланды. Откровенно презирая местную знать, испанцы называли ее *гёзами*, т.е. нищими. Это наименование было воспринято нидерландцами всерьез и стало своего рода символом противостояния не рвавшихся к роскоши

[1] Существуют подсчеты, свидетельствующие о том, что при Карле I Нидерланды платили в испанскую казну в виде налогов и пошлин около 2 млн гульденов, тогда как на долю всей испанской Италии приходился 1 млн, а с самой Испании казна получала всего полмиллиона гульденов в год. Протестантизм был объявлен ересью и для борьбы с ним вводились жесткие законы, осуществлялись гонения.

протестантов безнадежно погрязшим в ней испанским властителям. Понятно, что такого рода показная демонстрация гёзов, равно как и прочие буржуазные вольности, испанским монархам были ни к чему. Это с особой силой проявилось в годы правления Филиппа II, т.е. во второй половине XVI века.

Не слишком вдаваясь в детали быта нидерландцев и в их продиктованное протестантизмом упорное стремление достичь успеха, правящая элита Испании сделала все, чтобы уничтожить то, что считалось в католической стране крамолой. Попытки ограничить торговые связи с Англией, усиление борьбы с лютеранами (еретиками), все новые и новые чрезмерные налоги и высокие торговые пошлины, недопущение нидерландских купцов к выгодной торговле с американскими колониями — все это больно ударяло по интересам городской буржуазии и всего населения Нидерландов. Против испанских властей и жесткого наступления католиков, их попыток навязать стране привычные нормы инквизиции (народ запугивали направленными против еретиков плакатами) выступили в Нидерландах буквально все, начиная с высокопоставленных аристократов во главе с Вильгельмом Оранским и кончая многочисленными горожанами, которые в 1566 году начали широкомасштабное движение против католической церкви. Иконоборческое движение, проявлявшееся в разгроме католических церквей, уничтожении статуй святых и икон, т.е. всего того пышного антуража религии, которого не признавали протестанты, больно ударило по католицизму. Ответом на это движение стало назначение в 1567 году правителем Нидерландов герцога Альбы.

В Нидерландах был установлен жестокий режим террора. Герцог Альба создал специальный Совет по делам мятежников и казнил вождей оппозиции Эгмонта и Горна (Вильгельм Оранский успел добраться до Германии, где у него были немалые владения). Террор ширился с каждым днем и, что особенно больно ударяло по горожанам, сопровождался дальнейшим резким усилением налогового гнета. Введение в 1571 году так называемой *алькабалы*, т.е. системы налогообложения, включавшей невыносимый 10% налог с каждой торговой сделки в стране, где товар в силу сложившейся системы переходил из рук в руки несколько раз, прежде чем попасть к потребителю, было чревато разорением для многих. Экономическая жизнь замерла, начались следовавшие одно за другим банкротства, затем массовая эмиграция. Однако уже весной 1572 года обстановка радикально

изменилась. Против герцога Альбы с его введенной в Нидерланды 10-тысячной испанской армией выступили так называемые *морские гёзы*. Это были прибывшие из Англии эмигранты, захватившие один из портов страны. Успех гёзов послужил сигналом для других городов, в которых местное население стало брать власть в свои руки, и вскоре уже почти вся прибрежная полоса Нидерландов оказалась в огне народного восстания. *Морские* и *лесные гёзы* начали активную партизанскую войну с испанской армией. Предбуржуазия Антверпена и Амстердама, который быстрыми темпами становился основным торговым портом и финансовым центром страны, поддержала вновь вышедшего на авансцену Вильгельма Оранского, провозглашенного штатгальтером северной части Нидерландов, позже получившей наименование Голландии (от названия одной из провинций страны). Альба, не сумевший справиться с восставшими, был в конце 1573 года отозван в Испанию.

Новый испанский наместник Рекезенс отменил алькабалу и поставил своей целью удержать под властью Испании хотя бы южную часть Нидерландов, Фландрию и Брабант с его центром в Антверпене. Однако в 1576 г. он умер, после чего окруженная ненавистью испанская армия стала быстро превращаться в отряды вооруженных мародеров. Именно эти отряды 4 ноября того же года сожгли и разграбили Антверпен, который после этого потерял свое значение торгово-промышленного центра страны. Сразу же вслед за тем, 8 ноября, южные провинции объединились с северными. В Генте были созваны Генеральные штаты. По условиям принятой ими декларации («Гентское умиротворение») север страны сохранил протестантизм, а юг католицизм. Тем самым была создана своего рода антииспанская уния, хотя при этом формально Филипп II остался правителем страны. Эта половинчатость привела к тому, что новый испанский наместник дон Хуан, приняв требования декларации, начал готовиться к войне с восставшими. В ответ на это в городах стали создаваться один за другим руководившие восстанием комитеты. Активно действовал и глава штатов Вильгельм Оранский, рассчитывавший привлечь к борьбе с испанцами наемников из Франции.

Смерть дон Хуана в 1578 году ненадолго спутала карты испанской короны. Но в январе 1579 года в южных провинциях возобладали силы, не желавшие союза с севером и готовые пойти на мировую с Филиппом. Чтобы понять причины этого, стоит обратить внимание на сильное влияние на юге католической церкви, хотя не исключено,

что сыграло свою роль и то, что размах восстания здесь вообще был много более слабым, чем на севере страны. В итоге в январе 1579 была создана Утрехтская уния из провинций севера, к которым примкнули некоторые города Фландрии и Брабанта (Гент, Антверпен, Брюссель, Брюгге и др.). В 1581 году Генеральные штаты севера объявили о политической самостоятельности возникшего государства (Соединенных провинций, т.е. Голландии) и о низложении Филиппа II, в ответ на что Филипп объявил Оранского вне закона и в 1584 году подослал к нему убийцу. Смерть вождя восставших ослабила северные провинции и способствовала тому, что ряд южных городов (Брюссель, Антверпен, Брюгге, Гент) были возвращены под власть Испании. Однако больших успехов испанцы в Нидерландах добиться не сумели. А поражение Непобедимой армады в 1588 году положило конец всем их амбициям. На протяжении ряда лет еще шла борьба, но к существенным переменам в соотношении сил она не привела. В 1609 году Испания вынуждена была пойти на перемирие с восставшими, официально признав независимость Соединенных провинций.

Восстание в Нидерландах и вся борьба гёзов, да и всего народа страны с Испанией за независимость следует считать проявлением решительного устремления кальвинистской буржуазии к освобождению от опеки заметно отставшей от нее в развитии католической державы. Эта держава по воле политических судеб оказалась законным хозяином Нидерландов. Но попытки испанцев заставить страну не только вернуться в лоно католической церкви (подавляющее большинство населения Нидерландов, особенно на севере, были протестантами), но и заплатить в качестве штрафа за неповиновение чудовищную дань вызвали не менее законное возмущение. Разгорелась едва ли не первая в Европе исторически значимая война за независимость, которая и закончилась вполне успешно.

Стоит обратить специальное внимание на то, что в ходе этой войны возникали массовые народные движения, равно как и партизанское сопротивление. Однако в рамках борьбы за независимость все эти вооруженные схватки не имели ничего общего с классовой борьбой в марксистском понимании этого очень важного именно для марксизма понятия. Очень существенно учесть самое главное: то, что имело место в схватке гёзов с Испанией, ни в коем случае не было прежде всего борьбой, скажем, буржуа против засилия феодальной знати, хотя этот момент в противостоянии всегда зримо ощущался. Освобождение значительной части Нидерландов от испанского

владычества имело прежде всего огромное политическое значение именно как успех в борьбе за независимость. Свобода Голландии не только оказалась тяжелым ударом по крупнейшей и одной из наиболее отсталых с точки зрения буржуазного развития стран Европы. Значение ее было гораздо большим. Победа северных провинций открыла широкий простор для дальнейших успехов новой и целиком освобожденной от давления католической церкви страны, ставшей авангардом европейской буржуазии и положившей начало дальнейшим успехам протестантизма, что оказалось очень существенным для последующих побед протестантов в ряде других западноевропейских стран.

ГОЛЛАНДИЯ И ИСПАНСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ В XVII–XVIII вв.

XVII век для этого региона начался с того, что Соединенные провинции, потерпев неудачу в попытках обрести приемлемого для победившей протестантской буржуазии коронованного правителя из какой-либо соседней страны, были объявлены республикой. Законодательную власть в стране стали осуществлять Генеральные штаты, по одному депутату от каждой из 7 провинций. Все принимавшиеся штатами законы должны были получать единодушное одобрение ее членов. Исполнительная власть являлась функцией штатгальтера, на долю которого выпадало и принятие решения в тех случаях, когда в штатах единогласие не достигалось. Первым штатгальтером стал брат убитого Вильгельма Оранского Мориц Оранский, находившийся на этом посту до 1625 года. В Соединенных провинциях существовал также Государственный совет, ведавший военными и некоторыми иными конкретными делами. В совете число голосов зависело от суммы выплачивавшихся провинциями налогов (Голландия и Зеландия имели в совете 5 голосов из 12). Столицей страны стала Гаага. В каждой из 7 провинций были свои штаты, городские магистраты и штатгальтеры, причем эти должности чаще всего замещались представителями дома Оранских. В штатах были представлены в основном буржуа. В штате провинции Голландия их было 18 и лишь один принадлежал к сословию дворян. Но в штатах некоторых более отсталых провинций дворяне были представлены значительно большим числом депутатов.

Правительство страны активно содействовало ее промышленному и торговому развитию, а также процветанию в ней умеренного кальвинизма, стимулировавшего, как на то уже было обращено специальное внимание, энергичный экономический рост. Рост этот проявлялся во многом. Развивалась текстильная промышленность, поставлявшая на рынок огромное количество разнообразной и хорошо сделанной шерстяной, шелковой, льняной и иной ткани, включая специально выделанные ее сорта (плюш, бархат, шелка и т.п.). Большое внимание уделялось производству огнестрельного оружия, столь выгодного для развития колониальной торговли. На верфях Амстердама, Роттердама и других портов строились один за другим (до тысячи в год) новые вместительные корабли. Они долго считались едва ли не наилучшими в мире, так что нет ничего удивительного в том, что русский царь Петр I в свое время лично побывал на голландских верфях и поработал там инкогнито в качестве простого плотника, дабы научиться мастерству кораблестроителя. Торговый флот Голландии быстро увеличивался количественно (в середине века он насчитывал 15–16 тысяч судов и был вдвое больше, чем флот Англии и Франции, вместе взятых) и достигал больших успехов в этой торговле, развитию которой активно способствовали покровительствуемые правительством компании пайщиков типа Ост-Индской и Вест-Индской.

Амстердам, перенявший большинство торговых функций у оставшегося под властью испанцев Антверпена, стал гигантским торгово-промышленным и кредитно-финансовым центром не только Голландии, но фактически всей Европы. Здесь активно работали товарная и фондовая биржи, страховые компании и банки. Общий годовой товарооборот в середине века достигал почти 100 миллионов гульденов. Расцветали ремесло и купечество, объединенные в традиционные цехи и гильдии и обладавшие немалыми средствами. Стоит вскользь напомнить, что этих средств вполне хватало для того, чтобы выдающиеся голландские художники, как, например, Рембрандт (1606–1669), изображали цеховую верхушку того либо иного цеха на своих полотнах. Расцветало и земледелие, для чего прилагались немалые усилия и средства. Дело в том, что низкие земли северной Голландии заливались морем. Требовалась огромная и трудоемкая работа по возведению дамб и сохранению их в должном состоянии. Осушенные земли, *польдеры*, активно использовались крестьянскими хозяйствами, среди которых было немало ферм, работавших на

рынок. Немаловажным было и развитие науки, появление в Голландии мыслителей мирового класса, таких как философ Б. Спиноза (1632–1677) или один из первых теоретиков международного права Г. Гроций (1583–1645).

Двенадцатилетнее перемирие с Испанией, срок которого истек в 1621 году, привело к возобновлению военных действий, которые молодая республика встретила во всеоружии своей постоянно нараставшей военно-промышленной мощи. Вписавшись в начавшуюся за несколько лет до этого Тридцатилетнюю войну, эти действия завершились окончательным разрывом с ослабевшей Испанией. По окончании войны к Соединенным провинциям прибавились некоторые новые из южной части Нидерландов, т.е. Фландрии и Брабанта.

Однако надлежит заметить, что именно с этого времени, с последней трети XVII века, неуклонный промышленный рост Голландии в силу ряда важных причин стал несколько более замедленным. Отказ от прежней политики протекционизма вел к наполнению маленькой страны огромным количеством иностранной продукции, что негативно сказывалось на развитии собственного промышленного производства. Фермерские хозяйства были немногочисленными и явно не поспевали удовлетворять страну всем необходимым. Как следствие этого беднели наемные работники и арендаторы, росли налоги и цены, в стране постоянно ощущалась нехватка зерна, которое приходилось закупать. Весьма дорого обходилась и активная колониальная политика, доходы от которой не слишком способствовали промышленному развитию. Все это вело к постепенному обнищанию вроде бы очень развитой и богатой страны, в которой то и дело возникали волны массовых народных протестов.

Что касается оставшихся под властью Испании по условиям перемирия 1609 года южных провинций Нидерландов, позже обретших свое особое независимое политическое существование под наименованием Бельгии, то они сразу же вслед за разрывом с севером оказались в состоянии тяжелого кризиса. Достаточно развитая промышленность Фландрии и Брабанта вслед за всей деградировавшей и терявшей свое место в мире державой приходила в упадок. Попытки испанцев реставрировать здесь ушедшие в прошлое феодальные связи усугубляли состояние кризиса, который был особенно заметен на фоне процветавших Соединенных провинций нидерландского севера. Правда, традиции высоких темпов недавнего экономического роста сказались в том, что менее всего деградировала культура. Фла-

мандская школа, заметная в церковной архитектуре и особенно в живописи, где она была представлена прежде и более всего Рубенсом (1577–1640), вполне была в состоянии соперничать с голландской. Но стоит заметить, что обе художественные школы пришли в упадок в конце XVII века, что следует просто констатировать, не вдаваясь в специальные рассуждения по поводу причин этого печального факта. Есть веские основания полагать, что все было связано с постепенным упадком могущества Голландии.

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что вся первая половина XVII века была временем несомненных успехов Голландии, фактически занявшей принадлежавшее до того Испании место крупнейшей торгово-промышленной и колониальной державы. Голландия господствовала, помимо всего прочего, в бассейнах Северного и Балтийского морей, в торговле почти со всеми европейскими странами, включая и Россию. Однако во второй половине столетия и тем более в начале XVIII в. это господство было подорвано конкуренцией со стороны прежде всего набиравшей силу промышленной Англии. Ожесточенное соперничество между соседними странами, начавшееся в годы первой англо-голландской войны (1652–1654 гг.) и затем продолжавшееся в ходе второй (1665–1667) и третьей (1672–1674) войн, привело к потере Голландией ее североамериканских колоний. Правда, на внутреннем развитии страны это вначале отразилось не слишком сильно. Однако последовавшие вскоре войны с Францией (1672–1678; 1688–1697; 1702–1713) довершили процесс ослабления военно-политического, а затем и торгово-промышленного могущества республики. Как известно, в 1689 году голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский стал королем Англии, что вроде бы привело к унии вчерашних соперников. Однако эта кажущаяся уния вела на деле к вытеснению Голландии из мировой и прежде всего столь важной для той исторической эпохи колониальной торговли и к упадку политической и экономической роли республики.

Едва ли не главной причиной сравнительно быстрого и заметного упадка былого могущества Голландии в XVIII веке стали почти не прекращавшиеся ее войны то с Англией, то с Францией. Понятно, что войны со столь крупными государствами победы республике принести не могли. А вот ослаблению ее они активно содействовали. Это ослабление, которое проявлялось едва ли не во всех сферах жизни небольшой страны, приводило к печальным результатам. Голландия медленно, но неуклонно теряла свое былое могущество и вползала в

перманентный кризис. Сопровождавшее уменьшение доли Голландии в мировой посреднической торговле ощутимое увеличение доли в ней Англии также было чуть ли не первым важным проявлением наступавшего кризиса. Однако наиболее значительным фактором ослабления могущества республики оказался начавшийся еще ранее, но все продолжавшийся заметный упадок в сфере промышленности, включая едва ли не в первую очередь спад в области суконделия. Когда-то именно Голландия в больших количествах ввозила, выделывала и продавала лучшие сукна, для производства которых закупалась та самая английская и даже испанская овечья шерсть, что и вызвало в свое время столь социально острую политику *огораживания* в этих странах. Время это давно уже ушло безвозвратно, а мировой фабрикой сукна стала Англия. Нечто в этом же роде произошло и с кораблестроением, объем которого за столетие уменьшился в десяток раз, если даже не более. Пассивность торгового баланса вызвала отток денег из Голландии, прежде всего во все ту же процветавшую Англию. Это также вело к замедлению темпов развития и к превращению страны из производителя в *рантье*, что не могло не сказаться крайне негативно на ее экономике, социальной политике и внутренней борьбе за власть. Голландия в конце XVIII в. превратилась во второстепенную страну. Правда, в числе ее колониальных владений еще очень долго оставались огромная Голландская Индия (Индонезия) и ряд небольших анклавов в других странах Востока.

СТАГНАЦИЯ ИСПАНИИ

Слабость Испании накануне этого века проявлялась в тех войнах или спорах, которые страна вела со многими европейскими странами. Это и постоянное противостояние Англии, чьи суда с возрастающим успехом вторгались в американские колонии, и неутихающие конфликты с Францией, и вынужденные уступки набиравшим силу Нидерландам, и, наконец, острое недовольство Португалии. Португалия, в частности, сумела в результате вооруженного восстания 1640 года восстановить свою государственность, что было официально признано Испанией лишь свыше четверти века спустя, в 1668 году. Но самое страшное поражение испанские Габсбурги потерпели в знаменитой Тридцатилетней войне, в которой в силу ряда важных причин участвовали почти все европейские страны.

Все эти поражения вполне и легко объяснимы. Конец XVII века прошел в Испании под знаком нарастания кризиса. Упадок, как о том уже шла речь, проявлялся в деградации сельского хозяйства, ремесла и торговли. Слабела военная мощь страны. Тридцатилетняя война, лишившая Испанию примерно 300 военных кораблей, практически поставила точку на былом морском могуществе страны. Значительная — северная — часть Нидерландов, как о том только что подробно говорилось, обрела независимость, превратившись под именем Голландии в одну из наиболее передовых и оснащенных многочисленным флотом стран.

Вынужденный союз с недавним врагом, Англией, на помощь которой Филипп IV рассчитывал в своем постоянном противоборстве с соседней Францией, не помог испанской короне. Напротив, вождь восставших англичан О. Кромвель выступил в качестве гаранта независимости Португалии и, более того, пошел на союз с Францией против Испании. Результат для Испании был более чем плачевным. В войнах с Англией Филипп IV лишился нескольких островов в Вест-Индии, а Франция заставила его уступить ей некоторые города испанской Фландрии. И хотя Испания даже после этого все еще ощущала себя великой державой, что проявлялось, в частности, в придворной роскоши, в щедрой поддержке творчества великих испанских художников Веласкеса или Мурильо, страна явно катилась в пропасть. Ситуация еще усугубилась в годы правления последнего из испанских Габсбургов, Карла II (1665–1700), угрюмая и бесцветная личность которого как бы демонстрировала — наряду с бездарным правлением приведенных им к власти временщиков — облик державы, находящейся в состоянии стагнации.

В Европе в это время стал всерьез обсуждаться вопрос о дальнейшей судьбе Испании и даже о так называемом «испанском наследстве», которое территориально, несмотря на некоторые потери, все еще оставалось едва ли не крупнейшим в мире (разумеется, с учетом не столько европейских, сколько заморских владений). Безжалостная и игривая судьба судила так, что не только умственно, но и физически неполноценный Карл, женатый сначала на французской принцессе, а затем на германской, не имел потомства. При этом правитель Франции, еще недавно бывшей главным врагом Испании, Людовик XIV, был женат на его сестре, а другая сестра была женой германского императора Леопольда I. И естественно, что оба монарха претендовали на то, чтобы принять серьезное участие в разделе владений испанской короны.

Правившие страной временщики из числа влиятельных грандов были склонны пойти на продолжение уже начавшегося в это время сближения с давним врагом Испании Францией. Однако именно этого опасались не только Англия и Голландия, но и австрийские Габсбурги. И когда Карл все же завещал свой престол внуку Людовика герцогу Анжуйскому, ставшему испанским королем Филиппом V (1700–1746), в Европе началась война за испанское наследство. Англия и Голландия, опасавшиеся за судьбу своих заокеанских владений, выступили в союзе с Австрией и Пруссией против Франции и Испании. Англичане довольно быстро высадились в Португалии и вскоре захватили Гибралтар. Однако более значительных успехов союзники не достигли, хотя война продолжалась свыше десятка лет.

По Утрехтскому миру 1713 года Англия и Голландия признали Филиппа испанским королем при условии, что ни он, ни его потомки не будут претендовать на французский престол. Тем самым мрачная тень объединения двух держав Европы рассеялась. А проблема испанского наследства отпала сама собой. Это наследство в Европе фактически исчезло. У Испании в результате Утрехтского мира и ряда войн с Англией на протяжении XVIII века были отобраны ее североитальянские владения, перешедшие под власть Австрии, и последние фландрские владения. Существенно учесть также, что Англия, кроме Гибралтара и некоторых французских владений в Северной Америке, получила экономические привилегии в торговле с испанскими заокеанскими колониями. В частности, это коснулось так называемого *асьенто*, т.е. права на ввоз в Новый Свет фиксированного количества африканских рабов. В итоге война за испанские владения и Утрехтский мир, являвший собой серию отдельных договоров между воюющими сторонами, положили конец величию Испании и тем самым зафиксировали принципиально новое соотношение сил в Европе, да и во всем мире. Испания в результате превратилась во второстепенную западноевропейскую страну, причем ее прежнее величие было несколько поколеблено даже там, где оно сохранялось свыше двух веков, т.е. на территории Нового Света.

XVIII столетие, особенно после окончания серии войн, стало для Испании периодом некоторого успокоения и даже промышленного подъема. Подняла голову приниженная на протяжении ряда веков буржуазия, стремившаяся заимствовать достижения промышленно

развитых стран Западной Европы. Наибольшего успеха достигла в этом плане расположенная недалеко от Франции Каталония, где успешно развивалось хлопчатобумажное фабричное производство с применением новых механизмов и даже заимствованных у Англии машин. В конце века в Астурии появился первый в стране металлургический завод с доменной печью. Стала существенно возрастать численность рабочих, занятых в производстве на фабриках. Следует заметить, что спрос в американских колониях Испании на промышленную продукцию стимулировал рост городов и промышленного производства в метрополии. Однако это все еще очень слабо сказывалось на темпах буржуазного развития и тем более на сколько-нибудь заметном росте влияния испанской буржуазии. В стране все еще ощущалось преобладающее влияние знати и католической церкви.

В XVIII столетии и особенно во второй его половине в Испании стали появляться влиятельные экономисты и государственные деятели, которые внимательно следили за успехами развитых стран и отстаивали интересы буржуазного развития Испании. Наиболее яркой фигурой среди них был Р. Кампоманес (1723–1803), сумевший сделать блестящую карьеру и бывший ряд лет министром финансов страны. Он активно содействовал техническому прогрессу и даже посылал испанцев в другие страны учиться мастерству в сфере промышленного производства.

Влияние ряда прогрессивно настроенных министров, возвышение Кампоманеса и попытки некоторых реформ, направленных на ограничение роли католической церкви и ордена иезуитов, на введение выгодных для буржуазного развития страны элементов протекционизма, пришлись на годы правления Карла III (1759–1788). Этот правитель отличался от ряда своих предшественников готовностью поддержать прогрессивные реформы и тем вывести Испанию из состояния застоя и стагнации. Однако, несмотря на то, что у него для последовательного проведения соответствующей политики было не так уж мало времени, он сумел добиться не слишком многого. А его преемник Карл IV (1788–1808), напуганный начавшейся в годы его правления Французской революцией и казнью короля, вовсе свернул все реформы, хотя это не помешало тому, что он вынужден был в конце века, в середине 90-х гг., потерпев поражение в войне с Францией, пойти на союз с ней. В результате этого Испания на ряд лет по сути утратила политическую самостоятельность, хотя этот период в

общем пошел ей в некотором смысле на пользу, что проявилось уже в начале XIX века.

Несколько слов о переменах в системе управления латиноамериканскими колониями Испании в XVIII веке и особенно в годы реформ времен Карла III. Одной из главных было изгнание иезуитов из испанской Южной Америки указом 1767 года. Другой было введение в 1778 году принципа свободной торговли между разными испанскими, латиноамериканскими и даже иностранными портами, что за считанные годы способствовало резкому увеличению объема торгового оборота едва ли не в 8 раз. Были созданы новые вице-королевства. В колониях появились — по французскому стандарту (Испания в годы правления Карла III и в Семилетней войне была союзником Франции в борьбе с Англией) — интендантства в территориальных округах. Все эти меры вели к укреплению территориальной автономии в пределах вице-королевств, к изменению привычных устоявшихся торговых связей и к специализации различных регионов на преимущественном производстве разных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции. Хотя и весьма медленно, причем в обстановке, не слишком к этому располагавшей, в испанских колониях Южной Америки поднимала голову местная буржуазия.

В завершение рассказа об успехах и неудачах Испании в XVI–XVIII вв. стоит обратить внимание на то, что экономические неудачи и социальные сложности, не говоря уже о политических авантюрах правителей страны или о свирепости католической церкви, не слишком сурово сказались на развитии культуры. Правда, радикальные перемены эпохи Ренессанса затронули Испанию лишь мельком, причем сравнительно поздно. Однако и этого оказалось достаточно для того, чтобы в стране появились такие всемирно известные мастера, как автор «Дон-Кихота» великий М. Сервантес (1547–1616) и один из блестящих новоевропейских драматургов Лопе де Вега (1562–1635), как знаменитые художники Эль Греко (1542–1614) и Диего Веласкес (1599–1660). За каждым из этих имен, да и за некоторыми другими, стоит многое из того, что олицетворяет национальную культуру страны и являет собой гордость испанцев. Словом, Испания недаром была великой державой, пусть и недолго. К сожалению, в последующие века ее международное значение и влияние ощущались практически только за океаном, в Латинской Америке, да еще в ряде небольших анклавов на побережье Африки.

ПОРТУГАЛИЯ ПОСЛЕ 1640 ГОДА

Португалия, оказавшись под властью Испании, шла примерно по тому же пути. Но после 1640 года, когда она стала независимым государством и вернула часть своих колоний (Бразилия, Ангола и Мозамбик в Африке, анклавы Гоа и Диу в Индии и Макао в Китае), что в конце века совпало с открытием золотых приисков в Бразилии, ситуация по меньшей мере в сфере финансов несколько улучшилась. Правда, золото не помогло быстрому преодолению отставания от более развитых стран. И сельское хозяйство, и отсталые формы организации промышленного производства (в основном ремесло) не могли обеспечить быстрого роста. У Португалии развитым оставалось разве что традиционное кораблестроение. Но торговля в основном оказалась в руках Англии, с которой португальцы заключили ряд соглашений, оказавшись в немалой мере зависимыми от этой ставшей уже великой державы.

Так продолжалось достаточно долго, пока в середине XVIII столетия Португалия не начала воспринимать новые идеи, носителем которых оказался первый министр С. де Помбал, проведший в третьей четверти этого века ряд важных реформ. Смысл его реформ сводился к укреплению централизованной администрации и форсированию тесно связанного с этим и шедшего уже полным ходом в большинстве стран Западной Европы процесса дефеодализации. Помбал — как и Карл III испанский — едва ли не прежде всего позаботился о том, чтобы изгнать из страны и из Бразилии, что существенно подчеркнуть, иезуитов с одновременной конфискацией их огромных богатств и укреплением за этот счет казны. Подобно Кольберу в последней трети XVII века во Франции, он стремился проводить политику меркантилизма, старался укрепить хозяйство страны, содействуя развитию земледелия и особенно виноделия, а также укреплению мануфактур, особенно в сфере производства текстиля (шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани). Он проводил политику протекционизма, облагая иностранные, прежде всего английские, товары большими пошлинами и тем содействуя развитию португальской буржуазии. При нем были укреплены армия и флот, созданы новые системы судопроизводства и административной отчетности. Однако конец века оказался временем аристократической реакции на реформы отстраненного от власти министра. При новом короле едва ли не все важнейшие его реформы были пересмотрены,

что вновь способствовало замедлению развития страны, даже ее стагнации. Реакция проявила себя и в Бразилии, где шел активный процесс буржуазного промышленного развития. Там был уничтожен ряд мануфактур, введены строгие запреты на посещение колонии иностранцами и был даже восстановлен суд инквизиции.

Глава шестая. АНГЛИЯ

В первой части тома шла речь о тех важных преимуществах, которые способствовали быстрому развитию как промышленного потенциала, так и прогрессивной демократической тенденции в истории позднесредневековой Англии. Факторы, о который упоминалось, включая отказ Генриха VIII от признания католических иерархов и возникновение англиканской церкви, бывшей достаточно радикальным вариантом протестантизма, повлияли на ускоренный процесс экономического роста в этой стране. Одним из важных дополнительных факторов, действовавших с начала XVI века, были заметные изменения в составе правящей элиты. На смену истребленной в войне Алой и Белой розы потомственной аристократии пришло, как упоминалось, новое дворянство, джентри. Эта часть привилегированного слоя землевладельцев, получившая, помимо прочего, львиную долю от конфискованных церковных и монастырских земель, была настроена на сближение с буржуазией и активное предпринимательство, о чем, в частности, свидетельствует упоминавшаяся практика *огораживания*. Раскрестьянивание английской деревни было следствием этой практики и привело к расслоению сельских жителей страны. В английской деревне стали появляться тесно связанные с рынком буржуазного типа фермеры. В то же время немалое количество нищих-пауперов, столь мозоливших глаза на первых порах, способствовали появлению резерва недорогих рабочих рук, необходимых для развития торгово-промышленного, преимущественно городского хозяйства.

В том же направлении с начала XVI века стала развиваться и политическая жизнь страны. Еще при Генрихе VII, пришедшем к власти в 1485 году, сразу же после окончания *войны роз*, в стране были срыты замки большинства представителей родовой знати. Поощрив щедрыми пожалованиями новое дворянство с его склонностью к буржуазному предпринимательству, король занялся укреплением

централизованной администрации, в первую очередь ее налогово-финансового ведомства. При его сыне Генрихе VIII (1509–1547) еще больше усилилась власть центра, была создана эффективная местная администрация с большой ролью самоуправления, в котором задавали тон местные джентри (джентльмены), а казна была, как правило, представлена лишь *шерифами*. Роль парламента не уменьшалась, но даже возрастала за счет новых его решений о свободах и привилегиях для депутатов. Стало ощущаться влияние Англии и в европейской политике, хотя бы за счет взаимоотношений с католическими иерархами Рима. Изменился состав армии. Хотя рыцари с их привилегиями (щитовые деньги из казны) сохранялись в качестве реликта еще почти столетие, они перестали быть боевой силой страны. Их место заняло ополчение, набранное из свободного населения. Все эти реформы и нововведения сыграли заметную позитивную роль, хотя они порой были достаточно болезненными, особенно для потерявших землю крестьян, нищих-пауперов, которых нередко казнили за бродяжничество. Нельзя забывать и о так называемой «Звездной палате», то и дело выносившей смертные приговоры. Как известно, не миновал этого приговора и канцлер Англии утопист и гуманист Т. Мор.

Суровые законы и Генриха, и его преемника Эдуарда VI (1547–1553), и королевы Елизаветы I (1558–1603) под угрозой наказаний буквально вынуждали пауперов идти на работу на городские предприятия. Но там суровый ритм ежедневного труда с весьма длительным рабочим днем и тяжелыми бытовыми условиями (что характерно для многих стран в первый период промышленно-буржуазного развития) был крайне непривычен для вчерашнего крестьянина. Нет слов, жестокость по отношению к беднякам не может не вызывать осуждения. Но все же стоит обратить внимание на то, сколь отличной была политика власти в Англии от того, что было в той же Испании, где правители не обращали никакого внимания на промышленное производство местной предбуржуазии и, более того, всячески способствовали ее упадку. В Англии именно власти проявляли трогательную заботу о процветании буржуазного производства, пусть даже ценой тяжелого и почти обязательного труда рабочих. И это приносило свои плоды, способствуя ускоренным темпам развития английской буржуазии и ее торгово-промышленной активности.

Поддержка английского правительства ощущалась постоянно и во всем. Создававшиеся торговцами купеческие компании, бравшие

на себя всю организацию торговли с Левантом, Москвой, Африкой, Вест-Индией, Ост-Индией, получали поддержку властей и даже ряд привилегий. В Лондоне в 1571 году была открыта биржа, быстрыми темпами развивались порты, верфи и строительство кораблей, включая и крупные, водоизмещением до 1000 тонн. Соответственно росли торговое судоходство и товарооборот, создавались банковские конторы, строилось знаменитое Сити. Словом, политика явного протекционизма с середины XVI века становилась нормой для развивавшейся буржуазной Англии. Расцветавшая под крылом короны океанская торговля, пренебрегая запретами, активно нарушала монополию Испании на торговые связи с ее колониями в Америке. И хотя это подчас вело к суровым санкциям и конфискациям, ничто не могло остановить англичан. А символом этого откровенного пренебрежения запретами стало, о чем шла речь, путешествие Ф. Дрейка (1577–1580) вдоль всего американского побережья, сопровождавшееся ограблением ряда испанских портов. Дрейк с небольшой эскадрой совершил кругосветное путешествие и привез в Англию богатую добычу, за что был щедро вознагражден королевой.

Английские правители в XVI веке вели активную внешнюю политику. Еще при Генрихе VIII, в 1541 году, был закончен довольно долго длившийся процесс медленной, но неуклонно проводившейся — при порой весьма активном сопротивлении со стороны местного населения — колонизации отставшей в своем развитии Ирландии. Завоевание Ирландии, оставшейся верной католичеству, завершилось при его дочерях Марии Тюдор (1553–1558) и Елизавете переселением туда немалого числа английских колонистов, которые принесли с собой английский язык в качестве основного средства общения в Ирландии. Елизавета активно поддерживала английских протестантов и французских гугенотов, равно как и восставшие Нидерланды. Католическая реакция во главе с Римом и Испанией видела в ней своего главного врага. Именно против нее была послана армада, нашедшая в этом последнем серьезном походе испанских военных кораблей свой бесславный конец. Да и заговоры католиков, имевших немалое влияние не только в отделенной от Англии морем Ирландии, но и в более близкой к ней Шотландии, в центре которых оказалась шотландская королева Мария Стюарт, правнучка Генриха VII, не привели к успеху. Мария Стюарт была казнена в Англии, а ее сын Яков — парадоксами такого рода полна история! — был объявлен не вышедшей замуж и оставшейся бездетной Елизаветой ее наследником. В результате Ан-

глия за исторически короткий срок не только присоединила к себе значительную часть Ирландии (в начале XVII века шесть графств Ольстера стали почти целиком как английскими, так и протестантскими), но и воссоединилась с Шотландией под властью нового короля Англии, Шотландии и Ирландии Якова I Стюарта (1603–1625).

Не слишком умный и уж во всяком случае не дальновидный Яков пытался повернуть ход истории вспять, для чего он стремился ограничить роль парламента и, опираясь на возвеличенный им же принцип божественного характера власти монарха, стремился ограничить давно уже завоеванные позиции английского протестантизма, особенно радикальных пуритан, стремившихся к полному очищению протестантизма от последних остатков католицизма (откуда и термин). В сфере экономики действия короля, стремившегося во имя интересов казны торговать титулами и должностями, а также монополями в различных отраслях производства, ограничивали присущую буржуазному обществу свободу конкуренции, что вело к бюрократизации и коррупции в системе администрации. На смену политике протекционизма приходила мелочная патерналистская опека чиновничества. Это не могло не породить в стране большого недовольства.

Внешняя политика короля тоже стремилась к прошлому. Яков отказался от состояния войны с Испанией и заключил с ней в 1604 году невыгодный для страны мирный договор, не защитивший интересы английской торговли в Вест-Индии. Он прекратил помощь Нидерландам, странно определил направление политики Англии на начальном этапе Тридцатилетней войны. Он был готов даже пойти на династический союз с Испанией, женив наследника на испанской инфанте. И хотя этот брак не состоялся, женитьба Карла на французской принцессе явно свидетельствовала о склонности первых королей династии Стюартов к католичеству, столь милому сердцу Марии Стюарт. Неудивительно, что наследник Якова Карл I (1625–1649) активно продолжал политику отца. Это проявилось в нежелании мира с парламентом, по отношению к которому король позволял себе недостойные методы, интриги и шантаж, а также в поражениях при столкновении английских интересов с испанскими, но более всего в католических склонностях нового правителя, включая и союз с Францией в борьбе против гугенотов.

Отношения парламента с королем обострились до крайней степени, особенно после неудач во внешней политике. После того, как

Карл в 1629 году распустил очередной парламент и перестал созывать новые, в стране усилился нажим со стороны правительства. Началось преследование наиболее активных парламентариев, вскоре переросшее в подлинный разгул реакции. Особо ненавистные Карлу пуритане[1] были вынуждены в массовом порядке, десятками тысяч, эмигрировать из Англии, частично в Голландию, но в большинстве в Северную Америку. В сфере финансов Карл обрел полную свободу и, не обращая внимания на традиционные нормы, начал взимать все новые и новые налоги и пошлины. Парламентские права и свободы были не только грубо нарушены, но и в буквальном смысле слова втоптаны в грязь. Ясно, что ситуация в стране с каждым годом становилась все напряженней. Это означало, что достаточно было малейшего срыва, чтобы последовал взрыв, даже серия взрывов.

Срыв не заставил себя долго ждать. Неудача в 1639 году в войне с восставшими шотландцами, которым попытались было силой не столько даже навязать господство англиканской церкви взамен католицизма, сколько заставить поступиться все еще сохранявшейся у них определенной долей политической независимости, побудила Карла созвать в апреле 1640 года парламент. И хотя неуступчивый парламент был распущен через три недели («Короткий парламент»), долго назревавший в стране взрыв не заставил себя ждать. Недовольство налогами и вызванным ими финансовым кризисом, судебные дела и новые аресты, постоянно ухудшавшееся положение в промышленности и торговле, эмиграция и утечка капиталов, со-

[1] Английские пуритане в это время уже были разделены на два направления, пресвитериан и *индепендентов*. Пресвитериане, более умеренные кальвинисты, сформировавшиеся в Шотландии и Англии во второй половине XVI века, состояли из общин, каждая из которых имела своего пресвитера, т.е. приходского старейшину. В пресвитерианских общинах соблюдалось единообразие культовых отправлений, что напоминало о своего рода единой пресвитерианской церкви. В число пресвитериан, сыгравших важную роль в войне парламента с Карлом, входили многие богатые буржуа и некоторые джентри. Индепенденты, т.е. независимые, были своего рода левым крылом пуритан. Они выступали за полную автономию каждой отдельной общины, конгрегации. В годы борьбы парламента с королем они были в числе радикалов. Многие из их числа в годы гонений во времена Якова I мигрировали сперва в Голландию, а оттуда на знаменитом ныне корабле «Мэйфлауэр» в Северную Америку, где ими было положено начало созданию первых укоренившихся английских колоний.

кращение производства и массовая безработица — все это оказалось мощной движущей силой острого недовольства подавляющего большинства народа. В этой обстановке Карл был вынужден осенью того же 1640 года опять созвать парламент. Но на сей раз соотношение сил оказалось иным, так что этот парламент, заседавший вплоть до 1653 года, оказался «Долгим».

ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Пришедший к власти на гребне народного недовольства новый парламент, почувствовав свою силу и отражая интересы широких слоев населения, и прежде всего преследовавшихся королем пуритан, стал одно за другим отвергать большинство из начинаний Карла, ликвидировать созданные им орудия произвола, начиная со Звездной палаты, отличавшейся судебными преследованиями противников короля. После этого были преданы суду и казнены наиболее активные сторонники короля, начиная с фактического руководителя правительства лорда Страффорда. В мае 1641 года парламент добился от короля подписания чрезвычайно важного соглашения о том, что отныне парламент может быть распущен лишь с его собственного согласия. Затем, уже в ноябре 1641 года, был составлен список злодеяний — «Великая ремонстрация», — в котором в 204 пунктах было собрано все то, что вредило стране и прежде всего мешало ее дальнейшему буржуазному развитию. И так как не весь парламент единодушно проголосовал за него, вдохновленный этим Карл начал было, несмотря на подписанное им в мае соглашение, подготовку к разгону парламента.

Хорошо понимавшие ситуацию в стране лидеры парламентского большинства призвали народ не расходиться с Вестминстерской площади, где происходили заседания парламента. И когда сам король с вооруженным отрядом в январе 1642 года появился было в парламенте, чтобы арестовать наиболее заметных парламентариев (которые были предупреждены и скрылись в Сити), именно толпа сорвала эту попытку. Вдохновляемый ею лорд-мэр Лондона отказался выдать королю парламентариев. Город быстро превращался в военный лагерь, который резко противостоял правительству. Это и вынудило Карла отказаться от его замысла и уехать из столицы в Йорк, где он пытался собрать верные ему войска. В стране назревала

невиданная прежде гражданская война между королем с окружавшей его реакционной частью правящих верхов и парламентом, защищавшим интересы явного большинства страны, ориентированного на ее буржуазное развитие.

Осенью 1642 года Карл во главе собранной им с немалым трудом довольно небольшой армии объявил войну парламенту и двинулся на юг. Первые сражения он выиграл, ибо парламентская армия, состоявшая в немалой своей части из наемников, не смогла оказать ему — несмотря на явное численное преимущество — должного сопротивления. Более того, ее командующий граф Эссекс не стремился к победам, хотя подчас и мог их добиться. Основную силу короля представляла хорошо обученная кавалерия, которой у парламента почти не было. И тогда на передний план в войне выступил один из парламентариев Оливер Кромвель (1599–1658), изменивший сам принцип формирования народной армии. Несмотря на оппозицию со стороны некоторых руководителей армии парламента и опираясь на поддержку со стороны народа, он смело стал включать в ее состав крестьян-*йоменри* и всех других, кто мог и был готов прийти со своим конем и всей необходимой экипировкой в создававшуюся парламентом кавалерию. И когда король осенью 1642 года занял Оксфорд (50 миль от Лондона), а летом 1643 года подошел вплотную к столице, в результате чего создалась критическая ситуация, именно кавалеристы Кромвеля (*железнобокие*, как их прозвали) одержали ряд важных побед в сражениях осенью 1643 года.

Тем времен усилиями главы парламентской оппозиции Джона Пима было достигнуто соглашение с шотландскими протестантами-пресвитерианами. Это соглашение, *ковенант*, обеспечило парламенту активную поддержку со стороны шотландских протестантов-пресвитериан, которые отправили в Англию 20-тысячную армию[1]. 2 июля 1644 года в сражении при Марстон-Муре близ Йорка парламентская армия во главе с Кромвелем блестяще продемонстрировала свои возможности. Она одержала победу, взяв множество пленных и богатые трофеи. Правда, после этого командующие другими армиями парламента потерпели несколько поражений, что сильно уменьшило значение победы Кромвеля. Однако теперь стало очевидным,

[1] Если в более отсталой горной части Шотландии преобладали католики, то в равнинной ее части распространился протестантизм. Отсюда и активная поддержка парламента со стороны Шотландии.

что необходимо реорганизовать всю парламентскую армию, что с успехом и было выполнено в 1645 году. Армия нового типа, ударной частью которой была кавалерия Кромвеля, перестала быть наемной. Составленная по большей части из различных общин протестантов, она считала себя своего рода бичом Божьим, причем именно ее религиозный настрой во многом предопределял исход сражений. Вскоре после ряда успешных битв была одержана окончательная победа над роялистами. Карл бежал к шотландцам, которые вскоре выдали его за немалые деньги[1] парламенту.

Передышка в гражданской войне позволила парламенту провести ряд достаточно радикальных мер, направленных на ликвидацию феодального землевладения и привилегий. Многие земли короны, поддерживавшей короля англиканской церкви и видных аристократов из числа роялистов были конфискованы и распроданы по недорогой цене. Были отменены *рыцарские держания*, т.е. выплаты королю как сюзерену части дохода с земельных пожалований. Все эти и многие другие аналогичные акты парламента, направленные на выкорчевывание остатков феодальной социополитической системы, побудили умеренных пресвитериан, составлявших большинство в парламенте, прийти к выводу, что основные цели борьбы достигнуты. Многие в парламенте полагали, что победа одержана и теперь стоит позаботиться о создании в стране обстановки стабильности. Быть может, пришло время просто принудить короля согласиться с необходимыми преобразованиями.

Однако с этим не была согласна одержавшая военные победы армия, в которой преобладали индепенденты, требовавшие законодательно расширить полномочия парламента и увеличить представительство в нем бурно растущих городов, важных центров набиравшей силу буржуазии. Назревал острый кризис в отношениях между пресвитерианами и индепендентами. После победы над католиками, преобладавшими в армии короля, на передний план вышли религиозные проблемы, разделявшие протестантов. При этом, однако, было совершенно ясно, что за спиной раздоров среди английских пуритан

[1] Существенно заметить, что за помощь со стороны шотландской армии парламент должен был платить. Однако на протяжении свыше года он этого не делал. Теперь, заплатив 400 тысяч ф. ст. (очень большая по тем временам сумма), парламент и рассчитался со своими долгами, и одновременно добился выдачи короля Карла.

маячат вполне земные стремления и интересы. Это стало ясным, когда среди радикально настроенных индепендентов появилась еще более радикальная группа так называемых *левеллеров* (от слова to level, уравнивать). Левеллеры, во главе которых оказались ультрареволюционные вожди-проповедники, требовали уничтожения всех сословных привилегий и ряда решительных преобразований, гарантирующих полное равенство. Дух все нарастающих радикальных требований и революционного обновления, столь хорошо известный из истории радикальных движений и имеющий все основания считаться составной частью логики едва ли не любого радикализма, который не встречает серьезного отпора, захватил немалую часть руководимой Кромвелем армии. В армии был создан специальный Совет, который призван был умиротворить агитацию левеллеров и сохранить необходимую дисциплину. Однако и в Совете левеллеры все увеличивали свое влияние.

Тем временем парламент, обеспокоенный взрывом революционной ярости армии, уже близкой к тому, чтобы стать орудием экстремистов-левеллеров, в мае 1647 года принял решение о демобилизации. Одновременно он начал переговоры с королем. Кромвель, весьма скептически относившийся к агитации левеллеров в армии, не мог, однако, допустить сделки парламента с роялистами. Слишком много из уже завоеванного могло быть поставлено на карту в результате такой сделки. Он уехал из Лондона и на собрании Совета в июне 1647 года потребовал от парламента определенных гарантий для армии. К гарантиям относились, в частности, чистка парламента от наиболее одиозных его членов, введение свободных и равных выборов в новый парламент, установление сроков его сессий, а также требование полной амнистии.

Парламент медлил с ответом на требования армейского Совета. Более того, была совершена попытка изгнать из парламента депутатов-индепендентов, которые были вынуждены бежать в расположенную неподалеку от столицы армию. Пресвитериане спешно готовились к обороне. Однако уже 6 августа армия индепендентов без особых сложностей вступила в Лондон. Кромвель взял инициативу в свои руки, изгнал из парламента некоторых пресвитериан из числа своих противников и заставил оставшихся депутатов отменить решения, касавшиеся, в частности, армии. Затем он сам попытался вступить в переговоры с королем, против чего выступили левеллеры, выдвинувшие собственную программу радикальных преобразова-

ний в стране. Программа включала введение всеобщего избирательного права и предоставление парламенту, прежде всего его главной части, палате общин, высшей власти в стране. О короле в ней не упоминалось, а в устных выступлениях вожди левеллеров, опираясь на Библию, резко выступали против и короля, и палаты лордов и даже ставили вопрос о казни короля как главного виновника гражданской войны.

Эта программа обсуждалась на Совете армии в октябре-ноябре 1647 года, причем позиции сторонников левеллеров были весьма сильны. Только решительный отказ Кромвеля принять их требования, реализация которых могла бы, по его мнению, привести страну к анархии, приостановил заседание Совета, отложив принятие решения. Стоит обратить специальное внимание на то, что Кромвель все это время был далек от диктаторских действий и внимательно прислушивался к настроениям в армии. Однако всему приходит предел. Коль скоро радикализм требований левеллеров оказалось невозможным преодолеть мирными средствами, он, под угрозой потерять дисциплину и создать упоминавшуюся уже им ситуацию неуправляемой анархии, предпринял ряд решительных мер. Некоторые из наиболее радикально настроенных солдат были арестованы, а один из них был публично расстрелян перед строем одного из полков. После этого Совет армии был распущен и заменен новым. Кроме того, был создан Военный суд, приговоривший к расстрелу еще одного из левеллеров. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы радикализм левеллеров в армии пошел на спад, а армия добилась необходимой дисциплины и единства, что оказалось весьма своевременным, ибо король, бежавший из-под ареста в декабре 1647 года в Шотландию, уже стремился к реваншу. Правые пресвитериане в Шотландии поддержали короля, а весной 1648 г. в разных местах страны стали то и дело вспыхивать восстания роялистов. В этих условиях в армии произошло окончательное примирение индепендентов с левеллерами и было принято решение об ответственности короля за тягчайшие преступления *против дела Божьего*. Это означало, что король, как того и желали левеллеры, признан преступником и его ждут суд и наказание.

Гражданская война, возобновившаяся в феврале 1648 года, была на сей раз недолгой. Уже в конце августа основные силы короля были разгромлены армией Кромвеля, а король снова был взят в плен. Правда, пресвитериане, которые, воспользовавшись отсутствием

армии, вновь взяли в свои руки парламент, намеревались было снова начать переговоры с Карлом I. Однако эти попытки ни к чему не привели. Возвратившаяся в Лондон армия еще раз очистила парламент от 140 наиболее реакционных парламентариев и создала специальный трибунал для суда над королем. Суд был недолгим. Король как «изменник и тиран» был приговорен к смертной казни, и в январе 1649 года его публично обезглавили. И это было первым в истории случаем вполне легитимного осуждения монарха, осужденного за войну с народом, организованным в признанные законом организации (парламент с его вооруженными силами).

РЕСПУБЛИКА В АНГЛИИ. ПРОТЕКТОРАТ КРОМВЕЛЯ

Казнь короля означала в сложившейся в стране обстановке образование новой системы власти, республики. Об этом было официально заявлено парламентом в мае 1649 года. Однако провозглашение республики не привело страну к успокоению. Тяжелое экономическое положение, вызванное неурожаями 1647 и 1648 годов, создавало серьезную основу для ощутимого экономического кризиса, сопровождавшегося упадком в промышленности и торговле, безработицей, ростом цен и резким недовольством голодающего населения. Все это создало благоприятную базу для активизации роялистов, выступления которых были особенно заметными в Ирландии и Шотландии, но встречались и в самой Англии, и даже в некоторых из американских колоний. К выступлениям роялистов следует прибавить недовольство левеллеров, так и не добившихся ни имущественного равенства, ни тем более утопической общности имуществ. Речь идет прежде всего о так называемых *диггерах* (копателях).

Диггеры требовали продолжения и углубления борьбы. Они не столько выступали с критикой сложившихся порядков (хотя эта критика в довольно жесткой форме широко распространялась их идейными вождями), сколько пробовали своеобразно воздействовать на общественное мнение личным примером. Отряды диггеров, объединенные в нечто вроде крестьянских коммун, принялись совместно обрабатывать пустующие земли в разных районах страны. Как и следовало ожидать, из этого начинания ничего хорошего не получилось, особенно если принять во внимание, что в издававших-

ся вождями диггеров памфлетах содержались призывы к восстанию против тех, кто не желал расстаться со своим имуществом. Неудивительно поэтому, что против диггеров выступили не только богатые землевладельцы, но даже и обычные крестьяне, стоявшие за сохранение принципа частной собственности. Именно эти крестьяне отнимали у диггеров орудия труда, уничтожали их посевы, калечили скот и рушили строения. Можно понять и то, что местные власти возбуждали против «копателей» судебные дела, обвиняя их в нарушении прав собственности.

Результат не заставил себя долго ждать: движение диггеров было подавлено силой, что косвенно повлияло и на ослабление позиций более умеренных левеллеров, хотя они и решительно отмежевались от позиции «копателей». В условиях нового республиканского правления, когда роль парламента, наполовину разогнанного, уменьшилась, а власть перешла к созданному парламентом Государственному совету, где тон задавала верхушка армии во главе с Кромвелем, отношение к левеллерам изменилось. Республика во главе с Кромвелем не нуждалась больше в их поддержке и в сохранении единства с ними. А ослабление их влияния в период развития движения диггеров содействовало тому, что и политическая роль левеллеров ослабевала. Правда, арест вождей левеллеров вызвал солдатские волнения в армии, где позиции арестованных находили наибольший отклик. Однако солдатские движения были легко подавлены, и на этом движение левеллеров практически сошло на нет.

Гораздо сложней было вождям индепендентской республики справиться с выступлениями недовольных в Ирландии и Шотландии. Ирландия, которая продолжала быть в основном католической, уже по одной этой причине резко выступила против протестантской республики. Католичество и даже верность Карлу I (хотя он не поддержал восставших, считая их мятежниками) стали знаменами национально-освободительного движения. Это движение, начавшееся еще в 1641 году на севере острова и постепенно расширявшееся, скоро охватило практически всю Ирландию. Парламент в 1642 году резко осудил повстанцев, издав акт о конфискации у всех них земельных владений. В годы гражданской войны и острых внутренних разногласий в Англии, когда парламенту было не до ирландцев, сближение с изменившим свои взгляды Карлом воодушевило восставших и дало им некоторую надежду на сохранение возникшего уже собственного государства, Ирландской конфедерации католи-

ков. Однако после окончания гражданской войны в Англии события в Ирландии стали восприниматься как кость в горле республики. Армия во главе с Кромвелем в 1649 году жестоко подавила восстание ирландцев, уничтожив десятки тысяч восставших. По некоторым данным, всего за годы карательной экспедиции (а она продолжалась и после окончания войны, заняв в общей сложности 1649–1652 гг.) из примерно полутора миллионов населения страны осталось немногим более половины. Эти подсчеты, если их принимать всерьез, означают, что многие из ирландцев были вынуждены покинуть разоренную страну. Часть их, чьи земли были конфискованы, оказалась вынуждена переместиться в ранее малозаселенные северные районы острова или эмигрировать, в первую очередь в Америку. После войны значительная часть земли, оказавшейся без хозяев, попала в руки англичан, прежде всего офицеров республиканской армии, которым длительное время не выплачивали жалованье.

Что касается Шотландии, то эта непокорная часть страны, ревниво отстаивавшая свою автономию, решила противопоставить республике лояльность по отношению к Стюартам (не стоит забывать, что этот королевский род был именно из Шотландии). Карл II, эмигрировавший в Голландию сын казненного короля, был даже провозглашен шотландским королем. Республика попыталась было уговорить шотландцев порвать со Стюартами. Однако те стояли на своем. Тогда армия во главе с Кромвелем в 1650 году вынуждена была снова отправиться в Шотландию, где после ряда быстрых побед война была с успехом завершена. Здесь однако не было ни жестоких преследований, ни массового уничтожения населения. Просто было подтверждено, что Шотландия является частью республики (как, впрочем, и Ирландия). Словом, была восстановлена возникшая еще при Якове I уния трех стран.

Восстановление страны в ее прежних границах помогло англичанам добиться ряда важных успехов и во внешнеполитических конфликтах. Взяв на вооружение политику меркантилизма, т.е. продолжая, как то было во времена королевы Елизаветы, активно вмешиваться в торговые дела, оказывая протекцию собственным торгово-промышленным кругам, Англия во главе с республиканским правительством продолжала строить корабли и даже начала энергичное соперничество с Голландией. Этому содействовал принятый в 1651 году Навигационный акт, существенно ограничивавший иностранную, прежде всего голландскую, торговлю с английскими

колониями. Акт привел к англо-голландской войне 1652–1654 гг., которая завершилась победой англичан и признанием Голландией новых правил морского судоходства и торговли. Война с Португалией, начавшаяся под тем предлогом, что эта страна в годы гражданской войны помогала католикам-роялистам, привела к аналогичному торговому договору 1654 года, который открыл английским кораблям путь к португальским колониям и обеспечил английским торговцам некоторые привилегии.

Существенно обратить внимание также и на усиление роли религиозно-мистических учений и сект, которые в немалом числе вышли на поверхность общественных дискуссий после казни короля и создания республики. Многие англичане религиозного толка — а такими в годы ожесточенной борьбы именно религиозных групп были и ревностные католики, и пресвитериане, и индепенденты, и тем более левеллеры либо диггеры, т.е. практически все, — ощущали в победе республиканцев некий важный для их самосознания толчок, какую-то очень серьезную мировоззренческую перемену. В стране резко увеличилось количество странствующих богомольцев, причем многие из них ожидали второго пришествия Христа. Опираясь на хорошо известное высказывание библейского пророка Даниила о том, что после окончания господства четырех великих монархий (а казнь Карла они воспринимали как гибель именно четвертой монархии) наступит пятая, т.е. Царство Божие, они ждали появления Христа и связанных с ним радикальных перемен в образе жизни. Появлялись и претенденты на роль Христа, чьи сторонники, как то было в Бристоле с самозванцем из числа офицеров армии Кромвеля, громко приветствовали его возгласами: «Осанна сыну Давидову», — и бросались перед ним на колени.

Разумеется, это не понравилось республиканским властям. Перед ними встала серьезная проблема: как ограничить взрыв религиозной экзальтации и дать ему приемлемый выход. Выход довольно скоро был найден. Изживший себя и по существу переставший играть сколько-нибудь существенную роль в политике страны Долгий парламент, превратившийся уже в некое, как его стали именовать, *охвостье* подлинного парламента, был распущен. Вместо него был созван новый, впоследствии получивший наименования «Малый парламент» или «Парламент святых». И это последнее наименование было далеко не случайным. Правительство Кромвеля, отдав дело организации выборов в новый парламент в руки местных об-

щин (а они все были не просто религиозно ориентированными, но и оказались насыщенными идеями разных сект), явно недооценило сложившуюся в стране ситуацию. В парламенте оказались представители радикальных сект и мистических течений, не говоря уже о немалом количестве левеллеров и иных радикальных индепендентах.

Начавший свою работу в июле 1653 года, он вскоре стал удивлять своими решениями. Суть одних сводилась к созданию комиссии по кодификации английского права, до того всегда основывавшегося на принципе прецедента. Другие призывали к отделению государства от церкви (что вполне понятно, если принять во внимание, что представители разных религиозных течений и сект были против единой англиканской церкви). Была провозглашена свобода совести и утвержден принцип выборности священников. Парламент принял решение о гражданской регистрации брака, поставил ряд важных вопросов — об отмене церковной десятины, уменьшении налогообложения, освобождении из тюрем должников, о помощи бедным со стороны государства и даже о сокращении армии. Все эти решения и тем более намерения парламентариев побудили Кромвеля в декабре того же 1653 года заставить верных ему парламентариев настоять на роспуске парламента.

Через несколько дней после этого Государственный совет принял новый основополагающий документ («Договор о правлении»), согласно которому власть в стране отныне должна была делиться между лордом-протектором Кромвелем, получившим очень большие полномочия, и созываемым на новых принципах однопалатным парламентом из 400 парламентариев. Избирательный ценз при этом стал очень высоким (200 ф. ст.), что заметно ограничило количество и социальный статус избирателей. По существу, это был серьезный поворот в сторону жесткой власти протектора. Ситуация еще более прояснилась после выборов 1654 года, когда некоторые парламентарии отказались принести присягу на верность «Договору о правлении» и потому не были допущены в новый парламент. Но даже после этого парламент проявил несговорчивость, потребовав существенно сократить армию, содержание которой тяжелым бременем лежало на и без того расстроенных финансах страны, и даже попытавшись настоять на своем праве назначать членов Государственного совета. В январе 1655 года Кромвель распустил парламент и создал систему военных округов, возглавленных генералами с неограниченными полномочиями.

Эти перемены вызвали ощутимое недовольство в стране. Стали раскрываться роялистские заговоры, попытки покушений на протектора. В ряде мест усилилось движение крестьянства против попыток ограничить землепользование за счет новых огораживаний. И хотя при этом во внешней политике непобедимый Кромвель достигал все новых успехов, особенно в борьбе с Испанией, как на материке в районе Дюнкерка, так и на далекой вест-индской Ямайке, ситуация в стране становилась год от года все более тягостной. Протектор не был чересчур популярен, а продолжавшийся и даже усиливавшийся финансовый кризис усугублял и без того весьма тяжелую обстановку. В 1656 году Кромвель созвал еще один парламент, высшим достижением которого было восстановление палаты лордов. Как бы в порядке компенсации парламентарии, желавшие и восстановления монархии, предложили корону протектору. Однако и армия, и ближайшее окружение Кромвеля, да и сам он оказались единодушными в своем нежелании этого. Встал вопрос о наследственной власти протектора, с чем все вроде бы согласились. Но весной 1658 года парламент, не очень стремившийся вотировать новые налоги, был распущен, в сентябре того же года протектор умер и его сын попытался исполнять функции главы государства, с чем он, как быстро выяснилось, не был готов справляться. Весной 1659 года он отказался от своих полномочий. Эпоха протектората близилась к концу. В обстановке полного разброда один из ближайших помощников Кромвеля генерал Монк начал переговоры с бывшим в эмиграции в Голландии сыном казненного короля об условиях восстановления монархии. В апреле 1660 года собрался новый парламент, своего рода учредительный конвент, который санкционировал выработанные условия. Карл II прибыл в Лондон. Монархия Стюартов была восстановлена.

РЕСТАВРАЦИЯ МОНАРХИИ И «СЛАВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ»

Реставрация Стюартов была оговорена рядом жестких условий, которые были зафиксированы в подписанной Карлом Бредской декларации. Условия предполагали отказ от конфискованных земель короны за компенсацию в виде ежегодного жалованья от парламента, отказ от любого передела земельной собственности, всеобщую

амнистию, свободу религии, обязательство строго соблюдать важнейшие завоевания англичан, в частности Великую хартию вольностей, и право парламента вотировать налоги. Словом, речь шла о конституционной монархии. Однако Карл II не торопился выполнять обещания. Он распустил парламент и созвал в 1661 году новый, который оказался крайне реакционным. Опираясь на новых парламентариев, король полностью восстановил в правах англиканскую церковь, возвратив ей часть конфискованных владений, и стал притеснять радикальных индепендентов и даже умеренных пресвитериан. Он приказал казнить цареубийц и надругался над трупом Кромвеля, а также сумел повернуть дело с отбором парламентариев таким образом, что крупные центры буржуазной промышленности и торговли, как, например, Манчестер или Лидс, потеряли право посылать своих депутатов. Это право было возвращено издавна существовавшим так называемым *гнилым местечкам*, где было очень небольшое, но весьма консервативное и роялистски настроенное население.

Однако большего Карл добиться не смог. Подавляющее большинство земли короны и знати оказалось в чужих руках, причем эти владения уже успели перейти из одних рук в другие, что делало преследование новых владельцев практически невозможным. Кроме того, у самого Карла и его приближенных было достаточно здравого смысла, чтобы понять, что выгоднее поощрять развитие промышленности и торговли, особенно колониальной, нежели пытаться отсудить земельные владения. Выгодный буржуазной Англии меркантилизм Кромвеля был взят на вооружение и правительством Стюартов. Это значило, что следовало прекратить разгул феодальной реакции и направить усилия на укрепление позиций страны. Вторая и третья англо-голландские войны (1665–1667 и 1672–1674) подтвердили принципы «Навигационного акта» и создали для Англии благоприятные условия в колониальной торговле.

К сожалению, здравый смысл короля и его приближенных постоянно давал очень болезненные для страны сбои во внешней политике. Стюарты, жившие в эмиграции на иждивении Франции, были склонны к расточительности (король сумел даже продать Франции за 5 млн ливров отвоеванный у нее на материке Дюнкерк, взяв деньги себе). Более того, они не только старались поддерживать хорошие отношения с католической Францией, но и с удовольствием продолжали получать субсидии от Людовика XIV, что придавало

им некоторую независимость от парламента. За это они охотно расплачивались уступками в пользу интересов французской торговли и даже были склонны (имеется в виду тайный «Дуврский договор» 1670 года) способствовать восстановлению в Англии католицизма. И хотя как бы в противовес этому парламент в 1673 году утвердил акт о присяге, согласно которому только те, кто признавал англиканскую церковь, могли находиться на высоких постах, тяга монархии к католикам не прекращалась. Ситуация усугублялась тем, что брат и наследник бездетного Карла II Яков тоже был католиком.

Едва ли нужно снова и снова напоминать о том, сколь важное значение в истории событий в Англии в середине XVII века играла религия, бывшая отнюдь не довеском, не какой-нибудь — если вспомнить марксистско-истматовскую лексику — *надстройкой*, но едва ли не основной сутью многих событий и решений той эпохи. Поэтому нет никакого сомнения в том, что именно католические симпатии Стюартов сыграли решающую роль в гибели династии. Якова в стране не любили. И когда его дочь Мария вышла в 1677 году замуж за голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского, в стране остро встал вопрос о возможной замене католика Якова на его зятя протестанта Вильгельма. В парламенте с 1679 года стала очень активно действовать партия (ее именовали *вигами* — термин, употреблявшийся прежде для обозначения шотландских пресвитериан), резко выступившая против того, чтобы на английском престоле оказался католик. Вигам, которые более всего отражали интересы буржуазии, противостояли *тори* (так прежде именовали восставших католиков в Ирландии), бывшие в то время не столько консерваторами, сколько сторонниками близкой к католикам монархической знати.

Отношения между королем и его окружением с парламентом в конце 70-х гг. резко обострились. В мае 1679 года новый парламент, в котором в большинстве оказались виги, провел знаменитый закон Habeas Corpus Act, который резко усложнил и строго оговорил процедуру ареста, сделав его невозможным без письменной санкции судьи. Затем виги предложили в парламенте законопроект об устранении Якова из числа претендентов на престол. В ответ Карл сумел, собрав силы сторонников, разогнать парламент. Вигов начали преследовать по обвинению в заговоре против короля, некоторых из них казнили. Казалось, монархическая реакция в стране окончательно восторжествовала. Созванные в 1680 и в 1681 гг. парламенты ока-

зались нежизнеспособными. Дело шло к тому, что тори побеждают. И когда в 1685 году Карл умер, на престол вступил Яков II.

Новый парламент, в котором преобладали тори, отменил Habeas Corpus Act. Восстания недовольных были подавлены. На важные должности Яков стал назначать католиков. Парламент был распущен, а угроза восстановления католицизма, религии врагов английского капитала, испанцев и французов, стала почти реальной. Эта угроза (снова вспомним о роли религии!) сплотила вигов и большинство тори, после чего Вильгельму Оранскому и его жене Марии, дочери Якова, в 1688 году было от имени обеих партий послано предложение прибыть в Англию и занять будто бы освободившийся после отречения Якова престол. И хотя Яков не отрекся и вовсе не собирался добровольно отдавать власть, он не сумел организовать отпор. Войско Оранского в декабре 1688 года высадилось на территории Англии и без боя заняло Лондон, горячо приветствовавший короля-протестанта (формально он стал королем месяцем спустя, когда был созван чрезвычайный парламент-конвент, который и провозгласил супругов королем и королевой Англии). Яков, не получивший ожидаемой поддержки от Людовика XIV, спешно покинул Англию.

«Славный переворот», как позже стали именовать в Англии переход короны от Якова Стюарта к Вильгельму Оранскому, сыграл очень важную роль в истории страны. Он фактически завершил переход Англии от феодальной системы к конституционной монархии. И хотя многие поверхностные признаки феодализма (палата лордов, некоторые привилегии аристократов) сохранились в Англии до наших дней, на деле процесс дефеодализации с успехом завершился именно в 1688 году. Вполне логично и естественно, что одновременно завершились и все попытки возвратить страну к католицизму и даже все притязания официальной англиканской церкви на серьезные привилегии. Если же говорить более конкретно, то следует напомнить, что король Вильгельм подписал принятый конвентом в 1689 году **Билль о правах**, суть которого сводилась к соблюдению конституционных гарантий и к резкому увеличению прав парламента, который отныне должен был постоянно созываться, иметь абсолютное право на издание законов, вотирование налогов, решать вопрос об армии. Был восстановлен антикатолический акт о присяге 1673 года. Усилилась роль суда присяжных. Несколько позже парламент принял важный закон об отмене в стране цензуры. Особое значение имел акт о престолонаследии, согласно которому

после бездетных Вильгельма и Марии власть должна была перейти к принцессе Анне, младшей дочери Якова, а затем к боковой ветви Стюартов из Ганновера.

ИТОГИ И ОЦЕНКА СОБЫТИЙ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

События в Англии, начало которым положил конфликт Карла I с Долгим парламентом в 1640 году и которые завершились «Славным переворотом» 1688 года, — это блестящая страница в истории страны. Более того, это великое событие в процессе ускорявшейся эволюции всего западноевропейского мира. Даже успех Голландии, сумевшей незадолго до того, в 1609–1621 гг., отделаться от власти всесильной реакционно-католической испанской монархии, на этом фоне может и должен восприниматься лишь как своего рода прелюдия к той грандиозной симфонии, которая столь долго, причем с нарастающим фортиссимо, звучала в протестантской Англии.

В Англии одержала победу та самая **протестантская буржуазия** (это стоит еще и еще раз специально подчеркнуть), которая выступила не просто в защиту своих интересов, но сделала это в жесткой религиозной форме. Правда, субъективно считая именно ее, религиозно-протестантскую форму радикального антимонархического и антифеодального движения, главным моментом борьбы, Англия имела в виду, конечно, не только освобождение от католической реакции феодалов, но также, причем на деле в первую очередь, обеспечение господства буржуазной рыночно-частнособственнической структуры. Эта структура, важно специально заметить, не была и не могла быть копией той, что была создана в свое время в рамках древнегреческих полисов. Иные времена, иные конкретные условия и не вполне те же формы. Но основа была той же. Разве что на смену богам, которые, если вспомнить Гомера, почти всегда помогали древним грекам едва ли не во всех их великих начинаниях, пришел единый Бог, которого протестанты почитали совершенно иначе, нежели ненавистные им католики. Протестантский Бог, стоит напомнить, это прежде всего усилия Человека, уверовавшего в то, что все его жизненные успехи, а не пассивное ожидание второго пришествия, угодны Богу и будут вознаграждены на этом и том свете в соответствии с достигнутыми в ходе этих усилий результатами.

Усилия буржуа, ставших главной фигурой все убыстрявшегося с XVII века экономического развития западноевропейского мира, сопровождались неизменно сопутствующей им дефеодализацией, которая способствовала укреплению легитимной центральной власти, не нуждавшейся более в новых условиях в поддержке со стороны уходившей в прошлое феодальной социополитической системы. Это было до предела ясно уже в ходе антикатолической, антимонархической и антифеодальной борьбы в Нидерландах, но стало еще очевидней в восставшей против все тех же основных противников английской буржуазии.

Публичную и легитимизованную общепризнанным всенародным институтом, парламентом, казнь английского короля, бывшую в истории по сути первой в своем роде, следует считать весьма поучительной. Ее стоит расценить как громкий и заметный для всех сигнал, означавший начало конца процесса дефеодализации во меньшей мере в передовых в ту пору странах Западной Европы и выход на авансцену мировой истории практики демократического либерализма. Речь идет о той системе народовластия, которая составляла суть приоритета рыночно-частнособственнической структуры, свойственной предбуржуазному и тем более буржуазному Западу. И дело было вовсе не в том, казнен король или оставлен в живых. Ведь хорошо известно, что реставрация дома Стюартов, последовавшая всего через сорок лет после казни Карла I, отнюдь не означала возврат к старому. Напротив, она, пусть не сразу, а через пару десятилетий, лишь зафиксировала главное: народ выше правителя. Именно это главное и означало важный рубеж в процессе перехода человечества от прошлого к совершенно новому.

Переход завершился далеко не сразу. На это ушло после завоевания независимости голландцами и низвержения Стюартов в Англии еще по меньшей мере столетие, на протяжении которого другие страны, и прежде всего великая Франция, набирались сил для того, чтобы завершить начатое другими. Правда, и после революции во Франции в конце XVIII века вся Западная Европа не сразу окончательно освободилась от весомых остатков феодальной социополитической системы. Не везде дефеодализация достигла своей конечной цели. И все же процесс шел, пусть даже не всегда и не везде успешно. Но остановимся пока от подведения окончательных итогов переходного периода и обратимся к событиям, связанным с историей Англии и ее североамериканских колоний в XVIII столетии.

АНГЛИЯ В XVIII ВЕКЕ

Билль о правах, подписанный новом королем Англии Вильгельмом III Оранским в 1689 году, ознаменовал переход этой страны от состояния едва ли не перманентного бунта, которым был отмечен ее XVII век, к спокойной и уверенной жизни. При этом в новых объективных условиях каждый шаг был заметным движением вперед по уже хорошо накатанной дороге. Движение было не слишком быстрым, однако оно было надежным. Все правовые акты и традиционные нормы строго фиксировали достижения либеральной демократии в рамках практически **конституционной** (хотя конституции как таковой, т.е. в форме документа, в Англии никогда не было и нет) монархии. Эта монархия была весьма далекой от того «абсолютизма», о котором столь часто и охотно упоминают специалисты. Она была именно либеральной демократией, пусть находившейся еще на начальном этапе ее становления. Главным было то, что основные ее принципы были уже отработаны, приняты и пересмотру не подлежали. Англия стала в этом смысле едва ли не самой свободной в истории человечества страной, во всяком случае после античных времен. И это было главным и решающим результатом тех бунтарских событий, которые завершились казнью одного короля и воцарением другого, совершенно иного. При этом стоит особо оговориться, что новый король оказался совершенно другим не столько в связи со свойствами его характера. Если эти свойства и сыграли роль, то она была крайне незначительной. Гораздо важнее то, что народ Англии сумел предъявить свои права и заставил уважать ту самую форму существования, которая стала с тех пор вполне справедливо именоваться конституционной монархией.

Суть этой формы власти заключалась в том, что дефеодализация, пусть формально и не завершившаяся (палата лордов осталась), ушла в прошлое. Однако при этом на смену ей пришел не какой-то будто бы естественно следующий за снижением значимости и роли феодалов «абсолютизм», который на деле есть не что иное, как авторитарная власть правителя, а твердый принцип разделения властей. Король царствует, парламент и созданное им (лишь формально санкционированное королем) правительство, ответственное перед парламентом и избирающим его народом, управляют. Суд не зависит ни от парламента, ни от короля, ни тем более от народа. Он подчиняется только закону, а в случае отсутствия писаной нормы на

данный конкретный случай принципу прецедента. Несколько позже этот великий и до предела разумный принцип разделения властей был теоретически обоснован в трудах французского мыслителя Шарля Луи Монтескьё (1689–1755), но приоритет практической его реализации навсегда остался за Англией. К слову, в этом следует видеть основную суть буржуазной либеральной демократии и роль ее как фундамента буржуазной экономики.

НОВАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЭКОНОМИКА

Умело организованное государство сыграло очень существенную роль в ускорении темпов экономического развития страны. Быстро уходили в прошлое времена, когда толпы оборванных крестьян, лишившихся земли в результате огораживания, наполняли английские города и смущали общество своим видом нищих. Бурное развитие английской промышленности требовало все новых и новых рабочих рук, так что лишние крестьяне, включая нищих и бездомных, находили свое место в жизни. Сельское же хозяйство страны переходило в руки зажиточных фермеров, частично из буржуа и обуржуазившихся новых дворян, отчасти из числа тех арендаторов, которые брали в аренду угодья знати. Если в конце XVII века средний размер земельного владения в стране был равен примерно 70 акрам, то столетие спустя он возрос до 300. Фермерские хозяйства Англии едва ли не раньше всех применяли усовершенствованные орудия, племенной рабочий скот и наемный труд (предпочитая батраков, приглашаемых на летние работы на земле), что в совокупности создавало основу для получения эффективных результатов.

В конце XVII века сельское хозяйство страны достигло столь значительных успехов, что все промышленные центры Англии были обеспечены необходимыми сельскохозяйственными продуктами. Более того, была введена специальная система денежных вознаграждений тем фермерам, кто обычно вывозил достаточное количество лишнего зерна. В итоге в стране возник большой внутренний рынок, существование которого активно способствовало развитию не только внутренней, но и по меньшей мере частично и внешней торговли. Развитый внутренний рынок стимулировал дальнейшее развитие экономики и накопление в стране достаточного количества свободных средств, которые можно было пускать в оборот, в том числе и

для развития внешней торговли, для укрепления позиций Англии в захваченных ею к этому времени заморских колониях. Но усилению позиций страны в зарубежной торговле и в освоении далеких восточных территорий, в первую очередь Индии, которые в XVIII веке давно уже перестали быть незначительными анклавами для ведения торговли пряностями, а по сути превратились в огромные массивы захваченных англичанами колоний, способствовал не столько внутренний рынок продуктов сельского хозяйства, сколько гораздо более значительный по всем параметрам развитый рынок промышленных товаров.

Все началось с того, что усиливавшийся приток в Англию индийских хлопчатобумажных тканей вызвал моду на легкие бумажные платья и дал толчок развитию в английской текстильной промышленности бумажного производства, которое более всего сосредоточилось в районе Ливерпуля, где для выделки изделий из индийского хлопка оказался наиболее подходящий климат. Стоит учесть также, что, в отличие от традиционной выделки сукна, которое обычно было делом крестьян, чей труд использовался на так называемых рассеянных мануфактурах, изготовление изделий из хлопка не регулировалось старыми цеховыми правилами. Производителям в этом смысле была предоставлена свобода, а в производстве бумажных тканей открылись возможности для многочисленных усовершенствований прядильного и ткацкого дела.

Одно за другим шли новые изобретения: летучий челнок, механически перебрасывавшийся при прядении ткани с помощью шнура, что позволяло работать одновременно с 16–18 веретенами; нехитрое приспособление, позволяющее одному рабочему управлять несколькими вальками; использование для этого же силы падающей водяной струи; механический ткацкий станок Э. Картрайта, заменивший чуть ли не 40 рабочих, наконец, паровая машина Д. Уатта. Неудивительно поэтому, что вскоре почти вся Англия покрылась фабриками, иногда зданиями в несколько этажей, на которых работали сотни рабочих. А машина Уатта дала толчок для появления машиностроительных заводов, что в свою очередь способствовало расцвету железоделания с помощью угля (лесов в стране уже не было), который добывался во вновь построенных многочисленных шахтах. Способ выплавки металла с помощью каменного угля, затем кокса, появление прокатных станов — все эти нововведения принадлежат английским изобретателям.

Общий итог весьма красноречив. Уже первые изобретения в сфере текстильного производства, а затем в металлургии и особенно в изготовлении механизмов (здесь на первое место следует поставить все ту же паровую машину Уатта, работавшую на каменном угле) сыграли революционную роль в промышленном производстве, причем не только английском. Кроме того, заметные сдвиги во всей промышленной инфраструктуре (стоит упомянуть о шоссейных дорогах как великом изобретении англичан, о сети каналов и мостов, сокращавших необходимые пути сообщения, особенно с целью доставки угля от шахт к местам его применения) сильно изменили объем и номенклатуру промышленного производства. Если в начале XVIII века в Англию ввозили примерно 1 млн фунтов индийского хлопка, то в конце века эта цифра возросла в 60 раз. Очень значительно, вдвое, а то и в десятки раз возросло производство угля и особенно металла. А что касается различного рода механизмов и машин, то с ними дело обстояло особенно серьезно.

Суть проблемы в том, что с каждым новым заметным изобретением и усовершенствованием все большая тяжесть производства в любой сфере промышленности перекладывалась с плеч рабочих на механизмы. Казалось бы, это великое благо для ускорения промышленного развития. Так оно, собственно, и было. Однако при этом с каждым существенным сокращением доли трудовых затрат, приходившейся на рабочего, его заработная плата соответственно автоматически снижалась, а лишние рабочие вообще безо всяких церемоний увольнялись. Этот печальный факт сопровождал всю историю энергично растущего и быстро совершенствовавшегося английского промышленного производства, основная часть которого пришлась как раз на XVIII век. Неудивительно, что это вызывало в стране не просто состояние сильной социальной напряженности, но и массовое недовольство. В ответ на бесцеремонное обращение с рабочими впервые в истории (если оставить в стороне вавилонские отношения рабочих отрядов с нанимателями как своего рода курьез) стали возникать профсоюзы, тред-юнионы, — тоже, естественно, английское изобретение.

Тред-юнионы появились где-то в середине века, причем сначала это были небольшие организации, находившиеся на нелегальном положении. Вскоре, однако, они окрепли и стали легальными, защищавшими интересы рабочих и буквально вынуждавшими предпринимателей считаться с социальными последствиями их столь явного

экономического процветания. Сила сплоченности членов профсоюзов и реальность угроз предпринять действия, которые могли бы нанести весьма заметный ущерб производству, обычно действовали безотказно и со временем стали почти автоматически приводить обе стороны к эффективным компромиссным соглашениям, закреплявшимся юридически оформленными договорами. В этом смысле английские тред-юнионы стали со временем образцом для всех стран западного мира. Но тред-юнионы были, если так можно выразиться, лишь высшим уровнем социального протеста рабочих, по большей части вначале достаточно квалифицированных и имевших возможности платить взносы в профсоюзы. На низшем и на первых порах более массовом уровне социального протеста малоквалифицированных и немного зарабатывавших рабочих недовольство приняло иные формы. Речь идет о печально известных *луддитах*, своеобразных разрушителях машин.

Проявивший себя чуть позже начальных шагов тред-юнионизма, луддизм нанес английской промышленности огромный ущерб. Дело в том, что от быстрого развития высококачественных промышленных предприятий в разных сферах народного хозяйства страдали отнюдь не только рабочие, о которых уже было упомянуто. Лишались своего заработка и многие оставшиеся еще в исчезающих английских деревнях крестьяне, связанные с уменьшавшимися в числе рассеянными мануфактурами, а вместе с ними и многочисленные ремесленники, бывшие уже не в состоянии конкурировать с машинным производством. Их социальный протест был направлен против того, что они считали виновником своих бед, против машин и механизмов. Получив название от некоего подмастерья Лудда, первым где-то на рубеже 60–70-х гг. разломавшего свой вязальный станок в знак протеста, движение луддитов быстро стало массовым. Оно продолжалось несколько десятилетий, пока суровые меры закона и — что намного важнее — заметное улучшение уровня жизни английских рабочих не привели в первой трети XIX века к его концу.

Как бы то ни было, но раньше других стран пройдя через трудный для большинства населения период ломки привычных социально-производственных связей и развития новой промышленности, растущие доходы которых позволяли постепенно улучшать уровень жизни не только рабочих, но и практически всех слоев населения страны, Англия подошла к XIX веку уже совсем иной страной по

сравнению с тем, какой она была столетием раньше. Правда, нельзя не заметить, что XVIII век оказался при этом сложным и трудным для буржуазной Англии. Но он прошел все же без заметных массовых волнений и, что очень существенно, с явственной тенденцией к резкому улучшению народного хозяйства, быстрому развитию техники и технологии, расцвету промышленности и инфраструктуры в стране и, главное, к заметному улучшению положения населения острова.

Стоит в заключение краткого обзора важнейших в историческом плане экономических процессов, которые легли на плечи Англии в XVIII веке, напомнить о том, что теоретически эти проблемы наиболее полно и справедливо охарактеризовал не Маркс, как то привыкли считать в отечественном обществоведении в XX веке, а небезызвестный Адам Смит — тот самый, о котором с уважением упоминал еще великий А. С. Пушкин. В свих трудах он выступил как первый мудрый теоретик политической экономии новой эпохи буржуазного рыночно-частнособственнического хозяйства. **Резко осуждая средневековые нормы и даже предбуржуазную политику протекционизма, он сформулировал основной закон, сущность которого сводилась к тому, что рыночная цена каждого товара определяется балансом спроса и предложения и что все должны примириться с этим объективным фактом и руководствоваться именно им. Принцип свободной конкуренции не должен нарушаться ничем, в том числе и едва ли не в первую очередь вмешательством со стороны государства**, к чему люди так привыкали в прошлом. Сформулированное Смитом понятие *фри-тред* (свободная коммерция) стало достаточно быстро общеупотребительным и принятым в Англии, да и не только в ней.

Смит здесь отнюдь не случайно противопоставлен идеям марксизма, которые сводили едва ли не все процессы в экономической жизни Англии того же XVIII века прежде всего и главным образом к усилению классовой борьбы, антагонизма имущих и неимущих, который чуть ли не постоянно усиливался вследствие искусственно сформулированного постулата, исходившего из принципа возраставшей эксплуатации трудящихся («а людям жилось все хуже и хуже»). В этом духе очень многое искажено в тех книгах и учебниках, которыми до наших дней часто пользуются студенты. Поэтому не стоит забывать напоминать об истинном положении вещей и о реальных его оценках, сделанных задолго до Маркса.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В соответствии с процессами, протекавшими в народном хозяйстве страны и касавшимися практически всего ее населения, продолжала заметно изменяться и общественно-политическая обстановка в обретавшей все более очевидный либерально-демократический облик буржуазной Англии. Облик, о котором идет речь, был необычным даже для современников из Франции, таких как Вольтер, который, посетив Англию еще в первой трети века, удивлялся тому, сколь тесно связаны друг с другом представители высшей знати и их ближайшие родственники, занимавшиеся коммерцией. В других европейских странах процесс такого рода сближения был еще едва заметен, тогда как в Англии он был уже почти нормой. Между тем в самом процессе, о котором идет речь, не было для передовой буржуазной страны ничего удивительного. Он стал нормой и для пореволюционной Франции в конце века, да и для всего Запада в XIX веке. Просто Англия шла впереди, как бы показывая дорогу остальным развитым странам мира.

Что касается функционирования всей государственной машины страны, включая и парламент с его регулярными выборами и соперничеством двух основных партий, либеральных вигов и консервативных тори, то она была далеко не безупречной. Места в нижней палате парламента, особенно от так называемых *гнилых местечек*, т.е. захолустных округов с небольшим количеством населения, нередко открыто продавались, что служило теперь едва ли не основным источником дохода их хозяев. В качестве хозяев таких местечек (по некоторым данным, их было около половины округов, в которых избирались депутаты) выступали представители знати, чаще всего из числа заседавших в верхней палате того же парламента, что помогало им выступать в качестве всесильных патронов депутатов от гнилых местечек. Кроме того, в правительстве первой половины века заметно процветала коррупция. Однако даже при всех этих ощутимых недостатках государственная машина была достаточно разумно устроенной и, главное, вполне соответствовала тем объективным процессам в экономике, которые вели к процветанию страны.

В числе принимавшихся парламентом законов было немало таких, которые способствовали процветанию буржуазии, обеспечению бурно растущей промышленности рабочими руками. Величина рабочего дня обычно была большой, за чем следили депутаты. Но

одновременно повышались пошлины, регулировавшие импорт тех изделий (например, хлопчатобумажных тканей), которые в обилии производились в стране, дабы не создавать местным промышленникам невыгодных условий в процессе рыночной конкуренции. Созданный еще в конце XVII века Английский банк играл все большую роль в процессе финансово-кредитного обеспечения отечественной буржуазии. Решением парламента в начале XVIII века был принят закон, согласно которому кабинет министров формировался из членов партии, победившей на очередных выборах в парламент. Это усиливало роль министров и победившей партии, особенно становившегося премьером ее главы, и способствовало уменьшению фактически уже лишь формальной власти короля. Ослаблению королевской власти содействовали и династийные передряги, завершившиеся после недолгого правления королевы Анны (1702–1714) вступлением на английский престол представителя так называемой ганноверской династии, немецкого курфюрста Георга I (1714–1727). Слабо знавший Англию и не сумевший даже элементарно изучить английский язык, король ослабил и без того незначительное влияние короны на политические дела страны. Даже Тайный совет, собиравшийся при Тюдорах и Стюартах под руководством короля и принимавший важные решения, стал часто функционировать без участия монарха. Это, в частности, привело к тому, что один из первых кабинетов вигов и глава его Р. Уолпол, управлявший страной с 1721 по 1742 год, мало интересовались мнением короля. С этого, собственно, берет начало английская традиция, согласно которой правит страной именно глава кабинета, созданного парламентским большинством.

При этом, однако, стоит заметить, что первая половина века прошла под знаком сомнительных махинаций с парламентскими выборами и продажей голосов, о чем уже упоминалось. Виги долго не хотели приступать к реформе всей парламентской системы, хотя быстрыми темпами развивавшаяся и во многом на глазах изменявшаяся страна с нетерпением ожидала этого. И несколько десятилетий — при Уолполе и после него, включая годы правления У. Питта-старшего (1756–1761), — виги это игнорировали. Но с воцарением третьего короля ганноверской династии, Георга III, севшего на трон в 22 года, полного сил и решительных намерений (он процарствовал с 1760 по 1820 год), была предпринята попытка изменить положение дел. Правда, речь отнюдь не шла о решительных реформах. Дело заключалось совсем в другом. Король стал интересоваться политикой.

Более того, он сумел добиться немалого влияния на значительную часть депутатов, что позволило ему прервать монополию вигов на управление страной. Однако из попыток создать кабинет *друзей короля*, в основном из тори, мало что получилось. На серьезные парламентские реформы новый кабинет не решился, а так называемое «дело Уилкса», члена парламента, открыто выступившего в 1763 году в пользу реформ и за то подвергавшегося преследованиям вплоть до заключения в тюрьму, которое завершилось триумфальной победой мятежника, активно поддержанного прессой и недовольными лондонцами, и избранного после этого лорд-мэром столицы страны, наглядно показало королю, что такое либеральная демократия в конституционной монархии.

Подобного рода состояние дел во внутриполитической жизни страны продолжалось до начала 80-х гг., когда король, все еще имевший немалое влияние на парламент, довольно неожиданно предложил в качестве главы очередного кабинета У. Питта-младшего, которому в тот момент было около 24–25 лет. Справедливо восприняв этого уже известного своими немалыми способностями политика как ставленника короля, парламент несколько раз вотировал свое недоверие ему, после чего решительный Питт своей властью распустил парламент и назначил новые выборы, принесшие ему победу. С этого времени он вполне успешно управлял страной на протяжении довольно многих лет (1784–1801), а сам принцип апеллировать к избирателям в случаях, когда парламентское большинство отказывало в доверии кабинету, стал одной из важных норм управления страной. Годы правления Питта-младшего совпали с революционными потрясениями во Франции, что сильно помешало его намерениям провести решительную парламентскую реформу в пользу демократии, с отменой гнилых местечек, чему воспротивились испугавшиеся революции консервативные тори, составлявшие в то время парламентское большинство. Реформу пришлось отложить (она была осуществлена лишь в 1832 году). Но в качестве компенсации Питт, бывший ревностным сторонником идей А. Смита, стал проводить характерную для вигов политику решительной борьбы за новые рынки и новые способы завоевания их, включая использование удобного момента для борьбы с сильным конкурентом — Францией. Впрочем, здесь уместно более обстоятельно остановиться на внешней политике Англии в XVIII веке.

Она не отличалась особой активностью. Начало века прошло под знаком участия в войне за испанское наследство. В 1701 году после

смерти бездетного Карла II встал вопрос об обладателе испанской короны, которая досталась Филиппу V Бурбону, внуку Людовика XIV, с чем, как уже упоминалось, были решительно не согласны Англия и Голландия, опасавшиеся союза Франции с Испанией. Война, начавшаяся весьма успешно для англичан, высадивших войска в Португалии и продвигавшихся вглубь Испании, затем затянулась и шла с переменным успехом. Утрехтский мир признал Филиппа испанским королем, но отнял у Испании ее итальянские (они перешли к Австрии) и нидерландские владения, а также предоставил Англии немалые возможности в торговле, в частности рабами из Африки, в испанских колониях в Новом Свете.

В ходе длительной, но маломасштабной англо-испанской войны 30–40-х гг., которая началась в связи с контрабандной торговлей англичан в испанских владениях в Вест-Индии, успеха англичане не добились. Зато они сумели многого достичь в Семилетней войне (1756–1763). Действуя в Европе, где шли основные бои, лишь силами небольшой ганноверской армии (Ганновер, родина английских королей, был в это время частью Англии), сами англичане не играли в этой войне главную роль. Но зато они сумели использовать сложившуюся ситуацию, чтобы добиться немалых результатов в колониальных столкновениях и захватах. Семилетняя война позволила англичанам вытеснить французов из Канады и частично из Луизианы, а также заметно потеснить их в Индостане. При этом именно успехи в завоевании Индии были началом более широкого распространения английского колониального владычества во всей Азии. Впрочем, об этом пойдет речь особо, в одной из последующих частей тома. Пока же обратим внимание на то, как англичане укреплялись в Северной Америке.

АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Реставрация и политика королей из династии Стюартов в конце XVII века ставили своей целью и как-то обуздать явно выходивших из повиновения американских колонистов. Новая власть хотела бы видеть в американских колониях прежде всего поставщиков колониальной продукции. В королевском Тайном совете был даже создан специальный комитет, занятый именно такого рода проблемами.

С целью их решения в 60–70-х гг. XVII века были сделаны попытки перекроить границы некоторых колоний и поставить во главе вновь создаваемых колоний ставленников короля. Однако борьба в колониях подорвала власть этих ставленников, причем не только в районе Нью-Йорка или в Каролине, но также и в недавно еще роялистски настроенной, но быстро менявшей свои политические симпатии Виргинии.

Падение династии Стюартов ускорило развитие практики самоуправления в большинстве колоний. С начала XVIII века этому способствовало и вполне уже определившееся направление сельскохозяйственного освоения всей территории, прилегавшей к восточному побережью Северной Америки. Южные колонии все определеннее ориентировались на плантационное хозяйство с выращиванием табака, хлопка и некоторых других культур, для чего требовалось немалое количество негров-рабов, тогда как на севере преобладали обычные фермерские хозяйства, занятые производством потребляемой населением сельскохозяйственной продукции (зерно и иные продукты). Использование рабов, число которых быстро увеличивалось за счет привоза их англичанами из Африки именно в XVIII веке, было законодательно оформлено и приняло с течением времени в южных колониях демонстративно бесчеловечный характер. В то же время северные колонии, развивавшиеся в Новой Англии по либерально-буржуазному пути, отличались довольно заметным ростом промышленного производства. Особо быстрыми темпами развивались кораблестроение, текстильное производство, выплавка чугуна и торговля. Появлялись и наращивали темпы роста города, особенно значительные в северных колониях.

Городская культура, расцвет которой проявлялся не только в возникновении сети школ, но и в учреждении университетов, в издании печатной продукции, включая газеты (в середине века их было около полусотни) и научные журналы, способствовала появлению во всех американских колониях Англии прослойки интеллектуалов. Крупнейшим из первого поколения их был знаменитый ученый Бенджамин Франклин (1706–1790). Он еще в молодости основал в Филадельфии в 30–40-х гг. первую в колониях публичную библиотеку. По его инициативе были созданы Пенсильванский университет и Американское философское общество. Стоит также назвать имя воспитанного в духе идей европейского Просвещения младшего современника Франклина Томаса Джефферсона (1743–1826) с его

проповедью права народа на свободу и собственность. Он был автором проекта Декларации независимости США.

Необходимо обратить внимание и на то, что в колониях все определенней возникала идея некоего американского единства всех их обитателей. Они не только все чаще воспринимали себя не как представителей той либо иной колонии, тем более этноса или расы (исключение составляли негры в южных колониях и индейцы), но как именно **американцев**, в том числе и даже особенно в тех нередких случаях, когда им приходилось противостоять произволу представителей метрополии. Многие эпизоды из жизни американских колоний середины XVIII века подтверждают это и даже более того, обращают особое внимание на то, какую роль играло высоко стоявшее и в самой Англии правосудие, опиравшееся на всеми уважаемый закон и соответствующую ему судебную систему, включавшую уже и суд присяжных. Несколько с позором проигранных громких судебных дел (дело Зенгера, разоблачавшего в статьях нью-йоркской газеты беззаконие губернатора; ряд конфликтов населения с властями и британскими военными в Массачусетсе) показали, что британское право нашло в колониях хорошую почву для своего развития в направлении либеральной демократии.

Успехи колонистов в отстаивании своих прав и достоинства сыграли свою роль в осуществлении выдвинутой и развивавшейся в 1754–1755 гг. идеи Б. Франклина об объединении всех колоний. Вначале многим эта идея казалась чем-то неосуществимым, утопической мечтой. Но вскоре сами представители метрополии в колониях, люди, как правило, недалекие и стремившиеся прежде всего к удержанию колонистов в повиновении, начали активно содействовать тому, чтобы план Франклина постепенно обретал черты зримой реальности. Он получал все новую поддержку и завоевывал активных сторонников. Среди сторонников единства американцев возникло и сперва слабое, но со временем ширившееся движение *аболиционистов*, людей душевно благородных и бесстрашных, которые выступали за освобождение от рабства плантационных и прочих рабов-негров. Это движение вызывало яростное сопротивление со стороны значительной части населения южных колоний, но оно не прекращало свою активность, содействуя, в частности, бегству негров на север, в те колонии, где они по закону автоматически становились свободными людьми.

Движение в североамериканских колониях за свои права усилилось после Семилетней войны. Сама эта война, как упоминалось, в

немалой мере была вызвана напряженным соперничеством Англии и Франции в Северной Америке. Все более частые вооруженные столкновения между англичанами и французами в Канаде были одной из причин, приведших к войне в Европе, в которую были вовлечены многие страны. Война завершилась победой англичан, которые по Парижскому мирному договору 1763 года добились ликвидации французских колоний почти во всей Северной Америке, включая и Канаду. Стоит заметить, что в борьбе с французами Англии помогали ее американские колонисты. И очень важно добавить к этому, что, потеснив французов, Англия тем самым невольно оказала своим колонистам в Америке огромную услугу, избавив их от серьезного соперника и лишив их необходимости зависеть от помощи метрополии. Это сыграло немаловажную роль в ходе последовавшей вскоре за этим борьбы 13 американских колоний за независимость. Правда, после Семилетней войны, когда американские владения Франции перешли в руки англичан, согласно условиям мирного договора 1763 года, завершившего войну, перемещение колонистов на территории, которые отошли под власть Англии, было запрещено[1].

Формально они — кроме Квебека и окружающей его части освоенной французскими колонистами Канады, которые фактически слились, хотя и далеко не сразу, с выходцами из английских колоний, — были объявлены принадлежащими индейцам. В том же 1763 году, видимо, не без влияния соответствующего решения в Париже, к формулировке которого Англия имела самое непосредственное отношение, король Георг III сам заявил о запрете колонистам расселяться к западу от Аллеганских гор. Это соответствовало стремлению метрополии сохранить доходы от торговли мехами с индейцами и с помощью административных мер, сопровождаемых угрозами, ограничить и без того уже причинявшие немало хлопот британской короне вольности колонистов.

Однако на деле это решение не было выполнено. Сначала было сломлено сопротивление алгонкинов, живших в районе Квебека. А вскоре после этого началось то самое мощное движение колонистов на запад, о котором уже было упомянуто и которое со временем привело к войне с индейцами, оказывавшими двигавшимся на

[1] Это решение отражено на карте с изображением линии, за пределы которой английские колонисты не имели права расселяться. См.: История США, том первый. М., 1983. С. 95.

запад колонистам ожесточенное сопротивление. В отличие от негров свободолюбивые индейцы не только не становились рабами, но и в массе своей отказывались вписываться в новые условия жизни в рамках даже тех колоний, где им была гарантирована свобода. Впоследствии проблема обитания индейцев в США была, как известно, решена в виде резерваций, оказавшихся вплоть до сегодняшнего дня достаточно удобной для обеих сторон формой сосуществования оказавшихся несовместимыми обитателей этой страны.

КОЛОНИИ ПРОТИВ МЕТРОПОЛИИ

Обострение отношений американских колонистов с метрополией между тем продолжалось. Оно стало заметно возрастать уже в 1765 году, когда в ответ на решение Англии взимать гербовые сборы со всех документов в колониях колонисты, начиная с Виргинии, резко выступили против этого. Из всех 13 колоний, оформившихся уже к этому времени в качестве вполне самостоятельных административных образований с местными законами и законодательными ассамблеями, 10, включая Виргинию, на созванном в Нью-Йорке в том же году[1] конгрессе приняли решение, суть которого сводилась к согласию на налогообложение при условии представительства в законодательном собрании метрополии. Тем самым был поставлен вопрос о праве английского парламента, в котором колонисты с их интересами не были представлены, облагать их налогом. Иными словами, американские колонии, собравшись воедино в духе предложений Б. Франклина об объединении американских колоний, бросили первый политически весьма ощутимый вызов британскому парламенту. Начинался новый, причем, как это выяснилось со временем, принципиально иной по формам и характеру этап противостояния колоний метрополии.

Дело в том, что противостояние быстро внутренне накалялось и в своем разгоряченном виде выплеснулось на улицы. Толпы агрессивно настроенных колонистов, прежде всего в больших городах, в частности в Бостоне, стали набрасываться на сборщиков налогов и иных колониальных чиновников, включая и дом губернатора Массачусет-

[1] Нью-Йорк был одним из важных центров сопротивления метрополии. В 1765 году он отказался от навязывавшегося метрополией размещения в городе британских войск.

са. Выступления в августе 1765 года были стихийными и нередко варварски разрушительными, но в любом случае они были знаком массового недовольства и протеста. Обостренное чувство попранных прав побудило людей выйти на улицы и привело в конечном счете к радикальным решениям, сведшимся вначале к созданию массовой организации *Сыновья свободы* и, в качестве первого ее радикального решения, к бойкоту английских товаров. Недовольство в Англии решением о прекращении импорта побудило парламент в 1766 году под влиянием вигов во главе с Питтом-старшим пересмотреть свое решение и отказаться от закона о гербовых сборах в американских колониях. Но теперь это решение было уже сочтено недостаточным возбужденными колонистами, которые осознали свою силу и, в частности, значимость единства действий всех колоний. И потому нет ничего удивительного в том, что, когда английский парламент в 1767 году вместо закона о гербовых сборах принял закон о новых пошлинах на ввозимые в колонию товары, будь то бумага, краски или чай, ассамблея в Массачусетсе призвала все колонии объединиться. Уже весной 1768 года этот призыв встретил сочувственный отклик в законодательных собраниях большинства колоний (воздержалась лишь Пенсильвания). В итоге бойкот английских товаров стал еще более актуальной и тщательно соблюдавшейся акцией, за соблюдением которой бдительно следили вездесущие *сыновья свободы*.

Разумеется, даже при условии этих строгостей бойкот не был полным, ибо в некоторых товарах американцы нуждались. Но главным было вовсе не полное соблюдение принятого решения о бойкоте. Много важнее было то, что колонии объединились и что их сплотила единая общая цель сохранить свое достоинство, права и свободы, не дать метрополии принимать решения за них без их участия и согласия. И в противостоянии, длившемся несколько лет, метрополия снова вынуждена была отступить. Закон о пошлинах был в 1771 году отменен за исключением пошлины на чай. Но это случилось уже после того, как отношения метрополии с колониями обострились едва ли не до крайнего предела.

Введенные в колонии британские войска вызвали к жизни организованный протест, нашедший свое выражение в форме создания в колониях народных ополчений. Попытки британских военачальников распустить некоторые сопротивлявшиеся размещению войск законодательные собрания не помогли укрепить влияние метрополии. А приведшее к трагическим результатам столкновение колонистов с

войсками в Бостоне в марте 1770 года (шестеро демонстрантов были убиты, столько же ранены), получившее наименование «бостонского побоища», оказалось сигналом к массовому сопротивлению. В числе активных противников ограничения свобод и прав колонистов все чаще оказывались фермеры, количество которых в колониях было весьма значительным (40–50% населения). И хотя среди колонистов оказались и свои консерваторы-тори, готовые идти на компромисс с метрополией, подавляющее большинство населения колоний влилось в ряды борцов за свободу. А попытки британских властей, включая военачальников, ущемить права законодательных собраний вызывали к жизни движения за создание новых и много более радикальных форм сопротивления. В частности, это были созданные в конце 1772 года по инициативе главы организации *Сыновья свободы* С. Адамса *Комитеты связи*, вскоре появившиеся во всех колониях и фактически взявшие в свои руки всю работу по организации сопротивления метрополии.

Комитеты способствовали самоорганизации населения и выработке общей политики, что сказалось сразу же после того, как в мае 1773 года парламент принял «чайный закон», предоставивший исключительные права на торговлю чаем в американских колониях одной только английской Ост-Индской компании. Закон был рассчитан на то, чтобы ограничить или вовсе ликвидировать торговлю чаем торговцами и контрабандистами из других стран. Предполагалось, что колонисты не станут особо возражать, ибо цены компании на чай были достаточно низкими. Но ситуация сложилась иначе. Поскольку американские колонисты относились к официозной британской компании с той же ненавистью, что и к чиновникам из метрополии, которые присылались руководить колониями, они не польстились на сниженные цены. Напротив, бойкот товаров вспыхнул с новой силой и, в частности, поставил своей целью не допустить выгрузку в бостонском порту привезенного издалека чая.

Накал страстей завершился тем, что члены бостонского комитета во главе с С. Адамсом в декабре 1773 года ночью сумели пробраться на судно, привезшее чай, и выбросить весь груз в море. Инцидент, получивший наименование *бостонского чаепития*, вызвал жесткую реакцию в метрополии. Парламент принял ряд решений, первым из которых было закрытие бостонского порта британскими венными судами, что поставило город и окружавшие его территории под угрозу голода. Кроме того, Массачусетс был лишен *хартии*, т.е. права на

самоуправление. А так называемый «Квебекский акт» присоединил к Канаде все земли к западу от Аллеганских гор, что ставило целью запретить североамериканским колонистам самовольно расширять территорию своих колоний за счет скваттерского захвата новых земель к северо-западу от установленной границы. Квебекский акт особенно возмутил фермеров, что создало массовую базу разворачивавшейся в колониях борьбы с Англией[1].

Англия явно не понимала всей сложности ситуации, сложившейся в ее североамериканских колониях. Генерал Т. Гейдж, назначенный губернатором Массачусетса с неограниченными полномочиями, был, в частности, уверен в том, что именно силой он заставит колонистов смириться. Но развитие событий шло совершенно иным путем. Массовые протесты во всех колониях были знаком солидарности с бостонцами. Идея объединения колоний в противостоянии Англии стала насущной и жизненно необходимой задачей. В сентябре 1774 года по инициативе Виргинии в Филадельфии был созван I Континентальный конгресс, на который прибыло свыше полусотни делегатов из 12 колоний (только делегатов от южной Джорджии не выпустил местный губернатор). Решения конгресса вырабатывались около полутора месяцев, причем в центре споров была проблема взаимоотношений с метрополией: идти на примирение (и если да, то на каких условиях) или готовиться к войне?

Сторонники поиска мирного преобразования системы взаимоотношений с метрополией несколько отступили перед своими противниками. Соответственно были приняты достаточно радикаль-

[1] Англичане разумно сочли за благо сохранить сложившиеся в Канаде порядки, включая сильное влияние католической церкви с ее землями и правом на десятину от прихожан. Согласно Квебекскому акту французский язык сохранился в качестве официального наряду с английским, а территория Канады, как упоминалось, была даже расширена. Это явно было вызвано стремлением метрополии удержать мятежные североамериканские колонии от становившейся все более очевидной безудержной экспансии их на запад, в сторону бассейна Миссисипи. Стоит добавить к сказанному, что позже, согласно Конституционному акту 1791 года, в Канаде были созданы две провинции, Нижняя и Верхняя, во главе с назначенными из Лондона губернаторами. Парламенты провинций были по английскому стандарту двухпалатными. Верхняя, законодательный совет, состояла из лиц, назначенных губернатором, нижняя, ассамблея, была представлена избранными в округах депутатами.

ные решения. Среди них — «Декларация прав». В ней осуждались репрессивные акты парламента и содержался призыв готовиться к сопротивлению, выдвигалось требование предоставить право колонистам самим издавать законы, касавшиеся их жизни. В решениях конгресса содержалась угроза прекратить торговые связи с метрополией и декларировалась готовность энергично развивать собственную экономику. Решения сразу же начали осуществляться. Только за 1775 год объем торгового оборота с метрополией, особенно импорта из Англии, сократился в несколько раз. А что касается подготовки к сопротивлению, то во всех колониях стали создаваться отряды добровольцев и запасы оружия. Колонии готовились к войне. Начало войны объединившихся колоний с метрополией стало теперь вопросом месяцев, если даже не недель. При этом все говорило о том, что решимость колонистов отстоять свою свободу и свои права неколебима. Практически это означало, что на восточном побережье североамериканского субконтинента уже сформировались основы нового государства, население которого полно решимости постоять за себя.

Глава седьмая. ФРАНЦИЯ

Успехи в Столетней войне, выигранной главным образом благодаря религиозной истовости великой Жанны д'Арк, привели к территориальному расширению владений королей Карла VII (1422–1461) и Людовика XI (1461–1483). Вслед за победой над Англией, которая лишилась всех находившихся под ее властью французских владений, прежде всего Нормандии, в ходе войн 1474–1477 гг. был взят верх над герцогом Карлом Смелым, владевшим не только Бургундией, но и Нидерландами. И хотя Нидерланды вскоре после этого в силу династического брака перешли к испанским Габсбургам, с овладением Бургундией Франция фактически объединила все разрозненные до того свои земли. Естественным стремлением королей страны стала с этого момента забота об укреплении их централизованной власти. Добиться этого можно было лишь за счет энергичной дефеодализации. Но на смену всевластию феодальной знати в условиях господства католицизма и слабого еще развития французской торгово-промышленной буржуазии к власти могла прийти только развитая бюрократическая администрация (нечто вроде этого про-

исходило в дефеодализировавшемся обществе конца Чжоу в Китае, в V–III вв. до н.э.). Собственно, именно по этому пути и пошли в XVI веке французские короли и их министры.

Франция на рубеже XV–XVI столетий была едва ли не самым большим государством Западной Европы. В ней проживало не менее 15 млн человек. Однако экономическое развитие страны отставало, чему, помимо всего, способствовали и ведшиеся ею почти постоянные войны (стоит напомнить, что вся Столетняя война происходила именно на ее территории). Лишь с конца XV века экономическая жизнь стала оживать. Лион в начале XVI в. оказался важным центром международной торговли и финансовых операций, чему в немалой степени способствовали установившиеся после серии так называемых итальянских войн (1494–1559) его достаточно тесные связи с городами Ломбардии. Это способствовало развитию торгового посредничества с восточными странами через Левант, благодаря чему стал быстро развиваться торговый порт в Марселе.

Позже, во второй половине XVI и в начале XVII в., формировавшаяся французская буржуазия, в основном из числа укрепившихся в стране протестантов, стала усиливать свои позиции и на севере страны, устанавливая связи с Голландией и Англией. Однако успешно конкурировать с этими передовыми и весьма развитыми в то время буржуазными странами слабая еще французская буржуазия не могла, что стало наиболее очевидным в конце XVI века, когда после религиозных войн Франция оказалась в состоянии тяжелого кризиса. Меркантилизм Генриха IV, бывшего до получения короны одним из наиболее ревностных протестантов-гугенотов, не мог быстро исправить положение, хотя он и помог французским буржуа. Неудивительно, что и роль французского торгового капитала в освоении заокеанских колоний была очень небольшой. Правда, в начале XVII века французы стали осваивать Канаду, что следует считать их заметным успехом. Однако это в общем-то не слишком большое достижение не соответствовало масштабу страны и ее политическому положению в Западной Европе. К тому же в это время, после войн, Франция оставалась в основном католической страной. Стоит в качестве вывода заметить, что эта реальная ситуация как нельзя лучше подтверждает уже рассматривавшийся тезис М. Вебера о великой роли протестантизма в становлении буржуазных отношений.

В условиях едва ли не прогрессирующего, во всяком случае относительно передовых стран Западной Европы, упадка французской

буржуазии процесс дефеодализации, тем не менее, не прекращался. Правда он не принял столь резких форм, которые были характерны для Англии. Более того, он сильно отличался от английского, хотя и имел некоторые внешне сходные с ним черты, особенно на фоне резкого усиления крепкой центральной власти в королевстве и становления развитой бюрократической администрации. Как конкретно шел этот важный для Франции и интересный для теоретического анализа процесс?

Начнем с того, что естественное для дефеодализации ослабление роли знати и владетельного дворянства проявлялось в нескольких важных направлениях. Часть обедневшего феодального слоя, теряя возможность получить владение за усердную вассальную и тем более военную службу сеньорам, которых в стране почти не осталось, и в то же время лишаясь наследственных земель, теперь с легкостью продававшихся, лишалась привычных способов существования. Былое *дворянство шпаги*, т.е. рыцарство как заметное социальное сословие, явственно деградировало.

На смену ему шло *дворянство мантии*, т.е. вчерашние буржуа, которые сумели разбогатеть и, скупив дворянские земли, подчас с замками и титулами, с охотой занимали должности во все разбухавшем аппарате администрации, которые подчас откровенно продавались. Это дворянство, открыто презиравшееся представителями обедневших знатных родов, охотно заполняло также и не слишком выгодные, но важные для их социального статуса должности чиновников на местах и в системе королевских судов.

Другая часть обедневшей аристократии, имевшая связи и отличавшаяся некоторыми способностями, не говоря об образовании и профессиональной пригодности, принималась на работу в систему все той же формировавшейся королевской администрации, но на значительно более высокие должности. Из них комплектовалось среднее звено администрации в рамках провинций, парламентов (королевских судов более высокой инстанции), системы финансов. Самые выдающиеся из этой среды, как, впрочем, и из числа лиц иного социального происхождения, включая *дворян мантии*, становились членами Королевского совета, своеобразного кабинета министров, который непосредственно управлял государством.

Из всего сказанного явствует, что дефеодализация во Франции принимала в отличие от английской совсем иной характер. Сходство было, пожалуй, лишь в том, что теряли свою былую независимость

от короны соперничавшие в прошлом с королями представители высшей знати. Но на смену им сразу же приходили новые аристократы или кандидаты в число таковых. Однако в отличие от Англии новые дворяне здесь не становились рядом с буржуа и не пытались заниматься торгово-промышленными делами. Они рвались к должностям, оплачивавшимся за счет казны. Объективно это вроде бы укрепляло разраставшуюся централизованную администрацию. Но, так как казна никогда не бывала бездонной, складывавшаяся ситуация на деле вела только к ослаблению Франции, хотя почувствовали это жители страны далеко не сразу. Французские короли окружили себя пышным и многочисленным двором из многих сотен преклонивших перед ними свои колени вчерашних спесивых вассалов, ставших просто знатными аристократами, получавшими из казны немалые подачки. В середине XVI века только на придворной службе, т.е. рядом с королем, числилось около полутора тысяч выходцев из наиболее знатных аристократических родов Франции. Ну и, наконец, — вспомним знаменитых «Трех мушкетеров» — немалая часть лишившегося владений французского дворянства пошла служить в вооруженные силы короля и его правительства.

В сфере внешней политики — кроме итальянских войн, о которых вскользь было уже упомянуто и которые в конечном счете были проиграны, — важно отметить успехи в области религиозных отношений с Римом. Разумеется, католическая в основе своей Франция не пошла по пути Англии и не создала собственную церковь, которая, несмотря на сохранение некоторых второстепенных признаков типа системы епископата, оказалась там в конечном счете протестантской. Но стремление сделать французских католиков, начиная с епископов и кардиналов, прежде всего подданными короля имело определенный успех. В 1516 г. преемник Людовика XII (1498–1515) король Франциск I (1515–1547) сумел добиться заключения с Римом конкордата, суть которого сводилась к тому, что сам король по своему выбору назначал иерархов на высшие должности, тогда как папа лишь подтверждал его выбор. При этом король обрел право переделывать по своему усмотрению всю структуру церковных должностей, а Рим получал за это лишь некоторую оговоренную плату. Нет сомнений в том, что этот весьма выгодный для французской короны договор сыграл определенную роль в усилении центральной власти во Франции. А галликанская — т.е. французская католическая — церковь стала в большей степени церковью короля, нежели папского Рима.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

Что касается внутренней политики в XVI веке, то — помимо курса на создание сильного административно-бюрократического аппарата — она проявлялась в попытке пресечь некоторые из прежних вольностей. Так, фактически перестали нормально функционировать Генеральные штаты. Правда, в провинциях штаты остались, но далеко не везде. И, что весьма существенно, функции оставшихся штатов были существенно ограничены. Но главным во внутренней политике было все же не заметное наступление на представительные учреждения типа штатов и тем более не конкордат. Подлинным центром и важнейшим событием стали давно назревавшие и наконец разразившиеся религиозные конфликты, принявшие форму длительной гражданской войны.

Все началось с того, что все возраставшее число протестантов, выражавших прежде всего и главным образом интересы поднимавшейся французской буржуазии, но и по крайней мере частично и дворянства, в том числе высшей родовой знати, требовали от властей определенных уступок. Докатившаяся до Франции — в основном прямо из Испании — революция цен сыграла очень существенную роль в наступлении экономического кризиса, который подогревал недовольство прежде всего тех, кто находился в оппозиции к королевской власти, начиная с городских буржуа и обедневшего крестьянства, отчасти и дворянства. Одни были недовольны ростом цен, другие потерей прежних вольностей, третьи искали пути для восстановления своих утраченных имущественных привилегий. Прибавьте к этому спровоцированное лютеранством вольнодумство, оказывавшее свое воздействие на интеллектуалов, которые были признанными вождями духовного возрождения. Влияние Эразма Роттердамского (1469–1536) с его знаменитой «Похвалой глупости», высмеивавшей католическое духовенство и тщеславие знати, равно как и Франсуа Рабле (1494–1553), который в 1532 году опубликовал роман-сатиру «Гаргантюа и Пантагрюэль», насыщенный критикой церковной схоластики, было очень заметным. Общее и очень четко выраженное недовольство оказалось реальной подпиткой, которая помогла укрепиться проникавшему во Францию вслед за немецким лютеранством швейцарскому кальвинизму, сторонников которого стали именовать упомянутым уже термином *гугеноты* (от швейцарского *eidgenots*).

Первое заметное выступление протестантов датируется 1534 годом, когда лютеране заклеили весь Париж листовками с призывом отказаться от католического «идолослужения». В ответ католики во главе с королем Франциском I организовали мощный крестный ход, после чего на вольнодумцев и всю книжную братию, включая типографии, начались гонения. Но спустя десять-двадцать лет новое и более близкое французам протестантское учение Кальвина опять овладело умами многих парижан, да и всех французов. Король Генрих II (1519–1559) для борьбы с еретиками учредил в 1547 г. в парижском парламенте (верховном суде) специальную *огненную палату* в стиле святой инквизиции. Однако после его смерти (он трагически погиб на турнире), в годы правления одного за другим трех его малолетних либо неспособных сыновей (1559–1589), когда в стране наступил период естественных в такой ситуации смут и борьбы временщиков, положение в стране заметно осложнилось. И если некоторые влиятельные правители вроде лотарингских Гизов стремились выкорчевать ересь, то другие стали поддерживать гугенотов. Гизы (один из них, Франсуа, был могущественным герцогом, другой влиятельным кардиналом) не сумели одолеть противников во главе с адмиралом Колиньи, принцем Конде и королями Наварры, включая Генриха, впоследствии ставшего французским королем Генрихом IV. На рубеже 1560–1561 гг. были после длительного перерыва созваны Генеральные штаты в Орлеане, причем споры шли вокруг восстановления роли штатов и в связи с проблемой церковной реформации. Результатом стал компромисс, согласно которому кальвинисты получили возможность отправлять свое богослужение и занимать должности в стране.

Однако перемирие оказалось недолгим. Жена Генриха II и мать его сыновей Екатерина Медичи, властная интригантка, долго пыталась умерить страсти, бушевавшие при дворе, не давая заметного преимущества какой-либо из соперничавших при дворе группировок. Положение в стране достигло пика своей напряженности в 1562 году, когда Франсуа Гиз со своей свитой устроил резню гугенотов, собравшихся для проведения богослужения в небольшом поселении, мимо которого он проезжал. Убийство нескольких десятков безоружных людей вызвало взрыв возмущения и стало причиной начала военных действий. В ходе возникшей борьбы и особенно после того, как тайно проникшим в его лагерь протестантом был убит герцог Гиз, военные действия переросли в подлинную гражданскую войну, в которую

были втянуты сотни тысяч людей. И хотя Екатерина Медичи, умело лавируя, время от времени добивалась мирных соглашений, все они были краткими передышками между новыми войнами. Католики и гугеноты (а гугеноты были в явном меньшинстве) искали поддержку соответственно в Испании и Англии, но не преуспели. Иностранцы, отделывавшиеся некоторыми субсидиями, не слишком заметно вмешивались в гражданскую войну, которая ослабляла огромную Францию, что было выгодно и становившейся все более слабой Испании, и процветавшей в годы правления королевы Елизаветы Англии.

Кульминационным пунктом религиозных войн стала Варфоломеевская ночь, когда принявшая наконец твердое решение Екатерина Медичи решила воспользоваться тем, что все вожди гугенотов приехали в Париж на свадьбу Генриха Наваррского с принцессой Маргаритой, что вроде должно было бы послужить укреплению очередного перемирия. Новый вождь католиков герцог Генрих Гиз с удовольствием воспринял это решение и организовал бойню гугенотов в 1572 году, в ночь на 24 августа, день католического святого Варфоломея. В Париже и одновременно в ряде других городов страны, от Орлеана до Бордо, были безжалостно с семьями вырезаны многие тысячи гугенотов, включая и их предводителя адмирала Колиньи. Гугеноты потерпели крупное поражение, но не спешили сдаваться.

В южной части Франции, где задавала тон все быстрее развивавшаяся торгово-промышленная буржуазия Лиона и Марселя и где позиции гугенотов были сильны, возмущение было особенно сильным. Результатом его стала организация в 1576 году гугенотской Конфедерации, своего рода отделившейся от короля мятежной республики. На севере возникла Лига католиков во главе с Генрихом Гизом. Гизы и Лига уже в 1576 году на созванных ими Генеральных штатах, где они имели заведомое большинство, выступили против политики короля Генриха III, который был склонен вести дело к примирению с гугенотами. Подоплека этой конфронтации была, однако, более глубокой, хотя и всем достаточно ясной. Дело в том, что Гизы вели свой род от императора Карла Великого и в ситуации своего явного религиозно-политического взлета рассчитывали занять французский престол после смерти бездетного Генриха III (1574–1589). Но сложность была в том, что династически более весомыми шансами на парижский престол обладал Генрих Наваррский. Тем не менее в пользу Гизов действовал тот очевидный факт, что король Наварры был гугенотом и к тому же находился пока еще далеко на юге страны,

тогда как Гизы были рядом. Понятно, что Генрих III опасался именно Генриха Гиза. И опасения были не напрасны.

Похоже на то, что Гиз во второй половине 80-х гг. почти забыл о гугенотах и сосредоточил все свое внимание на том, чтобы завоевать симпатии северной Франции, уставшей от войн и возмущенной политикой короля, задавившего народ непосильными налогами. Он умело настраивал парижан против короля и его правительства. Испугавшийся этого нажима Генрих III своим указом распустил католическую Лигу и вызвал в Париж верные ему войска. Казалось, он явно одерживал верх над склонными к мятежу сторонниками Лиги. Однако все повернулось иначе. Возмущенные парижане, недовольные тяжелыми налогами и давно готовые винить короля за то, что он не поддерживал активно Лигу католиков, в мае 1588 года начали восстание. Долгие религиозные войны, от которых страна явно устала, на глазах превращались в гражданскую войну типа той, что спустя несколько десятилетий стоила головы английскому Карлу I. Возмущенные парижане загородили город баррикадами. Солдаты короля не стали сражаться, а восставший народ Парижа пошел на штурм Лувра. Генрих III вынужден был бежать из столицы в Шартр, а в декабре 1588 года он сумел организовать убийство Гиза, заманив его в ловушку. Впрочем, это его не спасло. Париж открыто отверг его династию. Эпохе царствования королей из рода Валуа подходил бесславный конец.

Король отправился искать поддержки у Генриха Наваррского. А в восставшем Париже возмущенные горожане стали крушить королевскую администрацию, изгоняя чиновников и избирая им на смену свои органы власти. В Париже это был Совет шестнадцати — по числу основных кварталов города. Нечто подобное происходило и в других городах. Стоит заметить, что недовольством был охвачен не только простой народ. Многие буржуа, не говоря уже о дворянстве, поддерживали на севере страны католическую Лигу. Вскоре, однако, выяснилось, что Лига, практически взявшая власть в свои руки на севере, отнюдь не уменьшает налогового пресса. Более того, этот пресс в стране, охваченной непрекращающимися войнами и разрухой, которые сопровождались голодом и прочими невзгодами, стал еще тяжелее. Состояние, близкое к политической анархии, вследствие этого становилось все очевиднее.

Тем временем с юга к Парижу во главе внушительного войска подходил Генрих Наваррский. В августе 1589 года находившийся с ним Генрих III был убит одним из подосланных к нему Лигой католиков,

доминиканским монахом. Трон Франции оказался пустым. У Генриха Бурбона из Наварры не было больше соперников. Но на скорый успех в сложившейся обстановке ему не приходилось рассчитывать. Парижане категорически отказывались впустить в город главу гугенотов. Они были готовы провозгласить королем очередного представителя дома Гизов. Испанский король Филипп II со своей стороны прислал из близлежащих Нидерландов войска для того, чтобы вмешаться в события в своих интересах. Генрих в 1589–1590 гг. одерживал победу за победой над войсками Лиги, но Парижа он взять никак не мог. Тем временем измученная войнами страна рождала массовые народные движения, уже не имевшие прямого отношения к религиозным войнам. Крестьянское движение *кроканов* выступило против сборщиков налогов и откупщиков, жгло дворянские усадьбы. И Лига, и Генрих тратили немало усилий для подавления народных выступлений.

Все это сделало католиков более покладистыми и, с другой стороны, побудило расчетливого наваррского короля принять, пусть не сразу, мудрое решение, суть которого была сформулирована в его знаменитой фразе: «Париж стоит мессы» (т.е. католического богослужения). Иными словами, глава гугенотов для того, чтобы занять королевский престол, дал в июле 1593 года свое согласие стать католиком. После этого Париж сразу же прекратил сопротивление новому королю, а испанцы вынуждены были отозвать свои войска.

ФРАНЦИЯ В XVII ВЕКЕ: ОТ ГЕНРИХА IV ДО ЛЮДОВИКА XIV

Короновавшись в Шартре в феврале 1594 года, месяц спустя Генрих IV торжественно вступил в Париж. Одолев своих внутренних и внешних противников, включая нидерландские войска Филиппа II, Генрих уделил немало внимания обустройству Франции, находившейся после длительных войн в достаточно печальном состоянии. За примерно полтора десятилетия своей власти (Генрих был убит в 1610 году католиком-фанатиком) новый король успел сделать достаточно многое. Прежде всего — это едва ли не главное — он после умиротворения страны, в 1598 г., издал свой знаменитый Нантский эдикт, согласно которому католицизм оставался господствующей религией в стране, но гугеноты обретали защищенное

законом право на свободу исповедания и на занятие официальных государственных должностей. Более того, они сохраняли за собой свою армию (25 тысяч) и около 200 крепостей, в основном на юге страны. Этот компромисс по существу означал признание принципа веротерпимости и создавал вроде бы прочную основу для прекращения религиозных войн. При этом Генрих IV строго следовал принципу невмешательства высших иерархов Рима в церковные дела Франции.

В гражданских делах едва ли не главным был курс на централизацию власти. Король резко ограничил роль активно противостоявшей ему знати и всячески стремился обуздать сепаратистские проявления как с их стороны, так и со стороны губернаторов провинций. С этим курсом связан и его фактический отказ от созыва Генеральных штатов (хотя при вступлении на престол он обещал их созывать). Дело в том, что в рамках штатов традиционно голосовали по сословиям, причем духовенство и дворянство обычно объединяли свои мнения и противостояли требованиям третьего сословия, прежде всего буржуазии и горожан. В итоге реальные интересы страны перестали отражаться штатами, что и было учтено королем, который осуществлял политику протекционизма и меркантилизма, т.е. стремился содействовать быстрому буржуазному развитию страны. Его первый министр М. Сюлли приложил немало усилий для выведения сельского хозяйства страны из состояния послевоенного кризиса, для чего порой снижались налоги. Сам король, если верить преданиям, считал желательным, чтобы каждая семья земледельцев хотя бы раз в неделю варила суп из курицы. Было также обращено специальное внимание на развитие мануфактурного производства, особенно текстиля, включая и шелк. Создавались и новые мануфактуры, например в сфере производства оружия, необходимого для осуществления его далеко идущих внешнеполитических замыслов. В стране строились и чинились дороги, были налажены почтовая служба и регулярное движение омнибусов. Словом, налаживавшийся быт делал Генриха IV едва ли не самым популярным во Франции королем.

Генрих начал проводить активную внешнюю политику, обратив особое внимание на противостояние испанским и австрийским Габсбургам. Борьба с ними привела в стан его союзников ряд протестантских стран, включая, помимо Англии, Голландии и Скандинавии, также и некоторых северогерманских князей. Однако именно в разгар своих активных внешнеполитических акций он был убит.

Королем стал его малолетний сын Людовик XIII (1610–1643), за которого вначале самовластно правила его мать Мария Медичи. Она не сумела противостоять натиску аристократов, пытавшихся повернуть ход истории вспять, не говоря уже о том, сколь бездумно тратила она средства казны. Рознь между католиками и гугенотами в этой обстановке вновь набирала силу. Страна находилась в состоянии политической смуты. И в итоге многое из сделанного Генрихом было утеряно.

Пытаясь как-то навести порядок, а также остро нуждаясь в деньгах, Мария в 1614 году созвала Генеральные штаты. Однако это не принесло успеха. Сословия в штатах снова не нашли между собой общего языка, а когда представители третьего сословия уподобили все три сословия братьям, дворянство и духовенство в оскорбительном тоне заявили, что не считают «сыновей сапожников» своими братьями. Таким образом, из затеи Марии Медичи ничего не вышло, а штаты во Франции более не созывались вплоть до 1789 года. И неизвестно, что стало бы с Францией всего через несколько лет после смерти Генриха IV, если бы не один из наиболее выдающихся представителей духовенства в Генеральных штатах епископ А. Ришелье (с 1619 г. кардинал), который, перейдя на королевскую службу и став по сути главной фигурой в Государственном совете, энергично взялся за наведение в стране порядка и продолжение необходимых реформ. Решительным выступлением против гугенотской крепости Ла-Рошель он прекратил назревавшую в стране очередную религиозную войну. В то же время кардинал вовсе не стремился уничтожить гугенотов. Напротив, он оставил за ними право свободного богослужения, но лишил политических амбиций, учтя при этом то немаловажное обстоятельство, что среди французских гугенотов после правления Генриха IV такие амбиции начали исчезать и что торгово-промышленные интересы протестантской буржуазии Франции стали выходить на передний план. Протекционистская политика Ришелье активно этому содействовала. Но справедливости ради необходимо заметить, что, несмотря на все его усилия, гугеноты покидали Францию, а темпы эволюции французской буржуазии продолжали заметно отставать от тех, что демонстрировала буржуазия Голландии и тем более Англии.

Главной целью нововведений Ришелье было проведение политики централизации королевской власти и существенного ослабления феодальной знати. Ограничив прерогативы провинциальных губернаторов, кардинал противопоставил им королевских интендантов с

огромными полномочиями. На попытки феодальных мятежей, как, например, в Лангедоке в 1632 году, он отвечал жестокими репрессиями. Немало представителей высшей родовой знати страны, включая и Гизов, вынуждены были эмигрировать из Франции. Были срыты многие замки мятежных феодалов, запрещены дуэли. Именно Ришелье создал во Франции упорядоченную систему бюрократической администрации. Им же были существенно урезаны полномочия Парижского парламента, судьям которого было предложено не вмешиваться в политические дела. По его настоянию король был вынужден отстранить от управления делами страны свою мать (вообще женщины из итальянского рода Медичи принесли немало бед королям Франции и всей стране).

Если обратить внимание на внешнюю политику Ришелье, то стоит учесть ее прагматизм. Все более отставшая в развитии от северной Европы Италия, за которую прежде с таким рвением боролись французские короли, утрачивала свое экономическое и политическое значение. А находившаяся рядом с Францией испанская Фландрия была теперь весьма привлекательной. Вмешавшись в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантов, Ришелье успел заложить некоторые основы для последующих внешнеполитических успехов, но не более того.

Ришелье умер в 1642 году, побыв во главе правительства страны всего 18 лет, но сделал очень много. И если бы не великий роман А. Дюма, его имя в современном мире заслужило бы гораздо больше уважения. В следующем 1643 г. умер Людовик XIII. Его преемником стал малолетний Людовик XIV (1643–1715), при котором формальным регентом была его мать Анна Австрийская, а фактическим правителем страны — еще на 18 лет (1643–1661) — кардинал Д. Мазарини, который в основном продолжал политику Ришелье. В результате его усилий бюрократическая система администрации в стране не только крепла, но и в известной степени просто разбухала. Количество чиновников достигло в это время почти полусотни тысяч. При этом, однако, роль высшей знати в политике Франции не слишком ослабевала. Мазарини не стеснялся ограничивать аппетиты этой знати, подавляя время от времени ее мятежи. Одновременно он ограничил привилегии членов Парижского парламента, заставив их платить за традиционное право наследования должности. Но все это ему дорого обошлось.

Политика Мазарини вызвала недовольство знати и послужила основой для возникновения Фронды (1648–1653), т.е. серьезного

движения, сторонники которого — а это были прежде всего члены парламента и поддерживавшие их горожане — потребовали ограничения налогов, отмены произвольных арестов, прекращения полномочий королевских интендантов и ряда других уступок. Такого рода откровенно демагогические требования вызвали в обстановке военного времени с его увеличенными налогами волну широкой массовой поддержки. И когда Мазарини попытался пресечь притязания парламентских судей, он натолкнулся на недовольство парижан, перегородивших улицы города сотнями баррикад. Властям пришлось пойти на уступки. Однако это не помогло. Тогда Мазарини, форсируя заключение мира, положившего конец Тридцатилетней войне, вместе с двором и правительством уехал из города. В декабре 1648 года королевские войска вернулись во Францию и осадили восставший Париж. Свыше трех месяцев город сопротивлялся, причем полученное в феврале 1649 года известие о казни английского короля Карла I воодушевило мятежников, готовых расправиться и со своим королем. В марте испуганный размахом народного выступления Парижский парламент заключил мир со двором, и на этом первый — парламентский — этап Фронды завершился.

Воодушевленная успехами первого этапа Фронды, высшая знать страны, возглавленная влиятельным принцем Конде и дядей короля герцогом Орлеанским, будучи крайне недовольной проводившейся Мазарини политикой, попыталась выдвинуть свои требования, сводившиеся к ослаблению власти центра, увеличению собственных доходов, отставке Мазарини и заодно к усилению борьбы с гугенотами. В 1651 году по настоянию фрондирующей знати Мазарини вынужден был даже уйти в отставку и покинуть Париж. Однако он вскоре вернулся с наемным войском и восстановил свое положение в стране. В 1652 г. толпа парижских люмпенов, подогретая призывами противостоять власти, ворвалась в ратушу и стала убивать работавших там чиновников. Этот вроде бы спонтанный взрыв ярости позволил мятежным аристократам организовать ряд выступлений и в других городах страны. И хотя Мазарини за счет подкупов и подачек сумел обуздать фрондирующую знать, фрондеры кое-чего в конечном счете сумели добиться.

Впрочем, основной их успех с особой силой проявился уже много позже смерти Мазарини, когда знаменитый «король-солнце» Людовик XIV, прославившийся, согласно существующему преданию, своей короткой фразой «государство — это я», повзрослев, стал са-

мовластно управлять Францией. В частности, этот успех выявился в решении короля освободить Францию от гугенотов. Нантский эдикт Генриха IV был в 1685 году отменен, и на протестантов начались гонения. По некоторым подсчетам, до 300 тысяч гугенотов за короткий срок покинуло Францию, что не могло не нанести ей существенный урон. Но это случилось во второй половине правления Людовика. До того гугенотов не трогали, что принесло Франции немало выгод. Однако Людовик XIV был далек от того, чтобы понять и оценить это. Его девиз, даже если он реально не был таким, как гласит предание, очень хорошо отражал то, чего он желал: пусть все в стране служит его удовольствиям и пусть никто, от гугенотов до фрондеров, не посмеет мешать ему наслаждаться жизнью. Людовик хорошо усвоил уроки своей ранней юности, в частности казнь Карла I в Англии и разгул Фронды. Он начал править с объявленного во всеуслышание решения, что сам будет своим первым министром. И действительно, властных администраторов типа Ришелье либо Мазарини в стране более не было. А первые же шаги короля показали, что его заявление — не пустые слова. Были арестованы главный финансист страны Фукэ и другие проворовавшиеся чиновники этого ведомства, что позволило увеличить доходы казны без лишнего налогообложения. Министром финансов был назначен один из лучших сановников в истории Франции знаменитый Ж. Б. Кольбер, который приложил немало усилий для торгово-промышленного развития страны.

Кольбер (годы его деятельности — 1665–1683) внимательнейшим образом пересмотрел всю политику Франции по отношению к буржуазии, в первую очередь в южных гугенотских городах страны. Несмотря на официальную линию короля на преследование гугенотов, он всячески стремился создать в стране такие условия, чтобы это преследуемое меньшинство могло бы все-таки существовать и действовать. Кольбер способствовал созданию новых разнообразных промышленных предприятий. При нем ушла в прошлое система средневековых цехов с их ограничениями, а на передний план вышли предприятия капиталистического типа, порой со многими сотнями и даже тысячами рабочих. В сфере торговли, особенно внешней, был установлен режим строжайшего протекционизма. Высокие ввозные тарифы и пошлины пресекали легкий доступ во Францию промышленных изделий из более развитых стран и тем помогали быстро становиться на ноги избавленной от непосильной конкуренции французской буржуазии. Наиболее заметные и успешные предприятия

удостаивались почетного звания «королевских», что давало им немало льгот. Чиновники страны заботились о том, чтобы все предприятия были обеспечены рабочей силой, для чего использовались безжалостные методы закрепления людей за той либо иной из крупных мануфактур и приходивших им на смену более совершенного вида фабрик. Не приходится и говорить о том, что рабочий день был чаще всего почти ничем не ограниченным, а условия жизни первых поколений промышленных рабочих чрезвычайно тяжелыми.

Чиновники ведомства Кольбера, следуя средневековым традициям, тщательно следили за соблюдением стандарта, касавшегося всех видов производства. Контроль за весом, размером и иными параметрами любых промышленных изделий, сводившийся в конечном счете к надзору за качеством продукции, в условиях быстрого и массового развития молодой промышленности представлялся в те времена чрезвычайно важным. Выписывая опытных мастеров из других стран, ведомство заботилось о том, чтобы французские предприятия, особенно специализировавшиеся на выделке особо ценных товаров и предметов роскоши, будь то мебель, гобелены, зеркала или кружева, обретали всеобщее признание. Кольбер сыграл огромную роль в развитии торгово-промышленного потенциала и укреплении позиций французской буржуазии во второй половине XVII века. Он заботился также и о строительстве новых гаваней и кораблей, об успешной внешней торговле и о несколько запоздалом, но все же вполне заметном участии Франции в освоении заокеанских плацдармов, будь то Канада или Индия. Но главным итогом его деятельности было создание экономических условий для процветания Франции в годы длительного правления Людовика XIV. Именно эти благоприятные условия и практически всегда наполненная без особых усилий, даже при заметном снижении налогов с крестьян, королевская казна позволяли королю успешно проводить провозглашенную им политику наслаждения жизнью.

Эта политика в общем мало чем отличалась от той, что проводили его предшественники. Главным был курс на дальнейшую централизацию власти за счет укрепления бюрократической администрации. Интенданты продолжали оставаться сменяемыми представителями короля на местах. Королевский совет и его обособленные подразделения по-прежнему играли роль кабинета министров или корпуса государственных секретарей, как их тогда именовали. Централизации подверглась система управления военными силами,

в основном состоявшими не из наемников, как то бывало прежде, а из рекрутов. В наборе солдат и управлении армейскими частями важную роль играли губернаторы, уже очень жестко подчиненные Парижу. Были подчинены центру суды (роль претендовавших на власть парламентов, особенно парижского, резко уменьшилась) и муниципалитеты в городах. Важно принять во внимание, что успешная экономическая политика отнюдь не освободила страну от взрывов народного недовольства. Многочисленные выступления горожан и крестьян, подчас и массовые народные движения вызывались то недородами и дороговизной хлеба, то нередко остававшимися непосильными налогами, то просто ненавистью к богачам, как дворянам, так и буржуа. Восстания подавлялись, но на смену им часто вспыхивали новые. Впрочем, особого ущерба и забот королю они не причиняли.

Людовик не любил и побаивался столицы и парижан. Он перенес свою резиденцию в Версаль (18 км от города), где чувствовал себя намного безопаснее. Версаль стал центром всего самого изысканного. Здесь щеголяли наиболее родовитые аристократы Франции, задавали тон изящнейшие знатные женщины, соперничали фаворитки короля, демонстрировали свое выдающееся мастерство наиболее известные таланты страны, будь то архитекторы, живописцы, поэты, драматурги, музыканты или представители иных профессий. Блистательный королевский двор в Версале был всегда заполнен множеством дворян, желавших показаться государю и добиться от него должности или хотя бы просто внимания. И все это льстило королю, который вместе с тем никогда не забывал о делах: ежедневно к нему на доклад приходил Кольбер со своим портфелем под мышкой.

Что касается внешней политики Франции во второй половине XVII века, то она в немалой мере соответствовала увеличению роли и политической значимости резко усилившейся Франции. Начиная с 1659 года Франция сумела кусок за куском — при порой активном недовольстве ее недавних союзников по Тридцатилетней войне, Англии, Голландии и Швеции, — захватить значительную часть испанских Нидерландов. Однако в войне за испанское наследство французы не сумели добиться желаемого, о чем свидетельствуют условия уже упоминавшегося Утрехтского мира 1713 года. Тем не менее определенных успехов в расширении своих восточных границ Франция добилась. В целом внешнюю политику периода царствования Людовика XIV следует считать вполне успешной.

ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ЛЮДОВИКА XV

Обратим теперь внимание на то, как шло развитие Франции в эпоху правления преемника Людовика XIV, его правнука Людовика XV (1715–1774), вступившего на престол в пятилетнем возрасте. В отличие от протестантской Англии католическая Франция и в годы его длительного правления развивалась более замедленными темпами. Но существенно иметь в виду, что и в ней, в немалой мере благодаря политике таких министров, как Ришелье, Мазарини и особенно Кольбер, активно шел все тот же процесс буржуазного развития, хотя протекал он по-своему и привел в конечном счете к совершенно иному результату. Франция в XVIII веке оставалась одним из сильных государств Западной Европы. Несмотря на то, что война за испанское наследство дорого ей обошлась, правление Филиппа Орлеанского, регента при малолетнем короле Людовике XV, способствовало некоторому экономическому выздоровлению страны, к чему приложил руку знаменитый шотландский финансист и спекулянт Д. Лоу. Он открыл частный банк и активно способствовал развитию во Франции обращения бумажных денег и акций, а также игры на бирже. Благодаря этой системе, близкой в варианте Лоу к афере, казна, однако, сумела расплатиться с огромными долгами. И хотя в конечном счете банк шотландского авантюриста лопнул, а сам он едва сумел бежать из страны, Франция как государство от этого не слишком пострадала, а вызванное спекуляциями на бирже весьма значительное перераспределение имуществ, включая и землю, пошло ей явно на пользу. В частности, в деревне, особенно на севере страны, стало развиваться фермерское хозяйство, хотя в целом по стране сознательно сохранявшиеся феодальные порядки и сложная система налогообложения и многих иных повинностей (обязанности по отношению к казне, церкви, сеньору) сильно препятствовали свободному обороту земли и увеличению интенсивности крестьянского труда.

Надо сказать, что, если король всерьез не занимался государственными делами и провел все свое длительное царствование в удовольствиях (под близким к принципу жизни его прадедушки девизом «после нас хоть потоп»), подчас выполняя волю своих фавориток, наиболее известной из который была мадам Помпадур, его министры приложили немало усилий для выздоровления страны. Они ясно видели, что страна нуждается в серьезных реформах, ибо в

противном случае ей не избежать отставания и роста внутренней напряженности. К сожалению, эти усилия не привели к ожидаемым результатам. Резко выступавшие против любых реформ представители крайне развращенного вольготной жизнью дворянства и поддерживавшего его склонного к традиционному стяжательству духовенства решительно противостояли попыткам их осуществления.

Что касается городской буржуазии, то условия для интенсивного развития промышленности были во Франции крайне неудовлетворительными. Многие гугеноты, покинувшие Францию из-за преследований, увезли с собой не только капиталы, но и характерную для буржуа энергию капиталистического предпринимательства, что не могло не сказаться на состоянии дел в промышленном производстве страны. Производство тем не менее все же развивалось, подчас даже сравнительно быстрыми темпами, что способствовало развитию промышленности. Были достигнуты очень заметные результаты в изготовлении текстиля, особенно в молодой хлопчатобумажной сфере, развивавшейся прежде всего в форме рассеянной мануфактуры. Продолжала существовать и даже развиваться опекавшаяся в свое время Кольбером казенная («королевская») мануфактура. Возникали новые, иногда крупные, с сотнями и тысячами рабочих, металлургические заводы, каменноугольные шахты. Обретали ощутимые очертания некоторые достижения в сфере производства предметов роскоши, в строительстве, в рыбных промыслах, да и еще кое-где. Но в целом все эти весьма ощутимые успехи, которые были свидетельством достаточно серьезного развития капиталистических предприятий, можно считать практически незаметными или во всяком случае малозаметными на фоне того, что было свойственно в конце XVIII столетия некоторым другим западноевропейским государствам и в первую очередь процветавшей буржуазной Англии.

Франция по сравнению с ней продолжала отставать. Ее буржуазии сильно мешали феодальные порядки, которые столь нравились королю, его близкому окружению и всему столь еще сильному и влиятельному сословию верхов, дворян и духовенства, привыкших к приятному и безбедному существованию за счет угнетенного крестьянства и не желавших поступаться своими привилегиями в пользу выскочек-буржуа. Это стало особенно заметно, когда в стране началось интенсивное внедрение в производство механизмов и машин. Для развития шахт землю следовало арендовать у местных дворян за искусственно поднимавшуюся арендную плату. Это ограничивало

добычу каменного угля, что в свою очередь сказывалось на развитии металлургии. Механические прялки, сыгравшие поистине революционную роль в развитии хлопчатобумажной промышленности в Англии, во Франции встречались не слишком часто. К тому же нежелание короля проводить политику протекционизма и даже снижение импортных пошлин на английские ткани создавали условия, при которых производство таких тканей на очень немногих еще французских предприятиях фабричного типа оказывалось убыточным.

Если обратить внимание на торговлю, прежде всего внешнюю, то окажется, что ее оборот постоянно возрастал. Он рос за счет колониальной торговли, как на Востоке, так и на тех островах Вест-Индии (Гваделупа, Мартиника, Сан-Доминго), где на плантациях французские предприниматели старательно выращивали табак и тростниковый сахар. Видимо, в развитии внешней торговли сыграло свою роль отсутствие протекционистской политики, что позволяло увеличивать импорт товаров из той же Англии. Заметный рост товарооборота давал возможность французской знати не нуждаться в немало стоивших товарах иностранного производства. Но для развития собственной буржуазии это приносило не слишком много выгод, а порой и вело к прямым убыткам. Отказ от политики протекционизма и противостояния интересам высшей знати, которая была характерна для Франции времен Ришелье, Мазарини и Кольбера, был явно не слишком продуман. Такая политика сдерживала развитие страны, что способствовало ее отставанию от передовых стран Западной Европы. А это отставание объективно вело к постепенному нагнетанию откровенного недовольства многих групп населения, прежде всего всех тех, кто принадлежал к так называемому третьему сословию, т.е. не к дворянству и не к духовенству.

Недовольство, о котором идет речь, проявлялось в различных формах. В одном из крупнейших городов страны, в Лионе, это были чаще всего забастовки ткачей, производивших ткани, в частности дорогие и роскошные, предназначенные для богатых господ и отделки интерьера их домов. Вторая половина века была особенно богата такого рода забастовками. К ним стоит добавить упоминавшуюся уже травлю гугенотов, которая вынуждала наиболее активных представителей городской буржуазии покидать Францию.

Внешняя политика, построенная в основном на соперничестве с Англией, тоже, естественно, не отличалась особыми успехами. Характерно, что антианглийский курс в этой политике не слишком согласо-

вывается с отказом от протекционизма и предоставлением англичанам возможности вести на очень выгодных условиях торговлю с Францией. Видимо, это следует объяснять лишь тем пренебрежением, с которым в Париже и Версале относились к собственному третьему сословию. Война за австрийское наследство (1740–1748), в которой Франция в союзе с поднимавшей голову сильной Пруссией и некоторыми небольшими немецкими и итальянскими княжествами и королевствами противостояла Австрии и Англии, велась долго и с переменным успехом. Франция истратила на эту войну много сил и средств, но по существу ничего не приобрела. А в результате не раз уже упоминавшейся Семилетней войны, в которой Франция и Пруссия снова выступили против Англии и Австрии, французы лишились не только Квебека но и по сути почти всех североамериканских колоний, что опять-таки очень негативно сказалось на финансовом положении страны.

Словом, успехами во внешней политике Франция похвастать не могла. Неудачи она, скрепя сердце, стойко переносила. Но главное было все-таки в том, что король и окружавшая его многочисленная и влиятельная знать жили в соответствии с уже упомянутым принципом «после нас хоть потоп». И хотя этот принцип был специфически французским, он отдаленно напоминал политику Испании векомдвумя ранее. Правда, буржуазное развитие в стране не игнорировалось вовсе, а к буржуазии не относились с таким пренебрежением, как то было в то время в Испании, но в общем и целом отношение ко всему, что не слишком интересовало Версаль, было примерно таким же. Это хорошо видно на примере событий, связанных с попытками реформ уже после смерти Людовика XV.

Смерть эта по существу ничего не изменила. Когда после воцарения Людовика XVI в 1774 году генеральным контролером финансов, т.е. по сути премьером страны, стал известный физиократ А. Тюрго, сторонник развития буржуазной частной собственности и свободной конкуренции, а главное, невмешательства государства в экономику страны, он был готов к проведению ряда важных реформ. В число этих реформ входил возврат к Нантскому эдикту, что предоставляло возможность французским гугенотам возвратиться на родину и внести свой вклад в ускорение развития ее экономики, а также создание в стране широкой сети муниципалитетов с заметными полномочиями. Многие в стране ожидали благодетельных для нее перемен. Но новый король, как его предшественник и все его окружение, явно не сочувствовал реформам. Отставка Тюрго в 1776 году с отменой всех

тех нововведений, которые он успел реализовать, по существу означала для предпочитавшего феодальную пышность и презиравшего третье сословие руководства страны смертный приговор. Разумеется, этого тогда не понимали в Версале. Остается лишь удивляться той близорукости, с которой властители страны относились к политическому курсу Франции.

Близорукость, о которой идет речь, тем более не была оправдана, что она разительно игнорировала многие новации, происходившие в той же Франции в сфере интеллектуальных изысканий, которые были вызваны к жизни великими деятелями французского Просвещения. Конечно, ни один из этих деятелей, начиная с Вольтера и кончая тем же Тюрго, не предсказывал в открытую мощной революции. Видимо, всерьез никто ее не ожидал, во всяком случае столь скоро. Но все то, что блестящие интеллектуалы эпохи Просвещения развивали в своих книгах, то, о чем они не раз и достаточно много говорили в различных великосветских парижских салонах, куда их охотно приглашали и где их в общем-то вполне сочувственно выслушивали, было тесно связано с необходимостью серьезных перемен в обществе. Однако именно перемен в упомянутых салонах не хотели. Процветавшей французской знати[1] было интересно послушать умных людей, но сделать из сказанного должные выводы никто не торопился. Им и без того было вполне хорошо. И эта явная недальновидность, очевидное нежелание смотреть вперед, дорого обошлась французской знати во главе с ее королем, принцип жизни которых («после нас хоть потоп») успешно работал при преемнике Людовика XV.

Глава восьмая. ГЕРМАНИЯ, СКАНДИНАВИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ

Германия, т.е. Священная Римская империя, как ее все еще именовали в те времена, была на рубеже XV–XVI вв. достаточно развита в торгово-промышленном отношении. Правда, этот сравнительно

[1] По некоторым подсчетам, в 1771 году во Франции было 70 тысяч дворян, из них три тысячи титулованных, причем большинство представителей этого сословия стремилось в Париж и немалое их количество было обласкано в Версале и составляло основную массу посетителей великосветских салонов.

высокий уровень развития во многом был достигнут за счет успехов средневековых городов северной части страны с их ремесленно-цеховой системой, постепенно превращавшейся в систему промышленных мануфактур и портовых центров. Была весьма развита горнодобывающая промышленность. Многие немецкие города входили в состав Ганзы и играли ведущую роль в международных торговых связях — правда, по преимуществу только внутриевропейских. При этом некоторые районы, как, например, прирейнские либо юго-западные, развивались интенсивней других за счет связей с Нидерландами или Ломбардией. Стоит напомнить также, что некоторые германские торгово-финансовые и банковские фирмы, как упоминавшийся уже в связи с испанской колонизацией Америки дом Фуггеров, да и ряд других, имели немалые богатства и играли огромную роль в финансовых делах всей Западной Европы. Однако безусловной слабостью Германии оставались ее политическая раздробленность и явное нежелание самовластных немецких князей идти навстречу попыткам централизации страны, к которой, в частности, стремились императоры Фридрих III (1440–1493) и Максимилиан I (1493–1519).

В ведшихся страной войнах и во всей сложившейся в Западной Европе начала XVI века внешнеполитической ситуации место Германии, даже включая присоединенную к ней Австрию, было незавидным. В 1511 году от нее отделился Швейцарский союз. Правда, после того, как императором стал внук Максимилиана Карл V (1519–1556), бывший одновременно королем могущественной в то время Испании, ситуация вроде бы изменилась. Однако само по себе могущество Карла, обретшего власть также и над Нидерландами и Италией, т.е. оказавшегося волею судеб правителем более чем половины Западной Европы и властителем почти всех американских колоний, не слишком помогло Германии в укреплении ее как государства. Даже напротив. Карл, будучи вынужденным в основном заниматься испанскими делами и судьбой колоний, в Германии почти не бывал и ее внутренними делами интересовался мало, что никак не содействовало политике централизации страны.

Зато очень сильны были в Германии — по крайней мере до радикальных перемен, связанных с выступлением М. Лютера, — позиции католической церкви, которая, умело пользуясь отсутствием в стране эффективной центральной власти, выкачивала из нее большие доходы как в форме церковной десятины, так и в виде ренты

с огромных владений епископата и монастырей, не говоря уже об индульгенциях. Видимо, это немаловажное обстоятельство, очень болезненно воспринимавшееся многими, сыграло свою роль в том, что протестантизм Лютера как мощное антикатолическое движение зародился именно в Германии. И не только зародился, но и усилиями Т. Мюнцера и некоторых иных последователей лютеранства стал фундаментом того взрыва ненависти, который нашел свое проявление в знаменитой Крестьянской войне 1525 года. Это было массовое народное движение, охватившее большую часть Германии и горячо поддерживавшее требование Мюнцера установить на земле «Царство Божие», т.е. изменить положение дел, опираясь на принцип справедливости. Социальные и экономические требования, сводившиеся чаще всего к призывам создать общество равных, прочно опирались на религиозную основу радикального протестантизма, представленного именно призывами Мюнцера, хотя и не только его.

В программе «12 статей» выдвигалось требование ликвидировать поборы и церковную десятину, возвратить общинные земли, сократить барщину и уничтожить всякую личную зависимость крестьян. В гораздо более политизированной «Гейльброннской программе» ставился вопрос об укреплении центральной власти и подчинении князей императору, а также и о ликвидации светской власти католического духовенства. Крестьянская война была бурной, но кратковременной. Тесная связь ее с идеей церковной реформации, охватившей всю Германию, вне сомнений. Но стоит заметить, что радикализм Мюнцера и некоторых иных предводителей восстания привел к расколу в рядах протестантов (Лютер, в частности, резко выступил против него), что способствовало поражению восставших. Война завершилась в том же 1525 году, причем положение крестьян в стране только ухудшилось. Не добились своего и принимавшие участие в восстании бюргеры, и, разумеется, авторы «Гейльброннской программы», жаждавшие централизации страны.

Однако стоит заметить, что северогерманские земли, почти не затронутые восстанием, продолжали активно поддерживать лютеранство и, следуя его требованиям, фактически конфисковали земельные угодья католической церкви. И хотя Карл V попытался было вмешаться в этот процесс и запретить секуляризацию церковных земель, в конечном счете победили протестанты, заставившие Карла подписать в 1555 году Аугсбургский религиозный мир, разделивший Германию на протестантский север и католический юг. После этого

Карл отказался от короны императора Священной Римской империи в пользу своего брата Фердинанда I (1558–1564).

Империя в годы его правления, как и его сына Максимилиана II (1564–1576) и внука Рудольфа II (1576–1612), продолжала существовать без заметных перемен и событий. Разве что стоит заметить, что идеи протестантизма вначале понемногу проникали и в южные княжества Германии, и в Австрию, что затем, при Рудольфе, стало энергично пресекаться. Заметно расширили свое присутствие иезуиты, причем их интриги начали играть существенную роль, особенно в конце правления Рудольфа II. Здесь самое время сказать несколько слов об Австрии.

АВСТРИЯ

Австрия не просто входила в состав Священной Римской империи. Она с некоторых пор стала играть в ней особую роль признанного центра. Ее правители из дома Габсбургов, носившие с 1414 года титул эрцгерцогов, не только реально претендовали на то, чтобы быть сильнейшими из германских князей, но и были таковыми на самом деле. Габсбургов с середины XV столетия обычно избирали императорами, их столица Вена была одним из наиболее крупных и знаменитых городов Европы. Уже в том же XV веке страна отличалась сравнительно развитой экономикой и успехами в торгово-рыночных связях. В австрийских рудниках добывалось много разных металлов, часть которых шла на экспорт. Здесь активно действовали представители фирмы Фуггеров и других богатых южнонемецких торговых домов. В XVI веке Вена стала центром текстильного производства и выделки многих предметов роскоши.

Австрийская армия, состоявшая в основном из опытных в военном деле крестьян, то и дело сражавшихся с восточными полукочевыми народами, была очень крепкой, и именно ее усилиями к Австрии присоединялись как некоторые небольшие немецкие владения, так и земли, населенные славянами. Потерпев поражение от Османской империи в битве при Мохаче в 1526 году, Австрия, тем не менее, сумела присоединить к себе Чехию и часть Венгрии. Правда, вскоре после этого турки подошли к столице Австрии и штурмовали Вену, но, как упоминалось, безрезультатно. Поражение под Веной сыграло очень важную роль в истории экспансии Османской империи на За-

паде. Оно не только поставило предел расширению территории султаната, но и обозначило некую хронологическую грань — 1529 год, — за которой последовал постепенный упадок натиска османов.

После отречения Карла V Австрия во главе с эрцгерцогом Фердинандом оказалась центром германской империи, ибо именно ее правитель получил корону императора, став Фердинандом I. Но добиться сколько-нибудь существенных успехов в сложном деле централизации управления не только империей, но и заметно расширившейся Австрией этому правителю, как и его преемникам на посту императоров Священной Римской империи, не удалось.

Интриги иезуитов, о которых упоминалось чуть выше, способствовали тому, что эрцгерцог Штирии (часть Австрии, отделившаяся после смерти Фердинанда I) Фердинанд был в 1617 г. усыновлен бездетным императором Матвеем, братом Рудольфа II. Фердинанд, готовый к тому, чтобы получить корону императора, сыграл немалую роль в том, чтобы изменить до того не слишком четко определенный внешнеполитический курс империи, направив ее на тесное сближение с испанскими Габсбургами и католическим Римом. Этот курс в немалой мере способствовал обострению взаимоотношений между двумя важнейшими религиозно-политическими коалициями, на которые к этому моменту отчетливо разделилась Западная Европа.

Но прежде, чем говорить о Тридцатилетней войне, начавшейся уже в следующем году, необходимо сказать о Чехии, с событий в которой эта война и началась. Чехия или Богемия, как она тогда чаще называлась, была включена в состав империи австрийских Габсбургов после упоминавшейся уже битвы при Мохаче в 1516 году. И хотя императоры, надевая на себя корону чешского короля, обещали блюсти интересы этой небольшой страны, сохраняя ее сложившуюся внутреннюю администрацию, включая религиозные предпочтения, на деле с самого начала все было не так. Налоги в очень значительном количестве уходили из страны, католики заметно выделялись из общего числа жителей, а протестанты, потомки гуситов, постоянно ощущали на себе явное недоброжелательство властей. Было запрещено созывать сеймы и, более того, предпринята попытка использовать чехов для подавления волнений в немецких протестантских княжествах. Результатом стало восстание чехов в 1547 году, суть которого сводилась к резкому протесту против ущемления национальных прав и традиций. Восстание не привело к длительной борьбе и было сравнительно быстро подавлено.

Вторая половина XVI века прошла в условиях продолжавшегося и все усиливавшегося гонения на чешских протестантов, причем эти гонения обрели характер религиозных преследований в конце правления Рудольфа II, наводнившего страну иезуитами. При Фердинанде II давление иезуитов и стремление превратить Богемию в католическую страну стало настолько жестким, что именно оно и послужило поводом, приведшим к Тридцатилетней войне, о которой уже не раз заходила речь.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР

Если еще во второй половине XVI века интересы испанских и австрийских Габсбургов сталкивались, особенно в Италии, то на рубеже XVI–XVII вв. наметился союз между ними. К числу своих потенциальных сторонников Габсбурги относили на востоке Европы католическую Польшу. В целом складывалась достаточно значительная в политическом и военном плане коалиция католических стран. Она не могла не вызывать опасения ряда иных европейских стран, начиная с Франции, чьи политические, да и религиозные интересы (это было время правления Генриха IV с его Нантским эдиктом) не совпадали с целями католической реакции, не говоря уже о претензиях испанских правителей. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что именно Генрих взял на себя главную роль в подготовке антигабсбургской коалиции.

Он вел переговоры с протестантскими князьями севера Германии, убеждая их в необходимости противостоять католикам. И хотя не слишком готовая к союзу с Францией протестантская Англия с ее сложными внутренними религиозными распрями, особенно обострившимися в годы правления склонного к католицизму Якова I Стюарта, не могла еще во времена Генриха считаться союзником по коалиции, ее позиция все время принималась во внимание. Англия и добившаяся независимости от испанских Габсбургов протестантская Голландия в принципе были очень важными союзниками (Англия вначале лишь потенциальным) в борьбе с католическим югом Европы. Ведь для борьбы с Австрией Генрих был готов даже на союз с ее мусульманским соседом, Османской империей.

Более надежными были позиции скандинавских стран, Дании и Швеции, которые безоговорочно противостояли экспансии испан-

ских и австрийских Габсбургов, а также — это может показаться неожиданным — находившейся под властью Австрии Чехии. Собственно, с объяснения этого казуса и стоит начать. Ибо именно чешский период войны был хронологически первым. С него Тридцатилетняя война и началась.

Дело в том, что Чехия (Богемия), не забывшая о гуситах и буквально наполненная протестантами, будь то наследовавшие гуситам общины *чешских братьев* или иные группы, была более других частей империи недовольна бесцеремонным обращением с ней австрийских Габсбургов, под властью которых она оказалась в начале XVI в. Разумеется, Австрия была для чехов в общем-то предпочтительней Османской империи. Однако засилье всего немецкого и наступление католицизма вызывали резкое противостояние, которое приняло в начале XVII в. форму открытых антигабсбургских выступлений. Чешский сейм потребовал уважать права чехов, и Рудольф II в июле 1609 года вынужден был согласиться на предоставление чехам полной свободы вероисповедания. Но когда королем Чехии в 1617 году стал Фердинанд, еще не успевший получить корону императора, но уже прославившийся своей ревностной преданностью католицизму, антигабсбургские настроения чехов резко усилились. Правящий режим обвинялся в том, что приниженное положение Чехии повлекло за собой упадок в хозяйстве страны, который следует считать следствием установления в стране строго надзора со стороны австрийских чиновников, контролировавших деятельность не только органов городского самоуправления, но даже и работу ремесленных цехов. Возмущение народа нашло свое выражение в открытом мятеже.

Все решительнее действовавшая в стране Протестантская уния готовила этот мятеж, собирая силы и ища поддержки у ряда враждебных Габсбургам стран и северогерманских княжеств. Решительные события начались с того, что 23 мая 1618 года восставшие пражане выбросили из окна советников короля, управлявших Чехией в его отсутствие. Сразу же после этого был созван сейм, который спешно учредил правительство из 30 директоров, которое объявило об отказе подчиняться Фердинанду и об избрании королем главы Протестантской унии Фридриха Пфальцского, согласившегося принять корону Чехии. В ответ на это Католическая лига (стоит обратить внимание на то, что в битву вступили силы, которые прежде всего разделялись на католиков и протестантов) в ноябре 1620 разгромила войска чехов. Император Фердинанд II казнил многих наиболее видных дея-

телей из числа восставших, хотя не успевший утвердиться на новом троне король Фридрих сумел бежать. Репрессии, сопровождавшиеся конфискацией земли и иного имущества, продолжались несколько лет, причем в Пфальц прибыли даже испанские войска. Был издан указ об изгнании из Чехии протестантов, в результате чего многие сотни тысяч жителей покинули страну. В стране шел процесс насильственного онемечивания и утверждения всевластия католиков, многие чехи были мобилизованы в габсбургскую армию. Все это, вместе взятое, привело к тому, что, по некоторым данным, из четырех миллионов ее жителей к концу Тридцатилетней войны осталось едва ли не меньше одного.

Резкое укреплении позиций католической церкви и Габсбургов в Германии всерьез обеспокоило все протестантские страны северной Европы, начиная от только добившейся независимости Голландии и кончая скандинавами (Швеция и Дания) и некоторыми северогерманскими княжествами. Даже кардинал Ришелье вспомнил о Нантском эдикте, ибо усиление Габсбургов было бы для Франции слишком опасным. Как бы то ни было, но новый этап войны после Чехии переместился на север, где на протяжении 1625–1629 гг. германский полководец Валленштейн, проявив недюжинный талант и заняв своими войсками практически всю Германию, сумел нанести Дании ряд серьезных поражений. Датчане были вынуждены заключить с ним весной 1629 года мирный договор. После этого в Германии был издан эдикт о реституции всех церковных земель, принадлежавших до 1552 года католической церкви. Разумеется, практически реализовать право на реституцию через три четверти века было едва ли возможным. И это хорошо понимал Валленштейн, на долю которого выпала такая задача. Ведь против передела собственности резко выступило большинство немецких князей, в результате чего Регенбургский сейм 1630 года почти единодушно потребовал отставки Валленштейна, на что Фердинанд II был вынужден согласиться.

В это время на передний план в войне выступила Швеция, которая усилиями короля Густава Адольфа (1611–1632) приобрела в ходе Ливонской войны практически все — кроме северогерманского — побережье Балтийского моря, причем в успехах Густава в борьбе с католиками была кровно заинтересована и Россия, опасавшаяся усиления враждебной ей католической Польши. Высадившись на севере Германии и тем положив начало очередному этапу Тридцатилетней войны, шведы в 1631 году захватили Померанию, затем Саксонию, потом про-

двинулись еще дальше вглубь Германии, достигли Чехии и Моравии, после чего Фердинанд II вновь призвал Валленштейна командовать войсками. В роковой для Густава Адольфа битве при Люцене в ноябре 1632 г. шведы нанесли Валленштейну поражение, но сам король был убит. В 1634 г. был убит подосланными убийцами и Валленштейн, который стал вести себя слишком независимо, не всегда выполнял приказы императора и потому был заподозрен им в измене.

С 1635 года начался заключительный — французский — этап войны. В войну с Германией в расчете на приобретение Эльзаса французы вступили в союзе со Швецией, к которому присоединилась Голландия и который был поддержан некоторыми противостоявшими Испании владениями в Италии. Возникло много новых театров военных действий, включая испанские Нидерланды и север Италии. И хотя на первых порах эти сражения не слишком изменили общий ход войны, в начале 40-х гг. Франция в Эльзасе и шведы в Чехии добились немалых успехов. А когда соединенные усилия французов и шведов привели к тому, что их армии оказались в Баварии, а затем шведы вошли в Чехию, после чего угроза нависла над Веной, стало ясно, что война Габсбургами безнадежно проиграна.

Переговоры о мире начались вестись задолго до этого. Однако пока они шли то с одной воюющей стороной, то с другой, военные действия продолжались, причем становилось все более очевидным, что позиции Габсбургов делаются все более уязвимыми. В интересах империи было форсировать процесс достижения мира. Мирные переговоры, ведшиеся параллельно в Оснабрюке со Швецией и в Мюнстере с Францией (оба города расположены в Вестфалии) еще с 1645 года, привели к окончательному соглашению в 1648 году.

По условиям Вестфальского мира стало окончательно очевидным, что война шла не столько между государствами и политическими группировками (достаточно заметить, что германские княжества были представлены как с одной стороны сражающихся, так и с другой), сколько между коалициями, причем коалиции создавались прежде всего по религиозному признаку, хотя и не без исключений. Исключением, в частности, следует считать Францию, которая формально считалась католической страной, но фактически действовала в Тридцатилетней войне под знаком Нантского эдикта, позволявшего ей ставить политические интересы выше религиозных. Нельзя сказать, что для всех остальных участников войны религиозные соображения вовсе вытесняли политические интересы. Но нет сомнений

в том, что Тридцатилетняя война прежде всего и главным образом была войной между католической и протестантской частями Западной Европы. И основной ее смысл — как и весь смысл Вестфальского мира, положившего конец вооруженному противостоянию католиков и протестантов, — был именно в этом.

И хотя территориальные перемены (в основном в пользу Швеции, Франции, частично и некоторых северогерманских княжеств, закрепивших за собой церковные владения) были не слишком велики, они ознаменовали главное. А главным было радикальное изменение реального соотношения сил в Западной Европе. Протестантские страны, в том числе официально признанные всеми державами именно в результате заключения Вестфальского мира Голландия и Швейцария, бывшие центрами западноевропейского протестантизма, не только формально отстояли свое право на существование, но и наглядно доказали свое преимущество. Главным было и поражение основных политических сил католицизма, т.е. испанских и австрийских Габсбургов и в первую очередь возглавлявшейся Габсбургами южной части Германии, этой Священной Римской империи с ее незадачливыми императорами.

ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ ПОСЛЕ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА. ПРУССИЯ

Германия была сильно ослаблена в результате Тридцатилетней войны. Самым сильным государством в конфедерации германских стран, формально объединенных в рамках Священной Римской империи, была Австрия. Сила ее, помимо всего прочего, заключалась в том, что она сумела присоединить к себе немалое количество соседних стран Восточной Европы, которые оказались зажатыми между Австрией с одной стороны и Османской империей, Оттоманской Портой, с другой. Это немаловажное обстоятельство побуждало как католические, так и протестантские страны порой — особенно в тех случаях, когда они могли выбирать, — предпочитать зависимость от Габсбургов вхождению в состав Порты. Еще более чем за век до Вестфальского мира, после поражения при Мохаче, это стало уже вполне очевидно, ибо именно тогда Чехия и Венгрия вошли в состав Австрии. Аналогичный выбор сделали и хорваты, хотя вслед за тем значительная часть Хорватии оказалась все же под властью турок.

Конец XVI и начало XVII в. прошли под знаком напряженных отношений между не столько национальными, сколько религиозными противоречиями внутри многонациональной Австрии. Завершившиеся Вестфальским миром, они не принесли облегчения странам, оказавшимся под ее властью. Вскоре после Тридцатилетней войны императором был избран Леопольд I (1658–1705), на долю которого выпало защитить истощенную войной империю как от чувствительного нажима на нее извне, так и от невзгод, которые принес Вестфальский мир. Стоит еще раз напомнить, что этот мир отрезал в пользу Швеции и частично Голландии низовья рек, впадающих в Балтийское море, и тем самым нанес крайне болезненный удар по торговому союзу Ганзе, длительное время обеспечивавшему определенный уровень жизни в стране, особенно в городах. С самого начала существенно заметить, что с этим Леопольду справиться было трудно. Объективный процесс исторической эволюции в создавшихся в империи условиях вел не к усилению державной власти ее правителя в рамках всей империи, больше напоминавшей уже конфедерацию, но напротив, к ее ослаблению.

Турки, чья империя тоже постепенно входила, особенно после правления Сулеймана Великолепного (1520–1566), в состояние кризиса, попытались было в это время восстановить свое влияние в Центральной Европе, в частности близ австрийских границ. В 1683 году их войска вновь попытались осадить Вену, но, хотя и не без труда, были отбиты. Успешное продвижение немецких войск на восток помогло Габсбургам несколько расширить свои владения за счет отвоеванных у Османской империи западнославянских земель. Карловицкий мир 1699 года закрепил за Австрией и ее союзником Польшей значительную часть территории от притоков Дуная до Украины. Это приобретение было, пожалуй, наибольшим успехом за полувековое правление Леопольда. Но в то же время австрийские Габсбурги стали быстро терять свое политическое влияние в стране. И происходило это в немалой степени за счет их безраздельной веры в могущество иезуитов, которые продолжали силой восстанавливать в их владениях католицизм и принуждать к эмиграции протестантов.

Политика нажима на города — а именно там было обычно наибольшее количество протестантов, в частности среди буржуазии, — вела к упадку промышленного производства. Остававшееся в городах страны, особенно южной ее части, хотя и не только, городское население нередко, следуя средневековой норме, стремилось вкла-

дывать деньги в землю и тем самым превращаться в нечто вроде новых дворян. Следствием этого стало появление в городах наследственных муниципалитетов. Сохранили свою прежнюю торгово-промышленную значимость лишь немногие из бывших активных ганзейских центров — Гамбург, Бремен, Любек и некоторые другие. Правда, наряду с ними начинали развиваться некоторые столичные центры — Берлин, Вена, Мюнхен, которые процветали за счет расширения емкости внутреннего рынка, создаваемого спросом со стороны знати и служилого сословия, в обилии населявших эти центры.

После Вестфальского мира побежденная Германия попыталась было осуществить некоторые реформы. Усилилось значение *курфюрстов*, которые (в конце XVII века их было девять) монополизировали право выбора императора и тем выгодно отличались от примерно 300 остальных средних и мелких князей и епископов страны. Несколько возросло значение имперского *рейхстага*, делившегося на три курии — курфюрстов, князей (в нее входило около сотни наиболее значительных) и городов. Однако, поскольку решения принимались лишь представителями коронованных особ, принятие их затягивалось на долгие сроки, так как требовало постоянного согласования. Это не могло не способствовать упадку значимости таких решений. Важно отметить, что все князья и большинство городов проводили фактически ни от кого не зависимую политику. При этом князья добывали средства за счет не только нещадной эксплуатации своих закабаленных крестьян либо городских низов, но также и с помощью различного рода ухищрений, будь то игорные заведения или распространившаяся продажа солдат в качестве наемников в воюющие страны.

Если говорить об Австрии как об империи, то стоит сразу же заметить, что шел процесс ослабления имперской структуры и укрепления независимости крупнейших курфюрств и княжеств, из которых состояла германская конфедерация. Однако важно иметь в виду, что этот процесс шел не слишком быстро, а временами и подвергался определенной инверсии, что было связано с необходимостью единения перед лицом общей опасности, прежде всего со стороны Османской империи. К тому же, если вести разговор о собственно Австрии, как отдельной и крупнейшей части империи, то стоит заметить, что процесс ее развития неуклонно, хотя опять-таки не слишком быстро, шел по линии постепенного укрепления власти монархов. Короли из дома Габсбургов вели курс на ограничение могущества крупной

влиятельной знати в пользу все возраставшего по силе и численности дворянства.

Надежным средством усиления администрации были увеличение и профессионализация чиновно-бюрократического аппарата управления. Формировались военный совет при королевском дворе (*гофкригсрат*), канцелярия во главе с канцлером, различные министерства. Местная власть сохранялась в форме ландтагов и сеймов. Однако движению вперед сильно мешала католическая церковь, широко представленная в Австрии ее передовым отрядом, иезуитами. На этом фоне с определенного времени в рамках имперской конфедерации стали выделяться некоторые крупные княжества и курфюршества, которые развивались гораздо более быстрыми темпами. Ведь именно благодаря усилиям протестантской буржуазии многие германские княжества — особенно на севере, где протестантизм преобладал, в том же XVII веке достигали немалых экономических успехов. Речь идет в первую очередь и главным образом о Бранденбурге и Пруссии, на чью долю выпала великая историческая миссия начать — да и завершить — движение за создание единой Германии.

Бранденбург, чьи земли расположены на северо-востоке империи, был еще с XIV века одним из наиболее значительных немецких княжеств. Он заметно усилился за счет более слабых соседей и завоеваний Тевтонского ордена в Пруссии. В 1618 году Бранденбург и Восточная Пруссия были объединены под властью бранденбургского курфюрста из рода Гогенцоллернов. Правители, проводившие активную политику приращения своей территории, вынуждены были, расширяя свои владения за счет восточных земель (в частности, владений Тевтонского ордена) считаться вассалами то Польши, то Швеции. В середине XVII века, после присоединения к Бранденбургу с его столицей в Берлине некоторых территорий по соседству (это была своего рода плата за победу протестантов в Тридцатилетней войне), Брандербугско-Прусское курфюршество стало крупнейшим политическим образованием в империи. А в 1656–1657 гг. в результате соглашений со Швецией и Польшей его вассальные связи с этими странами были аннулированы. Вообще политика великого курфюрста, как его подчас именуют, Фридриха Вильгельма (1640–1688) с первых же шагов после выхода на международную арену отличалась умением лавировать и добиваться своего любой ценой. И в конечном счете это приносило ему желанный успех. Кроме того, разумные внешние акции и, в частности, помощь Австрии в ее борьбе с турка-

ми позволили прирастить к Пруссии ряд новых территорий. Словом, новая страна быстро увеличивалась территориально и обретала все новые и новые возможности.

Фридрих Вильгельм, через весьма обширные земли которого протекали важнейшие реки Германии от Рейна до Одера, охотно привлекал эмигрантов в свое сравнительно слабо населенное — причем не только немцами, но и иными народами, включая и славян, — владение. Это были в основном протестантские беженцы, как из католических княжеств Германии и Австрии, так и из Франции, особенно после отмены там Людовиком XVI в 1685 году Нантского эдикта. Он привлекал в свою страну и переселенцев из малоземельной Голландии, Швейцарии либо Чехии. Более того, приглашал к себе даже католиков и евреев. Есть данные, которые свидетельствуют о том, что правителю огромного нового государства было очень непросто привести к миру все разношерстное его население. Однако понемногу все притирались друг к другу.

Специалисты обращают особое внимание на то, что восточноевропейские территории, включая и Пруссию, отличались практикой закрепощения крестьян и что это было связано с мелкопоместным феодальным землевладением помещиков-юнкеров. Они нередко жили в деревнях рядом с крестьянами и были склонны выжимать из немногих своих зависимых максимум выгоды, что и приводило к жестокой эксплуатации земледельцев, которые в случае неповиновения могли лишиться и земли, и дома. Едва ли это было характерным для всей Пруссии с ее мигрантами из иных стран, где к такого рода эксплуатации люди не привыкли. Но сам по себе факт заслуживает внимания потому, что Пруссия была далеко не единственной страной, где именно в это время усиливалась роль крепостной зависимости крестьян, которая давно уже пришла к концу во всех основных странах Западной Европы.

Ведь в Восточной Европе и, в частности, в России как раз в это же время возникло нечто очень похожее, о чем речь пойдет ниже. Завершая рассказ о возвышении Пруссии, существенно заметить, что бранденбургские курфюрсты сознательно стремились поскорее отдалиться от стагнирующей германской империи. Это было в интересах правителей нового поднимающегося протестантского государства и этому способствовал тот весьма немаловажный факт, что формально Пруссия не имела к империи почти никакого отношения. И когда, в частности, стал вопрос о пресловутом испанском наслед-

стве, о котором уже не раз упоминалось. Фридрих I (1688–1713), сын заложившего основы могущества Пруссии Фридриха Вильгельма, в 1701 году за свое участие в этой кампании вытребовал себе титул прусского короля. Собственно, именно этот малозначительный на первый взгляд факт в немалой мере символизировал важный шаг вечно раздробленной Германии вперед, к ее национальному единству. Но пока до этого было еще далеко.

ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В XVIII ВЕКЕ

Все германские государства в этом веке вели по сути самостоятельную политику и развивались по-разному. Правда, в общем и целом можно сказать, что процесс становления буржуазного производства и выхода на передний план национальной буржуазии во всех них отставал от того, что было характерным для Англии и даже Франции. Более того, в некоторых из многочисленных немецких государственных образований промышленность городов, давно уже не имевших такой сплоченной организации, как Ганза, приходила в упадок. Энергично развивалось буржуазное производство разве что на северо-западе, в прирейнском районе, рядом с более развитыми государствами Западной Европы. Некоторого успеха достигли Пруссия и Саксония. В целом же для германских земель с их многочисленными и по сути самостоятельными княжествами и курфюршествами были характерными те же господство придворной знати и третирование буржуазии, что и в Испании до Карла III либо во Франции. Чтобы заработать на безбедную жизнь, правители княжеств порой охотно продавали своих солдат для участия в чужих войнах, в частности в колониальных войнах Англии или Голландии. Неудивительно, что на этом достаточно убогом фоне быстрыми темпами выделялась молодая и энергично развивавшаяся Пруссия.

Пруссия во главе с ее много сделавшими для усиления страны королями Фридрихом Вильгельмом I (1713–1740) и Фридрихом II (1740–1786) при всей вздорности характера первого из них с его солдафонскими замашками шла вперед достаточно быстро. В государстве была создана сильная армия, которая обеспечила укрепление административной системы и ослабление роли феодальной знати. Была поддержана промышленность, правда, подчас в весьма уродливых формах, с полицейской регламентацией, сводившейся к отказу

от всего иностранного, вплоть до тканей. Прусская система жесткого полицейского насилия, включая телесные наказания по любому поводу, резко контрастировала с нормами иных протестантских государств. Но зато муштра создавала силу этого государства.

Фридрих II во многом отличался от своего отца. Он уважал достижения французского Просвещения и демонстративно дружил с Вольтером, провел некоторые реформы с целью упорядочения финансовой системы, сильно пострадавшей в годы Семилетней войны, улучшения судопроизводства, налаживания системы образования. Его стараниями в стране была создана обстановка религиозной терпимости. Проведенные им реформы привели к заметному освобождению крестьян от феодальной зависимости и к определенной поддержке буржуазной промышленности. При этом Фридрих II бдительно следил за тем, чтобы не ослабить узды центральной власти и ее полицейско-бюрократической системы, чтобы сохранить силу и боеспособность армии.

Австрия во главе с императорами из дома Габсбургов после Утрехтского мира находилась под властью Карла VI (1711–1740), а затем его дочери Марии Терезии (1740–1780) и ее сына Иосифа II (1780–1790). Принцип, получивший наименование *прагматической санкции*, объяснял всему миру правомочность передачи императорского престола дочери в том случае, если не было сыновей. Но, игнорируя этот принцип, ряд держав, включая и некоторые немецкие государства, прежде всего Пруссию, попытался побороться за австрийское наследство. Эта война, длившаяся почти десятилетие (1741–1748), не привела агрессоров к успеху, чему в немалой мере способствовало вмешательство в нее России на стороне Австрии. Второй Аахенский мир 1748 года, подведший итоги войны, обошелся Австрии сравнительно дешево: Пруссия получила часть Силезии, а Испания вернула себе некоторые из отобранных у нее незадолго до того Австрией итальянских владений. В Семилетней войне, последовавшей вскоре за этим, Пруссия, снова воевавшая против Австрии, получила и остальную часть хорошо развитой в промышленном отношении Силезии.

Правда, Австрия не только теряла свои территории. В 1772 году в результате так называемого первого раздела Польши (Речи Посполитой) она приобрела значительную часть южных владений этого государства, т.е. Галицию, а в 1775 году ей досталась еще и Буковина. Иными словами, под непосредственной властью Габсбургов, учитывая приобретения от Турции и итальянские владения, была еще

очень большая территория на юге Европы. При этом значительная часть населения Австрии не принадлежала к числу тех, кто исторически относился и относится к жителям Западной Европы. Тем не менее важно принять во внимание, что весьма существенное расширение австрийских владений потребовало от империи укрепления централизованной администрации, которая уже в конце XVII века была реорганизована. Однако централизация, бывшая проявлением процесса укрепления власти правителей и дефеодализации практически во всей Европе и особенно в западной ее части, в Австрии осуществлялась замедленными темпами, в отличие от Пруссии, где этого добиться было намного легче. Габсбурги сохраняли под своей властью немалое количество фактически независимых либо полузависимых княжеств и королевств со своими ландтагами и сеймами, которые нередко противостояли эффективной деятельности центра.

Промышленное развитие и торгово-рыночные связи в Австрии были сравнительно отсталыми, хотя уже в конце XVII и тем более в XVIII веке государство начало заботиться о том, чтобы стимулировать развитие капитализма и проводить политику меркантилизма с целью содействия развитию собственной промышленности. Часть новых предприятий на некоторое время освобождалась от налогообложения. Создавались крупные мануфактуры, строились хорошие дороги и морские порты, создавалась банковская система. Крестьянская деревня более тесно связывалась с рынком и становилась поставщиком товарной продукции.

Вторая половина XVIII века была отмечена введением новых принципов судопроизводства, резко ограничивавших произвол феодальных властителей. Было уделено внимание совершенствованию системы образования с одновременным ограничением роли католической церкви и изгнанием иезуитов, еще недавно игравших в Австрии, как и в государствах Иберийского полуострова, столь значительную роль. Вообще различные и многосторонние реформы, связанные прежде всего с деятельностью Иосифа II, отвечали духу времени. Они вели к ограничению привилегий дворянства и освобождению крестьян от остатков крепостной зависимости, к религиозной толерантности и к централизации власти. Реформы, направленные именно на это, проявили себя в виде нового территориально-административного членения Австрии на 15 областей, что было вызвано, в частности, резким увеличением территории страны за счет войн с Турцией и раздела Польши.

Все эти реформы вели к серьезному укреплению центральной власти и монархии как таковой. К этому необходимо добавить, что в Австрии в это время быстрыми темпами развивались ее города, становившиеся заметными торгово-промышленными центрами. Появлялись крупные мануфактуры и предприятия. Увеличивались доходы казны, значительная часть которых вынужденно тратилась на военные нужды. Армия, формировавшаяся на основе системы рекрутов, реорганизовывалась по прусскому стандарту, проявившему себя наиболее удачно. Был создан обновленный аппарат центральной власти, укреплена бюрократическая его составляющая. Особо большое внимание обращалось на сферу культуры. В городах строились различного рода новые здания, в том числе для театральной и музыкальной жизни страны, которой уделялось немалое внимание, что приносило свои плоды. Нельзя не вспомнить в этой связи о великом В. А. Моцарте (1756–1791), реформаторе оперы Х. В. Глюке (1714–1782), композиторе Й. Гайдне (1732–1809) и о других австрийских деятелях культуры именно этого времени, которого не так уж сильно коснулись идеи века Просвещения, но которое, тем не менее, достойно откликнулось на вызов эпохи.

СКАНДИНАВИЯ

Швеция. Густав I Ваза (1523–1560) был тем самым королем, в годы правления которого после освобождения от унии с Данией и какой-либо зависимости от нее Швеция вышла на передний план и начала усиливаться, претендуя на лидирующее положение в Скандинавии. Расширяя постепенно свои владения на восток, в сторону современной русской Карелии, и включив в состав своего государства большую часть Финляндии и север Эстляндии, шведские короли из династии Ваза активно поддержали протестантизм и усилились за этот счет (имеются в виду прежде всего аннексия владений и конфискация богатств католической церкви). Соперничество с Россией, нашедшее свое отражение в нескольких войнах за Ливонию во второй половине XVI века, побудило Швецию сблизиться с Речью Посполитой. Династические связи, в результате которых поляк Сигизмунд III оказался королем Швеции, едва не привели к восстановлению католицизма. Однако Карл Ваза, один из сыновей Густава Вазы, опираясь на всеобщее недовольство, в 1599 году изгнал Сигизмунда и восстановил полную независимость страны.

В начале XVII века шведы довольно активно вмешивались в русские дела эпохи Смутного времени, причем это вмешательство завершилось по Столбовскому миру 1617 года оккупацией Лифляндии и земель, прилегавших к Балтийскому морю с востока (Ижоры и части новгородских владений). Война с Данией позволила шведам по Роскилльскому миру 1658 года присоединить южную часть Скандинавского полуострова и часть Норвегии. Первая половина XVII столетия прошла в Швеции под знаком укрепления воинственного дворянства, которое правители за службу щедро награждали землей с крестьянами, оказывавшимися в зависимости от своих новых хозяев. Впрочем, это не привело к расцвету крепостных связей, а крестьяне в Швеции сохраняли свою традиционную личную свободу и продолжали быть представленными в *риксдаге*. Более того, политика так называемой *редукции* во второй половине того же века привела к возвращению в казну большой части земель, ранее отданных во владение дворян. Это способствовало укреплению централизованной власти в стране.

В большой степени под влиянием успехов буржуазного развития Голландии и Англии шведы достаточно быстрыми темпами стали развивать промышленность, особенно в горном деле и металлургии. В Швеции строились рудники, добывалась медная и железная руда, создавались металлургические предприятия, развивалась торговля, прежде всего металлами, но также и смолой, дегтем, строевым лесом, пушниной, рыбой. Основывались новые города и порты. Страна превращалась в одну из наиболее экономически развитых и сильных держав северной части Западной Европы, что проявилось в успешном ее участии в Тридцатилетней войне. По Вестфальскому миру 1648 года Швеции достались некоторые германские территории на южном побережье Балтики.

Северная война 1700–1721 года, в которой против шведского короля Карла XII (1697–1718) выступили Дания, Польша и Россия, завершилась, особенно после сражения под Полтавой 1709 года, поражением Швеции. Ништадский мир привел к потере Швецией восточной части Прибалтики и юго-востока Карелии, доставшихся России, а также ряда северогерманских владений. Это по существу означало конец военной гегемонии шведов. Отныне войны стали редким явлением (стоит отметить неудачу шведов в Семилетней войне), пока не были прекращены вовсе. Но как бы в качестве компенсации XVIII век был отмечен усиленным развитием буржуазного

производства и некоторыми реформами, направленными в сторону ограничения сословных различий и укрепления буржуазных свобод. Одними из первых в истории шведы приняли в 1719 году конституцию, которая заметно уменьшила власть короля в пользу риксдага и риксрода. В стране возникли политические партии (в отличие от английских вигов и тори это были партия *шляп*, выступавшая за воинственную политику реванша, и партия *колпаков*, стоявших за мир), стали проводиться экономические реформы. Эти реформы способствовали упорядочению крестьянского землевладения и расцвету рыночных буржуазных отношений в шведской, а заодно и финской, деревне.

Финляндия была частью Швеции, но обладала некоторой автономией, включая самоуправление. Более того, с момента основания Густавом Вазой в 1550 году города Гельсингфорса, ставшего столицей Финляндии, она всегда была в орбите внимания шведских правителей. Взаимоотношения финнов и шведов не всегда были гладкими. В момент конфликта из-за польского Сигизмунда, например, часть финнов стала на сторону изгнанного поляка.

Вначале Финляндия была по сравнению с Швецией достаточно отсталой, но постепенно эта отсталость исчезала. XVII столетие было отмечено многими важными нововведениями. В 1623 году здесь был учрежден пост генерал-губернатора и создан верховный суд. В середине века возникли новые города, в которых были гимназии и даже университет. Существовала и сеть приходских школ. И хотя во второй половине века в результате появления в Финляндии немалого количества шведских дворян, щедро наделявшихся поместьями, начался заметный процесс усиления шведского влияния, вплоть до вытеснения финского языка, в результате упоминавшейся уже редукции ситуация вскоре улучшилась. Финны, поставлявшие немалое количество солдат в шведскую армию, были нужны королям Швеции и портить с ними отношения явно не стоило. Стоит напомнить, что представители Финляндии в немалом числе (около 1/8 его части) были представлены в шведском риксдаге.

XVIII век был особенно важным в истории Финляндии. Когда в 1742 году императрица Елизавета Петровна предложила свою поддержку в борьбе за независимость этой части Швеции, шведы стали относиться к финнам и к их экономике и политическим правам более заботливо. Развивалось сельское хозяйство с возникновением товарно-рыночного производства, расширялась торговля,

включая и внешнюю, ведшуюся финскими портовыми городами. Создавались мануфактуры (железоделательные, лесопильные, текстильные), основанные на принципах буржуазного промышленного производства. Все это способствовало заметному улучшению уровня жизни и создавало серьезные товарные излишки, шедшие на продажу.

Дания, некогда бывшая главным из скандинавских государств, после выхода Швеции из унии превратилась в небольшую второстепенную страну. Пережив эпоху религиозной реформации и став одним из протестантских государств, она вначале пыталась еще бороться за ведущую роль в Ганзе и балтийской торговле, но с упадком Ганзы и выходом на передний план в торговых связях голландцев ситуация начала ухудшаться. Развитие буржуазного производства в стране шло замедленными темпами, роль знати была еще достаточно заметной. Лишь с первой половины XVII века Дания стала преодолевать свое отставание. В стране появилась большая прослойка влиятельной городской буржуазии и стали создаваться многочисленные промышленные предприятия. Аристократический *риксрод* (Государственный совет) уступил свое место сословно-представительному риксдагу. Реформы, направленные на укрепление центральной власти, и возникновение слоя влиятельной бюрократии, а также политика меркантилизма способствовали росту и укреплению позиций датской буржуазии. В XVIII веке эти тенденции стали еще более заметными.

Хотя и с переменным успехом, связанным с обретением власти в стране то сторонниками реформ, то их противниками, реформы осуществлялись, а направленность их была вполне очевидной: на смену всевластию знати в условиях централизованной бюрократической монархии и явственно шедшей дефеодализации буржуазия выходила на передний план. Крестьянству тоже предоставлялись немалые права и, главное, освобождение от сковывавших их возможности феодальных повинностей и связей. В сфере внешней политики Дания по большей части терпела поражения, в первую очередь от Швеции, ее сильного скандинавского соперника. Только в результате поражения шведов в Северной войне Дания сумела освободиться от притязаний шведов на Шлезвиг, который стал южной частью ее территории.

Норвегия, официально провозглашенная провинцией Дании в 1537 году, лишилась своего риксрода, а как бы взамен обрела нема-

лое число датских дворян, получавших земли католической церкви после реформации. Но в то же время вторая половина XVI века принесла Норвегии условия для экономического развития. Торговали лесом, металлом (медь, железо, даже серебро). Появлялись новые города, росло население. В XVII столетии в стране были созданы административные округа во главе с чиновниками, которые вели дело к сокращению числа дворян, укреплению бюрократии и увеличению значения буржуазии. Норвегия была богата рыбой, активно развивала судостроение. В XVIII веке ее развитию, как то было и в Дании, способствовала политика меркантилизма, содействовавшая буржуазному процветанию страны. Экономический подъем к концу века привел норвежцев к укреплению национального самосознания и к появлению явно выраженной тенденции отделиться от Дании и создать собственное государство. Однако отделение от Дании в начале следующего века не привело Норвегию к полной свободе. Она оказалась связанной унией со Швецией, причем эта уния сохранялась до начала XX чека.

Исландия продолжала оставаться тесно связанной с Данией, которая фактически имела монопольное право покупать исландские товары — рыбу, мясо, шкуры — по низким ценам. Монополия была уничтожена в конце XVIII века, однако даже в это время Исландия продолжала оставаться очень отсталой и слабо заселенной страной. Рейкьявик, столица острова, имел всего несколько сот жителей.

* * *

Скандинавия как нечто цельное и в немалой степени связанное воедино какими-то общими традициями (достаточно вспомнить о викингах) в XVI–XVIII вв. довольно отчетливо разделилась на разные части. И хотя многое продолжало объединять эти части, решительно принявшие протестантизм, — уклон в добычу руд и производство металлических изделий, в торговлю лесом и рыбой, в мореходство и т.п., — все они начали в этот период заметно отличаться друг от друга и языком, и уровнем развития, и активностью во внешней политике. Некоторые из них подчас вели войну друг с другом, как то было со Швецией и Данией. Другие стремились к созданию собственного государства. Все эти тенденции следует считать вполне естественным результатом буржуазного развития скандинавских стран.

ШВЕЙЦАРИЯ

Это, пожалуй, самая необычная страна Европы, что во многом объясняется ее отличным от других географическим положением. Расположенная в горных долинах и предгорьях Альп, она веками развивалась в сравнительной изоляции от больших соседних племенных групп, позже держав. В глубокой древности здесь уже жили люди, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок. Позже эти места были заселены кельтской этнической группой гельветов (откуда наименование Гельвеция), которые были одно время союзниками Цезаря и входили в состав Римской империи. Римляне многое сделали для знакомства гельветов с принципами античной структуры. Здесь были созданы римские центры городского типа и даже проложена первичная сеть дорог. В эпоху крушения Рима состав населения изменился за счет частичного освоения территории бургундами и ост-готами, хотя они остались в меньшинстве по сравнению с романским влиянием. В начале средневековой эпохи территория будущей Швейцарии вошла в состав государства франков, а по Верденскому договору 843 года западная ее часть досталась Лотарю, а восточная Людовику германскому.

Все эти сведения стоит иметь в виду, ибо античная основа в районе горных долин и предгорий Альп в условиях сравнительной изоляции надолго законсервировалась и тем самым сильно препятствовала развитию столь свойственного остальной части Западной Европы феодализма. Сохранение немалого количества городов с римской античной структурой оказало большое влияние на последующий ход развития этой горной страны. В то же время необходимость преодолевать альпийские горные переходы для связи между Италией и расположенными к северу от нее Францией и Священной Римской империей вела к тому, что изоляция с лихвой компенсировалась необходимыми контактами с соседями. Эти контакты способствовали развитию не только швейцарских кантонов и торгово-ремесленных городских центров, но и всей Швейцарии как государственного образования в целом. Разумеется, процесс трансформации Швейцарии шел не слишком быстро. Но в то же время она в силу многих исторических причин и благоприятного для нее стечения обстоятельств временами оказывалась практически центром важнейших для судеб Западной Европы перемен, в частности связанных с Реформацией.

Исторически сложилось так, что до XI века альпийские земли были частью Бургундии, которая на рубеже первой и второй трети этого столетия стала частью германской империи. Императоры не слишком стремились освоить новые земли, не видя в том, как следует полагать, большого прока. Во главе кантонов были поставлены императорские чиновники-*фогты*. Впрочем, высшая знать из рода Габсбургов, как и представители иных владетельных родов, не оставляла в покое швейцарскую территорию. Более того, за господство над лесными кантонами Швицем, Ури и Унтервальденом, расположенными вдоль наиболее важного в этом регионе Сен-Готардского перевала, шла в XIII веке нешуточная борьба, завершившаяся в конце этого столетия победой свободолюбивых горцев, заключивших так называемый «вечный союз». Этот союз заложил основы Швейцарии как автономного политического образования в рамках империи, а день его рождения (1 августа 1291 года) и поныне отмечается в стране как национальный праздник.

Императоры не сразу признали союз. Но после бесславного поражения австрийских рыцарей в ноябре 1315 года союз не просто окреп, но и стал центром, притягивавшим к себе соседние кантоны и города. В 1332 году в него вступил Люцерн, в 1351 г. Цюрих, в 1352 г. Цуг и Гларус (последний с несколько ограниченными правами), в 1353 г. Берн. Габсбурги не мирились с таким положением. В сражениях их войск с кантонами, шедших с переменным успехом, некоторые территории временами переходили из рук в руки. Однако процесс укрепления союза продолжался. В 1389 г. было зафиксировано создание конфедерации из 8 кантонов. Конфедерация признавала сюзеренитет империи, но не более того. Власть Габсбургов была скорей номинальной, нежели реальной. Реально конфедерация укреплялась, германские фогты теряли свои прерогативы, а Цюрих в 1425 году даже сумел получить от империи право чеканить свою монету — один из важнейших признаков фактической самостоятельности. Вскоре императоры перестали назначать в кантоны своих фогтов, но вплоть до 1474 года Швейцария продолжала посылать своих представителей на имперские сеймы, что следует воспринимать как признание ею суверенитета империи.

XV век прошел под знаком заметного роста значимости альпийской конфедерации. Ряд новых кантонов и городов присоединились к ней. Кроме того, швейцарцы, успешно воевавшие в качестве союзника Франции в Бургундских войнах 1474–1477 гг. против Карла

Смелого, завоевали отличную репутацию хороших солдат. Это впоследствии сыграло важную роль в истории конфедерации: многие из швейцарцев, не находивших себе места в узких долинах гор, шли в наемники, которых охотно нанимали (подчас борясь за них) разные европейские государства. Соглашение 10 кантонов в Фрейбурге в 1481 году оказалось решающим для возникновения полной независимости Швейцарии, порвавшей все связи с Габсбургами. Последовавшие вслед за тем итальянские войны 1494–1559 гг. позволили конфедерации присоединить к себе еще ряд территорий. В начале XVI столетия возник союз 13 кантонов, каждый из которых самостоятельно формировал свое внутреннее управление, восходившее в ряде случаев к достаточно древним нормам, вплоть до принципа народного собрания, на котором решались важнейшие дела и избирались управители, судьи и иные должностные лица, а также делегаты на общесоюзный сейм.

Хозяйство жителей горных долин специфично. Преобладало скотоводство (альпийские луга), рассчитанное на производство товаров, в частности сыров, а на солнечных склонах в районах предгорий развивалось виноградарство, возделывались технические культуры. Землепашество, и особенно производство зерна, из-за отсутствия подходящих условий всегда было ограниченным, причем малоземелье в крестьянских хозяйствах вызывало необходимость регулярного оттока из них лишних рабочих рук. Частично швейцарцы шли в солдаты наемных отрядов, о чем упоминалось, частично переселялись в города, число и значимость которых постоянно росли. Берн, Базель, Цюрих, Женева становились важными центрами общеевропейского значения. В них в условиях практически полной дефеодализации и простора для буржуазного развития быстрыми темпами росли различного рода промышленные предприятия, текстильные и бумажные мануфактуры, которые постепенно вытесняли более раннюю, хотя еще и весьма крепкую средневековую систему ремесленных цехов с их жесткой регламентацией. В городах была хорошо развитая система финансово-кредитных операций, работали банки, осуществлялись серьезные торговые обороты, расцветало типографское дело с книгопечатанием. Ну и нельзя забывать о выдающемся качестве мастеров производства часов, которые уже много веков считаются лучшими в мире.

В XVI веке свободолюбивая Швейцария стала общеевропейским центром развития протестантизма. Важно учесть, что идеи протестантизма, которые легли в основу последующего развития духов-

ной культуры большинства кантонов (в некоторых из них долго сохранялось господство католицизма), энергично способствовали экономическому росту страны и развитию городской буржуазии с ее торгово-промышленными и финансово-банковскими интересами. Даже в сельском хозяйстве буржуазное развитие гармонично набирало силу, не приводя при этом — как то было, скажем, в Англии — к резким социальным потрясениям. Раскол между католическими и протестантскими кантонами привел в конце XVII века к ослаблению единства страны. Но зато нейтралитет в годы Тридцатилетней войны, решавшей судьбы религиозных соперников в Западной Европе, пошел на благо Швейцарии. Во-первых, она — как и Голландия — была признана самостоятельным государством. Во-вторых, позиции протестантизма в ней усилились за счет миграции в Швейцарию единоверцев из других стран, в частности французских гугенотов, что способствовало более быстрым темпам буржуазного развития и легло в основу материального процветания страны. А в-третьих это привело к становлению практики нейтралитета как принципа жизни государства, который стал нормой и всегда содействовал процветанию страны даже в те мрачные годы мировых войн, которые в XX веке сотрясали всю Европу, чтобы не сказать весь мир. События конца XVIII столетия затронули Швейцарию, принеся в нее дух революционного бунтарства, а затем и зависимость от наполеоновской Франции. Однако все это не сказалось сколько-нибудь значительным образом на внутреннем развитии страны, хотя и послужило толчком для ряда политических преобразований в начале XIX века.

Глава девятая.
ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДА В XVI–XVIII вв.
(суть и значение перемен)

Три полных столетия в переходный для человечества период — срок достаточно серьезный. Но дело не только в этом. Гораздо существенней то, что за три века переходного периода человечество в целом и Запад в особенности продвинулись вперед намного дальше и двигались при этом много быстрее, нежели то было прежде. Вообще процесс перехода от старого качества жизни к новому был принципиальной ломкой многих привычных установок. Это, к слову, не слишком смущало население Западной Европы, которое, в отличие

от Востока, не очень высоко ценило консервативную стабильность и даже напротив, подчас энергично стремилось к серьезным переменам. Неудивительно, что резкие перемены, связанные с такими событиями, как Ренессанс, Реформация и Великие географические открытия, не только не смутили европейцев, но как бы открыли перед ними двери в новое и незнаемое, явно сулившее немало полезных приобретений.

Уже немало было сказано о том. с каким воодушевлением воспринял Запад все эти перемены. Но теперь необходимо более основательно рассмотреть, что именно из открывшихся перед ними новых возможностей европейцы использовали с наибольшим эффектом и как именно эти новации оказали свое влияние на ход исторического процесса, на его темпы и направление эволюции. Если исходить из того, что главным смыслом истории является развитие человеческого общества, причем развитие позитивное, т.е. от худшего к лучшему (это едва ли можно считать общепризнанным, но многие согласятся), то за считанные столетия переходного периода было сделано немало. Вполне можно выразиться и более определенно: именно переходный период, о котором идет речь, послужил той базовой основой, которая создала совершенно иные условия для всей последующей эволюции. Ведь именно то, что было достигнуто — подчас с неимоверными усилиями, при невыносимых страданиях поколений, на долю которых пришлась основная тяжесть преобразований, — сформировало многие принципиально новые стартовые возможности. Отталкиваясь от них, человечество за последующее небольшое время (а это по сути всего два века, XIX и XX) при всех неимоверных издержках продемонстрировало невиданные возможности для дальнейших успехов, пусть даже не для всех живущих на планете людей и далеко не в одинаковом объеме. Но об этом еще специально пойдет речь в последующих томах. Пока же перед нами настоятельная необходимость подвести итог тому, с чем пришли к XIX веку наиболее передовые страны Запада (теперь уже не только Западной Европы, но и по меньшей мере части Северной Америки).

Что же было достигнуто шедшими впереди странами Запада за все столетия переходного периода, ведшего мир к новому времени? И какую роль сыграли ощутимые перемены, достигнутые за эти века, в его успешном движении дальше? Начнем с того, что общая ситуация во всех и тем более в передовых странах Запада за это не слишком большое время очень сильно изменилась. Эти перемены

проявились и в заметных социальных сдвигах, и в развитии торгово-промышленного потенциала, и в сфере внешней политики, и во многих внутриполитических событиях, и в невиданном расцвете культуры, да и в других направлениях. Все или почти все они были вызваны к жизни и резко ускорены тремя великими событиями, о которых только что было еще раз упомянуто. Это очень важно постоянно иметь в виду, ибо именно эти события привели Запад к коренным изменениям в области экономики, мировой политики, культуры и религии. Об этом немало было сказано. Теперь есть настоятельная необходимость подвести некоторые итоги и сформулировать определенные закономерности эволюции в целом.

О ПРИОРИТЕТЕ РЫНОЧНО-ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Обращая специальное внимание на факторы, влияющие на успешную эволюцию человечества и соответственно на шаги исторического процесса, а также имея в виду не только размеры этих шагов, но и скорость движения, в тексте четвертой главы тома был сделан специальный акцент на третий из них. Если выразиться точнее, то из трех специально вычлененных очень важных факторов был выделен самый главный, который был обозначен как **приоритет рыночно-частнособственнических отношений.** Нельзя сказать, чтобы читателю было вовсе непонятно, о чем именно шла речь. Это отношения, связанные со свободной частной собственностью античного типа и гарантированные государством с его пусть далеко еще не совершенной, но зато весьма эффективной администрацией (имеются в виду древнегреческие полисы). Некоторая неопределенность в другом. Если эффект от воздействия на эволюцию удачной случайности или благоприятного стечения обстоятельств очевиден для всех и не нуждается в особых обоснованиях, то с третьим фактором дело обстоит несколько сложнее. Как, когда, при каких обстоятельствах, почему именно и насколько успешно он функционирует? И что такое *приоритет*, т.е. насколько это важно, в чем именно проявляется и чем его наличие либо отсутствие может быть измерено и тем более доказано? Вопросы не случайные и далеко не простые, почему они и нуждаются в обстоятельном разъяснении. Обратим на все это специальное внимание.

Начать необходимо с того, чтобы еще и еще раз напомнить, что вся авторская концепция всемирной истории исходит из того, что человечество в принципе знакомо лишь с двумя основными типами организации общества и складывающимися на их основе формами власти. **Первая**, восходящая к первобытности и плавно перетекавшая в традиционную восточную, сохранившуюся во многих случаях, пусть далеко не в чистом виде, до наших дней, **это структура власти-собственности**. Неоценимое удобство этой структуры и общества восточного типа с охраняющими их различными институтами в том, что административная пирамида (если хотите — вертикаль) прочно держит управление практически сколь угодно крупными сообществами. Главная цель власти — сохранение неизменности установившегося порядка, что чаще всего охотно и осознанно поддерживается и подданными, заинтересованными в этом. Если сообщества оказываются слишком большими, а власть недостаточно сильной, могут произойти некоторые структурные сдвиги. Либо возникает эффект сепаратизма феодального типа (децентрализованная редистрибуция), либо фактически отделившиеся от основного сообщества дочерние структуры становятся, подчас в результате войн, самостоятельными, сохраняя при этом, что особенно важно учесть, все ту же давно сложившуюся стандартную материнскую структуру, неизменяемую матрицу.

Главный недостаток структуры власти-собственности в том, что она не просто инертна, но практически не в состоянии самостоятельно и тем более энергично эволюционировать в принципиально другом, чуждом ей как сложившейся структуре направлении. Даже если в ней возникают развитые товарно-денежные отношения, происходит процесс приватизации и энергично развиваются рыночно-частнособственнические связи, все это оказывается под жестким контролем давно сложившейся централизованной администрации. Если администрация слаба, сообщество распадается, давая возможность появиться более мелким самостоятельным либо вассально-феодальным сообществам **такого же типа.** Процесс этот обычно протекает болезненно, порой сопровождается войнами либо набегами кочевников. Не менее болезненными бывают и внутренние кризисы, когда гнев массы голодающих обращается против нерадивой администрации и разбогатевших частных собственников. Неудивительно поэтому, что те и другие очень ценят крепкую власть, а сообщества в целом — консервативную стабильность, устойчивый порядок (какой

давно установлен). Инертность гарантирует порядок, неизменность, но не способна обеспечить эволюцию. **Нормальный путь движения здесь — медленная стагнация с перспективой энтропии.**

Принципиальным антагонистом этой структуры следует считать антично-буржуазную. Основной ее признак — существование сообществ с полной правовой защитой частной собственности и рыночных связей, которая обеспечивается выборной и подотчетной гражданам администрацией. **Главное преимущество таких сообществ — свобода гражданского общества, гарантируемая системой институтов. Свобода с институтами гражданского общества как раз и составляет суть того, что обозначено выше как приоритет рыночно-частнособственнических отношений.** А приоритет такого рода в наиблагоприятнейших условиях демократических норм, выборности и отчетности представителей администрации, что вкупе открывает широкий простор для желанной в рамках этой структуры эволюции. Выборная власть граждан, каждый из которых обычно сам частный собственник, обеспечивает не просто гарантии, но и многие привилегии для собственников, охрану рыночных связей и заботу о развитии товарно-денежных отношений. Особенностью структуры следует считать то немаловажное обстоятельство, что успех ее гарантируется в условиях, когда в рамках любого сообщества преобладают города, а деревенские угодья являются лишь их аграрным придатком. Впрочем, и это обстоятельство не может дать полной гарантии. Если города обретали восточные признаки и становились центрами административной власти, как то было в Византии или в основных городских центрах ряда стран раннесредневековой Западной Европы, т.е. на исконных колониальных территориях Западной Римской империи, то, что было названо **приоритетом**, не возникало либо исчезало. Но ситуация начинала решительно меняться, когда количество городов, свободных от всесилия власти, резко увеличивалось, когда создавались конфедерации городских центров, как то было в период средневековья в североитальянской Ломбардии либо в Нидерландах.

Выводы из сказанного ясны. Суть их в том, что **приоритет рыночно-частнособственнической структуры** автоматически возникает в условиях, когда город (полис) отдален либо вообще не причастен к администрации какого-либо политического сообщества, имеющего отношение к восточного типа структуре власти-собственности в любом ее варианте. Он, этот высоко ценимый в городах приоритет, возникает только и именно потому, что горожане, которые в таких

условиях являются аналогом античных граждан, кровно заинтересованы в его существовании. А интерес их в том. что этот приоритет открывает перед ними перспективы, способствует расширению производства, развитию торговли и вообще экономическому процветанию. Горожане-граждане, стоит повторить, не заинтересованы в консервативной стабильности. Их интерес в прямо противоположном, т.е. в стремлении к новациям, с помощью которых можно было бы добиться наивысшего финансово-экономического эффекта при наименьших затратах средств и усилий, т.е. труда и капитала. И потому горожане позднесредневековой Европы при первой же возможности стремились объединиться в сильные и крепко связанные взаимопомощью полуконфедерации типа Ганзы, опереться на содействие королевской власти или откупиться от повинностей феодального характера, обретя тем самым высоко ценимую ими свободу.

Свободу и демократические институты в системе администрации городов, о которых идет речь, следует считать важнейшим условием установления приоритета рыночно-частнособственнических отношений как основного фактора ускоренной буржуазной эволюции. Не везде и не сразу возникали в средневековой Западной Европе эти условия, но без них или при заметном их ограничении упомянутый приоритет не смог бы функционировать, тем более в полную силу. А для того, чтобы эти институты и прежде всего свобода появились и начали эффективно действовать, нужны были специфические обстоятельства. Элементарным и первым по значимости такого рода обстоятельством была просто сила, т.е. возможность города обеспечить себя надежной защитой от посягательств извне (имеются в виду требования сверх оговоренной с высшей властью нормы). Вторым и гораздо более важным и тем более значимым в истории переходного периода было осознание правящей элитой выгод тех преимуществ, которые нес с собой все тот же приоритет. Первой из элит такого рода была английская (о Нидерландах речи нет, ибо они не имели политической самостоятельности).

Последнее, о чем важно в связи со всем общим анализом упомянуть, это проблема наглядного примера. Чем дальше западноевропейское общество уходило от первых шагов, связанных с географическими открытиями и интенсивным процессом освоения неевропейских земель двумя наиболее отсталыми западноевропейскими государствами, Испанией и Португалией, тем очевидней для буржуазии и даже правящей элиты наиболее развитых стран Западной Европы

становилась роль приоритета, о котором идет речь. Свидетельством этого было создание на рубеже XVI–XVII столетий британской и нидерландской Ост-Индских компаний, а затем и многих других аналогичных торгово-финансовых организаций с огромными делегированными им соответствующими государствами полномочиями. Все эти компании, которые, как правило, на свой страх и риск и в основном за свой счет вели обширную торговлю, осваивали удобные гавани, строили форпосты, занимались переговорами, а то и вступали в войны с местными властителями либо претендентами на власть, были конкретным воплощением того самого приоритета, о котором идет речь. Но и это еще далеко не все.

Внутри самих западноевропейских стран, сначала протестантских, позже и ряда других, затем и в Северной Америке желанный приоритет рыночно-частнособственнических отношений все быстрее обретал крылья и становился чем-то бесспорным, безусловным. И это неудивительно. Развитие буржуазного предпринимательства каждодневно, причем со все большим эффектом, доказывало западному миру свои бесценные, неоспоримые преимущества. Отсюда и активная политика протекционизма, меркантилизма и просто стремления обеспечить своей стране наивыгоднейшие условия для развития промышленности и торговли. Отсюда и интерес представителей *нового дворянства* передовых в смысле буржуазного развития стран к предпринимательству.

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЕ СДВИГИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Теперь обратимся к описанию тех условий, которые способствовали тому, чтобы антично-буржуазный приоритет в его все более приспособленной именно для буржуазного развития модификации быстро доказал все свои преимущества и тем самым стал чем-то бесспорным. Речь пойдет не только о передовых странах Запада, но также и о тех, где все еще большую роль играла восточного типа власть-собственность с ее далеко пока не преодоленными феодальными институтами. Первое и едва ли не самое важное, о чем необходимо в этой связи сказать, это вызывавшиеся объективным стечением обстоятельств очень заметные социополитические сдвиги, суть которых везде была одинаковой. Она сводилась к тому, что удельная

система феодов и соответственно могущество средневековой владетельной знати где медленно, а где и более быстрыми темпами, но везде так или иначе, пусть подчас с существенными реверсиями в форме почти что русского крепостного права, шли к своему концу.

На смену им приходили более или менее крупные, но обычно всегда сплоченные вокруг единого правителя (даже если это были многочисленные немецкие князья с их небольшими мини-государствами) и имевшие хорошо продуманную и эффективную централизованную администрацию достаточно крепкие государства. Это обычно были страны с уже сложившимися и весьма заметными чертами национальной культуры, начиная с языка. Конечно, встречались и исключения вроде Швейцарии, которая на протяжении едва ли не всей своей длительной истории обходилась без верховного правителя, имея такового в крайнем случае лишь в виде номинального формального главы. Но конфедерация такого рода, равно как и в чем-то близкая к ней по структуре конфедерация британских североамериканских колоний, была исключением. Словом, процесс на трансформировавшемся Западе шел по единому общему сценарию, хотя и в различных случаях движение к успехам и победе буржуазного пути развития, тем более редкой еще в то время либеральной демократии, а также темпы и формы сопутствовавшей этому движению дефеодализации были неодинаковыми. Одним странам случайности и благоприятное стечение обстоятельств помогали — как то было прежде всего с Англией — идти вперед быстро и очень успешно. Другие продвигались несколько медленнее. В третьих некоторое движение вперед сопровождалось перерывами, а то и длительной стагнацией. Но как бы то ни было, вторая половина XVIII века во многом сблизила в этом плане страны Запада. Во всяком случае Западная Европа в целом подошла к очередному — XIX — столетию во многом другой по сравнению с тем, какой она была несколькими веками раньше.

Едва ли не главной тенденцией, явственно ощущавшейся в это время, были именно централизация власти и упорядочение королевской администрации почти во всех, но прежде всего в ведущих странах субконтинента. И знаменитая формула Людовика XIV «государство — это я» была не столько хвастовством, как то может показаться на первый взгляд, сколько символом, важным знаком. Формула обладавшего полной реальной властью монарха подчеркивала несомненные успехи в создании в стране авторитаризма, которому уже не грозило своевластие феодалов. Это немаловажное обстоятельство

позволило королю оставить в покое и даже осыпать своей милостью немалую толику отнюдь еще не утратившей всего феодальной знати, что было продолжено в годы правления Людовика XV и сыграло свою трагическую роль в великой и кровавой революции.

В Испании с ее крайне жесткой политикой высокомерных королей и окружавших их грандов дефеодализация долго не начиналась. Многие из знатных грандов, да и средних идальго, покинули страну, получив большие и приносящие огромную гарантированную прибыль угодья в Новом Свете, что в самой Испании привело к укреплению власти ее всесильных правителей. Отсутствие напряженности во взаимоотношениях центральной власти и представителей феодальной знати было одной из важных причин невнимания официальной администрации к поднимавшейся на ноги своей испанской предбуржуазии. Этим объясняется и бесцеремонный нажим испанцев на процветавшие буржуазные города Ломбардии и Нидерландов. Все это достаточно скоро привело к общему упадку и ослаблению страны, правители которой так и не сумели сохранить ее в качестве сильной державы.

А процесс укрепления центральной власти и ослабления роли знати, усугубленный войной короля с парламентом, привел к совершенно иным результатам в Англии (здесь, правда, стоит учесть влияние длительных традиций политических прав и свобод широких кругов народа, значение парламента и знаменитой Хартии вольностей, даже взаимоистребление аристократов в ходе междоусобиц типа войны роз). Соответственно в Англии централизация власти обрела в силу специфики развития страны совершенно иной характер и привела к созданию конституционной монархии, в которой власть короля была ограничена влиятельным, практически всесильным парламентом, а место феодалов оказалось неизмеримо более скромным, чем в Италии либо во Франции. В особом положении оказалась территориально небольшая, но в торгово-промышленном плане едва ли не наиболее развитая Голландия, где хорошо организованная централизованная администрация вполне успешно уживалась с полуреспубликанским строем, в рамках которого для феодалов вообще почти не осталось места. Правда, это не слишком помогло Голландии, долго занимавшей лидирующее место в транзитной торговле с Востоком, сохранить свои преимущества в сфере буржуазного торгово-промышленного развития. В этом деле ее уже с конца XVII века уверенно обгоняла Англия.

В Священной Римской империи и с централизацией администрации, и с дефеодализацией дело обстояло несколько сложнее. Состоявшая из сотен независимых либо слабо зависевших от австрийских Габсбургов княжеств, а также нескольких курфюршеств и даже королевств типа Чехии немецкая империя была конфедерацией, в рамках которой большинство небольших государственных образований были практически независимыми. Но их внутренняя структура по меньшей мере частично соответствовала общей для Западной Европы тенденции к централизации власти правителя и к укреплению его администрации. Лучше всего это видно на примере Пруссии.

Что касается феодалов, которые играли столь значительную роль в политической жизни средневековой Западной Европы, то в большинстве случаев весьма чувствительно затронувший их процесс дефеодализации привел к резкому уменьшению их роли. В некоторых странах многие знатные дома пришли в упадок либо были уничтожены в междоусобных войнах, в других их замки были срыты, а сами они вынуждены были идти на службу. В наиболее благоприятном в этом смысле положении оказались, как упоминалось, испанские гранды, которым были щедро предоставлены обширные энкомиендо в Новом Свете. Однако в общем и целом феодалы повсюду начали как-то приспосабливаться к новым условиям существования, в которых для феодальных привилегий уже практически почти не было места. Этот процесс, в частности, нашел свое отражение в интересе некоторых из них, как британского *нового дворянства*, к торгово-промышленной деятельности.

Существенно обратить внимание и на то немаловажное обстоятельство, что естественному процессу дефеодализации энергично и сознательно содействовала весьма заинтересованная в этом новая централизованная администрация королевств. Ее интерес проявлялся наиболее заметно в том, что она активно способствовала либо росту интересов нового дворянства к буржуазно-предпринимательскому делу, либо заполнению средних звеньев администрации представителями обедневших рыцарских родов. Кроме того, часть обедневшей знати все более основательно занимала оплачивавшиеся казной офицерские должности в строившихся уже по новым принципам частях регулярной королевской армии и тем более гвардии. Стоит также учесть, что некоторые разбогатевшие горожане, особенно буржуа из числа удачливых предпринимателей и торговцев, нередко вкладывали свое богатство в землю, покупая у разорившихся феодалов их

поместья, замки, а то и титулы. Родовитая знать, пусть обедневшая и лишившаяся и владений, и богатства, и влиятельных позиций, с презрением относилась к подобного рода нуворишам, однако это никак не сказывалось на том, что представителей вчерашних буржуа, как и дворян, включавшихся в число государственных служащих, военных и штатских, становилось все больше. Именно эта прослойка знати со временем оказывалась все влиятельнее и играла все большую роль в жизни своих стран.

Перемены в социополитической структуре западноевропейских государств вели к появлению и росту значения прежде не слишком много значивших представительных учреждений, будь то английский парламент, Генеральные штаты во Франции либо Голландии, риксдаги, рейхстаги или сеймы в Скандинавии, Германии и некоторых других странах, например в Чехии и Венгрии. По-разному и в различной форме действовали эти институты, но они появлялись и последовательно отстаивали свои права и прерогативы, подчас с полным успехом, как то было в Англии. Появлялись и серьезные трактаты, в которых теоретически осмысливался этот новый и очень важный процесс. В наиболее ранних из их числа, написанных флорентийцем Н. Макиавелли (1469–1527), государи призывались к укреплению своей власти любой ценой. Как известно, отсюда и пошел термин «макиавеллизм», подразумевающий пренебрежение моральными нормами ради достижения политической цели.

РЕЗКИЙ РОСТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Важной частью перемен, заметных в жизни Западной Европы и, более того, заложивших идейный фундамент успешного развития буржуазного предпринимательства, стал существенный рост интеллектуального потенциала значительной части населения. Медленно обретавшийся под влиянием достижений гуманистической традиции Ренессанса и критического настроя отрицавшей всесилие церковной догматики и схоластики Реформации, этот потенциал проявил себя далеко не сразу. Однако вкупе с расширением географического горизонта и по мере знакомства с окружавшим маленькую Западную Европу огромным миром народов, населявших планету, сводный интеллектуальный потенциал Запада в целом, особенно в условиях уже

достаточно развитой культуры книгопечатания, не мог не расти ускоренными темпами. Он вбирал в себя все новое и необычное, стремясь осмыслить обретенные знания, углубив их за счет отказа от долгими веками насаждавшейся привычной церковной мудрости.

Разумеется, потенциал, о котором идет речь, по-прежнему отнюдь не был достоянием множества, тем более большинства. Он находил свое наиболее наглядное проявление в том, что могли придумать, сделать, написать либо изобразить сравнительно немногие наиболее умные и способные. Но ведь именно эти умные и способные представители Homo Sapiens всегда и вели остальное человечество за собой. И если людей этого типа под влиянием каких-либо не существовавших прежде обстоятельств становилось больше, намного больше, нежели прежде, а знания и тем более возможности их возрастали, то это вело и не могло не вести ко множеству важных перемен. Из всех этих решающих для ускорения темпов эволюции перемен следует едва ли не в первую очередь выделить элементарный рационализм. Среди образованных людей, которые веком-двумя ранее учили в университетах в основном богословие либо религиозную философию христианства, стали появляться мыслители совершенно иного склада, люди развитого разума и практической деятельности, люди науки, деятели высокой культуры и впечатляющего искусства.

Очень важно подчеркнуть именно это. Ведь как раз в то время, которое находится сейчас в центре нашего внимания, появляется наука. Речь о той самой науке, прежде всего в сфере естественных и точных знаний, которая до того, с древности, была представлена лишь элементарными фрагментами, а теперь приняла форму серьезных концептуально развитых систем, которые были основаны на бесспорных опытах и неопровержимых доказательствах. И если некоторые из первых представителей этой науки еще оказывались подвластны всесильной церкви и подчас гибли на кострах инквизиции, то уже следующее поколение великих мыслителей, занимавшихся научными исследованиями аналогичного типа, оказалось вне сферы досягаемости католической церкви. Деятельность людей, о которых идет речь, проявилась не просто в сочинении глубоких и умных сочинений и трактатов, которые разительно отличались от господствовавшей недавно в интеллектуальной жизни Европы церковной схоластики либо примитивных рыцарских романов. Именно в эти переломные для европейской цивилизации века стала появляться наука в подлинном смысле этого слова, будь то астрономия, совре-

менный уровень которой навсегда связан прежде всего с великими открытиями Н. Коперника, Д. Бруно, Г. Галилея, или более широкая по своему замаху натурфилософия, прославленная достижениями Б. Спинозы, Р. Декарта, Ф. Бэкона, да и многих других. Одним из первых и наиболее известных среди естествоиспытателей, чьи труды имели колоссальное концептуальное значение и стали в каком-то смысле фундаментом естественных и точных наук нового времени, был Исаак Ньютон (1643–1727). Главное, что следует сказать обо всех этих великих деятелях рождавшейся западноевропейской науки, равно как и культуры и искусства, это то, что они были свободными людьми. Свободными в том наиболее важном для таких людей смысле, что обрели право думать, изучать и публиковать свои выводы вне зависимости от того, кто и как на это посмотрит с точки зрения давно принятых и официально санкционированных норм.

Вслед за высокой и глубокой наукой современного типа, делавшей еще свои первые и не вполне уверенные шаги, буквально рядом с ней шла набиравшая силу техника. Она использовала великие достижения науки и превращала ее идеи в практически полезные для производства средства и организационные формы. Усилия многочисленных умельцев не пропадали даром. Именно они вели к техническому усовершенствованию производства, к организации новых его форм. Вначале это были элементарные мануфактуры, позже стали создаваться различного рода механизмы и приборы, наконец первые машины. На их технико-технологической основе начали возникать промышленные предприятия фабрично-заводского типа — текстильные, металлургические, горнорудные и другие. Новая техника вызывала немало важных перемен. Перемены эти обретали очень разные формы. Они проявлялись в умении изготовлять на базе уже известных все новые и новые усовершенствованные механизмы, разрабатывать все более эффективные методы достижения высокой производительности труда. В частности, стали более широко и умело применять новые способы обработки металла в больших доменных печах, искусно использовать силу воды, особенно в горном деле либо в усовершенствованных мельницах. Немало новшеств пришло в производство текстиля. Ленточный ткацкий станок, например, позволил на одном агрегате создавать несколько узких лент ткани. Больших успехов достигло искусство кораблестроения. Суда оснащались различными мачтами и парусами, а также уникальными приборами (астролябия, специальный компас, секстант) и картами. Высокого

искусства достигли мастера часовых механизмов, как больших (башенные городские часы), так и малых (карманные на пружинах).

Все эти тесно связанные друг с другом процессы развития в сфере науки и техники, равно как и сопутствовавшие им достижения в области культуры, литературы, искусства, вообще резкое расширение рамок мировидения, углубление интеллектуальных потенций в сочетании с суровой критикой клерикального догматизма были явлениями одного ряда. Они наглядно демонстрировали тот гигантский скачок вперед, который позволили сделать Западной Европе Ренессанс, Реформация и географические открытия. Остается лишь еще и еще раз упомянуть, что и скачок, и позволившие сделать его новации в разных сферах жизни были в конечном счете великим результатом вступившего в активную фазу **третьего и важнейшего из факторов эволюции** — того самого, **буржуазного**, который привел к безусловному приоритету рыночно-частнособственнических отношений. Предпринимательство свободного типа, свойственное лишь обществам с хотя бы прото- и предбуржуазным и в полную силу — с развитым буржуазным производством, в любом из этих своих вариантов, но с особенной мощью в последнем, наиболее зрелом из них, способствовало резкому ускорению темпов развития соответствующих обществ.

УСПЕХИ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Обратившись вновь к проблеме приоритета буржуазного производства и того активного предпринимательства, без которого не было бы ни процветания общества, ни тех, кто вынужденно и чаще временно оставался за бортом этого процветания, начнем с того, что все великие достижения в сфере интеллектуального развития оказали самое непосредственное влияние на расцвет западной буржуазии. Успехов в этом направлении было много, даже очень много, особенно на фоне предшествовавшего этим заметным успехам медленного движения вперед. Конкретные сдвиги в торгово-предпринимательском и финансово-банковском деле были результатом резко возросшего потенциала западноевропейской буржуазии. При этом имеются в виду не только и даже не столько сами буржуа, сколько все те, кто прилагал свои усилия для развития и совершенствования техники

и технологии в различных сферах предпринимательства, торговли, финансов, банков и вспомогательных отраслей хозяйства, от деятельности которых зависели темпы экономического развития.

В Западной Европе заметно увеличилось число городов, особенно портов, и городского населения, работавшего на внешний рынок, ёмкость которого многократно возросла. Интеллектуально более развитое, нередко неплохо образованное и в значительной своей части грамотное городское население быстрыми темпами выходило за пределы привычной для средневековья цеховой структуры и предпочитало работать на тех крупных развивающимся производствах, где требовалось одновременное приложение усилий многих работников. В производствах мануфактурно-фабричного типа или на заводах и в рудниках, особенно в каменноугольных шахтах, которые имеются в виду в первую очередь, начинали широко применяться усовершенствованные механизмы различного предназначения. Они позволяли переносить тяжести, строить крупные корабли, отливать большие артиллерийские орудия, а также совершенствовать производство в сфере ювелирной, стекольной, пищевой и многих иных видов продукции, спрос на которую постоянно и быстро возрастал. Появлялись и первые близкие по типу к настоящим машинам усовершенствованные механизмы в развитом прядильно-ткацком производстве и в некоторых отраслях бытового хозяйства.

Резко выросла и продолжала быстрыми темпами расти роль торгового капитала, невероятно прибыльные обороты которого позволяли вкладывать деньги как в улучшение финансово-банковского дела, так и в развитие промышленности. Не следует сбрасывать со счетов и сохранявшееся для обеспечения населения товарами повседневного спроса ремесленное производство в городах и деревнях, ассортимент и качество которого имели явственную тенденцию к росту. Что касается мануфактурного производства, то его эффективность, наиболее заметная в системе централизованных предприятий, способствовала росту числа именно их, тогда как на долю рассеянной мануфактуры, нередко с участием дешевого деревенского труда, приходилась все меньшая часть капиталовложений.

Улучшалось положение и в сельском хозяйстве, где чаще использовался более производительный инвентарь, особенно выделанный из металла, применялись более интенсивные способы обработки земли, выращивания разнообразных культур, включая многие новые виды овощей и фруктов, частично появившиеся в рационе жителей

Западной Европы благодаря дальним заморским и заокеанским торговым связям. Зависимость крестьян от богатых землевладельцев, столь свойственная средневековью, постепенно уступала место, особенно в более развитых странах, системе свободного землепашества фермерского типа, а также различным формам аренды и найма. Формировался — вначале в весьма жесткой форме (вспомним английских пауперов времен огораживания) — рынок свободной наемной силы, как в городе, так и в деревне. И хотя рабочий день часто был еще практически не нормированным, а плата за труд низкой, что оставалось характерным для многих стран, ситуация и в этом плане не была неизменной, ибо многое зависело от обстоятельств, в немалой мере и от существовавшего в той либо иной стране законодательства.

Развитие западноевропейской буржуазной экономики было само по себе кардинальной важности сдвигом во всей истории человечества. Это был огромный шаг вперед, ибо только развитое рыночно-частнособственническое хозяйство, воссозданное в конечном счете по ранней античной модели, но в огромной степени заново переосмысленное и преобразованное в новых, безмерно более выгодных для него обстоятельствах, было способно открыть перед населением планеты путь к успешному будущему, плоды которого становились все более ощутимыми с каждым новым столетием, а то и много более быстро. Разумеется, все эти достижения реализовывались не сразу, не просто и далеко не безболезненно. Из наиболее заметных социальных противоречий, которые не просто сопровождали буржуазное развитие, но и становились его постоянным спутником, стоит упомянуть о том, что, как правило, богатыми предпринимателями и успешными хозяйственниками становились, по меньшей мере на раннем этапе развития капиталистической системы, не слишком многие.

Для того, чтобы добиться успеха, нужны были энергия, активное стремление, огромная работоспособность, умелый безошибочный расчет и в конечном счете (а на деле самое важное и едва ли не первое из всего перечисленного) острый ум и стратегический полет мысли. Конечно, случалось, что хватало одного слепого случайного везения. Но это следует считать исключением. Правилом же был тот самый упорный каждодневный труд истинно верующего в помощь Бога пуританина, о котором уже упоминалось. Правда, никто никогда не пытался уточнить, какой части такого рода трудолюбивых пуритан удавалось войти в число богатых капиталистов. Можно смело добавить ко всему тому, что было сказано в связи с трудовой этикой про-

тестантизма и теорией Макса Вебера о ее решающей роли в процессе генезиса современного капитализма, что на деле подлинно процветающими буржуа становились очень немногие из истово преданных Богу и труду пуритан. Но зато все прочие при этом все же не оставались бедняками. Труд каждого как-то вознаграждался, даже если процветающими могли стать немногие, прежде всего те, кто обладал необходимыми для этого качествами, свойствами характера.

Еще и еще раз касаясь этого важного, а для многих и решающего в определении их политической позиции вопроса, необходимо заметить, что подлинного равенства и абсолютной справедливости (в глазах многих сводящейся к очень популярной практике *отнять и поделить*) никогда не было, нет и не будет, просто не может быть, как не может существовать будто бы коммунистического принципа *распределения по потребностям* (кто создаст столько, чтобы всем хватило удовлетворить их потребности, которые к тому же неизбежно будут расти, как только люди смогут увидеть потребляемое их соседями). А коль скоро равенства и справедливости в этом смысле нет и не может быть по определению, то не приходится и говорить о том, что прорыв человечества в этап буржуазного предпринимательства и все связанные с этим величайшие достижения пользовались всеобщим восторгом большинства. Мало того, материальное неравенство в новой системе отношений, т.е. в освобожденной от пирамиды власти форме, время от времени издревле было склонно рождать взрывы ярости и ненависти, имеющие одну цель: уничтожить общество, где такой режим длительное время процветает, оказываясь бельмом на глазу у тех, кто такого процветания достичь не может или просто не хочет.

БУРЖУАЗНОЕ РАЗВИТИЕ И ЕГО КРИТИКА

Имея в виду все вышесказанное, стоит обратить внимание на то, что параллельно с весьма серьезными трактатами, осмыслявшими реальные события современности и дававшими немало важных рекомендаций, которые способствовали расцвету буржуазного предпринимательства, появлялись в печати (благо печатное слово уже было не в диковинку) и иные сочинения. Имеются в виду такие, в которых развивались явно утопические идеи принципиально иного социополитического переустройства общества.

В «Утопии» Т. Мора рассказывалось о некоем выдуманном почтенным сановником острове, где нет частной собственности, все исправно трудятся, а распределение продуктов труда происходит по потребностям. В «Городе солнца» Т. Кампанеллы (1568–1639) всеми руководит группа ученых жрецов, нет частной собственности, трудовой день невелик, а детей воспитывает государство. Отсутствие частной собственности и призывы к равенству в утопиях особенно бросаются в глаза. И это легко понять. В эпоху, когда знатность и привилегий уходили в прошлое, а на передний план вполне очевидно выступали собственность и богатство, никак не обусловленные привычной причастностью к власти или к высшим слоям иерархически организованного общества, у многих людей не могло не возникать чувство естественного протеста. Этот протест отражал чаяния тех, кто оказался лишенным богатства и никак не был причастен к возрастающей роли частной собственности и богатых предпринимателей, воспринимаемых уже в те времена как некое новое зло, приходящее на смену привычному. Такого рода реакция тех, кто оказывался за бортом буржуазного процветания, вполне естественна. Собственно, именно на ней в новом XIX веке построил свою теорию, сыгравшую столь большую роль в истории XX века, К. Маркс.

Маркс, чья жизнь прошла в XIX веке, был, как то вполне очевидно, далеко не первым среди серьезных критиков буржуазии. Но его принято считать, особенно среди многочисленных его последователей-марксистов, основоположником *подлинно научной* и потому, как многими до сих пор принято считать, *бесспорной теории*, призванной заклеймить капитализм как зло. Более того, хорошо известно, что тот же Маркс, противопоставивший капитализму воспетую им альтернативную систему социализма, при которой зло уничтожается силой на баррикадах классового антагонизма и замещается неким благостным социализмом, открыл ящик Пандоры и выпустил в XX век все то зло, которое только можно было найти в том зловещем мифическом ящике. В этом томе еще рано всерьез говорить о том, в чем именно неправ был Маркс в его крайне злобной критике буржуазного развития и как он ошибался, когда полагал, что против капитализма рано или поздно обязательно выступит его *могильщик*, пролетариат. Ирония истории в том, что ни в одной буржуазно развитой стране пролетариат не выступил против капитализма, а все так называемые социалистические революции XX века были массовыми движениями недовольного люда, **мировой деревни**, львиную долю

которой составляли крестьяне и городские низы. Но главное даже не в этом. В конце концов теоретик *чуть ошибся*. Пусть не пролетарии, а крестьяне — разве не все равно, кто уничтожит мерзкий капитализм и построит вместо него приличное общество?

И вот здесь выходит на передний план самое главное и наиболее интересное, если так можно говорить о величайшей трагедии, стоившей жизни десяткам миллионов неповинных людей. Все дело оказалось именно в том, кто, где и когда начнет выступать против ненавистного капитализма. Все дело в том, каким станет облик победившего недозрелый капитализм столь же незрелого, но и социально более отсталого социализма, формы и суть которого сам Маркс не сумел либо не успел, быть может, и не хотел как следует описать. Оставляя за собой право вернуться к этой проблеме в свое время, важно пока заметить, что критиков буржуазного развития в истории последних веков было более чем достаточно. Но Маркса справедливо считают первым среди них. И первенство его отнюдь не в том. что он самым первым взялся за перо. Оно в том, что его перо оказалось очень острым и привлекло своей непримиримостью многих из тех, кто не желал мириться с несправедливостями слаборазвитого капитализма.

Конец данного тома будет специально посвящен теоретическому анализу революции как феномена. Там более подробно пойдет речь о том, что такое революция и стоит ли шутить с такими вещами, коль скоро они могут обходиться человечеству во многие тысячи, а то и в десятки миллионов невинных жертв. И еще. Сам Маркс, по стилю жизни вполне респектабельный буржуа или во всяком случае интеллектуал буржуазного общества, ничего дурного, тем более противозаконного за всю свою довольно долгую жизнь не сделал. Но его перо послужило первопричиной революций, обошедшихся человечеству, как упоминалось, во многие десятки миллионов жизней. Так как же следует, имея это в виду, относиться к марксизму и к критике им не слишком быстро созревающего, особенно в далеких от Западной Европы отсталых странах, капитализма? Об этом в свое время.

Восточная Европа и Россия в XVI–XVIII вв.

К Восточной Европе в этой части тома отнесены страны, расположенные к востоку от Западной, включая и те из них, что находились под властью Османской империи, а также Россию. При этом с самого начала следует заметить, что страны Восточной Европы — вне зависимости от того, были ли они поглощены Турцией, — находились в изучаемое время, как и ряд столетий до того, на значительно более низком уровне развития, чем Западная Европа в целом. Здесь сыграли свою роль многие обстоятельства, среди которых влияние полукочевых соседей в причерноморских и прикаспийских степях, а сравнительно позднее оседание кочевников на землях Болгарии либо Венгрии было лишь одним из важных факторов, не способствовавших быстрым темпам роста, но далеко не единственным.

Казалось бы, воздействие по меньшей мере на южную часть этого региона со стороны процветавшей долгие века и весьма развитой Византии могло бы сыграть позитивную роль. Однако этого, опять-таки в силу весьма серьезных причин, не произошло. Произошло нечто прямо противоположное. Византия в последние века ее существования, т.е. в то время, когда болгары и венгры, да и другие народы, особенно южные славяне, еще только осели на своих землях, начали укрепляться и развиваться, была уже слабым государством. Его мощь основательно подорвали вначале лавина мусульман, двигавшаяся с востока на запад именно через византийские земли, затем волны крестоносцев, одна из которых в XIII веке едва не положила конец существованию Восточной Римской империи. Это привело к тому, что она не могла оказать соседним с ней христианским народам серьезной поддержки извне, что — учитывая активность Османов — сыграло весьма существенную роль в процессе их развития. К сожалению, это сыграло ту же роль и в судьбах России.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот немаловажный факт, что если на западе религиозная борьба началась в XVI веке, когда именно она — Реформация — очень помогла развитию западноевропейской буржуазии, то в восточной части Европы все было не так. Там борьба началась намного раньше и в немалой степени просто истощила силы тех более отставáвших в развитии православных народов, которые приняли активное участие в противостоянии не столько исламу, сколько католицизму, а чуть позже и протестантам. Стоит заметить, что восточноевропейские страны, которые отстаивали западную версию христианства (Польша, Венгрия, Чехия, Хорватия, а также страны Прибалтики), оказались с течением времени — с точки зрения темпов и результатов экономического развития и особенно развития культуры — в гораздо более выгодном положении. Необходимо учесть и то немаловажное обстоятельство, что со временем ко всему уже сказанному добавилось еще и воздействие на некоторые наиболее отсталые страны региона со стороны принесенного турками, да и не только ими, ислама, который несли (на это необходимо обратить особое внимание) вчерашние кочевники, никак не отличавшиеся высоким уровнем развития.

Глава десятая. ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ, ПРИБАЛТИКА, ПОЛЬША

Эта группа стран Восточной Европы принципиально отлична от других тем, что она, будучи — по меньшей мере частично — периферией развитого западноевропейского мира, все же находилась под сильным его влиянием. В исторический период, о котором идет речь в данном томе, такого рода влияние, причем очень существенное, выражалось прежде всего в том, что эти страны принадлежали в основном к числу католических, чем во многом отличались от тех, которые находились под влиянием православия или оказались включены в состав Османской империи.

К числу географически расположенных в наиболее западной части Восточной Европы относятся прежде всего Чехия и Венгрия. С них целесообразно и начать. В первую очередь внимания заслуживает Чехия, о которой уже шла речь в связи с ее взаимоотношениями с австрийскими Габсбургами и ролью в отстаивании протестантизма в Центральной Европе.

ЧЕХИЯ

В начале XIV века Чехия не просто оказалась под властью Священной Римской империи. Большую роль в ее исторической судьбе сыграло то немаловажное обстоятельство, что ее столица Прага стала при императоре Карле IV столицей всей империи. Чехи справедливо гордятся этим, причем не столько потому, что император отметил Прагу своим царственным вниманием, сколько тем, что он немало сделал для процветания своей столицы, создав в ней, в частности, Карлов университет и украсив город рядом величественных строений. Рассказ о Чехии в конце Средневековья был бы немыслим также и без упоминания об Яне Гусе и знаменитых гуситских войнах в XV веке, которые в некотором смысле подготовили почву для лютеранской Реформации и тем сыграли в мировой истории немалую роль, о чем уже упоминалось.

Вторая половина XV века прошла в Чехии под знаком вызванного этими войнами оживления национального самосознания. Чешский язык стал официальным в пределах страны, недавно еще находившейся в рамках немецкой империи. На короткий срок государство обрело и политическую самостоятельность. Короля выбирали представители дворянства и бюргерства. Вначале им был избран ставленник бюргеров Й. Подебрад (1458–1471), резко настроенный против католической церкви и интриг папских иерархов. После его смерти королем стал Владислав II Ягеллон (1471–1516), который в 1490 г. стал также королем Венгрии. Владиславу наследовал король Чехии и Венгрии Людовик Ягеллон (1516–1526). Ремесло, горнорудное производство и торговля в Чехии в этот период ее истории успешно развивались, что способствовало расцвету городов. Чешский сейм регулярно собирался и принимал законодательные решения. И хотя некоторые из этих решений были направлены на ущемление прав крестьян, сельское хозяйство страны в целом находилось на подъеме, чему в немалой мере способствовало некоторое сокращение населения после войн. Спрос на рабочие руки в условиях достаточного количества земельных угодий и сфер занятий (земледелие, овцеводство, рыболовство, лесное хозяйство и т.п.) был оправдан и способствовал развитию производства.

В начале XVI века, вскоре после знаменитого выступления М. Лютера и активизации деятельности его радикальных последователей типа Т. Мюнцера, в Чехии оживились антикатолические настроения.

Страна была готова горячо откликнуться на призыв лидеров протестантизма, столь созвучного идеям гуситов. Однако заметного участия в Крестьянской войне 1525 года чехи не приняли в значительной мере вследствие сложившейся в этот момент угрозы со стороны турок. Взявшие Белград и готовившиеся к наступлению на Венгрию и Чехию войска султана Сулеймана Великолепного всерьез угрожали объединившимся под властью одного короля обеим странам. Это в немалой мере обусловило направление основных усилий чешского народа.

События сложились неблагоприятно для европейцев. Король Венгрии и Чехии Людовик в битве при Мохаче потерпел поражение и был убит, что поставило оба государства перед угрозой завоевания турками. Поэтому неудивительно, что в сложившихся таким образом обстоятельствах чешская знать проголосовала за включение страны в состав империи австрийских Габсбургов. Фердинанд Габсбург стал королем Чехии. С тех пор вплоть до 1918 года Чехия как политически самостоятельное государство исчезла с политической карты. Однако как страна — пусть часть другого государства, Австрии, — она продолжала существовать и развиваться. Правда, развитие ее отличалось некоторыми особенностями, соответствовавшими ее новому статусу, что вскоре и проявило себя.

Габсбурги, обещавшие при вступлении на чешский престол сохранять права и обычаи Чехии, не слишком стремились выполнять свои обещания. Жесткий налоговый гнет и пренебрежение национально-религиозными традициями чехов (им, в основном гуситам и протестантам, было предложено участвовать в войне с германскими протестантскими княжествами) вызвали в 1547 году восстание недовольного населения Чехии, в основном городского. Восстание было подавлено, а результатом его был дальнейший нажим Габсбургов на Чехию. Были, в частности, значительно сокращены функции органов самоуправления в городах. Высшей судебной инстанцией стало решение австрийских королевских чиновников.

Тем не менее во второй четверти XVI века Чехия оказалась важной и даже ценной частью Австрии по той простой причине, что именно на ее территории, в районе Рудных гор, были открыты богатые серебряные рудники, где стали чеканить талеры, вскоре распространившиеся по всей Европе. Правда, в связи с наступившей революцией цен, совпавшей с оскудением серебряных рудников в районе Рудных гор, эта «золотая жила» вскоре перестала приносить австрийской казне сколько-нибудь существенный доход. Впрочем,

на смену рудникам этой горы пришли серебряные копи Кутной горы, откуда серебро в большом количестве добывалось весь XVI век. К слову, эти весомые достижения в сфере добывающих промыслов и связанные с ними успехи в развитии городского строительства, ремесла и торговли способствовали тому, что при императоре Рудольфе II (1576–1612) Прага с 1583 года вновь на некоторое время стала столицей империи.

Конец XVI и начало XVII в. были для Чехии периодом успешного роста городской буржуазии, что сыграло свою роль в том, что Тридцатилетняя война началась именно с резкого недовольства протестантской Чехии политикой нового императора Фердинанда. Как упоминалось, чешский сейм избрал нового протестантского короля, Фридриха Пфальцкого, из числа близких к чехам северогерманских князей. В ответ на это Габсбурги со всей жестокостью обрушились на Чехию, что привело к разрушению ее хозяйства и к эмиграции из страны большинства протестантов, которые в основном были квалифицированными работниками и предпринимателями. Поражение Чехии в итоге первого — чешского — этапа Тридцатилетней войны, равно как и Вестфальский мир, не принесли ей столь желанного облегчения. И хотя сельское хозяйство и промышленное производство пока еще некоторое время более или менее успешно развивались, тяжелые налоги, а также эмиграция преследуемых протестантов неуклонно вели к ухудшению положения в стране. Особенно тяжелым стало положение крестьянства, которое не раз поднимало восстания против своих угнетателей. Восстания, наиболее заметные в 20-х гг. XVII века, жестоко подавлялись.

Католическая религия была объявлена не просто государственной, но и единственно имеющей право на существование. Соответственно усилилось давление на чехов со стороны церковников, что в наиболее резкой форме проявлялось в деятельности иезуитов, захвативших контроль над высшими учебными заведениями и печатными изданиями. Прославившаяся своими изданиями на чешском языке влиятельная община *чешских братьев* была вынуждена полностью прекратить свою деятельность и эмигрировать. Среди этих эмигрантов был и великий чешский педагог Ян Амос Коменский (1592–1670). Функции сейма были сильно сокращены в пользу имперского Королевского совета. На местах властвовали представители правящей династии. Даже официальным языком страны был объявлен немецкий. Многие земли недовольных всем этим представителей

чешской правящей элиты были конфискованы и переданы немецким переселенцам. Церковные и монастырские владения возвращены их прежним хозяевам, тоже, как правило, немцам. Немецкое католическое духовенство составило мощную опору Габсбургов, а его делегаты вошли в состав первой палаты нового сейма. В городах предпочтение, которое отдавалось католикам, привело к тому, что условия для успешного развития ремесленного производства для протестантов оказались практически невыносимыми, что опять-таки вело к постоянной и все возраставшей эмиграции. Место эмигрантов занимали иностранцы, прежде всего немцы, частично также и представители других национально-религиозных групп, в частности евреи. Не приходится говорить и о том, что городские свободы были ощутимо урезаны, а чиновники установили строгий контроль над деятельностью цехов. В сейме представительство городов резко уменьшилось.

Конец XVII века прошел в Чехии под знаменем религиозных и национальных движений крестьян, вызванных как всесилием католицизма, так и увеличенными поборами со стороны крупных землевладельцев, прежде всего — хотя и не только — немцев. Попытки правительства Габсбургов с помощью официальных регламентов, среди которых следует особо выделить так называемые патенты о барщине (1680, 1717, 1738 гг.), ввести нормы поборов с крестьян в приемлемое русло несколько облегчили положение земледельцев, хотя и не сразу оказались эффективным. Лишь патент 1781 года поставил окончательную точку на системе крестьянской зависимости от землевладельцев. И с этого момента экономика Чехии стала расти быстрыми темпами.

Собственно, этот рост начался несколько раньше. Уже с начала XVIII века в Чехии фиксируется некоторый подъем промышленного производства. В городах все активнее укреплялись мануфактуры, уверенно шедшие на смену отжившим свое средневековым цехам. Включение зажиточных крестьянских дворов в товарное хозяйство и увеличение числа жителей городов за счет многих разорившихся крестьян, чьи рабочие руки сразу же оказывались в распоряжении владельцев мануфактур, способствовали подъему экономики страны. Основой мануфактурного производства стала выделка различных изделий из текстиля. Но уже зарождалась и стекольно-хрустальная промышленность, впоследствии ставшая национальной гордостью чехов. Энергично развивались горнорудное производство и тесно связанная с ним металлургия. По всей стране активно работали яр-

марки. Однако все эти заметные экономические успехи сопровождались ужесточавшейся политикой австрийских Габсбургов, стремившихся уничтожить протестантскую оппозицию в стране и сделать все, что возможно, для онемечивания всех подданных многонациональной Австрии.

Так, за длительный период правления Марии Терезии (1740–1780) было много сделано для формальной ликвидации остатков самоуправления в Чехии. В этой части империи все административные органы подгонялись под общий имперский стандарт, а немецкий язык становился не только официальным, но и практически обязательным для всего чешского населения. Только самый конец XVIII века, пришедшийся на годы правления Иосифа II (1780–1790), принес чехам в этом смысле некоторое облегчение. Начиная с уже упомянутого патента 1781 года, который ликвидировал зависимость крестьян от землевладельцев, и датированного тем же годом патента о веротерпимости, позволившего возвратиться на родину многим квалифицированным работникам из числа вынужденных эмигрировать в свое время протестантов, ситуация в стране стала заметно меняться к лучшему. Чехия встретила XIX век как вполне развитая по меркам того времени промышленная страна, в которой быстрыми темпами развивалось капиталистическое хозяйство. И хотя эта страна не добилась политической самостоятельности, ее положение в рамках австрийской империи Габсбургов было достаточно терпимым и не слишком мешало постепенному развитию у чехов национального самосознания.

ВЕНГРИЯ

Венгры, осевшие в центре Европы чуть юго-восточней Чехии, вначале, с X века, довольно долго сохраняли еще традиции воинственных кочевников. В XI–XII столетиях, приняв христианство и многое заимствовав у своих соседей, прежде всего славян, они утратили воинский пыл и стали в образе жизни мало чем отличаться от иных народов Восточной Европы. В 1000 году правитель Венгрии удостоился от Римского папы титула короля, его страна была по западноевропейскому образцу разделена на территориальные округа-графства, административные главы которых, *ишпаны* (жупаны), имели также налоговые и судебные функции. Первые короли страны

щедро приглашали к себе на службу немцев, прежде всего церковников и рыцарей. Проходившие через территорию Венгрии крестоносцы в какой-то мере способствовали общению ее с миром и даже развитию ее хозяйства. Активность во внешней политике вела к расширению границ государства за счет прежде всего его славянских соседей на Балканах (в Боснии вплоть до Адриатического побережья) и в Закарпатье.

Золотая булла 1222 года зафиксировала уступки короля и высшей знати рыцарству, представители которого получали право принимать участие в заседаниях сейма и обретали немалые права в местном самоуправлении. Усиление роли рыцарства, однако, не способствовало укреплению венгерской армии, которая в 1240 году легко была смята вторжением в Венгрию татарского хана Батыя, вихрем прошедшего по стране и за короткий срок буквально опустошившего ее. Правда, татарского ига Венгрии это вторжение не принесло, ибо Батый с войском вскоре возвратился восвояси, разумно решив не распылять свои силы и ограничиться властью над Русью. Опустошенные венгерские земли были частично заселены немецкими колонистами, что заметно усилило степень германского влияния в стране. Особенно много немцев осело в венгерской Трансильвании, где они активно занялись разработкой серебряных руд, да и во всех городах страны, которые на первых порах развивались преимущественно как центры немецкоязычной экономики и культуры.

В XIV–XV веках королями Венгрии были представители Анжуйской династии, которые энергично способствовали развитию важнейших городов, Буды и Пешта, горной промышленности и добыче серебра. С 1351 года Людовик (Лайош) Анжуйский (1339–1382), с 1370 года бывший также и польским королем, ввел практику регулярных созывов сейма. При нем к унии с Польшей добавилась зависимость от венгров Сербии, Валахии и Молдавии. Однако после смерти воинственного Людовика, мечтавшего завоевать еще и некоторые итальянские земли, откуда он был родом, его держава стала слабеть. Это было вызвано прежде всего активностью турок.

В 1411 году опасность со стороны Османской Турции привела к тому, что избранный императором венгерский король Жигмунт (Сигизмунд) Люксембург стал одновременно и королем Чехии. А в конце XV и начале XVI в. оба государства вновь были объединены под властью общих королей, последний из которых пал в 1526 году в битве при Мохаче. С этого момента Венгрия как самостоятельное

государство на довольно длительный срок — около полутора веков — перестала существовать. Северо-западная ее часть стала королевством в рамках империи Габсбургов, южная попала под власть империи Османов, а третья, восточная, Трансильванское княжество, оказалась в вассальной зависимости от турок. Что касается турецкой части страны со столицей в Буде (ныне часть Будапешта), то о ней не приходится много говорить. Как и другие завоеванные турками восточноевропейские территории, она подвергалась довольно значительному налоговому гнету, а ее города заметно утрачивали свое привычное состояние торгово-ремесленных центров, превращаясь в столь привычные для Востока центры военно-административного характера с немалым турецким населением.

Трансильванское княжество, населенное не только венграми, но и словаками, вело довольно активную борьбу прежде всего с австрийскими Габсбургами, ибо основная часть населения его принадлежала к числу протестантов. Вассальная зависимость от Османов не слишком тяготила правящих страной князей, тогда как притязания католических Габсбургов (с их иезуитами), которые постоянно ощущались со стороны Австрии, не сулили им ничего хорошего. Если же принять во внимание, что именно трансильванские князья считали себя законными претендентами на венгерскую корону, а также учесть, что Османам до этого не было никакого дела, то неудивительно, что основное напряжение шло в княжестве по линии антигабсбургской борьбы. В годы Тридцатилетней войны это сказалось с наибольшей силой. Стоит добавить к сказанному, что при князьях существовало и активно функционировало Государственное собрание, в котором принимали участие представители различных слоев населения, включая венгерское дворянство и населенные в основном немцами — саксами, как их именовали, — города. Впрочем, в том, что касается городов, произошли немалые перемены. Беженцы из захваченных турками венгерских земель в немалом количестве оседали именно в городских центрах (своей земли у них не было), а это вело к постепенному росту числа в них венгров.

Основная и территориально весьма значительная часть страны, оказавшаяся под властью Австрии, продолжала считаться венгерским королевством. Королем здесь был император, при нем существовало Государственное собрание с весьма ограниченными функциями. Наиболее заметным процессом, протекавшим в Венгрии в XVI веке, был, как и в соседней Чехии, реванш католицизма, проте-

кавший в рамках энергичной Контрреформации. Значительная часть конфискованных в свое время церковных владений была отобрана у их новых хозяев и возвращена католическим иерархам и монастырям. Немалая часть представителей правящей элиты была вынуждена снова стать католиками. Движение за реставрацию католицизма понемногу распространялось и на крестьянство.

Воодушевленные успехами в деле борьбы за восстановление status quo, австрийские войска начали усиливать свое присутствие на южных границах королевства. Ослабевшая к этому времени империя Османов, как показали события 80-х гг. XVII века, не была в состоянии успешно сопротивляться. Впрочем, военные действия начались со стороны турок, которые в момент очередного антигабсбургского движения в Венгрии попытались было пойти в наступление и в 1683 году в последний раз подошли к Вене. Однако осада Вены привела к позорному поражению османского войска, а энергичное контрнаступление австрийцев привело к тому, что в 1686 году ими была занята крепость Буда, после чего турки были вытеснены из Трансильванского княжества. В 1699 году основная часть Венгрии оказалась под властью австрийских Габсбургов, причем на вновь захваченных венгерских землях жестко проводилась все та же политика насильственного онемечивания и насаждения католицизма.

Начало XVIII века прошло в Венгрии под знаком размаха народных выступлений против немецкой Австрии. Это движение переросло рамки обычных крестьянских мятежей. Возглавивший его Ференц Ракоци II был представителем высших слоев венгерского общества и ставил перед собой серьезные цели. Под лозунгом «За родину, за свободу!» он сумел сплотить и боровшихся против зависимости от землевладельцев крестьян, и немалое число горожан и дворян. Движение, совпавшее по времени с войной за испанское наследство и потому привлекшее к себе внимание ряда крупных европейских держав, имело некоторые шансы на успех. Одно время был даже поставлен вопрос о вмешательстве Франции и России в пользу восставших венгров. Однако политические неурядицы не позволили этого, и восстание было в 1711 году подавлено. Многие земли венгерских землевладельцев перешли в руки немецких переселенцев, включая частных предпринимателей и католическую церковь.

Длительное и сопровождавшееся серьезными битвами движение *куруцев* (как его стали именовать в Венгрии) заметно подорвало народное хозяйство страны. Венгрия была превращена в поставщика

сельскохозяйственного сырья для нужд австрийской промышленности. Высокие налоги и таможенные поборы мешали развитию венгерского промышленного производства. Соответствующей была и административная политика Габсбургов. Венгерское дворянство постепенно теряло свои привычные права на участие в местном самоуправлении. Управление на местах стало функцией назначавшихся из Вены чиновников, в основном немцев. Не имел практически никакого значения и традиционный венгерский сейм. И хотя реформы Иосифа II, связанные с ликвидацией крестьянской зависимости от землевладельцев, коснулись и Венгрии, те же реформы немало сделали для онемечивания венгров. Так, с 1784 года преподавание в школах стало вестись на немецком языке. Правда, онемечивание венгров вызвало не просто протесты, но и резкое ответное патриотическое движение в стране. Создавались различные патриотические общества, библиотеки, издавались журналы на родном языке. И следует заметить, что это сыграло свою роль, особенно после того, когда очередная угроза со стороны турок заставила того же Иосифа II пойти на уступки и признать национальную государственность Венгрии. Отвезенная было в Вену корона святого Стефана — символ независимости страны — была возвращена и очередной представитель династии Габсбургов Леопольд II (1790–1792) вынужден был короноваться ею в Венгрии, принеся одновременно присягу верности венгерской конституции.

ПРИБАЛТИКА

Юго-восточное побережье Балтийского моря со времен воинственных викингов отличалось политической нестабильностью. Местное население, в основном финно-угорского происхождения, состоявшее из представителей этнически близких друг к другу племенных групп, весьма существенно отставало в своем развитии от его западных и северных соседей. Это немаловажное обстоятельство способствовало тому, что с XIII века здесь едва ли не наибольшую активность проявляла Дания, в то время наиболее сильное из скандинавских государств. Велась активная торговля, в том числе транзитная. Затем стали проявлять активность религиозные ордена, возникшие в эпоху крестовых походов (Орден меченосцев, Ливонский, Тевтонский). Усилиями в основном германских рыцарей из этих орденов весь регион, включая и южную его периферию, в том числе

литовские и польские земли, подвергся сильному влиянию католической церкви и немецкой культуры.

Эстония. Территория будущей Эстонии (название ее временами менялось) делилась на владения датчан, епископств и орденов. Войны с Новгородом и Псковом в XIII веке приостановили агрессивные устремления немецких рыцарей в сторону русских земель. В XIV столетии датчане продали часть своих владений Тевтонскому ордену, который сразу же перепродал их Ливонскому. Войны этого ордена с епископствами заметно усилили его позиции и расширили сферу его влияния как в эстонских землях, так и в соседних с ними латвийских. Обе страны в XIII–XVI веках именовались сводным термином Ливония.

Идеи Реформации, проникшие в Ливонию с запада в первой трети XVI столетия, оказали определенное влияние на местное население, но не стали господствующими, как, впрочем, еще не слишком сильными были здесь и позиции католичества, усиленно насаждавшегося на протяжении ряда веков в то время. В середине XVI столетия Эстония оказалась главным театром военных действий в ходе так называемой Ливонской войны, когда Россия стремилась добиться выхода к морю. Успехи русского оружия вызвали вмешательство в конфликт Польши, Дании и Швеции. Итог войны свелся к тому, что эстонские земли были переделены: северная часть Ливонии (Эстляндия) досталась шведам, южная — Польше, а за датчанами остался большой остров Сааремаа. Война положила конец существованию Ливонского ордена. Однако этот орден за несколько веков своей активной деятельности сумел добиться немалого. Его усилиями Эстония — как и Латвия — была заселена большим количеством немецких переселенцев, а крупнейшие города Ливонии (Рига, Таллин, Тарту) превратились в важные торгово-ремесленные центры, став членами Ганзы и обретя немалую долю самоуправления. Итоги Ливонской войны привели к тому, что лютеранство в доставшейся шведам Эстонии (с 1625 года вся страна оказалась под властью Швеции) начало преобладать.

Основная часть земельных угодий Эстонии стала принадлежать немецкому (35%) и шведскому (58%) дворянству, в зависимость от которого попала основная масса земледельцев. Даже многие мелкие города не избежали такого рода зависимости. Правда, осуществленная в 1580 году шведским королем Карлом XI редукция привела к существенному, в два-три раза, сокращению дворянских владений и

к превращению основной части земли в собственность короны с соответствующим щадящим налогообложением крестьян и усилением роли централизованной администрации.

После Северной войны 1700–1721 года, когда Петр I сумел одолеть Швецию, Эстония стала частью Российской империи. И хотя многое из местных норм жизни было сохранено, принадлежность к России не могла не сказаться на том, что основные принципы созданной в России системы управления и сложившихся взаимоотношений между сословиями начали играть свою важную роль.

Латвия. С XII–XIII вв. латвийские земли стали объектом агрессивных устремлений со стороны все тех же орденов, что действовали в то время и в Эстонии. В возникшей в результате этого Ливонии шел уже упомянутый процесс притока немецких переселенцев. Торговые связи стимулировались принадлежностью крупных городов, прежде всего Риги, к Ганзе. В 1419 году по немецкому стандарту был создан ландтаг, а чуть более столетия спустя началось распространение лютеранства. Непрочность Ливонии как сколько-нибудь крепкого государственного образования проявилась в Ливонской войне, в результате которой Латвия оказалась в числе владений Польши, т.е. Речи Посполитой. Это сыграло свою роль в восстановлении в Латвии влияния католиков. В результате польско-шведской войны 1600–1629 гг. часть Латвии, ее западные территории, оказалась под властью Швеции, а во владении Польши остались восточные земли (Латгалия).

Редукция, которую осуществлял в своих владениях Карл XI, привела к усилению централизованной администрации и упорядочению налоговой системы. Расцвело земледелие. Латвийские земли Швеции поставляли зерно для содержания армии, участвовавшей в XVII–XVIII вв. во многих войнах, начиная с Тридцатилетней и кончая Северной. В результате Северной войны шведская часть Латвии оказалась, как и Эстляндия, под властью Российской империи. После первого раздела Польши в 1772 году Латгалия, а в 1795 году также Курляндия и крайние западные территории (район Пилтене) тоже стали ее частью. С присоединением к России начался новый период в истории Латвии, как то произошло столетием раньше с Эстонией. Нечто подобное имело место и в случае с Литвой, хотя Литва, ныне рассматриваемая в качестве неотъемлемой части Прибалтики, имела более сложную историю, касавшуюся далеко не только прибалтийских территорий.

ЛИТВА. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Об истории Литвы следует сказать особо. В отличие от Эстонии и Латвии она была много более насыщенной и временами приводила к тому, что литовское государство оказывалось одним из крупнейших в Восточной Европе. Хроники достаточно часто упоминают о литовцах уже в XI–XII веках, а в начале XIII столетия возник союз нескольких княжеств, явившийся основой Великого княжества, которое было создано в середине этого столетия первым великим князем Миндовгом, который вел осторожную политику в отношениях с Ливонским орденом, согласившись в 1251 году принять католичество. Начиная с периода его правления территория Литвы распространялась на восток, в районы, прежде принадлежавшие Киевской Руси, чему не очень препятствовали владимиро-суздальские великие князья, начиная с Александра Невского, с которым Миндовг имел дружеские связи.

Причины, которые обусловили подобного рода политику великих князей Руси, легко понять. Раздробленная на части страна, оказавшаяся под властью ханов Золотой Орды, на долгие два-три века была лишена политической самостоятельности. А что касается южных русских княжеств, начиная с Киева, бывшего некогда центром Киевской Руси, то они, как то кажется вполне логичным, не слишком сопротивлялись тому, чтобы оказаться во власти Литвы, ибо ее власть была намного предпочтительней татарского ига. И правители усиливавшейся Литвы, с завидной легкостью расширявшей свою территорию за счет русских княжеств, не могли не учитывать этого столь выгодного для них обстоятельства. Более того, ситуация подобного рода способствовала их усилению. Тот же Миндовг, первый великий князь Литвы, в 1260 году сумел разбить объединенное войско Ливонского и Тевтонского орденов, после чего отрекся от навязанного ему католичества.

В XIV–XV веках великие князья Гедимин (1316–1341), Ольгерд (1345–1377) и их преемники сумели очень заметно расширить владения Великого княжества, включив в его состав почти все русские княжества, которые были расположены в бассейне Днепра. Киев, Брянск, Чернигов, Путивль, Новгород-Северский, Переяслав и ряд других оказались частью Великого княжества Литовского, что превратило это княжество по сути во вторую — наряду с Владимирско-Суздальской или Ордынской — Литовскую Русь. Со времен Гедимина великие князья Литвы привычно и не без оснований именовали

себя правителями *литовцев и русских*. Важно принять во внимание, что расширение территории Литвы за счет древних княжеств Киевской Руси не привело к превращению русского населения в литовцев. Напротив, сохранявшие язычество сравнительно немногочисленные в то время литовцы многое восприняли из более развитой православной греческо-русской культуры. Этнические и православные религиозные корни всегда давали о себе знать. Более того, они выгодно оттеняли остававшиеся русскими территории от собственно литовских. Ситуация несколько изменилась, однако, после знаменитой Кревской унии 1385 года, когда великий князь Ягайло, женившись на польской королеве Ядвиге и перейдя в католичество, что было одним из условий брака, стал королем нового единого государства, Речи Посполитой (формально — республики).

Династийные браки такого рода были нередки в Европе, где они порой существенно сказывались на перемене геополитической карты. В данном случае соединение двух крупных политических образований в единое государство привело к тому, что не только в Литве, но и в части бывших русских земель власти и особенно представители церковной иерархии начали интенсивно насаждать католичество. Правда, добиться этого им было нелегко. Восточная, т.е. литовская (а точнее — русская), часть нового государства сохраняла автономию, хотя не имела собственной эффективной администрации. Прежние князья оставались правителями своих владений и сохраняли определенные иммунитетные права. Польские короли, преемники Ягайло и Ядвиги, стремились к укреплению своей власти в восточных землях Речи Посполитой. Однако литовские (и оказавшиеся в составе Литвы русские) князья препятствовали этому. В междоусобной борьбе как раз и возвысился князь Витовт, который, получив от Ягайло право управлять Литвой в качестве наместника, вскоре стал очередным великим князем Литовским (1392–1430).

Он вел агрессивную политику против Московской Руси. В союзе с ее соперниками тверским и рязанским князьями трижды начинал войну с Москвой, а также пытался вмешиваться в дела Новгорода и Пскова. Литовские владения при нем достигли верховьев Оки, под его властью оказались Смоленск и Вязьма. В годы его правления он воевал и с татарами. И хотя в войне с татарскими правителями Крыма терпел поражения, это не помешало ему и здесь продвинуть свои владения на юг, захватив южную Подолию и устье Днепра вплоть до побережья Черного моря. После этих весьма значительных успехов

Витовт предпринял ряд мер по укреплению централизованной администрации. В частности, были упразднены древние русские княжения в Киеве, Витебске и некоторых других городах.

Вообще период правления Витовта был, пожалуй, временем наивысшего взлета могущества Великого княжества Литовского — даже имея в виду, что это княжество в его время было уже не полностью самостоятельным, ибо формально было связанным унией с Польшей в рамках Речи Посполитой. Впрочем, связь эта была еще очень призрачной и не слишком тяготила Литву и Витовта. В Грюнвальдской битве 1410 года он вместе с Ягайло сыграл немалую роль в разгроме Тевтонского ордена. Это еще более способствовало ослаблению степени политической зависимости ее от Польши. Литва постоянно претендовала на политическое равенство с Польшей в рамках унии. Витовт в 1413 году добился предоставления литовским дворянам, в том числе и из числа заслуженных воинов, прав польской *шляхты*. Постепенно в Литве, которая при его преемниках продолжала успешно отстаивать свою фактическую самостоятельность (неустойчивость унии в 1434–1444 гг. была подтверждена временным ее разрывом), начали создаваться, как то было и в Польше, собственные представительные советы знати и шляхты. В конце XV века возникли *Рада панов* и общешляхетский сейм.

Укрепление Московской Руси привело в результате ряда войн начала XVI столетия к потере Великим княжеством Литовским Смоленска, Чернигова, Брянска и некоторых других городов с прилегавшей к ним территорией. Это, равно как и успехи России в Ливонской войне, привело Литву к Люблинской унии 1569 года, по условиям которой Литва и Польша укрепили свой союз в рамках Речи Посполитой. Уния на сей раз была законодательно утверждена и принята польским и литовским сеймами. Был учрежден общий (*вальный*) сейм, принято важное решение о выборе короля (это была специфика полуреспубликанского статуса Речи Посполитой), который теперь считался и великим князем Литовским. Кроме того, часть территории Великого княжества Литовского — в основном южная часть, с украинским населением, — была при этом отторгнута Польшей от Литвы, во владениях которой остались лишь литовские и белорусские земли. По существу это означало закат самостоятельного именно **Великого** княжества Литовского.

Литва оставалась автономной территорией Речи Посполитой. Она имела свою администрацию, состоявшую из гражданских чиновни-

ков, бюджет, даже таможню (до 1766 года), а также войско со своими военачальниками и суд, делилась на воеводства и *поветы*, причем на местах, как и в Польше, существовали шляхетские *сеймики*, заправлявшие делами. Литва имела свой сейм, просуществовавший до второй половины XVII века. Города, как и во всей Европе, имели органы самоуправления. Однако при всем том степень автономии была уже несравнима с той, которая существовала при Витовте. Разве что в сфере религии все еще весьма крепко держала свои позиции православная церковь, тогда как влияние католицизма было достаточно ограниченным. Но после Брестской унии, принятой на церковном соборе в 1596 году, православные и католические иерархи нашли общий язык, признав высшим своим главой Римского папу. Эта уния, однако, вызвала многочисленные протесты. В конечном счете принятие ее привело к тому, что значительная часть православных стала прихожанами униатских церквей, тогда как остальные сохранили верность православию. Это последнее обстоятельство вынудило Речь Посполитую в 1633 году признать право православной церкви на легальное существование.

Стоит заметить, что признание православия и существование большого количества русских в Великом княжестве Литовском сыграли определенную роль в том, что Литва в те времена рассматривалась, о чем не стоит забывать, как своего рода вторая и достаточно большая Русь. Там жили по преимуществу те же русские, причем практически ничто не мешало переходу одних людей, включая и представителей знати, в Литву, а других в Москву. Ближайшая родня Ивана Грозного по материнской линии, Глинские, была связана с Литвой. Да и после уничтожения тем же Грозным большинства русских боярских родов едва ли не наиболее знатными и влиятельными при его преемниках, Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове, были князья Шуйские и Мстиславские (первые вели свое происхождение от Рюрика, вторые — от литовского великого князя Гедимина). В годы жестокого террора, развязанного в Московской Руси Грозным, в числе бояр, которые предпочли смерти добровольное изгнание, оказался подавшийся в Литву князь Андрей Курбский, один из наиболее видных политических деятелей раннего периода правления этого царя.

Литва продолжала существовать в составе Речи Посполитой до 1795 года. Естественно, что внешняя политика после Люблинской унии была делом центрального правительства Польши. В 1654 году война с Россией, ведшаяся в основном за Украину, сравнительно мало

коснулась Литвы. Но в ходе Северной войны 1700–1721 годов собственно Литва была захвачена шведами. Победа русского оружия под Полтавой привела к новому изменению ее статуса. Впрочем, закат автономного существования Литвы был очевиден и до этого. Таможни и собственного сейма уже не было. В составе вального сейма Речи Посполитой представители Литвы составляли менее трети депутатов. А в конце этого века были ликвидированы ее особый бюджет, собственное войско и исполнительные органы власти. Литва утратила практически все признаки автономии. После очередного раздела Польши в 1795 г. она стала Литовской губернией Российской империи (с 1843 г. была разделена на две губернии, Виленскую и Ковенскую).

ПОЛЬША (РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ)

Польша как государство стала успешно консолидироваться после принятия поляками в 966 году, в годы правления князя Мешко I, христианства, которое пришло из Чехии, бывшей соседом и союзником поляков. В годы правления Болеслава I Храброго (992–1025) многие земли, населенные поляками, были объединены, а столицей государства на долгие века, с XI по XVI, стал город Краков. Болеслав в конце жизни принял титул короля. Впрочем, это не укрепило положение молодого польского государства, которое после Болеслава I в результате ряда неудачных войн с соседями оказалось в зависимости от Чехии и некоторых немецких князей. Затем на ее северных рубежах стал проявлять агрессивную активность стремившийся захватить Прибалтику Тевтонский орден. Страну сотрясали мятежи знати и крестьянские восстания. В 1138 году единое польское королевство на некоторое время перестало существовать, будучи поделенным на уделы между сыновьями Болеслава III Кривоустого. Впрочем, это длилось недолго. В XIII веке Польша страдала и от набегов татаро-монгольских ханов.

На протяжении XIII–XV вв. в упорной борьбе с соседями и преодолевая сепаратизм так называемых *можновладцев*, т.е. вельможной знати, всесильных польских магнатов, владевших огромными территориями, а также противостоя агрессивной политике ордена и татарских ханов, князья Пшемыслав II, Казимир III и ряд других вновь повели политику объединения польских земель. Успеху этой политики способствовало развитие польских городов, ремесла и

торговли, включая транзитную, связанную с торговой активностью Ганзы. Вновь появившиеся, начиная с Владислава Локетека (1306–1333), короли Польши прилагали немало усилий для укрепления своей власти и расширения территории страны. Сын Владислава Казимир III (1333–1370) присоединил к Польше Галицию и часть Волыни, упорядочил судопроизводство, издал свод судебных норм, покровительствовал торговле и даже учредил в Кракове университет. Он приложил немало усилий для укрепления централизованной власти, вел борьбу с мятежными панами и покровительствовал земледельцам и зарождавшемуся в Польше в это время слою мелкопоместного дворянства, будущей шляхте.

После смерти бездетного Казимира королевский престол занимали избиравшиеся знатью представители правящих королевских домов разных стран. Это подчас приводило к унии с соседними государствами, что по идее должно было усиливать и объединившиеся государства, и их правителей. При племяннике Казимира короле Людовике Анжуйском (1370–1382) это была уния с Венгрией, чуть позже, в 1385 году, в годы правления дочери Людовика королевы Ядвиги, — с Литвой (как упоминалось, суть Кревской унии свелась к браку королевы Ядвиги с литовским великим князем Ягайло, который, став королем Польши, принял католичество). Ягайло под именем Владислава II правил с 1386 по 1434 год и за эти полвека смог добиться немалого. Объединенными усилиями Польша и Литва сумели успешно противостоять могущественному Тевтонскому ордену, захватившему почти всю Прибалтику.

В знаменитой Грюнвальдской битве 1410 года польско-литовское войско вместе с многочисленными союзниками, от русских до венгров и татар, под командованием Ягайло одержали решающую победу над рыцарями и наемниками (в основном швейцарцами) Тевтонского ордена. Эта битва подорвала влияние ордена в Восточной Европе и заметно укрепила позиции Польши, позволив ей присоединить некоторые территории. В 1466 году по условиям Торуньского мира орден признал себя вассалом Польши. С середины XV века в Польше сложился влиятельный слой шляхты, т.е. мелкопоместного дворянства, выход которого на авансцену политической жизни страны очень серьезно изменил структуру государства и общества. Статусами 1454 года, которые были подписаны сыном Ягайло королем Казимиром IV (1447–1492) в трудный момент еще не окончательно завершившегося конфликта с орденом, шляхта, представители кото-

рой составляли едва ли не основную боевую силу страны, добилась решающих позиций в политической жизни. Сословие шляхтичей получило право участия в работе сейма, право законодательной инициативы. Оно освобождалось от суда королевских чиновников (за исключением преступлений особой важности) и получило, наряду с магнатами, возможность занимать высшие должности в системе администрации.

Многочисленность шляхты (до 8% населения страны) создала новую и очень непростую ситуацию в усилившейся было за счет побед над орденом Речи Посполитой. Конфликты между владетельной знатью, т.е. польскими магнатами и литовскими боярами, частично выходцами из русских княжеских семей тех княжеств, которые оказались в составе Литвы, с одной стороны и шляхтой с другой сильно ослабляли центральную власть. На заседаниях польского вального сейма шла непрерывная борьба, которая с XVI столетия имела явную тенденцию к усилению. В 1505 году вновь принятая Радомская конституция зафиксировала существование двух палат сейма. Верхняя, сенат, комплектовалась из представителей знатных родов, а нижняя, шляхетская, из депутатов, выдвигавшихся на местных сеймиках. В этом своем виде вальный сейм стал местом острой политической борьбы. С особой силой она проявилась в 1538 году, когда король Сигизмунд I провел редукцию землевладения, отняв у магнатов при поддержке шляхты часть земли, возвращенной в собственность короны. Этот важный политический и экономический акт ослабил знать и значимость верхней палаты сейма и привел к укреплению позиций шляхты и нижней палаты.

Идеи Реформации затронули Польшу не слишком сильно (в основном они свелись к деятельности так называемых *польских братьев*) и довольно быстро ушли в прошлое. Зато вызванное ими очередное ослабление государственной структуры привело к очередному выдвижению на передний план все той же шляхты. Вызванные объединением Польши и Литвы согласно Люблинской унии 1569 года конституционные акты 1569–1573 гг. вновь утвердили принцип выборности короля с участием шляхты и усилили роль сейма, с решениями которого король обязан был считаться и в котором главную роль играла опять-таки шляхта. Принцип liberum veto, т.е. право любого шляхтича, депутата сейма, блокировать какое-либо решение, не мог способствовать укреплению административной системы. Он по существу превратился в наглядное свидетельство сла-

бости королевской власти и всей администрации Речи Посполитой. В какой-то мере именно этот принцип привел в конечном счете к гибели независимой Польши в результате ее раздела между более крупными соседними державами. Впрочем, этому содействовали и некоторые другие факторы.

XV–XVI вв. в городской предбуржуазной промышленности Польши были временем заметных успехов. Связанный с этим переход в сельском хозяйстве к системе барских имений-*фольварков* с производством товарной продукции имел своим следствием опять-таки усиление роли все той же мелкопоместной шляхты. Но к расцвету буржуазного хозяйства это не привело. В стране была нарушена устоявшаяся система рыночных связей. Докатившаяся до Польши революция цен способствовала вывозу сельскохозяйственного продукта и препятствовала развитию городов, что не могло не вести к ослаблению страны. В результате процесс укрепления централизованной администрации, столь характерный в то время для ряда государств Западной Европы, в Польше был заторможен, уступив место нарастанию элементов анархии, тесно связанных с поведением шляхты и принципом liberum veto.

Разумеется, это не означает, что Польша сразу же ослабла. Напротив, еще в XVI веке она вела серьезные войны и, в частности, при короле Стефане Батории (1576–1586) принимала активное участие в Ливонской войне. В 1581–1582 гг. Баторий осаждал Псков, правда безуспешно. В начале XVII века эта страна еще была достаточно сильной для того, чтобы суметь воспользоваться Смутой в России. Хорошо известны все те события, которые были связаны с политикой польского короля Сигизмунда III (1587–1632), в годы правления которого поляки активно поддержали Лжедмитрия I, а затем и Лжедмитрия II. Они пытались, воспользовавшись ситуацией безвременья, захватить Москву. Эта явная авантюра, о которой подробнее будет идти речь чуть далее, в главе о событиях в России, в конечном счете потерпела поражение. Неудачно складывались и взаимоотношения Польши с Швецией и с Турцией. Польше по Карловицкому миру 1699 года с трудом удалось сохранить за собой Правобережную Украину, отдав Молдавию туркам. Все это сыграло свою роль в начавшемся упадке Речи Посполитой.

Упадку способствовал и фактический раскол страны. Дело в том, что господство панов над крестьянами вызывало со стороны земледельцев резкие протесты, усугублявшиеся национальными и конфес-

сиональными проблемами. Православные крестьяне и католические паны очень часто не находили общего языка, причем отнюдь не только из-за экономического гнета или социального неравенства, включавшего подчас и крепостную зависимость. Вся сложная сумма различного рода противоречий приводила к бегству крестьян на юг и юго-восток, в район днепровских порогов. Именно здесь, в Запорожской Сечи, возникла немалая общность украинского казачества, которая составила основу украинцев как этноса. Православные казаки тянулись к России, видя именно в ней своего защитника от польских панов с их католической церковью. На знаменитой Переяславской раде 1654 года гетман Б. Хмельницкий, не видя приемлемой альтернативы, настоял на принятии решения о присоединении казачьей Украины к России.

В годы правления шведского ставленника Станислава Лещинского (1704–1711 и 1733–1734), соперничавшего в борьбе за корону с саксонским герцогом Фридрихом Августом, Августом II (1697–1733), страна оказалась полем военных действий Швеции, что завершилось поражением шведов под Полтавой. Вторичное возвращение Лещинского на польский престол привело к быстрому отказу его от короны. Лишь при Августе III, сыне Августа II, который занимал польский престол довольно долго (1734–1763), в Польше наступил мир, что не мешало в годы Семилетней войны воюющим сторонам бесцеремонно нарушать ее границы. Некоторые успехи промышленности и выход на передний план буржуазии, немалая часть которой была связана со шляхтой, способствовали экономическому подъему в последние годы существования Речи Посполитой. Однако политически страна продолжала оставаться слабой и потому легко уязвимой. В 1764 году императрица Екатерина II настояла на избрании королем Польши своего фаворита Августа Понятовского. Это вызвало резкие протесты со стороны значительной части шляхты. Недовольство в Польше и нажим со стороны Австрии и Пруссии побудили Екатерину согласиться на раздел Польши.

Раздел 1772 года, который польский сейм в 1773 году был вынужден утвердить, привел к потере Польшей значительной части ее территории. Пруссия получила прибалтийскую часть севера страны с Гданьском, переименованным впоследствии в Данциг. Австрия овладела юго-западной частью со Львовом, а России досталась немалая часть белорусских территорий с Витебском, Гомелем, Могилевом и рядом других городов. Раздел 1772 года был началом конца Речи Посполитой. Он предопределил ее конец в 1793–1795 гг. В результа-

те последующих разделов западные районы Польши и частично Литвы с Варшавой оказались под властью Пруссии, юго-западные районы с польско-украинским населением стали австрийскими, а Литва и вся западная часть Белоруссии оказались территорией Российской империи.

Глава одиннадцатая. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ БАЛКАН: СЛАВЯНЕ; ГРЕЦИЯ, АЛБАНИЯ, РУМЫНИЯ

Группа стран, в которых преобладали южные славяне и территориально близкие к ним потомки древних иллирийцев (албанцы), даков и фракийцев (румыны), весьма пестра как с точки зрения этнического происхождения, уровня развития и географического расположения, так и в связи с тем, какое из религиозных направлений в каждой из них возобладало. Но начать следует с того, что все эти этнические общности сравнительно долгое время жили к востоку и юго-востоку от более развитых стран Европы и представляли по отношению к ним далекую первобытную периферию, войны с которой приносили западноевропейским соседям пленников-рабов. Связь между этническим происхождением некоторых из них и практикой порабощения нашла свое отражение примерно с VI века в терминах Sclavos, Sclaveni, что позже, видимо, оказало определенное влияние на формирование самоназвания некоторых славянских общностей.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Славянские этнические общности, находясь по большей части еще на начальной стадии процесса трибализации и не имея сложившейся политической структуры во главе с племенными вождями, тем более князьями, в первые века нашей эры быстро увеличивались в числе и потому энергично мигрировали. Многие из них оседали на территории к северу от Византии, оказавшись, как болгары, в сфере влияния этого государства. Другие проникали на земли Малой Азии, некогда заселенные античными греками, а то и на территорию самой Греции. Здесь, достигнув западной части Византии и, более того, углубившись в эти земли, включая и Грецию, они оседали и достаточно легко и быстро ассимилировались византийцами. Однако

немалое количество их мигрировало в юго-западном направлении и оказалось на территории будущей Сербии. У всех них, а это были южные славяне, судьба складывалась по-разному. Большинство, сербы, сохранило православие, некоторые — в основном жители Боснии и Герцеговины — вынуждены были стать мусульманами. Немногие, как хорваты, оказались под воздействием католической церкви. Последующая политическая история южных славян оказалась различной. Сначала несколько слов о православных.

Болгария. Болгары, бывшие в I тыс. н.э. в зависимости от Византии, в XIII–XIV вв. временами оказывались в зависимости от татар и платили дань то Батыю, то Ногаю. Окрепшая после раскола на части в XIII веке Византия сумела в 1261 году вернуть себе Фракию и Македонию, которые в годы ее расчленения были присоединены правителем Второго Болгарского царства Асеней II (1218–1241). Болгария в это время развивалась, в ней появлялись новые города, расширялись торговые связи. XIV век привел к ослаблению и развалу Второго царства, вместо которого появилось несколько небольших государственных образований, причем именно это обстоятельство было использовано турками. Завоевание Болгарии Османами оказалось более ощутимым для славянского населения этой страны, нежели то было, скажем, в Сербии. Турецкие гарнизоны размещались по всей стране. И хотя здесь не возникли полностью исламизованные государства типа Боснии и Герцеговины, власть турок была тем не менее очень прочной. Многие болгары были вынуждены принять ислам, а турецкие воины здесь в обилии получали свои земельно-налоговые *тимары, зеаметы* и *хассы*. Только заметный упадок Османской империи в XVI–XVII вв. способствовал началу интенсивной борьбы болгар за освобождение. Вначале они, в том числе наиболее активная их часть, т.е. уходившие в горы партизаны-*гайдуки*, рассчитывали на помощь Австрии. Затем они стали больше надеяться на Россию. Однако быстрой поддержки со стороны обеих держав ожидать не приходилось. Объективная обстановка для этого еще не созрела. Лишь в самом конце XVIII столетия, после очередной русско-турецкой войны и мира в Яссах, наметился некоторый сдвиг. Многие болгары стали переселяться в Россию и активно готовиться к борьбе за освобождение.

История Болгарии в те века, когда эта страна и ее народ находились под властью Турции, достаточно богата и интересна сама по себе. Она насыщена событиями. Но с точки зрения политических событий о самой Болгарии мало что можно сказать, ибо ее как само-

стоятельного государства на карте Европы не было. Она была частью чужой империи и вынуждена была подчиняться порядкам, принятым в этой империи. Заслугой болгар следует считать то, что они сумели сохранить свою веру, причем именно это способствовало тому, что болгарский этнос не растворился в турецком.

Сербия. Древние сербы, осевшие на Балканах в районе Дуная и его притоков, существовали длительное время в виде больших патриархальных семейных коллективов, задруг, возглавлявшихся старейшинами-жупанами. Этим же термином со временем и по мере структурирования этнических общностей в племена начали именовать вождей племен, а затем и князей. Одним из наиболее ранних протогосударств считается Рашка, расположенное в районе современного города Нови-Пазар на юго-западе Сербии, близ Черногории и Косово. Во главе его стояли великие жупаны, один из которых, Часлав, в середине X века сумел за счет присоединения соседних земель создать Сербское княжество, вскоре оказавшееся в зависимости от Византии. В 80-х гг. XII века великий жупан Стефан Неманя (1165–1195) сумел добиться независимости от Византии, что император этого государства вынужден был признать в 1190 году. Усилиями Стефана к Сербии были присоединены некоторые соседние земли — Далмация, Герцеговина, Черногория. В 1217 году Сербия стала королевством во главе со Стефаном Первовенчанным (1195–1227). Христианство, проникшее к сербам из Византии еще во второй половине IX века, сыграло немалую роль в ускорении темпов культурного развития. В 1219 году в Сербии возникло архиепископство, а первый архиепископ Савва, автор нескольких сочинений, включая жития, сыграл в этом процессе чрезвычайно важную роль.

Влияние Сербии со временем возрастало. В середине XIV века при царе Стефане Душане (1331–1355) в ее состав вошли многие соседние земли. Возникшее на этой основе Сербо-греческое царство включало в себя земли Черногории, Герцеговины, Македонии, Албании и часть Греции. Сербский архиепископ стал патриархом. Был издан Законник Стефана Душана, в котором нашли свое отражение нормы церковного и гражданского права. В нем, в частности, регулировались взаимоотношения между крестьянами и властью, определялись повинности земледельцев, фиксировались нормы судебного разбирательства. Через Дубровник царство вело активную торговлю с Византией. Однако слабость центрального правительства после Душана привела к распаду государства, а в 1389 году, после траги-

ческой для южных славян битвы на Косовом поле, сербы на долгие века оказались под властью Османской Турции.

Существенно обратить внимание на то, что после поражения 1389 года сербы далеко не сразу превратились в покорных подданных Османов. Восстания и сопротивление сербов длились едва ли не столетие, а кое-где и дольше. Однако в конечном счете давление со стороны ислама привело к тому, что часть сербов была вынуждена принять мусульманство (Босния и Герцеговина), а из числа остальных многие, бросив все, бежали за Саву и Дунай, в приграничные с Австрией земли. Естественно, что чужеземное иго и жесткие нормы господствовавшего ислама надолго замедлили дальнейшее развитие страны. Любое проявление недовольства, восстания, движение уходивших в горы партизан-гайдуков и прочие формы сопротивления безжалостно подавлялись турками. Но при этом стоит заметить, что Сербия — в отличие, например, от ее соседки Болгарии — была сравнительно слабо освоена турками, обосновывавшимися преимущественно в городах. В селах сохранялись традиционные формы местного самоуправления и православная религия. Турки не слишком возражали и против усиления в Сербии влияния константинопольской патриархии, хотя сами сербы традиционно тяготели к русскому православию. Надежда на освобождение от власти Османов долгое время оставалась призрачной. Австро-турецкие войны в XVIII веке то приводили к завоеванию у турок северной части Сербии с Белградом, то завершались потерей этого приобретения.

Большое внимание сербским делам в эти же времена стала уделять и Россия. Русско-турецкие войны создавали условия для ослабления империи Османов. В этих условиях реформы султана Селима III привели к некоторым уступкам сербам. В 1793–1796 гг. Белградскому пашалыку была предоставлена некоторая автономия. Это был немалый успех, своего рода предзнаменование скорого освобождения от власти слабеющей Оттоманской Порты.

Черногория. В отличие от Сербии эта маленькая и в значительной степени горная страна длительное время успешно сопротивлялась попыткам Османов завоевать ее. Черногорские племена во главе со своими вождями долго не признавали власть турок, хотя и временами откупались от них данью. В этой стране не возникла сильная светская власть могущественного князя либо царя и потому в Черногории наибольшим влиянием пользовался православный митрополит, который практически вскоре стал реальным господином (владыкой)

всей страны. Митрополит Данила Негош (1696–1735) созывал *скупщину*, нечто вроде народного собрания представителей племен, и вел активную политику, направленную на ликвидацию межплеменных раздоров и создание четкого административно-территориального деления в Черногории. Он установил постоянные связи с Россией, которая оказывала черногорцам политическую поддержку и материальную помощь. В конце XVIII столетия, в годы успешной войны Австрии и России с Османской империей, черногорцы нанесли туркам ощутимое поражение.

Хорватия оказалась страной, где восторжествовал католицизм. Эта страна с главной ее ценностью, Далматинским побережьем с городом Дубровником, издревле была одной из наиболее развитых частей Рима, а затем Западной Европы. Входившая вначале, с VIII века, в состав государства франков, она в 925 г. ненадолго стала самостоятельным королевством, которое создал принявший титул короля князь Томислав. Это был период едва ли не наибольшего процветания государства, достаточно сильного и независимого. Однако длился упомянутый период недолго. Внутренние противоречия, включая борьбу славянского православного населения против господства католической церкви, привели к тому, что ослабевшая Хорватия на некоторое время оказалась в определенной зависимости от Венеции. Это способствовало развитию ее южной приморской части в качестве центра транзитной торговли, но опять-таки продолжалось недолго. Уния с Венгрией в XII в. привела к подчинению Хорватии власти венгерских королей при сохранении некоторой политической самостоятельности. Во главе страны в это время стоял королевский наместник *бан*. С XIII века здесь функционировало под его председательством собрание выборных от дворянства, духовенства и городов — *сабор*, рассматривавший обычно вопросы внутренней политики.

На протяжении двух-трех последующих веков между Венгрией и Венецией шла борьба за Далматинское побережье, а с XVI века, особенно после поражения при Мохаче, Хорватия оказалась разделенной между Австрией и Турцией. В силу специфики его истории Далматинское побережье как наиболее развитая часть Хорватии было хорошо знакомо с античной традицией и долгое время управлялось знатными патрициями. Дубровник, оказавшийся с XVI века в вассальной зависимости от Османов, играл посредническую роль в торговле между Востоком и Западом, что способствовало его процветанию. Впрочем, это длилось не слишком долго, ибо в связи с

резкими изменениями в мировой торговле, вызванными Великими географическими открытиями, а также «революцией цен», роль средиземноморских торговых связей заметно уменьшилась.

Что касается более северных частей Хорватии, то в конце XVI века некоторые из них были под властью турок, тогда как территории, оказавшиеся в руках австрийских Габсбургов, подвергались онемечиванию. XVII век прошел в Хорватии под знаком постепенного освобождения от турецкого владычества. Были установлены более тесные контакты с Венгрией, вместе с которой Хорватия противостояла наступлению со стороны Австрии. Война 1683–1699 гг., начавшаяся с неудачной осады турками Вены, привела в результате усилий коалиции, в которую вошли Польша, Венеция и Россия, к тому, что турки теперь уже навсегда покинули территорию средней части бассейна Дуная. Согласно условиям Карловицкого договора 1699 года ослабленная Оттоманская Порта вынуждена была пойти на серьезные уступки, в результате чего вся восточная часть Венгрии, Трансильвания, а также Хорватия и значительная часть Славонии оказались под властью австрийских Габсбургов.

В начале XVIII века хорватский сабор сумел добиться от австрийских Габсбургов некоторой доли самостоятельности, особенно в сфере местного самоуправления. Однако свои вольности хорваты сохранили ненадолго. Нажим со стороны Австрии вел к онемечиванию, что стало нормой после объявления в 1784 году во всей империи немецкого языка государственным. Параллельно с этим административно Хорватия была соединена с Венгрией.

Сербы и черногорцы, находившиеся под властью империи Османов, но оставшиеся верными православию, вынуждены были терпеть национальное и религиозное давление со стороны турок и не имели никаких политических прав. Недовольные этим сербы в конце XVII и в XVIII веке в немалом количестве переселялись на территорию Хорватии и пограничных с ней районов в долине рек Савы и Дравы (*Военная граница* или просто *Граница*), которые вскоре были объявлены принадлежащими Австрии.

Народы Восточной Европы, попавшие под власть Австрии, — а это и была, в частности, Хорватия — избавились от участи стать порабощенными империей Османов. Это следует считать позитивным фактором хотя бы в том смысле, что над этими народами не нависла угроза насильственной исламизации и они не страдали от давления турок. Однако положение населения этих стран не стоит переоцени-

вать. Во-первых, все они подвергались небезуспешному воздействию со стороны иезуитов и вообще католицизма, что не могло в конечном счете не сказаться на заметных изменениях в конфессиональной принадлежности большинства населения. А во-вторых, присоединение этих народов к немецкоязычной Австрии способствовало онемечиванию части населения, особенно в городах. В 1784 г. немецкий язык здесь, как и в ряде других подчиненных Австрии восточноевропейских стран, был объявлен государственным. Не стоит забывать и об усилении нажима землевладельцев на крестьян. Правда, империи не была выгодна чрезмерная эксплуатация зависимых земледельцев, ибо это в конечном счете вело к обеднению крестьян. Однако при всем том различного рода указы об ограничении барщины не были эффективны. Все это способствовало очередному сближению Хорватии с Венгрией и даже решению сабора о внимании к изучению венгерского языка.

Босния и Герцеговина, расположенные к юго-востоку и северо-востоку от вытянувшейся вдоль побережья Хорватии, — это отличные от других южнославянских государственные образования. Специфика их прежде всего в том, что в отличие от соседей Босния и Герцеговина, прошедшие до завоевания Османской империей почти такой же путь, оказались после завоевания целиком исламизованными. Будучи с начала нашей эры под властью Рима, а с VI века оказавшись частью Византии (именно в это время сюда мигрировали славяне, со временем составившие абсолютное этническое большинство), Босния и Герцеговина в XII–XIV столетиях превратились в княжество во главе с баном. Как в Болгарии и Сербии, здесь в это время оказалась весьма распространена ересь *богомильства* с ее порицанием богатства и собственности и проповедью равенства. Однако в отличие от соседних стран богомильство в Боснии и Герцеговине одолело официальное православие и легло в основу так называемой Боснийской церкви. Для этой церкви, претендовавшей на близость к православному христианству, были характерны отсутствие монастырей, отказ от церковной десятины и заметный аскетизм. Все эти признаки свидетельствовали о тесной связи с принципиальными основами богомильской ереси. Как бы то ни было, но сам по себе этот важнейший факт не мог не сыграть со временем важной роли в дальнейших судьбах населения Боснии и Герцеговины.

При бане Тертко I (1353–1391) княжество стало королевством, причем территория его существенно расширилась за счет сербских

земель и части хорватского побережья Адриатического моря. В стране развивались горнорудная промышленность и торговля. Однако после смерти первого короля она оказалась в состоянии разброда и власть брали поочередно представители различных знатных домов. Один из них в 1448 году провозгласил себя герцогом, откуда и пошло наименование части единого до того государственного образования — Герцеговина. Вскоре после этого, в 1463 году, страна была завоевана турками и довольно быстро оказалась под властью боснийских *бегов*, принявших ислам. Сам по себе переход в мусульманство социополитических верхов бывал обычным делом. С этим, в частности, была хорошо знакома и завоеванная мусульманами Индия. Но в Боснии и Герцеговине — и это было особенностью страны с ее необычной господствующей церковью — ислам оказался религией, в чем-то заметно перекликавшейся с принятыми здесь нормами религиозной жизни, прежде всего с отсутствием монастырей и регулярно взимавшейся с прихожан церковной десятины. Видимо, были и некоторые другие особенности, сыгравшие свою роль в том, что ислам как религия оказался не вполне чуждым привычным религиозным представлениям населения. Если добавить к этому те экономические льготы, которыми религия ислама наделяла правоверных, то легко представить себе, как все упомянутые особенности, вместе взятые, повлияли на то, что население Боснии и Герцеговины без особых конфликтов и длительного сопротивления уже примерно к XVI столетию восприняло ислам.

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ: ГРЕЦИЯ, АЛБАНИЯ, РУМЫНИЯ

У этой группы небольших стран своя и очень сложная, а для греков и славная история. Она разная, как неродственны и сами народы, населяющие эти страны. А начать, конечно, нужно с Греции.

Греция. Античная Греция, сохранявшая в немалой мере свои традиции в период эллинизма, постепенно приходила в упадок и затем фактически прекратила свое самостоятельное политическое существование после завоевания ее Римской империей незадолго до начала нашей эры. С этого момента она была превращена в римскую провинцию Ахайю. После раскола империи на две части, т.е. с конца IV века, она стала не столько даже частью, сколько структурообра-

зующим стержнем Восточной Римской империи. Как известно, на земле Византии римские корни были достаточно слабыми, тогда как греческие, напротив, очень крепкими. Поэтому неудивительно, что в первые века существования этого государства шел естественный процесс пусть не слишком быстрого, но постепенного и неуклонного превращения *ромеев* (как именовали себя жители Византии) в наследников греческой культуры. Греческий язык и создававшаяся именно на этом языке вся христианская православная традиция стали в Византии уже в века раннего средневековья не просто распространенными, но, по существу, основными в этой стране.

Что же касается собственно Греции, т.е. островной и полуостровной части южных Балкан, где зародилась великая античная культура с ее уникальной социополитической структурой, то она в период существования Византии превратилась в периферийную часть большого государства и не оказывала существенного влияния на исторические события и культурные традиции Византии. Однако при всем том территория Греции пользовалась особым вниманием христиан. Здесь было расположено немало центров христианской активности, по преимуществу монастырей, среди которых всегда выделялся своей важной ролью в истории христианской церкви Афон. Монастырские центры Афона расположены на северо-востоке Греции, в районе полуострова Халкидон — того самого, где в 451 году шли заседания едва ли не наиболее известного в церковной истории Халкидонского собора, на котором были приняты важнейшие для православной церкви решения.

К сказанному можно прибавить, что этнические греки играли весьма заметную роль в общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни Византии, в том числе в ее городской торгово-ремесленной и культурной жизни. Наибольшее число их проживало на территории собственно Греции и в тех древних городах западного побережья Малой Азии, где греки издревле преобладали, несмотря на проникновение сюда немалого числа мигрировавших с севера славян. Это преобладание греков проявилось, в частности, тогда, когда Византия в начале XIII века распалась на части в результате коварной интриги венецианцев, привезших крестоносцев (имеется в виду Четвертый крестовый поход) в захваченный и разрушенный ими Константинополь. В результате этого ослабленная Византия, как известно, распалась на части. При этом западная ее часть, т.е. север Греции и побережье Малой Азии с центром в Никее (город на южном

берегу Мраморного моря), была превращена в Никейское царство во главе вначале с Феодором Ласкарисом, а в конечном счете с Михаилом Палеологом, которому в 1261 году удалось разгромить созданную западноевропейскими рыцарями на востоке страны Латинскую империю и воссоединить Византию.

Стоит заметить, что к этому времени южная часть собственно Греции, в частности Пелопоннес, была владением венецианцев. И когда в 1453 году пал Константинополь и вся Византия как империя перестала существовать, часть Греции не сразу досталась туркам. На протяжении ряда столетий они вели войну за овладение островами и Пелопоннесом. Лишь в 1715 году Пелопоннес стал турецким, а некоторые острова западной части Греции (район Ионического моря) оставались венецианскими до конца XVIII века. Как то было и в южнославянских странах, завоеванных турками, в Греции были установлены исламские нормы земельных отношений и системы налогообложения, особенно тяжелого для немусульманского населения. В то же время необходимо заметить, что турки считались с тем, что большинство греков оставались православными. Следуя политике признания этого факта, турецкие власти не только не преследовали православную церковь и ее иерархов, но даже не покушались на их имущество и земли, в том числе и на землевладение многочисленных монастырей. Греческие историки особо отмечают этот факт и, более того, считают, что православная церковь и Константинопольская патриархия были едва ли не единственными представителями национального греческого народа в условиях абсолютного господства ислама в пределах Оттоманской Порты.

Влияние православной иерархии и значительная роль греческой буржуазии в городах Османской империи в XVII–XVIII веках привели к тому, что в Турции возникла влиятельная прослойка греков-*фанариотов* (от слова Фанар — названия квартала в Стамбуле, где была резиденция Константинопольского патриарха). Фанариоты со временем начинали играть все более заметную роль в политической жизни страны. Они занимали немало дипломатических постов, способствуя контактам Османской империи с разными европейскими государствами. Зарабатывая солидные средства за счет предпринимательской деятельности, фанариоты, будучи лояльными по отношению к турецким властям, в то же время не забывали о том, что они являются греками и что судьба греков в империи Османов им не безразлична. Греки играли большую роль в морской торговле, в том числе на Чер-

ном море, с Россией. Греческие колонии за пределами империи Османов расширяли свою активность и способствовали росту национального самосознания своих соплеменников и единоверцев в империи.

Восстания и мятежи, партизанские действия многочисленных отрядов *клефтов* из бежавших в горы крестьян, а также успехи русского оружия в русско-турецких войнах — все это ослабляло мощь и без того приходившей в упадок империи и объективно способствовало вызреванию стремления к освобождению Греции от турецкого господства. Конец XVIII века стал начальным этапом мощного всестороннего движения за освобождение Греции. Французская революция способствовала растущему стремлению греков и объективно заложила основу для более решительных действий в этом направлении. В Европе выходили греческие газеты, призывавшие к восстанию. В Одессе была создана организация, во главе которой стал русский генерал А. Ипсиланти, который и сумел в начале следующего века поднять победоносное восстание, завершившееся освобождением от турецкого владычества.

Албания. Территория Албании, заселенная иллирийцами, еще во II веке до н.э. стала частью Римской империи, а с конца IV века была провинцией Византии. В VI–VII столетиях сюда переселилось немало славян. В IX–XI вв. Албания входила в состав Первого Болгарского царства, в XIII–XIV столетиях ее территория была поделена между Неаполитанским королевством и Сербией, а в середине XIV столетия вся Албания была завоевана сербским королем Стефаном Душаном. После поражения славян в 1389 г. в битве на Косовом поле территория Албании была завоевана турками. В 1443 г. борьба албанского народа за независимость во главе с национальным героем этой небольшой страны Скандербегом (Георгием Кастриоти) привела к освобождению от турок. Но ненадолго. После смерти Скандербега турки вновь заняли Албанию. В те времена 97% албанцев были христианами. Но жесткая изоляция страны и постепенная ее исламизация сделали свое дело. Несмотря на многочисленные восстания против турецкого господства, ислам стал основой религии и образа жизни албанцев, а крупные албанские землевладельцы превратились в покорных наместников турецких султанов. Это привело к налаживанию сравнительно спокойных отношений между исламской Турцией и мусульманским населением Албании.

Более того, к сказанному стоит добавить, что исламизованные албанцы, достаточно быстро увеличиваясь в числе, начали активно

мигрировать в соседние страны. А поскольку соседом Албании были только государства южных славян, прежде всего Сербия, то неудивительно что пограничные сербские земли, в частности Косово, начали заселяться албанскими переселенцами, т.е. мусульманами. За несколько веков это привело к тому, что более энергично воспроизводившиеся мусульмане-албанцы не только численно сравнялись с сербским православным населением Косово, но и начали понемногу превосходить его, что, как известно, стало со временем порождать в Косово серьезные национально-конфессиональные проблемы. Следует заметить, что в тех районах той же Сербии, где исламизованным населением оказались сами сербы (Босния и Герцеговина), ситуация складывалась иначе и не порождала таких проблем, как в случае с населенным преимущественно албанцами районом Косово.

Румыния продолжала существовать, как и в Средние века, в виде двух близких друг другу государств, Валахии и Молдавии. Валахия (Дакия) с 106 года была частью Римской империи, причем здесь — в отличие от Албании — влияние Рима (видимо, в сочетании с достаточным количеством колоний ветеранов) привело к заметной романизации местного населения. В IV–VI вв. здесь побывали готы, гунны, авары и славяне. В IX–X столетиях Валахия, как и Албания, входила в состав Первого Болгарского царства, а XI–XIII века прошли под знаком борьбы с нашествием кочевых племен, от печенегов и половцев до татар. Татарское иго оказалось здесь ощутимым и достаточно длительным. Лишь в XIV веке Валахия обрела независимость, но сразу же после этого возникла угроза со стороны турок. Валашские господари были вынуждены признать свою зависимость от Османов. С XV века они платили дань Турции, а в XVI столетии фактически, несмотря на некоторые обязательства со стороны турецких властей, не стремившихся вмешиваться во внутренние дела Валахии, все же оказались под их властью. В конце XVI века восстание во главе с господарем Михаем Храбрым (1592–1601) привело к освобождению от турок и объединению Трансильвании, Молдавии и Валахии в единое государство, прообраз будущей Румынии. Однако вскоре после этого государство вновь распалось на части, и Валахия снова оказалась под властью Османской империи.

Молдавия, расположенная к востоку от Валахии и тесно с ней связанная, территориально и этнически была близка Валахии. Ранняя ее история, включая борьбу с кочевыми племенами и татарское иго, также во многом была сходна с валашской. В XIV веке возникло

Молдавское княжество во главе с господарем Богданом I, управлявшим страной (в нее вошли также Бессарабия и Буковина), с опорой на боярский совет. Богдан сумел укрепить свою власть и добиться определенной централизации администрации. В конце XIV столетия Молдавия согласилась признать вассальную зависимость от Польши, но это не защитило ее от нашествия турок. С 1456 года Молдавия, как и Валахия, стала данником Османской империи. При Стефане III (1457–1504) она, однако, сумела одержать победу над турецким войском и успешно противостоять Венгрии. Но в конце своего правления тот же Стефан был вынужден возобновить выплату дани туркам, осадившим Молдавию, и, хотя при господаре Петре Рареше на рубеже первой и второй трети XVI века молдаване перестали платить дань, это длилось недолго. Вскоре Молдавия окончательно лишилась независимости и стала управляться господарями, которые назначались из Турции. Связи с Россией во многом помогали молдаванам не чувствовать себя отрезанными от православного мира. В начале XVII столетия господарь Кантемир пытался добиться помощи от Петра I, но Прутский поход русских потерпел неудачу. В результате Молдавия лишилась последних остатков автономии, а ее господарей турки назначали из числа преданных им греков-фанариотов. Давление со стороны Австрии привело в 1774 году к присоединению к ней оторванной от Молдавии Буковины. В том же году по условиям Кучук-Кайнарджийского мира Турция вынуждена была признать право России покровительствовать Молдавии и Валахии, а вскоре Россия присоединила к числу своих владений Бессарабию. Однако при всем том большая часть Молдавии, как и Валахия, оставалась под властью Османской империи.

* * *

В заключение 11-й главы, посвященной рассказу об исторических событиях и переменах на тех территориях Восточной Европы, которые оказались под властью империи Османов, необходимо оговориться, что события, сведшиеся в основном к завоеваниям Оттоманской Порты, кардинальным образом изменили образ жизни тех народов, которые оказались под властью турок. Это оказало очень сильное — хотя и в разных странах разное — воздействие на страны, и без того несколько отставшие в развитии по сравнению

с Западной Европой. Несмотря на естественные различия между разными южнославянскими странами и тем более между ними и Грецией, Албанией, Валахией или Молдавией, все они в общем и целом были вынуждены, пусть в неодинаковой степени, воспринять некоторые из тех норм жизни, которые были им навязаны исламом. При этом полная исламизация территорий, о которых шла речь (Албания, Босния и Герцеговина), приводила, хоть и не сразу, к возникновению структуры исламско-восточного типа. В то же время сохранение христианства в его православном (а в Хорватии — католическом) варианте рождало в большинстве стран, захваченных турками, естественное и неутихающее сопротивление исламским порядкам. Это сопротивление ранее всего помогло Хорватии. Позже оно сыграло роль в других странах, о которых говорилось в главе. Иногда неудачи вели к миграциям, как массовым в случае с сербами, так и индивидуальным, как то было с упоминавшимся молдавским господарем Кантемиром, перебравшимся в Россию после провала Прутского похода при Петре I. Известно, что эмигрировавший в Россию Кантемир сыграл весьма заметную роль в развитии русской культуры.

Глава двенадцатая. РОССИЯ ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА I

На Руси в последний период ее доимперского существования, т.е. в отсталой и во многом азиатской — во всяком случае по господствовавшей структуре — стране, шел, несмотря ни на что, процесс, в чем-то аналогичный западноевропейскому. Разумеется, ни Античности, ни ее Возрождения, ни Реформации здесь не было, а географические открытия имели несколько особый, отличный от западного характер. Однако, тем не менее, что-то общее все же было. Оно ясно проявлялось в упорном стремлении центральной власти ослабить бояр, т.е. ту самую высшую родовитую знать, с которой шла борьба если и не во всех, то во многих европейских, включая отчасти и Восточную Европу, странах. Этот процесс осуществлялся свойственными азиатскому миру (опять-таки не всему, в наибольшей степени исламскому) варварскими методами, т.е. сводился к жестокому уничтожению возможных претендентов на власть и влияние. В годы правления Ивана Грозного был пик такого рода борьбы. Был ли этот

процесс аналогом западноевропейской дефеодализации? В какой-то мере безусловно, ибо он вел к централизации власти за счет ослабления всемогущей феодальной знати. Однако процессы, связанные с усилением роли русского дворянства и особенно крепостного права, при этом далеко не случайны. Более того, они сильно меняют общую оценку ситуации.

Все дело в том, что в царской Руси времен Грозного еще не было ни буржуазии, ни даже сколько-нибудь заметной и влиятельной предбуржуазии. Русские города за редким исключением не имели ничего похожего на самоуправление и тем более на свободу. В борьбе с феодальной знатью опираться на них цари не могли. Более того, тот же Грозный просто не нуждался в этом. Более того, он свирепо уничтожил тот единственный город, Новгород, где нечто похожее на предбуржуазию не только издревле существовало, но и задавало тон, претендовало на некие городские вольности. Эти вольности раздражали всесильного царя едва ли не более всего, за что свободолюбивый город был им в буквальном смысле слова потоплен в крови.

И второе, что важно принять во внимание. В борьбе с боярством Грозный, жестоко каравший отчетливо противостоявшие ему города, сделал ставку на создание внушительной и вполне надежной опоры в форме зависимого от царя, но не имевшего родовитых корней и связанных с ними традиционных претензий **служилого дворянства**. Имеется в виду прежде всего опричнина, однако не только она. Дворянство и после уничтожения опричнины не только активно проявляло себя, но и становилось надежной опорой царской власти. Мало того, оно в какой-то мере (разумеется, с учетом всех особенностей и отличий) может быть поставлено рядом с тем огромным слоем древнекитайского служилого люда ши, который в конце феодальной древности эпохи Чжоу шел на смену родовитой знати. И по статусу, и по функциям сходство несомненно: дворяне, т.е. служивые люди, были заинтересованы в создании и сохранении создававшегося варварскими методами централизованного государства, освобожденного от давления всемогущей влиятельной знати, русского боярства. Но если в древнем Китае процесс выхода на передний план слоя ши означал практически полную дефеодализацию, то на Руси времен Ивана Грозного этого не происходило. Дефеодализации в смысле полного либо почти полного уничтожения владений и влияния родовитой знати не произошло. Более того, эта цель и не ставилась. Служилое дворянство с его крепостными были нужны стране, в ко-

торой централизованная администрация складывалась замедленными темпами и функционировала не слишком эффективно.

Дело в том, что процесс вырубания корней родовитых князей и бояр не был доведен Иваном IV до конца. Это вообще едва ли было в его время и при объективных обстоятельствах, сложившихся тогда на Руси, возможно. Но, тем не менее, жестокий урок дал свои важные результаты. **Первым** из них было усиление реальной власти царя, создание столь привычной для всей последующей России, вплоть до сегодняшнего дня, системы властного авторитаризма. **Вторым** стало создание основ более или менее эффективной системы централизованной администрации, в которой территориально быстрыми темпами увеличивавшаяся страна остро нуждалась. **Третьим** стал выход на авансцену служилого дворянства. Разумеется, это не было и не могло быть похожим на британское новое дворянство и на разностороннюю трансформацию аристократов в других развитых странах Запада, в которых шел заметный процесс приспособления феодальной знати, включая сближение ее дефеодализовывавшихся представителей с буржуа. Но сходство все же было.

Оно в том, что русское дворянство стало опорой централизованной власти. Заметим, не того либо иного правителя (их довольно легко свергали, ставили на престол и снова при случае свергали и в XVII, и в XVIII веке), но власти как таковой. Власти, как основы эффективного управления огромной страной с ее пестрым населением, в целом не слишком дисциплинированным и тем более почитающим культурные традиции и высокие нравственные нормы. Необходимо сказать несколько слов и еще об одном важном результате всего того, что связано с именем и действиями Ивана Грозного. Речь идет о серьезных переменах в судьбах русского крестьянства, этой основы государства. Нельзя сказать, что положение земледельцев на Руси до Грозного было безмятежно хорошим и чем-то напоминавшим ту *святую Русь*, о которой с почти слезливой ностальгией подчас вспоминают умиляющиеся ею экзальтированные слои русских патриотов, как правило, незнакомые либо очень слабо знакомые с реальной отечественной историей. Но несомненно, что до Грозного и тем более до Смуты крестьянам с их правом Юрьева дня, т.е. смены своих хозяев, жилось не так уж и плохо. Уровень их жизни, с учетом того, что существовали очень разные в этом смысле прослойки земледельцев, был в среднем весьма невысок, но и потребности не слишком его превосходили. Налоговые тяготы и выплаты всегда были умеренными,

редко произвольно повышались и, по оценкам специалистов, вплоть до XVI века не превосходили 20–30% совокупного продукта[1], что следует считать хотя и довольно высокой, но все же приемлемой нормой. Столь привычная для всего традиционного Востока склонность к консервативной стабильности на Руси тоже была императивом, не подлежавшим сомнению. И если в годы татарского ига эта стабильность временами нарушалась вследствие набегов, а позже в войнах за преобладание одних княжеств над другими, то с усилением Московского царства эти нарушения становились более редкими. И только с началом борьбы Грозного с боярством ситуация стала существенно изменяться.

Перемены проявлялись прежде всего в том, что крестьяне лишались привычных форм существования. На смену одним хозяевам, владельцам огромных вотчин с многими тысячами, если не десятками тысяч дворов, приходили новые, много более мелкие. Старые вотчины дробились, а новые хозяева мелкопоместных владений стремились собрать со своих крестьян как можно больше. Соответственно увеличивались как объем поборов и повинностей, так и количество маломощных деревенских дворов. Прибавим к этому увеличение числа поместий, в которых возникала практика барщины, чье наличие рассматривалось государством как необходимая плата за дворянскую службу и соответственно поощрялось. В итоге давление на земледельцев возрастало. Кроме того, потребности государства в средствах для ведения войн с соседями (чего стоила одна Ливонская война!) вели к увеличению царских податей. Увеличивались темпы перемещения крестьян с насиженной земли во вновь присоединявшиеся к стране территории Поволжья, частично и южной степи. Там взимающим налоги субъектом все чаще оказывалось государство (речь о черносошных крестьянах, о казенных оброчных земледельцах), и это вело к резкому увеличению числа тех, кто напрямую зависел от казны и чье недовольство в случае ухудшения уровня жизни напрямую направлялось в сторону власти.

И, наконец, о закрепощении крестьян. При Грозном специальным указом было подтверждено право Юрьева дня. И это вполне понятно, потому что царь хорошо сознавал, что переселение крестьян на новые восточные и южные земли, присоединенные его усилиями к

[1] См.: История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 2000. С. 379.

России, необходимо для обеспечения цельности страны. Но тот же Юрьев день был костью в горле дворянства, количество которого при том же Грозном многократно возросло и становилось, как о том шла речь, главной опорой самодержавной власти царя. Поместья многих дворян были невелики, каждый крестьянский двор был, что называется, на счету. Поэтому неудивительно, что проблема Юрьева дня и русского крепостничества не только назрела, но и настоятельно требовала своего решения, которое и было принято сразу же после смерти Ивана IV. Разумеется, это решение было крайне непопулярно среди крестьян и грозило серьезными неприятностями при осложнении внутриполитической ситуации в стране. Вполне обоснованно предположение, что закрепощение крестьян сыграло свою роль в годы Великой Смуты. Но прежде, чем вести об этом речь, необходимо сказать несколько слов о тех важных событиях, начиная со смерти Ивана Грозного, которые этой Смуте предшествовали.

ЦАРЬ ФЕДОР, БОРИС ГОДУНОВ И ЛЖЕДМИТРИЙ I

Смерть Ивана Грозного застала страну врасплох. Царь перед смертью не очень ясно представлял себе, кого назначить наследником. Выбор был невелик: либо слабоумный Федор, либо бывший еще малым ребенком Дмитрий. Было абсолютно ясно, что в любом варианте власть окажется в руках регентского совета или всесильного временщика. Оба варианта явно не привлекали самодержца, приложившего столько усилий и пролившего реки крови ради укрепления централизованной власти всесильного царя. Но делать было нечего, и Иван остановился на первом из них. Уже в мае 1584 года, через несколько недель после смерти Грозного, началась борьба за влияние на нового богомольного царя Федора. В этой борьбе сперва задавали тон наиболее родовитые бояре, князья Иван Шуйский и Мстиславский, а также Никита Романов. Однако с течением времени на передний план вышел сравнительно худородный, но сделавший блестящую карьеру боярин Борис Годунов, чья сестра была женой слабоумного Федора. В 1591 году в Угличе, куда были сосланы Нагие, к клану которых принадлежала последняя жена Грозного Мария, при весьма неясных обстоятельствах малолетний Дмитрий, страдавший, по некоторым сведениям, эпилепсией, погиб от удара ножичком во

время игры «в тычку». Последний из Рюриковичей, имевших право на русский трон, ушел из жизни. Его смерть, сыгравшая огромную роль в последующих событиях, в тот момент оказалась весьма выгодной именно Борису. Наследников на престол больше не было и не могло быть. Все теперь зависело от того, кому удастся занять престол после бездетного Федора.

Умный и хорошо разбиравшийся в хитросплетениях дворцовой жизни, ловкий мастер политической интриги, Борис сумел за несколько лет избавиться от наиболее влиятельных членов регентского совета. Он добился от царя высокого официального звания «царский шурин и правитель», и к 1598 году, когда Федор умер, именно он оказался наиболее подходящей кандидатурой для венчания на царство. Считается, что наиболее активным сторонником Бориса Годунова был патриарх Иов (именно Годунов в 1589 году добился от Константинополя согласия на создание особой русской патриархии), по призыву которого Земский собор в 1598 году избрал его царем. Правда, Боярская дума долго сопротивлялась и не спешила утвердить выбор. Есть сведения, что и Борис не раз публично отказывался от предложения занять трон, демонстративно покидая Москву. Однако в конечном счете под давлением низов Боярская дума сдалась и 1 апреля 1598 года Борис торжественно въехал в Москву и занял царский трон. Он стал первым в истории России выбранным правителем. Однако его правление не было ни долгим, ни счастливым.

Правда, при Годунове внешнеполитическая активность принесла немало плодов. В 1600 году был предпринят успешный поход против Сибирского ханства, а русские землепроходцы продвинулись до Мангазеи. Расширились связи с немецкими купцами, и поощрялось переселение немцев в Москву. Интерес к событиям, происходившим в это время в Западной Европе, привел к тому, что царь Борис послал нескольких дворянских детей учиться за границу (никто из них, насколько известно, не вернулся). Годунов старался установить мир с Польшей, Крымом и Турцией. Довольно много сделал новый царь и для благоустройства Москвы. Шло большое строительство, был проведен водопровод, вместо привычных деревянных создавались каменные сооружения, в том числе укрепления, торговые лавки и т.п. Царь Борис покровительствовал не только Москве, но и другим городам. Он активно содействовал возрождению уничтоженного Грозным Новгорода, покровительствуя торговле новгородских куп-

цов. Его целью было даже некоторое уменьшение налогов, что на практике, однако, осуществлялось с трудом.

Вообще же начинания Годунова явно недооценены отечественной историографией и идущей от Пушкина литературной традицией. Они явно заслуживают переоценки и во всяком случае очень похожи на отчаянную попытку в весьма неблагоприятных для этого условиях покончить с вековой отсталостью России и с этой целью перенять все лучшее у передового Запада. Опередив на столетие соответствующий порыв Петра I, царь Борис, как представляется, вполне мог бы при благоприятном для него стечении обстоятельств добиться гораздо большего по сравнению с тем, что он успел сделать. Стоит заметить, что его ум, намерения и старания были оценены в России, да и то немногими, лишь задним числом, уже после Смуты. Так что же помешало ему? Увы, помешало многое. Стечение обстоятельств, этот сложный фактор эволюции, о котором уже не раз заходила речь, был явно не в его пользу.

Казалось бы, все начиналось хорошо. Взойдя на трон, Борис обещал никого не казнить — и сдержал обещание, хотя ему и приходилось сталкиваться с заговорами и с недовольством бояр. Однако это не было зачтено в его пользу. Напротив, смерть сосланных его противников обычно приписывали именно его злой воле. Далее. Вскоре после коронации царя постиг тяжелый недуг. Он долго болел, причем многие полагали, что царь при смерти. Кроме того, в вину ему ставили и ставят отмену Юрьева дня (это произошло в 1597 году, еще при Федоре) и фактическое установление норм крепостного права, столь тяжко отозвавшегося на судьбах России, но снискавшего ему немалую поддержку со стороны заинтересованного в таком праве молодого русского дворянства.

Годуновым были недовольны крестьяне, массами бежавшие на окраины России, где не было крепостной зависимости. А это бегство в свою очередь влекло за собой ухудшение положения в сельском хозяйстве страны, сокращение товарного производства в землях, где не хватало земледельцев. Помимо всего прочего, климатические невзгоды в самом начале XVII века привели в 1602–1603 гг. к массовым неурожаям и страшному голоду. И хотя Годунов приказал раскрыть все амбары и раздавать стратегические припасы голодающим, ни бояре, ни церковь этому примеру не последовали. А тем временем положение в стране становилось все более серьезным. На некоторое время был восстановлен Юрьев день. Но это не помогло. В 1603 году

социальное напряжение в голодающей стране достигло наивысшей точки накала. Идя навстречу недовольным, в августе этого года царь Борис издал указ, даровавший свободу тем холопам, которых их господа не кормили в тяжелые годы голода. И это чуть ослабило недовольство. Но вынужденный отказ от Юрьева дня, на чем настаивало поддерживавшее царя мелкопоместное дворянство, вновь создал в стране почву для социальной напряженности.

И, наконец, самое страшное — Лжедмитрий. Появление самозванца, этого беглого монаха Григория Отрепьева, выдававшего себя за чудом спасшегося царевича и привлекшего на свою сторону заинтересованных в русской Смуте влиятельных польских магнатов Вишневецких и Мнишека, сыграло поистине решающую роль в судьбах не только Бориса Годунова, но и всей России Смутного времени. Польский король Сигизмунд III, учитывая всю обстановку в России и приветив самозванца, обещал ему поддержку в обмен на крупные земельные подарки и на содействие в обращении России в католичество в случае удачи его замысла. Марина Мнишек стала невестой Лжедмитрия, что было гарантией выполнения им всех взятых на себя перед поляками обязательств. Осенью 1604 года Лжедмитрий, собрав в Польше и Литве около 2 тысяч наемников и заручившись обещанием донского казачества поддержать его, вступил на русскую землю в районе Новгород-Северского, где он сразу же получил достойный отпор от местных воевод. Однако, переждав несколько месяцев, самозванец сделал ставку на недовольный голодом и возвратом к крепостной зависимости народ, в обилии стекавшийся под его знамена. Борис, потерявший голову от страха, стал предпринимать одну за другой крутые и жестокие меры, которые лишь увеличивали недовольство в рядах его противников и прежде всего в народе. Все более очевидно снедаемый не покидавшим его тяжелым недугом, обращавшийся за помощью к различного рода чародеям и шарлатанам, царь окончательно ослаб и оказался тяжело больным. Вскоре, в апреле 1605 года, он скоропостижно умер, едва успев провозгласить своим наследником юного сына Федора. А самозванец тем временем подходил к Москве. Толпа недовольных жителей Подмосковья подыграла ему, ворвавшись в Кремль и низложив Федора, который с его матерью был подвергнут заключению и затем убит. В июне 1605 года самозванец вошел в Москву и через месяц венчался, сев на русский трон.

Лжедмитрий I просидел на троне почти год. Однако за это время, несмотря на прилагавшиеся им усилия, обстановка в столице реши-

тельным образом изменилась. Недовольство Годуновым обратилось против него, нового царя, который — в отличие от Годунова — большим государственным умом не обладал, в интригах не был искусен и, главное, просто не мог адекватно оценить грозящую ему в бурлящей стране опасность. Правда, самозванец делал все, что было в его силах, дабы всем понравиться. Он проявлял потрясавшую современников активность, пытался общаться с боярами в Думе, бороться с мздоимством чиновников, запросто контактировать с простыми людьми, восхвалять западные католические принципы. У него вполне хватало ума не торопиться отдавать Польше обещанные ей земли и тем более вводить в православной России католичество. В мае 1606 года к нему приехала невеста с 2 тысячами шляхтичей и состоялось торжественное бракосочетание. Казалось, все идет по заранее намеченному плану. Но на деле ситуация была иной. 27 мая в Москве вспыхнуло восстание, на сей раз подготовленное группой заговорщиков-бояр. Толпа вновь бросилась в Кремль. Лжедмитрий был убит, а с ним и многие шляхтичи. Марина едва спаслась, а бояре, возглавившие восстание, выдвинули в качестве нового царя своего ставленника, князя Василия Шуйского, который официально венчался на царство 1 июня 1606 года. Шуйские, как уже упоминалось, принадлежали к числу наиболее знатных русских родов, ведших свое происхождение от Рюрика. Это обстоятельство сыграло свою немаловажную роль при выборе нового царя. Однако выбор был сделан в недоброе для страны время. Назревала Великая Смута, о причинах возникновения которой частично уже шла речь.

ЛЖЕДМИТРИЙ II И ПОЛЯКИ. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Василий Шуйский неплохо разбирался в политике и хорошо понимал, что главная опасность его царствованию идет от все еще не утихавшей в народе веры в то, что род законных царей в стране не пресекся. С целью доказать это он потребовал, чтобы в Москву привезли из Углича мощи погибшего царевича Дмитрия, который был сразу же канонизирован в качестве святого. Но это не привело народ к успокоению. В стране возникли слухи, что Лжедмитрий (а точнее — царевич Дмитрий) чудом спасся. Эта идея была подхвачена и послужила базовой основой для широкого народного движения

под руководством казака Ивана Болотникова, именовавшего себя воеводой спасшегося царевича. Восстание, начатое на юге, в районе Путивля, летом 1606 г., всего через несколько недель после избрания Шуйского царем, было с трудом подавлено в октябре 1607 г. после капитуляции захваченной восставшими Тулы. Но это не помешало тому, что идея о чудесно спасшемся царевиче продолжала жить, чем поспешили воспользоваться поляки, которые покровительствовали в свое время Лжедмитрию I и вынуждены были бежать из Москвы после его гибели.

Еще в сентябре 1607 г., когда осада Тулы продолжалась, из Польши выступила новая польско-литовская бригада авантюристов во главе с Лжедмитрием II, который в начале 1608 г. остановился в Орле, где стал собирать войско из бежавших к нему уцелевших сторонников Болотникова и прочих недовольных русских, включая и казаков. Весной того же года новый самозванец подошел к Москве и остановился в районе Тушина (откуда его прозвище *тушинский вор*). Там состоялась его встреча с коронованной еще в мае 1606 г. и остававшейся в глазах многих законной русской царицей Мариной Мнишек, которая признала в нем своего мужа. Вслед за тем в Тушино стали стекаться недовольные Шуйским, включая на сей раз не только крестьян и казаков, но и многих бояр и дворян. Взять Москву сразу Лжедмитрию II, однако, не удалось. И хотя народ в массе своей не был склонен поддерживать Василия Шуйского, нетерпение самозванца и окружавших его поляков, которые стали штурмом брать один город за другим и грабить их, привело к выступлениям возмущенного населения против интервентов. Великая Смута вступила в свои права, разделив людей и заставив их, русских, сражаться друг с другом.

Царь Василий Шуйский лихорадочно искал выхода из создавшейся для него почти безвыходной ситуации. Он пошел на сделку со Швецией, которая в феврале 1609 года в обмен на отказ русских от притязаний на Ливонию согласилась помочь ему войском, предоставив законному царю 15-тысячный корпус наемников. Этот корпус вместе с наспех собранным русским войском, возглавленный одним из родственников царя Скопиным-Шуйским, подошел к Москве и помог снять осаду. В Тушине это вызвало внутренний кризис, в результате которого Лжедмитрий с Мариной в самом конце 1609 г. удалились в Калугу, где вокруг них собрались их русские сторонники из числа в основном казаков и дворян. Собрав там немалое войско, он в июне 1610 г. пошел на Москву, но, не сумев взять ее, в августе

вернулся в Калугу. После его неудачи тушинские поляки ушли из лагеря. Скомпрометировавшие себя русские бояре начали искать пути для сговора с польским королем Сигизмундом III. Под Смоленском, где находился король, между ними и Сигизмундом было в августе 1610 г. подписано соглашение об избрании русским царем Владислава, сына короля.

Итак, Великая Смута достигла наивысшей точки. Три центра власти рвали страну на части. Наиболее слабым из них оказалась Москва, оставшаяся после смерти Скопина-Шуйского без главного воеводы. В результате русское войско под командой брата царя Дмитрия Шуйского в июне 1610 г. потерпело поражение от польской армии Жолкевского, после чего поляки и Лжедмитрий II с разных сторон пошли на Москву. В этой крайне тяжелой обстановке в условиях явной беспомощности царя, еще недавно бывшего неплохим воеводой, против него в Москве созрел заговор. 17 июля царь был свергнут и насильно пострижен в монахи (существует версия, что он был увезен поляками и умер в плену). А править страной стала группа бояр во главе с князем Ф. Мстиславским. Сформировалась так называемая *семибоярщина*, которая была склонна договориться с подходившими к Москве поляками и признать Владислава новым русским царем. По условиям договора Владислав должен был принять православие и жениться на русской. Он также обязан был ограничить количество сопровождавших его поляков.

В сентябре 1610 г. поляки спокойно вошли в Кремль, польский гарнизон стал главной военной силой в Москве. На сторону поляков перешли русские бояре из Тушина. Тушинский лагерь на этом прекратил свое существование, а Лжедмитрий II с Мариной и немалым войском все еще оставались в Калуге. Развязка наступила в самом конце 1610 г., когда Лжедмитрий был убит, а патриарх Гермоген начал рассылать в соседние с Москвой русские города грамоты, призывавшие отказаться от присяги Владиславу и освободить Москву от поляков. Эти призывы оказали свое воздействие не сразу, а Гермогена в марте 1611 г. отправили в ссылку в Чудов монастырь. В то же время Марина в Калуге родила сына Ивана, которого как законного наследника взяли под защиту калужане. Все эти столь причудливым образом сложившиеся обстоятельства на первый взгляд несколько неожиданно, но на деле вполне закономерно сошлись в одном узле. Отечество в опасности — таким отныне стал лейтмотив поведения русских. На сей раз едва ли не всех русских. Народ пробудился и

начал действовать. Этому, к слову, энергично содействовал и тот немаловажный факт, что шведы, воспользовавшиеся событиями в России, начали военные действия на севере страны. Летом 1611 г. они сумели захватить Новгород, а в 1612 г. вполне серьезно предложили в качестве претендента на русский престол своего королевича. Таким образом, иностранных кандидатов на русский престол оказалось уже (включая рожденного Мариной младенца) трое. Это явно превышало все разумные пределы — если, конечно, не иметь в виду феодально-удельные междоусобицы много более раннего времени. Пора было спасать Россию. И эта нелегкая задача выпала на долю русского народа, который в трудную для страны минуту как бы пробудился от вековой спячки.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ. КОНЕЦ СМУТЫ. РОМАНОВЫ У ВЛАСТИ

Справедливости ради необходимо сказать, что первое народное ополчение, возглавленное в начале 1611 г. группой дворян и после подхода к Москве поддержанное восстанием в Москве, в марте 1611 г., потерпело поражение. Новое и более широкое всенародное движение началось осенью все того же 1611 г. в Нижнем Новгороде, ближайшем к Москве крупном торговом центре. Здесь было принято на собраниях неравнодушных горожан несколько принципиальной важности решений, которые должны были привести страну к привычной норме существования. Во-первых, было решено не признавать царевича Ивана Дмитриевича, сына самозванца и Марины, и соответственно не считать его кандидатом на русский трон. Во-вторых, главной целью было признано собрать серьезное и хорошо вооруженное ополчение, взять Москву и выгнать из нее поляков, после чего на Земском соборе выбрать нового царя. Главой патриотического движения стал избранный 1 сентября 1611 г. нижегородским старостой один из его главных зачинателей и организаторов Кузьма Минин, начавший широкий сбор средств на нужды ополчения. Возглавить ополчение был приглашен едва оправившийся от ран видный участник первого ополчения и восстания в Москве князь Дмитрий Пожарский.

Ополчение, собранное в основном из жителей Поволжья, а также соседней с Нижним долины Оки и северных русских земель, насчитывало в начале 1612 г. 20–30 тысяч. Но в сложившихся усло-

виях этого было очень мало. В марте 1612 г. не слишком готовая к серьезной войне армия выступила из Нижнего и прибыла в Ярославль, где надолго остановилась. Учитывая обстоятельства, следует сразу же сказать, что, несмотря на всю сложность ситуации в стране, замедление темпов было в пользу России. Во-первых, в Ярославле без особой спешки был создан из представителей разных районов временный Земской совет, игравший роль официальной власти, замещавшей правительство страны. Во-вторых, ополчение постепенно обретало воинскую выучку, усиливалось за счет верных людей и одновременно очищалось от тех, кто пытался вести двойную игру. В-третьих, князь Пожарский вел дипломатическую игру со шведами, стремясь обеспечить их нейтралитет, а также вступил в переговоры с австрийскими Габсбургами, рассчитывая на то, что те повлияют на поляков. Летом 1612 г., узнав о том, что в Москву движется польско-литовское войско во главе с гетманом Ходкевичем, ополчение все же вышло из Ярославля и подошло к Москве, остановившись на подступах к городу. Вскоре к нему присоединилось казацкое войско князя Трубецкого. Тем временем, однако, часть казаков присоединилась к воинству гетмана Ходкевича. В конце августа Ходкевич и ополчение Пожарского начали битву на берегу Москвы-реки. Ополчение, благодаря умелому маневру отряда Кузьмы Минина, выиграло сражение. Ходкевич отступил к Вязьме. В конце октября ополченцы штурмовали Китай-город и Кремль, после чего оставшиеся в живых поляки капитулировали.

Освобождение Москвы было знаком великой победы. Смута наконец завершилась. Вся страна объединила свои усилия для того, чтобы очистить Россию от вооруженных иностранцев, что и было довольно быстро и успешно выполнено. Уже в ноябре 1612 г. из Москвы были разосланы грамоты о созыве Земского собора, в котором кроме духовенства и дворянства должны были иметь своих представителей посадские люди, т.е. горожане, казаки, стрельцы и даже, видимо, черносошные крестьяне. На заседаниях собора было решено отвергнуть иностранных претендентов на русский трон, включая и младенца Ивана Дмитриевича, и избрать кого-либо из именитых русских бояр. Претензии знатных бояр перекрывали друг друга, так что собор едва не зашел в тупик, пока наконец не выплыла фигура 16-летнего Михаила Романова, сына тушинского митрополита Филарета, уведенного в плен поляками. Родство с царем Федором (Филарет был его кузеном по матери) сыграло при этом свою роль.

Избрание царем Михаила Романова (1613–1645) формально означало конец Смуты. Однако на деле в стране еще несколько лет шли различного рода бои, казацкие мятежи, крестьянские движения и партизанская борьба с остатками разных иностранных войск. Нелегким делом было достижение соглашения с державами, претендовавшими на русский трон. Лишь в 1617 г. по условиям Столбовского мира захваченный шведами Новгород был возвращен России. А в 1616 г. польский сейм принял решение возобновить наступление на Россию ради того, чтобы вновь попытаться посадить Владислава на русский трон. Поляки в 1618 г. в очередной раз дошли до Москвы, но потерпели поражение, а по условиям перемирия получили часть русских земель со Смоленском, Черниговом, Новгород-Северским. При этом Владислав не отказался от своих прав на корону, зато русские пленные, находившиеся в Польше, включая отца царя Михаила Романова митрополита Филарета, были возвращены на родину. Все это следует считать последствиями Смуты, которые оказались для России не только очень тяжелыми, но и, по мнению некоторых специалистов, катастрофическими. Это проявилось и в политике, и в экономике.

О политических событиях немало уже было сказано. Ослабленная Россия вынуждена была отступать и уступать. Экономика страны находилась в состоянии тяжелого упадка, вызванного непосильными поборами и сборами средств для ополчения, грабежами и разбоями со стороны различных военных и полувоенных формирований, причем далеко не только иностранных. Ситуация объективно вела к укреплению связи крестьян с их наделами, что способствовало необходимости наладить нормальное производство хотя бы элементарных продуктов. Требовалось удовлетворить аппетиты дворянского войска, сыгравшего немаловажную роль в победе над врагами. Все это побуждало правящие верхи вернуться к ослабленным в годы Смуты жестким требованиям запрета на право ухода с земли, т.е. на право Юрьева дня. Крепостное право получило могучий стимул для усиления своей роли в экономической жизни страны. Свободными от него были лишь жители русского севера и казаки, т.е. население дальних окраин, где помещичье землевладение либо не было еще нормой, либо отсутствовало вовсе.

В сфере внешней политики Россия зализывала раны. В 1632–1633 гг., в сравнительно благоприятной для нее ситуации, сложившейся в ходе Тридцатилетней войны, она не сумела отвоевать у поляков Смоленск и другие отторгнутые у нее русские земли и добилась в

1634 г. лишь отказа ставшего королем Польши Владислава от его претензий на русский трон. В сфере культуры ее развитие — в отличие от того, что происходило в Западной Европе, — резко замедлилось. Господствовала замкнутость, которая прерывалась лишь тогда, когда в Россию прибывали иностранные наемники. Конечно, иностранцы служили русским царям и прежде, по меньшей мере со времен Грозного (считается, в частности, что именно тогда в Россию прибыл и предок Лермонтова шотландец Лермонт), но их тогда было немного и очень немногие из них оседали на Руси. Позже, в начале XVII века, их стало намного больше. Об этом свидетельствуют шведский корпус, посланный на помощь царю Василию Шуйскому, а также новые полки наемников, которые принимали участие в борьбе за Смоленск в 1632–1633 гг. Именно некоторые из них, как и редкие переселенцы, селившиеся в Немецкой слободе под Москвой, создали первую в России колонию немцев (*немцами* в те времена именовались, как известно, все иностранцы, но собственно немцев среди них было все-таки, пожалуй, большинство). Однако о налаживании регулярных связей с западным миром, не говоря уже о посылке молодых людей, дабы они учились тому, что уже было достигнуто в западных странах, никто и не думал. Стоит в связи с этим напомнить, что из тех немногих молодых людей, что были посланы на Запад учиться еще царем Борисом, никто назад не вернулся.

Что касается управления Россией при первых царях из дома Романовых, то справедливости ради стоит заметить, что фактически первым правителем из этого дома был не столько малоопытный Михаил, сколько его отец Филарет, возвратившийся в Россию в момент, когда царю было чуть больше 20 лет. Конечно, в его возрасте Иван Грозный уже был весьма грозным. Но мягкий по натуре Михаил, совсем не подготовленный к тому, чтобы ответственно принимать важные государственные решения, был иным. Специалисты отмечают его недостаточно глубокий ум и нерешительность, не забывают упоминать о болезненности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что не он, а возвратившийся в Россию его отец Филарет стал не только религиозным главой страны, ее патриархом, но и фактическим правителем России. Его даже официально именовали — как и царя Михаила — *великим государем*. Это следует считать вполне закономерным не только потому, что Филарет был отцом царя, но и из-за того, что именно он взял в свои руки бразды правления разоренной Смутой страной.

Филарет позаботился о проведении в стране земельного кадастра, вел дело к упорядочению судопроизводства и уменьшению произвола власти на местах, к усилению централизованной администрации. После его смерти в 1633 году Михаил еще свыше десятилетия правил страной самостоятельно. Его сын Алексей Михайлович (1645–1676) сел на трон, как и отец, в 16-летнем возрасте. Однако он, унаследовав мягкий отцовский характер, был много более образован и даже порой носил отличную от традиционной «немецкую» одежду, что косвенно свидетельствует о его толерантности по отношению ко всему западному. В частности, он приглашал иноземцев приезжать на службу в Москву. Царя Алексея Михайловича прозвали *тишайшим*. В какой-то мере, особенно на фоне других, он действительно вел себя скромно, порой даже просил прощения у несправедливо обиженного им приближенного. Но в необходимых случаях он не останавливался перед тем, чтобы настоять на своем и применить силу. И это было связано с теми событиями, которые происходили в стране за долгие годы его правления.

Преемником царя Алексея Михайловича стал его старший сын Федор (1676–1682), юноша болезненный, доживший лишь до 21 года. После его смерти и восстания 1682 года, о котором чуть далее, царями-соправителями стали два младших сына Алексея Михайловича, Иван и Петр, а регентом при них — их старшая сестра, умная, образованная и властная царевна Софья. Софья проводила вместе со своим верным помощником князем В. В. Голицыным довольно успешную внутреннюю и особенно внешнюю политику. У них был план определенных и полезных для страны реформ, причем инициатором их проведения был Голицын. Однако ему — как и в свое время Борису Годунову — не повезло. Властная Софья вызывала все возрастающее с годами раздражение со стороны ее подросшего брата Петра, который сумел в 1689 году добиться ее заключения в монастырь, после чего реальная власть в стране перешла в его руки (соправитель Петра Иван был слаб здоровьем и в активную политику не вмешивался). С этого и начался новый период в истории России — период правления Петра I. Однако прежде, чем начать обстоятельный разговор о годах правления Петра I, существенно обратить некоторое внимание на процесс важных перемен в системе администрации страны, которые, несмотря на все трагические события периода Смуты, позволили Петру начать и довести до успешного конца многие очень существенные преобразования.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАЦИИ В XVI–XVII вв.

Административная структура государства в эти века понемногу менялась к лучшему. В годы правления «тишайшего» Алексея Михайловича в стране было много сделано для завершения давно уже начатого процесса формирования основ государственного управления. Система складывалась веками, время от времени существенно изменялась и совершенствовалась, изменяя свой облик. Стоит обратить внимание на некоторые важнейшие ее элементы.

Бояре и Боярская дума. Понятие *боярин* принадлежит к глубокой древности, хотя сущность и функции термина со временем изменялись. Вначале это были, видимо, советники и приближенные русских князей, позже из числа бояр назначались наместники, управлявшие отдельными частями княжеств. Затем боярами считались и именовались родовитые люди, из поколения в поколение занимавшие видные должности и бывшие рядом с князьями и тем более великими князьями. Они были обязаны служить, возглавляя войско, за что всегда владели наследственными вотчинами значительных размеров. Дружины бояр обычно составляли основу их военной силы. С XIII столетия увеличилась самостоятельность бояр, которые в годы раздробленности на Руси с легкостью могли менять хозяев. Примерно с этого же времени в княжествах возникают боярские советы, игравшие важную роль в политике. В XIV–XV вв. с укреплением ведущих княжеств и началом складывания Московской Руси права бояр начали ограничиваться (это касалось прежде всего их перехода от одного князя к другому).

Но главный удар по русскому боярству нанесла опричнина Ивана Грозного, смысл которой сводился к максимально возможному искоренению боярских родов с их правами и притязаниями с тем, чтобы создать сильное централизованное государство. Действуя варварскими, бесчеловечно жестокими методами, Иван Грозный немалого добился. При нем степень централизации власти русского царя возросла, хотя и укрепилась роль Боярской думы. Из простого совещания князей с их боярами и из обычных боярских советов при князьях этот орган власти стал уже главным элементом сословного представительства при царе. «Царь указал, бояре приговорили» — такая формула типична для того времени, когда Боярская дума играла в жизни страны значительную роль.

Впрочем, уже с XVI века, если даже не раньше, параллельно с широким составом Боярской думы начала функционировать так называемая *Ближняя дума* (при Грозном — Избранная рада), состоявшая всего из нескольких доверенных и облеченных наибольшими полномочиями лиц, прежде всего из членов Боярской думы, хотя порой и не только из них. Это было нечто вроде правительства, контролировавшего деятельность приказов и военачальников-воевод. Однако дума постепенно утрачивала свою роль в середине XVII в., а при Петре I ее место занял Сенат.

Дворяне и Земские соборы. Дворяне были на протяжении ряда веков дружинниками князей и крупных бояр, получая за свою службу (прежде всего военную) владения типа поместий. Число и роль дворян резко возросли при Иване Грозном, проводившем, как упоминалось, политику избиения бояр. В XVI–XVII столетиях дворяне как привилегированное сословие вышли на передний план и именно с их интересами прежде всего должны были считаться цари, начиная с Бориса Годунова, когда заходила речь о праве Юрьева дня. Собственно, ради прочного закрепления за дворянами-помещиками их вначале сравнительно небольшого числа крестьян возникло в России крепостное право в том его отвратительном виде закрепленного законом крепостного рабства с правом купли-продажи людей, которое оно обрело со временем.

Появление дворянства как главного служилого и прежде всего военного сословия сыграло определенную роль в возникновении в XVI–XVII столетиях института Земских соборов, смысл существования которых сводился именно к ослаблению роли родовитых князей и бояр. Во время и после Смуты эти соборы, став сословно-представительными учреждениями, которые состояли фактически из нескольких палат (бояре, дворяне, духовенство, посадские и — реже — представители черносошных, т.е. не крепостных крестьян), играли очень важную роль. Чем-то они напоминали французские трехсословные Генеральные штаты. Именно они решали вопрос о том, кому быть царем. Но срок жизни их был невелик, и в середине XVII века он закончился. Это было связано с заметным укреплением авторитарной власти правителей Руси-России, опиравшихся на сложившуюся к этому времени и более или менее исправно функционировавшую централизованную администрацию, состоявшую в основном из служилых дворян.

Дьяки и приказы. Примерно с XVI века в России начинает складываться система бюрократической администрации, суть которой

сводилась к возникновению учреждений типа *приказов* (служб, департаментов, бывших прообразом будущих министерств). Состав чиновников в каждом из них вначале был невелик. Возглавлял приказ дьяк, помощниками его были подьячие и приставы, а также мелкие служащие типа глашатаев либо стражников. Структура приказов не была стройной. Они возникали по мере необходимости и имели очень разный облик. Ранее всего появились приказы-*избы* Посольский, Разрядный (учет служивых, дворян, формирование полков, забота о границах), Ямской, затем возникли более дробные — Стрелецкий, Пушкарский, Поместный. Все названия говорят сами за себя. Казна, или Большой приказ, делилась на три основных по характеру прихода: Большой приход ведал таможней, Новая четверть следила за доходом от кабаков, а Большая казна за прочими выплатами и состоянием дел в казенных промыслах и торговле. К нему были привязаны финансовые приказы-четверти в разных районах — Костромская четверть, Новгородская и другие. Существовали приказы Разбойный (убийства, разбои и т.п. вне Москвы) и Земский (уголовные дела, полицейские функции в Москве), приказы Казанского дворца и Сибирский, ведавшие делами в этих регионах. Тайный и Челобитенный надзирали за другими приказами.

Очень важно принять во внимание, что репрессии Ивана Грозного затрагивали отнюдь не только бояр. Свирепый правитель расправлялся и с бюрократией, меняя ее верхушку и казня одного за другим прежних дьяков. В период Смуты система приказов была, естественно, дезорганизована. Возникали новые, дробились старые, появлялись временные, связанные с конкретными потребностями дня. При Филарете по образцу государственных было создано несколько патриарших. Число приказов и количество служивших в них, начиная с подьячих, в середине XVII века росли особенно быстрыми темпами, причем это создавало немалую неразбериху. Волокита, неповоротливость становились нормой. И хотя власти пытались как-то реформировать всю систему, она постоянно давала сбои, пока Петр I не заменил приказы новыми и более совершенными структурами — коллегиями с работавшими в них чиновниками разных рангов.

Пограничные линии. На местном уровне страна делилась на уезды, число которых равнялось примерно 250. Во главе уездов и некоторых городов стояли воеводы, в чьих руках была не только военная, но и гражданская власть. Что же касается более крупных территориальных единиц, то они в условиях России того времени приняли специ-

фический облик пограничных линий или разрядов. Самой близкой к Москве была Береговая линия крепостей с центром в Серпухове, затем шла Тульская, первоначально бывшая Украиной, т.е. крайней по отношению к внешнему миру. По мере расширения территории значимость этих линий уходила в прошлое, а актуальность обретали новые. Это были Белгородская и еще дальше, возле Крыма, Севская. На западе важнейшей была Смоленская, на северо-западе Новгородская. А в XVII столетии появились Казанская, Сибирская, затем также Тобольская, Енисейская и еще некоторые. Хотя граничные линии-разряды были прежде всего военными и управлялись воеводами, те же воеводы ведали и гражданскими делами. По существу, разряды-линии были чем-то вроде прообраза будущих губерний.

ЭКОНОМИКА И МАССОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Экономика России после потрясений, вызванных Смутой, приходила в себя добрых три десятка лет, если не больше. Главным результатом успешного развития ее, если иметь в виду прежде всего сельское хозяйство и товарное производство продуктов земледелия, в середине XVII столетия было освоение новых земель на юге страны, от Поволжья до южносибирских территорий. Это освоение происходило вследствие весьма заметного переселенческого движения. Вплоть до 1649 года, когда Юрьев день был окончательно ликвидирован специальным Уложением, а крепостное право вступило в свои полные права, такого рода переселение было более или менее реальным и в принципе, несмотря на существовавшие нормы о поимке беглых, вполне возможным. Примерно к этому же времени восстановилось и сельское хозяйство в разрушенных Смутой районах центральной части страны. Это способствовало стабилизации в экономике, хотя и далеко не всегда обеспечивало социальное спокойствие, особенно в голодные годы.

Что касается промышленности, то стоит отметить определенный рост числа городов и доли занятых в ремеслах, промыслах и торговле горожан. Если оставить в стороне ремесленное производство в крестьянских семьях, доля которого в общем валовом промышленном продукте России того времени была более чем заметна (ткань, кожа и изделия из них, посуда, повозки и т.п.), то стоит обратить внима-

ние на определенную специализацию различных районов страны. В больших городах расцветали торговля и разные виды ремесла, в том числе производство изысканных изделий на заказ. Более мелкие специализировались на производстве таких товаров, как оружие (Тула), мыло и ткани (Кострома), изделия из кожи (Казань, Ярославль), а также металл, судна, канаты и иные промышленные товары. Число городов в середине века достигло примерно 250. Особо стоит упомянуть о добыче соли в районе промыслов на севере, о торговле пушниной, в основном сибирской. Развивалась и внешняя торговля. Русские купцы торговали кожей, пушниной, пенькой, льном, салом и другими продуктами. Западные привозили чаще всего готовые изделия. Все более ощутимо со временем давала о себе знать политика протекционизма, сводившаяся к увеличению таможенной пошлины, взимавшейся с иноземцев.

В целом же, если сравнивать с экономическим развитием европейских стран, в том числе восточноевропейских, уровень развития промышленности и торговли в России был более низким. Страна явно отставала в этом смысле от Запада, что не стоит считать чем-то удивительным. Скорей это следует воспринимать как закономерный результат ее исторического развития, всех тех испытаний, которые выпали на ее долю, и в первую очередь влияния татарского ига, надолго затормозившего поступательное движение на Руси. Что касается социальных протестных движений, то их было не слишком много, но они все же оказались на общем стабильном фоне достаточно заметными. К их числу необходимо отнести ряд стихийных и чисто русских по характеру бунтов («бессмысленных и беспощадных» — по Пушкину). Это прежде всего так называемые Соляной и Медный бунты. Первый из них был связан с заменой прямых налогов налогом на соль в 1646 году. И, хотя уже в следующем году этот налог был отменен, вместо него в 1648 году стали требовать уплатить прямые налоги сразу за два года. Это вызвало резкое недовольство и напряженность в стране, проявившиеся прежде всего в бунте московских посадских людей (горожан). Восставшие потребовали выдать им названных ими виновных и жестоко расправились с ними, а также с теми служивыми и боярами, кого считали виновными во взяточничестве, дурном управлении, неправедном судопроизводстве. Волна аналогичных движений прокатилась и по другим городам, после чего было разработано новое Уложение 1649 года, о котором упоминалось в связи с утверждением в России крепостного права. Медный бунт

произошел в июле 1662 года в связи с выпуском медных денег, приравненных к серебряным. На этот раз в ответ на требования отменить медные деньги началась жестокая расправа с бунтовщиками, после чего медные деньги в начале 1663 года были все же отменены.

Оба бунта следует считать определенным сигналом, свидетельствовавшим о явном неблагополучии и о росте в стране социальной напряженности. Считается, что проявлением напряженности было и вызванное новым Уложением требование об ужесточении сыска беглых крестьян. Многие бежали на Дон, где уже существовала немалая база казацких поселений и откуда беглых, как правило, властям не выдавали. Более того, казаки просили официально принять их на государеву службу. Отказ привел в 1667 году к массовому недовольству, возглавленному небезызвестным Степаном Разиным. Полуразбойное воинство из нескольких тысяч восставших обзавелось оружием и довольно длительное время активно действовало в районе Каспия, ведя безуспешные переговоры о переходе на службу с персидским шахом. Возврат воинства на Волгу усилил его за счет многих недовольных властью. Правительству царя Алексея Михайловича пришлось послать к Симбирску несколько полков, и в 1671 году восстание было подавлено.

Бунты и движения недовольных не прекращались и после Алексея Михайловича. Одним из них было в 1682 году восстание московских стрельцов. Стрельцы как особое воинское образование жили в Москве и других городах страны. Московские стрельцы были призваны охранять Кремль и государя. Они получали жалованье и имели возможность вести свое хозяйство, занимаясь ремеслом и торговлей. В начале 80-х гг. их жалованье выплачивали нерегулярно. Кроме того, они были раздражены взятками и вымогательствами со стороны приказных (имеются в виду прежде всего Разрядный и Стрелецкий приказы) и некоторых своих начальников. Выбор царем подростка Петра, сына второй жены Алексея Михайловича из дома Нарышкиных, которые в это время как раз и играли главную роль в системе администрации, вызвал недовольство стрельцов и послужил одним из поводов к восстанию. В конце апреля 1682 года стрельцы предъявили Нарышкиным ультиматум, требуя, по устоявшемуся уже обычаю, выдать на расправу неугодных начальников. Вскоре начались расправы, стрельцам выплатили жалованье, но восстание ширилось. Именно стрельцы потребовали, чтобы царями стали оба сына Алексея Михайловича, Иван и Петр, а регентом царевна Софья. После этого Со-

фья сумела усмирить недовольных стрельцов, казнив возглавившего было их князя Хованского, начальника Стрелецкого приказа. Стрелецкий бунт на этом прекратился, чтобы вспыхнуть снова в самом конце века, но уже при несколько иных обстоятельствах.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Если не считать неудачи в Смоленской войне 1632–1633 года, события, имевшие отношение к внешней политике, завершались в основном удачно для России. Борьба с Крымским ханством на рубеже 1630–1640 гг. привела к падению Азова. И хотя правительство, памятуя о смоленской неудаче, не решилось на оккупацию взятого казаками крымского города, поражение противника в этой войне было несомненным успехом. Однако много более значительным достижением следует считать присоединение в 1654 году Украины к России.

Украинские земли во главе с Киевом, которые на протяжении ряда веков были под властью то Литвы, то Речи Посполитой, представляли собой очень лакомый кусок. Польско-литовская шляхта и богатейшие магнаты крепко держались за него. Однако подавляющее большинство местного населения, среди которого тон задавали хорошо известные запорожские казаки, эти вольнолюбивые воины, то и дело схватывавшиеся с татарами и турками, не слишком жаловало своих недавних польских хозяев. Запорожская Сечь как крайне специфическая организация полуреспубликанско-полувоенного типа, чем-то напоминающая средневековые воинские ордена, возникла в середине XVI века и была вызвана к жизни беглыми крестьянами, недовольными давлением со стороны поляков и литовцев. Жили казаки в поселениях-куренях, а все проблемы решала Сечевая рада, на которой выбирались военачальники (атаманы). С течением времени среди формально равных казаков выделились богатые семьи, обычно возглавлявшие систему самоуправления днепровского казачества.

Именно казаки, сохранявшие в массе своей верность православию в противовес католикам и униатам, в конечном счете решили вопрос о том, с кем быть Украине. Восстание 1648 года во главе с гетманом Богданом Хмельницким привело казаков к победе над польскими войсками. Богдан явно склонялся в сторону самостийной Украины,

но условий для этого не было, что ему пришлось осознать. И когда Земский собор в Москве в октябре 1653 года принял решение о готовности присоединить Украину к России, Хмельницкий на Переяславской раде в январе 1654 года добился решения казаков стать под высокую руку русского царя. Разумеется, при этом были тщательно оговорены права и вольности запорожского казачества. И хотя после смерти Хмельницкого в 1657 году его преемники попытались было вернуть Украину под власть Польши, казаки не пошли на это. Более того, последовала война с Польшей, в результате которой Правобережная Украина в основном, за исключением небольших анклавов, прежде всего Киева, оказалась все же под властью Речи Посполитой. Последовавшие вскоре за этим, в 80-х гг., войны с Крымом позволили русско-украинскому войску во главе с князем Голицыным показать внушительную силу русского оружия и добиться победы. Однако более значительных успехов в этом направлении русские добились позже, уже при Петре I (имеются в виду Азовские походы).

ПАТРИАРХ НИКОН И РАСКОЛ

Проблема точного соблюдения основных церковных служб и упоминания во время этих служб тех или иных словесных формул возникла на Руси в XV в., еще до падения Византии. Однако наиболее серьезный характер она приняла после этого исторического события, когда Москва взяла на себя функции *третьего Рима* и тем осознала свою ответственность за точное соблюдение всех норм православия. Суть проблемы сводилась к тому, что обилие разночтений было связано с разной трактовкой некоторых важных текстов и связанной с ними практики обрядов. а также с возникавшими то и дело сомнениями по этому поводу, вплоть до важнейшего для каждого православного вопроса о том, двумя или тремя перстами следует креститься.

Когда в 1652 году патриархом стал Никон, к нему из Афона, бывшего важным центром, хранившим чистоту греческого православия, пришло послание с извещением, что тамошние монахи сожгли московские книги, упоминавшие о двуперстии, считая их еретическими. Это был важный повод для начала церковной реформы, которую Никон замыслил еще до своего избрания, когда он был митрополитом в Новгороде. Обратившись к книгам, хранившимся в патриаршей

библиотеке (стоит напомнить, что первые печатные издания в Европе и особенно в Москве были почти исключительно церковными), и ознакомившись с отчетами паломников, побывавших в Греции, Никон открыто выступил против идеи сохранения древнего русского благочестия, т.е. против тех ошибочных формул и обрядов, которые сложились в прошлом, когда русское православие было фактически оторвано от греческого и понемногу отклонялось от его канонов.

Создав специальную типографию, Никон взялся за публикацию переводов тщательно выверенных греческих православных текстов. Последовавшие за распространением этих книг по России несколько церковных соборов один за другим осудили двуперстное крестное знамение и иные существенные отклонения от канона, которые практиковались в русском православии (стоит заметить, что в разных местах существовали свои неточности). Однако вместе с тем возник конфликт между властолюбивым патриархом и царем Алексеем Михайловичем, что привело к демонстративной отставке Никона. Тем не менее от установки на четкое соблюдение канона и осуждение старообрядцев, которых на Руси оказалось более чем достаточно, царь и русская церковь после этой отставки не отказались. Напротив, они стали яростно преследовать противников реформ, которые вскоре были духовно возглавлены знаменитым раскольником протопопом Аввакумом.

Указ от 1685 года призвал к особой жестокости в этом гонении, вплоть до суровых наказаний, казни и сжигания староверов в их срубах, которые они, убегая от преследований на окраины России, особенно на ее севере, строили вместо церквей. Многие из гонимых, будучи фанатично преданными своим убеждениям, были готовы идти на смерть за них, порой не останавливаясь перед актами массового самосожжения в знак протеста. Вскоре, уже в конце века, возник ряд старообрядческих центров, а раскольники, несмотря на преследования, сохраняли свою веру. По меньшей мере отчасти староверами становились и жившие на окраинных землях донские и уральские казаки. При этом очень важно обратить внимание на то, что в раскольники шли люди убежденные, неравнодушные, искренне верующие, явно предпочитающие свою веру в Бога иерархам официальной церкви и поддерживающим их властям.

Это важно потому, что именно здесь явственно прослеживается функциональное сходство русских старообрядцев с западноевропейскими протестантами. А сходство это в свою очередь говорит о мно-

гом. Будучи людьми строгих правил, не пьяницами и не лентяями, не склонными к сквернословию и тем более воровству, не обремененными многими иными пороками, русские старообрядцы вскоре стали выделяться среди прочих православных. Некоторые из них (со временем они разделились на поповцев, т.е. имеющих священников, и беспоповцев, обходящихся без них), как известно, двумя веками спустя стали самой активной частью русских купцов и предпринимателей. Достаточно упомянуть имя Морозовых. Остальные были трудолюбивыми работниками, привыкшими к тяжелому труду и добивающимися благодаря этому, не говоря уже об отсутствии в основных местах их расселения норм крепостного права, если и не всегда процветания, то практически всегда благосостояния. И это вполне понятно: оставленные на обочине жизни, преследуемые и порой облагавшиеся тяжелыми налогами со стороны казны, старообрядцы оказались людьми инициативными, умевшими использовать исповедуемые ими нормы в сочетании со строгими моральными принципами во имя активного и успешного хозяйствования. К слову, этим разительно отличались и старообрядческие колхозы при советской власти.

Глава тринадцатая. РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ

В истории России XVIII столетие было периодом решительного и успешного преодоления отсталости, своего рода огромного скачка вперед. Страна вошла в новое столетие с грузом тяжелого прошлого, но благодаря двум наиболее значительным правителям за всю ее тысячелетнюю историю, императорам Петру Первому и Екатерине Второй, она стала подлинно великой державой. И хотя это еще вовсе не означало, что Россия оказалась по всем параметрам равной другим великим государствам, особенно западным, это не мешает гражданам страны гордиться не некой слащавой мифической «святой Русью», но именно империей Петра и Екатерины. Гордость эта тем более обоснована, что преобразования и достижения начала и конца XVIII столетия породили русский XIX век, этот золотой век высокой отечественной культуры, особенно — хотя и далеко не только — ее великой литературы, от Пушкина и Лермонтова до Достоевского и Толстого.

Всего этого, не будем забывать, страна добилась исключительно благодаря тому, что, вопреки долго и настойчиво проводившейся до

того правителями и церковниками политике противостояния Западу она именно в XVIII веке, веке Просвещения, обратилась лицом к тому самому Западу. Был такой поворот нелегким. Он стал практически возможным только благодаря неустанным усилиям Петра I, прорубившего, по замечательному выражению Пушкина, окно в Европу. Собственно, именно это окно в решающей степени и породило все того же Пушкина, которого в лицее прозвали, опять-таки не забудем этого, французом. Впрочем, обратимся к основным фактам и событиям истории страны. Конечно, все они или большинство их хорошо известны каждому со школьной скамьи. Но заслуживают внимания акценты и оценки, всегда и особенно ныне весьма противоречивые. Начнем, естественно, с преобразований Петра.

ЮНОСТЬ ПЕТРА

Расправа с преданными царевне Софье придворными помогла юному царю Петру в 1689 году захватить реальную власть в стране. Следует заметить, что этому перевороту помогли так называемые *потешные* забавы Петра, который с отроческих лет жил вне Кремля в отданных ему нескольких подмосковных *потешных* селах, где он создавал свои *потешные* полки, вначале в основном из сверстников, представителей разных сословий. Петр интересовался прежде всего военным делом, причем отдавал предпочтение мореходному искусству. С помощью иноземцев из немецкой слободы, часто и охотно посещаемой Петром, он не только узнавал о новинках в этом деле и активно пополнял свое очень недостаточное образование, но и обретал уважение к западным достижениям и, едва ли не главное, энергично реализовывал теоретические познания на практике. В частности, на Переяславском озере близ Москвы он строил флот, причем судна его флота были оснащены новейшей западной навигационной и прочей техникой. Словом, к 1689 году уже женатый по настоянию матери, но бегавший от жены к своему флоту Петр проявил себя в качестве будущего правителя, подготовленного не только к борьбе за власть, а и к решительным преобразованиям страны, сильно отставшей от знакомого ему во многом Запада.

Став вместе с больным и не мешавшим ему братом Иваном правителем России, Петр еще менее, нежели прежде, считался с принятыми в Кремле нормами существования. Он по-прежнему зани-

мался *потешными* войском и флотом и стал еще теснее общаться с иноземцами из немецкой слободы. Он сошелся, в частности, с шотландцем генералом П. Гордоном, с полковником швейцарцем Ф. Лефортом, а через них и с бытом всей слободы, жившей на западный лад. Именно отсюда шли корни любви Петра к западной одежде, танцам и всему быту, столь разительно отличавшемуся от того, что было принято в русских боярских домах с их преданностью нормам «Домостроя», составленного еще в XVI в. и соответственно определявшего нормы бытовой культуры допетровской России. Вместе с тяготением ко всему западному (не стоит забывать и о юношеском чувстве к Анне Монс, скрасившем очевидно неудачный брак царя) Петр, однако, не оставлял привязанности к воинским делам. Более того, эта детская и юношеская привязанность к военному делу довольно быстро вместе с подраставшими воинами полков, в первую очередь знаменитого в будущем Преображенского, переставала быть потешной. Так же обстояло дело и с кораблями, которые строились теперь не на закрытом озере, а в открытом порту Архангельске. Царь понемногу становился самовластным, а в 1694 году, когда умерла игравшая большую роль в его жизни мать и Петр стал совсем самостоятельным, в его характере наряду со склонностью к веселым забавам появились не только твердость, но и жестокость. Впрочем, без этих необходимых для русского самодержца качеств он просто не удержался бы у власти.

Дело в том, что склонность к безудержному пьяному веселью, шутовским забавам и розыгрышам молодого царя многим в высших кругах, его окружавших, не была понятна. Сумасбродство самодержца, бывшее проявлением протеста в сфере средневекового быта, многими резко осуждалось. В то же время успех первого серьезного военного похода и взятие Азова в 1696 г. с помощью нового построенного в Воронеже флота доказывали России, что ориентация на новейшие достижения Запада в принципе верна. И хотя многие из его окружения продолжали осуждать Петра, а в столице даже возник заговор против него, царь не испугался. Он жестоко расправился с заговорщиками и в пику своим недоброжелателям не только послал учиться в Европу юношей из знатных родов, в то же время заставив их старших родственников, в том числе почтенных бояр, стричь бороды и носить на приемах немецкое платье, но и отправился туда сам. Инкогнито, под видом Петра Михайлова, в составе так называемого Великого посольства под руководством Ф. Лефорта и Ф. Головина,

царь смело отбыл в довольно длительное путешествие по странам Запада (с весны 1697 до конца августа 1698 г.), оставив страну на попечение Боярской думы.

ПЕТР I НА ЗАПАДЕ И ЕГО ВОЙНЫ

Поездка сыграла огромную роль в судьбах не только царя, но и всей России. Впервые в истории страны ее самодержавный правитель запросто, под видом чуть ли не простолюдина, поехал, не стесняясь того, учиться уму-разуму у тех, кого с таким пренебрежением воспринимали на его родине на протяжении многих столетий. Через Ригу, где шведы встретили русского царя весьма прохладно, не дав ему даже осмотреть укрепления в городе, и Пруссию, где прием был очень радушным, посольство через Ганновер и Бранденбург прибыло в Голландию, где застряло надолго. Царь поступил в качестве простого плотника на знаменитые верфи Саардама, где участвовал в строительстве кораблей. Инкогнито его было расшифровано довольно быстро, так что большое количество жителей маленькой страны сбегались посмотреть на него, что его ужасно злило. Вскоре царь переехал в Амстердам, но и там не обнаружил того, к чему более всего стремился, т.е. чертежей и вообще зафиксированных в документах сведений, имевших отношение к строительству военных кораблей. У голландцев, великих практиков торгового мореходства, таких сведений и тем более чертежей вообще не существовало. Вызнав, что нечто подобное есть в Англии, Петр, оставив посольство в Голландии, отправился туда.

В Англии его принял сам король Вильгельм III Оранский, который любезно предоставил русскому царю возможность удовлетворить свое любопытство, пригласив его на учения и поручив специалистам познакомить его с основами кораблестроения. Петр посетил заседания парламента, что не произвело на него впечатления, беседовал с иерархами англиканской церкви, но более всего остался доволен беседами с главой протестантов-квакеров знаменитым Уильямом Пеном, тем самым, что вскоре с основной частью своей общины обосновался в Северной Америке, создав там колонию, превратившуюся в штат, до наших дней носящий его имя, — Пенсильвания. Пен подарил ему свои книги, с которыми царь, похоже, ознакомился, ибо его симпатии к квакерам остались надолго. Из Англии Петр возвратился в Голландию, откуда с посольством направился

летом 1698 года в Вену. Из Вены он намеревался отбыть в Италию, но известие о заговоре и восстании московских стрельцов заставило его спешно возвратиться в Москву. Жестоко расправившись со стрельцами (свыше 800 было казнено, остальных сослали, после чего стрелецкое войско перестало существовать, будучи замененным созданной Петром регулярной армией), царь наказал стоявшую за их спиной Софью, которая была пострижена в монахини.

Участие в посольстве сыграло большую роль в жизни Петра, открыв перед ним новые широкие горизонты и подтолкнув царя к необходимым реформам. И хотя с точки зрения дипломатии успехи были не очень значительными (создать коалицию против турок Петр не сумел), он преуспел в главном: фронт на западе был прорван. Европа узнала о любознательном русском царе и охотно откликнулась на многие его просьбы. Прежде всего это коснулось тех многочисленных специалистов, которых русский царь щедро приглашал работать и многие из которых откликнулись на его призыв и прибыли в Россию. Был и еще один существенный результат. Царь в ходе контактов с иностранными государствами еще раз уяснил, что едва ли не главным соперником России, если не считать турок, была Швеция. Это и определило основное направление будущих военных действий.

Заключив в 1700 году мирный договор с Османской империей, Петр двинул свои войска на северо-запад, к границе с Швецией. Началась Северная война, длившаяся свыше 20 лет и завершившаяся Ништадтским миром 1721 года, по условиям которого Прибалтика и часть Карелии перешли к русским. Но уже задолго до окончания войны ее первые результаты оказались решающими как для исхода войны, так и для судеб Швеции и России. Потерпев поражение под Нарвой в том же 1700 году, Петр предпринял лихорадочные усилия для развития отечественной металлургии на Урале и изготовления пушек. Стоит заметить, что для этого Петр не пощадил и многие колокола с русских церквей, справедливо полагая, что пушки теперь важнее. В итоге русский царь в 1702 г. штурмом взял крепости Нотебург, названную Петром Шлиссельбургом, и Ниеншанц. Эта победа открыла перед русскими столь желанный выход в Балтийское море. Сразу же было начато строительство Петропавловской крепости, а затем и Петербурга. В 1704 г. русские взяли Нарву. А когда шведы, пройдясь боевым маршем по Речи Посполитой, достигли украинских земель, Петр I встретил Карла XII под Полтавой.

Полтавский бой 1709 года вошел в русскую историю как одна из наиболее ярких и имевших судьбоносное значение ее побед. Петр, если вспомнить блестящую поэму Пушкина, был несказанно рад и необычайно радушен по отношению к пленным шведам, которых искренне считал своими учителями в масштабных сражениях регулярных войск. Но главное было не в этом. Бой под Полтавой предопределил, с одной стороны, исход Северной войны и конец активной политики Швеции в Европе, а с другой — выход на авансцену европейской истории победоносной русской армии, в 1710 взявшей Ригу, Ревель (Таллин), Выборг и Кексгольм и тем обеспечившей безопасность новой северной столицы, города-порта Петербурга. Войны на юге, с Турцией и Персией, велись Петром с переменным успехом. Неудача Прутского похода 1711 года привела к потере русскими Азова, который вновь на несколько десятилетий оказался под властью турок. Зато Персидский поход 1722–1723 гг. привел к присоединению к России Дербента и Баку. В целом войны Петра I следует считать удачными для судеб России. Ведь в результате важнейших из них, в первую очередь Северной, она получила столь долгое время страстно желаемый выход к морю. В связи с этим стоит вспомнить Ливонские войны, которые безуспешно вел еще Иван Грозный. Балтийское окно в Европу означало не только связи с европейским миром, хотя именно это было важнейшим, но и возможность превращения России в великую европейскую державу. Именно это и произошло благодаря как успешным войнам, так и прочим великим преобразованиям Петра Первого.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Реформы, которые во многом решительным образом изменили облик допетровской России, не были результатом тщательной предварительной подготовки. Да и некому было их готовить — при всем том, что царя окружали верные ему единомышленники, порой весьма незаурядные деятели. Сложность была в том, что для подготовки необходимых реформ нужна была определенная профессионализация реформаторов. А ее как раз и не было. Нет слов, здесь во многом помог визит царя с его приближенными в страны Запада, откуда можно было взять немало полезных новшеств. Но не все, что было на Западе, подходило для России. В частности, это касалось, например, системы парламентаризма, с которой царь ознакомился, побывав на

заседании английского парламента. И все же, тем не менее, радикальные реформы в России проводились. Пусть обрывисто, клочковато, нередко с добавлением либо пересмотром отдельных пунктов, но при том весьма последовательно и целенаправленно. Цель их была совершенно очевидной и сводилась к тому, что России следовало как можно быстрее преодолеть отставание и сблизиться со странами Запада.

Военные реформы. Главнейшими из всех были реформы военные, как в отношении армии и флота с их вооружением и оснащением, так и в сфере организации всего того, что ныне именуется военно-промышленным комплексом. Что касается армии, то следует заметить, что некоторые перемены в этом плане были реализованы еще до Петра, когда появились первые полки иноземного строя, правда, проявившие себя в Смоленской войне 1632–1633 гг. не очень успешно. Тем не менее реформы Петра свелись к решительному отказу от воинства стрельцов — и далеко не только потому, что они были склонны к бунту. Царя Петра не устраивала семейно-хозяйственная структура стрелецкого воинства. Оставив эту форму существования лишь казакам, которые по боевому духу и повседневной полной опасностей жизни на отдаленных границах страны разительно отличались от сравнительно спокойно живших городских стрельцов, царь сделал серьезный акцент на создании совершенно нового регулярного войска. Одетое в заимствованную с Запада удобную форму, вооруженное таким же, как на Западе, оружием и основанное на системе рекрутского набора, это войско, жившее в казармах, быстро стало регулярным, т.е. хорошо обученным и профессиональным. Таких солдат у Петра к концу его царствования было свыше 200 тысяч. Да еще примерно 100 тысяч казаков.

Флот, как упоминалось, создавался царем заново, причем энергичными темпами и сразу на высоком уровне европейского кораблестроения. К концу царствования Петра, как принято считать, в его распоряжении было 48 линейных кораблей и почти 800 гребных галер и иных вспомогательных судов, а также почти 30 тысяч военных моряков и обслуживавшего корабли персонала. Это был мощный военный флот, выдвигавший Россию на одно из первых мест среди военно-морских держав. Что касается вооружения, особенно артиллерийского, которое играло основную роль при оснащении военных кораблей, но имело немалое значение и в регулярном пехотном войске, то для его изготовления, равно как и для оснащения армии и флота всеми иными нужными ей изделиями, были предприняты

серьезные меры. Петр щедро снабжал предпринимателей, в частности Н. Демидова, казенными крестьянами для работы на уральских железоделательных заводах, а также на многих иных мануфактурах (пороховых, парусинных, канатных, суконных, кожевенных, шляпных и прочих), производивших все необходимое для снабжения армии. Такие мануфактуры, количество которых прежде было сравнительно невелико, при Петре исчислялись сотнями. Царь и по его поручению предприниматели, из числа как простолюдинов, так и дворян, заботились и о горнорудном деле, об открытии, особенно на Урале, полезных ископаемых, о добыче разных руд и каменного угля. Предприятия, особенно нужные стране и ее армии, на многие годы освобождались от всех налогов и пошлин. Кроме того, Петр I активно покровительствовал русским купцам, рекомендуя им создавать компании на манер западных и торговать с иными странами. Словом, если говорить в целом, ограниченная вестернизация России при Петре I свелась прежде всего к милитаризации страны.

Административные преобразования. Административное устройство все расширявшей свои пределы страны было до петровских реформ в общем-то в безобразном состоянии. Нужны были серьезные меры по решительному его изменению. И именно здесь, в очень сложном деле, от разумного решения которого зависело укрепление централизованной администрации в России, преобразования шли одно за другим, то вводя, то отменяя те или иные новшества, замещаемые более разумными и серьезно продуманными. Не обращаясь к деталям и тем более к хронологии новаций, к замене одних реформ другими, выделим самое основное.

Прежде всего, для Боярской думы время отъезда Петра на Запад было своего рода лебединой песнью, после которой она тихо скончалась, уступив место высшего государственного органа власти созданному Петром Сенату, который с этого времени был главным правительственным учреждением Российской империи. В Сенате заседали прежде всего главы коллегий, которые сменили прежние русские разряды. Изменились число и номенклатура коллегий. На смену чуть ли не сотне, если даже не с лишком, разрядов пришли сравнительно немногие, выполнявшие функции будущих министерств. Это были Военная и Административная коллегии, Коммерц-коллегия (торговля), Берг- и Мануфактур-коллегии (промышленность), Камер-коллегия (ведомство доходов) и Штатс-коллегия (расходы), Юстиц-коллегия, коллегия Иностранных дел, Ревизион-коллегия

(контроль за финансами), Вотчинная коллегия. В коллегиях создавались своего рода департаменты (*столы*), каждый из которых ведал своей определенной частью дел. Параллельно с Сенатом с его коллегиями (впоследствии в Сенат входили не только главы коллегий, но и иные заслуженные лица) было создано очень влиятельное ведомство генерал-прокурора, причем о первом из его глав, всевластном С. Ягужинском, обычно говорили, что он являет собой «око государево». Генеральный регламент 1720 года четко определял функции должностных лиц каждой коллегии, от ее президента, вице-президента и членов до низших канцеляристов. В нем также были расписаны порядок приема и отправления корреспонденции, взаимоотношений с другими учреждениями, правила хранения архивов и иные очень немаловажные правила.

Наряду с коллегиями и ведомством генерал-прокурора существовали и специальные финансовые структуры. Это, во-первых, так называемые *фискалы* во главе с обер-фискалом, входившим в состав членов Сената. Ведомство осуществляло тайный надзор за сбором и расходованием казенных денег с последующим привлечением виновных к сенатскому суду. Была также создана группа прибыльщиков, в функцию которых входило искать новые источники прибыли, как, например, предложение использовать специальные гербовые листы при подаче различных прошений, жалоб и т.п. К слову, для рассмотрения всех такого рода жалоб и соответствующего ходатайства в связи с этим в разных канцеляриях было учреждено ведомство генерал-рекетмейстера. Что касается территориально-административной системы, то она тоже обрела вполне европейский вид. На смену нечетким и не вполне ясным по их функциям линиям пришли губернии, коих вначале было всего восемь. Во главе их стояли губернаторы и вице-губернаторы, а при них определенный штат чиновников. Ниже губерний оставались провинции и уезды. При этом должность воеводы была ликвидирована, а возглавляли административные подразделения на местах чиновники, чье официальное наименование вначале еще не устоялось. Городское население, подчиненное как коллегии Главного магистрата, так и местному губернатору, делилось, в основном по уровню состоятельности, на три разряда-гильдии. Оно даже обрело, следуя западным стандартам, некоторое самоуправление, получив право создавать свой административный орган типа магистрата.

Очень важной новацией, приводившей всю усложненную схему администрации в более строгий порядок, стало введение в стране

системы административных рангов, той самой, у истоков которой когда-то стоял древнекитайский реформатор Шан Ян. Эта система — как и система экзаменов на чин — проникла из Китая в Западную Европу, а уж оттуда была взята царем Петром. Русская табель о рангах, т.е. иерархия чинов (откуда и термин *чиновник*), состояла из 14 рангов и использовалась для строгого упорядочения номенклатуры всех гражданских администраторов, став также и основой воинской субординации. Стоит обратить внимание на то, что должность, статус и заработная плата зависели от ранга и что низшие канцеляристы были вне этой строгой системы. А сама система играла, помимо прочего, очень существенную роль в упорядочении всей заметно усложнившейся бюрократической соподчиненности.

Завершая обзор административных преобразований, важно напомнить о том, что одним из очень важных среди них была ликвидация русского боярства. Не только Боярская дума, но и бояре как сословие высшей знати, обладавшее правом наследственного вотчинного владения крупными земельными массивами, ушли в прошлое. В соответствии с указом Петра I о единонаследии в марте 1714 года наследственные вотчины и служебные условные владения-поместья дворян были уравнены. Те и другие отныне превращались в единые по типу, хотя порой и существенно отличные друг от друга размерами, наследственные владения, **имения**, со временем, всего через несколько десятилетий, ставшие, как известно, сравнительно легко отчуждаемыми. Право наследования при Петре начало закрепляться (опять-таки сказалось влияние классического западноевропейского принципа майората, принятого с определенными модификациями) лишь за одним сыном по его выбору. Если не было сына, это право передавалось дочери либо родственнику той же фамилии. Остальные сыновья обязаны были служить на государевой службе за плату или обеспечивать существование иным способом, будь то торговля либо другая полезная деятельность. При этом за нежелание служить полагалось обычно суровое наказание, а при очевидной неподготовленности некоторых молодых дворян к воинской службе (таких именовали *недорослями*) следовало бесцеремонное их перевоспитание в казармах.

Церковная реформа. Петр был верующим христианином. Однако отношения его с русской церковью как одним из важнейших институтов складывались с трудом. Более того, царь явно недолюбливал всю структуру церкви в целом и политику, особенно идеологию

ее иерархов, прежде всего высшего руководства. Это и неудивительно. Для столь радикального и целенаправленного, с явным акцентом на передовой Запад, реформатора консервативная русская православная церковь была не просто помехой. Она была противником, в ряде случаев не скрывавшим свое осуждение поступков государя. Следует с самого начала оговориться, что взаимная нелюбовь между Петром и иерархами русской церкви вовсе не была связана с тем, что царь самовластно снимал в ряде случае церковные колокола и переплавлял их ради изготовления столь необходимых ему пушек. Это в любом случае было каким-то разовым, вынужденным поступком и, разумеется, менее всего преследовало своей целью оскорбить чувства верующих. Главное было в другом.

Русская православная церковь чуть ли не с пеленок страстно ненавидела западный христианский мир, видя в нем врага хуже татар, с которыми она мирно уживалась и при которых, как то ни странно, даже кощунственно звучит, едва ли не процветала. Церковь сделала своим главным святым (во всяком случае после крестившего Русь Владимира) из числа русских князей Александра Невского, причем именно за то, что он побил западных рыцарей, а вовсе не потому, что он, ползая на коленях перед ханом, получил ярлык на великое княжество, ибо в качестве великого князя этот святой ничего заметного не свершил. Церковь с ненавистью отвергла саму мысль об унии с западным миром в момент гибели Византии. Опять-таки логика все та же: пусть будут турки, лишь бы не западные католики. И все это царь Петр хорошо знал. Прибавим к тому естественную консервативность церкви как института, ее горячее стремление ничего не менять в сложившихся исстари порядках. Это касалось как того, что связано с заимствованием передового западного опыта в сфере экономики, военного дела, управления страной и т.п., так и столь близких ей бытовых мелочей вроде проблемы бритья бород, ношения привычной одежды или «бесовских» шумных развлечений.

Словом, нет ничего странного в том, что отношение царя к церкви было, мягко говоря, негативным. Вопрос для него стоял очень серьезно, оставить ли церковную структуру такой, какой она веками сложилась, со всеми ее предпочтениями, или решительно что-то изменить. Разумеется, для радикального реформатора, каким он был, ответ на этот вопрос не вызывал сомнений. Но действовал царь осторожно. После смерти в 1700 году весьма не сочувствовавшего его преобразованиям патриарха Адриана Петр, уже побывавший на

Западе и твердо определивший свою политику, проявлявшуюся, в частности, и в его все более прохладном отношении к религиозному церемониалу, велел не избирать Адриану преемника. Одновременно приказал провести ревизию в аппарате высшей церковной администрации, выявившую ряд злоупотреблений. Назначив самолично местоблюстителя патриаршего престола, он велел ждать, пока не примет окончательного решения о судьбе церковной администрации. Пока же, не особенно церемонясь, Петр вел курс на сокращение числа монастырей, регулирование количества вновь постриженных монахов, ограничение возможностей церкви свободно распоряжаться ее имуществом. Он же демонстративно делал акцент на уважение по отношению к тем иерархам, которые происходили из западных областей России и были более тесно связаны с другими европейскими религиозными течениями, в том числе и с протестантизмом, к которому царь, не стесняясь, явно благоволил.

Впрочем, главным в его политике было вовсе не стремление сблизить русскую церковь с западными, на что реальных надежд быть не могло. Не будучи подвержен иллюзиям, русский самодержец к этому и не стремился. Его задачей стало обуздать своеволие церковных иерархов, поставив их под жесткий контроль той империи, которую Петр создавал. И именно с этим он блестяще, хотя и не очень скоро, справился. Начав с того, что в 1706 году, будучи в Киеве, он сблизился с Феофаном Прокоповичем, хорошим знатоком не только православия, но также католического богословия и основных идей протестантизма, автором ряда трактатов, Петр поручил ему разработать проект реформы русской церкви. Феофан на протяжении ряда лет, уже будучи митрополитом то во Пскове, то в Новгороде, предложил в 1721 году принятый Петром знаменитый Духовный регламент, в соответствии с которым патриарх был заменен *святейшим правительствующим Синодом*, состоявшим из высших церковных иерархов, но возглавлявшимся светским чиновником в должности обер-прокурора, который все решал и за все отвечал. Формально Синод вначале даже приравнивался к Сенату, но позже превратился в нечто вроде министерства по делам православия, а затем и ведомства в рамках министерства духовных дел и народного просвещения.

Со времен Петра Синод фактически стал одной из коллегий, во всяком случае по номенклатуре должностных лиц и строго ограниченным функциям. Это означало, что Русская православная церковь усилиями императора надолго, по сути до 1917 г., была лишена

самоуправления, хотя бы и под верховной властью государя. Соответственно многие судебные дела, которыми прежде ведала церковь, были переданы в ведение светских судов. Но гораздо важней были переход в ведение казны большей части церковных и особенно монастырских владений и переход большинства, если даже не всех священнослужителей, на содержание, получаемое из той же казны. Все это означало, что **церковь стала зависимой не от государя, как то было прежде, со времен византийского православия, но от государства, т.е. превратилась в одно из орудий управления страной.** Что касается функций, то Петр обратил особое внимание на необходимость нравственного совершенствования духовенства и народа, сделал подчеркнутый акцент на благотворительность как на одну из важнейших функций церкви и, что весьма существенно, провозгласил идею религиозной терпимости. Лишь по отношению к раскольникам-старообрядцам, которые во времена Петра были еще очень заметной консервативной силой, император был строг. Учитывая потребности казны и зажиточность старообрядческих общин, он обложил их двойным налогом.

Нельзя забывать о том, что Петр находил время для забот о развитии в стране системы образования и даже основ науки. Именно он позаботился о том, чтобы в России появилось большое число образованных на Западе людей, как из числа посланных туда русских юношей, так и за счет приглашенных в Россию иностранцев. При нем в 1725 году, как то хорошо известно, были заложены основы Академии наук, для работы в которой были приглашены иностранные ученые. В том же году был создан Петербургский университет, который, однако, в 1765 году на некоторое время закрыли «за отсутствием слушателей». Как бы то ни было, но первый русский университет восходит ко временам и к реформам Петра I. Конечно, не стоит не учитывать то немаловажное обстоятельство, что все петровские реформы — военные, административные, экономическо-финансовые и даже в сфере образования — были важны для укрепления и возвеличения созданной Петром империи (императором он стал в 1721 году). Всю свою жизнь император стремился прежде всего к успехам в войнах и к выполнению главной его задачи, к превращению страны в могучую державу с выходом в море. И с этим Петр Великий в конечном счете вполне успешно справился. Милитаризация России — его заслуга.

Отмечая это, не забудем, что методы его действий были адекватны уровню развития и отношениям, характерным для отсталой

страны, которую ему, взнуздывая, приходилось преобразовывать с использованием жестоких, подчас варварских средств, с бесцеремонным применением силы и суровых наказаний, с многочисленными казнями недовольных и заговорщиков, включая его единственного сына царевича Алексея. Дорого обошелся стране и лучший ныне из ее городов Санкт-Петербург со всеми его великолепными в архитектурном отношении пригородами. Много жизней было положено на то, чтобы «град Петров ... из тьмы лесов и топи блат вознесся пышно, горделиво», хотя справедливости ради стоит иметь в виду, что создавался этот город десятилетиями, тогда как Петр успел в общем-то лишь заложить его основу. Еще больше людей погибло во время войн и на тяжелых работах, необходимых для содержания войска. Немало было казнено за измену и восстания, многие нашли свою смерть в пыточных казематах.

Все это дорогостоящие издержки его политики. Но без этого взнуздать Россию император едва ли смог бы. И стоит в оправдание его заметить, что зря, из самодурства либо прихоти, **ради стремления запугать всех и заставить трепетать каждого, он** (здесь стоит обратить внимание на склонность некоторых проводить параллели между ним и Грозным либо Сталиным) **никого не казнил и даже не преследовал.** В этом плане он чист, и именно поэтому можно с легким сердцем отнестись ко всему тому нелегкому для русских людей труду и к тем среди них потерям, которые были необходимы в эпоху первого русского императора ради возвеличения России. **Думаю, что для патриотов России это один из немногих случаев, когда можно гордиться результатами преобразований, не стыдясь за то, сколько людей ради этого было загублено.**

РОССИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА

Преобразования первого русского императора были настолько велики и значительны, что повернуть после них Россию обратно было практически уже невозможно. Страна пришла в движение, а вёктор этого движения был строго задан всем тем, что проделал император за свою не столь уж и длительную жизнь. Оставалось идти по указанному им пути. Идти спокойно и смело, не страшась ничего. И, казалось бы, все располагало к этому. Однако на самом деле ситуация была много сложней. Огромное большинство страны, причем чем на

более низком уровне социальной лестницы, тем в большей степени, относилось к новациям Петра равнодушно, если даже не отрицательно. И попытки повернуть ход истории в обратном направлении не могли не появиться в головах влиятельных представителей консервативной оппозиции. Они стремились если и не повернуть заданное императором движение вспять, то по крайней мере приостановить, затормозить его. И в определенной степени весь длительный период после Петра I это так или иначе ощущалось. Стоит также обратить серьезное внимание на то, что объективная обстановка и, в частности, возникшие после смерти императора проблемы с престолонаследием очень сильно способствовали реализации такого рода попыток. Счастье для России, что ничего путного из этого в конечном счете не получилось.

Петр I умер в 1725 году в цветущем 52-летнем возрасте от случайно им схваченной жестокой простуды (в ледяной воде он вместе с другими спасал тонущих), не успев назвать наследника. Кандидатами были сын казненного Алексея Петр и вторая жена императора Екатерина, иностранка и незнатная женщина, но зато коронованная при жизни мужа в качестве императрицы. За подростка Петра были многие из числа консерваторов, не сочувствовавших новациям императора. За Екатерину прежде всего влиятельные сподвижники Петра Великого, такие как А. Меншиков, С. Ягужинский и ряд других, не говоря уже о стоявших за ними преданных государю гвардейских полках, прежде всего Преображенском и Семеновском. Все они, собственно, и решили спор в пользу Екатерины, первой женщины-правительницы (если не считать некоронованную Софью) на русском троне, 1725–1727. Для поддержки ее в 1726 году был создан Верховный тайный совет из 6 членов с неограниченными полномочиями. Однако уже в мае 1727 года Екатерина умерла, а наследником ее по завещанию оказался все тот же 11-летний Петр II Алексеевич (1727–1730), которого признанный глава Верховного совета светлейший князь Меншиков мечтал женить на своей дочери.

Судьба, однако, решила иначе. Юный Петр II закапризничал, и дело закончилось ссылкой Меншикова в Березов. Вместо него к власти пришли князья Долгорукие, тогда как сам император, бывший еще малоопытным подростком, не проявлял ни к чему особого интереса. Все это вело к расстройству в делах, что было весьма пагубно для державы, в которой новые порядки только были установлены и далеко не во всем утвердились. Долгорукие тоже попытались женить импера-

ра на княжне из своего дома, но вскоре Петр II заболел и в 14 лет умер, не оставив завещания. А по завещанию императрицы Екатерины, которая успела перед своей смертью все тщательно продумать, после Петра II русский престол в случае его бездетной смерти должен был перейти к ее и Петра I дочери Анне. Однако Верховный тайный совет предпочел ее дочери другую Анну, Анну Иоанновну, дочь старшего брата Петра I, восшествие которой на престол было, однако, весьма существенно ограничено обязательствами не выходить замуж и не назначать себе наследника, на что Анна дала согласие.

Стоит обратить внимание на то, что против жестких условий высшей знати из Верховного тайного совета выступили гвардейские офицеры. Анна Иоанновна, уловив смятение, поддержала офицеров. Верховный тайный совет лишился своей власти, а Анна стала императрицей безо всяких ограничений (1730–1740). Во главе администрации государства вновь оказался Сенат, который, однако, вскоре утратил реальную силу, которая была захвачена временщиком Бироном, сформировавшим Измайловский полк с офицерами в основном из прибалтийских немцев. Опираясь на этот полк, Анна и Бирон управляли страной около десяти лет. Русские войска за эти годы одержали ряд важных побед. Одна из них была достигнута на западе, где они дошли до Данцига, получив в результате немалую контрибуцию. Другой успех был на юге, где фельдмаршал Миних сумел вернуть под власть России отвоеванный у турок в свое время еще Петром I Азов, а затем и ряд турецких крепостей на берегу Черного моря (Очаков, Хотин) и даже бессарабские Яссы. Эти успехи русского оружия подтвердили тот несомненный факт, что усиленная Петром I империя, несмотря на ослаблявшие ее дворцовые перевороты, еще отнюдь не растеряла всех своих огромных достижений.

После смерти Анны по ее завещанию русский престол оказался в руках ее внучатого племянника младенца Иоанна Антоновича, правнука все того же старшего брата Петра I Ивана Алексеевича, а регентом при нем оказался Бирон, против чего, впрочем, восстала гвардия. Бирон был арестован и сослан, а его место заняла мать Иоанна Анна Леопольдовна, дочь Леопольда Мекленбургского и Екатерины Иоанновны, сестры императрицы Анны, женщина весьма недалекая, попавшая сразу же после ее назначения регентшей с титулом великой княгини в трудную ситуацию, связанную с международными конфликтами, в которые была втянута Россия. Франция, не желавшая поддержки Австрии со стороны России и потому недовольная

возвышением Анны Леопольдовны с ее младенцем-сыном, стала агитировать в пользу дочери Петра I Елизаветы. Против иностранцев на русском престоле были настроены многие, и это помогло Елизавете. В ноябре 1741 года гренадеры Преображенского полка помогли Елизавете вступить на престол, отстранив от него Анну Леопольдовну с ее сыном, которые были отправлены в ссылку[1].

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА И ПЕТР III

Елизавета Петровна (1741–1761) стала, наконец, желанным многими правителем России. Вкусив досыта от дворцовых переворотов и смены правящих элит, от неустойчивости власти и самодурства временщиков, новое поколение имперской элиты с облегчением восприняло то немаловажное обстоятельство, что наконец-то восторжествовал порядок, а императорский престол заняла младшая дочь великого Петра. Красивая, веселая, казавшаяся беззаботной, но на деле проявлявшая накопленный ею за многие годы существования в недоброжелательной обстановке опыт благоразумия и осторожности, императрица Елизавета вела разумную политику. Она многих вернула из ссылки и явно давала понять, что готова в меру своих сил продолжить преобразовательную деятельность отца. Что касается внутренней политики, то надлежит учесть, что сама императрица не слишком много в нее вмешивалась, поручив дело назначенным ею профессионалам из числа преданных ей и памяти отца видных деятелей. К их числу в первую очередь следует отнести канцлера А. Бестужева-Рюмина (один из тех, кого Петр I еще в 1708 послал учиться за границу), П. Шувалова, И. Шувалова, а также возвращенных из ссылки князей Долгоруких, Алексея и Кирилла Разумовских.

Внутренняя ее политика была отмечена расширением прав дворянства. В частности, именно в годы ее правления, в 1746 г., было издано распоряжение, дававшее право покупать и продавать крестьян с землями и без земли только дворянам. Ею же было разрешено за-

[1] Судьба Иоанна Антоновича была особо трагичной. Он провел в заключении свыше двух десятилетий и был убит в 1764 году в возрасте 24 лет в тот момент, когда его попытались освободить из шлиссельбургской крепости с тем, чтобы посадить на русский трон вместо императрицы Екатерины II.

писывать дворянских сыновей в армейские полки с рождения, что позволяло им к юности обрести офицерские звания. При этом было ужесточено сословное право считаться дворянином. Только те, кто мог доказать свое дворянство ссылкой на дворянское происхождение (существовали специальные дворянские списки), считался потомственным дворянином и имел права, о которых шла речь. Люди, выбившиеся наверх своими силами и обретшие так называемое личное дворянство, в первых поколениях этими правами не пользовались. Независимо от того, когда именно личные дворяне обретали право считаться подлинными дворянами, общий смысл постановлений был ясен. **Дворяне в России, уже не имевшей бояр, но сохранявшей знатные титулы князей, а также заимствованные — в основном при Петре I — на Западе титулы графов и баронов, становились главным привилегированным сословием в стране.** Считается, что в последние годы правления Елизаветы готовился известный указ (манифест) о вольности дворянской, который был принят уже после ее смерти Петром III в 1762 году.

Параллельно с возвышением дворянского сословия было еще более принижено сословие крепостных крестьян. Помещики обрели почти полное право распоряжаться не только трудом и продуктами труда крепостных, но фактически и их жизнью, в частности, они имели возможность сослать крестьянина, сдать его в рекруты. Было разрешено безземельным дворянам иметь крепостных в качестве не столько слуг, сколько собственности, которую можно купить и продать. Этот акцент, превращавший крепостных крестьян в крепостных рабов, был в интересах дворянства. И если во времена первого императора он не был еще заметен, то, учитывая весь ход истории после него, особенно в годы дворцовых переворотов, следовало ожидать именно такого результата. Дворянство становилось ведущей социальной силой в стране, и правители были вынуждены считаться с этим. Зато в том, что касалось системы внутренней администрации, Елизавета и ее аппарат власти четко следовали принципам, выработанным при Петре I. Так, было восстановлено значение Сената, который обрел необычайную силу и мощь властных, в том числе законодательных, полномочий.

Елизавета Петровна как эмоционально одаренная личность была не только привлекательным, но и весьма деятельным правителем, заботившимся о развитии национальной культуры. Любительница и ценитель пения, она, как принято считать, именно поэтому при-

близила к себе и сделала графом и генерал-фельдмаршалом украинского казака Алексея Разумовского, обладавшего великолепным басом. При ней в Петербурге работал великий зодчий Растрелли, тот самый, кто построил Зимний дворец, Смольный монастырь. Он же создал Большой дворец в Царском Селе. Вообще императрица заботилась о строительстве и украшении столиц, Петербурга и Москвы. Не стоит забывать, что именно в годы ее правления усилиями графа И. Шувалова и М. Ломоносова в 1755 году был открыт Московский университет. О феномене Ломоносова в истории России и русской науки многое написано, он широко и заслуженно известен. Но к его заслугам, связанным с развитием науки и созданием Московского университета, важно добавить, что при университете стали работать первые в истории России гимназии, одна для дворян, другая для разночинцев, которые готовили будущих студентов. Елизавета любила театральные представления, и именно в годы ее правления возникли первые театральные труппы, в том числе театр Ф. Волкова (работавшего сначала в Ярославле, затем в Петербурге), который ставил, наряду с прочими пьесами, трагедии А. Сумарокова, а также труппа будущего Малого театра. При ней получили распространение концерты иностранной симфонической музыки, спектакли итальянской оперы с приглашенными артистами и даже с балетными номерами, знакомившие публику, прежде всего из высших слоев общества, с немалыми достижениями западной музыкальной культуры. В 1758 году в Петербурге была создана Академия художеств.

В сфере внешней политики Россия подтвердила свой статус, отразив попытки Швеции в 1741 году в ходе навязанной России новой войны пересмотреть условия Ништадтского мира. Она также активно участвовала в Семилетней войне. Действуя в этой войне в качестве союзников Франции и Австрии против Англии и Пруссии, русские впервые дошли до Берлина, хотя и не задержались там надолго. Прекращение участия русских войск в Семилетней войне было связано со смертью императрицы и серьезными внутренними событиями, повлекшими изменение направления внешней политики. Ведь унаследовавший императорский титул Петр III благоговел перед прусским королем Фридрихом, так что о войне с Пруссией при нем не могло быть и речи. Впрочем, пора сказать несколько слов и об этом российском правителе.

Петр III и его жена. Своим наследником Елизавета еще в 1742 году объявила внука Петра I от его второй дочери и ее сестры Анны (той

самой, которой в свое время предпочли Анну Иоанновну и которая вышла замуж за герцога Шлезвиг-Голштинского) Петра III. Тогда 14-летний голштинский Петр прибыл в Петербург, принял православие и начал привыкать ко всему русскому. Вскоре, в 1745 г., его женили на принцессе Ангальт-Цербстской, которая, приехав в Россию, тоже приняла православие и с ним русское имя Екатерины Алексеевны. Оба молодых оказались при дворе Елизаветы оторванными от родины и от родных и с трудом привыкали к новой жизни. При этом многое зависело от природных данных, прежде всего от способностей и характера каждого из них. На это стоит обратить особое внимание, ибо именно с этим связано все последующее развитие российской истории, причем отнюдь не только в XVIII веке.

Петр и по способностям, и по полученному им в подростковом возрасте образованию сильно уступал жене. В его родной Голштинии воспитатели (он уже в детском возрасте оказался сиротой и находился на их попечении) обращались с ним излишне сурово. Это было, в частности, и потому, что из-за недостаточных способностей мальчик учился плохо. Он много болел и вырос слабым и мало развитым почти во всех отношениях. Петр, как и его дед, был склонен к военным забавам, любил играть в солдатики и, как упоминалось, благоговел перед прусским королем Фридрихом. А в России у него не было ни объекта для обожания, ни повода для серьезного интереса к чему-либо. При этом мнения о себе он был достаточно высокого и смотрел на жену соответственно свысока. Но судьба судила так, что жена ему досталась умная, способная, властная и с характером. Она с трудом сносила его чудачества и многочисленные бестактные выходки, но была тем не менее терпеливой и сдержанной. Что же касается деловитости и вообще умения оценивать ситуацию и принимать адекватные решения, то о равенстве между супругами в этом смысле, хотя они прожили в браке свыше полутора десятков лет, не стоило бы и говорить. Когда у них родился сын Павел — а это произошло на девятый год брака, в 1754 г., — отец ничуть не изменился и, по оценке одного из крупнейших российских историков С. М. Соловьева, попрежнему вел себя как отставший в развитии взрослый ребенок.

Его тетка императрица Елизавета, следует отдать ей должное, видела все это и не раз со слезами высказывала беспокойство как о его судьбе, так и о тесно связанном с ним будущем империи. Она долго не теряла надежды приохотить его, уже вполне зрелого мужчину, к государственным делам, но к своему удивлению добилась лишь того,

что он стал интересоваться делами Голштинии, но не России. В Ораниенбауме Петр III устроил нечто вроде военной базы для выписанных оттуда солдат, которыми с удовольствием командовал. Более того, он стал всерьез мечтать о конфликте с Данией по поводу части некогда отвоеванных ею голштинских земель (в основном это касалось Шлезвига). Более того, в откровенных беседах с женой он говорил ей, что не рожден для России и погибнет в ней. Неудивительно, что не только скорбевшая обо всем этом Елизавета, но и ее приближенные, в частности канцлер Бестужев, всерьез полагали, что внук Петра и наследник престола явно не пригоден для трона.

Зато свою полную пригодность для управления Россией демонстрировала его жена Екатерина. Будучи не только способной, но и хорошо образованной, быстро схватывающей любую сложную ситуацию и находящей адекватное ее решение, она отличалась, как упоминалось, сдержанностью и тактом. Оба эти ценные для власти качества способствовали тому, что со временем она все активнее завоевывала симпатии окружавших ее людей. Екатерина все время стремилась сгладить то неприятное впечатление, которое производил на людей ее муж, она старалась за двоих приспособиться к нормам жизни императорского двора. В то же время долгие годы она оставалась одинокой, не позволяя себе сблизиться с симпатичными ей людьми, особенно с мужчинами, и посвящала почти все свое свободное время чтению книг, причем далеко не только развлекательных романов. Она преклонялась перед великими мыслителями века Просвещения, будь то Вольтер, Монтескьё или энциклопедисты. И постепенно ее ум, начитанность, твердость ее характера и решительность в поступках начинали все больше привлекать внимание тех, которых беспокоило будущее империи. Это беспокойство становилось все более очевидным по мере увеличения числа наступавших на императрицу Елизавету болезней (ее расточительный по отношению к здоровью образ жизни способствовал этому).

Положение Екатерины при дворе становилось более сложным. Муж и его тетка-императрица относились к ней с подозрительностью, придворные чуть ли не открыто беседовали на тему о том, что именно она пригодна для того, чтобы стать правителем империи. Оказавшись между двух огней, умная Екатерина попросила императрицу отправить ее домой, в Германию. Этот неожиданный ход спутал карты. Елизавета, хорошо понимавшая, что Петр III не пригоден для того, чтобы стать императором, не решилась исполнить ее

просьбу. Возможно, у нее (не исключено, что с подсказкой со стороны) возникла мысль сделать наследником мальчика Павла и оставить регентшей при нем Екатерину. Во всяком случае, неопределенность с наследником продолжала мучить ее, и вполне возможно, что это ускорило ее смерть. Она умерла неожиданно, а правителем стал Петр III. Он сразу же сумел настоять на некоторых важных переменах. Создал Совет, введя туда двух своих голштинских дядей, и, едва ли не самое главное деяние его жизни, выпустил в феврале 1762 года знаменитый указ о вольности дворянской.

Этот указ, как уже упоминалось, был инициирован, насколько можно предполагать, еще Елизаветой и ее окружением. Во всяком случае трудно представить себе, что Петр III, вступивший на престол 25 декабря 1761 года, менее чем через два месяца, уже 18 февраля следующего года, сумел сам составить его. Слишком важен и серьезен для страны был этот документ. Он явно был не только не под силу, но совершенно вне сферы интересов нового правителя России, чьи мысли и действия были направлены совсем в другую сторону. Об этих мыслях и действиях чуть ниже. Сначала есть смысл обратить внимание на то, что важность указа прежде всего заключалась в том, что дворяне получили право не служить, если они этого не хотят. Тем самым снималась с представителей дворянского сословия обязанность военной службы, т.е. как раз то, ради чего это сословие возникло. И в этом был определенный смысл. Дело в том, что офицерский корпус в регулярной профессиональной армии, состоявшей из десятилетиями служивших в ней рекрутов, не требовал слишком большого количества дворян, коих в России было уже очень много.

Разумеется, военная карьера оставалась для дворянина наиболее престижной. Но он мог и не служить, мог рано выйти в отставку. Мог предпочесть военной службе гражданскую. В любом случае, однако, это не снижало его статуса. Более того, указ делал этот статус необычайно высоким, ибо самое основное в нем сводилось к фактическому (законодательно это было закреплено и в грамоте Екатерины от 1785 года) освобождению российских дворян от практиковавшихся до того унизительных телесных наказаний. Дворяне, как то было давно уже на Западе, получили возможность обрести высокое чувство собственного достоинства и воспитываться в понятиях чести, оскорбление которой можно и должно было смыть только кровью — разумеется, в отношениях с равными себе, — т.е. дуэлью. Можно и следует сказать еще больше. Именно благодаря этому указу русское (как

подчас выражаются, «непоротое») дворянство за кратчайший срок, измеряемый одним-двумя поколениями, разительно изменилось. Из обычных слуг царя дворяне превратились в мощную самодовлеющую силу. Из простых воинов-мужланов, из трусливых и льстивых придворных они, во всяком случае многие, особенно наиболее богатые и знатные из их числа, превратились в уважающих себя аристократов. Из числа именно этой знати появились на рубеже XVIII–XIX вв. (вспомним А. Н. Радищева) и особенно в начале XIX века первые в России радикальные противники самодержавия. Тот же указ привел к тому, что появились оппозиционно настроенные по отношению к власти и европейски образованные дворяне, уже имевшие понятие о правах и свободах, какими были, в частности, Пушкин и Лермонтов.

Однако все это стало лишь отдаленным, хотя и наиважнейшим, результатом указа. Петр III при его складе ума и вообще ограниченных интеллектуальных способностях едва ли мог не только оценить, но и вообще понять значение подписанного им указа. Он был человеком, весьма далеким от поднятых в указе проблем. Неудивительно, что его деятельность никак и никем не ассоциировалась с упомянутым указом, который справедливо не снискал новому правителю ни уважения, ни тем более популярности. Своими бестактными поступками, столь свойственными его натуре, и открытыми симпатиями к Пруссии и Голштинии он вызывал опасения в стране, уже привыкшей к тому, что Пруссия ее враг. Неуважение к гвардии и даже к православию как господствующей в стране религии (речь не о церковной иерархии, обузданной еще Петром I), равно как и принимавшие все чаще непристойный характер солдатские по их типу и грубым манерам пирушки, усиливало недовольство его образом жизни. Наконец, все обострявшаяся неприязнь к жене, само существование которой мешало ему выбрать другую жену по своему вкусу, вела к тому, что Петр III настраивал свое окружение против себя.

Словом, дело шло к драматической развязке. В стране почти открыто готовился заговор против явно неудачливого правителя. Но становившийся все более распущенным и беззаботным Петр ничего не желал знать. Во всяком случае, он не придавал большого значения слухам о заговоре, хотя подчас и вспоминал о томившемся в застенке Иоанне Антоновиче, который оставался, кроме его малолетнего сына, единственным вполне легальным претендентом на российский престол. Неудивительно, что заговорщики действовали почти открыто, и в момент наивысшего напряжения в конце июня 1762 г.

молодые гвардейские офицеры, прежде всего братья Орловы, предупредив Екатерину, открыто выступили против Петра. Петр III был схвачен и убит. Императрицей России была провозглашена Екатерина (1762–1796). Это может показаться несколько странным, учитывая то немаловажное обстоятельство, что по происхождению императрица не имела ничего общего с Россией. Однако стоит принять во внимание, что русские люди не были склонны вплоть до XX века придавать этому большое значение. Достаточно напомнить о варяге Рюрике и грузине Иосифе Джугашвили.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Екатерина в результате хорошего знакомства с идеями мыслителей французского Просвещения была в чем-то на голову выше не только ее незадачливого мужа, но и едва ли не всех ее российских современников. Она до известной степени сочувствовала идеалам свободы, была склонна к пониманию роли закона, призванного противостоять произволу хозяев над раболепными подданными, с симпатией относилась к принципу республиканского правления. Однако при всем том она была слишком умна и образованна, чтобы не понять, что для современной ей России, чью историю она очень хорошо знала, все эти институты развитого европейского общества были крайне чужды. Поэтому в выпущенном ею 6 июля 1762 г. манифесте, ставившем целью объяснить причины переворота и рассказать о том, в каком направлении она намерена действовать, говорилось лишь в самых общих словах о соблюдении законов, правосудии, борьбе со злом и притеснениями, а также, разумеется, об уважении к православию как основе всего этого.

Стараясь не касаться вопроса о том, насколько серьезны и законны ее права на опустевший после убийства мужа престол, Екатерина в то же время стремилась, во всяком случае на первых порах, снискать расположение всех. А что касается идеалов гуманности и вольнолюбия, к которым в стране пока еще не привыкли, то с этим, как она не без оснований полагала, можно было пока и подождать. Императрице подчас бросают упрек в том, что она не воспользовалась изменением статуса российских дворян, о котором выше шла речь в связи с указом Петра III о вольности дворянской, для того, чтобы облегчить крепостное рабство. Этот упрек может показаться

справедливым, особенно если принять во внимание ее идеалы и дух опубликованного ею по восшествии на престол манифеста. Но если вдуматься в проблему более серьезно и учесть не только состояние умов в стране, но и всю ту хрупкую социополитическую опору, на которой зиждилась власть новой государыни, то все окажется не столь элементарно простым.

Да, Екатерина была воспитана в духе идей Просвещения, несовместимых с русским крепостным рабством. Но при всем том она оказалась волею судеб правителем страны, устои которой зиждились на этом рабстве. И как знать, что случилось бы, если бы указ об освобождении дворян от обязанностей служить был бы реализован как основание для заметного облегчения участи крепостных, которых закрепостили именно для того, чтобы за счет их труда дворяне могли беззаботно служить государству. С точки зрения не только идеалов, но и логики поступков это кажется для просвещенного правителя элементарным. Но на самом деле ни идеалы, ни логика не играли при решении столь сложной и важной проблемы решающей роли. Решающим было то, что рискованные меры вроде шагов в сторону любого ослабления крепостной зависимости означали бы для Екатерины потерю почвы под ногами. И это было главным. Конечно, критики могут поставить вопрос и иначе: а почему Екатерина не вернулась к проблеме крепостного права позже, когда она стала уже знаменем всего русского дворянства, едва ли не обожествлявшего ее (вспомним реплику Фамусова: «тогда не то, что ныне, при государыне служил Екатерине!»). Ответ прост: во Франции случилась великая революция, которая испугала всю Европу и, разумеется, Россию. Во всяком случае Екатерина, которая была многому научена всколыхнувшим всю империю восстанием Е. Пугачева, лишний раз убедилась в том, что почва под ее ногами не столь крепка, чтобы рождать в стране великую напряженность, связанную с недовольством дворян, этой главной опоры власти.

Словом, проблемы крепостного права Екатерина не трогала, с восстанием Пугачева, выдававшего себя, как известно, за Петра III, она расправилась решительно, а главными направлениями своей деятельности избрала совершенствование административно-законодательной системы России и активную внешнюю политику. То и другое были для страны делом весьма важным. Кроме того, следует отметить, что в обоих этих направлениях Екатерина достигла очень многого, что, собственно, и превратило ее в одного из наиболее значительных правителей в многовековой истории России.

Законодательная деятельность и административные реформы. Как известно, императрица не раз заявляла, что она стоит за соблюдение законов и порядка. И она действительно стремилась в меру своих сил способствовать этому. Но для этого следовало не только пересмотреть и упорядочить все прежние законодательные нормы, но и создать хорошо продуманные новые. Иными словами, необходим был кодекс законов, для чего ею была создана специальная Комиссия для сочинения проекта нового Уложения (имелся в виду пересмотр Уложения 1649 года). И стоит заметить, что, не доверяя не подготовленной к столь серьезному делу старой бюрократии, Екатерина взяла тяжелый труд по созданию основ нового кодекса на себя. Речь идет о знаменитом Наказе императрицы, во многом пропитанном влиянием европейских норм и разработок, особенно идей Монтескьё из его «Духа законов». При этом, однако, у Екатерины хватило мужества отдать свой проект сановникам для жесткой его критики. Это было не столько уступкой, сколько трезвым пониманием, что до реализации европейских буржуазно-либеральных идей, тем более в их радикальной форме полуутопических проектов выдающихся мыслителей Просвещения, Россия еще не созрела.

Словом, вполне естественно, что большая часть статей проекта была вымарана рецензентами. В частности, исчезло из текста Наказа все то, что касалось крепостных рабов, о тяжелой участи которых было сказано в первоначальном его варианте достаточно много. И главным итогом законотворческого порыва умной женщины, оказавшейся наконец, т.е. после ряда не слишком умных ее предшественниц, на российском троне, было осознание того, что выше головы не прыгнешь. И все же стоит сказать, что и в урезанном виде опубликованный Наказ произвел сильное впечатление на современников своей глубиной и стройностью мысли, причем не только в России. Он в конечном счете лег в основу законотворческой деятельности созданной Екатериной Комиссии. Созванная из представителей разных сословий и присутственных мест (всего собралось 565 делегатов), она заседала на протяжении 1767–1768 гг. Прочитав Наказ Екатерины и приняв во внимание около тысячи иных наказов, которые были привезены делегатами, члены собрания довольно быстро поняли, что они не в состоянии разобраться во всей сложности многочисленных проблем. Составить нечто вроде их систематизированного свода для них тоже было просто не под силу. Нужно было предварительно проделать подготовительную работу, которую

могли выполнить лишь немногие профессионалы высокого класса и для которой требовалось много времени. И хотя стало ясно, что затея с Комиссией по существу провалилась, императрица получила от ее работы, прежде всего от привезенных делегатами наказов, немало практической пользы. Эта польза реализовывалась ею шаг за шагом на протяжении всего ее правления.

В системе административного членения империи все выразилось в 1775 г. в пересмотре числа губерний (количество их возросло до 51), причем каждая из них делилась на уезды, тогда как промежуточная инстанция — провинции — была упразднена. Губернии возглавлялись губернаторами, каждая из них имела гражданскую и уголовную палаты (суды), а также, отдельно от них, дворянский суд и суд для горожан; казенную палату, ведавшую финансами; приказ, ведавший делами общественного призрения, и еще несколько учреждений. В рамках уездов были свои раздельные для дворян, горожан и крестьян суды. Как легко заметить, генеральным принципом системы местного управления стал принцип отделения судебного и финансового ведомств от собственно администрации. Кроме того, важной новацией стало привлечение сословных представителей местного дворянства, горожан, частично и других сословий, к работе учреждений, особенно судебных и социального призрения. Это был своеобразный зародыш местного земского самоуправления. Однако нельзя не добавить к сказанному, что местное самоуправление было практически пока еще целиком в руках дворян, тогда как доля иных сословий была ничтожна.

В так называемых «Жалованных грамотах» 1785 года Екатерина закрепила за дворянским сословием исключительные права на владение крепостными и землями, подтвердила освобождение этого сословия от налогов и телесных наказаний. Что касается горожан, то им в аналогичной грамоте предложено было разбиться на шесть разрядов — чиновники, дворяне и духовенство (1), гильдейские купцы (2), ремесленники, объединенные в цехи (3), иногородние и иностранцы (4), именитые граждане, включая ученых и лиц свободных профессий (5), и прочие, кормящиеся промыслом, рукоделием, своим трудом (6). При этом крестьяне, жившие в городе, в эти разряды не включались. Городам предоставлялись самоуправление в форме собраний и думы, право на выборы должностных лиц. Однако выборные должностные лица и все органы самоуправления подчинялись губернатору и городничему.

Стоит особо заметить, что пожалование представителям различных сословий некоторых возможностей для участия в самоуправлении либо в судопроизводстве практически, на что стоит обратить особое внимание, вовсе не касалось крестьян, особенно крепостных, число которых при Екатерине увеличивалось, достигнув примерно 60% всех земледельцев страны. Сама императрица пожаловала своим приближенным и заслуженным деятелям, коих у нее было достаточно много, около 800 тысяч душ, причем зона распространения в годы ее правления системы крепостной зависимости за счет Прибалтики, а также по мере освоения южных малороссийских и новороссийских земель, возрастала. Что же касается самой системы крепостной зависимости, то она, вопреки первоначальным чаяниям и надеждам императрицы, не только не ослабевала, но напротив, имела явную тенденцию к ужесточению. Дело порой доходило до полного произвола, до продажи крепостных не семьями, а поодиночке, против чего возражал в свое время еще Петр I, имея, скорее всего, в виду те случаи, когда крестьяне вынужденно перемещались на новые места, например, приписывались к создававшимся им заводам. Теперь же многие помещики торговали крепостными, не считаясь с этим. Грамота дворянству от 1785 года по сути прямо признала крестьян частной собственностью их хозяев.

Вообще говоря, перед нами великий парадокс истории. Правитель страны искренне желает освободить крепостных рабов от их рабства, но не только не в состоянии этого сделать, но прямо-таки вынужден способствовать совсем обратному, т.е. быстрым темпам увеличения количества рабов и усиления степени их порабощения. Почему?! Да потому, что вся административная система организована таким образом, что опорой власти являлось только и именно дворянство, которое жило как раз за счет ставшего привычным закрепощенного труда земледельцев, превращенных по существу в рабов. Это страшно даже представить, но именно это было реалией жизни страны, о чем всегда стоит помнить ревностным патриотам России. Но обратимся, однако, к некоторых другим новациям административно-законодательного порядка.

Речь пойдет обо всем том, что имеет отношение к развитию русской культуры, науки, литературы, просвещения и здравоохранения. Во-первых, следует сказать о мерах, направленных на улучшение системы образования. В империи появлялась и ширилась сеть народных училищ, кадетских корпусов, институтов для девиц из

дворянок, специальных госпиталей и больниц, приютов для умалишенных и инвалидов (богоугодные заведения), аптек и многих иных учреждений аналогичного характера. Существовал возникший еще в 1759 г. пажеский корпус для детей знатных дворян. Но в то же время был создан и уникальный в своем роде воспитательный дом, куда принимались все малолетние сироты и подкидыши, которых затем заботливо воспитывали, не обращая внимания на их происхождение, но зато не забывая о том, чтобы по мере взросления каждый получил профессию и никто не оказался бы в числе крепостных. Все это было свидетельством того, что правительство времен Екатерины заботилось о благосостоянии хотя бы горожан и дворян, ибо до крестьян, тем более крепостных, эти заботы едва ли доходили.

Развивались в стране и система высших учебных заведений, издательское дело, даже журналистика и художественная литература. Сама императрица, как известно, издавала придворный журнал «Всякая всячина». Появились и серьезные научные, исторические и политико-публицистические работы. Были изданы 4 тома «Истории Российской», написанные еще до середины XVIII века одним из самых первых русских историков В. И. Татищевым. Другой историк, М. М. Щербатов, издал несколько томов своей «Истории Российской», доведя ее изложение до начала XVII века. Уже упоминалось об А. Радищеве, который в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» подверг резкой критике порядки, царившие в стране (далеко не случайно императрица назвала его «бунтовщиком хуже Пугачева», после чего он был приговорен к смерти, замененной, однако, ссылкой). Преследованиям подвергся один из первых в России публицистов-сатириков (и в то же время серьезных исследователей, источниковедов и текстологов) Н. И. Новиков. Преследования Радищева и Новикова отразили страх императрицы перед идеями и репрессиями французской революции. Но в то же время стоит заметить, что в целом развитие науки и культуры при Екатерине, как и во времена Елизаветы, шло достаточно быстрыми темпами.

При Екатерине женщиной-президентом Российской Академии наук, первой и последней в ее истории, стала блестяще образованная и умнейшая княгиня Екатерина Дашкова. Разумеется, все то, что имело отношение к развитию литературы и науки, находилось еще, за редчайшими исключениями типа великого М. В. Ломоносова, на своем начальном этапе. Однако важно, что начало, причем достаточно серьезное, в XVIII веке и особенно во второй его половине было поло-

жено и что оно сыграло немалую роль в том, что в следующий XIX век Россия вступила с уже немалыми достижениями в этом плане.

Внешняя политика. Генералы и войны. Век Екатерины прославлен выдающимися полководцами и славными победами. В центре Санкт-Петербурга на нижнем ярусе памятника, сооруженного в честь императрицы, едва хватает места для всех тех, кто своими подвигами и военными победами прославил русское оружие. Среди них генералиссимус Александр Суворов, фельдмаршалы Григорий Потемкин, Петр Румянцев, Михаил Кутузов, адмирал Ф. Ушаков, братья Орловы и многие другие. Можно сказать, что никогда еще в многострадальной истории России не было такого количества опытных и дельных царедворцев и великолепных военачальников (нередко это были одни и те же лица), как во времена Екатерины. Соответственными были и успехи проводившейся в эти десятилетия внешней политики, включая победоносные войны и территориальные приращения к империи. Войны с Польшей, сильно ослабевшей за XVII–XVIII века (особенно по сравнению с началом XVII века, когда польское войско дошло до Москвы и около года находилось в Кремле, а польский королевич не без серьезных оснований претендовал на русский престол), привели к гибели этого государства.

Большие споры специалистов вызывает вопрос о причинах краха столь вроде бы сильного и территориально крупного государства, еще совсем незадолго до того мечтавшего о могучей державе «от можа до можа», т.е. от Балтийского моря до Черного. Вместо этого — полный крах. Почему? Если обратиться к теоретической проблеме случайности и стечения обстоятельств, то окажется, что оба эти важных импульса сыграли здесь роковую роль. Очень неблагоприятным для Речи Посполитой стечением обстоятельств были ее шляхетские вольности с правом liberum veto для каждого депутата сейма и с выбором королей, не имевших возможности законно передать свою власть по наследству. Случайностью следует считать назначение послом в Россию в 1763 году Станислава Понятовского, который пришелся по душе Екатерине и стал ее фаворитом. Екатерина в 1764 г. сумела добиться выбора именно его польским королем. Король Понятовский выполнял волю России, а когда против него поляки восстали, восстание было подавлено Австрией, Россией и Пруссией. По соглашению от 1772 года к Австрии отошла немалая южная часть Речи Посполитой с Краковом и Львовом, к России часть белорусских земель, а к Пруссии небольшая, но очень важная для нее часть

северной Польши, которая позволила ей воссоединить ее основные земли с Восточной Пруссией.

Польша не смирилась с потерями и попыталась провести ряд реформ, укреплявших административную систему страны. В частности, было создано правительство, намечалась экономическая стабилизация, принята новая конституция, отменившая либерум вето и укрепившая королевскую власть. Все это были жизненно необходимые и правильные меры. Но они, к сожалению, безнадежно запоздали. Екатерина начала войну, и в 1792 году русские войска взяли Варшаву. Второй раздел Польши сократил территорию Речи Посполитой до минимума. России достались правобережные земли Украины и часть Белоруссии с Минском и несколькими другими городами. Пруссия получила Гданьск (переименованный в Данциг) и весь данцигский коридор, овладение которым укрепило связь основной ее территории с Восточной Пруссией. Австрия в этой войне не участвовала.

Восстание во главе с генералом Т. Костюшко поставило было под вопрос второй раздел. Опасаясь этого, Россия и Пруссия выступили против восставших, и в ноябре 1794 г. Варшава была взята армией А. В. Суворова, получившего за это звание фельдмаршала. В 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия разделили между собой оставшуюся территорию Речи Посполитой. Пруссии досталась западная часть с Варшавой, Австрии — Краков и Люблин, России — Литва, Курляндия (западная часть Латвии), Западная Белоруссия, а также часть Волыни. Разделы 1772, 1793 и 1795 гг. поставили точку на существовании Польши. В результате крайне неблагоприятного для него стечения обстоятельств, как внешних (окружение), так и внутренних (слабость административной системы), это еще незадолго до того крупное государство оказалось ликвидированным. Правда, некоторые его части сохранили в составе других государств определенную автономию. Кроме того, за этот счет Россия заметно усилилась, приблизив свои границы почти вплотную к западноевропейским странам.

Вообще войны времен Екатерины значительно изменили территориальные границы России. Приблизившись к Западной Европе, она стала одним из важнейших политических факторов, определявших ситуацию и ход событий в западном мире. Большую роль в этом сыграли успехи, достигнутые в ходе ряда русско-турецких войн. Война 1768–1774 гг., ставившая целью добиться выхода России к черноморскому побережью, была начата Турцией, а точнее — вторжением в начале 1769 г. войска крымского хана на Украину. Армии генералов

А. Голицына и П. Румянцева (затем ими командовал Н. Панин) после нескольких неудач стали активно продвигаться в районе Бессарабии, заняли долго сопротивлявшуюся турецкую крепость Хотин и город Яссы. Затем они дошли до придунайских земель и вышли к Черному морю, овладев Бендерами, Измаилом, Аккерманом. Флот адмирала Ф. Ушакова одержал ряд побед над турками. Словом, по итогам войны, зафиксированным в Кучук-Кайнарджийском договоре 1774 г., Россия получила восточную часть Крыма с Керчью и Еникале, а также ряд пунктов в районе Днепровского лимана. Выход к Черному морю был открыт. Одновременно Крымское ханство было объявлено независимым от Османской империи, что привело к тому, что в 1783 году Крым был присоединен к России. Итоги войны сыграли важную роль и в изменении ситуации на Украине. Запорожская Сечь, главной задачей которой было противостояние татарам и туркам, а то и полякам, прекратила свое существование. Днепровские казаки как боевая сила ушли в прошлое. Русско-турецкая война 1787–1791 гг., ведшаяся усилиями генералов Румянцева, Н. Репнина, Суворова и Кутузова, привела к заключению Ясского мирного договора 1791 г., по условиям которого русская граница на юго-западе империи была установлена по Днестру.

Явный упадок некогда грозной Османской империи, ликвидация воинственного Крымского ханства, а также исчезновение с политической карты такой значительной страны, какой на протяжении нескольких столетий была Речь Посполитая, привели к сокращению числа восточноевропейских стран, которые некогда существовали как независимые государства. Россия конца XVIII века почти целиком заполнила собой то пространство, которое отделяло ее от развитого европейского мира, стать частью которого она так стремилась со времен Петра I. Существенно добавить к сказанному, что в 1788–1790 гг. Россия успешно отразила попытки Швеции пересмотреть с помощью военных действий уже давно сложившуюся границу. А в связи с продвижением русских войск в районе Кубани возникли благоприятные обстоятельства для присоединения к России стран Закавказья. Грузия по Георгиевскому трактату вошла в состав России в 1783 г.[1]

[1] Важно оговориться, что окончательно вопрос о присоединении Грузии к России с соблюдением всех юридических тонкостей и конкретных договоренностей затянулся на ряд десятилетий и был решен лишь в 1800–1802 гг.

Павел Петрович. Императрица Екатерина умерла в 1796 г., после чего настало время правления ее сына Павла Петровича (1796–1801), долго и терпеливо ожидавшего, когда наступит его час. Вступив на престол в 42 года, Павел, бывший в опале при дворе матери, которая не только не любила его, но и относилась к нему с некоторым подозрением, имел мало отношения к текущей политике. Он побывал в Европе и встречался там с казненным вскоре Людовиком XVI, которому, между прочим, жаловался на деспотизм матери. Проведя немалую часть жизни в Гатчине, пригороде Петербурга, Павел, естественно, несколько демонстративно противостоял всему тому, что совершалось при Екатерине, и имел свои представления о том, каким должно быть государство. Однако, не будучи очень хорошо образованным (несмотря на то, что его воспитателем был один из умнейших придворных Екатерины граф Н. Панин) и не отличаясь большими способностями, он, получив власть, но не имея поддержки, мало что мог сделать. Лихорадочные его попытки что-то изменить создавали ситуации некой вздорности, даже каприза.

Одной из первых акций Павла было публичное перезахоронение его отца Петра III с целью короновать его. Корону нес Алексей Орлов, считавшийся цареубийцей. Этот ритуально-политический акт напугал придворных и способствовал усилению их опасений. Насторожил их и указ Павла о престолонаследии, который отменил решение Петра I о праве умиравшего правителя назвать своим преемником любого из претендентов по его выбору. Павел считал, и не без оснований, что это право ввергло Россию после Петра в череду дворцовых переворотов, ослаблявших страну. Отныне престол мог получить только старший сын, а женщины могли претендовать на него лишь тогда, когда не было легитимных наследников мужского пола. Павел, что стоит особо отметить, в 1797 г. решился на сокращение сословных привилегий дворянства, сократив барщину до 3 дней. Он даже попытался отменить Жалованную грамоту дворянству от 1785 г. Эти важные шаги, сделанные, видимо, не столько вследствие сочувствия крепостным, сколько из желания показать стране, что и дворянским вольностям есть свой предел, о чем государь должен позаботиться, восстановили против него многих. Похоже, это противодействие сыграло свою роль в том, что тот же Павел за короткое время своего правления оказался вынужденным раздать русским дворянах еще 600 тысяч душ крепостных.

Павел много внимания уделял армии и внешней политике, включая войны. Еще во времена пребывания в Гатчине он с помощью А. Аракчеева взял курс на укрепление крайне жестких порядков в армии. Будучи, как и его отец, поклонником жестокой муштры по прусскому стандарту, Павел при помощи Аракчеева много внимания уделял соблюдению строгой дисциплины и жестоких наказаний. Эта муштра, получившая наименование аракчеевщины, продолжалась в русской армии и после Павла. Что касается внешней политики, то здесь Павел продолжил то, что не успела сделать его мать. Имеется в виду вооруженное противостояние испугавшей всех европейских монархов французской революции и завершившим ее наполеоновским войнам. В 1799 году с этой целью был послан в Италию корпус Суворова, совершивший героический и не имевший прецедентов со времен Ганнибала переход через Альпы. Переход этот реальных успехов России не принес, хотя и заметно повысил ее престиж. Впрочем, ненадолго.

Решение о сближении с Наполеоном в 1800 году свело на нет этот престиж. А ненависть армейского офицерства к царю в связи с изменением армейских порядков и усилением ничем не оправданной муштры, связанной с бесконечными и в силу этого становившимися по сути бессмысленными ежедневными многочасовыми тренировками на плацу, быстро возрастала. Павел заметно терял поддержку дворянства, в том числе и в армии, что было чревато серьезными неприятностями для любого самодержца. Как известно, это привело к печальному для него концу, ускоренному становившимися все более заметными проявлениями его психической неуравновешенности. Выстроив себе в столице Михайловский замок, весьма напоминавший неприступную крепость, император рассчитывал на его крепкие стены и прочие укрепления в случае чрезвычайных ситуаций. Но события опередили его и застали императора, не вполне еще готового к выражению открытого недовольства, врасплох. Заговор офицеров, во главе которого стоял петербургский военный губернатор и доверенное лицо императора граф П. А. Пален (по некоторым данным, о нем знал старший сын Павла Александр), привел к убийству Павла в марте 1801 года. Этим, очередным и последним в истории России дворцовым переворотом закончился для страны XVIII век, век несомненных успехов, преобразований и стремительного взлета, с одной стороны, и в то же время век заметной неустойчивости в системе управления и, самое главное, резкого ужесточения крепостного рабства.

Глава четырнадцатая. РОССИЯ И ЕВРОПА: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ДЕФЕОДАЛИЗАЦИИ

Вся эта часть тома посвящена, не считая России, в основном небольшим государствам Восточной Европы, солидная часть которых не имела политической самостоятельности или не дожила в качестве вполне независимых государственных образований до XIX века. Стоит принять во внимание также и то, что большая часть стран, о которых идет речь, включая и вошедшие в состав России (Прибалтика, Польша), издревле откровенно тяготела к Западу. Другие, в основном близкие к православию, по большей части были под властью Османской империи. Сложившееся в итоге стечение обстоятельств сыграло свою важную роль в том, как оказалась в конечном счете расчленена Европа на рубеже XVIII–XIX вв. и насколько успешно могли эволюционировать каждая из двух достаточно противопоставленных друг другу ее частей.

Учитывая это, вполне уместно поставить в заключительной главе части важную теоретическую проблему об особенностях эволюции в широком плане и сравнить Россию как страну с явственно восточными традициями и с соответствующей разновидностью христианства, его православной субцивилизацией, с буржуазным Западом. В ходе этого сопоставления будут оставлены в стороне те восточноевропейские государства, судьба которых сложилась для них не слишком благоприятно. При этом вычленение и сравнение основных путей эволюции, восточноевропейского православного, представленного в основном Россией, и западного буржуазного, должны дать основания для анализа причин, обусловивших столь явное их несходство. Читателя не должно смущать кажущееся вроде бы не очень логичным противопоставление православия буржуазности. В нем есть свой смысл, о котором еще специально будет идти речь.

ФЕОДЫ И ДЕФЕОДАЛИЗАЦИЯ

Начнем с того, что политическая карта Европы в конце XVIII века очень значительно изменилась. После революции во Франции, о которой будет подробно рассказано в последней части тома, на авансцене европейской истории осталось сравнительно не-

много крупных государств, которые могли вести самостоятельную политико-дипломатическую игру. Это Англия, Франция, Священная Римская империя, т.е. прежде всего и главным образом Австрия, а также Пруссия и Россия. Собственно, на этом счет заканчивается. Но именно в этих больших странах был более заметен процесс внутренней трансформации, суть которого сводилась прежде всего к укреплению централизованной администрации и власти правителя, как ограниченного общественными институтами, так и самодержавного. Не слишком ясной в этой связи — и прежде всего в том, что касается России, — остается лишь важная для авторской концепции проблема дефеодализации. Именно с этими важными проблемами, с централизацией власти и сопутствующей ей дефеодализацией, и надлежит детально разобраться. Это необходимо потому, что в прямой и первостепенной зависимости от того, как именно протекали в той либо иной из ведущих европейских держав процессы дефеодализации и становления той либо иной формы власти, следует анализировать всю динамику истории Европы и логично группировать европейские державы в несходные друг с другом варианты. Но прежде, чем обратиться к этому, нужно решить, как о том только что шла речь, некоторые более общие вопросы.

В нашем случае это означает, что надлежит точно определить два важных термина и соответствующих им понятия, о которых только что было упомянуто. Оба они в принципе достаточно понятны, ибо их звучание говорит само за себя. Мало того, они теснейшим образом связаны друг с другом. Вопрос в том, как именно, где, когда и при каких обстоятельствах взаимодействовали как тенденция к возникновению и укреплению централизованной администрации, так и противостоящая ей тенденция к реализации децентрализованной редистрибуции (т.е. к созданию системы феодов). Вопрос также в том, с чего начинался, как, где, когда и при каких обстоятельствах протекал процесс ликвидации феодализма, т.е. происходила дефеодализация. Но прежде, чем начать разговор о сущности проблематики, важно еще раз напомнить, что оба термина, о которых пойдет речь, не имеют ничего общего с марксистским понятию *формация*. Зато оба они теснейшим образом связаны с понятием и феноменом феодализма.

Феодализм как феномен хорошо известен со времен глубокой древности. С наибольшей полнотой и отчетливостью он продемонстрировал себя в чжоуском Китае, но был неплохо заметен и на при-

мере политической истории Египта с ее переходными периодами или Индии с ее вездесущими княжествами[1]. Кроме того, он заявлял о себе как о социополитической реальности в определенных обстоятельствах в других странах. Имеются в виду те конкретные исторические ситуации, когда восточная по типу структура с господством института власти-собственности оказывалась по каким-либо причинам не в состоянии обеспечить централизованную редистрибуцию. Иными словами, феодализм (децентрализованная редистрибуция в форме феодов) появлялся тогда, когда правитель, будучи олицетворением власти-собственности в условиях неразвитой инфраструктуры и, как правило, еще не возникшей частной собственности, вынужден расплачиваться с примитивным аппаратом администрации, представленным его родней и приближенными, владениями. **Эти владения — феоды, вотчины — оказывались наследственными и становились основой феодальной системы. *Истории человечества известен только такой тип феодализма.*** Он, как легко понять, не имеет исключительного отношения ни к искусственно сконструированным формациям, ни к средневековью, ни к Западу, ни к Востоку. Он появлялся на свет в благоприятных для этого обстоятельствах либо, если таких обстоятельств не возникало, не появлялся вовсе.

Но здесь есть определенная сложность. Феодализм как система социополитических и торгово-хозяйственных связей, а также повинностей тяглового населения мог возникать в двух разных ситуациях. Во-первых, там и тогда, где и когда не было другой структуры, которая могла бы оказаться альтернативой власти-собственности с централизованной редистрибуцией с необходимой администрацией и инфраструктурой, в частности, не было античных социополитических и рыночно-частнособственнических традиций. **Это феодализм, характерный для доантичной восточной древности, а также для значительной части Восточной Европы и в первую очередь для России.** Если же альтернативная — античная — структура существовала, пусть даже в ее остаточной, но все же ощутимой форме, как то было в Западной Европе на развалинах Рима, многое обретало иной облик. В частности, процесс феодализации в условиях слабой власти варварских королевств сосуществовал с возрождавшимися античными протобуржуазными рыночно-частнособственническими

[1] Подробнее об этом сказано в последнем шестом издании моего учебника: *Васильев Л. С.* История Востока. В 2 тт. Т. I. М., 2011.

отношениями в городах. **Это другой тип феодализма, западноевропейский, принципиально отличный от российского.**

В чем именно разница? **Западноевропейская феодальная система** вела к тому, что структура власти-собственности постепенно исчезала, а предбуржуазия и рыночно-частнособственнические связи становились господствующими, что сопровождалось не только становлением сильной централизованной авторитарной власти и крушением системы феодов, но и более или менее быстрой дефеодализацией с ликвидацией зависимости крестьян от феодалов, отменой феодальных повинностей. **Русская восточно-феодальная система** вела к сохранению структуры власти-собственности при сложении самодержавия с централизованной редистрибуцией, принявшей форму крепостного рабства. Здесь вследствие отсутствия античных традиций и буржуазии с ее рыночно-частнособственнической экономикой установилась свойственная Востоку всесильная власть, трансформировавшаяся в чиновничье-бюрократическую администрацию дворянской элиты управителей. Это не только затормозило, но и надолго остановило процесс дефеодализации.

Так обстоит дело с феодализмом и дефеодализацией. Проблемой остается то, как затем, по мере изменения обстоятельств, феодализм постепенно — где, в одних условиях, раньше и энергичнее, где позже и с гораздо большими сложностями, а где и вообще едва-едва — уходил в прошлое. Именно так следует воспринимать реалии дефеодализации. А теперь попытаемся разобраться еще с одним термином, обычно используемым в отечественном обществоведении. Им чаще всего обозначают централизованную власть, ведущую к исчезновению феодов и к постепенному решению проблемы все той же дефеодализации. Имеется в виду охотно используемый в нашем отечественном обществоведении термин *абсолютизм*, обычно щедро употребляемый без особых пояснений.

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ У ТЕРМИНА «АБСОЛЮТИЗМ»?

Трудно сказать, кто, где и когда впервые стал применять этот термин. Но стоит специально принять во внимание, что в марксистской историографии он используется постоянно и навязчиво. Этот термин с настойчивостью до сих пор применяется для обозначения чего-то вроде дефеодализации в любом варианте этого процесса, если толь-

ко речь идет об определенном времени. Имеется в виду примерно XVI–XVIII вв., иногда — особенно применительно к Востоку — чуть более позднее время, но никогда не более раннее, ибо это молчаливо считается несовместимым с теорией формаций. Показательна в этом отношении концептуальная статья, помещенная в «Советской исторической энциклопедии» (т. 1. М., 1961. С. 45–49). Стоит более детально ознакомиться с ее содержанием и аргументацией.

Абсолютизм — сказано в статье — это форма феодального государства, характерная для последнего периода существования феодальной формации. Он сводится к тому, что глава государства — единственный источник власти, реализуемой с помощью аппарата администрации и средств принуждения. Абсолютная монархия возникает в период перехода от феодального общества к буржуазному, играя на противоречиях между дворянством и буржуазией. Абсолютизм может имеет «классические» формы (Франция, где он существовал до конца XVIII века; Япония, в которой был до 1868 года) и, как следует полагать, и другие. В Англии он был чуть слабее из-за существования парламента и прекратил свое существование в середине XVII века (т.е. во времена Кромвеля). В Испании времен Филиппа II превратился в деспотию. В Германии возник поздно в каждом из мелких княжеств, в Польше вообще не появился, а в Австрии, Пруссии и России оказался так называемым просвещенным и просуществовал до начала XX века. В Азии феодализм был устойчивее и сохранялся дольше, тоже до начала XX века.

Надо сразу же сказать, что аргументации (если не считать за таковую ссылки на классиков марксизма) в статье почти нет — хотя в числе ее авторов числятся почтенные академики. Смысл статьи сводится к тому, что при абсолютизме окрепший аппарат власти и принуждения играет на противоречиях между дворянством и буржуазией. А там, где сильной буржуазии не было и шло «более замедленное капиталистическое развитие», происходила «постепенная эволюция феодально-абсолютистской монархии в монархию буржуазно-помещичью». Конечно, грех упрекать авторов за то, что они, быть может, вынуждены были писать полвека назад. Но нельзя и не заметить того, что помнят и бездумно используют и сегодня. А ведь в статье не обходят вниманием и Восток, где тоже ищут — и находят! — этот самый абсолютизм, иногда «просвещенный». Правда, сказанное в ней о Востоке неубедительно и противоречиво. Авторы полагают, например, что «в Китае элементы абсолютизма возникли при династии

Мин (особенно в 16 веке)» Где и как проявили себя эти элементы? Чем Мин отличалась от остальных, которые почему-то не «абсолютизм»? Потому что не было буржуазии? Но буржуазия появилась в Китае не в XVI веке, а на рубеже XIX–XX столетий, причем и после этого она отнюдь не была настолько сильной, чтобы решительно изменить структуру общества и формы государственной власти. И монархия в Китае рухнула в 1911 году никак не вследствие того, что будто бы балансировала между дворянством и буржуазией, а по иным причинам.

Но пойдем дальше. Почему абсолютизм в Османской империи объясняется тем, что Абдул-Хамид II будто бы опирался **«не только на крупных турецких феодалов, но и на иностранных империалистов»**? И почему примерно в то же самое время в Египте как раз напротив, мешало появлению **«отдельных черт абсолютизма»** проникновение **«иностранного капитала»**? Что же такое тогда абсолютизм на исламском Востоке и где у авторов статьи элементарная логика? Примерно то же ярко проявляется в отношении России: если это «просвещенный абсолютизм», то где просвещение, а если он связан с сильным влиянием буржуазии, то где она? И если авторы статьи признают, что объективные условия мешали «преобразованию царизма в буржуазную монархию», то что же такое тогда абсолютизм, тем более «просвещенный»? И, наконец, рассуждение о Японии. Оно заслуживает того, чтобы привести его полностью: *«В Японии, где абсолютизм был выражен наиболее отчетливо (установился в начале XVII века в эпоху Токугава), характерным для него были: размещение владений феодалов так, чтобы между землями крупных феодалов были расположены владения феодалов, либо прямо принадлежащих к правившему дому Токугава, либо полностью от него зависимых; система заложничества — обязанность феодалов держать свои семьи в столице, а самим проживать попеременно год в своем княжестве, год — в столице; создание собственной экономической мощи путем сосредоточения в руках правящего дома почти четверти всего земельного фонда страны; изъятие всех крупных торгово-ремесленных городов и торговых путей из ведения феодалов и подчинение их центральному правительству; изоляция страны от внешнего мира».*

Если оставить в стороне тяжеловесность фразы, все примерно так и было (недаром в числе авторов статьи японовед). Но при чем здесь абсолютизм? Правящий дом *сёгуна* Токугава создал систему, которая более крепко, нежели раньше, поставила в зависимость от

него других князей-*даймё*. Но они, тем не менее, оставались независимыми от него хозяевами в пределах своих княжеств-феодов, тех же наследственных владений, что существовали и прежде. Что касается городов, то некоторые из них и прежде были свободны (если угодно — подчинялись центральному правительству), тогда как другие находились под опекой своих даймё, причем так продолжалось и в эпоху Токугава. Но пусть даже все обстояло в точности так, как сказано в статье. Где тут абсолютизм и в чем именно он «наиболее отчетливо» проявил себя? Стоит принять во внимание, что сёгун был военным правителем, но не императором, что князья с их феодами и городами в пределах их княжеств оставались феодалами. При этом никакой заведомо отличной от их экономических потенций «собственной экономической мощью» сёгуны не отличались, а экономическая база нужна была им для сохранения военной мощи, которая постепенно ослабевала, пока не пришла к полному краху. Этот крах назван концом «абсолютизма», хотя делается оговорка, что «монархия и засилие феодальных элементов в государственном аппарате» не были при этом ликвидированы. Словом, из сказанного в статье никак не следует, что в Японии «абсолютизм был выражен наиболее отчетливо». Не следует даже то, что он вообще там был.

Вывод из всего сказанное один: абсолютизм в представлении корифеев марксистской историографии — это по сути безбрежное многообразие форм существования централизованного государства в эпоху перехода от средневекового феодализма к более позднему времени. Если в эту формулу внести напрашивающиеся коррективы, смысл которых сводится к тому, что феодализм не только не формация, но вообще не нечто лишь средневековое, то она сразу же рассыпается. Термин оказывается бессодержательной пустышкой, ибо ничего не обозначает. С его помощью приверженцы марксистской философии истории (вольные или невольные — это другой вопрос, хотя и не праздный) стремились поддержать тезис, что переход от феодальной «формации» к буржуазной шел под знаменем некоего общего для всех «абсолютизма». При этом сущность его вследствие стремления придать ему ложную универсальность оказывается не просто размытой, но крайне неясной и противоречивой.

В связи со сказанным справедливости ради стоит заметить, что в некоторых современных работах приверженцев марксизма понятие «абсолютизм» резко сужено и сильно изменено. Ю. И. Семенов, например, в книге «Философия истории» (М., 2003. С. 476–477) гово-

рит о том, что «абсолютные монархии» периода возникновения национальных рынков ограничены лишь Западной Европой и недолгим временем (с XVI по XVIII в.). Он полагает, что возникли такого рода монархии в условиях «систематического массового террора» со стороны прежде всего инквизиции и политики меркантилизма. Более того, такого рода абсолютизм («абсолютополитаризм» в авторской терминологии) быстро становился «тормозом развития» и либо вел к экономической деградации, как в Испании, либо погибал насильственным путем в результате революций. Следует сразу же сказать, что абсолютизм в такой трактовке становится чем-то совсем невнятным. Складывалось ли в Испании времен Филиппа II что-либо похожее на национальный рынок? Сомнительно. Существовало ли в Англии XVI–XVII вв. нечто вроде инквизиции и массового террора? Отнюдь.

Не стоит продолжать, ибо и в данном случае абсолютизм как понятие, даже если ограничить его рамки европейским Западом, что разумнее, не имеет строгого и четкого внутреннего содержания. Ведь совершенно ясно, что в Испании был один тип власти, в Англии другой, во Франции третий, а в Нидерландах времен борьбы за независимость четвертый, причем более похожий, к слову, на республику. И смешивать их в одну кучу нет никаких оснований. А коль скоро так, то оценка термина остается непоколебленной. «Абсолютизм» как сколько-нибудь единое, сводное понятие, имеющее смысл для обозначения явления, встречающегося чуть ли не везде и жестко связанного с концом феодализма как формации, бессодержательная пустышка. **Термин не имеет права на существование, ибо не способен объяснить не только разницу в развитии Запада и Востока в период перехода от средневековья к Новому времени, но и несходство в типе власти в разных странах одного только Запада, не говоря уже о России.** Обратимся теперь к реальной, а не выдуманной проблеме.

О ТИПАХ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Имеются в виду четыре крупные западноевропейские страны, которые были наиболее активны на заключительном этапе переходного периода. Это Англия, Франция, Австрия (Священная Римская империя) и молодая Пруссия. О каждой из них стоит специально напомнить, чтобы потом было легче их сопоставлять, сравнивать с

Россией и делать выводы как о реальных вариантах эволюции, так и о конкретных особенностях форм власти в них. Уже одно это весьма существенное обстоятельство позволит определить, насколько эти формы, при всем принципиальном сходстве выходящих на авансцену во всех них буржуазных рыночно-частнособственнических структур, не одинаковы.

Англия. Это наиболее простой и очевидный вариант. Со времен Генриха VIII, т.е. с первой половины XVI века, с того момента, когда будто бы возникал «абсолютизм», роль парламента и тех свобод, что были зафиксированы задолго до того в «Великой хартии вольностей», никогда не уменьшалась. Несмотря на спорадические акты Карла I о роспуске парламента и тем более на войну этого короля с ним, парламент постоянно и активно функционировал, не давая королю быть «единственным источником власти». Что же касается противоречий между знатью и буржуазией, то их фактически не было. На смену взаимно истребившим друг друга Йоркам и Ланкастерам пришло новое дворянство, имевшее такой плодотворный и тесный контакт с нарождавшейся и весьма крепкой английской буржуазией, что лучшего в этом смысле и пожелать нельзя.

Не стоит также еще раз напоминать, что никакого массового террора в Англии не было. Был нелегкий и занявший век-полтора процесс борьбы королевской власти и парламента. Он достиг своего пика в момент казни короля в 1649 г. и благополучно завершился в 1689 году переворотом, приведшим к власти нового короля, который согласился с ограничением его власти. Протестантская Англия стала **конституционной монархией с либерально-демократической системой власти.**

Франция. Иначе складывалась ситуация в католической Франции, где Генеральные штаты, нечто вроде английского парламента[1], длительное время вообще не функционировали и не были серьезной политической силой. Первая половина и особенно середина XVI столетия здесь прошли под знаком обострения религиозного конфликта между католическим большинством и влиятельным протестантским

[1] Очень важно принять во внимание, что французские Генеральные штаты отличались от английского парламента. Они состояли из трех равноправных палат, две из которых заполнялись представителями дворянства и католического духовенства, тогда как на долю третьего сословия, т.е. прежде всего буржуазии, приходилось заведомое меньшинство в одну треть голосов.

меньшинством. В 1572 году гугеноты частично были истреблены, отчасти оказались вынужденными покинуть Францию. И в этом варианте развития событий массовая резня, хотя и не вполне террор, сыграла определенную роль в становлении того типа власти монарха, который, видимо, породил представление об «абсолютизме». Ведь изречения типа «государство — это я» или «после нас хоть потоп» адекватно отразили то место, которое заняли короли, опиравшиеся на реформы, направленные на укрепление их власти. В этом смысле усилия Ришелье, Мазарини и особенно Кольбера не пропали зря. Во Франции была создана эффективная централизованная администрация, на которую долгое время беззаботно опирались правители. Но никакого лавирования между дворянством и буржуазией не было. Дворянство было главной социальной опорой власти. А приниженная буржуазия долгое время, вплоть до конца XVIII века, едва вставала на ноги. Зато потом произошел долго назревавший могучий взрыв, положивший конец феодализму во Франции. Словом, **во Франции с XVI по XVIII век было авторитарное правление самовластных монархов. А смела его революция, которая сопровождалась почти мгновенной дефеодализацией.** При этом короли вполне удовлетворились ликвидацией независимых феодов и сохранили гигантский корпус дворян с их земельными владениями и крестьянскими повинностями. Многие из дворян к тому же заняли высокооплачиваемые должности в системе администрации и в армии страны, но почти никто из них не встал на путь сближения с буржуазией, что было столь характерно для нового дворянства в Англии.

Итог очень характерен. Во Франции — в отличие от Англии — не было достаточного простора для развития и тем более приоритета буржуазных рыночно-частнособственнических отношений. Место буржуа занимали дворяне и тесно сблизившиеся с ними католические иерархи. Расцветал роскошный королевский двор в Версале, щедро пользовались услугами казны многочисленные фавориты, а народ голодал. Дефеодализация практически приостановилась в своем развитии, что объективно способствовало увеличению напряженности в стране и накоплению ненависти между правящей элитой и увеличивавшимся в числе так называемым третьим сословием. В то же время в стране, где от развития буржуазии зависело очень многое и где это развитие в силу обстоятельств и прежде всего гонений на протестантов было искусственно замедлено, такой тип правления — беззаботный авторитаризм самовластных монархов при полном

пренебрежении к интересам народа, включая и буржуазию (третье сословие), — логично оказался чреват взрывом массового недовольства, т.е. крайне бурной и жестокой революцией.

Австрия. Совершенно иным, причем отличным как от английского, так и от французского, был путь эволюции Священной Римской империи, этой удивительной и крайне своеобразной конфедерации с центром в Австрии. Германская имперская структура с раннего средневековья предполагала, наряду с немалой долей самостоятельности многочисленных субъектов федерации, курфюршеств и княжеств, достаточно сильный центр, который имел немалые возможности для своего укрепления. Эти возможности опирались вначале как на поддержку со стороны испанских Габсбургов, подчас соединявших власть королей могущественной Испании с властью над империей, так и на необходимость жестко противостоять Османской империи. И если первый фактор был кратковременным, то второй действовал практически постоянно. Он вел к тому, что Австрия увеличивала свой не столько общеимперский, сколько именно австрийский потенциал за счет присоединявшихся к ней практически добровольно Чехии, Венгрии и части южных славян, прежде всего хорватов.

Все это, даже в условиях гонений на протестантов, но зато при активной поддержке католического Рима и особенно иезуитов, помогало Австрии и окружавшим ее германским владениям, оставшимся верными католицизму (Бавария и некоторые другие) даже в условиях медленного, как и во Франции, развития буржуазии. Смысл этой помощи был в том, что австрийские правители вынуждены были сравнительно ускоренными темпами укреплять централизованный аппарат администрации. Кроме того, нельзя забывать, что немецкие города, объединенные в рамках Ганзы, имели уже только в силу этого немалые возможности для своего экономического развития, порой и процветания. Это обеспечивало заметное преимущество немецкой буржуазии по сравнению с той же французской. Стоит напомнить также, что именно в южной Германии раньше всего появились крупнейшие финансово-банковские фирмы вроде дома Фуггеров, да и не только их. И хотя в XVII веке в связи с Тридцатилетней войной Австрия была несколько ослаблена, это не сказалось на ней слишком заметно. Более того, война дала толчок экономическому развитию даже тех городов, что остались в южной зоне господства католиков. В городах появился заметный слой новых дворян, которые сближались с буржуазией и тем усиливали ее значимость. Север с преобла-

данием протестантов очень рано широко открыл двери для развития буржуазных рыночно-частнособственнических отношений.

Императорская власть в условиях сковывавшей ее возможности конфедеративной организации империи не была ни самовластной, ни вообще слишком навязчивой. Увеличивалась роль рейхстага, причем в конкретных условиях германской империи тот же расклад, что и во Франции (три равноценные палаты-курии курфюрстов, князей и городов), вел к иным результатам, ибо расхождения в рядах первых двух палат, явственно делившихся на представителей протестантов и католиков, были несопоставимы с единением дворян и духовенства в Генеральных штатах.

XVIII век принес Австрии немало нового. Поражение в Семилетней войне способствовало увеличению внимания к буржуазному развитию, переходу к политике протекционизма и меркантилизма. Иными словами, императоры, которые были в первую очередь правителями Австрии, но не империи, считались с требованиями времени и не полагались на то, что не слишком существенная поддержка со стороны дворянства, к тому же очень пестрого в этническом плане и по меньшей мере частично имевшего явную склонность к националистическим тенденциям, обеспечит их безопасность. Достигнутые к этому времени определенные успехи в деле централизации власти и эффективности аппарата администрации и армии делали свое дело. Это важное обстоятельство в стране, взявшей курс на экономическое развитие по буржуазному пути — пусть даже с запозданием и в менее энергичном стиле, нежели то было свойственно в это время уже фактически отделившейся от империи протестантской Пруссии, — создавало естественное стремление обуздать аппетиты отживших свое феодалов. И именно это в результате реформ Иосифа II было сделано.

Если прибавить к сказанному, что как раз в это же время пришел час успехов во внешней политике, в частности в борьбе с Османской империей и в разделах территории Речи Посполитой, то окажется совершенно ясным, что империя в лице Австрии сумела найти свой путь и в изменившихся условиях обеспечить свое существование. Подводя итоги, заметим, что Австрия с ее издревле существовавшими аппаратом администрации и формами некоего регионального самоуправления, начиная с рейхстага и кончая сеймами в присоединенных странах и всеми городами, в общем и целом успешно развивалась, хотя и замедленными темпами. После ряда поражений в европейских войнах XVII–XVIII вв. правители католической Австрии

признали давно назревшую необходимость обуздания аппетитов дворянства и важность активной поддержки буржуазии в изменившихся в западном мире условиях. Этот курс вел к неуклонной, хотя и замедленной дефеодализации. **Что же касается точного определения типа правления в Австрии, то его следует считать умеренной автократией.** Реальная власть в Австрии принадлежала не столько монарху (хотя он играл очень значительную роль), но также и различным несколько ограничивавшим эту власть общественным институтам. Такого рода институты не только существовали, но и активно функционировали как в центре, так и на местах, где исстари были элементы самоуправления, чего почти не было во Франции эпохи правления последних Людовиков.

Пруссия, появившаяся в Европе и заявившая о себе как о сильном государстве лишь на исходе XVII столетия, отличалась некоторыми важными особенностями. В первую очередь это жесткость власти помещиков-юнкеров над подвластными им крестьянами восточных территорий (а Пруссия расширялась прежде всего за счет приращения территорий, лежавших к востоку от Бранденбурга). И хотя создатель государства Фридрих Вильгельм из дома Гогенцоллернов, следуя привычному для правителей протестантских стран курсу, щедро приглашал гонимых протестантов и поддерживал буржуазию, эта политика в условиях страны, энергично расширявшейся за счет восточноевропейских территорий, непротиворечиво сочеталась с жесткостью возникавшей в Пруссии сильной централизованной власти. Власть опиралась прежде всего на мощную и дисциплинированную, хорошо вышколенную суровой муштрой армию. Соответственно была отработана практика твердой централизации власти и жесткой бюрократизации ее административного аппарата.

Вызванное связанным с этим увеличением налогов недовольство дворян прусские короли энергично подавляли, а Фридрих II провел даже некоторые реформы, направленные на ослабление зависимости крестьян от их хозяев, что было обусловлено прежде всего интересами казны и необходимостью обеспечения именно туда, а не в карман дворян-юнкеров, налоговых поступлений. И если поставить целью охарактеризовать Пруссию как тип государства, то окажется, что это **авторитарная монархия, опиравшаяся на сильную централизованную власть, жесткий административный аппарат и вышколенную армию.** Не имевшая многочисленного и тем более крупного и привыкшего к привилегиям корпуса высокопоставленной знати Прус-

сия использовала большую часть дворянства в армии, не забывая ради собственных нужд поддерживать в стране патронируемую ею буржуазию.

В силу многих причин, в немалой мере связанных с особенностями возникновения и расположения государства, она была чем-то вроде преемника военно-рыцарских орденов (Ливонского, Тевтонского), которые задавали тон в Прибалтике задолго до ее появления. Ситуация требовала от Пруссии жесткой централизации, дефеодализации (хотя бы в смысле сильного ослабления дворянского сословия) и явственного уклона в сторону военной силы. Отсюда и такие непривлекательные черты монархии, как ее военно-полицейский уклон в сочетании с бесцеремонной немецкой внутренней колонизацией окраин. Но следует признать, что именно эта монархия обладала той внутренней силой, которая сумела в конечном счете объединить Германию, бывшую на протяжении примерно тысячелетия в состоянии раздробленности.

Выводы и сопоставление. Итак, перед нами четыре разных варианта процесса трансформации основных западноевропейских держав на пути от позднего средневековья к буржуазному времени. Этот путь в принципе — стоит повторить — был общим для всех. Но шла по нему каждая из стран по-своему. В них на протяжении длительного времени складывалась, с учетом условий существования, своя и, как правило, не похожая на других форма власти. И уже по одной этой весьма веской причине приводить их к общему знаменателю («абсолютизм», а то и «просвещенный абсолютизм») нет оснований. Общее у всех них только одно: верховный правитель и дефеодализация. Но власть правителя как форма правления известна человечеству с незапамятных времен. Известно и то, что правление одного правителя может быть и бывало достаточно разным.

В Древнем Китае в эпоху Чжоу, хотя и не с самого начала династии, а с Восточного Чжоу, т.е. в VIII–III вв. до н.э., правитель Китая, сын Неба, был лишь номинальным безвластным главой Поднебесной. А древнеегипетский фараон обычно был всевластным правителем, хотя и тоже не все время. Временами его власть ослабевала, а власть и влияние администраторов-номархов на местах соответственно возрастали. В древней Индии власть правителей, даже вроде бы известных, вроде Ашоки, была безусловно слабой, что объясняется силой общинно-кастовой системы, не нуждавшейся в эффективном централизованном административном аппарате. В многочисленных го-

сударствах Двуречья власть правителя обычно была полновластной, хотя полнота этой власти могла сильно варьировать, от небольшой у глав шумерских протогосударств до полновесной в Вавилоне, Ассирии и тем более в ахеменидской Персии. Власть правителей времен эллинизма могла быть разной, но обычно была полной. В императорском Риме было примерно так же. Более того, там эта власть порой становилась авторитарной, близкой к деспотии. Но чаще она слабела, причем одной из важных причин ее слабости было существование Сената, значимость которого то возрастала, то уменьшалась.

В средневековое время Восток был представлен, если иметь в виду основные государственные образования, сильной эффективной властью правителей, что было особенно характерно для Китая и мира ислама, включая завоеванную мусульманами Индию. А вот в Западной и Восточной Европе долгое время эффективная власть правителей была редкостью. Ее можно было увидеть лишь в Византии. Но по мере укрепления варварских королевств и различных княжеств, даже великих княжеств, ситуация изменялась. Европейские государства становились все более сильными, а их правители постепенно обзаводились централизованной администрацией.

Что же касается процесса дефеодализации, то он — как и формы власти, причем в тесной связи и даже в зависимости от этих форм, — обретал очень разные темпы и принимал различные модификации, подчас даже подвергался реверсии. Но, учитывая все эти сложности, нельзя не заметить, что он всегда шел. Здесь нужна лишь одна оговорка. Дело в том, что дефеодализация как сложный процесс отнюдь не сводилась к ликвидации сословия знати. Этого, как известно, не произошло даже в Англии и тем более во Франции, где огромное число не успевших бежать аристократов нашли свой конец на гильотине. Этого не произошло на Руси, где роль гильотины взял на себя Иван Грозный. **Дефеодализация как одно из важнейших явлений, сопутствовавших трансформации и бывших если и не главным, то существеннейшим ее проявлением, сводилась прежде всего и главным образом к потере феодалами их феодов и к ограничению пользования земельными владениями с правом на повинности местного населения.**

Что же касается Запада, то здесь, особенно на позднем этапе средневекового периода и в тот переходный период, которому посвящен данный том, варианты трансформации стали не сближаться, как то бездумно и поверхностно повторяется в марксистской историографии с ее привязанностью к понятию «абсолютизм», а, напротив, рас-

ходиться. И все рассмотренное выше убедительно свидетельствует именно об этом. При этом не столь даже важно, насколько точно и полно в его мелких деталях охарактеризован каждый из них. В любом случае важен конечный итог: варианты трансформации, безусловно разные. Подытожим их.

Первый, английский, — от пытавшихся стать всевластными правителей к становлению ограниченной конституционной монархии с явной либерально-демократической тенденцией эволюции. Дефеодализация началась сравнительно рано и быстро шла полным ходом.

Второй, французский, — от сравнительно слабых правителей, власть которых была существенно ограничена влиятельной знатью, к полновластной авторитарной монархии. Дефеодализация сначала проявила себя очень заметно (крупная владетельная знать была вынуждена подчиниться власти монарха), но затем фактически приостановилась.

Третий, австрийский, — медленное становление более или менее полной и эффективной власти монарха с умеренными и ограниченными различными факторами полномочиями. Дефеодализация замедленная, но по существу постоянная.

Четвертый, прусский, — эффективная авторитарная монархия с опорой на военно-полицейскую силу. Дефеодализация проявлялась в форме подчинения усиливавшейся центральной власти слабого и продолжавшего ослабевать дворянства.

Можно было бы говорить о некотором концептуальном сходстве второго и четвертого вариантов, если бы они все же не столь разительно отличались друг от друга. И это различие следует считать важным, ибо в одном случае руководимая беззаботными правителями и роскошествующей элитой страна пришла к радикальной кровавой революции, а в другом, где все обстояло иначе, страна закономерно миновала нечто подобное. Словом, перед нами все же четыре очень непохожие друг на друга формы власти. Сближает все эти четыре формы тот путь, который все они проделали. Это был путь трансформации от неразвитого восточного типа власти-собственности с децентрализованной редистрибуцией (т.е. с феодами и расцветшей на этой основе феодальной модификацией системы власти) при очень существенном влиянии античной традиции и западного типа христианства к формированию централизованной власти и к дефеодализации. Трансформация была неодинаковой, но обязательно сопровождалась развитием буржуазных рыночно-частнособственнических

отношений. Там, где власть способствовала буржуазной эволюции, успех был наибольшим, как то случилось в Англии. Там, где она откровенно препятствовала этому, наступал закономерный крах этой власти и вместе с ней всей старой структуры, как то произошло во Франции. И последнее, что важно выяснить в данной главе, это оценка того пути-варианта, который представлен Россией.

ФОРМА ВЛАСТИ В РОССИИ

Россия с точки зрения предлагаемого анализа является страной необычной, о чем уже не раз говорилось, когда ее помещали в группу стран, находившихся между Востоком и Западом. Если попытаться разобраться, в чем главная суть ее необычности, то стоит сразу же заметить, что она сводится к тем же проблемам, которые только что рассматривались и оценивались применительно к странам Западной Европы. Иными словами, речь идет о формах власти, а также о темпах и специфике связанной с этими формами дефеодализации. Можно сразу же сказать, что если с формами авторитарной власти, подчас близкой к деспотии, все обстоит более или менее ясно, то проблема дефеодализации в случае с Россией оказывается гораздо более сложной. Перед нами иная модификация феодализма.

Главной задачей правителей древней Руси с момента возникновения княжеской власти в Киеве было справедливо поделить владения в стране, расширявшейся и не поддававшейся эффективному управлению из Киева. В условиях неразвитой инфраструктуры и отсутствия налаженного аппарата администрации система власти-собственности могла существовать лишь при той же, что и в Западной Европе, децентрализованной редистрибуции. Однако, в отличие от Западной Европы, Киевская Русь не была знакома ни с античными традициями, ни с западного типа христианством. Вследствие этого сложился иной феодализм. Страна была поделена на княжества, быстро превращавшиеся в крупные и фактически самостоятельные государственные образования, лишь формально признававшие власть великого князя в Киеве, а затем во Владимире.

Князья ожесточенно соперничали друг с другом, воевали в борьбе за старшинство и великокняжеский стол. Первые два-три века русской государственности прошли под знаком укрепления такого феодализма. Княжества-феоды, а затем и боярские вотчины выделялись

родственникам правителя и, реже, заслуженным его сподвижникам. Сначала это были родственники и приближенные только великого князя, позже примерно то же стало происходить и в рамках укрепившихся и расширившихся за счет соседей остальных княжеств, формально подчиненных великокняжескому столу в Киеве, но фактически становившихся самостоятельными, что особенно драматически проявилось в момент нашествия на Русь полчищ монголов. Конец татаро-монгольского ига (монгольское этническое начало в Золотой Орде к этому времени фактически ушло в прошлое) совпал с периодом усиления великого княжества Московского. Со времен Ивана III именно Москва возглавила сложный и длительный процесс объединения Руси под лозунгом «Москва — третий Рим». За долгие десятилетия его правления он издал Судебник, регулировавший правовые нормы, а также создал основы бюрократического аппарата централизованной администрации, в том числе Боярскую думу и ряд важнейших ведомств. При нем наряду с крупными феодалами-боярами с их наследственными вотчинами появились первые представители чиновничества и служилого дворянства.

По мере укрепления Московской Руси все остальные княжества вынуждены были подчиниться и перестать существовать в качестве независимых феодов. Процесс уничтожения высокопоставленной знати, князей и бояр (княжеско-боярская система власти, на что специалисты иногда обращают специальное внимание), был доведен до логического конца Иваном Грозным и формально закреплен соответствующим указом Петра I, уравнявшего боярские вотчины с дворянскими владениями. Опора авторитарной власти русских императоров на дворянство, чьи владения должны были кем-то обрабатываться, привела в России к возникновению помещичьих имений с закрепощенными крестьянами, степень крепостной зависимости которых от помещиков оказалась равноценной рабству. Все это необходимо иметь в виду, чтобы уловить основную тенденцию. Она сводится к тому, что в условиях эволюции русской монархии был — как и в ряде случаев, особенно во Франции, на Западе — период, когда правители сосуществовали рядом с могущественными вассалами и потому не имели ни сильной власти, ни вышколенного аппарата администрации. Но, сумев уничтожить сословие наследственных вотчинников, правители превратились в самовластных монархов, опирающихся на военную силу в виде прежде всего служилого дворянства. Следующим этапом в развитии самодержавной русской монархии стали

превращение ее в империю и стремление путем заимствования всего полезного у быстро развивавшегося буржуазного Запада создать столь необходимую для империи развитую промышленную и торговую основу. Но для этого нужна была переориентация восточных принципов власти-собственности с ее теперь уже централизованной редистрибуцией и бюрократией на буржуазную институционализованную рыночно-частнособственническую основу.

Это означало необходимость структурной ломки, которая требовала не только времени, но и благоприятных для этого условий. Реформы Петра, казалось, могли этому способствовать. Но этого не случилось, так как они непротиворечиво вписались в сложившуюся издревле в стране восточного типа структуру. Приоритету их мешало отсутствие в России античных традиций и складывавшейся на их основе в Западной Европе городской предбуржуазии, обладавшей свободой самоуправления и некоторыми иными очень важными правами, гарантиями и привилегиями, в основном связанными с развитой культурой уважения к праву, закону и судебной власти. Другими словами, в русских городах — за редчайшими исключениями типа потопленного в крови Иваном Грозным торговавшего с ганзейскими городами Новгорода — не возникала и не господствовала предбуржуазная рыночно-частнособственническая структура близкого к античности типа, столь свойственная средневековой Западной Европе. Это означало, что в России господствовал генеральный принцип власти-собственности с централизованной теперь уже редистрибуцией.

Петр I, прорубая окно в Европу, старался сблизить империю с западными стандартами, не имевшими ничего общего со все еще господствовавшим в России этим восточного типа принципом. Но его старания и все серьезные преобразования не привели к этому, так как страна и население ее были к столь радикальной перестройке просто не готовы. Не были они готовы к этому и в России XVIII в. Сохранялось господство восточного по типу принципа абсолютного приоритета власти над частной собственностью с соответствующей этой структуре централизованной редистрибуцией и, что важно, устоявшимся обществом восточного типа. Именно это позволяло русским императорам-самодержцам щедрой рукой бесцеремонно и беспрепятственно жаловать приближенным и заслуженным дворянам многие сотни тысяч крепостных душ с соответствующими поместьями, т.е. земельными владениями. Но как при этом обстояло дело с дефеодализацией?

Нет никакого сомнения в том, что динамика здесь более чем заметна. Прежнего типа феодалов, бояр-вотчинников, не стало уже при Петре I. Но на смену им пришла новая модификация феодалов, чьи права и возможности по меньшей мере вначале были заметно ограниченны. Поместья считались условными служебными владениями без права отчуждения. В сочетании со становлением неплохо разработанной к этому времени централизованной чиновничье-бюрократической администрации это можно было бы считать важным шагом в направлении к столь заметной на Западе дефеодализации. Однако на деле развитие пошло по иному пути. Дворянские поместья и крепостные крестьяне стали отчуждаемой частной собственностью, что привело к появлению рынка земли с крепостными рабами, отчего возникшая было при Иване Грозном и Петре I дефеодализация начала движение в обратном направлении, пробыв в этом состоянии до отмены крепостного права в 1861 году.

Так как же следует оценить русский путь от феодализма к централизации? Перед нами самодержавная монархия с колосальной властью правителя, не ограниченного общественными институтами, опирающегося на дворян. Влиятельное многочисленное российское дворянство, вполне довольное судьбой и существующим устройством, было против любых экспериментов, угрожавших его безмятежной жизни. Буржуазии в стране не было места. Крепостное крестьянство социопсихологически соответствовало стандарту мировой деревни, к тому же отягощенной удавкой сервильного комплекса. Дефеодализация в таких условиях была нереальной. **Словом, Россия — пятый вариант трансформации феодализма к централизованному государству. Для него характерны самодержавие с влиятельной дворянско-бюрократической основой при отсутствии гражданских институтов и буржуазных городов с рыночно-частнособственническими связями нефеодального типа.**

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Обратимся к сопоставлению путей эволюции. Прежде всего обратим внимание на то, что в России, в отличие от стран Западной Европы, активно действовали только два основных фактора эволюции, случайность и стечение обстоятельств. Действовали они активно, чаще негативно и порой весьма существенно меняя общую ситуацию

в стране. Достаточно напомнить о Грозном, Смуте, преобразованиях Петра, дворцовых переворотах. Но в ней не было места для третьего и принципиально важнейшего из факторов эволюции, буржуазного. Это делало развитие империи заведомо не равным западным странам, где именно этот важнейший фактор в конце изучаемого периода активно действовал всюду, предоставляя простор для ускоренных темпов эволюции. Россия, несмотря на заметные ее успехи в войнах и выход на европейский театр политики, в этом отношении безнадежно отставала от Запада. Сопоставляя ее с другими, мы обнаружим следующие варианты, группирующиеся, однако, иначе.

Первый и наиболее благоприятный из них — английский. Именно Англия с ее хорошо отлаженной системой конституционной монархии и либеральной демократии была не то чтобы образцом (хотя в некоторой степени и образцом, по крайней мере для ее североамериканских колоний, несмотря на войну с ними, а также отчасти и для Индии), но во всяком случае ориентиром для всех остальных. И это важно иметь в виду, как существенно учитывать и то, что английская колониальная империя долгое время была величайшей и в общем очень неплохо организованной, а также то, что английский язык далеко не случайно является сегодня первым по значимости и общемировым по распространению и степени освоения его в разных странах. Словом, английский путь эволюции от средневекового феодализма к государству и обществу буржуазного времени следует считать оптимальным.

Второй, австрийский вариант эволюции — мало удачный. Он был движением по наклонной плоскости, от статуса великой империи к мало чему обязывающей конфедерации. Этот вариант резко противостоит первому и занимает последнее место в квинтете тех держав, которые на рубеже XIX столетия определяли европейскую, да и всемирную политику.

Третий вариант эволюции — модификации почти одинакового пути, но с очень существенными отличиями. Это субварианты Франции, Пруссии и России. Общность трех в том, что это сильные государства с господством авторитарной власти правителя. Но каждое уникально. **Пруссия** сильна военно-полицейской основой, чем отлична от французской и русской, где полновластие авторитаризма и самодержавия держалось на активной поддержке дворянства и духовенства. Существеннейшим различием между этими двумя было наличие во **Франции** третьего фактора эволюции, который привел

ее к революции и которого не было в **России** вплоть до рубежа XIX–XX столетий. **Но и в Пруссии, и в России неограниченная власть была резко противопоставлена социуму, что проявлялось в жестокости по отношению к незрелому обществу.** И хотя в XIX в. многое изменилось в пользу Пруссии, к чему, в частности, приложил руку О. фон Бисмарк, это принципиальное сходство оказалось с течением времени более чем зловещим. Драматическое стечение обстоятельств привело к тому, что в обоих государствах на основе такого противостояния сложились тоталитарные режимы.

Тоталитаризм в XX в. был представлен именно этими государствами. Однако при всем несомненном сходстве двух тоталитарных режимов российский, который из всех трех субвариантов (Франция, Пруссия и Россия) взял худшее, соответствующим образом проявил себя и в XX столетии. Разница в том, что в случае с Россией воспитанный крепостным рабством сервильный комплекс дает о себе знать вплоть до сегодняшнего дня, тогда как в демократической Германии он был преодолен полностью. Разумеется, решающую роль в этом сыграла денацификация после Второй мировой войны. Но стоит принять во внимание и ту буржуазную традицию вестернизации, которая многими веками складывалась на Западе и которой, во всяком случае, в ее полноценном объеме, драматически не хватало в России.

Часть четвертая

Столкновение Запада и Востока. Проблемы колониализма

Три века энергичной трансформации в рамках практически всей обитаемой человеком планеты, включая многие необитаемые до того ее пространства, — это очень много, во всяком случае для истории Запада. Ведь хорошо известно, что вплоть до великих сдвигов в конце средневековья, завершившихся серией важнейших географических открытий и началом энергичной экспансии европейцев на территории почти всего неевропейского мира, соотношение сил в мире было не в пользу Запада. При сопоставлении его с одной только длительное время контактировавшей с ним частью Востока, мусульманской, сразу же становится очевидным, что западные страны в позднем средневековье некоторое время с трудом отбивались от хотя и застывшего, но все же неплохо еще существовавшего исламского Востока. Существуют данные, пусть не слишком убедительные, сущность которых сводится к тому, что темпы экономического роста на Востоке были в это время более чем впечатляющими. И уж во всяком случае едва ли стоит спорить с тем, что восточные города выглядели намного более богатыми, многонаселенными и утонченными в обилии разнообразного изысканного производства.

Беда, однако, в том, что Восток в целом как раз в то время, о котором идет речь, добился уже вершин того, что могла дать характерная для него традиционная структура. Имеется в виду та самая, при которой города (а именно в них возникают новации и создаются потенции для ускоренного экономического роста) оставались под жестким гнетом и постоянным неусыпным контролем централизованной власти. Эта власть, как правило, находилась в тех же городах, и жесткий контроль над каждым не был, не мог быть безразличным

для социума в целом. Пусть даже люди привыкали к тысячелетиями складывавшимся порядкам, сущность которых не менялась даже в случае страшных потрясений, порой завершавшихся гибелью одних народов и их государств и появлением на их месте других этнических конгломератов и новых стран. Пусть никто из них не знал иного образа жизни. Суть дела в том, что такого рода привычка, становившаяся жизненно важной частью всего образа жизни, не оставалась безразличной для всех восточных социумов и в особенно заметной степени для исламского. Они застывали, достигнув предельных вершин, которые могли быть достигнуты в обществах, где не было условий для появления третьего, буржуазного фактора эволюции, который появляется лишь в момент выхода на авансцену социальной и экономической жизни свободной от оков власти буржуазии. А это в реальности могло быть лишь в странах Запада с его античными традициями и долгими веками существования прото- и предбуржуазии в городах, свободных от давления власти и феодальных сеньоров.

Стоит в этой связи еще раз обратить внимание на парадокс, связанный с проблемой передовых стран Запада. Смысл его в том, что ни Испания, ни Португалия, где в конце средневековья еще не завершилась Реконкиста, что способствовало первостепенному влиянию воинствующей аристократии, и где свирепствовала инквизиция, активно поддерживавшаяся католической церковью, не были в их числе. Влияние Ренессанса в этих странах было минимальным, а о Реформации вообще говорить не приходится. Зато передовыми во многих отношениях были почти не затронутая Реформацией родина Ренессанса североитальянская Ломбардия, а также Нидерланды и Англия, в которых и Ренессанс, и Реформация проявили себя с наибольшей полнотой. Казалось бы, это действительно трудно объяснимый парадокс. Почему не Англия и не Голландия открывали Америку?

Все объясняется достаточно легко. И Испания, и Португалия были юго-западным форпостом Европы, ее наиболее удобным выходом к Атлантике. Там существовали развитые кораблестроение и мореходство, удобные порты и интенсивная морская торговля. Наличие всего этого в условиях уже начавшегося процесса трансформации Запада было тесно связано с понятием выгоды, с поиском условий для обогащения. Нельзя сбрасывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что и Нидерланды, и вся Ломбардия в это время находились под властью испанских королей из дома Габсбургов и что сам Христофор Колумб был родом из Генуи.

Иными словами, отсталая в плане предбуржуазного развития юго-западная часть Западной Европы была все же ее частью. И тот важнейший — буржуазный — фактор эволюции, о котором не следует забывать, не был ей вовсе чужд, хотя и в более или менее полную свою силу проявлялся лишь в Нидерландах и Ломбардии, отдаленных от Атлантики ее частей. Принять это во внимание необходимо. В противном случае весь расклад сил, о котором шла речь в предыдущей части тома, окажется не вполне понятным. Между тем здесь явно представлена строгая логика неумолимой исторической последовательности. Она в том, что, хотя существует небезосновательное представление, будто история мало кого чему учит, существенно обратить внимание и на другую сторону этого известного афоризма. Смысл ее чуть иной: **история не прощает тех, кто плохо учится или не усваивает уроки.**

Испания и Португалия, которым на рубеже XV–XVI веков столь щедро улыбнулась судьба, могли при некоторых благоприятных обстоятельствах быстро трансформироваться и войти в число передовых и наиболее развитых стран мира. Разумеется, достичь этого было бы не слишком просто. Нужны были сильная воля со стороны монарха и немалые усилия всей страны для того, чтобы распроститься с чрезмерным влиянием католицизма, а также, не теряя времени, ликвидировать инквизицию, обратиться лицом (а не с кнутом в руках) к передовым Нидерландам и Ломбардии. Можно ли было на это надеяться, хотя бы в принципе?

История свидетельствует о том, что нечто подобное в принципе бывало возможным. Петр Великий проделал это спустя два века с Россией, которая находилась в аналогичной ситуации, да к тому же была лишена и выхода к морю (не говоря уже о кораблестроении и мореходстве), и лишних денег. Конечно, Петр, в отличие от испанских монархов, уже гораздо лучше знал, что такое **успешное буржуазное развитие**, которое происходило на его глазах в странах Запада и с которым он был знаком отнюдь не понаслышке. В этом его несомненное преимущество. Но справедливость требует обратить внимание и на другое: испанские Габсбурги тоже могли, да и должны были видеть и понимать разницу между отсталой католической Испанией и развитыми буржуазными Нидерландами и городами Ломбардии.

Это было для некоторых из них тем более несложно, что именно в Нидерландах, а не в Испании, протекали их детские и юношеские годы. Те, кто многие годы прожил в стране с практически наивысшими в то время темпами буржуазного развития, не могли не видеть

разницу между Нидерландами и Испанией и не могли не сравнивать эти страны. Похоже, что они и видели, и сравнивали, но делали в итоге ложные выводы. Для них Нидерланды были не передовым центром полезного для всех буржуазного развития, а рассадником неповиновения, за что следовало их наказать. Вот это-то и нужно считать небрежным отношением к вполне наглядным и доступным для умного и дальновидного монарха урокам истории. Здесь сыграли свою роль и незавидная случайность и неблагоприятное стечение обстоятельств, причем то и другое сводилось прежде всего к личностям и воле всевластных, хотя, вполне возможно, не только одних их. Ну а в дальнейшем все оказалось строго подчинено логике исторического процесса и закономерностям его эволюции.

Третий и важнейший для эволюции фактор приоритета буржуазного развития на Пиренеях не был включен, во всяком случае не имел условий для работы на полную мощность. С проблемами его включения соответственно оказались сложности и в готовых к этому Нидерландах и Ломбардии. А отсюда естественное ожесточенное сопротивление Нидерландов, упадок Ломбардии и деградация Пиренеев. Вот почему на заключительном этапе процесса трансформации Испания и Италия не оказались в числе тех важнейших европейских стран, которые доминировали в политической жизни Европы. Этими странами стали пять других, три из которых (Австрия, Пруссия и Россия), впрочем, не принимали участия в столкновении цивилизаций Запада и Востока на раннем его этапе[1].

Практически для темы четвертой части тома это означает, что имели дело с неевропейским миром в начале периода интенсивной трансформации не те страны, которые пришли с наилучшими показателями к концу периода. В состав их входили другие, прежде всего Испания и Португалия. Но зато по пятам их шли голландцы и англичане, потом и французы. Это необходимо иметь в виду, когда предполагается рассмотрение проблем, связанных со столкновениями Запада и Востока и с очень близкими к ним, хотя и не сводимыми

[1] В отношении России нужна снова оговорка. Она независимо от Запада делала в эпоху Великих географических открытий свои шаги в направлении колонизации Сибири и Дальнего Востока, а во второй половине XVIII столетия даже и Аляски. Но эти шаги при всем их формальном сходстве сильно отличались от всего того, что было связано с возвышением Европы и колонизацией европейцами заморских территорий. К тому же в то далекое время Россия по уровню развития безнадежно отставала от передового Запада.

целиком только к ним проблемами колонизации и вестернизации. Ведь очень важно учесть, что на протяжении всего переходного периода шел интенсивный процесс не только и даже не столько колонизации западными странами некоторой части неевропейского мира, как то в общем-то принято считать и для чего есть весомые основания, но прежде всего общего, генерального воздействия Запада на Восток.

В этой связи необходимо еще раз напомнить, что условным термином «Восток» для удобства изложения обозначается весь неевропейский мир, включая не только классический азиатский Восток, но и Африку, Америку, даже Океанию, начиная с Австралии. Кроме того, речь пойдет не только и даже не столько о колонизации, ибо колониями в полном смысле этого слова были далеко не все территории, куда проникли в XVI–XVIII вв. европейцы. Речь пойдет о вестернизации. Целью является рассказ об исторических событиях и в той части ставшего хорошо знакомым европейцам Востока, которая не была затронута колониальной активностью западноевропейских держав либо была затронута ею в незначительной степени. С самого начала важно заметить, что она пойдет и о странах и группах стран, которые чаще всего, хотя и далеко не всегда, были в политическом отношении наиболее сильны и уже по одной этой причине оказывались западноевропейским колонизаторам, что называется, не по зубам.

Стоит обратить особое внимание на то немаловажное обстоятельство, что таких регионов и стран было явное большинство. Иными словами, процесс колонизации и вестернизации шел достаточно медленно и в XVI–XVIII вв. затронул не слишком большие территории планеты. Правда, один Новый Свет многого стоит. Но и по отношению к нему необходимо иметь в виду, что далеко не вся Америка сразу стала объектом экспансии колонизаторов. Вся северная ее часть была заселена колонистами, причем не стоит не замечать разницы между ними и владениями колонизаторов. О разнице между теми и другими специально пойдет речь.

Глава пятнадцатая. ТРАДИЦИОННЫЙ ВОСТОК. ДРУГИЕ РЕГИОНЫ

Сначала о тех странах Востока, которые либо полностью оказались вне колониальной активности, либо были затронуты колонизацией в силу многих разных причин лишь очень слабо. В отдельных

случаях будет дан просто краткий очерк процесса освоения отдаленных уголков планеты, подчас даже только очень поверхностного ознакомления с ними. Существенно заметить, что четкую грань между территориями, затронутыми колонизацией очень слабо и вовсе оставленными ей в стороне, провести нелегко. Пример тому — индейцы Америки (вне Мезоамерики), одни из которых были вовлечены в столкновение с североамериканскими колонистами или испано-португальскими колонизаторами, тогда как других эта участь долгое время практически не затрагивала. Поэтому не стоит слишком строго отделять одни части неевропейского мира от других. Иными словами, разделение материала довольно условное, что и стоит иметь в виду. Учитывая это, важно все же заметить, что главный принцип остается тем, который был обозначен выше: в главе пойдет речь о той части планеты, которая в переходный период практически еще не стала ни колонией, ни объектом жесткой колонизации, ни участником ожесточенной борьбы с колонистами.

Изложение материала начнем с рассказа о мире ислама, и в этом есть свой немалый смысл. Дело в том, что из множества стран Востока именно эти страны были менее всего затронуты агрессивной экспансией европейских колонизаторов. Но при всем том (это то самое исключение, которое только что было специально оговорено) как раз большинство островов пряностей, к которым европейцы в первую очередь стремились, оказалось незадолго до появления там европейцев подвергнуто исламизации и наиболее сильной группой государств, активно противостоявших европейскому Западу, были мусульманские страны. А XVI век оказался тем столетием, когда крупнейшая из стран ислама, Турция, достигла пика своего расцвета, продемонстрировав этот немаловажный в ее не слишком долгой истории факт тем существенным обстоятельством, что сумела резко увеличить свои владения. Территория Оттоманской Порты существенно возросла как за счет присоединения к ней родственных по религиозным основам арабских стран, так и в результате завоевания прилегавших к империи с севера южноевропейских территорий, о которых говорилось в предыдущей части тома. Собственно, именно это усиление мира ислама и вызвало немалое беспокойство в Европе, где объектом турецкой экспансии не раз оказывалась Вена, столица Австрии и всей германской империи.

Стоит также принять во внимание, что параллельно с Оттоманской Портой к востоку от нее в это же время набирал силы шиитский

Иран, а также учесть, что совсем незадолго до того в Индии возникла огромная мусульманская империя Великих Моголов, которая оказалась под заметным влиянием колонизаторов лишь в XVIII столетии. Этот расклад сил означает, что мир ислама не был и не мог быть объектом легко доступной колонизации на протяжении достаточно долгого времени, пока отдельные его части (особенно это касается Индии после прекращения власти Аурангзеба) не оказались слабыми. Впрочем, к вопросу о роли исламских государств даже в тех восточных землях, которые были подвергнуты колониальной экспансии с начала XVI века, речь пойдет особо. Пока же обратим внимание на то, как наиболее сильные из них выглядели на протяжении большей части переходного периода.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИРАН

В середине XVII столетия великий визирь М. Кёпрюлю пытался провести реформу, направленную на укрепление разваливавшейся турецкой армии, долгое время бывшей основой могущества державы. Реформа не привела к значительным результатам, что сказалось на серии поражений, которые понесли турки в битве под Веной в 1683 г. и в ряде последующих сражений с коалицией из Австрии, Речи Посполитой и России. Карловицкий мир 1699 г. лишил Оттоманскую Порту Венгрии, Трансильвании, Подолии и ряда других территорий, что сильно подорвало ее позиции в центре Европы и ограничило владения на юге Восточной Европы. После этих поражений империя оказалась на грани краха. Потребовались новые реформы, призванные спасти державу от развала. Ряд нововведений в сфере землевладения, которые стимулировали рост числа крупных владений, работавших на рынок, а также ограничение практики государственного регулирования системы экономических связей в стране и изменение роли воинственного корпуса янычар, представители которого во все большем масштабе переходили к торгово-ремесленной деятельности, были сердцевиной новой серии реформ. В результате их осуществления Турция утратила привычный облик агрессивной державы с ее традициями воинского напора вчерашних кочевников на мирных соседей. Она стала превращаться в страну, где складывался аппарат администрации из опытных профессионалов, несколько ограничивавший деспотический произвол прежних времен, и прояв-

лялся растущий интерес к организации управления в соседних европейских государствах. Этот курс заметно ощущался на протяжении всего XVIII века, причем именно он стимулировал новые реформы сторонников вестернизации страны. Но, как свидетельствуют результаты, с осуществлением этого курса турки явно опаздывали.

Проблема в том, что вестернизация шла очень медленными темпами, к тому же ее осуществление вызывало противодействие, прежде всего со стороны влиятельных религиозных авторитетов. Новый курс не приносил заметных успехов еще и потому, что на протяжении всего XVIII столетия Оттоманская Порта испытывала в войнах с Россией и иными европейскими странами одно поражение за другим. Дело дошло до того, что Екатерина II поставила перед европейскими странами вопрос о разделе османского наследства, что, однако, не нашло понимания у обеспокоенных натиском России европейцев. Как бы то ни было, но в сложившихся условиях Турция переставала быть грозным субъектом европейской политики и быстро превращалась в ее объект. Это обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что на рубеже XVIII–XIX вв. едва ли не главной ее проблемой вновь стала задача укрепления армии с проведением соответствующих реформ. Султан Селим III (1789–1807) после очередной неудачной войны с русскими предпринял ряд мер по реорганизации армии, включая перестройку ее по европейским стандартам. Но эти реформы, сыгравшие немаловажную роль в выходе страны из тяжелого кризиса, относятся в основном уже к началу XIX века и связаны с помощью со стороны Пруссии, наиболее передовой в этом отношении европейской страны.

Арабские провинции Порты, присоединенные к ней в XVI столетии и медленно развивавшиеся, сохраняя при этом верность султану в течение полутора веков, уже на рубеже XVII–XVIII вв. существовали в большинстве своем практически автономно, сохраняя, и то не всегда, лишь номинальную зависимость от Турции. Здесь возникли сепаратные эмираты, султанаты, шерифаты, пашалыки, имаматы и прочие исламские государственные образования, правители которых не слишком считались с сюзеренитетом турецкого султана, хотя и подчас оказывались под его вооруженным контролем. Для некоторых наиболее отсталых частей империи с сильным влиянием духовенства, как, например, для **Аравии**, главным врагом оставался Запад, а политика вестернизации считалась явным проявлением слабости перед лицом аморальности и безбожия. Они стояли за чистоту первозда-

ного ислама, что привело здесь к появлению ваххабизма, фундаменталистского течения, направленного на отстаивание строгости ислама времен пророка и резко осуждающего всякое отклонение от него. Впрочем, в конце XVIII столетия, когда проблема чистоты ислама уже не стояла слишком остро, а Аравия начала склоняться к решительному противостоянию Турции, ситуация несколько изменилась. Этому содействовало то, что в конце века усилилось давление на эту страну англичан, укрепивших свои позиции в районе Персидского залива.

В Ираке из двух пашалыков, Мосульского (в основном курдского) и Багдадского, на передний план довольно быстро выдвинулся Багдадский. Соперничество с курдами, лавирование между Турцией и Ираном и борьба с аравийскими ваххабитами заметно усложняли ситуацию в Ираке и доставляли немало хлопот багдадским правителям-*мамлюкам*. Поэтому неудивительно, что в этой обстановке они — при всей традиционной настороженности мусульман по отношению к христианскому Западу — были склонны к сотрудничеству с англичанами, которые уже в XVII веке создали факторию в Басре, а в XVIII — в Багдаде. На протяжении всего XVIII века шел процесс постепенного отхода Ирака от Турции.

Сирия и Ливан (Левант), в отличие от сравнительно отсталых Ирака и тем более Аравии, были достаточно развитыми, отличались существованием различных конфессий и потому склонялись к заметной религиозной толерантности. Здесь процветала транзитная торговля, а города играли очень важную роль. Городское население было достаточно пестрым, но в качестве наиболее влиятельных группировок выделялись *янычары* и *ашрафы*, стремившиеся контролировать ремесло и рынки и в случае нужды активно противостоять представителям султана. В районе Леванта, в прибрежной полосе, где со времен Крестовых походов (не говоря уже о более раннем периоде, когда этот регион был христианизован Византией), жило немало христиан, это способствовало укреплению в нем европейского влияния.

Страны **Магриба** отличались некоторым своеобразием. Наиболее далекая от Турции западная его часть, **Марокко**, испытывала немалое влияние со стороны как европейской культуры Иберии, так и соседних с ней негритянских этнических общностей (имеется в виду прежде всего территория, позже именовавшаяся Мавританией). Правители-*шерифы* из династий Саадидов и Алауитов стремились укрепить в стране власть центральной администрации, но далеко не всегда добивались этого. В конце XVII и тем более в XVIII веке

Марокко было уже султанатом со слабой степенью зависимости от турецкого султана. Однако это не мешало тому, что заметная часть страны находилась под властью полунезависимых от центра наместников, которые признавали лишь духовно-религиозный авторитет марокканского султана. К этому стоит добавить большую роль суфийских орденов-братств, *тарикатов*, формально подчиненных султану, но фактически действовавших по своему разумению. Только умелая игра на противоречиях между религиозными группировками помогала сохранять в стране видимость единства.

Алжир даже на фоне соперничества марокканских орденов и сепаратизма наместников в Марокко был много менее стабильным. Здесь правители-*деи* с конца XVII века сменяли друг друга чуть ли не каждые несколько лет, что окажется не слишком удивительным, если принять во внимание, что они избирались диваном из янычар и даже руководителей пиратов-*корсаров*. Янычарско-корсарская вольница способствовала ослаблению власти и росту сепаратизма наместников-*беев* в провинциях и глав крупных племен на местах. В Алжире, как и в Марокко, большую роль играли не признававшие ничьей власти и ни от кого не зависевшие суфийские ордена-тарикаты. Что касается пиратства, то в этом плане алжирцы достигли немалого и порой вынуждали европейские страны платить им отступные.

Тунис, в далеком прошлом Карфаген, был одной из наиболее развитых частей Магриба. Его отличали немалое количество городов и развитое ремесло, в значительной части дело рук потомков изгнанных из Испании морисков. XVIII век здесь был отмечен укреплением власти правителей-беев и большим размахом морской торговли, в первую очередь с Францией. При этом в качестве откупа от пиратов-корсаров тунисские власти — как и алжирские — собирали со стран Европы отступные. В некотором смысле можно сказать, что Тунис уже в рассматриваемое время был одной из наиболее состоятельных и процветающих частей Османской империи.

Однако самым сильным из арабских стран Османской империи был мамлюкский **Египет**. Эта страна оказалась экономически наиболее развитой, а местные правители на протяжении десятилетий, особенно в конце XVIII в., проводили фактически независимую политику, обладая при этом часто почти диктаторской властью. Открытое противостояние с Портой началось при Али-бее, мамлюке, выходце из православных жителей Абхазии. Али-бей установил контакты с Францией, стремясь получить от нее оружие, а также с Россией,

одержавшей очередную победу над Турцией. В 1770 г. он объявил себя султаном Египта, пытаясь тем самым противопоставить страну Оттоманской Порте, но вскоре был низложен восставшими солдатами, не готовыми к войне с единоверцами. Его преемники повели ту же политику более осторожными методами, но турки, воспользовавшись благоприятной ситуацией, направили в Египет свое войско. Впрочем, господство турок продолжалось недолго. После ухода их войска власть вновь возвратилась к египетским мамлюкам, а отношения с Портой снова стали весьма напряженными.

Самый конец XVIII века прошел под знаком знаменитого похода Наполеона в Египет. Официальной целью похода была ликвидация власти мамлюков, к чему Франция призывала, опираясь на пожелания Оттоманской Порты, давно уже контактировавшей с Европой. Успешные действия французов, активно взявшихся за переустройство аграрной и налоговой системы Египта, а также стремление их поддержать и активизировать работу традиционных местных совещательных собраний, диванов, привели к серьезным переменам во всей системе администрации. Однако неприятие многих из этих новшеств и упорное стремление англичан во всем противодействовать французам вынудили Наполеона сначала сократить фронт действий экспедиционного корпуса и уехать в Париж, а затем и вывести армию из Египта. Впрочем, этот отход отнюдь не означал полного провала экспедиции. Напротив, прежние порядки после ухода французов восстановить не удалось. Влиятельные улемы страны поддержали многие из новаций и, более того, способствовали в 1805 году приходу к власти знаменитого Мухаммеда Али, который не только долгие десятилетия успешно управлял реформированной им страной, но и стал грозным соперником турецкого султана.

В целом гигантская мусульманская империя турок была немалой силой и серьезным соперником европейских монархов. Не стоит забывать, что именно в годы становления и процветания турецкого государства Османов шел наиболее впечатляющий процесс исламизации ряда районов Европы, да и некоторых иных регионов. И хотя как раз XVI–XVIII века были периодом постепенного ослабления могущества Порты, влияние ислама ощущалось, и противостояние ему было важнейшей внешнеполитической целью Запада. Стоит обратить внимание на то, что возникновение колониальных анклавов европейских колонизаторов на территориях, связанных даже слабыми контактами с Турцией, долгое время были делом редким и нелег-

ким. Да их, этих анклавов, практически и не было. Немногие из их числа появлялись лишь в тех стратегически важных районах, которые были необходимы для европейцев в качестве своего рода линии баз-форпостов по пути к дальним странам южных морей с их пряностями. Да и эти базы-анклавы были, пожалуй, чаще на территории шиитского Ирана, нежели суннитской Османской империи со всеми ее порой полунезависимыми арабскими провинциями.

Сефевидский Иран после правления Надир-шаха, сумевшего в 1739 году совершить удачный поход в Индию, где им были разгромлены войска падишаха, подчинено несколько провинций и вывезено огромное количество драгоценностей казны и короны, но бесславно уничтоженного в своем шатре в 1747 г., распался на части. Афганистан Ахмад-шаха, каджары и зенды боролись за власть в тех либо иных частях развалившейся державы. В Закавказье возникло несколько самостоятельных ханств. В 1758 г. на передний план вышел зендский Карим-хан. Но правил он не очень долго и, главное, не сумел передать власть наследнику. После его смерти Ираном стал управлять каджарский Ага Мухаммед-хан, принявший титул шаха, но вскоре убитый во время похода в Грузию. Его преемник Фатх Али-шах оказался подлинным основателем новой династии Каджаров.

Иран во второй половине XVIII в., несмотря на впечатляющие победы и сказочное его обогащение в результате похода Надир-шаха в Индию, был много более отсталой страной, нежели близкая к Европе Турция. И хотя почти постоянные войны между этими двумя очень крупными исламскими странами не принесли ни одной из них явного преимущества, отсталость Ирана не могла не сказаться на темпах его развития. Будучи расположенным в отдалении от Западной Европы и оказавшийся почти недоступным для процесса вестернизации, он жил, питаясь в основном воспоминаниями о своем славном прошлом и терпеливо ожидая прихода скрытого имама, воспринимая его как мессию, Махди, который придет, возродит величие страны и все в ней наладит. Уверенность иранских шиитов в том, что истинный их правитель — это Махди, загадочный и исчезнувший около тысячелетия назад потомок великого Али, кузена и зятя пророка Мухаммеда, сыграла немалую роль в истории страны. В частности, именно и только у иранских шиитов их реальный правитель, шах, считался не имеющим сакральной легитимности и потому лишь временным заместителем скрытого имама, а следовательно, с легкостью в случае нужды отстраняемым от власти.

ОСТАЛЬНЫЕ СТРАНЫ И НАРОДЫ МИРА ИСЛАМА

К числу стран, принявших ислам и игравших заметную роль в переходный период, относится и немалое количество других государств, начиная с Индии и ряда центральноазиатских стран и кончая африканским побережьем. И хотя эти страны по большей части были независимыми государствами, если не иметь в виду зависимость от Порты, общей их характеристикой следует считать именно то, что в них задавал тон ислам. Не везде и не всегда этот ислам был чрезмерно воинственным, не все страны были достаточно значительными, чтобы представлять собой серьезную военную силу, далеко не в каждой зоне преобладания ислама шел процесс политической интеграции, чаще это был обратный процесс сепаратистского характера. Однако всегда и везде ислам являл собой серьезную силу, с которой все, в том числе и европейские колонизаторы, не могли не считаться и которую они всегда должны были учитывать. Именно по этой немаловажной причине количество мусульманских стран, которые на начальном этапе колонизации были всерьез затронуты колониализмом, было минимальным. Оно лишь вынужденно возрастало в тех районах, где находились острова пряностей. Но здесь колонизаторам повезло. Во-первых, острова и государства были в этих местах небольшими. А во-вторых ислам пришел туда незадолго до появления европейцев, что существенно меняло расклад сил в пользу колонизации и, главное, желанной торговли пряностями.

Средняя или Центральная Азия в рассматриваемое время состояла из нескольких государств, как оседлых, так и полукочевых, по меньшей мере часть которых приняли ислам сравнительно недавно. Государство **Шейбанидов** в XVI столетии было, пожалуй, наиболее заметным в Средней Азии. Его правители от **Шейбани-хана** до Абдаллах-хана II, фактически создавшего Бухарское ханство и перенесшего свою столицу в Бухару, немало сделали для консолидации узбекских племенных групп. Еще в 1501 году Шейбани-хан завоевал бывшую столицу Тимура Самарканд, затем Хорезм. Перед смертью он поделил свое большое государство на уделы, что привело к междоусобицам и способствовало в свое время возвышению Бабура, основателя династии Великих Моголов. Но и после того, как Бабур со своим войском ушел в Афганистан, а затем оказался в Дели,

удельные властители распавшегося государства Шейбанидов продолжали междоусобную борьбу за власть.

Одним из наиболее значительных среди них стало **Бухарское ханство**, которое сложилось в основном на территории Мавераннахра, родины завоевателя Тимура. Испытав немало нашествий со стороны различных кочевых и полукочевых племен, а также побывав некоторое время под властью могущественных узбекских ханов из династии Шейбанидов, Бухара с середины XVI века оказалась столицей заново возникшего Бухарского ханства. В годы правления Абдаллах-хана II (1583–1598) ханство заметно расширило свои владения за счет завоеванных Абдаллахом Ферганы, Ташкента, Самарканда, Герата, Мешхеда и Хорезма. Столь значительный успех правителя ханства привел к тому, что Бухара стала одним из наиболее сильных государств Средней Азии. Однако уже в начале XVII в. большинство завоеванных Абдуллой территорий было утрачено его преемниками. Бухара начала разрываться на части боровшимися за власть соперниками ее правителей, а в 1740 г. она была завоевана сефевидским Надир-шахом — тем самым, кто после удачного похода на Дели сумел вывезти из казны Великих Моголов огромные ценности. После смерти Надир-шаха и политического кризиса в Иране Бухара сумела восстановиться как самостоятельное ханство, возглавлявшееся эмирами из династии Мангытов. Конец XVIII в. прошел для Бухарского ханства под знаком энергичного экономического подъема. Бухарские ремесленники славились своими тканями, изделиями из металла. Для окружавших его мусульманских стран оно было центром развитого суфизма.

Хорезм или Хивинское ханство существовало как самостоятельное исламское государство с начала XVI века. Расположенное к северо-западу от Бухары, оно было более слабым по сравнению с ней. Состоявшее из этнически разных общностей и постоянно подвергавшееся нашествиям извне, это ханство с трудом, да и то не всегда, сохраняло свою политическую самостоятельность. Как и Бухара, Хорезм в 1740 г. был завоеван Надир-шахом, а после его смерти стал жертвой внутренних междоусобиц.

Кокандское ханство возникло в XVIII столетии на территории Бухары, в основном в районе Ферганской долины. Но после того, как в составе ханства в 1810 г. оказался Ташкент, престиж этого государства заметно возрос, хотя вскоре после этого ханство стало терять свою силу.

К востоку от Средней Азии, в районе Моголистана, тоже шел процесс исламизации, затронувший как оседлое население оазисов **Кашгарии**, так и полукочевую **Джунгарию**. Для Кашгарии XVI–XVII вв. прошли под знаком междоусобиц удельной знати и противоборствующих этнических общностей (уйгуры, ойраты, киргизы, казахи и др.). Здесь, как и несколько позже в Бухаре, оказалось очень влиятельным движение суфийских орденов, обычно возглавлявшихся *ходжами*, влиятельными и уважаемыми представителями исламского духовенства. Ходжи и их сторонники активно соперничали, разделившись на группировки *белогорцев* и *черногорцев*. В середине XVII столетия практически вся Кашгария была объединена Абдаллах-ханом, однако после свержения его в 1667 году к власти пришли белогорские ходжи, а затем и их соперники черногорцы, продолжавшие междоусобицы.

Возникновение в 30-х гг. XVII века **Джунгарского** (ойратского) ханства и попытка первых джунгарских ханов восстановить политическое единство бывшего Моголистана привели к укреплению Джунгарии, хотя и ненадолго. Уже в середине XVIII столетия соперничество и междоусобицы вновь стали нормой как в этом государстве, так и в Кашгарии. Это обстоятельство сильно помогло воинственному Цяньлуну сравнительно легко присоединить Кашгарию и Джунгарию к Китаю. Весь район империи с его мусульманским населением стал именоваться Восточным Туркестаном.

Казахи как крупная этническая общность, обитавшая к северу от Джунгарии, после крушения Золотой Орды частично вошли в состав Моголистана, частично создали ряд небольших самостоятельных племенных протогосударственных образований. Первое казахское ханство возникло в середине XV века в районе Семиречья. В XVI веке это ханство расширилось за счет ухода на юг государства Шейбанидов. В XVII столетии возникло три племенных протогосударства — Старший, Средний и Младший жузы во главе со своими ханами. Основное занятие населения — кочевое скотоводство. После возникновения в том же XVII в. на территории Казахстана ряда русских городов и усиления здесь влияния русских, а также в связи с напряженными отношениями с Джунгарией Казахстан в XVIII столетии оказался ослабленным и позже вошел в состав России.

Крымское ханство, выделившееся из бывшей Золотой Орды еще в XV в., после гибели Орды стало политически самостоятельным, а позже зависимым от Османов государством, проводившим очень ак-

тивную воинственную политику по отношению к соседям, будь то Россия, Польша или Украина. Крымский хан в XVI в. не раз был рядом с Москвой, требовал и получал выплаты (дань) и уводил в Крым сотни тысяч пленных. В результате постоянной борьбы с казаками крымские татары не раз терпели поражение, а в XVIII в. после серии победоносных войн России с Турцией ханство прекратило свое существование, оказавшись с 1783 г. в составе Российской империи.

Сибирское ханство, бывшее, как и Крымское, частью развалившейся в XV в. Золотой Орды, первоначально отличалось этнически пестрым населением Но с XVI столетия оно превратилось в этнически гомогенное государство, господствующим этносом в котором были татары. От ханства, которым правили выборные ханы, обычно из рода Шейбанидов, зависели некоторые сибирские народы (ханты, манси, частично башкиры), которые платили хану дань, *ясак*. Административно-политическое деление ханства держалось на характерном для слаборазвитых структур членении на полувоенные сотни. Большую роль в хозяйственной жизни играла транзитная торговля, прежде всего пушниной, кожей, рыбой, шерстью, которая по большей части была делом бухарских купцов. С середины столетия ханство все чаще вступало в политические связи с Россией, то признавая вассальную зависимость от нее, то отказываясь от этого. Конец века был концом независимого Сибирского ханства, присоединенного после ряда походов, начиная с похода Ермака в 1582 году, к России.

Существенно заметить, что сравнительно слабые и в большинстве своем довольно поздно исламизованные страны Средней и Центральной Азии, как и Крымское ханство, оказались в конечном счете, хотя и не очень быстро, завоеванными их более сильными соседями, Россией и Китаем. Это же обстоятельство — слабость мусульманских государств, принявших ислам сравнительно поздно, — сыграло примерно в то же время, частично позже, важную роль в процессе колонизации некоторых из них. В частности, это касается некоторых стран южных морей, о которых пойдет речь несколько далее.

КИТАЙ, КОРЕЯ, ЯПОНИЯ И ВЬЕТНАМ

Вторым огромным блоком восточных стран, который в XVI–XVIII вв. практически не был затронут влиянием колонизаторов, если не считать ограниченных торговых связей и миссионерской

деятельности, был Дальний Восток. Здесь, очень далеко от Европы, происходили свои серьезные внутриполитические события, обходившиеся, как правило, без какого-либо вмешательства со стороны Запада. Завоевание Китая маньчжурами длилось долго. Но империя, ослабленная шедшей до того с 1528 по 1644 год борьбой китайского народа против ведшей страну к острому династийному кризису династии Мин, уже не была в состоянии организовать успешное сопротивление. И хотя завоевание Китая шло около трех десятков лет, причем на завершающем его этапе, в 1673 году, неудачник У Саньгуй, в 1644 году открывший маньчжурам в буквальном смысле этого слова двери в Поднебесную, с явным опозданием попытался было даже повернуть свои войска, до того шедшие в авангарде маньчжурского наступления на Китай, против маньчжур, захват ими империи подходил к концу. В последний раз в своей долгой истории Китай становился государством, во главе которого прочно укрепилась чужеземная династия, правившая страной с 1644 по 1911 год.

Как и их предшественники, спорадически завоевывавшие Китай с IV века н.э., маньчжуры, несмотря на формальное запрещение смешанных браков (что было очень важно для сохранения их немногочисленного этноса), быстро китаизировались. Китаизация шла в основном по линии усвоения передовой по сравнению с их собственной религиозно-культурной традиции, этой основы любой цивилизации. Начиная с наиболее известного императора Канси (1662–1723), воспитанного в Китае и впитавшего в себя с немалым успехом все многотысячелетние китайские нормы, принципы жизни и основные духовные ценности, т.е. бывшего китайцем не менее, чем любой из многих десятков миллионов его подданных, все императоры династии Цин были именно китайцами, причем обычно ревностными. Они — в отличие от полудиких кочевников-монголов — тщательно и заботливо сохраняли традиционную систему народного хозяйства, практику администрации, включая систему экзаменов, а также постоянно обращали внимание на эффективность структуры в деревне с ее низовыми ячейками в форме пяти- и десятидворок. Все это способствовало быстрому восстановлению страны после более чем столетнего бурного периода кризисов, восстаний и войн.

В период правления первых маньчжурских императоров (конец XVII и весь XVIII век) заботливое отношение к стране, осуществлявшееся в соответствии с классическим китайским тезисом «земледелие — ствол, а торговля, ремесло и все иные занятия — ветви», приве-

ло к быстрому, даже бурному возрастанию численности населения. Если до того оно в Китае обычно колебалось на уровне 60 миллионов и редко достигало 100, то к рубежу XVIII–XIX столетий перевалило за 300. Этот рост показателен еще и потому, что маньчжуры были действительно рачительными хозяевами завоеванной ими гигантской страны. Добившись покорности населения, символом чего была коса, которую обязаны были носить все мужчины, завоеватели не только не проявляли жестокости, как то нередко случалось прежде, но и вообще не требовали от своих новых подданных ничего сверх тех повинностей и налогов, которые были исстари установлены в империи. Более того, они сумели в какой-то мере сломать ту динамику династийного цикла, которая до того всегда вела к обезземеливанию значительной части деревни и возникновению вследствие этого жестоких кризисов, которые завершались крушением династии либо завоеванием страны.

Богатые землевладельцы-*шэньши* из числа грамотных и образованных кандидатов в чиновники составляли по-прежнему элиту Китая, но их богатство более не вело к массовому обезземеливанию, хотя стоит сказать, что рост народонаселения резко уменьшил среднее количество земли во владении семьи земледельца. Это уменьшение, весьма болезненное при иных обстоятельствах в прошлом, теперь компенсировалось достижениями новой агротехники и интенсификацией труда растущего населения на небольшом поле. Но главное, что было сделано в этом направлении мудрым Канси, так это знаменитый указ от 1713 г., согласно которому налоговая квота с каждого уезда была объявлена на долгие времена строго фиксированной.

Практически это означало, что дальнейший рост числа рабочих рук и освоение любых не возделывавшихся ранее земель, неудобных или отличавшихся неровной поверхностью, не должны были повлечь за собой увеличения налогового гнета. Или, другими словами, и увеличение обрабатываемого клина, и агротехнические новации, и интенсивный труд считались как бы достойными поощрения, что и проявлялось в соответственном снижении налогов, объем которых в пределах уезда возрастать более не мог. И хотя на практике местное уездное начальство, видимо, могло обходить эту норму, оно за это — как и все сотрудничавшие с ним шэньши — обязано было компенсировать излишние повинности или налоги созданием более благоприятных условий для развития земледелия. Это могли быть

создание новых ирригационных сооружений, починка старых, проведение нужных дорог, расчистка мест для новых полей и т.п.

Цинский Китай вел чрезвычайно осторожную политику во всем том, что касалось связей с внешним миром. Для торговли с европейцами был открыт лишь один порт, Гуанчжоу (Кантон), причем товарооборот здесь строго контролировался. Под таким же контролем находились и сухопутные торговые связи с северными народами, от соседних кочевых племен до русских купцов. Показательно, что обычно связи такого рода осуществлялись в виде официальных посольств, и Россия в этом смысле отнюдь не была исключением. Цинский Китай допустил в страну большую группу миссионеров-иезуитов, но деятельность их была не то чтобы ограничена, но просто не слишком успешна. Прагматичные китайцы не видели особого смысла в христианстве, а поддержать свою проповедь какими-либо материальными благами, как то стало позже, в XIX веке, миссионеры не могли. Но они ценились императорами за их полезные для страны знания и за умение вести переговоры с русскими, что было особенно важно в конце XVII столетия, в момент конфликта из-за Нерчинска.

Важно обратить внимание на то, что и Канси, и император Цяньлун (1736–1795), сумевший значительно расширить северные и северо-западные пределы Китая за счет завоевания Монголии, Восточного Туркестана и Тибета, были последовательными сторонниками конфуцианства. Канси был автором краткого катехизиса, в котором немногими знаками была изложена основная часть доктрины Конфуция, по-прежнему почитавшегося в империи в качестве великого Учителя. Изложенный в доступной для каждого китайца форме, этот текст почитаемого императора сыграл немалую роль. Она сводилась прежде всего к тому, чтобы поддержать в стране должное уважение к ее древнему прошлому и к мудрецам, заложившим основы этого оправдавшего себя прошлого. Что же касается Цяньлуна, то он известен многими своими успешными походами, присоединившими к империи малонаселенные, но игравшие важную роль барьера земли на северных и северо-западных окраинах империи. А в 1793 г., когда англичане направили в Китай миссию Д. Макартнея с предложением наладить дипломатические отношения, т.е. обменяться посольствами и вести торговлю, император самолично заметил, что «посол мог сам убедиться, что у нас есть все». Другими словами, в связях предложенного и непривычного для Китая типа самодостаточный Китай не нуждается, даже если иметь в виду, что — как в случае с Макартне-

ем, на чьем корабле, к слову, висела китайская надпись «Носитель дани из английской страны», — любые иностранцы воспринимались империей как потенциальные вассалы и данники сына Неба.

Корея в эпоху Цин была вассалом и по существу частью — пусть даже имевшей некоторую автономию — Поднебесной империи. И хотя в ней происходили свои процессы, во всем том, что касалось внешней политики и основных принципов существования, вплоть до земельных отношений и системы администрации, включая экзамены, она копировала китайские стандарты. И стоит заметить, что покровительство маньчжурских императоров ее не слишком тяготило. Скорей напротив, обеспечивало покой и безопасность, что для этой страны, не забывшей о сравнительно недавней жестокой экспедиции японских войск, было делом весьма немаловажным. Связей с иностранцами Корея не поддерживала, делая исключение лишь для соседней Японии, весьма заинтересованной в этих контактах.

Япония, напротив, активно поддерживала связи с европейцами, особенно с голландцами, прочно завладевшими расположенными неподалеку от нее островами, главным образом Индонезией. Однако эти связи с XVII столетия стали в основном односторонними, ибо японцам запретили строить корабли и совершать дальние плавания (трудно сказать, насколько этот запрет касался расположенной совсем рядом с Японией Кореи). Кроме того, практикой строгой изоляции и тщательным контролем за любыми связями, в том числе и с голландцами, слабевшие во второй половине этого века и тем более в следующем, XVIII, сёгуны хотели уменьшить шаткость своих позиций, которая с каждым десятилетием становилась все более заметной. Правительство сёгунов, *бакуфу*, стремилось любым способом ограничить самостоятельность и сепаратистские тенденции князей-даймё, но это у него, как правило, плохо получалось. Опиравшиеся на поддержку воинственных и преданных господину *самураев* даймё, вопреки запретам, стремились к торговым связям с голландцами и немалого в этом направлении достигали.

При этом стоит заметить, что к концу XVIII столетия многие из тех даймё (*фудай*), что прежде считались преданными вассалами сёгунов из дома Токугава, постепенно становились в ряды если и не сразу открытых противников правящего дома, то во всяком случае сторонников тех даймё (*тодзама*), которые всегда находились в оппозиции к сёгунам. Этот процесс — если учесть то место, которое фудай-даймё занимали в структуре власти Японии, а также элементарное отсут-

ствие в стране гражданской бюрократической администрации, — не мог не сказаться на эффективности системы управления страной. Бакуфу слабело, а вместе с этим сёгуны постепенно переставали быть могущественными повелителями Японии. Иными словами, к началу XIX в. эта страна стала понемногу вползать в состояние перманентного и многостороннего кризиса, завершившегося, как известно, на рубеже второй и третьей трети этого века, в 1868 г., крушением сёгуната и реставрацией власти императора («реставрация Мэйдзи»), что стало знаком начала решительных преобразований.

Вьетнам долгое время был вассальной от Китая страной и после этого оставался в рамках конфуцианской цивилизации, заимствовав от нее основы религиозно-культурной традиции и основные принципы социополитической структуры. Лишь крайняя южная его часть, Тьямпа (Чампа), по тем же основным параметрам была близка к южнобуддийскому региону. XVIII век был в этой стране временем спорадически вспыхивавшей политической борьбы между влиятельными аристократическими кланами Чиней и Нгуенов, в то время как власть императора из дома Ле практически была лишь номинальной. При этом стоит заметить, что и в рядах обоих кланов шла порой острая борьба за власть.

Соперничество и борьба в верхних эшелонах власти порождали кризисы, подчас связанные с аграрными неурядицами и голодными годами, которые сопровождались массовыми народными движениями. Это было наиболее заметно в 1741 г. и затем продолжалось, обретая все более явственную политическую направленность, на протяжении 40-х гг. Напряженность в северной части Вьетнама со второй половины XVIII столетия вполне очевидно перерастала в то утихавшую, то резко вспыхивавшую заново бесконечную гражданскую войну. Это состояние стало действительно перманентным уже с 70-х гг., когда на юге страны произошла очередная острая вспышка недовольства налоговым гнетом и политикой властей. Началось восстание так называемых *тэйшонов*, в котором приняли участие и некоторые китайские купцы, и привлеченные к этой борьбе мастера школы боевых искусств при знаменитом китайском буддийском монастыре Шаолинь, а также частично и чамы. Армия восставших в начале 70-х гг. быстро росла, а ее силы — повстанцы имели и огнестрельное оружие — были внушительны.

Тэйшоны, хотя они воевали с переменным успехом, тем не менее часто одерживали верх над противниками и сумели в 1778 г. захва-

тить крупнейший южновьетнамский город Сайгон, после чего стали более крепкими и их позиции в центре страны. В начале 80-х гг. тэйшоны начали поход на север, и в 1786 г. власть Чиней пала и, хотя формально было восстановлено правление императоров из дома Ле, вся полнота власти оказалась в руках предводителя восставших из клана Нгуенов, один из которых, Нгуен Ван Хюэ, в 1788 году объявил себя новым императором. Вмешательство китайских войск во вьетнамские дела не привело к успеху, и правительство цинского Китая вынуждено было признать нового императора.

Говоря о крупных и сильных государствах Дальнего Востока, включая прилегавший к ним Вьетнам, стоит принять во внимание, что сами по себе дальневосточные страны колонизаторов не очень интересовали. Но не потому, что с них вовсе нечего было взять. Опиумная война Англии с Китаем в середине XIX века убедительно свидетельствовала, что это не так. Однако все же Китай с Кореей и Вьетнамом, а также Япония не были главной целью португальцев. Более того, столкнувшись вплотную с китайской цивилизацией и проведя в этих странах в XVI–XVII вв. довольно много лет, католические миссионеры, прежде всего умные, способные и образованные иезуиты, хорошо поняли, что дальневосточный регион, и прежде всего огромный Китай с его конфуцианской цивилизацией, очень своеобразен. И не только своеобразен, но и в силу этого самодостаточен, так что рассчитывать здесь на сколько-нибудь значительное число обращенных в христианство, а также на то, чтобы пробить издревле существовавшую и хорошо налаженную систему внутренней изоляции, едва ли есть смысл. Не было надежд и на энергичное развитие торговли с регионом. Другое дело — изучить фундаментальные основы китайской конфуцианской цивилизации. Именно этим миссионеры в Китае в основном и занялись, причем их серьезные штудии положили начало научной синологии в Европе.

С Японией и особенно с Вьетнамом дело обстояло несколько иначе. В Японии, опираясь на заинтересованность западных даймё в торговле и вообще в связях с европейцами, миссионеры во второй половине XVI века добились многого, обратив в христианство к началу XVII столетия свыше 700 тысяч человек и построив там сотни церквей. Однако уже при первом сёгуне из дома Токугава началось гонение на христиан. Португальцы и испанцы были высланы из страны, а порты закрыты. Начался, как в Китае и Корее, долгий период изоляции. Исключение было сделано позже лишь для голландцев, да и то с

определенными ограничениями. Зато Вьетнам с его разгоревшейся в это время междоусобной борьбой и слабым правительством оказался подходящим местом для распространения там католичества. Миссионеры действовали, особенно на юге страны, очень активно, вплоть до того, что уже в XVII веке обратили в христианство несколько сотен тысяч из числа местного населения и, более того, создали для вьетнамцев заменивший китайскую иероглифику латинский алфавит, которым они пользуются и сейчас. Кроме того, деятельность католических миссионеров во Вьетнаме заложила серьезную основу для последующего проникновения в эту страну французов, превративших со временем значительную часть Индокитая в свою колонию.

Все сказанное свидетельствует о том, что в странах Дальнего Востока с их сознательно препятствовавшей проникновению чужестранцев строгой изоляцией европейцы рассчитывать на быстрый успех и даже на регулярно действующий торговый обмен не могли. Даже отсталая Россия с XVII века имела для этого больше возможностей. Только Вьетнам, предпочитавший в условиях внутренней нестабильности опереться на помощь извне, повел себя иначе. Но эта страна, несмотря на сильное влияние в ней конфуцианской традиции, находилась географически, по крайней мере частично, в ином регионе. А с этим регионом, относившимся в немалой мере к сфере влияния южнобуддийской субцивилизации, дело обстояло не так, как с сильным Китаем. Неудивительно и то, что Вьетнам вскоре стал одной из французских колоний в Индокитае.

АФРИКА

Третьим большим регионом Востока, который в переходный период не очень, с определенными оговорками, интересовал европейских колонизаторов, была Африка. С самого начала необходимо обратить внимание на то, что имеется в виду лишь основная часть континента, так называемая Тропическая Африка или, иначе, Африка южнее Сахары. Это уточняющее наименование широко используется потому, что примыкающая к Средиземному морю северная часть континента издревле была населена народами иного расового типа и этнического происхождения, а позже была завоевана арабами и стала важной частью арабо-исламской цивилизации (страны Магриба). В то же время обширный регион южнее Сахары имеет очень небольшое от-

ношение к истории как таковой. Сколько-нибудь развитых центров государственности здесь практически почти не было. Правда, еще в древности на востоке страны появилась христианская Эфиопия, но это произошло только потому, что влияние со стороны христианского Египта было постоянным и в конечном счете определило основы религиозно-культурной традиции эфиопов, часть которых, к слову, отдавала дань иудаизму.

Оговорки, о которых только что было упомянуто, достаточно существенны, чтобы сказать о них более подробно. Прежде всего, они касаются вторжения в Африку со стороны исламских государств либо торговцев и просто переселенцев из мусульманских стран. Правда, ислам как таковой и все страны и народы, обращенные в ислам, не имеют прямого отношения ни к европейцам, ни к Западу. Но они сыграли определенную роль в истории Африки и вовсе не напомнить об этом нельзя. А кроме того, очень существенно еще раз обратить внимание на то, о чем уже шла речь в первой части этого тома. Имеется в виду медленное продвижение португальцев с XV столетия вокруг Африки с целью выйти в открытый океан, омывающий ее с востока, и именно таким путем достичь желанной Индии. Обе оговорки имеют самое непосредственное отношение и еще к одной очень важной проблеме. Имеется в виду не раз уже упоминавшаяся работорговля, которая была теснейшим образом связана с колониальной экспансией Запада, хотя сама по себе она к колонизации Африки в то время, о котором идет речь, почти не вела или, во всяком случае, вела, по ряду существенных причин, в очень небольшой степени.

Еще в раннем средневековье, как хорошо известно, в результате проникновения мусульманских торговцев в золотоносные районы западной части суданского пояса возникли слабые протогосударства Гана и Мали, а затем и более крепкое государство Сонгай. Но это были все же скорее урбанистические структуры исламского типа со свойственными именно исламу религиозными традициями и политической культурой, нежели негритянские города и государства (хотя рядом с исламизованными верхами существовало негритянское население, которое численно всегда преобладало). Ислам сыграл важную роль своеобразного катализатора, ускорявшего процесс возникновения протогосударств на территории почти всего суданского пояса, вплоть до восточного побережья Африки, активно осваивавшегося арабскими торговцами. Здесь, на восточном побережье, даже сложилась новая этническая общность суахили, арабо-исламская по

религии и культуре, но с явным преобладанием негритянской крови, если вести речь о расовом облике.

Во всех этих случаях и особенно на суахилийском побережье с его большими торговыми городами типа Могадишо, а также на островах Занзибар и Мадагаскар, естественно, возникали государственные структуры исламского типа, **т.е. зоны и центры именно мусульманской, а не негритянско-африканской государственности и цивилизации.** Это очень важно иметь в виду, дабы принять во внимание, что без сильного и эффективного религиозно-культурного влияния извне негритянские этнические общности сами по себе, за редчайшими исключениями, не возникали. Иными словами, потенции многочисленных негритянских общностей были для этого недостаточны. О причинах этого чуть далее. Пока же важно остановиться на только что упомянутых исключениях.

Первым из них можно считать полулегендарное государство, а точнее, протогосударство Мономотапу, которое сложилось где-то в первой половине II тысячелетия в междуречье Замбези и Лимпопо, на территории современного Зимбабве. Считается, что создателями этого государственного образования были вожди племени машона. В середине II тысячелетия Мономотапа расширила свои границы и укрепила систему администрации, создав несколько провинций во главе с назначавшимися из центра губернаторами и получая дань от вассальных племенных вождей. Скорей всего — точных данных нет — Мономотапа представляла собой сложное составное протогосударство. Оно, насколько можно судить по остаткам рудников, существовало за счет добычи руд и выплавки металлов (медь, олово, даже золото), а также, видимо, за счет доходов от транзитной торговли. Сравнительно развитое добывающее производство и торговля теми металлами позволяли возводить крупные каменные сооружения, остатки которых долго сохранялись и рождали легенды о таинственном государстве, вскоре исчезнувшем. В общем, это загадочная страна, которую европейцы в период ее существования так и не смогли обнаружить. Стоит заметить, что и о столице государства, если она существовала как сколько-нибудь сформировавшийся город, ничего не известно.

Вторым следует назвать протогосударство Конго, возникшее примерно в XIV столетии, где со временем тоже появились провинции, подчиненные правителю (*маниконго*). В сложном составном протогосударстве, которое сложилось на этнической основе баконго, население платило налоги, а вассальные вожди приносили правителю

дань. Известно, что большую роль в Конго играл совет знати, что губернаторами провинций были родственники правителей. В XVI столетии португальцам удалось обратить в христианство короля и его приближенных, был ускорен процесс эволюции и появилась столица Сан-Сальвадор, чье наименование вполне красноречиво свидетельствует о той роли, которую сыграли в ее урбанистическом оформлении португальцы. Однако вскоре в стране возникли конфликты между колонизаторами и местным населением, что привело к массовым протестным движениям, а затем, спустя век-полтора, и к распаду этого протогосударства на части.

Третье — группа мини-государств (городов-государств) в Гвинее, которые сложились на этнической основе общности йоруба. Каждое из них имело центр, являвший собой скорее большое поселение общинного типа во главе с выборным вождем, нежели город в привычном понимании этого слова. Возникнув в конце I тысячелетия, все они вскоре достигли в своем развитии уровня протогосударств, совокупность которых иногда воспринимается специалистами в качестве конфедерации. Город-государство Ифе среди них считался особенно значимым. Здесь было общее не только для йоруба, но и для ряда соседних территорий святилище, своего рода религиозный центр, возглавлявшийся верховным жрецом. Среди почитавшихся в конфедерации божеств были и высшие силы, как бог неба Олорун или богиня земли и плодородия Одудуа. В городе Ойо находился вождь с титулом *алафин*, претендовавший на главенство в конфедерации. Эгба и некоторые другие города заметно отличались в своем развитии от соседей. Часть их была скорей разросшимися сельскими поселениями. Но во всех них структура была примерно одинаковой. Власть правителя, как правило, ограничивалась советом знати с немалыми полномочиями. В мелкие административные подразделения назначались на определенный срок руководители, обычно из числа местных влиятельных лиц. Йоруба издревле славились производством скульптурных изображений, фетишей, изготовлявшихся из терракоты, дерева, позже и из бронзы, и высоко ценимых вплоть до наших дней. Некоторые данные свидетельствуют о том, что в Ойо существовала регулируемая сверху система налогообложения. Однако при всем том сколько-нибудь развитыми государствами города йоруба считаться не могут.

Этим в основном и ограничиваются исключения. Правда, специалисты подчас упоминают и еще о некоторых государственных образованиях в Африке (речь не идет об описывавшихся уже струк-

турах, созданных пришлыми мусульманами либо под их сильным влиянием). В любом случае достоверных данных об их реальном облике практически нет. Важно также принять во внимание, что даже в наиболее продвинутой в некотором смысле конфедерации йоруба не существовало сколько-нибудь развитой религиозно-культурной системы. Речь о религии, которая принципиально отличала бы население протогосударственных образований, о которых идет речь, от его явственно первобытных и полупервобытных соседей. Следовательно, здесь не было той важнейшей креативно-культурной идеологической основы, на фундаменте которой только и могла возникнуть хоть сколько-нибудь развитая цивилизация. Не было и развитых городов в полном смысле этого слова. В лучшем случае следует вести речь о протогородах. Если иметь в виду каменные постройки Мономотапы, то они говорят лишь о том, что постоянные торговые и иные контакты с суахилийским побережьем чему-то научили жителей этого протогосударства, но не более того. Городского типа агломерации йоруба также не могут считаться такими городами, которые вкупе с развитыми религиозными системами могли бы стать фундаментом урбанистической цивилизации.

Словом, говоря о приведенных исключениях (число которых можно чуть увеличить), необходимо в качестве вывода заключить, что в лучшем случае перед нами нечто вроде нескольких небольших островков-протогосударств, не более того. Во всяком случае к ускорению эволюции и к появлению в Тропической Африке зон достаточно развитой местной негритянской государственности влияние европейцев (как, впрочем, до них и мусульман) не привело. Почему же? Почему потенций многих существовавших в разных природно-климатических зонах негритянских общностей оказалось недостаточно для возникновения развитого самостоятельного очага цивилизации? Почему не возникло городской культуры, хоть с натяжкой сравнимой хотя бы с той, которая была создана без всяких влияний извне индейцами доколумбовой Америки?

Ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Здесь сыграл свою роль комплекс причин, о которых много писали специалисты. Все эти причины — будь то климат, скверные почвы с ничтожным слоем плодородного гумуса, примитивная агротехника, низкий уровень культуры труда, разрозненность малочисленного населения, цепкость примитивных родовых традиций и раннерелигиозных культов и т.д. и т.п., — безусловно, были важными. Но почему они перестава-

ли играть решающую роль сразу же после того, как в Африке южнее Сахары появлялись вкрапления развитых цивилизаций? Да потому, что **появлявшиеся извне высокоразвитые цивилизации, мусульманская и христианская, сложившиеся на фундаменте столь же развитых религиозно-культурных традиций, были очагами того самого передового сознания, которое активно определяло примитивное бытие африканцев. И хотя это сознание нового уровня не могло сразу и кардинально перестроить привычное бытие, оно немало для этого делало.** Сначала, в древности, это очень наглядно проявилось, как упоминалось, в христианской Эфиопии, затем в большом количестве исламских государственных образований суданского пояса. После этого ислам проявил себя в бассейне Нигера и на восточноафриканском суахилийском побережье. Еще позже настало время португальцев.

МАРГИНАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ВОСТОКА

Мир ислама, Дальний Восток и, с очень существенными оговорками, Африка были основными массивами внеевропейской части планеты, которые практически почти не были затронуты колонизаторами в переходный период. Но наряду с этими массивами было немало и иных территорий с небольшим населением, которые, как и Африка, оказались в положении, близком к колониальной зависимости, но все же не адекватном ей. Целесообразно сказать несколько слов об этих территориях и об их населении. Условно назовем их маргинальными, имея в виду не только сам факт существования этнических общностей и племенных протогосударственных образований на еще слабо освоенных территориях. Важнее то существенное обстоятельство, что территории, о которых теперь вкратце будет рассказано, в XVI–XVIII вв. были просто слабо освоены, причем не столько колонизаторами, сколько самим местным населением. Этим они, в частности, отличаются от Африки. Начнем с рассказа об индейцах, которые не имели прямого отношения к очагам цивилизации в Мезоамерике и потому в большинстве своем не оказались в составе испанских и португальских колоний в Новом Свете.

Индейцы вне Мезоамерики. Судьба не только отдельных людей, но и больших этнических общностей чаще всего непредсказуема. Все в мире подвержено прежде всего факторам случайности и стечения

обстоятельств, удачных и не очень. Это наглядно видно на примере аборигенов Нового Света. Потомки живших в рамках собственных государств майя, ацтеков, инков и других обитателей Мезоамерики почти исчезли как самостоятельные народы с их явственно выраженной идентичностью. Сохранив подчас свое самоназвание и даже некоторые древние традиции, большая часть их была вынуждена в условиях неблагоприятного стечения обстоятельств слиться воедино с потомками испанцев и иных европейцев, а также и ввезенных в Америку африканских негров в почти единую — за немногими исключениями, если иметь в виду современные Аргентину, Уругвай, Коста-Рику, — и во всяком случае расово, этнически и конфессионально слабо различимую метисную массу латиноамериканцев.

В то же время многие индейские племена северной части Америки, приняв бой с претендовавшими на их земли колонистами и в конечном счете проиграв это заведомо неравное сражение, ныне живут по своим традиционным нормам с обогащенными современной цивилизацией удобствами в рамках великолепно оборудованных резерваций, в пределах которых именно они не только являются полными хозяевами, но и имеют немало весьма ценных прав и привилегий, гарантирующих как безбедное их существование, так и, стоит подчеркнуть, процветание. Разумеется, очень большое значение при этом имело принципиальное различие между протестантской Америкой на севере и католическими Испанией и Португалией в остальной части континента. Однако свою роль сыграло и то, что древняя американская цивилизация оказалась для многомиллионного населения центральной и южной части континента источником не его силы, но, напротив, его слабости. Во всяком случае, по сравнению с цивилизацией христианского Запада. Иную картину в этом смысле представляли собой с момента открытия Америки Колумбом северная и крайняя южная части американского континента, населенные различными племенами.

Индейские этнические общности и племена, а то и племенные союзы в зоне, где отсутствовали развитые государства, складывались в результате постепенного освоения верхнепалеолитическими людьми американского континента. Расселение шло волнами, и наслоение одних волн на другие вело к возникновению различных языковых семей, число которых весьма значительно, по меньшей мере равно нескольким десяткам, хотя кое-кто из специалистов насчитывает их чуть ли не тысячу. Но различие языковых семей, существенное для

разграничения этнических общностей, даже враждовавших друг с другом, не самое важное. Важнее образ жизни и сфера занятий, т.е. сложившаяся практика добывания пищи. В зависимости от этого индейцы Америки (кстати, сводное их наименование берет начало от уверенности Колумба в том, что он нашел именно Индию) делятся на несколько групп.

Группы эти заметно отличаются по уровню развития. К числу наименее развитых относятся население циркумполярной зоны севера (эскимосы, алеуты) и огнеземельцы крайнего юга, что вполне естественно связано с трудными для человека условиями его существования. Несколько южнее эскимосов на севере континента располагались атапаски, оджибве, квакиютли и ряд других племен, в основном лесных охотников, для которых главным занятием были охота (в основном на оленей), рыболовство и собирание съедобных растений и корней. Их образ жизни был много более продвинутым по сравнению с северными соседями. Из кожи оленей изготовлялась одежда, пушнина давала тепло, а позже стала служить ценным средством обмена с появившимися на восточном побережье европейскими колонистами, особенно французами и англичанами в Канаде.

Чуть восточнее жили ирокезы, гуроны, делавары и могикане, лучше других известные благодаря их соседству с колониями европейцев. Частично эти племена уже были, видимо, знакомы с мотыжным земледелием, что вообще-то позволяет считать уровень их развития достаточно высоким. Южнее, в районе прерий, обитали команчи, дакота и некоторые иные этнические общности, в основном охотники на бизонов. Но самыми продвинутыми в образе жизни и по уровню развития следует считать индейцев южной и особенно юго-западной части североамериканского континента. Это так называемые индейцы пуэбло, жившие земледельческими поселениями и знакомые с общинной организацией. Их племена, в число которых подчас вливались переселенцы с севера (навахи, апачи), обычно контактировали с урбанистической цивилизацией в районе Мексики. Более того, именно из числа индейцев пуэбло, скорей всего, выходили воинственные племенные группы типа индейцев науа, оседавших в Мезоамерике. К их числу, видимо, относились и ацтеки.

Южная часть континента, если оставить в стороне юг Мезоамерики с ее инками, изучена много хуже по ряду важных причин, в первую очередь из-за того, что изучение ее началось много позже. Здесь, особенно в районах, далеких от западных горных Анд, где сложилось

государство инков, обитали индейцы тропического и субтропического поясов. Из них самыми отсталыми по сей день являются жители непроходимых тропических лесов гигантского бассейна Амазонки. В саванне к северу от этого бассейна жили много более развитые племена, подчас активно контактировавшие с зоной урбанистической цивилизации и иногда, хотя и редко, причастные к ней, как, например, индейцы чибча (муиски). А территория южнее бассейна Амазонки, т.е. современная Бразилия, была слабо заселена малочисленными этническими общностями охотников и собирателей.

Уровень и образ жизни всех этих индейцев сильно зависели от условий среды и климатического пояса. То и другое (леса умеренного климата, тропические леса, прерии, пампа, холодные регионы близ полюсов и т.п.) в немалой степени определяли конкретные формы хозяйства и существования, будь то оседлые поселения либо передвижные жилища типа *чумов*. Важно добавить к этому, что столкновения между различными этническими общностями были постоянными. Существенно также принять во внимание, что вторжение европейцев очень заметно изменило ситуацию. В частности, явно выраженная неприспособленность населения доколумбовой Америки к интенсивному труду, особенно на хлопковых и иных плантациях, которые основывались европейцами, порой вела к массовой гибели аборигенного населения, главным образом в Вест-Индии. Убывание его численности, особенно в климатически благоприятных для плантационного земледелия районах, вело к массовому ввозу негров-рабов, о чем, включая разницу в роли, месте и гражданско-правовом статусе африканцев на севере и юге Америки, уже частично шла речь и еще будет сказано в следующей главе.

Сибирь. Не слишком радостным было столкновение с европейцами и для жителей некоторых других регионов, в чем-то сопоставимых с теми, где обитали индейцы Америки и негры Тропической Африки. Так, на севере Сибири преобладали отсталые этнические общности, напоминающие те, которые жили на Крайнем Севере и юге Нового Света. Это ненцы, эвенки, ханты, манси, нанайцы, чукчи, эскимосы, якуты и некоторые другие. Все они в основном обитали в циркумполярной зоне, в тундре и сибирской тайге. Занимались они, в зависимости от места жительства, преимущественно рыболовством либо охотой на морского и пушного зверя, а также оленеводством. Религиозно-культурные традиции их были разными, как, впрочем, и языки, определявшие идентичность каждой из общностей.

Жители южной Сибири, в том числе степного пояса и алтайских горных долин (алтайцы, тувинцы, буряты, хакасы и т.п.), были хорошо знакомы со сравнительно развитым скотоводством и с земледелием. Их религиозные взгляды немногим отличались от тех, что были свойственны их северным соседям, но в плане культурных традиций они из-за иных методов ведения хозяйства были более продвинутыми, хотя само по себе это мало помогало достижению уровня урбанизации, государственности и основанной на развитой религиозной системе цивилизации.

Общий уровень религиозно-культурных традиций этнических общностей Сибири был в принципе одинаков и, как правило, оставался очень далеким от того, который мог бы стать основой для возникновения государственности. Нет даже — за единственным исключением западносибирских татар — следов протоурбанистической протоцивилизации, которые изредка встречались в Тропической Африке. А что касается татар, то они были в свое время наиболее значительным из всех многочисленных сибирских этносов. Этот народ, являвший собой в XVI веке часть распавшейся Золотой Орды, являл собой наиболее развитую часть населения Сибири и был объединен в рамках Сибирского ханства. Принявшие незадолго до того ислам сибирские татары обрели основы развитой религии и соответственно государственности и цивилизации. Они занимались кочевым скотоводством и земледелием и даже имели небольшие поселения городского типа, бывшие центрами ремесла и торговли. Именно влияние ислама — как то было и в Тропической Африке — заметно выделяло Сибирское ханство из числа всех остальных этнических общностей Сибири. Впрочем, это ханство вскоре после начала движения русских в Сибирь перестало существовать.

Как этнические общности северной части Сибири, так и жители южной ее части, равно как и отдаленного Дальнего Востока (тунгусы, удэгейцы и др.), жили редкими и малонаселенными группами на очень обширной территории, что, как правило, ограждало их от столкновений друг с другом. Разве что появление в XV столетии Сибирского ханства заметно изменило общую ситуацию, привнеся в нее некоторый элемент постоянного насилия, которое проявлялось в форме взимания татарами дани (ясак) с соседей из числа местного коренного населения. Примерно такая ситуация продолжалась вплоть до появления в Сибири русских, сыгравших в этом отсталом регионе ту же роль, что более развитые народы Западной Европы

играли в тех местах, куда они проникли на рубеже XV–XVI вв. в результате географических открытий. К слову, взимание ясака было, видимо, первым и во всяком случае важнейшим из того, что было заимствовано русскими (вместе с термином) у татар.

Океания. Самый небольшой и много позже других освоенный европейцами материк **Австралия** — равно как и архипелаги, да и отдельные острова Океании, — был по большей части населен отсталыми, иногда очень отсталыми племенами и этническими общностями. Наиболее примитивными среди них следует считать аборигенов Австралии, предки которых, по современным данным, волнами проникали на материк несколько десятков тысяч лет назад, после чего население Австралии, оказавшись в состоянии длительной изоляции и не эволюционируя, застыло практически на уровне его древних предков. Австралийцы и жители расположенного чуть южнее материка острова **Тасмания** тысячелетиями сохраняли достигнутый их отдаленными предками уровень жизни и формы ведения хозяйства (охота, собирательство). Стоит при этом сказать, что в некоторых отношениях они, видимо, все же не были чужды генеральному принципу эволюции, о чем свидетельствуют немногие, но весомые достижения, свойственные именно им и достигнутые, скорее всего, после переселения на материк. Имеется в виду прежде всего такое эффективное орудие охоты, как бумеранг, встречающееся только у аборигенов Австралии. Однако, отдавая этим аборигенам должное, нельзя не заметить, что темпы эволюции их были крайне замедленными, что сказалось и на их духовной культуре, на религиозных представлениях.

Меланезия, большая часть архипелагов и островов которой расположена к северо-западу от Австралии, заселялась волнами, причем много более частыми, чем Австралия. Это были волны переселенцев из Юго-Восточной Азии, перебравшихся в Океанию сравнительно поздно, десять или даже пять тысячелетий назад. — во всяком случае, если иметь в виду тех ее обитателей, с которыми встретились европейцы. Имеются в виду жители островов Новой Гвинеи, а также архипелагов Бисмарка, Новой Каледонии, Новых Гебридов, Фиджи и т.п. Население Новой Гвинеи, т.е. наиболее существенной и заметной части Меланезии, обычно именуют папуасами. Оказавшись переселенцами более позднего времени, они были знакомы с достижениями неолита, разводили свиней и занимались подсечно-огневым земледелием. Общинная структура папуасов до наших дней охотно исполь-

зуется антропологами для изучения процесса генезиса социально-семейных отношений и экономических (реципрокных) связей.

Острова Микронезии (Марианские, Маршалловы, Каролингские и др.), расположенные к северо-востоку от Австралии и к востоку от Меланезии и всей Юго-Восточной Азии, заселялись через посредство жителей островов Меланезии. Это так называемые «восточные океанийцы», расселившиеся на новых местах несколько тысяч лет назад и занимающиеся как рыболовством, так и земледелием, главным образом столь характерным для Юго-Восточной Азии клубнеплодным (батат, таро, ямс). Собаки и куры — основа местного животноводства. Дома аборигенов чаще всего стоят на высоких сваях. Религиозные верования примитивны, а социальная структура в ряде случаев достаточно развита, вплоть до существования разных слоев типа каст.

Полинезия с ее известными архипелагами и островами (Гавайи, Тонга, Самоа, Таити, остров Пасхи и ряд других, вплоть до Новой Зеландии) расположена наиболее далеко от материков, подчас в центре океана. Проблема ее освоения аборигенным населением, несмотря на увлекательную гипотезу известного путешественника Тура Хейердала об американском происхождении жителей некоторых островов, в частности острова Пасхи, решается специалистами не так. Считается, что это те же «восточные океанийцы», перемещавшиеся еще дальше на восток и заселявшие до того необитаемые острова примерно на рубеже II–I тысячелетий до н.э. Основные занятия местного населения — земледелие (таро, ямс, батат, хлебное дерево), скотоводство (свинья, собака, куры) и рыболовство. Нет гончарных изделий и ткачества, но развиты плетение циновок и других аналогичных изделий, изготовление орудий из камня, поделок из дерева. Разумеется, в Полинезии — как и во всей Океании — высокого уровня достигло искусство мореплавания и выделки для этого крепких лодок, в том числе и двойных, типа катамарана.

В целом уровень развития островитян Океании намного выше того, которого достигли аборигены Австралии, что, надо полагать, в немалой мере объясняется отсутствием связи между теми и другими. Если островитяне, невзирая на подчас очень большие расстояния, активно контактировали друг с другом, то австралийские аборигены, отдаленные предки которых, похоже, прибыли на континент в те очень далекие времена, когда он, видимо, был связан с Евразией сухопутным перешейком, мореходством не занимались и с изготовлением лодок не были знакомы.

Правда, трудно предположить, чтобы островитяне за долгие тысячелетия их существования сравнительно неподалеку от Австралии никогда не посещали этот материк, хотя бы случайно. Но следует полагать, что, если так и случалось, то к заметным последствиям, т.е., например, к переселению на материк сравнительно много более развитых жителей островов Океании, это почему-то не вело. Не вступая в рассуждения о причинах такого рода гипотетической возможности, ограничимся констатацией факта: Австралия (с Тасманией) и весь остальной огромный и разнообразный мир Океании друг с другом не контактировали. Во всяком случае следов такого рода контактов нет. Это относится и к близкой к материку Новой Гвинее на севере и к Новой Зеландии на юго-востоке. А ведь Новая Зеландия давно уже была заселена маорийцами с их племенными протогосударствами во главе с вождями.

Практически все этнические общности и племена Океании со временем оказались, как и многие иные страны Востока, в орбите внимания Запада и его интенсивного влияния. Это влияние принимало различные формы в зависимости от того, в какой мере их объект (страны, народы, этнические общности) был развит и исторически подготовлен к взаимодействию. В зависимости от этого конкретные формы взаимодействия различались. Это, к слову, относится не только к Океании, но и ко всем тем странам и народам, которые так или иначе энергично и длительное время находились в контакте с теми либо иными из западноевропейских стран.

Глава шестнадцатая. ЗАПАД НА ВОСТОКЕ

Европейцы искали морской путь в Индию на протяжении большей части XV века. Казалось бы, что здесь сложного. Обогните Африку с юга и вы прямо попадете именно туда. Но, как выясняется, много легче сказать и даже решить двигаться именно таким образом, нежели достичь, двигаясь так, конечной цели. Принц Генрих (Энрике) Мореплаватель во второй трети XV столетия потратил несколько десятков лет лишь на то, чтобы заложить основы для серьезного продвижения вдоль африканского побережья на юг. Начав с освоения Азорских островов и Мадейры, расположенных почти что рядом с Португалией, а затем достигнув островов Зеленого Мыса неподалеку от нее, португальцы, бывшие опытными и смелыми мореходами

и обладавшие необходимой для успешной навигации аппаратурой, лишь примерно через полвека, в 1482 г., добрались до устья реки Конго в Гвинейском заливе на юге континента. Это и неудивительно. Для освоения длительного, неизведанного и чреватого неожиданностями далекого морского пути следовало предварительно создать систему форпостов, этих опорных пунктов, которые были бы надежной защитой для флота в случае любых возможных осложнений. Собственно, именно этим португальцы и занимались как первую, так и вторую треть все того же XV столетия. И кто знает, сколь дорого это им стоило. Расчет был лишь на то, что рано или поздно все затраты как-то оправдаются, что со временем и случилось.

Стоит заметить, что до определенного времени рядом с португальцами и практически параллельно с ними там же искали путь в Индию и испанцы, тоже создавшие ряд опорных пунктов на северо-западном побережье Африки и на Канарских островах. Но затем под влиянием энергичного натиска со стороны Колумба испанские правители пересмотрели свою политику и сделали ставку на чрезвычайно рискованный, но зато неимоверно более дешевый эксперимент, сводившийся к поиску западного морского пути в Индию, о чем уже вкратце шла речь в первой части тома. Португальцы остались одни, что, впрочем, их, насколько можно понять, не слишком обеспокоило. Как бы то ни было, но обе пиренейские страны в конечном счете и практически почти одновременно в конце XV в. добились своего. Португалия нашла путь в Индию, а Колумб открыл Америку. Как шел весь дальнейший процесс освоения открытых ими земель?

В немногих словах об этом уже говорилось. Но теперь заслуживают внимания те обстоятельства, которые имели самое непосредственное отношение к организации длительного контакта европейцев с совершенно чуждыми им далекими народами. Речь о народах, связи с которыми с немалыми затратами устанавливались именно для того, чтобы иметь постоянную выгоду. Имелась в виду как выгода от желанной торговли пряностями, так и — как вскоре выяснилось в Новом Свете — от обладания иными, еще более значительными ценностями.

ИСПАНЦЫ И ПОРТУГАЛЬЦЫ В НОВОМ СВЕТЕ

Все это побуждает начать изложение именно с Нового Света, открытие которого сыграло столь важную роль во всемирном историческом процессе. О населении и политической структуре стран

Центральной и Южной Америки (очагов урбанистической цивилизации Мезоамерики) уже шла речь. И то, и другое до появления там европейцев следует воспринимать как нечто если и не единое и цельное, то весьма сходное и однородное. Долгими веками, даже тысячелетиями очаги урбанистической цивилизации и государства Мезоамерики, равно как и окружавшие их либо жившие в значительном отдалении от них разные этнические общности, существовали в условиях естественной изоляции от более развитых и много быстрее развивавшихся цивилизаций и государств Старого Света. Это, если угодно, то самое неблагоприятное стечение обстоятельств, которое всегда задерживает темпы развития.

Конечно, сам факт сосуществования нескольких центров политической культуры и очагов урбанистической цивилизации, т.е. параллельное развитие, вполне может способствовать ощутимому ускорению процесса эволюции. Однако и в этом случае многое зависит от случайностей и стечения обстоятельств. Отсутствие в Мезоамерике колеса, вьючного и другого скота (кроме собаки и ламы) и некоторых иных важных элементов и достижений неолитической революции не могло не сыграть своей роли. Именно это определило облик, а затем и судьбу цивилизованных обществ и государств Нового Света. Здесь на протяжении многих веков складывались активно контактировавшие друг с другом параллельно развивавшиеся либо сменявшие друг друга государственные образования майя, ацтеков, инков и ряда других. Но ни одно из них — при всем своеобразии каждого — не могло полностью компенсировать всем остальным отсутствие в Новом Свете некоторых упомянутых важных элементов производственной культуры, что во многом определило слабость и отсталость всех их.

Политическая структура в государствах доколумбовой Америки к моменту появления здесь первых конкистадоров была различной. Одни из прежних государственных образований, в частности майя, уже пережили свой «классический», как его именуют, период, оказались в состоянии упадка и влачили жалкое существование, если даже не регрессировали на уровень племенных структур. Другие, давно уже жившие по соседству с достаточно развитыми государствами, так и не достигли сравнимого с ними уровня, хотя и заимствовали кое-что у своих соседей, т.е. долго находились в процессе трибализации и становления племенных протогосударств. А в государстве инков, бывшем в состоянии расцвета, напротив, существовала довольно

сильно централизованная и, насколько можно судить, эффективная администрация во главе с обожествленным правителем.

Словом, как по этническому составу, так и по уровню развития разные государства Мезоамерики являли собой достаточно пестрое и во многих отношениях неоднородное мозаичное панно. В рамках этой обширной зоны их сосуществования были свои внутренние противоречия, велись войны и возникала вражда, то утихавшая, то обострявшаяся, что всегда было характерным и для Старого Света. Более того, этническая неоднородность, даже разрозненность многочисленных племен и народов доколумбовой Америки была одной из важных причин, облегчивших испанцам и португальцам задачу завоевания и колонизации континента. Как упоминалось, коренное население Нового Света на начальном этапе процесса трансформации, т.е. в переходный период, в XVI–XVIII вв., оказалось покорено и в ряде случаев подвергнуто жестокому насилию. Другими словами, разница в уровне развития между аборигенами Нового Света и европейцами была решающей.

Испанцы и португальцы, кто начал на рубеже XV–XVI столетий широкомасштабное движение за освоение больших новых и к тому же богатых территорий, столкнулись в Мезоамерике со своеобразной и непривычной для них урбанистической цивилизацией. Недолго думая, они избрали наиболее естественный для воинов времен Реконкисты метод энергичного и агрессивного напора на противника. Но так как перед ними на сей раз были не южноиспанские мавры, а во многих отношениях более отсталые индейцы, ситуация была резонно воспринята завоевателями таким образом, что с индейцами не стоит церемониться. Все средства хороши. А поскольку различных средств ведения войны с чужестранцами и иноверцами у испанцев было немало, то стоит ли удивляться тому, что выбор был сделан в пользу наиболее эффективных из их числа.

Учитывая малочисленность завоевателей, была сделана ставка на древний принцип «разделяй и властвуй», для чего в качестве предварительной работы было немало сделано для привлечения на свою сторону враждующих с ацтеками их соседей. Затем были учтены неравенство в вооружении и вполне вероятная возможность запугать противника и деморализовать его. Наконец, в качестве основного метода действий агрессивного и жаждущего богатств меньшинства было решено под видом переговоров попытаться взять в плен предводителя войска противника. И все удалось. Удача буквально шла

по пятам конкистадоров даже тогда, когда они временно бывали вынуждены отступать и ждать наступления наиболее благополучного момента. Это произошло сначала в случае с Кортесом в мексиканском государстве ацтеков, а спустя полтора десятилетия с еще более поразительным эффектом во вроде бы хорошо организованном и способном к сопротивлению перуанском государстве инков.

До сих пор, как о том уже шла речь, нет внятного и убедительного объяснения, почему испанцы с мизерными силами — но с огнестрельным оружием (при ограниченном, как можно легко понять, количестве боеприпасов) и с незнакомыми индейцам лошадьми — так легко одолели страны, в которых одних воинов были многие тысячи, если не десятки тысяч. Представляется, что основную роль здесь сыграл страх, психологический шок, непостижимый ужас перед жестокими и коварными незнакомцами, которым, видимо, покровительствуют высшие силы. Но как бы то ни было, энергия, натиск, бесцеремонность, коварство и жестокость конкистадоров удивительно легко привели их к желаемому результату.

Уже в 20–30-х гг. XVI века были завоеваны и фактически прекратили свое существование государства ацтеков, затем майя и инков. Этим, собственно, число сколько-нибудь значительных политических структур и развитых очагов урбанистической цивилизации Нового Света и ограничивалось. Практически сказанное означает, что дело было сделано, сколько-нибудь значительное сопротивление подавлено. Остальное индейское население в зоне мезоамериканской цивилизации представляло собой небольшие племена или протогосударства, которые не могли и помышлять о серьезном противодействии завоевателям. Это касается и обширной, но мало населенной португальской Бразилии с ее гигантским регионом бассейна Амазонки. Стоит напомнить в этой связи, что именно Бразилия в первую очередь заселялась ввозимыми туда африканцами, количество которых со временем стало исчисляться многими сотнями тысяч и где португальские миссионеры работали не менее активно и эффективно, нежели испанские в остальных колониях.

Филиппины, оказавшиеся во владении Испании несколько позже, после кругосветного путешествия Магеллана, осваивались по стандарту, уже испробованному на широком полигоне Мезоамерики. Здесь была создана та же система энкомиендо, шел процесс активной христианизации местного населения, находившегося на весьма низком уровне развития. По мере возрастания числа испанских пе-

реселенцев появлялись крупные владения с использованием труда филиппинцев в качестве арендаторов. Роль китайских мигрантов постоянно возрастала. Они держали в своих руках львиную долю торговли, чем восполняли явное нежелание не привыкших к этому испанцев заниматься всерьез проблемами экономики, в частности выращиванием идущего на экспорт табака и иных выгодных с точки зрения торговли культур. Филиппины были практически последним заметным колониальным приобретением испанцев.

Логично и естественно, что перед властями Испании и Португалии — а все действия, направленные на освоение Нового Света, включая и Филиппины, были государственной монополией — встала теперь нелегкая задача наиболее умело и эффективно организовать завоевание. На передний план на смену коварству и прочим военным хитростям пришли вполне продуманные методы хозяйственного управления и религиозно-цивилизационной аккультурации, которые достаточно успешно осуществлялись богатевшими на эксплуатации американских колоний государствами.

Долгие два с лишним века, до 1765 года, лишь считанные порты (Севилья, затем также Кадис) были открыты для официально разрешенной торговли с колониями в Америке. Стоит заметить, что к числу этих колоний с начала XVII века относились и захваченные испанцами Флорида и Калифорния. Это в немалой степени содействовало тому, что власть в колониях была устроена таким образом, чтобы можно было извлечь из завоеванной территории максимальный доход. В этом смысле Испания была частью предбуржуазной Западной Европы и коренным образом отличалась от Востока, в частности от высокоразвитой китайской империи примерно того же времени, которая к извлечению дохода из стран, посещавшихся ее флотом, как о том шла речь, отнюдь не стремилась.

В считанные десятилетия богатейшие и долгими веками активно именно здесь, в Южной Америке, функционировавшие развитые очаги доколумбовой цивилизации были если и не уничтожены, то радикальным образом преобразованы. Обязательный принудительный труд и подчас тяжелые подати, весьма непривычные для местного населения, привели в ряде случаев к его быстрому вымиранию. Это прежде всего сказалось на территории Вест-Индских островов, где впервые высадился Колумб. Как считается, примерно миллионное население этих островов от непосильного труда, навязанного ему непривычного образа жизни и отсутствия иммунитета против

ввезенных европейцами болезней вымерло за полвека-век почти целиком. А на смену ему из Африки стали ввозиться рабы. Правда, африканские рабы, учитывая их приобретение и доставку, обходились недешево. И власти в Новом Свете вскоре хорошо поняли сложившуюся ситуацию. Смысл их новой политики по отношению к местному населению стал иным. Уже вскоре после успешных экспедиций Кортеса и Писарро на всей территории завоеванной испанцами Южной Америки эта политика была заметно смягчена.

Вначале была введена система энкомиендо, сущность которой сводилась к раздаче испанским грандам и католическим миссиям под опеку и с несколько ограниченными правами огромных участков земли с местным населением, включая и ввезенных африканских рабов. Затем был сделан энергичный акцент на процесс аккультурации аборигенного населения и привезенных из Африки рабов. Стремление миссионеров как можно скорее христианизовать индейцев и соответственно привить им новые культурные стандарты (это активно поддерживалось и властями метрополий) побуждало владельцев энкомиендо более бережно относиться к их подданным. Однако стоит заметить, что больших доходов, по крайней мере на первых порах, новые земли не приносили. Да они и не могли приносить доход, ибо местное население не было готово к непривычной и подчас непосильной работе. Перед испанскими властями со всей серьезностью встал вопрос, как им наладить управление колониями в Америке.

В 1524 году в Севилье был учрежден королевский Совет по делам Индий, достаточно успешно функционировавший около двух веков. Во второй трети XVI века были образованы вице-королевства Новая Испания (это в основном территория Мексики и Вест-Индии) и Перу, каждое из которых состояло из нескольких крупных административных регионов, генерал-капитанств, а также так называемых *аудиенсий*, создававшихся для управления большими городскими центрами. Все капитанстава и аудиенсии с момента образования вице-королевств достаточно жестко подчинялись центру. Колониальная администрация состояла из множества чиновников разных рангов, имевших отношение к различным сферам деятельности, от финансовой до судебной. Центрами колонизации становились создававшиеся испанцами в большом количестве города, часть которых, как, например, Мехико (Теночтитлан), возникала на месте разрушенных прежних, тогда как другие строились в районе торговых портов или мест интенсивной разработки природных богатств. В городах

возникали и храмы католической церкви, откуда осуществлялся интенсивный процесс обращения уцелевшего местного населения в христианство. Католические храмы и монастыри находились под верховной властью и покровительством испанской короны, уполномоченной на то Римом. Огромную роль с середины XVI века стал играть активно действовавший в Южной Америке орден иезуитов. Именно его представители стали костяком миссионеров, действовавших в рамках создававшихся повсюду миссий. Владения ордена были обширны и приносили немалый доход.

Проблема организации колониального управления не сводилась только к образованию административных подразделений, строительству городов, введению энкомиендо и миссионерской деятельности, хотя все эти начинания играли важную роль. Очень серьезным делом было налаживание взаимоотношений с покоренным местным населением, с его общинами. Местное население, уцелевшее после завоевания и начальных этапов освоения испанских колоний в Америке[1], жило в рамках традиционных деревень-общин, иногда управлявшихся потомками местных правителей-*касиков*. Стоит обратить внимание на то, что, вводя систему энкомиендо, королевская администрация стремилась ограничить аппетиты знатных и богатых колонистов, пытавшихся усилить эксплуатацию местного населения. В ее интересах было сохранить целостность уцелевших общин и, способствуя естественному приросту населения, собирать с этих общин налоги и подушную подать в казну, а также широко использовать трудовую повинность, хорошо известную в государствах Южной Америки с глубокой древности. Кроме того, примерно с конца XVI столетия и особенно на протяжении всего XVII века, когда Испания приходила в состояние все большего упадка, а ее население нищало, количество испанских колонистов постоянно возрастало. Ежегодно оно пополнялось несколькими тысячами переселенцев из числа представителей разных социальных слоев. Это вело к тому, что в Латинской Америке возникла очень значительная прослойка мелких землевладельцев европейского происхождения.

[1] Точных данных о количестве населения до конкисты нет. Приблизительные оценки специалистов на этот счет сильно расходятся. Называемые цифры варьируют от нескольких до нескольких десятков миллионов. Исследователи нередко фиксируют, что процесс вымирания туземцев был весьма заметным. Впрочем, не исключено, что размеры его во многих работах сильно преувеличены.

Земли для наделения ею всех колонистов долгое время вполне хватало, хотя уже в XVII веке подчас возникали проблемы, решение которых приводило к нехватке земли в индейских общинах и к перемещению части местного населения на новые места. Процесс увеличения числа колонистов закономерно вел к появлению свойственных развитой западноевропейской системе земледелия различных форм аренды и найма, а также к росту числа рабочих рук, в которых остро нуждались города, особенно те из них, где велись широкомасштабные разработки природных богатств. Необходимо заметить, что все эти объективные процессы болезненно воспринимались местным населением и порой вели не только к открыто выражаемому недовольству, но и к массовым движениям, подавлявшимся властями. Эта ситуация частично способствовала ограничению прав земельных собственников, особенно из числа европейских переселенцев.

В середине XVII века появилась серия законов, направленных на ограничение их власти над индейцами. Индейцев нельзя было пытаться обратить в рабство, количество богатых собственников-энкомиендеро стало сокращаться. Стоит заметить, что нехватка рабочих рук, остро ощущавшаяся, несмотря на весьма значительный приток европейских колонистов, в местах, где велась разработка природных богатств, равно как и в возникших несколько позже крупных плантационных хозяйствах, вызывала к жизни все возраставший массовый приток в испанские колонии Южной и Центральной Америки африканских негров-рабов. Уже в XVI веке были ввезены десятки тысяч чернокожих невольников, а в дальнейшие два-три века торговля рабами хотя и ограничивалась, но не прекращалась. Ввозились и продавались на невольничьих рынках — за довольно высокую цену — многие тысячи рабов в год, причем часть их контрабандно, т.е. без официальной лицензии властей (с соответственной оплатой лицензии).

Важно, однако, принять во внимание, что, в отличие от южных районов в Северной Америке, где плантационное хозяйство колонистов было едва ли не основным и поэтому чернокожие невольники становились из поколения в поколение настоящими рабами, ситуация в Латинской Америке с самого начала массового ввоза туда африканцев была несколько иной. Разумеется, купленный на невольничьем рынке чернокожий на первых порах становился рабом. Однако характер и формы использования его труда довольно скоро превращали его просто в одного из многих членов низшего социального слоя зависимых тружеников. Статус вчерашних рабов не слиш-

ком сильно отличался от статуса индейцев, особенно тех из них, кто различными путями вытеснялся из общин и вливался в пеструю в расовом отношении массу работников в городах и на промыслах. Здесь рабы не столько получали свободу от некогда купивших их хозяев, сколько обретали возможность — как то бывало и даже являлось нормой на традиционном Востоке — завести хозяйство и семью. Расширенное воспроизводство рабочей силы было важнейшей потребностью Латинской Америки, так что нет ничего удивительного в том, что африканские рабы, обретая более или менее нормальные (в их положении) условия жизни, достаточно быстро и без особых проблем вливались в общий котел, из которого черпались остро необходимые рабочие руки.

Что же касается состава вновь возникавших семей, то, учитывая не слишком большое количество чернокожих рабов (все-таки их число измерялось скорее всего лишь десятками тысяч и сотнями тысяч, а не миллионами, как то подчас принято считать), они не стремились, да и не всегда могли бы найти брачных партнеров среди своих соплеменников. Напротив, очень частыми были межрасовые браки, в результате которых шел процесс метисации туземного населения и привезенных в Америку чернокожих. Вместо тех и других появлялась заметная прослойка мулатов. Потомки чернокожих рабынь от белых колонизаторов (а стоит учесть, что среди колонистов всегда, но особенно на первых порах, ощущалась нехватка женщин, что неизбежно вело к смешению белых с местным населением и чернокожими) тоже становились мулатами. Разумеется, различные варианты расового смешения получали свои особые наименования (потомков белых от индианок обычно называли креолами, а чернокожих и индейцев метисами), но в конечном счете во всей Латинской Америке шел неудержимый процесс расового смешения, результаты которого отчетливо видны сегодня. Мулаты и метисы разных оттенков со временем стали составлять большинство населения, тогда как чистокровных европейцев оставалось сравнительно немного. Многие из их числа имеют более или менее заметную примесь негритянской либо индейской крови и тоже привычно именуются креолами.

По некоторым подсчетам, к началу XIX века индейцев было свыше 40% (7,5 миллионов из 16), причем едва ли всех их следует отнести к разряду чистокровных. Белых, включая и креолов, насчитывалось примерно 20% (около 3 миллионов), чернокожих 4% (примерно 700 тысяч), а остальное население состояло из мулатов и метисов.

К сказанному стоит прибавить, что влияние церкви и испанского языка привело к тому, что христианство в его наиболее твердой католической версии и испанский язык за век-другой стали абсолютно преобладать в южной части Нового Света, кроме Бразилии, где католичество сочеталось с португальским языком.

С одним испанские колонисты и колониальная администрация по причинам, о которых уже шла речь, справиться не могли. Им трудно было обеспечить за счет Испании снабжение колонии промышленными товарами. Это вело как к контрабанде со стороны экономически более развитых стран Западной Европы (о чем вскользь было уже упомянуто), так и в гораздо большей степени к официальным закупкам у тех же стран необходимых товаров. Весь XVI и значительная часть XVII века прошли под знаком траты огромных средств на эти товары, нужные как находившейся в состоянии перманентного хозяйственного кризиса Испании, так и ее заморским владениям. Но при этом казна вплоть до реформ конца XVIII века всегда стремилась перевозить эти товары на испанских суднах.

Как и в испанских колониях, португальцы строго соблюдали монополию королевской казны на торговлю в Бразилии. Постепенно возрастала роль контролирующей положение в Бразилии колониальной администрации. Создавались опекавшиеся правительством организации типа Торговой палаты (1649 г.). В стране активно и успешно действовала католическая церковь, обращавшая местное население и привезенных африканцев в христианскую веру. С конца XVII века были найдены и начали энергично разрабатываться золотые прииски, стали добываться и алмазы. Это несколько улучшило финансовое положение как колонии, так и самой Португалии.

В целом усилия испанцев и португальцев по созданию в Латинской Америке принципиально новой социополитической и хозяйственно-экономической, а также этнорасовой структуры приносили свои вполне приемлемые для всех плоды. Принципы осуществлявшейся политики во многом были обусловлены складывавшимися в колониях обстоятельствами. А суть этих обстоятельств, если абстрагироваться от отдельных проявлений жестокости и несправедливости, притеснения колонистами европейского происхождения индейцев и тем более бесправных африканцев, сводилась в конечном счете к тому, что в испанских и тем более португальских колониях шел явный и интенсивный, пусть даже вынужденный, но объективно благотворный для всех процесс этнорасовой метисации.

Процесс, который имеется в виду, в большинстве случаев, кроме разве что отдельных районов, в частности будущей Аргентины либо Уругвая, вел к стиранию этнорасовых статусно-правовых различий между местным коренным населением, европейскими колонистами и африканскими неграми-рабами. Это не значит, что европейские колонисты не ощущали своего превосходства над остальным населением. Но это означает, что на передний план в формирующейся трансформированной Латинской Америке выходило новое по своему расовому облику и складывавшимся заново традициям большинство. Метисное по происхождению, оно при этом сравнительно безболезненно усваивало те довольно отсталые, по сравнению с много более передовыми английскими или нидерландскими, принципы хозяйственной и социополитической жизни, которые были присущи предбуржуазным по уровню развития Португалии и Испании. Стоит упомянуть также о роли феодальных традиций, принесенных в Мезоамерику из Пиренеев, хотя справедливости ради важно иметь в виду, что эти старые традиции уже находились в состоянии отмирания и достаточно быстро замещались административно-бюрократическими с очень заметным оттенком патернализма. По сути применительно к большей части Латинской Америки не приходится даже вести речь о дефеодализации. Феодалов европейского происхождения там было настолько мало, что едва ли не все они очень быстро трансформировались в богатых собственников более предбуржуазного, нежели какого-либо иного типа.

Разумеется, это не исключало того, что в услужении в богатых домах европейцев было немало так называемых *цветных*. Но едва ли большая часть этих слуг может быть сравнима с обремененными феодальными повинностями многочисленными европейскими земледельцами. Если уж на то пошло, более верно говорить о некоем патернализме. Патернализм как чуть ли не основа политики властей был весьма распространен и тесно связан с уже упомянутым процессом трансформации этнорасовой, социальной и экономической структуры изменяющегося общества. В обществе начинали господствовать заново возникавшие принципиально иные отношения, не слишком похожие на те, что все еще продолжали бытовать в метрополиях.

Особо следует сказать несколько слов об островах Карибского моря, привычно именовавшихся Вест-Индскими. На них за столетие после Колумба, о чем уже упоминалось, вымерла значительная часть местного населения, после чего эти острова перестали пред-

ставлять для испанских колонизаторов серьезную ценность, особенно на фоне территориальных захватов в Южной Америке. Во всяком случае испанцы не слишком держались за них. Англичане, французы и голландцы в конце XVII века стали заново осваивать острова Вест-Индии, в климатическом плане приспособленные для ведения там плантационного хозяйства. Но плантации требовали большого количества рабочих рук, которых на этих островах никогда не было. Это обстоятельство привело к тому, что в Вест-Индию начали в большом количестве ввозить африканских рабов, что способствовало резкому изменению расового состава населения в Вест-Индии, где чернокожие сегодня преобладают практически абсолютно.

Несколько слов о религии. За век-полтора энергичной работы миссионеров католицизм в Латинской Америке (откуда, еще раз обратим внимание, и ее наименование) стал абсолютно преобладающим среди всех слоев населения со всеми оттенками их расового типа. Здесь очень существенно иметь в виду, что, хотя с крушением государств ацтеков и инков погибла вся многовековая цивилизация Нового Света, она, что важно подчеркнуть и принять во внимание, не исчезла совершенно бесследно. Более того, учитывая первостепенную роль идей и определяемого ими сознания населения, следует по достоинству оценить все то, что связанные с католицизмом идеи привнесли в систему духовных ценностей заново возникавшего метисного населения. Оказавшись под властью европейских завоевателей и будучи вынужденным принять христианство, т.е. религию много более развитую по отношению к их собственной, коренное население Центральной и Южной Америки, хотя и перенесло нелегкую трансформацию в важной для любого этноса сфере религиозно-культурной традиции и духовных ценностей, на которые эта традиция долгими веками опиралась, сумело внести свой ощутимый вклад в складывавшуюся заново религиозно-цивилизационную систему. Свой, пусть более скромный вклад внесли в эту систему и многочисленные африканцы.

Разумеется, соотношение сил в процессе возникновения нового комплекса традиций и ценностей, который возник и со временем укрепился благодаря огромной и неустанной деятельности католических миссионеров, было явно в пользу католиков. Иными словами, религиозно-культурный вклад местного населения и тем более негров-рабов во многом уступал тому, что принесли с собой следовавшие рядом с конкистадорами миссионеры. Да и сама развитая христианская религия была не чета той, что представляла собой

религиозно-культурная традиция, цивилизации Мезоамерики, не говоря уже об отсталых африканцах. Но при этом факт остается фактом: современная Латинская Америка, в религиозно-цивилизационном плане справедливо считающаяся сегодня регионом господствующего католицизма, представляет собой особую субцивилизацию. Или, иначе, иберо-индейско-африканский, а более просто метисный католицизм латиноамериканцев по меньшей мере весьма своеобразен, почему он и имеет все основания для того, чтобы считаться, наряду с западным католицизмом, протестантизмом и православием, особым, с заметным оттенком самобытности вариантом — правда, вариантом не столько христианства, сколько все же католицизма.

Таким образом, напрашивается общий итоговый вывод: на смену цивилизациям Нового Света, некогда расцветавшим в центральной и южной его частях, пришла новая латиноамериканская субцивилизация. Основанная главным образом на католическом христианстве испанцев и португальцев, но вместе с тем и воспринявшая кое-что из традиций местного населения, а также негров-рабов, она уже через два-три века после открытия Америки стала представлять собой плодотворный и вполне жизнеспособный самостоятельный вариант христианской цивилизации, пусть даже стоящий ближе всего именно к католицизму.

Здесь необходима важная оговорка. Разумеется, во всем том, что касалось догматики, обрядов, ритуального церемониала, сонма святых с праздниками в их честь и т.п., католическая церковь не уступила ни на йоту. Принципы иерархической структуры или монастырской жизни остались без изменений. Более того, население, практически целиком принявшее эти нормы и ставшее корпусом искренних и истовых прихожан, что сыграло свою немаловажную роль в обретении Мезоамерикой нового названия (Латинская Америка), на протяжении недолгих столетий стало стопроцентно католическим. Стоит в этой связи напомнить, что визит в Латинскую Америку одного из самых выдающихся римских понтификов, Иоанна Павла II, собирал сравнительно недавно миллионные аудитории.

Но мы ведем сейчас речь не о религии как фундаменте цивилизации (она была безусловно и безоговорочно христианской в ее классическом римско-католическом варианте), а о специфике самой латиноамериканской цивилизации. И вот именно в ней, а еще более конкретно в сохранившихся религиозно-культурных традициях, некоторых нормах образа жизни, проявляется все то, что с момента

крушения Мезоамерики и начала ее трансформации придавало населению Латинской Америки его неповторимую специфику. Ту самую специфику, без которой невозможно существование самобытного варианта любой цивилизации. Достаточно напомнить о знаменитых ежегодных бразильских карнавалах, длящихся несколько дней и насыщенных элементами народной традиции, восходящей в глубь веков, к древним культурам разных народов и расово-этнических общностей, корни которых таким образом дают о себе знать. Имеются в виду — особенно в том, что касается Бразилии, — не только и даже, быть может, не столько традиции индейской южноамериканской цивилизации, сколько горячая кровь негритянской Африки, которая течет в жилах прежде всего все тех же бразильцев, хотя и далеко не только их одних.

В заключение важно заметить, что вариант контакта между европейскими колонистами и колонизаторами с одной стороны, с многочисленным местным индейским населением и миллионами ввезенных африканских негров с другой оказался во многих отношениях уникальным. Этот вариант, практически в сколько-нибудь серьезном объеме нигде не повторившийся, свелся к появлению синкретической этнорасовой и религиозно-культурной общности. Новая общность (в какой-то мере это касается и Филиппин, хотя африканский компонент в них почти не заметен, зато китайский очень четко просматривается, да и в качестве основного языка испанский не прижился), несмотря на крайнюю многочисленность оттенков кожи и элементов расового типа, оказалась объединенной в единое общее в рамках новой суперобщности, огромной по числу населения и размерам территории.

В некотором смысле эта огромная в планетарном масштабе общность, возникшая благодаря исключительному стечению обстоятельств, чем-то напоминает индуистскую Индию, в рамках которой с древности непротиворечиво сосуществовали крепко спаянные воедино религиозно-культурной традицией представители очень разных этнорасовых типов, говоривших на различных языках. Разве что языков в новой латиноамериканской общности оказалось лишь два, испанский и португальский. Впрочем, стоит заметить, что и в современной Индии среди по меньшей мере ее городского населения, численность которого все возрастает, преобладающим языком постепенно становится один, английский, который по сути является — наряду с религиозно-культурной традицией индуизма — очень важным

связующим началом для огромной страны с ее сегодня столь заметным стремлением быть теснее связанной с мировым сообществом. Совершенно иначе складывались контакты тех же португальцев, опередивших других европейцев, с местным населением в далеких восточных регионах, куда они проникли с начала Великих географических открытий.

ПОРТУГАЛИЯ И ГОЛЛАНДИЯ В БОРЬБЕ ЗА ПРЯНОСТИ

Захват испанцами Филиппин, фактически присоединенных к их латиноамериканским владениям, показал некоторую неустойчивость договора 1494 года. Однако стоит заметить, что в общем и целом этот договор соблюдался. Испанцы в Азии практически не проявляли активности (им с лихвой хватало Латинской Америки), а конкуренции со стороны иных держав у португальцев в XV–XVI веках, да и в начале XVII века просто не было. Была контрабанда со стороны некоторых развитых европейских государств, например Англии и Голландии, но не более того. Голландия как сильная морская и тем более колониальная держава стала активно функционировать лишь с XVII века, особенно с середины этого столетия. Зато с этого времени и прежде всего в связи с организацией и началом активной деятельности голландской Ост-Индской компании ситуация стала резко изменяться. Усилившиеся голландцы, добившиеся национального освобождения и превратившие свою страну в крупнейшую морскую державу, начали с легкостью одолевать португальцев, которые в это время заметно ослабли. Соответственно была существенно переделена вся та часть дальних территорий, расположенных в южных морях, где производились и откуда привозились в Европу пряности.

Взаимоотношения португальцев с Азией начали складываться после того, как Васко да Гама в 1498 г. достиг Калькутты, крупного торгового центра в восточной части империи Великих Моголов. В этом городе португальцы стали в массовом количестве скупать пряности, что не понравилось давно жившим там арабским купцам, монополистам в торговле этим товаром с Европой. Агитация купцов вызвала в Калькутте протесты местного населения, вынудившие Васко да Гама покинуть город. В 1501 г. Кабрал, оказавшийся по пути в Индию на юго-восточном берегу Америки и открывший там Бразилию, но вер-

нувшийся назад и вновь достигший Калькутты, бомбардировал мятежный город. А в 1503 г. Васко да Гама во главе новой экспедиции к берегам Индии положил начало организованному португальскому пиратству и постоянному грабежу арабских кораблей, везших пряности в Европу.

В конечном счете в результате первых морских экспедиций в Индию были основаны колониальные анклавы на острове Сокотра и в районе Персидского залива (Маскат, Ормуз), в прибрежной полосе западного Индостана (Кочин, Каннанур, Гоа, чуть позже также Диу, Бомбей и Даман), затем на большом острове Цейлон и на восточном побережье Индии. Сравнительно скоро португальцы выяснили, что основная масса пряностей выращивается не в самой столь желанной Индии, а несколько восточнее, на территории островов и полуостровов Юго-Восточной Азии, в так называемых странах южных морей. Стоит в связи с этим вспомнить о том, какую роль сыграли регулярные торговые связи индийских купцов, по преимуществу мусульман, в торговле с этим регионом и вместе с тем в исламизации значительной его части незадолго до появления там европейцев. Как бы то ни было, но уже в самом начале XVI столетия португальские мореходы были на Цейлоне, а в 1511 году они захватили важнейший торговый центр всего этого региона Малакку, а затем и несколько расположенных еще далее к востоку Молуккских островов. Ими также были созданы форпосты в Бирме, Сиаме, в Китае (Макао) и даже, под покровительством некоторых южных князей-даймё, в Японии. В 1590 году под властью Португалии на три десятилетия оказался остров Тайвань, переименованный в Формозу (в 1624 г. португальцев ненадолго вытеснили с острова голландцы).

Цейлон с начала периода Великих географических открытий стал одним из первых объектов внимания активно действовавших в районе южных морей португальцев, которые появились на этом острове уже в 1505 г. На Цейлоне, расположенном рядом с южной частью индийского субконтинента и очень богатом желанными пряностями, в XVI в. было несколько сравнительно больших государств. Наиболее крупным из них следует считать Котте, расположенное в юго-восточной части острова и управлявшееся раджой. Это государство, бывшее центром произрастания коричного дерева и торговли корицей, имело несколько провинций во главе с наместниками, что играло определенную роль в усилении внутренней борьбы и в сепаратистских тенденциях, спорадически приводивших к ослаблению Котте.

Португальцы сразу же после появления на Цейлоне стали создавать форпосты и торговые фактории. Очень важно обратить внимание на то, как складывались их отношения с местными властями. Правителю Котте они за поставку корицы обещали помощь в борьбе с соперниками, причем обещание было не пустым. Впечатляющая боевая мощь немалого количества огнестрельного оружия на вроде бы торговых кораблях вполне могла противостоять флоту тех местных государств, которые пытались соперничать с Котте. Кроме того, удачно складывавшиеся отношения позволили португальцам вести дипломатическую деятельность, умело используя династические распри. В результате они добились разрешения католическим миссионерам, в обилии сопровождавшим самые первые экспедиции португальцев в неведомые им края, вести активную деятельность в этой стране, в частности строить храмы и обращать местное население в христианскую веру. А в 1540 г. правитель Котте даже направил посольство в Лиссабон, подарив королю Португалии золотую статую своего наследника Дхармапалы, который в 1557 г. с целью заручиться поддержкой португальцев в междоусобной борьбе передал францисканским монахам земли некоторых буддийских и индуистских монастырей. И хотя вскоре после этого Дхармапала потерпел поражение и вынужден был укрываться в португальском порту Коломбо, в конечном счете он с помощью португальцев не только снова стал правителем, но и попытался завещать свое царство португальцам.

В государстве Джафна на севере острова, где преобладали тамилы, выходцы из южной Индии, миссионеры довольно быстро создали влиятельную христианскую общину, что способствовало укреплению связей с правящими кругами этой страны и даже получению дани за помощь в междоусобной борьбе претендентов на трон. В конце XVI в. еще одно из государств острова, Канди, оказалось под сильным давлением португальцев, что привело к зависимости правителей этого государства, согласившихся платить португальцам дань. Не приходится объяснять, что дань в основном состояла все из тех же желанных пряностей.

Имея немалые вооруженные силы и постоянно вмешиваясь в политические распри на острове, португальцы не только наращивали свое присутствие в его различных частях, но и, как было упомянуто, сумели создать довольно многочисленную христианскую общину. При всем том они, естественно, не забывали вести во все возраставших объемах торговлю корицей (излишки ее подчас сжигались, дабы

не сбивать цену). Стоит заметить, что самих португальцев на Цейлоне проживало немного, но администрация колонизаторов, во главе которой стоял генерал-капитан, подчинявшийся вице-королю в индийской колонии Гоа, была достаточно сильной. Среди подчиненных ей солдат немалую часть составляли наемники из Индии и Африки. Так как женщин в колонии португальцев было немного, в большом количестве практиковались смешанные браки, в результате чего возникла немалая прослойка метисов.

Важно принять во внимание, что при этом на Цейлоне продолжали сохраняться индийские по происхождению касты, хотя влияние кастовой системы в целом на общество было здесь не столь сильным, как в Индии. Другими словами, существовало немало прослоек, стоявших вне каст. К ним, видимо, относились и метисы, не говоря уже о самих португальцах либо об африканских наемниках, да и о христианах. Словом, на рубеже XVI–XVII вв. ситуация на острове сильно изменилась. Благодаря усилиям миссионеров возникла немалая прослойка из обращенных в христианство местных жителей, включая и представителей правящей элиты. В городах стали заметным явлением дома и мебель в европейском стиле. Стали ощутимыми заимствования в одежде и в языке. Все это способствовало тому, что высоко ценившийся португальскими колонизаторами Цейлон в немалой своей части оказался подвластен их администрации. Неподчиненным до конца оставалось лишь государство Канди. Так было вплоть до середины XVII века, когда португальцев начали вытеснять более сильные в это время голландцы.

В союзе с Канди голландцы в 1656 г. завладели фортом Коломбо, что практически означало переход почти всей полноты власти на острове к голландской администрации. На смену метисам с португальской кровью здесь вскоре пришли метисы с голландской примесью, которые уже в XVIII столетии начали играть заметную роль в управлении Цейлоном. Голландцы позаботились о распространении на острове христианства протестантского толка, для чего были созданы миссионерские общества и школы. Их усилиями были созданы юридическая основа владения землями с учетом результатов земельного кадастра, а также система судопроизводства.

Кроме корицы, которую голландцы начали производить на специально подготовленных плантациях, на Цейлоне стали выращивать кофе и хлопок. При этом колонизаторы широко использовали исстари существовавшую на острове систему принудительных отработок.

Так продолжалось до конца века, когда на смену голландцам на остров пришли англичане, а английская администрация на острове во главе с губернатором стала частью всемогущей Британской Ост-Индской компании, подчиняясь при этом Мадрасскому ее президентству.

Малайя. В Малайе и, в частности, в районе Малаккского пролива португальцы оказались уже в 1511 г., а вскоре после этого они захватили практически все расположенные к востоку от пролива Молукк-ские острова, эти поистине Острова пряностей, центр произрастания гвоздики и мускатного ореха. Анклав Малакка в силу его выгодного расположения стал фактически основной базой, портовым центром, организующим торговлю пряностями. Высокие пошлины вынуждали чужие корабли не заходить в Малаккский пролив и тем самым превращали португальцев в монополистов. Правда, располагавшийся к северу от Малакки на территории Малайи султанат Джохор и суматранский султанат Аче на юге начали борьбу с пришельцами. Похоже на то, что неудачи португальцев в противостоянии султанатам во многом объясняются тем, что ислам, с которым у пиренейских государств были давние счеты, не только не способствовал распространению христианства, что было одним из основных способов для укрепления позиций колонизаторов, но напротив, объективно занимал позицию священного врага христианства. Правда, португальцы, ловко используя соперничество между обоими султанатами, как-то сохраняли монополию в торговле, подчас нанося поражение противникам, прежде всего Джохору. Но это продолжалось не слишком долго.

Уже в конце XVI в. английские, а затем и голландские корабли начали появляться в Малаккском проливе, стремясь расчистить дорогу к Молуккам. В 1606 г. англичане сумели договориться с султаном Джохора и осадили Малакку, нанеся ей немалый урон. Затем в 1629 г. ее подверг осаде султан Аче. Потом в союзе с Джохором оказались голландцы, и в 1641 г. Малакка была взята штурмом. Теперь уже голландская Ост-Индская компания брала высокие пошлины с пересекавших пролив торговых кораблей и тем сохраняла свою монополию. Олово и перец стали главным предметом вывоза из Малайи.

Что касается **Молуккских островов**, то там ислам еще не был распространен повсюду, так что по крайней мере на одном из этих островов, Амбоне, католические миссионеры добились немалого успеха в деле христианизации местного населения, что заметно укрепило в Молукках власть Португалии. Однако это укрепление оказалось кратковременным вследствие появления в малайском регионе стре-

мившихся к Молуккам англичан и голландцев. Формальная ликвидация независимости Португалии в 1581–1640 гг. сильно облегчила их задачу, так как войны с Испанией оба государства вели почти постоянно. Конец XVI в. был отмечен энергичным натиском голландцев на острова Индонезии и сближением голландцев с населением Молуккских островов, в большинстве своем ненавидевшим португальцев. Захват голландцами серьезных позиций в Индонезии длился довольно долго. Это было вызвано как соперничеством с англичанами в борьбе за Молуккские острова, так и сопротивлением исламизированного населения больших индонезийских островов, в первую очередь Явы.

Практически весь XVII в. прошел под знаком вооруженной борьбы голландской Ост-Индской компании с султанатами Индонезии. В итоге все они были вынуждены признать не только контроль Голландии над морским путем через Малаккский пролив, но и фактический сюзеренитет Ост-Индской компании, ее монополию на внешнюю торговлю перцем, гвоздикой, мускатным орехом и иными пряностями, а также право на взимание торговой пошлины в портах.

Из всего изложенного явствует, что в борьбе за острова пряностей сначала португальцы, а затем голландцы (в значительно меньшей степени англичане) добились желаемого в ходе почти постоянной, а порой очень жестокой вооруженной борьбы. Однако существенно заметить, что целью этой борьбы вначале не был, как правило, территориальный захват чужих владений, равно как и создание разветвленной сети колониальной администрации. Цель была по большей части совершенно другой: обеспечить (если нужно — силой) лояльность местных властей и добиться монопольного права на торговлю пряностями и некоторыми иными товарами. Собственно, ради этого европейцы искали морской путь в Индию.

Индонезия, начиная с Суматры и Явы, крупнейших, самых экономически развитых и наиболее политически сильных из ее островов, с XVI в. быстрыми темпами превращалась в совокупность мусульманских султанатов. Правда, на территории индонезийских островов (применительно к этому времени их иногда именуют Малайским архипелагом, объединяя в единое целое с упомянутыми островами пряностей в Молукках) все еще существовали и доисламские государства. На рубеже XVII–XVIII вв. здесь возникла довольно напряженная политическая обстановка. Практически не прекращались междоусобные войны и выступления против европейских колонизаторов, чуть ранее португальцев, позже голландцев. Преследовались

и китайцы, чья активность была не по нутру местным жителям и мешала колонизаторам. Тем не менее, а в какой-то степени и благодаря этому позиции голландской Ост-Индской компании понемногу укреплялись, а вмешательство ее в междоусобную борьбу позволило ей поставить рынок пряностей — гвоздика, корица, мускатный орех, перец — под свой контроль.

Крестьяне, нередко под нажимом, начинали заниматься выращиванием пряностей на плантациях. Потребность в рабочей силе подчас побуждала голландцев захватывать в ходе специальных набегов сильных мужчин на более отсталых островах региона и привозить их на Яву (частично и на Цейлон) для использования в качестве рабов. Это порой вызывало массовые протестные движения, которые жестоко подавлялись. Возникала система принудительных работ с посредниками-откупщиками, которыми чаще всего становились китайские купцы. Особенно все это стало характерным для Явы, где в результате нескольких войн голландцы фактически овладели огромным островом, взяв на себя в середине XVIII столетия функции его главного администратора. К концу этого столетия голландской Ост-Индской компании оказались подчинены почти все государства на островах Индонезии, кроме разве что суматранского Аче. Стоит заметить, что именно в это время пришел к концу период полновластия компании, а все ее владения перешли к Голландии как колониальному государству, что означало наступление нового этапа в процессе колонизации всего региона, все чаще именовавшегося Голландской Индией.

Несколько слов о тех государствах стран южных морей, где не было пряностей. Естественно, что ситуация здесь складывалась несколько иначе. **Бирма** интересна тем, что европейцы, начавшие ее осваивать, убедились в том, что пряности здесь не растут. Встал вопрос, как использовать захваченные уже позиции и истраченные ради этого средства. Политика португальцев стала сводиться в основном к организации посреднической торговли и к сдаче в аренду солдат-наемников, вооруженных огнестрельным оружием. Эти отряды, а точнее, их начальники, вели себя как авантюристы и при случае пытались, не брезгуя пиратством и разбоем, силой захватить власть, организовав для себя какое-нибудь королевство. Стоит специально заметить, что этому способствовали практически непрекращавшиеся войны между различными соперничавшими друг с другом государственными образованиями этой страны. Лидерами в борьбе, ведшейся с переменным успехом около двух веков, были правители

Таунгу, использовавшие португальских наемников наиболее охотно. И хотя в конечном счете из попыток ряда европейских авантюристов нагреть руки на междоусобной борьбе ничего не получилось, сам факт их стремления добиться здесь власти небезынтересен.

Существенно добавить к сказанному, что по той же причине — отсутствие пряностей и соответственно большого интереса к созданию здесь колоний — европейцы не держались за свои форпосты. У португальцев были считанные их единицы, а появившиеся в Бирме несколько позже голландцы закрыли свои во второй половине XVII в. И хотя в середине XVIII в. в Бирме появились новые фактории, английские и французские, обитатели которых торговали с местными правителями в основном опять-таки огнестрельным оружием, они вскоре тоже были закрыты. Лишь в XIX в. ситуация в этом плане решительно изменилась, а Бирма в результате англо-бирманских войн стала английской колонией.

Сиам (Таиланд) в XVI–XVIII вв. имел весьма насыщенную историю. Государство Аютия с XV в. было одним из сильнейших в Индокитае, но в следующем столетии оно в результате войн с бирманским Пегу ослабло, что сыграло свою роль в активизации здесь португальцев, которым еще в начале XVI в. было предоставлено право свободной торговли и христианской проповеди. В Сиаме с помощью европейцев было налажено изготовление огнестрельного оружия, в том числе пушек. С начала XVII в. здесь появились голландцы, открывшие свою торговую факторию и начавшие вести широкую транзитную торговлю с разными странами региона, от Индии до Китая и Японии. А в 1785 г. в Сиаме появились и французы, добившиеся — как в свое время португальцы — права свободной торговли и распространения католической веры. Наибольшим влиянием здесь пользовался орден иезуитов. Впрочем, это длилось недолго. В результате массового движения народного протеста европейцы были вынуждены покинуть Сиам в самом конце века, после чего страна надолго было закрыта для европейцев.

АНГЛИЧАНЕ И ФРАНЦУЗЫ В ИНДИИ

История Индии в XVIII в., после смерти Аурангзеба, была временем, когда держава Великих Моголов начала быстрыми темпами распадаться на части, чему способствовали как неразумная жестокая

политика свирепого падишаха, так и последовавшие вскоре после его смерти удачные набеги на северную часть страны иранского Надир-шаха и афганского Ахмад-шаха.

Аурангзеб преследовал индуистов, восстановив взимание с них подушной подати джизии. Он распространил свои преследования даже на сикхов, которые стремились сгладить противоречия между индуизмом и исламом. Неудивительно поэтому, что в Индии в годы его жизни росло недовольство, которое приняло форму открытого неповиновения падишахам династии Великих Моголов после его смерти.

Еще в 1656 г. начались восстания маратхов, которые в годы правления последнего властного падишаха превратились в почти не прекращавшуюся войну. Подавление недовольства афганцев (значительная часть Афганистана в середине XVII в. входила в состав империи) восстановило их против Моголов. В 1679 г. Аурангзеб оказался в состоянии войны с раджпутскими раджами, стремившимися сплотить Раджпутану воедино, противопоставив ее Моголам. Затем начали войну униженные им сикхи. Словом, в XVIII столетии Индия падишахов, практически уже не имевших реальной власти, сохранила за собой после неудачных войн с Ираном и Афганистаном и натиска с юга воинственных маратхов лишь крайне ослабленную северную часть бывшей великой державы, включая и те территории, которые после ухода войска Надир-шаха вновь вернулись под ее власть. Основная, центральная часть бывшей империи Моголов стала территорией конфедерации маратхов.

Родом из восточного побережья (Махараштра), маратхи в последней четверти XVII в. под руководством знаменитого Шиваджи создали крепкие воинские формирования, с помощью которых резко расширили зону своего влияния. Вставшие во главе Махараштры после Шиваджи министры-*пешвы* из числа военачальников сумели к 30-м гг. XVIII в. объединить под своей властью несколько заново возникших княжеств и ряд государственных образований, в том числе таких крупных, как Раджпутана. Возглавлявшиеся пешвами отряды маратхов терроризировали многие соседние государства, часть которых (Мальва, Гуджарат) со временем тоже вошла в состав конфедерации. На востоке и северо-востоке индийского субконтинента возникли самостоятельные государства Бенгалия и Ауд, на юге — Майсур и Карнатик. В других местах на развалинах империи возникли некоторые иные государственные образования, в том чис-

ле крупнейшее индийское княжество Хайдерабад. Все эти государства, и прежде других конфедерация маратхов, на протяжении всего XVIII в. оставались грозной силой, судьба которой решилась лишь в ходе войн с английской Ост-Индской компанией.

Справедливость требует заметить, что первыми умело воспользовались сложившейся ситуацией французы. Если прежде владения португальцев и голландцев на субконтиненте не выходили за пределы небольших анклавов и портов-форпостов, а сами они во взаимоотношениях с Индией падишахов ограничивались разрешенными торговыми операциями, то французы в новой обстановке повели себя иначе. Они, имея лишь несколько небольших колониальных владений в южной части субконтинета, резонно решили использовать их в качестве опорных пунктов. Французская Ост-Индская компания, желая увеличить свое влияние и присутствие в Индии, прибегла к созданию из наемных индийцев, обученных, вооруженных огнестрельным оружием и возглавлявшихся французскими офицерами, отрядов *сипаев*. Эти отряды сдавались в своего рода аренду тому либо иному княжеству, каждое из которых в обстановке войны всех против всех охотно соглашалось платить за хорошо обученных солдат. Плата выражалась не столько в деньгах, сколько в праве иметь политическое и любое иное влияние на государство, вступившее с французами в такого рода связь.

Отметив это, необходимо учесть, что столь оригинальная и выигрышная новация так и не принесла французской Ост-Индской компании в Индии сколько-нибудь весомых дивидендов. Дело в том, что более сильные во всех отношениях англичане, обосновавшиеся еще в конце XVII в. — после своих неудачных попыток соперничать с голландцами в странах южных морей — в районе Калькутты и заложившие основы этого в будущем огромного города, ревниво следили за успехами французов. Переняв практику создания войска из сипаев и успешно используя это войско, английская Ост-Индская компания начала вытеснять соперников из одного княжества за другим, включая южное государство Карнатик с центром в Мадрасе и огромный Хайдерабад. Достижениям англичан способствовали их успехи в европейских войнах. Так, например, по итогам Семилетней войны, которая велась и на территории Индии, Франция лишилась не только своих канадских колоний, но и подавляющей части владений в Индии.

Расширяя свое влияние на всю Бенгалию, английская Ост-Индская компания вскоре после этой войны, лишившей бенгальского на-

ваба (*низама*) поддержки в его сопротивлении англичанам, сумела заключить союз с некоторыми влиятельными представителями бенгальской правящей элиты и в вооруженном столкновении с войсками наваба одержала победу. Во главе Бенгалии вскоре оказался один из заговорщиков, но фактически государство с его огромным населением в два-три десятка миллионов человек оказалось под властью компании. С этого и началось победоносное продвижение Британии в Индии, занявшее около столетия.

Завоевание властных позиций на востоке Индостана позволило Ост-Индской компании монополизировать всю торговлю этого государства, что вызвало недовольство, которое, впрочем, было без особых усилий подавлено. Затем губернатор Р. Клайв, управлявший захваченными англичанами колониями от имени компании, поставил в зависимость от Англии государство Ауд в пригималайском районе и сумел добиться от падишахов в Дели, формально еще представлявших интересы уже ушедшей в прошлое империи, права *дивани*, т.е. официального разрешения вести финансовые дела в Бенгалии. После отставки Клайва Бенгалия стала центром всех английских колоний в Индии, а руководителем центра был в 1774 г. назначен генерал-губернатор У. Хейстингс (Гастингс). При нем компания укрепила свои позиции в Ауде и провела несколько войн с маратхами и южноиндийским Майсурским султанатом.

Правитель Майсура Хайдар Али (1761–1782), сумевший получить помощь от французов, начал энергично расширять территорию султаната за счет соседей, включая и проанглийский Карнатик. Это привело к первой англо-майсурской войне (1767–1769), не приведшей, впрочем, к победе какой-либо из сторон. Затем англичане, стремясь упрочить позиции Бомбейского президентства, втянулись в конфликт с маратхами. В 1775 г. началась первая англо-маратхская война. Мирное соглашение с маратхами после этой почти что безрезультатной войны позволило нарушить союз маратхов с Хайдаром Али. Вторая англо-майсурская война (1780–1784), завершившаяся уже в годы правления сына Хайдара Али Типу-султана (1784–1799), привела Майсур, воспользовавшийся еще раз поддержкой французов, к ряду побед, но в конечном счете военные позиции сторон оказались непоколебленными, так что по условиям мирного договора был восстановлен статус-кво.

В третьей войне с майсурами (1790–1792) Типу-султан был вынужден сражаться с объединенными войсками компании, Хайдара-

бада и маратхов, что привело его к поражению, сопровождавшемуся потерей значительной части территории и выплатой большой контрибуции. При этом сыновья Типу были отправлены к англичанам в Мадрас в качестве заложников. Упорный Типу не сдался и начал готовиться к новой войне. В 1799 году в самом начале этой — четвертой — войны он погиб в сражении, а Майсур в итоге всех этих войн стал вассальным по отношению к компании.

Возвращаясь к делам компании, очень существенно заметить, что за немногие годы управления Хейстингса (до 1785) было допущено немало вопиющих — с точки зрения респектабельных англичан — злоупотреблений. К чести английского парламента надлежит заметить, что сведения об этих злоупотреблениях, включая чрезмерный налоговый гнет, истощавший возможности местного населения, вызвали в Лондоне бурю возмущений. Парламентское расследование длилось несколько лет. И хотя оно закончилось оправданием обвиняемого, дело о злоупотреблениях в Индии не осталось без внимания широкой общественности. Оно привело к тому, что Англия как государство решила начать более активное вмешательство в дела Ост-Индской компании, до того действовавшей почти полностью автономно, на свой страх и риск, но имея от государства огромные полномочия и немалую помощь в случае нужды.

ОСВОЕНИЕ КОЛОНИЙ И РАБОТОРГОВЛЯ

Контакт европейцев с населением Африки во многом зависел от того, каким было стечение обстоятельств в том либо ином регионе. Прежде всего, если говорить о самом начале процесса, это относится к португальцам, тогда как испанские колониальные владения вне Нового Света по сравнению с португальскими были мизерными. Тем не менее закономерности следует считать общими и в принципе одинаковыми. Во взаимоотношениях с редко встречавшимися, но все же существовавшими в Африке государственными образованиями типа Конго форма контактов была одной. При переговорах с их соседями, сохранявшими привычную для них структуру племенных протогосударств, она была другой, тогда как в связях с много более отсталыми этническими общностями третьей. И здесь ни испанцы, ни португальцы обычно не ошибались. Освоение западного побережья Африки сыграло немаловажную роль в процессе как географических

открытий в целом, так и экспансионистских устремлений европейских мореплавателей и торговцев в частности.

Выше говорилось об уникальности возникшей в Латинской Америке субцивилизации. Правда, во много меньшем масштабе нечто вроде этого происходило несколькими веками раньше на побережье Восточной Африки, где вторжение арабов, частично также выходцев из Индии и Персии, привело к этнорасовому смешению. В этом смешении основное участие принимали местные негритянские женщины, что, как следствие, вело к появлению упоминавшейся уже новой этнической и языковой общности суахили. Напоминание об этом нужно для того, чтобы не создалось впечатление, что в Африке ничего похожего на латиноамериканский вариант создания новой синкретической этнорасовой и религиозно-культурной общности не было и не могло быть. Однако вариант с суахили все же не вполне близок латиноамериканскому. Во-первых, потому, что восточноафриканские суахилийские султанаты не имели сколько-нибудь тесной политической и организационной связи с метрополией, с халифатом, ибо государства традиционного Востока в принципе отличались от европейских эпохи тем, что в них отсутствовали рыночно-частнособственнические отношения, свободные от контроля власти, и тем более устремления несуществующей протобуржуазии к энергичному развитию и неограниченной экспансии. А во-вторых, из-за того, что суахилийские султанаты не только не поддерживали естественно формировавшуюся политику ослабления и ликвидации рабства как института, что было в Мезоамерике (пусть даже не сразу, а со временем), но, напротив, энергично занимались торговлей рабами-неграми, о чем упоминалось в случае с зинджами.

Справедливости ради стоит напомнить, что торговля людьми как на Востоке, так и в античном мире, а затем и в западном обществе, с глубокой древности была делом обычным и что суахилийцы не придумали в этом смысле ничего нового. Разве что негры в силу ряда сложившихся теперь обстоятельств оказались наиболее подходящим объектом для ведения такой торговли. Отношения представителей более развитых цивилизаций с неграми складывались так, что чернокожие рассматривались в случае нужды как первые и наиболее естественные кандидаты в рабы. Это было объективно обусловлено ситуацией в самой Тропической Африке с ее по большей части крайне отсталым по уровню развития населением. Но охота за неграми была вызвана к жизни и той острой потребностью в рабочей силе,

которая с начала освоения колонистами и колонизаторами в разных странах, от Нового Света до Цейлона и Явы, начинала все сильнее ощущаться.

Жестокое насилие представителей разных западноевропейских стран, начиная с португальцев, по отношению к неграм оказалось естественным результатом прежде всего этих объективных потребностей. Имеется в виду все возраставший с начала XVI столетия массовый вывоз африканцев в страдавшую от нехватки рабочих рук Америку. В процессе этой несколько веков длившейся позорной операции сами чернокожие в качестве первичного звена работорговли (более сильные и многочисленные общности силой захватывали соседей и с охотой выменивали их за огнестрельное оружие либо «огненную воду» и дешевые стеклянные поделки) сыграли активную роль. Однако не следует забывать, что побуждали негритянских вождей и даже правителей протогосударств к развернутой работорговле именно скупавшие за гроши «черный товар» европейские торговцы, наживавшие на этом немалые состояния. Как бы то ни было, но сам факт работорговли навсегда останется наиболее грязным пятном на всей деятельности ранней буржуазной Западной Европы.

Как пришли к идее работорговли европейцы, которые в те времена обычно уже не занимались торговлей людьми? Начнем с того, что они были хорошо знакомы с торговлей людьми хотя бы потому, что многие из них сами временами попадали в рабство, прежде всего в руки торговцев людьми из числа подданных Османской империи, тех самых упоминавшихся выше североафриканских корсаров, т.е. пиратов, которые орудовали в Средиземном море. И нередко порабощенных таким образов пленников приходилось выкупать. Не было, видимо, для европейцев тайной и то, что торговлей негров-рабов в большом масштабе занимались арабы в Восточной Африке. Во всяком случае вполне вероятно, что португальцы, начавшие еще с начала XV в. осваивать западноафриканское побережье именно с территорий его северной части, занятой арабами (район Магриба, Марокко и Мавритания), могли кое-что знать не только об Африке южнее Сахары, но и о практике использования даровой рабочей силы вывезенных из нее негров в частности. Во всяком случае первая партия негров-рабов была привезена в Лиссабон, о чем уже упоминалось, еще в то время. А по мере освоения западного побережья континента и особенно Гвинейского залива португальцы могли самолично удостовериться в том, что негритянская Африка — это кладезь

различного рода очень ценных товаров, начиная с золота, слоновой кости, даже пряностей (перца, пусть даже не очень высокого качества) и кончая самими африканцами.

Вскоре после начала освоения Америки испанскими и португальскими, а позже и английскими колонистами и в связи с установлением колониального режима в Южной Америке, особенно в малонаселенной Бразилии, встал вопрос об энергичном притоке рабочей силы. Задача была сродни той, которую арабы за много веков до этого решали с помощью вывоза рабов из Восточной Африки. Неудивительно, что решение ее было аналогичным. Активная торговля рабами-неграми с их покупателями в Новом Свете началась уже в 1517 г., всего через четверть века после открытия Колумбом Нового Света и через 17 лет после появления португальского мореплавателя П. Кабрала в малонаселенной Бразилии. Вымирание на островах Вест-Индии местного населения, а также необходимость заселить Бразилию и осваивать ее необъятные земли с помощью рабочих рук африканцев резко ускорили процесс работорговли. Торговля именно неграми, помимо прочего, была очень удобным для колонизаторов выходом из сложившегося положения еще и потому, что обращать в рабство самих индейцев власти Португалии и Испании, о чем уже упоминалось, вскоре после начала колонизации Америки строго запретили.

Количество негров-рабов, преимущественно, если даже не исключительно молодых мужчин и женщин, которые были за века работорговли до ее запрета на рубеже XVIII–XIX столетий (в разных странах в различное время), исчисляется, похоже, миллионами. Цифры на этот счет приводятся самые разнообразные, причем произвольность подсчетов вполне очевидна. Но если не поддаваться эмоциям и не стремиться заклеймить работорговцев, то в целом количество ввезенных в Америку рабов окажется равным нескольким миллионам. Сколько именно? Вот один из многочисленных вариантов подсчета. Существуют данные, согласно которым португальцы (а они были тогда не только первыми, но и фактически сохраняли монополию, так как все основные фактории, т.е. опорные пункты, принадлежали именно им) за XVI в. вывезли в Америку около 900 тысяч африканцев. В следующем XVII столетии все те державы, которые сумели укрепиться на африканском побережье и заняться работорговлей, ввезли в Америку еще 2700 тысяч. Итого около 3,6 миллиона человек за два века. Учтем, что в эти же века существовала специально оговоренная испанским правительством достаточно строгая квота на ввоз

рабов в его американские владения, *асьенто*. Право это, по крайней мере в XVII столетии, уже не принадлежало одним португальцам, но распределялось между выкупавшими части лицензии представителями разных европейских стран. Не очень ясно, сколько человек в год можно было ввозить. Но, во-первых, если разделить 2700 тысяч на сто лет, окажется, что сравнительно немного — 27 тысяч в год. А во-вторых, стоит учесть, что с начала XVIII в., когда монополия на асьенто по условиям Утрехтского мира 1713 года на 30 лет была передана Англии, ввоз рабов еще уменьшился. Англичанам квота была уменьшена до 4,8 тысячи в год. Можно принять во внимание, что еще несколько тысяч в год они ввозили для нужд не слишком быстрыми темпами развивавшегося плантационного хозяйства в южных колониях Северной Америки, а также в Бразилию и Вест-Индию. Ориентировочно можно считать, что количество рабов, ввозимых в год в XVIII в. равнялось, скажем, 10–15 тысячам (около 1–1,5 миллионов за столетие).

Даже если прибавить определенный процент на контрабанду, общее количество ввезенных в Новый Свет африканских рабов следует исчислять все же не более, чем несколькими миллионами человек, примерно пять–семь. Что касается умерших в пути, то следует заметить, что взятые на корабль негры уже являли собой немалую ценность, так что позаботиться о том, чтобы они доехали живыми, было в интересах работорговцев. Поэтому едва ли стоит преувеличивать число тех, кто погибал в пути. Принято считать, что это не более одной шестой части тех несчастных, кто был посажен на корабль в Африке[1]. Но дело отнюдь не только в количестве негров, ввезенных в Америку. Важен сам факт работорговли. Или, иначе, имеется в виду, что контакт, установленный европейскими торговцами-посредниками и жившими в Америке колониальными властями Испании и Португалии и североамериканскими колонистами с Тропической Африкой, сводился к тому, что беззащитных людей, пользуясь их отсталостью и беспомощностью, покупали и продавали.

Справедливости ради стоит напомнить о двух важных обстоятельствах. Во-первых, о том, что, насколько можно судить, коли-

[1] Есть и иные подсчеты. По данным, приведенным в 11-м томе «Советской исторической энциклопедии», общее число ввезенных в Америку африканских рабов было свыше 10 миллионов и еще примерно столько же, по мнению автора статьи, «погибло в пути» (М., 1968. С. 817).

чество ввозимых рабов определялось реальными потребностями в рабочих руках и не должно было превышать заранее рассчитанной квоты (этим, в частности, помимо всего прочего, объясняется и борьба с контрабандой). И еще. Вполне может быть, что значительная часть ввезенных рабов оказывалась не в частных руках плантаторов, а в распоряжении какого-либо из пиренейских государств, т.е. администраторов, которые определяли место их работы. А во-вторых, не стоит забывать, что как формально-правовой, так и реально-бытовой статус африканских рабов в зоне испано-португальской Латинской Америки в силу сложившихся там обстоятельств достаточно быстро смягчался. Причиной этого был упоминавшийся уже активный и объективно стимулированный сложившейся ситуацией процесс метисации, т.е. расового смешения населения, обретавшего вследствие этого массового процесса практически одинаковое или почти одинаковое для всех расовых групп (метисов, мулатов, креолов и сохранивших расовый облик негров, индейцев и европейских колонистов) положение в обществе.

Это последнее обстоятельство очень важно принять во внимание, ибо упомянутый объективный процесс смягчал статус многих из числа ввезенных в южную и центральную часть континента бесправных негров-рабов. Более того, он создавал основу для обретения их потомками, метисами и мулатами, определенных форм равноправия, не говоря уже о много более высоком уровне жизни (по сравнению с Тропической Африкой) в рамках развитой цивилизации. И хотя о степени развития складывавшейся в Латинской Америке цивилизации речь стоит вести особо, ибо она долго оставалась на уровне средневековья и отличалась преобладанием авторитарных и диктаторских режимов, существенно иметь в виду, что возглавляли такие режимы, как правило, чаще всего те же метисы и мулаты.

Трудно сказать, следует ли это считать некоторой компенсацией за те варварские методы работорговли, которые лежали в основе превращения Латинской Америки в континент, населенный в основном метисами и мулатами. Не очень ясным и во всяком случае не имеющим однозначного ответа остается и вопрос о том, лучше ли жилось в Африке тем, кого не вывезли в Америку в качестве рабов. Быть может, тем, кто остался в Африке и продолжал жить в условиях первобытного или полупервобытного существования, было не легче. Не исключено, что даже в рамках бесправных диктаторских латиноамериканских режимов более позднего времени жизнь потомков

привезенных в Латинскую Америку негров-рабов нередко могла бы считаться более предпочтительной. Но в любом случае это не меняет той оценки, которая выше уже была дана проблеме работорговли. Это, к слову, в еще большей мере касается проблемы тех африканцев, которые были вывезены в северную часть континента и проданы там в частные руки плантаторов.

Все дело в том, что в североамериканских колониях европейцев с их ярко выраженным либерально-демократическим путем эволюции негры-рабы оказались не просто расово чуждым вкраплением, но слоем, продолжавшим оставаться на низшей ступени общества и, более того, сохранявшим статус бесправных невольников. Рабов в южных колониях, позже штатах, использовали в качестве сравнительно дешевой приобретавшейся у работорговцев рабочей силы. Чернокожие в этом южном регионе Северной Америки считались не только не равными белым, но едва ли вообще людьми. И такое положение сохранялось в либерально-демократической Америке вплоть до гражданской войны 1861–1865 гг.

Глава семнадцатая. ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАТОРОВ В ИХ КОЛОНИЯХ

Созданные европейцами колонии были тесно связаны со стремлением предбуржуазии Запада (имеется в виду Западная Европа как некая цельность, но никак не пиренейские государства) расширить свои территориальные владения и наладить активную торговлю, в первую очередь желанными и даже весьма необходимыми пряностями, с далекой Индией. Однако этот главный импульс отнюдь не исключал того, что страны с развитым мореходством и кораблестроением были уже готовы установить тесные контакты с далекими странами и наладить связи, опять-таки прежде всего торговые, с большей частью неизведанного пока европейцами мира, если даже не со всем им. Реально первые попытки к установлению таких связей стали осуществляться португальцами и испанцами, жившими на западной окраине Европы, как уже говорилось, с XV в. Они были первыми из тех, кто начал основывать на побережье Африки и прилегающих островах свои базы и торговые фактории. Особое внимание португальцы уделили освоению побережья Гвинейского залива, где была отстроена наиболее важная их фактория, Эльмина. Стоит обратить внимание

и на то, что именно на побережье Гвинейского залива европейцы впервые ощутили себя уже добившимися какой-то существенной цели. Здесь первые и небольшие, не уходившие вглубь континента, но все же ощутимые территориальные захваты и крепости-анклавы оказались центрами активной и выгодной торговли. Впоследствии по основным видам того, что там приобреталось, все побережье было поделено португальцами на четыре зоны: Перечный Берег, Берег Слоновой Кости, Золотой Берег и Невольничий Берег.

Позже, уже в XVI в., португальцы появились в устье Конго, где они установили тесный контакт с незадолго до того возникшим одним из немногих африканских протогосударств, о котором уже упоминалось. Стремясь наладить контакт, португальцы сумели не только обратить в христианство правителя Конго, получившего от них имя Аффонсу I, но и послали учиться в Лиссабон его сына Энрике, ставшего затем первым христианским епископом из числа самих африканцев. Столица государства Конго тоже явно была отстроена — прежде всего имеются в виду церкви — с помощью все тех же португальцев, после чего она обрела новое имя, Сан-Сальвадор. Исходя из этого следует предположить, что существование столь необычной для Тропической Африки государственной структуры в Конго произвело на португальцев, не встречавших здесь до того ничего похожего, немалое впечатление. Они увидели в этом нечто важное для себя и потому решили активно содействовать не только христианизации, но и некоторому развитию негритянского государства. Впрочем, из этой затеи мало что получилось.

В Конго с появлением португальцев возник конфликт между европейцами и правителем страны, который даже отрекся от христианства. Затем Конго распалось на части, причем в одной из них, в районе устья реки, португальцы еще в конце XVI столетия создали обширную колонию Ангола. И хотя с Анголой дело обстояло тоже не очень просто, ибо здесь на рубеже XVI–XVII вв. возникло массовое протестное движение против колонизаторов, в конечном счете эта колония оказалась для португальцев не столько очень надежным, сколько крайне выгодным владением, которое, в частности, поставляло им рабов. Помимо этого, после того, как Васко да Гама сумел обогнуть Африку с юга и добраться до Индии, португальцы основали на юго-восточном побережье Африки другую свою достаточно крупную колонию, Мозамбик, которая вскоре стала основным поставщиком рабов-негров. Эта колония была расположена

к востоку от загадочной Мономотапы, лежавшей между Анголой и Мозамбиком и обросшей легендами, которые привлекли португальцев, пытавшихся до нее добраться. Но дорога оказалась слишком сложной и опасной, и протогосударство, расположенное в столь труднодоступном центре Южной Африки, осталось недостижимым для европейцев.

Зато под власть Португалии попали многие восточноафриканские города, начиная с Могадишо. Позже все африканские владения португальцев управлялись официальными представителями страны, в частности вице-королем в Гоа. Более того, некоторые из них надолго сохранились. И если на берегу Гвинейского залива и в районах расселения суахили господство португальцев оказалось сравнительно недолгим, то в Анголе и Мозамбике колонии оказались прочными и просуществовали до эпохи деколонизации. Понятно, что и основным языком в них стал португальский.

ПОРТУГАЛЬЦЫ В КОЛОНИЯХ

Все колониальные захваты, включая форпосты в Индии, Африке и на островах южных морей, сделали Португалию на некоторое время богатейшей европейской державой. Португальцы наживались не только на торговле пряностями с Европой, но и на транзитной морской торговле с перепродажей разных товаров нуждавшимся в них различным странам Азии, в чем опытные португальские мореплаватели и торговцы явно опережали местных. Для централизованного управлении и координации всей этой деятельности правительство страны создало генерал-губернаторство во главе с вице-королем с центром в Гоа и пять губернаторств — в Мозамбике, Ормузе, Маскате, на Цейлоне и в Малакке. Чуть позже колониальная администрация появилась также в Макао и на острове Тимор, рядом с северным побережьем Австралии. Стоит сразу же заметить, что, хотя португальцы бесчинствовали на морях, а в некоторых странах Юго-Восточной Азии промышляли сдачей в наем вооруженных огнестрельным оружием солдат, в общем и целом колониализм в его португальском — раннем — варианте не принес странам традиционного Востока сколько-нибудь существенных потерь.

Более того, сами португальцы этого не желали. Их вполне устаивала мирная и обоюдно выгодная торговля. При этом стоит обратить

внимание на то, что речь не идет об объективной рыночной стоимости товаров. Мирового рынка как такового в те времена еще не было. А все товары ценились в зависимости от того, насколько они были нужны для покупателей. Продававшиеся за бутылку «огненной воды» или тем более за ружье с боеприпасами негры из соседней деревни, взятые в плен в результате внезапного налета, считались вполне подходящим для обеих сторон эквивалентом. Примерно такую же политику проводили на раннем этапе своего появления на островах пряностей и вытеснившие со временем португальцев голландцы. Лишь к концу периода, о котором идет речь, голландцы уже начали укреплять свои территориально-административные и политические позиции на важнейших из этих островов, прежде всего на тех, что сегодня входят в состав Индонезии, надолго оставшейся главной колонией Голландии. Но к голландцам мы еще вернемся чуть позже. Пока возвратимся к португальцам.

Ведь они, не стоит забывать, были первой волной европейцев в Азии. Именно этот небольшой народ, обретший уже немалый опыт по мере освоения западноафриканского побережья и Гвинейского залива, был много лучше кого-либо еще из европейцев подготовлен к созданию колониальных анклавов и укрепленных форпостов в дальних странах. Наживаясь в основном на торговле, пусть даже порой совмещавшейся с пиратством или со сдачей солдат в наемники, — что не всегда, стоит заметить, обходилось для претендентов на власть без политических конфликтов с иными европейскими авантюристами, — португальцы обычно, стоит повторить, не стремились к большему. Контакт их с местным населением слабых и небольших стран и тем более с сильными государствами типа Китая или Японии не выходил за пределы захвата каких-либо анклавов, порой даже при соблюдении своего рода дипломатической формы. Благодаря соблюдению формы португальцы владели Гоа в Индии (здесь, видимо, было вынужденное признание захвата анклава де-факто) и тем более Макао в Китае (территория была уступлена в 1551 г. при условии сохранения над ней суверенных прав великой империи). Что касается Японии, то там проблему решали практически на местном уровне всесильные князья-даймё южной части страны, заинтересованные в регулярных контактах с европейцами, от которых они получали, в частности, огнестрельное оружие.

Однако одной торговлей европейцы, начиная с португальцев, обойтись все же не могли. Важным знаменем в их руках было христианство,

столь блистательно оправдавшее себя как безотказное средство влияния на умы туземцев в испанском Новом Свете. Религия, что вполне естественно при столкновении Запада с разными странами Востока, с первых же шагов энергично использовалась для укрепления своего влияния в чужих странах. Трудно сказать, насколько весомыми были ее успехи в тех местах, где местное население находилось на уровне первобытности и едва ли могло достаточно быстро воспринять поучения миссионеров. Но пример Конго свидетельствует о том, что и в таком случае усилия тратились не зря. Там, где общий уровень культуры был более высоким, где существовали сколько-нибудь развитые политические структуры, пусть в виде протогосударств, эти усилия миссионеров приносили достаточно заметные, даже богатые плоды.

Португальские католики, воспитанные в духе строгого христианства с его инквизицией и аутодафе во имя чистоты религии, просто не могли себе представить, что какие-либо иные религиозные представления могут соперничать с христианством. Они считали само собой разумеющимися те успехи, которых порой достигали. Разумеется, так считали многочисленные отряды добровольных пастырей, направлявшихся в качестве миссионеров во все страны, куда проникали европейцы, и активно внедрявшие в сознание местного населения основы католицизма. Чем-то этот процесс, требовавший умения, терпения и надежды, напоминал ту самую аккультурацию, которой в свое время подверглись варварские народы, заселившие Европу в раннем средневековье. И история убедительно свидетельствует о том, что во многих случаях расчет миссионеров и стоявших за ними колонизаторов на успешную христианизацию местного населения себя оправдывал, внося весомый вклад в политику вестернизации Востока. История контактов португальцев с населением колоний на раннем этапе процесса колонизации заставляет обратить внимание как на некоторые общие принципы, так и на региональные особенности в разных странах.

Первым и самым главным следует считать то крайне важное в этой связи обстоятельство, что процесс аккультурации на основе христианства мог быть реализован весьма успешно отнюдь не везде. Европейцы по мере своего продвижения на восток убеждались в том, что приобретенный ими в Африке опыт не был универсальным. При столкновении с населением регионов, не знакомых или почти не знакомых с урбанистической цивилизацией (Африка южнее Сахары, Филиппины), успех достигался далеко не сразу, а то и с колос-

сальным трудом, требовавшим не только большого терпения, но и длительных постоянных целенаправленных усилий. При контактах с территориями, уже знакомыми с очагами урбанистической цивилизации и государственности, будь то Новый Свет с Мезоамерикой, Конго или острова пряностей в районе южных морей, начиная с Цейлона, старания миссионеров гораздо быстрее приносили ожидаемый результат. Этот важный процесс в таких обстоятельствах вел на практике к тому, что португальцы не жалели ни времени, ни усилий, ни средств для того, чтобы сделать подходящие для этого государственные образования своими союзниками. Этот процесс должен был прежде всего выражаться в постепенном уходе в прошлое прежних религиозно-культурных традиций и в появлении вместо них новых, иногда и обновленных за этот счет этноконфессиональных общностей, как то было в Новом Свете, причем не только в испанской Мезоамерике, но и в португальской Бразилии.

С наиболее полной силой после укоренения португальцев в береговой полосе Африки это проявилось в Анголе, преемнике распавшегося Конго, и в Мозамбике, созданном, видимо, частично на территории канувшей в Лету Мономотапы. Но не исключено, что без влияния португальцев не обошлось и возникновение на рубеже XVII–XVIII вв. конфедерации Ашанти с ее правителем, большой ролью матери правителя и совета знати, в районе, названном португальскими колонизаторами Золотым Берегом. Видимо, можно найти и некоторые другие аналогичные примеры.

Разумеется, коль скоро идет речь о влиянии на первобытные либо полупервобытные общности, даже на протогосударственные образования африканцев со стороны развитых цивилизаций, имеются в виду не только идеологические конструкции как таковые. Принимаются во внимание все те конкретные знания, весь тот многовековой западноевропейский опыт, который появлялся и мог быть реализован вместе с представителями много более развитой цивилизации. Извне приносилось умение строить, управлять, торговать и реализовывать многие другие полезные для развития местного населения новации, в том числе и вполне материальные, в частности высококачественные орудия труда, материалы и механизмы. Так было, скорей всего, в столице Конго, в городах Цейлона, быть может, и в других центрах достаточно развитой местной культуры.

Но так было далеко не везде. Казалось бы, на юге Малайи и на островах Индонезии, которые были подлинным раем для тех, кто

жаждал пряностей, могла возникнуть весьма благоприятная обстановка. Здесь довольно давно возникли центры урбанистической цивилизации и существовали, особенно на Яве, города. Именно в этих местах произрастали пряности, так что португальцы должны были иметь в виду, что оседать им придется надолго. Да они и делали все для этого. Строились хорошо укрепленные форпосты, увеличивалось количество переселенцев, включая и миссионеров, велась все более интенсивная торговля, активно развивались связи с местными правителями. Весь морской торговый путь от Малакки до Молуккских островов, порой при поддержке военного флота из Гоа, на протяжении большей части XVI столетия контролировался ими. Однако укрепиться в этом районе с помощью его христианизации они опоздали. Ислам пусть не намного, но успел опередить их.

Контакт с государствами, где господствовал ислам, нигде и никогда, быть может, за редчайшими исключениями вроде тех Казанского и Астраханского царств, которые были присоединены к России Иваном Грозным и тем самым оказались включенными в большое христианское государство, не давал христианам никакого преимущества. Даже если немногие из мусульман в погоне за привилегиями соглашались сменить веру, это было действительно редким исключением. Остальные мусульмане оставались таковыми не только в иноверческом окружении, но даже и при условии необходимой долгой борьбы за свое выживание. Они обычно стояли за свою веру до конца, противостоя неверным порой весьма агрессивными способами, как то многими веками было и сохраняется поныне, скажем, на юге Филиппин. Это важное обстоятельство португальцам всегда приходилось учитывать. Оно заставляло их ограничиваться чисто торговыми связями, особенно в тех случаях, когда торговля была крайне важной для искавших пряности европейцев.

Стоит в этой связи обратить внимание на то, что зона господства мусульманской религии (район Персидского залива и Индия Великих Моголов) никогда не была благоприятным местом для насаждения христианских идей. За исключением некоторой части не слишком многочисленного населения анклавов миссионерская деятельность и христианская аккультурация в этой зоне успехов католицизму не принесли. Успеха португальцы смогли добиться лишь на одном из Молуккских островов, Амбоне, где они сумели опередить мусульманских проповедников. Большая часть населения этого острова была христианизована католическими миссионерами, что в

немалой мере способствовало формированию в Амбоне фактически новой этноконфессиональной общности.

Если попытаться оценить ситуацию в других обстоятельствах, то следует заметить, что в каждом конкретном случае она зависела от того, с какими именно религиозно-культурными традициями сталкивались европейцы, в данном случае португальцы. Столкновение с конфуцианским Дальним Востоком не приводило к желаемым результатам, особенно в Китае, где отношение к чужеземным религиям, как и к религиям вообще, было весьма сдержанным. Примерно так обстояло дело и с торговлей с этой огромной империей. Отношения с Японией, весьма заинтересованной в торговых связях с европейцами, складывались несколько иначе. Здесь уже в XVI в. католические миссионеры добились немалых успехов, хотя позже новые сёгуны выступили против сильно расширившегося влияния христиан в стране.

В заключение раздела о раннем португальском этапе контактов Запада с далекими землями и народами Востока существенно обратить внимание на то, что и эта страна, и тесно связанная с ней Испания были не в состоянии длительное время выдержать то напряжение, которое свалилось на них после Великих географических открытий. Будучи государствами, долгое время ведшими войну с мусульманским населением и вследствие этого хорошо оснащенными в военном отношении, но не привыкшими к умелой экономической хозяйственности в городах с их слабо развитой и ограниченной в правах предбуржуазией, они оказались неподготовленными к интенсивной торговле с огромными оборотами. Экономические и иные проблемы, связанные с освоением огромных и далеких новых территорий, требовали слишком много усилий. А мобилизация весьма скудных потенциальных возможностей государств, у которых из-за отсутствия наиболее мощного — буржуазного — фактора ускорения эволюции развитие шло замедленными темпами, не шла ни в какое сравнение с тем, что могли предложить более развитые страны, прежде всего Голландия и Англия.

Существенно добавить к сказанному, что революция цен, сыгравшая в XVI столетии роковую роль в истории пиренейских государств и надолго определившая их отставание в последующие века, пошла на пользу именно тем западноевропейским странам, которые развивались наиболее энергично. Польза эта проявлялась в том, что передовые страны, заместив своими производственными возможностями все заметнее отставшие потенции пиренейской предбуржуазии,

активно развивали торговлю. Они усилили внимание к кораблестроению и все силы бросили на то, чтобы в дальних странах найти сбыт для все увеличивавшегося производства своих товаров. Правдами и неправдами (имеется в виду прежде всего контрабанда) они наводняли и Новый Свет, и дальние страны южных морей своими товарами, втридорога покупавшимися у них разбогатевшими испанцами (в меньшей степени португальцами), вынужденными именно таким образом приобретать все необходимое для их колоний.

Стоит принять во внимание и еще одно важное обстоятельство. Испанцы и португальцы — в немалой мере именно из-за слабости своей предбуржуазии — вынуждены были управлять своими огромными разбросанными чуть ли не по всей планете колониями не только централизованно, но и на основе столь обычных для такого типа стран феодально-бюрократической администрации. На практике это означало, что все проблемы эксплуатации приобретенных территорий решались с благословения высокопоставленных правителей и их представителей в колониях, в основном с помощью системы указов и прочих решений, доходивших до назначения на протяжении многих недель, а то и месяцев. Конечно, предоставлялось определенное место и для инициативы амбициозных конкистадоров, отважных мореплавателей, купцов и тем более миссионеров. Но эта инициатива — быть может, за исключением разве что деятельности миссионеров, да и то не полностью, — должна была вписываться и реально действительно вписывалась в правительственные намерения и планы.

Важно также заметить в связи с этим, что формально вся торговля с колониями считалась и в Испании, и в Португалии королевской монополией и на этом весомом основании строго контролировалась чиновниками, в первую очередь администраторами, начиная с вице-королей, на местах. Все вывозившиеся из колоний товары, будь то американское золото и серебро либо восточные пряности (корица, имбирь, перец, мускатный орех, гвоздика, шафран и др.), а также шелка и прочие изысканные китайские изделия, например из фарфора или лака, принадлежали казне. Для не имевших специальных лицензий иностранцев торговля с колониями запрещалась. Ситуация — если принять во внимание те процессы, в цвет которых был окрашен весь период трансформации Европы периода перехода ее к Новому времени, — оказывалась слишком абсурдной для того, чтобы долго продолжаться. Она и не продолжалась долго, особенно принимая во внимание то, что колонизация обходилась колонизаторам,

как о том шла речь, достаточно дорого. За все приходилось так или иначе платить, всюду были немалые транспортные и иные издержки, не говоря уже о последствиях упомянутой революции цен, особенно больно ударившей по Испании и связанной с ней Португалии. Все это объясняет, почему ослабление позиций пиренейских колониальных империй стало заметным уже в XVI столетии и привело к крушению испано-португальского могущества на Востоке (но не в Латинской Америке!) в XVII в.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОЛЛАНДЦЕВ

На смену португальцам на Востоке шли заинтересованные в колониальном освоении мира наиболее развитые в буржуазном отношении страны, Англия и Голландия. Даже католическая Франция со всеми ее религиозными проблемами и ожесточенной внутренней борьбой интересов разных слоев общества оказалась — благодаря реформам Ришелье и других ее выдающихся министров — в более выгодном положении по сравнению с Португалией. Но начнем с территориальных захватов голландцев. Именно в ходе борьбы за колонии складывались те формы новых контактов с неевропейским миром, которые стали со временем характерными для второй волны столкновений Запада и Востока — той, что пришла на смену первой, испано-португальской, и отличалась рядом важных особенностей, присущих политике более развитых буржуазных стран, начиная с Голландии.

Стоит в этой связи вспомнить, что именно Голландия с XVII в., если даже не раньше, стала, пусть ненадолго, царицей морей с очень развитым кораблестроением и самым большим в мире флотом. Этот огромный флот, в отличие от испано-португальского, не был собственностью казны. Напротив, он, как и весь торговый капитал и вся колониальная политика голландцев, был закономерным проявлением активности предбуржуазии. Это, разумеется, не означает, что власть, представленная в это время штатгальтером и его правительством, вовсе не интересовалась всем тем, что было связано с внешнеторговой деятельностью голландского капитала. Она интересовалась, даже очень. Но интерес этот проявлялся не в попытке создать и строго соблюдать казенную монополию, а в стремлении всячески помогать своей формирующейся буржуазии в реализации ее рыночно-частнособственнических интересов.

Голландией были основаны две могущественные компании, Ост-Индская (1602) и Вест-Индская (1621), успешно укреплявшие ее власть на разных континентах. При этом очень важно обратить специальное внимание на то, что в раннебуржуазной полуреспублике, какой была Голландия с начала XVII века, методы колониальной политики стали заметно отличаться от испано-португальских. Собственно, символом этих отличий и оказались обе только что упомянутые компании, которые были созданы правительством, но не считались принадлежностью государства. Государство брало на себя лишь опеку и политическую поддержку деятельности компаний и предоставляло администрации компаний очень широкие права и полномочия, вплоть до права вести переговоры от имени правительства и объявлять войны, не говоря уже о праве захватывать земли, строить фактории и даже чеканить монету.

Это был принципиальный поворот в отношениях Запада со странами Востока, а суть этого нового этапа во взаимоотношениях с неевропейскими цивилизациями, государствами и народами сводилась к тому, что **голландцы первыми поставили интересы капитала выше интересов казны.** Капитал в данном случае — коллектив частных собственников, взявших на себя практически все связанное с освоением новых территорий и с имеющими к этому отношение финансовыми проблемами. Иными словами, в лице голландской волны, принципиально нового этапа наступления на колонии вышла на передний план та буржуазия, отсутствие и, более того, сознательный курс на задержку развития которой сыграли роковую роль в издержках, связанных с революцией цен, и в крушении могущества Испании. Голландия начала проявлять внешнеполитическую и внешнеторговую активность, связанную с территориальными захватами, задолго до того, как эта активность была оформлена в виде могущественных и богатых компаний, оказавшихся всесильными в ряде важных регионов колониального мира. Об этой деятельности, в том числе в Северной Америке, уже было кое-что сказано. Теперь следует обратить особое внимание на то, как именно голландцы организовывали контакт с местным населением.

Стоит напомнить, что процесс вытеснения голландцами португальцев из большей части их колониальных владений занял почти весь XVII в. Этот век или в любом случае очень большую его часть есть все основания считать веком преобладания Голландии в области колониальных захватов и создания ею на этой основе своего рода ко-

лониальной империи. Успехи голландцев в создании в Новом Свете колонии с центром в Новом Амстердаме (Нью-Йорк), а также освоение брошенных испанцами некоторых островов Вест-Индии были, безусловно, немалым достижением. Однако и на севере, и в районе экваториальных островов эти успехи оказались по большей части кратковременными, что вскоре привело к прекращению деятельности голландской Вест-Индской компании. В любом случае отношения на севере Америки были связаны с налаживанием контактов с местным индейским населением, хотя стоит заметить, что многие территории здесь до прихода голландцев практически пустовали и никому не принадлежали. Иначе обстояло дело с обезлюдевшими островами экваториальной зоны Вест-Индии, заселявшимися рабами-неграми, торговля которыми обходилась не слишком дешево.

Сердцевиной всех достижений голландцев в деле колонизации чужих территорий было, однако, изгнание португальцев (подчас при содействии ненавидевшего их местного населения) из почти всех их владений в странах южных морей. Все началось с того, что христианизованный португальцами Амбон стал еще на рубеже XVI–XVII столетий опорным пунктом голландцев в их территориальной экспансии. Здесь взаимоотношения вначале, видимо, были построены на миролюбии и доверии. Однако вскоре, насколько можно судить, ситуация изменилась, что было вызвано желанием голландцев заставить местных жителей сократить производство некоторых видов пряностей, дабы избежать перепроизводства, контрабанды (за которой стояли соперники голландцев англичане) и падения цен. Недовольство местного населения вызвало принудительные действия, сопровождавшиеся насилиями (сожжение поселков, разорение плантаций).

С другими островами Молуккского архипелага, где уже существовали мусульманские султанаты, дело обстояло еще более скверно. Здесь, как и в остальных исламских странах, которые преобладали в регионе, на передний план нередко выходило насилие. Отношения в районе Молуккского архипелага, этого главного места выращивания пряностей, выяснялись с помощью нескольких войн. Так же обстояло дело на Суматре и в Малайе. Джакарта на Яве в 1619 г. была фактически уничтожена, а на ее месте выросла Батавия, будущая столица Голландской Индии (Индонезии). С применением силы была захвачена и Малакка. Стоит особо отметить, что в период португальского владычества работорговля и насилие не выходили, как правило, за

пределы прибрежных торговых факторий. Голландцы начали проникать вглубь, о чем и свидетельствуют войны и территориальные захваты, сопровождавшиеся установлением более прочной системы колониальной администрации. Это, однако, не означало введения принципа насильственной безвозмездной экспроприации. На таких условиях никто не стал бы работать и вся проблема торговли пряностями оказалась бы проблематичной. Иными словами, за пряности колонизаторы платили. Пусть не слишком много, но все же пряности стоили денег.

Важно обратить внимание на то, что голландцы в этом регионе показали себя с очень неблаговидной стороны. Жестокое обращение с туземным населением, попытки поработить жителей соседних островов и использовать их на плантациях в качестве рабов, а также стремление удержать монополию на торговлю пряностями вели к росту напряженности во взаимоотношениях колонизаторов с местным населением. К этому необходимо добавить рост соперничества с англичанами и напряженность во взаимоотношениях с Португалией. Лишь в 1648 г. при подписании Вестфальского мирного договора Португалия оказалась вынужденной признать захваты голландцев и по сути отказаться от претензий на весь регион стран южных морей, бывший наиболее ценной жемчужиной в короне ее правителей. Впрочем, захваты португальцами колониальных владений вне этого региона продолжались и позже. На Цейлоне, откуда голландцы сумели вытеснить португальцев лишь в начале второй половины XVII века, они стали полными хозяевами положения только с этого момента, после чего голландцы на протяжении почти столетия поставляли в Европу корицу, торговлю которой монополизировала их Ост-Индская компания.

Важное место в колониальной торговле голландцев занимала Индия, откуда португальцы примерно к середине XVII в. — как и из Цейлона — были ими вытеснены (Португалия сохранила за собой лишь Гоа, Диу и Даман). Здесь, в условиях еще существовавшего сильного государства Великих Моголов, голландская Ост-Индская компания вела достаточно осторожную политику, в центре которой было создание только торговых факторий. Торговля стала основой взаимоотношений с этой огромной страной, охотно продававшей европейцам свои товары, будь то рис или масло, текстиль или высоко ценившийся в Европе натуральный краситель индиго. Как считают специалисты, по меньшей мере часть закупавшихся в Индии товаров

голландцы, как до них и португальцы, предназначали для посреднической торговли с другими восточными странами.

В тех анклавах Азии, где не было пряностей, отношения складывались несколько иначе, хотя и здесь ведущим началом были именно торговые связи. Так, Япония была очень заинтересована в поддержании постоянных контактов с Голландией потому, что оттуда шли многие ценные для нее товары, прежде всего, хотя и не только, огнестрельное оружие. Китай, почти совсем не заинтересованный в подобных связях, просто терпимо отнесся к тому, что вместо португальцев в Макао появились голландцы, которые на некоторое время овладели и Тайванем. Что касается Африки, то здесь голландцы захватили небольшие колониальные анклавы португальцев на западном и юго-западном побережье континента, включая Сьерра-Леоне и Эльмину, но самое главное — территории на крайнем юге, в районе мыса Доброй Надежды. В этом районе Африки было немало пустующих земель либо территорий, где обитали крайне отсталые этнические общности бушменов и готтентотов, оттеснявшиеся голландцами в непривычные для них места обитания и вследствие этого вымиравшие. Неудивительно, что в эту часть Африки с ее наиболее благоприятным климатом переселилось немало колонистов из Голландии. Возникла Капская колония, как новое местожительство многочисленных переселенцев стало именоваться. Эта колония оказалась в Африке южнее Сахары первым и самым значительным центром расселения большого количества голландцев, которых позже начали именовать *бурами*.

Таким образом, если не считать перехода основной доли усилий и средств, тратившихся на освоение колоний, с казны на частный капитал, контакты голландцев с населением колоний, прежде принадлежавших, за редким исключением вроде североамериканских Новых Нидерландов, Португалии, в принципе не слишком отличались от тех взаимоотношений, которые были установлены португальцами. Это была та же торговля, причем нередко такая, которая стоила довольно дорого. Освоение колоний не исключало насилие, как в форме войн, так и в виде принуждения по отношению к работникам на плантациях, где выращивались пряности. Немалая часть этих работников были рабами. Правда, голландцы осваивали колонии не только в форме торговых факторий. Там, где это позволяли обстоятельства, они создавали сильную административную власть, как то было на Молуккском архипелаге, или, как в Капской колонии, за-

хватывали большие колониальные анклавы, заселявшиеся немалым количеством перемещавшихся туда европейцев.

Капская колония являла собой в этом смысле нечто новое и во многом напоминала североамериканские Новые Нидерланды. Но, учитывая методы колонизации, практиковавшиеся голландцами, можно все же в итоге констатировать, что главным для новой голландской волны было прежнее стремление к выгодной торговле пряностями. Ради выгоды, которую приносила эта торговля, можно, даже нужно было прибегать к принуждению по отношению к местному населению и к работорговле для освоения тех мест, где такого населения было недостаточно. В то же время нельзя не принимать во внимание того существеннейшего обстоятельства, что за поставляемые местным населением пряности, да и за многие иные приобретавшиеся товары, голландцы, как и до них португальцы, платили. При этом и транспортные расходы — не говоря уже об издержках, связанных с содержанием многочисленного аппарата служащих и солдат компаний, а также о немалых расходах на строительство укрепленных форпостов, — были достаточно весомыми.

В общем и целом новая волна колониальной экспансии, представленная голландскими предбуржуа в неевропейском мире, не была во всем том, что касалось принципов взаимоотношений с местным населением колоний, чем-то совсем новым. Как и до голландцев, насилие и принуждение в районах, где местная власть, если она была, оказывалась не в состоянии успешно противостоять напору колонизаторов, сочетались с политикой лавирования во взаимоотношениях с сильными странами. А эта политика в свою очередь во многом зависела от конкретного стечения обстоятельств в том либо ином регионе, в том числе и от того, с представителями какой именно цивилизации (если вообще существовала урбанистическая цивилизация) или с населением какого уровня развития колонистам и колонизаторам приходилось иметь дело.

ФРАНЦИЯ И ЕЕ ПОЛИТИКА В КОЛОНИЯХ

Примерно то же самое относится и к оценке колониальной политики французов, которая была чем-то средним между испано-португальской первой волной и голландской второй, предбуржуазной. Франция относилась к числу тех европейских стран, которые

еще в начале XVI в. приняли активное участие в создании заокеанских колоний. В 1534 г. экспедиция Ж. Картье, отправленная в северную часть американского континента, основала в районе реки Святого Лаврентия колонию. Затем в том же XVI в. аналогичные колонии были созданы французами во Флориде и даже в Бразилии. Однако все они оказались недолговечными. Особенно быстро это проявилось на юге, где попытки французов закрепиться встретили отпор со стороны испанцев и португальцев, которые чувствовали себя в Южной Америке полными хозяевами и имели достаточные силы для того, чтобы доказать это французским колонистам.

В следующем столетии правительство Франции, чьи позиции заметно усилились, стало оказывать военную и иную поддержку переселенцам. Были созданы французские Ост-Индская и Вест-Индская, а также некоторые другие компании. Стоит заметить, что они уже, как и голландские либо английские, обладали монополией на организацию торговых и любых прочих контактов с местным населением в районах, где основывались новые колонии. Наибольших успехов добилась Компания Новой Франции, которая сумела освоить территорию североамериканских Великих озер (восточная часть современной Канады и прилегающие к ней земли нынешних США). Здесь в первой половине XVII столетия были созданы поселения в Квебеке и Монреале, а в конце того же века вся долина Миссисипи была объявлена, как о том уже упоминалось, французским владением. В этой малонаселенной части американского континента колонисты были заняты в основном торговлей с индейцами, которые охотно поставляли им высоко ценившуюся в Европе пушнину. Отношения между обеими торгующими сторонами были, насколько можно судить, спокойными и взаимовыгодными, чем они существенно отличались от тех, что позже стали складываться у английских колонистов Северной Америки с индейцами, жившими сравнительно неподалеку от них, а подчас и владевшими теми территориями, которые энергично осваивались прибывавшими из Европы мигрантами.

В районе покинутой испанцами Вест-Индии французская Вест-Индская компания освоила некоторые острова (Гваделупа, Тобаго, часть Гаити и ряд других). А на берегу Гвинейского залива в Африке французы создали несколько форпостов, где работорговцы приобретали чернокожих, которые направлялись на острова обезлюдевшей Вест-Индии. На островах господствовало плантационное хозяйство (выращивание кофе, табака, сахарного тростника),

ведшееся в основном руками негров-рабов. Жестокое обращение с ними в 1791 г. вызвало в Гаити, в колонии Сан-Доминго, восстание во главе с Ф. Туссеном-Лувертюром. Это восстание оказалось достаточно громогласным, чтобы о нем узнали в революционном Париже. Здесь в 1794 г. Конвентом было принято специальное решение об отмене рабства как института, что привело к прекращению восстания (в 1802 г. это решение было отменено).

Франция также, как известно, приняла активное участие в колонизации Индии. Район Пондишери стал центром ее владений. Но сколько-нибудь значительных успехов в соперничестве с англичанами французы не добились, хотя соперничество длилось достаточно долго. Можно в связи с этим упомянуть о том, что при дворе Аурангзеба, правителя из династии Великих Моголов, работал в качестве лейб-медика французский врач Ф. Бернье, известный своей книгой воспоминаний об Индии, много давшей европейцам для изучения этой страны. Стоит снова упомянуть и о том, что колонисты из Франции едва ли не первыми стали формировать отряды индийских солдат-наемников, возглавлявшихся и муштровавшихся французскими офицерами. Эти боевые отряды сипаев оказались успешными формированиями, так что соперники французов англичане не только переняли опыт, но и превратили сипаев в главное орудие своей колониальной политики в Индии. Но, хотя кое-что французы извлекали и из сдачи в аренду отрядов сипаев, хорошо обученных и вооруженных европейским огнестрельным оружием, главным их занятием в Индии — как и занятием всех остальных европейцев в этой огромной стране — была торговля. В обмен на различные индийские товары, которые со времен господства португальцев и голландцев в колониальной торговле с этой страной стали популярными и востребованными в Европе, в Индию шли потоки высоко ценившегося золота и серебра. Это объяснялось не только спецификой торговых связей, но и заметным обесцениванием драгоценных металлов из-за революции цен.

Французские колониальные амбиции были сильно урезаны в результате итогов Семилетней войны, которая лишила французов почти всех их североамериканских колоний, а также многих владений в Вест-Индии и в Индии. К этому существенно добавить, что в результате Великой французской революции и наполеоновских войн было утрачено и немалое количество из все еще остававшихся у нее колониальных владений. На рубеже XVII–XIX вв. Франция, таким образом, практически перестала быть сколько-нибудь круп-

ной колониальной державой. Правда, со временем она сумела заново обзавестись некоторыми колониями, в частности в Африке и в Юго-Восточной Азии. Имеются в виду Вьетнам, Камбоджа и Лаос.

Если попытаться оценить характер взаимодействия французов с населением осваивавшихся ими колоний, то стоит заметить, что лишь на вест-индских островах с их рабами, работорговлей и плантационным хозяйством очень существенную роль, как то было и с португальцами либо голландцами, играли насилие и принуждение. В остальных случаях дело ограничивалось торговыми контактами либо сдачей в аренду вооруженных отрядов сипаев. Все зависело, как и у представителей иных колониальных стран, от объективно складывавшихся обстоятельств, прежде всего от того, с какими государствами, цивилизациями или сравнительно отсталыми этническими общностями французам приходилось иметь дело.

АНГЛИЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ КОЛОНИЙ

Хотя англичане в виде пиратских экспедиций и в форме контрабандной торговли стали появляться неподалеку от испано-португальских колоний в Новом Свете, особенно в районе Вест-Индии, еще в XVI в., собственными колониями там они обзавелись не сразу. Первой из них был малонаселенный и не слишком обильный ресурсами остров Ньюфаундленд (1583 г.), затем, уже с XVII–XVIII столетий, началось активное освоение северо-восточного побережья Америки. В соперничестве с французами в Северной Америке и с голландцами в странах южных морей менее сильная в те далекие времена Англия на первых порах явно уступала. Ее время пришло несколько позже, после гражданской войны парламента с королем и его сторонниками, когда в рамках возникшей в стране либерально-демократической монархии к власти пришла быстро растущая и набиравшая силы буржуазия. И хотя английская Ост-Индская компания была создана в 1600 году, т.е. на два года раньше голландской, деятельность ее в начале XVII в. была заведомо менее результативной.

Англичане вынуждены были потесниться и уступить место голландцам во всех богатых пряностями странах южных морей. Не слишком многого они добились и в иных регионах, бывших важными центрами колонизации в то время. На территории, примыкавшей к зоне южных морей, главным достижением Англии в конце того же

века было постепенное вытеснение голландцев из Цейлона и Малайи. В районе Персидского залива примерно в это же время возникло несколько британских факторий. Однако очень важно обратить внимание на то, что вне североамериканских колоний, которые заселялись в основном выходцами из Англии, и Индии колониальные успехи Британии в XVIII столетии были, казалось бы, еще не очень значительными. Они ограничивались, кроме уже упомянутого, несколькими вест-индскими (Ямайка, Барбадос и ряд менее крупных) и рядом восточноафриканских островов. Однако, на что стоит обратить особое внимание, среди других достижений были уже Австралия и Новая Зеландия.

Эти огромные территории были крупнейшими и в климатическом отношении наиболее благоприятными для освоения их европейскими поселенцами из всех тех островов, архипелагов и материков Южного полушария, которые — уже после начала Великих географических открытий и освоения Мезоамерики — были открыты западноевропейскими мореходами. Северное побережье Австралии стало известно уже в самом начале XVII века испанцам, которые, однако, не имели намерений углубляться вглубь континента или устраивать на берегу свои форпосты. Это и неудивительно: безжизненные и почти не заселенные территории севера этого материка не были особо привлекательны, да и цель мореходов не сводилась к освоению всех тех многочисленных частей суши в Мировом океане, которые им попадались во время длительных морских плаваний.

Голландцы, следовавшие за первыми мореходами, португальцами и испанцами, более основательно познакомились в том же XVII столетии с берегами Австралии. В ходе этих плаваний было сделано вначале множество неверных предположений о характере и очертаниях этого огромного материка. Только англичанин Д. Кук уже во второй половине XVIII в. обстоятельно изучил Австралию и оба острова Новой Зеландии. По сути именно он открыл для англичан эти земли, причем первыми поселенцами на юге Австралии стали отосланные туда каторжники, ссыльные преступники, которых в 1788 году доставили на материк для расселения специальной флотилией. Моряки флотилии помогли разбить в районе будущего Сиднея первый поселок Порт-Джексон. Ссыльных продолжали присылать в Австралию довольно долго, до 1868 года. Всего их было привезено свыше 150 тысяч. Но вплоть до начала XIX века все европейское население материка едва превышало 5 тысяч человек. Тем не менее, обретая на

новых местах жительства свободу, **каторжане и их потомки довольно быстрыми темпами налаживали по британскому буржуазному стандарту хозяйство и быт.**

Ссыльные поселенцы быстро освоили благоприятные территории южного побережья. Было создано несколько колоний. Вскоре оказалось, что земли материка идеально приспособлены для овцеводства. Увеличивавшееся поголовье овец стало приносить первым поселенцам немалую прибыль — вспомним о том, как ценилась овечья шерсть в Западной Европе, где ради расширения поголовья овец крестьян вытесняли с их земель. Нечто в этом же роде происходило и в южной и юго-западной Австралии. Немногочисленные и крайне отставшие в развитии группы туземного населения (аборигены материка) оттеснялись в малопригодные для обитания земли более северных частей Австралии. Интенсивное заселение материка свободными поселенцами относится уже к первой половине XIX века, причем приток сюда европейцев был связан не только с успехами в развитии овцеводческого хозяйства, но и с обнаруженными в колонии Виктория в середине этого века золотоносными приисками. Новая Зеландия, которая территориально значительно уступала Австралии, была довольно плотно заселена туземным населением, относившимся к племенам этнической группы маори. Первая группа английских колонистов стала расселяться здесь, основав поселок Веллингтон, лишь в 1839 г., после чего в ходе ряда войн с маори острова были превращены в колонию Британии.

Но наиболее важным достижением колониальной политики Англии было проникновение в Индостан. В Индии ее позиции уже в первой половине XVII в. оказались достаточно весомыми. Здесь английская Ост-Индская компания, основавшая свою первую торговую факторию в Сурате еще в 1609 г., заручилась поддержкой правителей империи Великих Моголов, получив право вести торговлю с низкой ставкой торговой пошлины (3,5%). Умело используя эту льготу и беззастенчиво торгуя ею во взаимоотношениях с местными торговцами, англичане довольно быстро сосредоточили в своих руках значительную часть торговли индийскими тканями. Разбогатев и усилившись за этот счет, они начали укреплять свои растущие в числе торговые фактории. Построенная в 1640 г. новая фактория в Мадрасе являла собой уже настоящую крепость.

В середине XVII в. англичане добились значительного расширения на субконтиненте своих колониальных владений. А о последую-

щих успехах англичан в деле колонизации Индии уже шла речь, когда говорилось об истории Индостана в XVIII веке. Важно принять во внимание, что успешная экспансионистская политика в Индии была обусловлена прежде всего крушением империи Великих Моголов, которое создало благоприятные условия для завоевания огромной страны. Это важное обстоятельство сыграло огромную роль в успехах англичан, ибо позволило играть на противоречиях между многими индуистскими и исламскими государствами, на которые распалась империя. Не случись распада, все было бы иначе.

Оценивая колониальную экспансию англичан в XVII–XVIII столетиях, стоит заметить, что для нее была характерна ставка на освоение пустующих и малозаселенных территорий. Это проявилось в ходе освоения восточного побережья Северной Америки и — позже — Австралии. Разумеется, однако, что одним этим англичане не ограничивались. Индия была их главной целью. Вест-Индские и восточноафриканские острова были мелочью по сравнению с ней. Чуть большее значение со стратегической точки зрения имели небольшие анклавы Англии на мусульманском Ближнем Востоке. А движение в сторону островов пряностей к рубежу XVIII–XIX вв., когда перед Британией открылись заманчивые перспективы (захват Цейлона и Малайи, овладение Сингапуром), уже потеряло, как и проблема пряностей в целом, свою актуальность. Но создание великой британской колониальной империи было впереди. И о ней еще не раз будет упоминаться и даже специально идти речь.

РУССКИЕ В СИБИРИ И В АМЕРИКЕ

В северо-западную часть Сибири проникали в свое время, в XI–XIII вв., еще торговые люди из Новгорода. После уничтожения Иваном Грозным Новгорода как крупного торгового центра Сибирь начала понемногу осваивать Московская Русь. С середины XVI в. были установлены связи с Сибирским ханством, а в конце того же столетия походы Ермака, затем других русских землепроходцев покончили с существованием этого ханства. Примерно этим же временем датируются первые проходы отечественных мореходов к устью Оби и Енисея. Русские начали энергичными темпами осваивать Западную Сибирь, построив остроги в Тюмени, Тобольске и ряде других мест. В начале XVII в. на северном морском пути был создан важный порт

Мангазея, несколько позже Томск и Иркутск. Одновременно в бассейне Оби были созданы несколько небольших крепостей-острогов, опираясь на которые землепроходцы освоили бассейны крупнейших сибирских рек, вплоть до Лены, где был заложен Якутский острог, и вышли к океану. В середине XVII в. Семен Дежнев обследовал побережье и открыл пролив, отделяющий Азию от Америки.

На первых порах основной целью русских промысловиков, составлявших значительную долю землепроходцев, была добыча пушнины, богатством которой издревле славилась тайга. С местного населения на занятых русскими территориях в качестве дани — ясака — тоже бралась в основном пушнина. Пушнину было не слишком сложно переправлять на запад, где она высоко ценилась и воспринималась торговцами как одна из основных и наиболее прибыльных статей русского экспорта. В некотором смысле можно сказать, что сибирская пушнина была вполне сопоставимым эквивалентом золота и серебра Мезоамерики или пряностей из стран южных морей, которые были главным богатством территорий, освоенных западноевропейскими колонизаторами. Параллельно с освоением территории бассейна больших сибирских рек и строительством острогов шел на юге Сибири интенсивный процесс заселения наиболее удобных для земледелия территорий русскими переселенцами. К началу XVIII в. их насчитывалось уже примерно около 300 тысяч человек, что намного превысило совокупное количество всех тех местных народов, которые обитали во всей Сибири до прихода туда русских. Переселенцы были в основном крестьянами. Разумеется, они по большей части не промышляли охотой и не торговали пушниной. Многочисленные южносибирские колонисты, щедро используя широкие сибирские просторы, добывали свой хлеб усиленным крестьянским трудом.

Те из русских путешественников, кто шел открывать новые земли более легким, в основном вдоль степного пояса, южносибирским путем, в середине XVII столетия достигли реки Амур, поставили ряд острогов неподалеку от китайских земель. Некоторые из этих острогов послужили поводом для столкновения с Китаем. В частности, по условиям Нерчинского договора 1689 года Россия признала границу по верхнему течению Амура, в результате чего Албазинский острог русские были вынуждены покинуть.

Вообще Китай оказался, естественно, самым серьезным соперником России в процессе освоения ею обширных территорий Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Единственным достижением в

решении русско-китайских пограничных проблем в Приамурье стал зафиксированный в Кяхтинском договоре 1728 г. пункт о создании в Пекине специальной Русской духовной миссии для удовлетворения религиозных нужд уведенной туда в плен еще в 1715 г. части казаков-албазинцев. Этот пункт сыграл очень важную роль в последующих контактах Китая и России. В Пекин регулярно раз в десять лет приезжали духовные миссии из квалифицированных православных монахов во главе с почтенными иерархами русской церкви. Как они удовлетворяли духовные нужды потомков умерших албазинцев, ничего общего с Россией давно уже не имевших, но сохранявших за собой право числиться православными, не вполне ясно. Но существенно, что миссия работала и сыграла огромную роль в изучении Китая и в процессе некоторого сближения России и Китая.

Часть внимания русских была направлена на земли, занятые казахами и некоторыми иными народами (Алтай, Бурятия и т.п.). Уже в XVIII столетии значительная часть этих территорий с их населением оказалась под влиянием Российской империи, а затем и была включена в состав России. Однако продвижение русских в Сибири в сторону востока продолжалось. Россия вышла к Тихому океану и начала обследовать не только его азиатскую береговую линию, но и те пути, которые издревле связывали Азию с Америкой. Самыми короткими они были, как то выяснили в первой половине XVIII в. несколько экспедиций В. Беринга, в районе, где северная Чукотка почти вплотную соприкасается с Аляской. Вторая и третья трети этого столетия стали периодом энергичного обследования русскими моряками почти никем не заселенной в те времена Аляски. За это время было организовано около 80 экспедиций, включая и торгово-промышленные, ставившие своей целью обнаружить места обитания населения Аляски и завязать с аборигенами торговые связи с целью покупки пушнины.

Купец Г. Шелехов, бывший активнейшим участником таких экспедиций, после посещения в 1778 г. Аляски англичанином Д. Куком всерьез обеспокоился возможной конкуренцией и стал создавать на территории Аляски промысловые опорные пункты. В 1799 г. его усилиями была создана Российско-Американская компания, претендовавшая на значительную часть промыслов, прежде всего добычи все той же пушнины на Аляске и на ряде соседних островов. С этого началось достаточно активное освоение русскими Аляски, включая строительство хорошо оборудованных поселений с верфями, ма-

стерскими и т.п. Вскоре после этого, в 1812 г., русскими была создана крепость-колония Росс в северной части Калифорнии, которая просуществовала до 1840 г., когда компания из-за нажима со стороны конкурентов была вынуждена ее оставить.

Если поставить вопрос об особенностях колонизации русскими земель к востоку от Урала и вплоть до границ Китая и до западного побережья Северной Америки, то существенно отметить главное: русские были здесь в основном колонистами, осваивавшими не занятые никем территории. Лишь часть казаков была военной силой, строившей крепости-остроги и вступавшей в конфликт с такими крупными державами, как Китай. Правда, русское влияние и некоторый нажим на ряд народов (казахи, буряты, население Алтая и др.) сыграли роль, аналогичную той, которая выпадала на долю европейских колонизаторов в иных странах. Однако стоит обратить внимание на то, что ни большой выгоды, ни ощутимых элементов насилия здесь не было. Что касается казахов и, быть может, некоторых иных народов южной Сибири, то для них выбор между Россией и заметно возраставшей агрессивной политикой Китая был не слишком велик. Если вспомнить о первом поколении землепроходцев, то они обычно ограничивались сбором с местного населения ясака и торговлей с этим населением ради все той же пушнины. Крестьяне же из числа переселенцев выполняли те же функции, что и осваивавшие восточное побережье Северной Америки колонисты. При этом у них не было ни африканцев-рабов, ни, как правило, ожесточенных конфликтов с недовольным местным населением.

Глава восемнадцатая. КОЛОНИИ КАК ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ

Проблема колониализма далеко не проста. Хорошо известно, что в отечественной историографии он длительное время воспринимался исключительно как нечто вредное и отвратительное, бесчеловечное по отношению к странам и народам, ставшим некогда объектом колониальной экспансии европейской буржуазии. Это в общем-то легко понять. Для марксистской историографии — а другой в нашей стране почти весь XX век не было — все, что имело отношение к буржуазии и колониализму, представало без рассуждений заслуживающим осуждения и разоблачения. Да и далеко не только марк-

систы так рассуждали. Националисты любой из стран, когда-либо подвергавшихся колониальной экспансии европейцев, со столь же неукротимой страстью разоблачали колониальные власти. А так как негативных моментов действительно было немало, причем они запечатлевались в памяти и становились известными всем, то неудивительно, что подобное отношение к колонизации в мире в прошлом преобладало, да и поныне превалирует.

Это необходимо учитывать. Более того, спорить со столь давно и прочно сложившимся отношением не то чтобы вовсе бесполезно, но, как правило, малопродуктивно. Однако можно выправить перекосы, противопоставив сформировавшемуся стереотипу объективную картину исторической реальности. К этому мы и обратимся. О чем конкретно идет речь? Следует, в частности, попытаться объяснить, что кроме бесцеремонности и насилия колониализм нес с собой вместе с вестернизацией и нечто позитивное, что далеко не всегда на виду, но тем не менее сыграло свою важную роль в истории. Но для того, чтобы все было достаточно ясно, нужно начать издалека.

ТИПЫ КОЛОНИЙ

Колонии как феномен появились давно. Само понятие «колония» возникло в античном мире. Однако де-факто еще задолго до этого финикийцы первыми начали активный процесс создания своих колоний, в основном в бассейне Средиземного моря. Эти колонии создавались, как правило, в неосвоенных еще кем-либо или в очень слабой степени освоенных местах, в основном на побережье, да к тому же еще и там, где была поблизости хорошая гавань для причала кораблей и устройства порта, не говоря уже о месте для базы-фактории. С тех пор прошло много времени. Количество колоний сильно возрастало (ныне, после деколонизации, их нет) и потому возникла необходимость в их типологии, что автор и счел необходимым сделать. В его типологии их четыре.

Первый тип колоний. Процесс начался с основания финикийских колоний в конце II тыс. до н.э. в бассейне Средиземного моря. Несколько позже по тому же пути пошли жившие неподалеку от них и тоже страдавшие от нехватки плодородной земли античные греки, чьи колонии в бассейнах Средиземного и Черного морей были намного многочисленней. Создавались новые колонии в необжитых

местах, но обычно неподалеку от тех, где уже обитали земледельцы либо кочевники. Процесс обычно шел без каких-либо сложностей. Если проблемы и возникали, то они сводились не столько к столкновениям с аборигенным населением, хорошими отношениями и торговлей с которыми колонисты дорожили, сколько к случайным набегам и конфликтам. Известна, например, практика финикийцев заниматься время от времени пиратскими набегами на чужие поселения, из которых при удачной операции добывались рабы-гребцы для их кораблей типа галер. Позже своими колониями на территории всей Европы стал энергично обзаводиться Рим. Правда, римские колонии были в основном чем-то вроде полувоенных поселений на территории, либо вообще никем не населенной, либо слабо заселенной чаще всего соседними с империей кельтскими племенами. На эти земли обычно выводились (это привычный термин для древних колоний) ветераны, требовавшие за свою службу обещанную им — и чаще всего в конечном счете обретавшуюся ими — землю. Финикийские и греческие колонии и римские поселки ветеранского типа были, как правило, весьма значительными по размеру.

Все эти колонии отличались рядом важных особенностей, о которых необходимо рассказать достаточно полно. Прежде всего, каждая из них являла собой слепок структуры метрополии, т.е. того финикийского города-государства либо античного полиса, из которого вышли колонисты. Римские колонии, хотя и не копировали облик города-государства и тем более полиса метрополии за неимением в Риме таковых, создавались по тому же принципу, т.е. устройство их было слепком с той структуры, которая была характерна для имперского Рима. Сходство сводилось не только к тому, что заселявшие новые земли колонисты по языку, верованиям, стилю жизни, формам хозяйственной деятельности и всем иным параметрам ничем не отличались от жителей метрополии. Оно шло намного дальше. Организуя на чужой, пусть даже никем не занятой новой территории свой автономный анклав, обычно вместе с портом в удобной гавани (для римских колоний это было редкостью), колонисты, как правило, тщательно заботились об охране колонии. Более того, они ревниво соблюдали свою исконную идентичность и обычно хорошо оберегали свое поселение от излишних контактов с аборигенным населением, т.е. с новыми соседями, когда они появлялись.

Впрочем, эти контакты формально устанавливались и, более того, в принципе приветствовались, но лишь в целях торгового обмена.

Налаживая регулярный обмен и со временем расширяя территорию колонии за счет как притока новых, так и естественного увеличения численности прежних колонистов, колонии становились более крупными и значимыми, как то было с финикийским Карфагеном или с греческой Сицилией. Аборигенам при этом подчас приходилось потесниться, что, впрочем, в те далекие времена, как правило, к конфликтам не приводило. Во-первых, потому, что земли было много, а населения немного, а во-вторых, из-за того, что значительная часть местного населения вела, особенно в Причерноморье, где было много греческих колоний, кочевой либо полукочевой образ жизни. Те же скифы, в частности, были заинтересованы в регулярном обмене с колонистами, о чем недвусмысленно говорят археологические раскопки скифских курганов, в которых изделия античных ремесленников обычно занимают важное место.

Со времен ситуация нередко менялась. Колонии и населявшие их колонисты нередко оказывались перед необходимостью еще более расширить свои владения, что порой приводило их к столкновению с жившими по соседству с ними аборигенами. Результатом при этом становились войны, в ходе которых колонисты чаще всего выходили победителями, а аборигены оттеснялись на худшие земли. Иногда, хотя, похоже, и не столь уж часто, побежденные платили победителям дань.

Меньше всего это относится к римским колониям после эпохи Великого переселения народов и последовавшего за этим крушением Западной Римской империи. Зато римские колонии — в отличие от финикийских и греческих — сыграли огромную роль в процессе аккультурации нападавших на них, но со временем осевших на землю рядом с ними переселившихся с Востока варварских народов. И это, если угодно, была та дань, которую с охотой выплачивали потомки римских ветеранов. Дань сводилась к тому, чтобы не жалеть усилий ради реальной помощи осевшим в Европе неземледельческим этническим общностям и племенам.

В целом этот тип колоний, о котором идет речь, был исторически первым. Он, к слову, получил немалое распространение и после Великих географических открытий. Именно таким образом были освоены и заселены в то время Северная Америка, включая Канаду, вся огромная Сибирь, частично даже Аляска, позже южноафриканская Капская колония, Австралия и Новая Зеландия. Отличается такой тип колоний от других тем, что — при всем том, что в некоторые из них привозили из Африки чернокожих рабов, а в Капской рабы были

рядом, — **жили в этих колониях не колонизаторы, но именно колонисты**, для потомков которых бывшая колония становилась и навсегда оставалась родиной. При этом, несмотря на приток новых волн переселенцев, ситуация в целом не менялась. Менялось разве то, что бывшая колония достаточно скоро переставала быть и тем более именоваться колонией, а колонисты колонистами. Собственно — если не считать Южную Африку и Сибирь с их отличной от остальных ситуацией, — именно за счет такого рода колоний увеличивалось количество стран Запада, да и само понятие «Запад» перестало использоваться для обозначения лишь жителей Европы, как то было ранее.

Второй тип колоний — это достаточно хорошо заселенные территории с несколько отставшим в развитии населением, куда прибывало множество колонистов, как европейцев, так и насильно привезенных чернокожих рабов. В этой ситуации значительная часть колонистов вынужденно выступала в функции колонизаторов, бесцеремонно стремившихся, во всяком случае вначале, нажиться за счет труда покоренных аборигенов и привезенных рабов. Типичный пример такого типа колоний в переходный период XVI–XVIII вв. — испано-португальская Южная Америка. Здесь резко выделяются различные варианты.

Характерной чертой для первого из них, вест-индского, было замещение вымиравшего местного населения за счет иммиграции рабов из Африки. Этот вариант отличается крайней степенью бесчеловечности. Но после заселения Вест-Индии африканцами, на что потребовалось не очень много времени, ситуация значительно изменилась и по сути приблизилась ко второму и основному, южноамериканскому варианту. Он — при всей бесчеловечности использования рабского труда — отличался явной тенденцией к смягчению социальных контактов. Более того, этот вариант оказался в конечном счете не слишком болезненным для всего населения и Вест-Индии, и Латинской Америки в целом. В конечном счете он может считаться, если судить по результатам эволюции в наши дни, да и вообще за последние полтора-два столетия, вполне приемлемым для южноамериканского субконтинента.

Дело в том, что в Южной и Центральной Америке первоначальная колония колонизаторов объективно и довольно быстро превращалась в родину для всего весьма пестрого в этнорасовом отношении населения, со временем становившегося более однородным в результате метисации. При этом понятия *колонисты* и *колонизаторы* по-

степенно уходили в прошлое. На смену им приходили типичные для любого общества понятия *управители* и *управляемые*, *богатые* и *бедные*. Что же касается расово-этнического состава, то он становился все более очевидно смешанным, с преобладанием мулатов, метисов и креолов при сохранении определенного количества чистокровных аборигенов, чернокожих и белых. Стоит добавить, что количество европейцев в некоторых частях субконтинента имело тенденцию к увеличению за счет постоянной миграции переселенцев из разных стран Европы, число которых резко возрастало в годы катаклизмов, в частности в связи со Второй мировой войной.

Важно принять во внимание описанные выше религиозно-культурные процессы и постепенное, пусть медленное, развитие буржуазных отношений в промышленности, равно как и в сельском хозяйстве (плантации), которые наслаивались на примитивное земледелие и традиционные отношения в общинах аборигенов. В этом плане наиболее значимой характеристикой для второго типа колоний с их колонистами и колонизаторами будет именно трансформация в форме не раз упоминавшейся глобальной метисации. Итогом ее следует считать пусть замедленные, но все же ощутимые темпы развития с сохранением свойственных западноевропейской модели эволюции потенций в сторону буржуазного развития и с отсутствием резкой расовой сегрегации при длительном сохранении вместе с тем социально значимых различий между представителями множества разных расовых типов.

Особым третьим вариантом этого типа колоний можно считать освоенное арабами восточноафриканское побережье, где возникла новая этнорасовая общность суахили, а также в немалой мере населенные китайцами страны южных морей (Индонезия и Филиппины, не говоря уже о Малайе или Сингапуре, где выходцев из Китая оказалось со временем особенно много). Принципиальное отличие этого варианта в том, что европейцев всегда активно поддерживала — по финикийско-греческому, да и римскому образцу — метрополия, тогда как арабы или китайцы такой поддержки, как правило, не имели. Это не могло не сказаться на результатах: все колонии этого типа в конечном счете оказались лишь небольшим вкраплением на территории владений европейских колониальных держав.

Третий тип колоний — районы с чаще всего неблагоприятными, особенно для переселенцев из Европы, условиями обитания. Здесь тоже есть варианты. В одних случаях (Африка южнее Сахары, ар-

хипелаги Океании) нормой следует считать малочисленные группы европейцев-колонизаторов при заметном преобладании местного населения. Отсталость этого населения в сочетании со слабостью либо полным отсутствием государственности и соответственно местной администрации позволяли колонизаторам (о колонистах в этом случае практически не стоит и говорить) взять в свои руки достаточно многое. Имеются в виду как элементарные административно-управленческие функции, так и торговля, а также немалое количество чисто хозяйственных забот, особенно если речь шла о пряностях. В тех случаях, когда на островах существовали султанаты, колонизаторы вынуждены были ограничиться торговыми связями и организацией производства пряностей. Это приносило немалый доход, но было связано с множеством сложностей, начиная с необходимости налаживания контактов с властями и кончая очень большими затратами на создание хотя бы минимальной инфраструктуры, а также сохранение баланса в условиях соперничества, болезни и долгий дорогостоящий путь в Европу.

Вариант, имеющий отношение к колонизации Сибири, отличало то важное обстоятельство, что число европейских переселенцев со временем стало превышать небольшое количество местных жителей. Переселенцы в этой ситуации выступали в качестве колонистов, хотя это и не мешало тем из них, кто выполнял функции колонизаторов, взимать с аборигенов немалую дань. О формировании социополитической структуры можно говорить лишь применительно к переселенцам, которые, оставаясь колонистами, были вместе с тем включенными в число подданных государства-метрополии. Аборигены же при этом существовали почти без перемен, за исключением тех немногих из их числа, вначале преимущественно женщин, которые вступали в брак с переселенцами, создавая метисные расовые группы. По мере расширения политического господства над теми местными народами, которые находились на более высоком уровне развития (например, в Прибайкалье), ситуация в русско-сибирском варианте несколько менялась в лучшую сторону. Но коренное население в любом случае очень долго ощущало себя и официально именовалось инородцами.

Четвертый тип колоний — это колонизация стран традиционного Востока с высокой культурой. В этом случае колонистов, за исключением стран Магриба, обычно немного. А колонизаторы через систему анклавов, форпостов, факторий при искусном использовании междо-

усобиц и политических противоречий, при посредстве мощных организаций типа Ост-Индских компаний и часто активно поддерживавших их государств-метрополий, обычно проникали туда постепенно. Так было — правда, уже в XIX веке — с рядом государств Индокитая. Но наиболее ярким и бросающимся в глаза примером колонии четвертого типа следует считать Индию. Англичане, начавшие проникновение в Индостан еще во времена сильных правителей из мусульманской династии Великих Моголов, вначале, используя ситуацию, добивались прочных позиций в торговле. Но после развала могущественной империи они умело воспользовались этим подарком судьбы и постепенно добивались увеличения политического влияния, сопровождавшегося ростом территориальных захватов. В конце концов, как то хорошо известно, вся Индия стала колонией Британии. Более того, жемчужиной британской короны, как ее именовали.

Сложность в случае со странами Востока, в которых более или менее долго сохранялись традиционно сильные государства (это относится главным образом к странам исламского мира, но также, например, и к Цейлону), сводилась прежде всего к тому, что именно здесь за большое количество вывозимых в Европу товаров нужно было платить. Товары эти, причем далеко не только пряности, стоили достаточно дорого. Торговые сделки при этом не всегда ограничивались покупкой однотипных товаров, тех же пряностей. Иногда колонизаторы совершали сложные переезды из одних стран Востока в другие, продавая одни товары и приобретая взамен другие. Эта транзитная торговля с перепродажами давала возможность первым и наиболее бедным из числа колонизаторов, португальцам, накопить средства для оплаты пряностей, которые в конечном счете шли назад, в Европу, и приносили прибыль.

Подытоживая все сказанное о колониях, очень важно принять во внимание, что само это явление, исстари способствовавшее интенсивности контактов между людьми, сыграло огромную роль в истории. Объединяя людей разного уровня развития — имея в виду всех оказавшихся на территории данной колонии мигрантов, начиная с первых новопоселенцев и кончая насильно ввезенными в некоторые из колоний чернокожими рабами, — они в конечном счете, пусть не сразу и далеко не гладко, вели в итоге к единению потомков всех жителей колоний. Пусть это относится не в равной мере ко всем типам колоний и ко всем тем странам (кроме разве что Африки южнее Сахары, колонизованной в основном лишь в XIX веке), о которых в

данном томе шла речь. Но, тем не менее, во всех этих колониях после завершившегося в середине XX века процесса вполне мирной деколонизации положение сегодня, за немногими исключениями вроде Тропической Африки, заметно и существенно изменилось.

В колониях первого типа, где ныне задают тон европейцы, потомки африканцев вполне адаптировались, а местное население осталось чаще всего жить обособленно. Это не значит, что всех аборигенов Австралии, новозеландских маори или индейцев Северной Америки ныне держат в черном теле. Напротив. И великолепные индейские резервации, и жизнь маори в Новой Зеландии, и статус австралийских аборигенов убедительно доказывают, что все они сегодня являются объектом заботы со стороны властей и живут в привычных для них, но заметно улучшенных условиях, сохраняя свою идентичность. А в ЮАР (это наследница Капской колонии) африканцы ныне обладают всей полнотой власти и тоже не ощущают при этом связанной со все той же идентичностью унизительной необходимости жить в условиях, давно ушедших на их земле в прошлое.

Если вести речь о колониях второго типа, представленных прежде всего странами Латинской Америки, включая и современную Вест-Индию, то именно здесь, включая и Вест-Индию, и Бразилию, можно найти почти идеальное смешение представителей разных рас и этносов, как аборигенов, так и мигрантов, европейцев и негров. И если не все они живут одинаково хорошо, то это не связано, как правило, с расовым и тем более правовым неравенством. Расовой сегрегации здесь давно уже нет, а условия жизни зависят не от произвола колонизаторов, а от того, как устроена власть в каждой из стран, включая и острова Вест-Индии. Это же, по меньшей мере в определенной степени, относится и к побережью Восточной Африки с ее суахилийским населением.

Если обратить внимание на колонии третьего типа, то большинство из них, обретя независимость, ныне активно пользуется теми плодами культуры, систем образования и здравоохранения, а также немалыми достижениями промышленности, техники и технологии. И не стоит забывать, что все эти преимущества были обретены благодаря тому, что эти территории с их населением, прежде существовавшим в неблагоприятных условиях, оказались в свое время колониями.

Наконец, в колониях четвертого типа европейское меньшинство сыграло огромную роль. Оно активно способствовало заимствованию местным населением (иногда, как в Индии, этнически пестрым)

основ развитой европейской культуры, что имело немалые позитивные следствия. Разумеется, при этом колонизаторы не уничтожали религиозно-культурные традиции. Они стремились лишь несколько ограничить их влияние с тем, чтобы колонии, которые имеются в виду (Индия, ныне и Пакистан, многие страны исламского мира, начиная с Магриба, прежде всего Египет), сумели, несмотря, например, на суровые запреты и ограничения таких религий, как ислам, заимствовать из стран Запада все то наиболее ценное, что создала западноевропейская мысль. Имеются в виду основные достижения в области экономики, техники, технологии, организации образования, в системе здравоохранения, а также в сфере права, политических свобод и т.д. и т.п.

КОЛОНИСТЫ И КОЛОНИЗАТОРЫ

Проблема различий между колонистами и колонизаторами обычно не стоит в общих исторических трудах. В большинстве случаев, особенно в отечественной историографии, молчаливо предполагается, что те и другие, что называется, одним миром мазаны. Между тем это совсем не так. И хотя связь между колонистами и колонизаторами, безусловно, существует и, более того, подчас европейские переселенцы в колониях были теми и другими одновременно, разница между ними все же есть. Просто нужно ее как-то обозначить. Начнем с того, что колонистами следует считать тех, кто переехал на новое местожительство в чужие земли для того, чтобы остаться там навсегда, пустить корни и, организуя заново свой быт в новых для себя условиях, превратить землю, которую он освоил, в свою родину и родину своих потомков. Здесь следует сделать акцент на том, что в задачу колонистов, как правило, никогда не входило и не входит только заниматься выгодной торговлей с метрополией (хотя это не означает, что они избегают торговых и иных связей с ней). Первейшая цель колонистов — превратить новую землю в свою. И сделать это не за счет принуждения по отношению к аборигенам и тем более не за счет насилия над другими, а прежде всего своими руками.

Здесь стоило бы вспомнить современный Израиль. И хотя есть все основания не включать жителей этого очень специфического государства в число колонистов, трудно удержаться от того, чтобы не отметить, с каким старанием они заботятся о своей не слишком благосклонной к ним территории. Жители Израиля в исключительно

сложной политической обстановке, в условиях постоянных войн и жесткого терроризма со стороны соседей-палестинцев, до появления израильтян считавших занятую ими землю своей, старательно делают то, что обычно свойственно прилежным колонистам. И успехи их в этом деле говорят сами за себя.

Разумеется, подчас бывало так, что колонисты, особенно из числа быстро разбогатевших и имеющих много земли, пригодной для плантационного хозяйства, не ограничивались собственными усилиями, но приобретали на рынке рабов-негров, как то было в североамериканских колониях Англии. Сближает ли это (а такое случалось не только в североамериканских, но и в других колониях, в той же Капской) колонистов с колонизаторами? Вопрос не простой. И вот почему. Когда мы говорим о колониях и колонизаторах, то имеем в виду не только захват чужих земель, но и превращение в зависимых их жителей. Но здесь сразу же встает вопрос о неграх-рабах. Если эти негры-рабы являются местными жителями, как то характерно для Капской колонии, то колонисты по характеру их деятельности, включающей применение рабского труда, оказываются колонизаторами. Но это редкий случай. Если же привезенные в колонии африканцы, как то было в Новом Свете, не были коренными жителями захваченных земель, то они, чернокожие, оказывались в положении неполноправных мигрантов, только в социально-правовом отношении отличных от колонистов. Иными словами, сам факт использования рабского труда в любых обстоятельствах признаком колониализма считаться не может. И сколь чудовищным ни было бы плантационное рабство привезенных африканцев, оно не меняет того факта, что имеющий рабов колонист в колонии чаще всего остается и считается именно колонистом, а не превращается в колонизатора.

Что же касается тех, кого безусловно следует считать колонизаторами, то это прежде всего те, кто прибывал в колонии любого типа с целью наживы или реализации колониальной политики своей страны, причем вне зависимости от того, проводило эту политику государство или она являлась делом частного капитала, находящегося под покровительством государства. Важно принять во внимание, что колонисты отличались от колонизаторов тем, что намерены были жить на новой родине. А колонизаторы гораздо чаще оказывались в колониях временными служащими, так как они обычно не стремились оседать в колониях. Напротив, хорошо заработав или отслужив свое, возвращались домой.

Разумеется, отнюдь не исключено, что в отдельных случаях, особенно в местах с интенсивным плантационным хозяйством, как, например, в Капской колонии либо даже на некоторых островах Вест-Индии, не все европейцы стремились вернуться. Многие из европейских плантаторов могли здесь пускать корни и превращаться в местных жителей, что легко понять, если обратить внимание на то, что все их достояние было заключено в местном плантационном хозяйстве. Но в данном случае — как и в ряде аналогичных — возникает ситуация, когда колонисты по сути становятся колонизаторами (или, напротив, колонизаторы колонистами). По меньшей мере частично это относится к испанским и португальским колонистам первой волны в Южной и Центральной Америке, когда все они были прежде всего колонизаторами.

Однако с течением времени, причем не очень длительного, многие из их потомков, как и мигранты новых волн, оказывались колонистами. Они вписывались в сложившуюся систему взаимоотношений во всей Латинской Америке и превращались в ее жителей. А их потомки, оставаясь в расовом отношении чистокровными или становясь в ряды метисов и мулатов, уже и вовсе не мыслили себя вне своей новой родины. Более того, они понемногу просто переставали быть колонистами — как переставали со временем быть ими и североамериканские колонисты. Те и другие становились гражданами вновь возникавших государств. Обратить внимание на существенное различие между колонистами и колонизаторами как вообще, так и в тех случаях, когда колонизаторы со временем превращались в колонистов, а затем и в граждан заново возникавших государств, очень важно для правильного понимания роли колоний, колонистов и колонизаторов в истории человечества. При всем том, что колонизаторы подчас существовали достаточно долго, иногда веками, как то было с англичанами в Индии, и что лишь немногие из них (особенно в колониях с развитым плантационным хозяйством) одновременно были колонистами, разница между теми и другими существовала и имела немалое значение. Но и это еще не все.

Стоит обратить внимание на то, что отнюдь не все колонизаторы в полном смысле этого слова были мерзкими и заслуживающими только осуждения эксплуататорами и насильниками, часто представляемыми в беллетристике и пропаганде господами с плетью в руках (к слову, так можно изображать и типичного русского помещика-крепостника). Нет спора, такие были и их, быть может, было не-

мало. Но значит ли это, что в принципе колониализм как всемирно-историческое явление должен быть измаран только черной краской? Обратимся к еще одному серьезному обвинению против колониализма. Оно сводится к тому, что колониализм — это не просто и не только насилие европейцев над остальными народами. Колониализм — это войны, которые они несли с собой. Разберемся и в этом.

КОЛОНИАЛИЗМ, НАСИЛИЕ И ВОЙНЫ

Итак, колониализм часто принято воспринимать лишь как насилие, как прежде всего насилие, как войну, причем сильных со слабыми и потому несправедливую. С таким восприятием трудно спорить. Трудно прежде всего потому, что во многом это правда, хотя и привычное представление о войне как море крови было бы в данном случае более чем ошибочным, даже заведомо неверным, искаженным. Да, сила была почти непременным атрибутом процесса колониального освоения европейцами неевропейского мира. Но, во-первых, насколько жесткой и тем более кровопролитной была эта сила и, во-вторых, где и когда, что и насколько часто решалось в истории без применения силы?

Сначала обратим внимание на первый вопрос. Если вспомнить о самых ранних вооруженных колониальных экспедициях Кортеса и Писарро, то остается только удивляться тому, сколь легко и практически почти бескровно достались испанцам и португальцам их колонии в Новом Свете. А если прибавить к этому те данные, которые свидетельствуют о том, как обретали свои владения португальцы в далеких странах южных морей, то окажется, что этот процесс вообще обходился почти без войн. Войны, причем в весьма умеренном количестве, вели голландцы на Яве и некоторых мелких островах. Гораздо более значительными по размеру были войны французов и англичан в Индии. Но не стоит забывать, что это было время, когда разваливалась династия Великих Моголов и в Индии воевали все против всех. На этом фоне англичане и французы отличались от остальных разве что только тем, что предпочитали сами не воевать, а готовить сипаев, которые вели войны за них либо для них, в любом случае помогая англичанам (французы вскоре были вынуждены уступить поле боя) укрепиться в Индии и в конце концов превратить весь этот огромный субконтинент в свою главную колонию. Воевали — а точнее,

вели спорадические схватки с индейцами — колонисты Северной Америки, причем часто и много. Но это были, как правило, короткие набеги, напоминавшие скорее партизанские налеты, нежели что-либо похожее на регулярную войну. Словом, вывод из сказанного вполне очевиден. Да, колонизаторы и колонисты применяли оружие и воевали в случае нужды, но при этом они вообще-то предпочитали мирные захваты чужого и потому чаще пользовались более коварными методами обмана, подкупа или использования чуждой силы для достижения своих целей.

И упомянув об этом, самое время напомнить о том, как обстояло дело с войнами вне процесса колонизации. Здесь есть о чем всерьез поговорить. Прежде всего очень важно вспомнить о том, что вся история человечества с древнейших времен была буквально насыщена войнами и сопровождавшим их насилием. Более того, захваты вражеской территории, уничтожение и превращение в рабов побежденных, гибель государств и древних очагов цивилизации были заурядным делом и никого особенно не трогали. Даже нашествия кочевников типа орд Чингис-хана или войск Тамерлана, которые буквально стирали с лица земли цветущие города и оставляли после себя мертвые земли, заваленные убитыми мирными людьми, не были на общем фоне постоянных войн чем-то совершенно необычным и неприемлемым. Существует даже точка зрения, активно разрабатывавшаяся у нас сравнительно недавно, что те монголы во главы с Батыем, которые разрушили русские города и поработили русских на долгие два с лишком века, безжалостно уничтожая местное население и постоянно издеваясь над ним, — так себе, ничего особенного на общемировом фоне войн и насилия.

Как бы то ни было, но нет никаких сомнений в том, что и намного раньше переходного периода, которому посвящен данный том, и в века этого периода, и тем более после них войны и насилия повсеместно играли первостепенную роль, включая войны европейцев друг с другом, с другими соседними народами, прежде всего ближневосточными. Существовал и восходящий к глубокой древности принцип массового порабощения пленников, рассматривавшихся как добыча, имеющая свою цену. И очень показательно, что до определенного времени это обычно не были войны колониальные, что, впрочем, мало меняло суть войн как таковых.

Другими словами, колонизация, осуществлявшаяся в изучаемые теперь столетия переходного периода, не принесла с собой ничего но-

вого ни в Старом Свете, ни в Новом Свете, где воевали и порабощали побежденных одинаково. Разве что в Америке пленников чаще приносили в жертву. Случались местные войны колониальных держав и в колониях, как то было в Индии после крушения Моголов или на островах пряностей. Порой колонизаторы вмешивались в междоусобные военные столкновения или отдавали отряды авантюристов в аренду своим союзникам в государствах, существовавших рядом с их колониальными анклавами и форпостами, что чаще всего случалось в Индокитае и на Цейлоне. Но что это были за войны!

Возвращаясь к колониям и к войнам за захват их и сопоставляя это с теми битвами, что велись между западными либо восточными государствами, окажется, что они, за редкими исключениями, несравнимы с ними по масштабу и по количеству уничтоженных либо взятых в плен. Правда, в войнах, ведшихся колонизаторами, широко использовалось огнестрельное оружие, которого не знали либо с которым не были или были мало знакомы их противники. Это обеспечивало, хотя и не всегда, победу. Прибавим к сказанному, что войны почти всегда вели к завоеваниям, т.е. к присвоению чужой территории с населявшими ее людьми, что было неписанной, но непреклонной нормой всего исторического процесса. Это тоже довольно серьезный аргумент для того, чтобы не клеймить европейцев времен Великих географических открытий и широкомасштабного колониализма за то, что они были колонизаторами и воевали именно в качестве таковых, а не просто воинов, преуспевших в завоевании соседних государств и в покорении чужих народов. Конечно, есть разница между теми, кто оказывался под властью таких же, как они сами, и теми, кто попал под власть заметно превосходящих их чужаков. Но это разница скорей в сфере психологического дискомфорта, хотя значимость дискомфорта не следует недооценивать.

Пойдем, однако, дальше. Колонизаторов опять-таки клеймят — и вполне справедливо — за то, что именно их усилиями достигла гигантских масштабов торговля африканскими рабами. И хотя практику захвата пленных-рабов, продававшихся на рынках, хорошо знали везде и ранее всего на Востоке с древних времен, те масштабы и та бесцеремонность, которые оказались свойственны европейским торговцам рабами, поражают — как, впрочем, и очень близкое к нему по типу крепостное право, особенно в России, где оно было наиболее страшным. Нет слов, работорговля и использование рабского труда в хозяйстве в любом варианте заслуживают бесспорного осуждения.

Но это, к сожалению, тоже бывало в истории обычным делом и встречалось всегда и почти везде. Разве что в Западной Европе с позднего средневековья этого уже нигде не было. И потому возрождение практики работорговли и рабовладения было столь критически воспринято прежде всего именно европейцами и людьми европейского происхождения, причем не столько в Африке, где все это было обычным делом, сколько среди европейцев, как то было, в частности, в США с их становившимся все более массовым движением аболиционистов, а затем и с гражданской войной XIX в., главной целью которой было покончить с рабством в южных штатах.

Да, колониализм, особенно на его начальном этапе, был грубым и крайне бесцеремонным. Он не считался с желаниями народов, судьбы которых им походя решались. Колонизаторы были высокомерны и пренебрежительны по отношению к жителям колоний. Они не останавливались перед тем, чтобы жестоко подавлять их протестные движения и тем более вооруженное сопротивление. Достаточно долгое время большинство их не считало коренное население колоний за равных себе. И существовавший во многих колониях патернализм (в Индии XIX в. он воспринимался как «бремя белого человека») вполне мог ощущаться не как благо, а как нечто неприемлемое, даже оскорбительное для коренного населения. Все это так. Спорить с этим нет смысла. Согласимся с тем, что при любых и тем более вызванных насильственными действиями переменах чьи-то интересы всегда ущемлялись. Поэтому во многих колониях коренное население имело вполне достаточные основания для сожалений о потере им своей идентичности. На Востоке, столь высоко ценившем консервативную стабильность, любые перемены всегда воспринимались как трагедия. Резкий перелом в привычном образе жизни и тем более любая интеграция небольших групп коренного населения колоний в какое-то новое сообщество рассматривались как акты насилия, и это хотя и не всегда, но порой вело к сопротивлению. Люди готовы были сражаться за отстаивание своих норм бытия и стремиться добиться их сохранения.

Иногда, хотя и не очень часто, это вело к обособлению их существования в периферийных и чаще всего мало обустроенных и неблагоприятных для нормальной жизни землях. Позже в ряде случаев — и это еще далеко не самый худший вариант — для них оставляли или даже создавали специальные резервации. Однако в общем и целом закономерная интеграция населения колоний, в которых обитали сравнительно отсталые этнические сообщества, в состав много более

развитых новых сообществ с участием колонистов и даже колонизаторов шла с первых шагов колонизации достаточно успешно.

Немалое значение имело в ходе этого процесса и распространение в новых колониях западного христианства, идеи которого, равно как и всегда сопровождавшие их нормы повседневного бытия — не говоря уже о вере и обрядах как таковых, — не только способствовали интеграции, но и были в ряде случаев безусловно предпочтительней менее развитых, а подчас и более примитивных, с кровавыми жертвами, религиозных систем отставших в развитии народов. Распространение западной цивилизации и ее религиозных принципов бытия сыграло, безусловно, прогрессивную роль в развитии потомков народов, оказавшихся под властью колонизаторов. Здесь следует без обиняков сказать, что целью колонизаторов, пусть не везде сразу реализованной, была аккультурация местного населения, о которой не раз уже шла речь. Аккультурация и вестернизация.

Не имея в виду оправдания жестоких методов колонизации, нельзя при этом, однако, не отметить, что в итоге именно она дала толчок более энергичному развитию множества колонизованных обществ. Это относится прежде всего к отсталым этническим группам. Дело в том, что чем большей была отсталость, чем значительней было различие между коренным населением колоний и колонизаторами (оно заметно, в частности, на примере островов пряностей или народов сибирского севера), тем с большими трудностями сталкивалось новое сообщество при попытках достичь интеграции. Однако та же закономерность сыграла, пусть несколько иначе, свою роль и в более крупных, этнически пестрых, но достаточно развитых странах, как, например, Индия с ее высокоразвитыми религиями, которые англичане, как правило, не пытались заместить христианством, во всяком случае в сколько-нибудь ощутимом масштабе. Индия воспринимала от колонизаторов некоторые иные черты западной культуры, которые вне всякого сомнения пошли ей на пользу.

Что касается местного населения в любой из стран, подвергшихся колониальной экспансии даже в очень слабой форме, то перед ним (а в случае с Америкой и перед привезенными туда неграми) стояла задача выжить в рамках изменявшихся колонизаторами сообществ, в которых они численно заведомо преобладали. Эта задача была для местного населения не слишком сложной. В больших колониях, которые имеются в виду в первую очередь, как, например, в той же Индии, процесс довольно быстрой трансформации (она, как правило,

выходила за пределы XVIII в.) шел сравнительно безболезненно. На долю колонизаторов выпадало в основном вести и направлять этот процесс. Более того, в силу сложившихся обстоятельств ответственность за благосостояние и успехи подопечных им стран они брали на себя. Эти задачи выполнялись при налаживании связей колоний с метрополиями. В итоге колонии втягивались в мировую торговлю.

Торговля с Востоком была главной целью колонизаторов с самого начала эпохи колониализма. Поэтому неудивительно, что колонизаторы при организации торгового оборота вынуждены были считаться с запросами и предпочтениями местного населения в тех странах, куда они стремились и где они достаточно прочно обосновывались, для начала лишь в форме небольших анклавов и форпостов. Но при всем том колонизаторы, прочно завладев большими колониями и взяв на себя ответственность за них, проводили по отношению к их населению сравнительно мягкую политику. К тому же они играли в этих колониях весьма важную, хотя и ставшую заметной далеко не сразу позитивную роль. К чему сводилась эта роль?

Вопрос отнюдь не праздный, особенно если иметь в виду то отношение к колониализму, которое в наши дни — да и на протяжении едва ли не всего последнего века — усиленно насаждалось в марксистско-социалистической и националистической (неевропейской) историографии. Иными словами, только ли отрицательным или хотя бы в основном отрицательным следует считать появление колонизаторов? Принесли колониализм и вестернизация неевропейскому миру один только вред, как многие склонны считать вплоть до наших дней? Или же они все-таки принесли, кроме вреда, еще и некоторую пользу? А быть может, они принесли больше пользы, чем вреда? Обратим особое внимание на этот важнейший вопрос, который позволяет несколько иначе, нежели это считается общепринятым, оценить серьезную проблему столкновения Запада и Востока.

КОЛОНИАЛИЗМ КАК ПРЕДТЕЧА МИРОВОГО РЫНКА

Начнем с того, что усилиями европейцев, европейской буржуазии, создавался, пусть вначале лишь в зачаточном состоянии, **некий мировой рынок.** Этот рынок рано или поздно затронул всех. Но далеко не все и тем более не сразу ощутили на себе его воздействие.

Ощущать его стали лишь отдаленные потомки тех, кто оказался в далеком прошлом под игом колонизаторов (не стоит сопоставлять его с татаро-монгольским игом в России, не давшим нашему народу ничего, кроме рабской психологии). Именно благодаря складывавшемуся мировому рынку человечеству удалось добиться немалых успехов в развитии по западному пути. И речь идет не только о Западе, хотя он ощутил это раньше других. Воздействие мирового рынка хорошо видно на примере современных Индии или Бразилии, Южной Африки или Малайи, не говоря уже о Китае, испытавшем лишь легкую колониальную зависимость от Запада во второй половине XIX века. В конечном счете все сказанное означает, что именно благодаря этому рынку, т.е. плодотворному воздействию на планету европейского капитализма с его неоспоримыми достижениями, страны Востока и колониальной части Нового Света сделали огромный шаг вперед.

Этот шаг обошелся им в конечном счете не слишком дорого. Ведь колонизация — в отличие от многочисленных войн, завоеваний, а то и гибели тех либо иных восточных народов и государств на протяжении веков, даже тысячелетий, — обычно, за редкими исключениями, например, индейцев Вест-Индии или некоторых индейских племен Северной Америки, не приводила неевропейские народы к уничтожению. Напротив, в большинстве случаев открыла перед их потомками быстрый путь к успехам. И если это принять во внимание, то баланс окажется достаточно очевидным. Смысл его в том, что многие народы, бывшие в свое время под гнетом либо опекой колонизаторов, в конечном счете, пусть через несколько поколений, обрели значительно больше, нежели, как то могло показаться вначале, утратили. Но почему этот элементарный и даже бросающийся в глаза смысл далеко не всем заметен?

Все в нашем мире очень непросто. Вспомним несчастных английских крестьян, которые в свое время вынуждены были покидать земли и дома и становиться нищими пауперами в период интенсивного огораживания, когда овцы, по выражению Т. Мора, съедали людей. Читайте разные исторические сочинения — и вы увидите, как этот процесс изображают в самых мрачных красках, что в общем вполне понятно. Люди страдали, причем в массовом масштабе. И им, этим людям, было далеко до тех благословенных времен, когда их тяжелый труд на городских предприятиях обогатит Англию, вследствие чего буржуазное производство сумеет облагородить страну, а на месте древних деревушек, где некогда гуляли вытеснившие крестьян

овцы, очень неплохо и во всяком случае безбедно станут жить потомки тех пауперов, которые страдали несколькими веками назад. Рынок, мировой рынок сделал свое дело. Но это дело делалось далеко не быстро — при всем том, что процесс эволюции был резко ускорен и активно стимулирован тем приоритетным фактором эволюции, который выше был назван буржуазным и соответствующим образом охарактеризован.

В других странах, в том числе и на Западе, шел аналогичный процесс и приводил где раньше, а где и много позже к аналогичным результатам. Вне сомнений то, что везде процветание давалось не легко и нигде оно не приходило слишком быстро. Справедливо ли это — вопрос праздный. Кому выпало на долю быть в начале процесса, те так и умерли жертвами несправедливости. Приходившие им на смену понемногу втягивались в новые нормы жизни, привыкали к ним и постепенно, пройдя через ряд поколений, добивались лучших условий жизни, нередко в борьбе за свои права, о чем еще в последующих томах речь будет идти особо. Но очень важно иметь в виду, что лучшего можно было добиться только в том случае, если каждый все больше и больше прилагал собственные повседневные усилия для достижения этого. **Само нигде ни к кому ничто не приходило.** Исключение можно разве что увидеть только в грабеже золота и серебра из Нового Света. Но и оно, как говорилось, не принесло грабителям счастья и привело к революции цен. И еще. Никогда никому не помогал и не мог помочь элементарный призыв отнять у богатых и поделить поровну. Такое могло привести только к проеданию «халявы» и к последующей серьезной приостановке в движении вперед. Так как же, в свете всего сказанного, следует воспринимать благодатный процесс сложения столь серьезного и благотворного для всех явления, как развитый мировой буржуазный рынок?

Начнем с того, что еще с тех древнейших времен, когда человеческое общество только формировалось, реципрокный обмен, т.е. обмен взаимный, обязательный и более или менее эквивалентный, был неписаной нормой в системе взаимоотношений соседних коллективов, как близких, так и не очень близких друг к другу в родственном либо территориальном плане. Торговля как наиболее наглядная форма обмена возникла на этой примитивной форме очень давно, во времена локальных групп охотников и собирателей, нередко заинтересованных в приобретении тех продуктов, которые были у соседей и которых им самим не хватало. Обмен как таковой не ограничивал-

ся пищей и предметами обихода. Иногда обменивались и такими, казалось бы, явно нематериальными вещами, как слова-имена или знаки-символы, что лишний раз свидетельствует о роли идей как основы реальной системы ценностей у самых ранних представителей сапиентных людей. Позже практика реципрокного обмена обрела более устоявшуюся и постоянно действующую форму и утвердилась в рамках разросшихся этических общностей, имеющих первоначально единый корень (язык, религиозные представления, элементы повседневной материальной и всеобщей духовной культуры).

Антропологи, изучив основные принципы такого рода связей на примере некоторых африканских общностей, использовали концепцию Э. Дюркгейма о механической солидарности. Смысл ее в том, что крепость связи и обязательность строгого реципрокного по сути своей взаимообмена между соседями даже в рамках единой разросшейся этнической общности регулируются степенью родства и территориальной близостью. Если расшифровать эту теорию, то суть ее сведется к тому, что существуют обязательства одних групп по отношению к другим и что эти обязательства заметно меняются в зависимости от степени родственной и территориальной близости. Для родных и близких они велики. Для тех, которые в родственном отношении какого-либо единства между собой не признают, но территориально близки и потому часто вступают друг с другом в контакт, характер взаимных обязательств был другим. Он сводился уже не к эквивалентной взаимопомощи в случае нужды, а прежде всего и главным образом к тому опять-таки эквивалентному, но теперь уже к добровольному договорному взаимообмену, т.е. попросту к хорошо всем известной торговле.

Практически сказанное означает, что без обмена в его различной форме, восходящей в конечном счете к реципрокным связям близких друг к другу коллективов, люди никогда обходиться не могли. Но и это еще совсем не все. Если снова возвратиться к древним локальным группам с их вынужденным, хотя и в каком-то смысле определенным образом регулировавшимся равенством в потреблении, то выяснится, что реципрокный принцип обязательного эквивалентного обмена был и тогда. Но в тех исключительных условиях суть его была несколько иной. Она сводилась к тому, что хороший охотник вынужденно менял принесенную им для всего коллектива добычу на уважение и престиж со стороны остальных членов группы. Ничего большего благодарный коллектив, особенно те, кто лично не мог

участвовать в охоте, предложить ему был не в состоянии. Обратим внимание на этот необычайно важный и во многих отношениях краеугольный момент взаимной связи людей в коллективе, пусть еще очень небольшом, раннем, слабом и отсталом. Он почти идентичен знаменитому лозунгу коммунистов «с каждого по способности»[1] и в общем-то характерен для всей истории человечества, для взаимоотношений в любом обществе, от крайне примитивного и очень древнего до вполне развитого и современного, лишенного явного принуждения. Что прежде всего имеется в виду?

Ответ напрашивается сам собой. Любое общество на протяжении всей истории, всегда и везде состоит из неравных друг другу людей. Неравенство по возрасту и полу естественно. Но не менее важно неравенство по способностям, т.е. по силе ума, характеру, умению заимствовать либо запоминать, учиться и совершенствоваться в своем деле, работать лучше или хуже, делать больше или меньше, иметь общественно полезные либо вредные наклонности и т.д. и т.п. Как результат, люди получают за свой труд больше или меньше (уравнивающий эквивалент бывает разным, от престижа и презрения до большей либо меньшей заработной платы или иного дохода). Так бывало и на Востоке, и на Западе до эпохи колониализма. Но с началом этой эпохи стала наглядно вырисовываться еще и впечатляющая разница между европейцами с их приоритетным буржуазным фактором энергичной эволюции с ее высокими темпами и теми из стран и народов Востока, кто оказался объектом колониальной экспансии. Только теперь на передний план вышло различие уже не между отдельными членами общества, а между обществами традиционно-восточного типа с одной стороны и западного с другой.

Различие было заметным и — если ставить все тот же вопрос о нормах и принципах обмена — не в пользу Востока. О полноценном уравнивающем эквиваленте в денежной форме говорить не приходится. Да, за пряности европейцы обычно платили. Но платили не слишком много, ибо те усилия, которые тратились европейцами в процессе организации производства, закупки, доставки, немало стоили и еще выше ценились ими, чей труд был более квалифицированным и потому более дорогим. **В итоге совершался все тот же обязательный**

[1] Мы пока оставим в стороне вторую и крайне утопично звучащую часть этого лозунга («каждому по потребностям»), о которой, как и о марксизме вообще, в формате лозунга в целом, упоминалось и к которой мы еще вернемся.

эквивалентный взаимообмен, но в качестве эквивалента выступали не столько деньги, сколько, согласно древней традиции, продукты, аккумулировавшие силу ума и достижения техники, прежде всего морские суда, огнестрельное оружие и люди, т.е. потенции тех, кто всем этим владел. В конечном счете, многое зависело от разницы в уровне обществ. Те негритянские вожди, которые продавали европейским работорговцам своих соплеменников, часто удовлетворялись стеклянными бусами либо огненной водой, т.е. тем, что европейцам ничего не стоило, но в Африке отсутствовало и потому ценилось. Что ж, таковы законы рынка, законы всеобщие, действующие всегда и везде, начиная с тех незапамятных времен, когда эквивалентом мясной пищи был престиж, позволявший одним несколько возвыситься над другими именно потому, что они обладали желанной пищей.

Реципрокный обязательный взаимообмен достаточно быстро, о чем уже шла речь, перестал быть обязательным, став договорным, но сохранив при этом главный смысл: обмен должен быть эквивалентным. Вопрос лишь в том, как только что было показано, что воспринимается как эквивалент. И когда испанцы вывозили из Мезоамерики многие тонны драгоценных металлов, эквивалентом, как это ни странно прозвучит, стала обязанность европейцев обеспечить определенный уровень существования и, не стоит бояться продолжить, успешной эволюции оставшегося в Мезоамерике населения. И, если не считать трагедии островов Вест-Индии, испанцы и португальцы с этим постепенно как-то справлялись. Справлялись за счет христианизации и аккультурации, т.е. внедрения в общество более высокой культуры. Справлялись за счет чернокожих африканцев, которые занимали необходимые для развития Латинской Америки рабочие места. Справлялись за счет европейских переселенцев, обретавших неплохие условия для существования, особенно по сравнению с обнищавшими Испанией и Португалией.

И хотя слишком большими успехами они вплоть, пожалуй, до рубежа XX–XXI веков похвастать не могли, что во многом было обусловлено не злой волей и не жесткостью колониализма как системы, а слабостью буржуазного фактора эволюции в отсталых пиренейских государствах, позитивные изменения понемногу все же появлялись. Сказанное позволяет прийти к заключению, что колониальная экспансия — учитывая все ее очевидные мерзости, включая и разные формы насилия, тем более работорговлю, — сыграла на буржуазном этапе своего существования очень серьезную для человечества в целом роль

планетарного обмена. Поскольку этот обмен не был обязательным, оставим в стороне термин «реципрокный» и обратим внимание на другой из сравнительно редко употребляемых, но часто встречающихся в данном издании терминов, на редистрибуцию. Выше этот термин, буквально обозначающий только перераспределение, использовался для обозначения господствовавшего в древнейших доцивилизованных обществах, а затем и на всем Востоке перераспределения совокупного имущества коллектива, вначале вовсе не знакомого с институтом частной собственности, а позже знакомого с этим институтом в его оскопленной восточными государствами форме.

Если выразиться точнее, то такое перераспределение означало проявление власти того, кто считался главой коллектива, будь то патриарх семейно-клановой группы или старейшина общины в глубокой неолитической древности или вождь племени и правитель ранних и более развитых государственных структур. Ведь вся власть этих людей и все их социальное положение зависели именно от этого величайшей ценности права по своей воле перераспределять продукт или — позже — территории, приносившие определенный доход. Связанная с институтом власти-собственности, эта древнейшая и наиболее ранняя форма редистрибуции обычно именуется централизованной, ибо все здесь зависело от решения главного хозяина. Но в тех немногочисленных случаях, когда государство в силу различных причин или их совокупности оказывалось слабым в административном плане, возникала иная форма той же редистрибуции, т.е. членение единого владения на уделы. И если такое членение вынужденно оказывалось достаточно долгим, а не было кратким, как, к примеру, у центральноазиатских Шейбанидов, то оно приводило не просто к временному появлению уделов у родственников правителя. Возникал и укреплялся феодализм как система политических отношений, о чем уже обстоятельно было сказано ранее.

Учитывая сказанное, теперь самое время обратить внимание на то, как обстояло дело с перераспределением совокупного имущества всего человечества в связи с колониальной экспансией европейцев. Суть дела в том, что **колониальная торговля была гигантской по объему и результатам планетарной редистрибуцией. Это нечто вроде ранней формы мирового рынка и даже более того, прототип современной глобализации, против которой со столь неукротимой энергией выступают те, кто такого рода глобализацией недоволен.** Благодаря именно колониальной торговле во всепланетарном мас-

штабе европейцы обрели в нужном им количестве и по приемлемой цене столь необходимые им пряности, да и многие иные ценные продукты, не говоря уже об американском золоте и серебре, которое с этой точки зрения стоит ценить в последнюю очередь. Но мало говорить о том, что обрели европейцы. Ведь все жители Старого Света познакомились с новыми и получившими широкое распространение американскими продуктами (картофель, томаты, кукуруза, табак, какао, да и еще кое-что). А Америка познакомилась с лошадьми и иными породами скота, узнала новые виды злаков и других продуктов. И это еще далеко не все. Пусть не сразу, но весь мир ознакомился с огнестрельным оружием (быть может, не бог весть какое достижение, но вспомним о современных ракетах с их боеголовками и сопоставим одно с другим). Кроме того, был открыт путь к распространению всех гигантских по количеству открытий, усовершенствований и новаций во всех сферах деятельности, которыми уже в переходный период и тем более позже стали обладать европейцы. Ведь вся эта гигантская и поистине неоценимая работа ума и таланта европейских ученых, инженеров, техников, просто случайных изобретателей и первооткрывателей стала не просто доступной, но и энергично распространяемой во всем мире, пусть не сразу и тем более не везде сразу.

Разумеется, новое появлялось на планете не одновременно. Но зато в таких крупных колониях, как Латинская Америка, Индия либо зона островов в южных морях, все вскоре становилось известным, хотя и далеко не обязательно в XVIII в., часто позже. Гораздо, однако, важнее то, что без колониализма это новое могло вообще не прийти. Понятно, что все это новое сразу же не было оценено по достоинству, так что неудивительно, что подавляющее большинство населения колонизованных стран, которое к тому же редко и далеко не легко воспринимало все такого рода новшества, не было этим довольно. Выше не раз упоминалось, что консервативная стабильность и вытекавшее из нее удовлетворение тем, что есть, — это привычная и очень высоко ценимая норма жизни традиционного Востока. Можно в связи с этим вспомнить, как могущественная и по сути последняя самодержавная императрица великого Китая уже в конце XIX века, когда Поднебесная оказалась в зависимости от европейских колонизаторов и наводнила страну техническими новинками, решительно отказалась купить своему сыну игрушечную механическую железную дорогу, которую тот как-то случайно увидел в витрине одного

из столичных магазинов. Мальчик был потрясен увиденным, а его жесткая мать твердо стояла на том, что ничего иностранного будущему императору не нужно. Это унизит его перед иностранцами, мерзкими заморскими дьяволами...

В столь небольшом эпизоде сконцентрировано очень многое. Восток не желал становиться объектом освоения колонизаторами Запада даже при всем том, что из Европы шло в колониальные, да и просто зависимые страны вроде Китая или Турции, очень много нового и явно полезного. Не желал не только потому, что не видел во всех европейских новациях любого типа, включая и технические новинки, чего-то бесспорно нужного и даже ценного, а то и удобного для всех. Он не желал новаций в принципе, причем это явное нежелание с нарочитым осуждением всего чуждого древней норме было очень распространено. Оно было распространено потому, что оказалось естественным результатом наглого и бесцеремонного, сопровождавшегося насилием и войнами проникновения чужаков.

В одних случаях это неприятие воспринималось с открытой религиозной нетерпимостью, в других, как прежде всего в Китае, было проявлением горделивой самодостаточности, принципом жизни. Но были и такие колонии, которые, будучи в религиозном плане толерантными, относились к колонизации и колонизаторам более терпимо. Как правило, они — это прежде всего Индия, частично некоторые буддийские страны — получили от колонизации немало полезного и, что существенно, достаточно активно этим полезным воспользовались, пусть даже не сразу. Словом, и колонизация как феномен, и колонизаторы как бесцеремонные непрошеные гости, стремящиеся оттеснить хозяев, и колонисты (а это нечто совсем другое), и то самое обилие новаций, которое более всего изменило за ряд веков традиционную структуру пусть не всех, но многих стран Востока, — все это должно быть принято во внимание, коль скоро речь идет об объективной оценке вестернизации как великого для планеты явления, значимость которого сегодня, через много десятилетий после деколонизации всего неевропейского мира, более чем очевидна.

Еще немаловажный аргумент. Освоение европейцами колоний в разных странах, практически на территории всей планеты, содействовало развитию не только не раз уже упомянутого мирового рынка с его колоссальной важности последствиями для всего человечества. Это вело к установлению прочных и взаимовыгодных мировых связей, к распространению достижений разных цивилизаций, наконец, просто

к сближению между разными людьми, отличавшимися по уровню развития, цвету кожи, религиозным верованиям, языку и обычаям. А создание в колониях порой принципиально новых этнорасовых сообществ, даже вне зависимости от того, насколько эти сообщества вначале были справедливо устроены, было в конечном счете делом безусловно полезным, способствовавшим ускорению развития всех тех народов, которые добровольно либо насильно оказались в свое время включенными в процесс созидания таких новых сообществ.

Все приведенные аргументы представляются достаточно весомыми. Но, как то хорошо известно, им противостоят не менее убедительные — по крайней мере в глазах принципиальных противников всего того, что связано с колониализмом. К такого рода контраргументам относятся прежде всего неоднократно упоминавшиеся воспоминания о насилии по отношению к колонизуемым народам, особенно к африканским рабам. К этому прибавляются аналогичные воспоминания о подавлении колонизаторами протестных движений со стороны колонизованных народов. Иногда приводятся даже явно несостоятельные, но дорогие для их авторов контраргументы, суть которых сводится к беспочвенным представлениям о том, что, если бы колонизаторы не помешали, колонизованные народы сами развивались бы еще более успешными темпами. Наконец, многие скорбят об утрате их древними предками в результате колонизации столь ценной для всех народов их уникальной идентичности. Перечисление претензий к колониализму как феномену можно было бы продолжить. Но главное уже сказано. Оно в том ходячем представлении, будто колониализм был только бесстыдным и безмерным ограблением колоний. Это неосновательно. Факты говорят о другом. **Да и конечный баланс не сводится лишь к тому, кто у кого больше взял и кто больше получил, хотя это и весьма существенно. Баланс в ином. Он в том, какими стали все бывшие колониальные владения в наши дни и стоило ли в конечном счете обладание всем тем, что создано Западом, его буржуазными обществами и государствами, той цены, которую, по мнению ярых противников колониализма, неевропейский мир за это заплатил. Впрочем, пусть каждый решает эту проблему по-своему.**

Часть пятая

От идей Просвещения к Великой революции

Заключительный этап переходного периода, о котором идет речь в томе, ознаменован очень заметными событиями. О них теперь и пойдет речь. Рассмотренное и оцененное во всех остальных частях тома можно считать событиями, которые подвели человечество к тому наиважнейшему, чем завершился переход мировой истории к новому периоду его существования, который кардинально отличается по многим основным параметрам от предшествовавших ему эпох. Отличия, имеющиеся в виду, сводятся прежде всего к тому, что новый этот период — XIX столетие — стал главным веком полного торжества, триумфа буржуазии со свойственными только и именно буржуазному обществу ускоренными темпами эволюции.

Речь идет именно об эволюции — при всем том, что зеленый свет ей был открыт и величайшей по своей значимости для всего мира революцией во Франции. Упоминание обо всем мире далеко не случайно. Хорошо известно, что революция дала мощный и невиданный до того по силе и внутренней энергии толчок для экономического и культурного развития человечества. И хотя прежде всего и главным образом силу и великую значимость этого толчка ощутили только в Европе, да и то лишь западной континентальной ее части, по сути дела содрогнулся от него весь мир, включая все отдаленные и отсталые, вплоть до Тропической Африки, его регионы. Если до XVIII в. эти регионы — в основном речь об Африке — еще даже не были изучены и оставались на уровне почти не затронутой цивилизацией глухой и крайне примитивной первобытности, то в XIX столетии ситуация решительно изменилась. Не только африканские тропики, но и многие другие аналогичные им территории были освоены европейцами и изучены многочисленным отрядом антропологов, для которых именно этот век стал своего рода золотым.

Что же легло в фундамент столь серьезных и далеко идущих кардинальных перемен? Что было истинным толчком, позволившим буржуазии и свойственному именно ей теперь мощному и во всю силу заработавшему (хотя до самого конца XVIII столетия еще далеко не везде) буржуазному фактору эволюции развернуться во всю ширь и получить наконец идеальные возможности для плодотворной деятельности? Ответ на эти вопросы очевиден. И сводится он прежде всего к кардинальным переменам в западном обществе в целом. Смысл их проявился наиболее ярко в сфере великих идей, коими оказался насыщен в Европе XVIII век, век Просвещения.

О первостепенной и в принципе первичной роли идей в истории человека с первых его шагов по планете уже специально шла речь и будет еще сказано. Идеи как результат мыслительной деятельности и вербальной активности людей, которая обусловила принципиальное их отличие от всех предлюдей, создав феномены памяти и аналитического, противостоящего элементарной интуиции дискурса, — это главное, что составляет сущность Homo Sapiens. И потому развитие идей во всей мировой истории было тем первоначалом, отталкиваясь от которого шла их эволюция. Какого рода идеи оказались на переднем плане и завладели умами не только интеллектуалов, но и достаточно широкого круга мыслящих людей Запада, откликнувшихся на те перемены, которые в век Просвещения, а кое в чем и задолго до него, оказались особенно актуальными и важными для всех или почти для всех?

Век Просвещения — XVIII век. Однако ничто никогда не возникает сразу. У любого сложного явления (а именно к таким относится сфера глубокого мышления) есть основатели и предшественники. Для мыслителей века Просвещения такими были те, кто после Ренессанса начал публиковать свои замечательные труды. Речь о работах в разных сферах знания, будь то наука, политика или литература. Но гениальные мастера в каждой из этих сфер внесли свой неоценимый вклад в складывавшуюся их усилиями сокровищницу западноевропейской культуры. Едва ли есть смысл еще раз особо напоминать о многих из тех, кто был назван ранее и имеет все основания считаться предшественником мыслителей века Просвещения. Их ведь не так уж и мало. К их числу относятся и въедливый с явным оттенком цинизма, но тем не менее великий по размаху мысли Н. Макиавелли, и естествоиспытатели Г. Галилей и И. Ньютон, и мудрецы-философы Ф. Бэкон и Р. Декарт, Б. Спиноза и Т. Гоббс, да и многие другие. Люди XVIII века могли вполне свободно пользоваться этим вкладом

и умнеть, развиваться много более быстрыми темпами, нежели то было раньше. Мало того, их развитие, что очень важно, неизмеримо расширилось, если принять за основу ту религиозно-философскую богословскую скованность мысли, которой обычно отличались все их не столь уж и давние предшественники, заканчивавшие европейские университеты всего-навсего на век-другой раньше.

Все дело в том, что, как на то уже обращалось внимание, к числу новаций, ставших характерными для западноевропейских реалий XVI–XVII вв. (о веке Просвещения речь пойдет особо), следует отнести характерный для эпохи Реформации взрыв ненависти к католической церкви. Эта церковь со всей ее иерархией и привычными институтами (десятина, монастыри, святые и празднества в их честь, индульгенции и др.) лишилась своей монополии и, более того, подверглась сокрушительной и уничижающей критике. Правда, церковь, сделав ряд важных уступок, довольно быстро оправилась от нанесенного ей протестантами удара. Благодаря Контрреформации, сведшейся к некоторой идейно-организационной перестройке и, в частности, к укреплению влияния ордена иезуитов, она сумела выжить. Тридентский собор (1545–1563 гг.) настоял на том, чтобы сохранить основы власти высших иерархов во главе с возвеличенным Римским папой. Это позволило ей частично восстановить свои позиции влиятельнейшего официального института, который просуществовал едва ли не полтора тысячелетия. Но ненависть к католической церкви сыграла, тем не менее, огромную роль в истории переходного периода.

Эта роль была не только в том, что протестантизм оказался религией наиболее развитой и удачливой части буржуазии. Она проявилась также и в том, что отношение к религии как таковой начало постепенно изменяться. В наиболее явном виде эти перемены стали заметны в XVIII веке. Но и накануне этого столетия настроения не только антикатолического, но и более резкого антиклерикального характера все чаще появлялись и обретали популярность. Население развитых и тем более ведущих стран Западной Европы теряло уважение к церкви вообще (ведь именно католицизм всегда ассоциировался с церковью как институтом) — при всем том, что с помощью мощного движения Контрреформации католичество многое сделало для того, чтобы сохранить свои позиции в обществе.

Что же шло на смену того полностью поглощенного религиозными представлениями мышления, которое было столь свойственно

средневековой Европе еще совсем недавно, в XV–XVI вв.? Сначала в качестве протеста выступила гуманистическая идея гениев Ренессанса, уже не только североитальянского. Вспомним о новой по глубине и художественной силе литературе, которая вслед за Данте и его соотечественниками была прославлена Ф. Рабле, Эразмом Роттердамским, М. Сервантесом и многими другими. В Западной Европе уже в позднем средневековье были университеты, возникали и театральные труппы. Однако подлинного расцвета и практически почти современного уровня и университеты, и особенно театры достигли именно теперь. Шекспир в Англии и Мольер во Франции, Лопе де Вега в Испании как драматурги и основоположники высочайшего актерского искусства не превзойдены вплоть до сегодняшнего дня. Примерно то же следует сказать о голландских и иных художниках, будь то Рембрандт или Тициан, которые достойно продолжили высочайшие достижения Рафаэля, Леонардо и Микеланджело.

Параллельно со взлетом мысли в различных сферах человеческой деятельности произошли уже практически не связанные с трудами мыслителей серьезнейшие перемены в общих представлениях населения западноевропейских стран об окружавшем их мире и о планете в целом. Знакомство с неведомыми либо просто недосягаемыми до того территориями (Новый Свет, Индия, Китай, Япония), да и длительная жизнь многих жителей Европы, оказавшихся далеко от родины рядом с представителями иных культур, не могли не привнести в привычный тезаурус западноевропейского населения немало нового, требовавшего осмысления и привыкания. Имеются в виду далеко не только религиозные воззрения и этические нормы, подчас совершенно неожиданные для христианина. Очень важным было знакомство с образом жизни, бытом, пищей, нравами, языками разных народов, будь то представители высокоразвитых очагов цивилизации или отставшие в развитии коллективы, жившие в рамках более примитивных этнических общностей. Разумеется, несходство в религии сразу же стало поводом для направления в разные страны огромного числа очень активных христианских миссионеров, по меньшей мере части которых — особенно в испанской Мезоамерике — вполне удалась поставленная перед ними задача обратить местное население в христианство и привить ему свойственные католицизму нормы повседневного быта, образа жизни. Свою немалую роль это сыграло. Но факт христианизации большого массива чуждых европейской культуре людей, как то случилось в наибольшем

объеме в Латинской Америке, никак не сказался на развитии много более передового в ту пору Запада. Для него XVIII, да и ряд предшествующих столетий, были периодом быстрого интеллектуального роста, энергичного развития. И если коснулось оно далеко не всех, то те, кого оно всерьез затронуло, сыграли свою важную роль. И это стало решающим моментом в развитии человечества.

Глава девятнадцатая. ВЕЛИКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Речь пойдет, таким образом, о выдающихся людях и высказанных ими идеях. Сущность всего того, что было связано с Просвещением, в частности с деятельностью многочисленных светочей Разума, которые пришли как бы на смену великим гениям и титанам Ренессанса, трудно переоценить. Именно идеи и весь принципиально новый подход к жизни общества и к статусу личности, проявившийся в основных трудах выдающихся деятелей XVIII столетия, зафиксировавших процесс интеллектуального возмужания человечества, сыграли решающую роль в окончательном разрыве со средневековьем. Будем все время иметь в виду, что речь идет о странах Запада, который в этом отношении не просто очевидно лидировал, но и коренным образом отличался от Востока. Именно они, интеллектуалы Запада, подготовили почву для всего того, что стало базовой основой исторических событий буржуазной эпохи. Но и это еще все.

Идеи, о которых идет речь, не только впитали в себя все то великое, что было создано мыслителями Ренессанса и Реформации. И они не просто повели человечество дальше с целью вывести его интеллект и сознание на новый, невиданный до того уровень и тем самым открыть широчайшие просторы для развития буржуазных обществ. Объективные потенции этих идей были намного глубже и серьезней. Глубина и основательность их сводились не просто к пересмотру устоявшихся мыслительных стереотипов. Век Просвещения поставил перед собой более высокие цели. Сущность их вела к тому, чтобы, как только что было упомянуто, освободить разум человека от очень многими тысячелетиями сковывавших его пут религиозного сознания и связанных с ним догматизма и схоластики.

Собственно, именно к этому — к полету освобожденного от искусственных преград Разума — и сводились основные достижения

века идей Просвещения. Ведь речь шла не просто об образовании неграмотных либо полуграмотных людей, которые составляли подавляющее большинство населения стран Запада, не говоря уже об остальном мире. Задача была совсем другой. Просвещение — это было решительное сбрасывание оков с замутненного религиозными догматами сознания, освобождение от того абсурдного состояния, которое очень метко охарактеризовал в свое время один из наиболее ранних отцов христианской церкви Тертуллиан (160–220): "verum est quia absurdum est" («истинно, ибо абсурдно» или «верую, ибо абсурдно»). Мыслители эпохи Просвещения не хотели видеть истину в абсурде. Они твердо стояли на почве реального и проверяемого опытом и прочими доказательствами убедительного научного знания. И самое значительное в том, что этот подход к постижению истины, к получению свободных от влияния церковных догм научных данных стал для многих общепринятым. Он определил собой тот гигантский путь к развитию науки, который стал нормой для нового времени существования человечества, пусть даже не всего, но главным образом передовой его части, которая и была занята разработкой всех отраслей знания.

ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ

Обратимся теперь к основному содержанию всего того, что представляли собой идеи, разрабатывавшиеся мыслителями эпохи Просвещения. Родиной этих идей, как то и следовало ожидать, была либерально-демократическая буржуазная Англия, наиболее передовая в XVIII веке страна. Впрочем, и в континентальной Европе уже на рубеже XVII–XVIII столетий начали время от времени появляться труды, в которых разрабатывались идеи, близкие к тем, что несколько позже стали активно выдвигаться и обосновываться мыслителями века Просвещения. Как бы то ни было, однако, но пальму первенства следует отдать англичанам.

Одними из наиболее значительных предтечей просветительских идей справедливо считаются **И. Ньютон** (1643–1727) и **Т. Гоббс** (1588–1679). Ньютон, наиболее известный читателю преданием об упавшем с яблони яблоке, был глубочайшим мыслителем-естествоиспытателем, который в своих бессмертных «Началах философии» обратил специальное внимание на основные законы

природы, включая знаменитый закон всемирного тяготения, а также на аналитический метод исследования, сводившийся к жесткому контролю любой естественно-научной теории экспериментом, опытом. Отрицая столь широко ходившие в науке его времени ничем не проверенные и не доказанные гипотезы, Ньютон сохранил из всех этих априорных суждений лишь не поддающиеся экспериментам понятия абсолютного времени и абсолютного пространства.

Гоббс был философом с явно выраженным гуманитарным уклоном. В центре его внимания были прежде всего и более всего человек, общество, государство. Он не идеализировал человека, подчеркивал свойственный ему эгоизм и особенно присущие каждому **интересы**, особенно материальные, которые выделялись им как главное в компендиуме человеческой морали. Частное, индивидуальное в каждом первично, а социальное и тем более государственное вторично. В своем знаменитом «Левиафане» (1661), посвященном анализу феномена государства, Гоббс развивал идею о «естественном человеке» в догосударственную эпоху, когда не существовало частной собственности и господствовала «война всех против всех». Ища выход, люди договорились создать государство для обеспечения правопорядка. Таким образом, Гоббс одним из первых обстоятельно разработал время от времени выдвигавшуюся еще задолго до него, с времен античных, идею о возникновении государства в результате некоего общественного договора. Именно возникшая таким образом власть обуздала антиобщественные привычки «естественного человека» и содействовала появлению неприкосновенной и гарантированной ею частной собственности. Смысл построений Гоббса вполне ясен: гарантированные государством мир и порядок и созданная им буржуазная частная собственность, равно как и связанное с ней предпринимательство, способны обеспечить процветание общества. Но идея об индивидуальном «естественном человеке» сомнительна.

Д. Локк (1632–1704) много внимания уделил проблеме идей как таковых. Он выступал против представления о врожденности любой идеи и настаивал на том, что идея, как и знание, — результат некоего опыта, размышления, как внутреннего, глубинного, связанного с работой мозга и чувств, так и внешнего, обретаемого под воздействием окружающего мира. Отмечая неравенство способностей у разных людей, Локк вместе с тем подчеркивал, что приобретенные знания восполняют недостаток способностей. А знания, которые имеются в виду, — это все те же простые идеи, совокупность которых создает феномен слож-

ной идеи. Иными словами, все то, что является объектом мышления, и есть идеи, как простые, так и сложные, своего рода субстанции либо состояния, вплоть до идей пространства, времени и числа.

Локк поддержал, с некоторыми оговорками, основные идеи Гоббса, в том числе представление о «естественном состоянии» людей до возникновения государства, о возникновении государства в результате общественного договора («О государственном правлении», 1690). Но при этом он добавил к ним очень важные для буржуазной Англии постулаты о существовании частной собственности еще до возникновения государства, а также о политическом суверенитете народа, о личных свободах и правах граждан. Локк выдвинул либерально-демократическую идею о разделении властей, придав ей огромное значение в качестве надежного гаранта государства. Конституционная монархия, по его мнению, более всего соответствует естественному праву людей — праву на жизнь, свободу, собственность и т.п., т.е. на все то, чего недоставало человеку до выхода на авансцену истории буржуазии.

Восхищением перед всемогущим буржуа был проникнут роман **Д. Дефо** (1660–1731) «Робинзон Крузо», который внес свою лепту в обоснование идеи о роли в процессе выживания оптимизма и энергии предпринимательства. Правда, другие видные властители дум вели друг с другом спор о том, склонен человек быть добрым и творить добро или ему больше свойственны жадность, своекорыстие и прочие пороки. Критика этих пороков и даже своего рода мизантропия, во всяком случае отнюдь не восхищение буржуа, представлены в произведениях блестящего сочинителя **Д. Свифта** (1667–1745) с его путешествиями Гулливера. Но эти разногласия не слишком мешали формированию идей о всемогуществе свободных людей буржуазного общества, их неограниченных возможностях и даже о становлении чего-то вроде социальной гармонии.

Поздний этап в развитии идей Просвещения английскими мыслителями представлен прежде всего политэкономическими штудиями **А. Смита** (1723–1790) с его теорией основ свободной конкуренции как главного фактора обеспечения нужного порядка на рынке при невмешательстве в рыночные отношения государства и тезисом об основной роли труда в создании стоимости. Совокупная стоимость (цена продукта) выступает в работе Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) в качестве высшего и по сути единственного регулятора рынка и всей системы производства.

Часть ее составляет земельная рента, другую — прибыль капитала, третью, по мере роста объемов производства, как следует считать, все более солидную — заработная плата.

Важно учесть, что Смит хорошо понимал основные законы буржуазного рынка, о чем, в частности, свидетельствует его тезис, сводящийся к тому, что буржуа, преследуя собственную выгоду, тем самым объективно служит интересам общества. Мысль более чем глубокая, если сопоставить частное промышленное предприятие (современную фирму) с государственным. Ведь если предприятием руководит не собственник, а чиновник, то низкая рентабельность производства бьет по доходам казны, а не по его карману, отчего интересы общества безусловно страдают.

Другие английские мыслители в основном развивали уже высказанные идеи, в частности рассуждали об особенностях созданного после жесткого противостояния короля и парламента нового английского государства, о государстве как важнейшем социополитическом инструменте защиты господствующего в обществе и вполне естественного неравенства, о его роли в качестве гаранта равенства всех перед законом. В своей «Истории упадка и разрушения Рима» **Э. Гиббон** (1737–1794) обрушился с резкими нападками как на последних римских правителей, отличавшихся произволом и деспотическими наклонностями, так и на христианство с его проповедями, направленными против гражданственности, что он считал главной причиной гибели империи.

Как легко заметить, основной идеей представителей интеллектуальной элиты Англии XVIII в. было прежде всего то, за что сражалась эта страна и прежде всего ведущий ее социальный слой, буржуазия, в предыдущем столетии. Это было стремление отстоять и возвысить свободы и гражданские права, укрепить представление о высшей значимости частной собственности и либеральной демократии, о политическом приоритете народа и государстве как слуге народа, в чьи функции входит обеспечивать в обществе порядок, а также неприкосновенность собственности и гарантии предпринимательства. И хотя далеко не все при этом были полны социального восторга, а в книгах некоторых виднейших авторов, как в великолепных сочинениях Д. Свифта, сквозили даже явственные нотки недоверия к толпе, все же в основном у английских мыслителей века Просвещения преобладал оптимизм.

И в этом была своя логика: кому, как не англичанам, было гордиться тем, чего их страна добилась без особо значимых потерь

(гражданская война, которая завершилась казнью короля, к ним не привела). Англичане уделили немало места и проблемам экономической теории, разрабатывая усилиями А. Смита и некоторых других специалистов важные проблемы решающей роли труда и трудовой теории стоимости, а также некоторые другие вопросы ведения народного хозяйства. В частности — и, видимо, не в последнюю очередь под влиянием последствий «революции цен», — А. Смит одним из первых обратил внимание на то, что главное богатство народов не деньги, не драгоценности, но производимая людьми продукция и тот труд, который в это производство вложен.

Английские просветители, за редкими исключениями вроде А. Смита, были первыми. С их основополагающих работ — особенно с идей Д. Локка — век Просвещения в общем-то и начался. Но стоит заметить, что общий вес того, что сделали просветители в этой стране, оказался не слишком значительным. Нет слов, они много сделали. Именно их труды подчас открывали новые направления в только начинавшем складываться в ту эпоху современном обществоведении. Но им было легко сделать шаг вперед, ибо за их спинами в XVIII столетии уже не было тяжелого груза феодальных привилегий и гнета католических иерархов. То и другое было позади. Поэтому их идеи, как правило, не отличались особо ощутимым гражданским пафосом и не сыграли, да и не должны были сыграть основной роли в главном деле, т.е. в просвещении мыслящей публики, жаждавшей новых и радикальных идей. Эта роль досталась французам. Но прежде, чем перейти к ним, необходимо сказать несколько слов о веке Просвещения в Германии.

ПРОСВЕТИТЕЛИ В ГЕРМАНИИ

Немецкий вклад в идеи века Просвещения был еще более скромным, чем английский. К числу основных причин этого следует отнести существенное отставание Германии в темпах развития, явную замедленность процесса эволюции, раздробленность империи и огромное влияние в ней католицизма при постоянном политическом соперничестве между протестантским севером и католическим югом. Все это влияло на то, что экономические достижения немецких бюргеров и бюргерства в целом были слабыми. Мало того, подобное состояние дел способствовало укреплению позиций феодальной

знати, которая предпочитала экономически поддерживать тех представителей интеллектуальной элиты, которые работали в сферах, не слишком близких к политике, будь то литература, музыка, теория глубокой философии и т.п. Как бы то ни было, но в реальности сложилась именно такая картина. Соответственно и интеллектуально-креативный вклад великих деятелей немецкой культуры века Просвещения оказался довольно резко отличным даже от того, что было характерным для Англии, не говоря уже о Франции.

Предтечей немецкого Просвещения справедливо считается **Г. В. Лейбниц** (1646–1716). Философ и математик, он проявил свой могучий интеллект во многих сферах знания, причем в каждую из них внес весомый вклад. Но этот вклад отражал всю слабость немецкой политической культуры его времени. Отдав немалую дань различного рода метафизическим рассуждениям, включая размышления о мировом разуме, жизни и душах-монадах, он особо остановился на роли духа как сущности сознания. Именно дух обладает постоянной познавательной активностью. Соглашаясь с теорией общественного договора, Лейбниц считал, что договор есть результат некоего процесса, которому не чужды идеи равенства и свободы. Но итогом социологических штудий Лейбница следует считать неожиданный вывод о том, что его современники (видимо, прежде всего соотечественники) живут в «лучшем из миров», «совершеннейшем из всех возможных».

Идея подобного рода позже оказалась не чуждой, как известно, и **Г. В. Ф. Гегелю** (1770–1831), величайшему из немецких философов. Это явно свидетельствует о том, сколь странным путем развивалась классическая немецкая философия и как глубоко немецкая мысль отличалась от английской и тем более французской. В философии **И. Канта** (1724–1804) много ценных идей, отличающихся глубиной оригинальной мысли и тщательностью разработки поставленных проблем. Он воспел свободу и разум как великие идеалы века Просвещения и со вниманием рассматривал проблему существования христианского Бога. А социология Канта сводилась к мысли о большой роли соперничества между людьми, необходимость обуздать которое стало причиной генезиса государства. По сути это вариант все той же теории общественного договора, хотя в некотором смысле Кант пошел дальше: в его теории идеальное государство, старающееся обуздать своекорыстие людей, объективно заинтересовано в мире, что должно бы привести человечество к поискам «вечного мира».

Век Просвещения в Германии — это время расцвета ее философии, музыки и литературы. Великая музыка **И. С. Баха** (1685–1750) вне всяких похвал. Стоит обратить внимание на явственный церковный оттенок большинства его опусов, в которых многое взято из хоровой культуры протестантских братств. Более светская в этом смысле оперная и иная музыка австрийских композиторов **Х. В. Глюка** (1714–1782), **Й. Гайдна** (1732–1809) и, как никем не превзойденная вершина, **В. А. Моцарта** (1756–1791). Эти мастера и более других гениальный Моцарт с его глубокими симфониями, изумительными и незабываемыми по мелодичному звучанию операми создали немецкой музыкальной культуре заслуженную славу первой среди других.

Классическая немецкая литература того времени представлена именем **Г. Э. Лессинга** (1729–1781), выступавшего против деспотического правления, а также ратовавшего за религиозную терпимость и в то же время пытавшегося сблизить религию с разумом. Но наибольшую социополитическую значимость обрело возникшее несколько позже движение, вошедшее в историю мировой литературы под названием «бури и натиска». Наиболее известными деятелями его были Гёте и Шиллер. **И. В. Гёте** (1749–1832), один из величайших писателей, известен прежде всего как автор «Фауста», хотя в ряде других своих произведений и прежде всего в «Страданиях молодого Вертера» приниженность немецкого бюргерства показана им с огромной творческой силой. **Ф. Шиллер** (1759–1805) в его знаменитых драмах «Разбойники» и «Коварство и любовь» выступил с много более решительным осуждением феодальных нравов немецких княжеств и воспеванием идей свободы, за что получил признание со стороны наиболее активных и последовательных сторонников решительных революционных действий (правда, не в Германии, а во Франции).

Немецкая мысль века Просвещения поражает своей глубиной и величием идей, которыми проникнуты произведения философов, композиторов и писателей. Однако эти идеи, оказывавшие огромное влияние на умы, были чаще всего сформулированы — разве что кроме драм Шиллера — в весьма осторожной научной (философия), музыкальной или метафорической (литература) форме. Политике, социологическим конструкциям и тем более экономической мысли немцы века Просвещения уделили сравнительно мало внимания, что, как упоминалось, объясняется серьезными объективными обстоятельствами. И именно поэтому немецкий вклад в идеи Просвещения (имеется в виду социополитическое и экономическое просвещение,

а не образование в смысле углубления в философию, музыку или литературу) был достаточно скромен. Это не следует считать умалением значения всего того, что сделали великие умы и гениальные мастера Германии, будь то Лейбниц, Кант, Гете, Бах или Моцарт. Просто стечение объективных обстоятельств в этой гигантской и рыхлой империи оказалось таким, что на повестке дня не стояли радикальные и жизненно важные для общества задачи, как то было в соседней с Германией Франции.

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Строго говоря, век Просвещения вообще бы не существовал или, во всяком случае, не обрел бы своего гордого наименования, если бы не было всех тех идей и великих мыслителей, которые, являясь его сердцевиной и вершиной, не оказались бы французами. Почему же случилось так? Что привело Францию к тому, что именно здесь оказалось столько гениев, действовавших в унисон и заложивших тем самым мощный идеологический фундамент для великой революции?

Все дело в том, что крупнейшая держава западной части континентальной Европы развивалась по явно выраженному буржуазному сценарию. Но успешной реализации этого сценария активно препятствовала правящая элита, представленная феодальной знатью, которая делала все, что могла, дабы отдалить момент завершения дефеодализации, тем более по английской модели. Один за другим сходили со сцены, не успев завершить реформы, виднейшие реформаторы страны, последним в ряду которых оказался в середине 70-х гг. XVIII века А. Р. Ж. Тюрго, видный ученый, экономист и физиократ. Но отставка Тюрго была уже завершающим этапом развития, которое на протяжении всего столетия, в основном пришедшегося на годы правления Людовика XV (1715–1774), руководствовалось упоминавшимся уже принципом «после нас хоть потоп».

Не все во Франции разделяли эту элементарную и близорукую потребительскую философию. Многие понимали, что, руководствуясь ею, правящая элита ведет страну к катастрофе. И для того, чтобы избежать ее, следовало противопоставить элите бездумных, но имеющих власть временщиков иные идеи. Эти идеи уже давно носились в воздухе. Они были высказаны многими выдающимися английскими мыслителями. Но неплохо понимали их и во Франции,

политическая беззаботность руководителей которой дополнялась всесилием воинствующих клерикалов. Поэтому главное, что можно и нужно было в таких обстоятельствах сделать, это начать работу по энергичному просвещению народа, которое должно было в сложившихся условиях свестись прежде всего к пропаганде новых буржуазно-демократических и либерально-антиклерикальных идей. Собственно, именно из этой вполне очевидной необходимости и возникло само понятие «век Просвещения», впервые употребленное, насколько известно, Вольтером.

Вольтер, или Франсуа Мари Аруэ (1694–1778), принадлежит к числу наиболее выдающихся и хорошо известных мыслителей человечества. В его мятежный век он был истинным властителем дум, причем не только среди утонченных интеллектуалов. Коронованные особы, будь то прусский король Фридрих II или Екатерина Великая (обратим внимание, ни тот, ни другая не имели ничего общего с католической церковью), считали за честь беседовать либо переписываться с ним. И при всем том он был одним из наиболее известных во Франции вольнодумцев, за что дважды (в 1717 и 1725) сидел в Бастилии. Хорошо знакомый с английской мыслью (Ньютон, Локк) и тем более с ее великой литературой (Шекспир, Мильтон), Вольтер после посещения Англии (1726–1729) прославился своими ядовитыми «Английскими письмами» (1733), после чего полтора десятка лет он был вынужден провести в изгнании в Лотарингии. В 1745 г., когда Вольтер многочисленными публикациями обрел известность и всеобщее признание, Людовик XV призвал было его ко двору, но приручить так и не сумел, после чего Вольтер эмигрировал из Франции и прожил почти всю свою остальную жизнь в Швейцарии, вернувшись в Париж с триумфом лишь в 1778 году, после смерти Людовика XV и незадолго до своей смерти.

Эти обстоятельства объясняют многое из его творческой биографии, в частности ту вольность, с которой он клеймил католическую церковь («Раздавите гадину!»), не говоря уже о его знаменитой фразе «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать!». В католической Франции ему бы не простили такого. Но дело отнюдь не сводится только к этому. Гораздо более важным было то, что Вольтер хорошо понимал первостепенную и даже первичную роль идей в эволюции общества. Исторически накопленный разум человечества, определяющий господствующие в данный момент идеи и соответствующие им представления, мнения, свобода для критической мысли — вот то,

что призвано править миром. От этого зависит все в жизни людей, в том числе достижения и уровень их производства. И Вольтер использовал весь свой могучий и разносторонний талант мыслителя, писателя, публициста и даже агитатора для того, чтобы пробудить современное ему общество, просветить его по мере возможности (прежде всего это, естественно, касалось мыслящей и читающей публики, которой в его время во Франции было не так уж и мало) и, вооружив прогрессивными идеями, подготовить к решительным действиям с целью преобразования застывшей в развитии страны.

В этом направлении он сделал необычайно много. Будучи сторонником буржуазной эволюции, Вольтер отстаивал принцип частной собственности, выступал за социально-правовое равенство, полную независимость крестьян от землевладельцев, за конституционную монархию и даже республику. Курс на последовательное просвещение привел его к тесному сотрудничеству с энциклопедистами, писавшими серьезные статьи по всем важнейшим проблемам. Вместе с тем, используя свой блестящий талант сатирика, он писал одну за другой великолепные книги с явно выраженным политическим подтекстом. Среди них особо известны «Опыт о нравах и духе народов» (1765–1769), «Философский словарь» (1764–1769) и ряд других, в том числе посвященных истории и философии истории. В своих сочинениях Вольтер высмеивал невежд, клеймил суеверия и активно пропагандировал основные философские, антиклерикальные, социальные, политические и даже историографические идеи века Просвещения, в разработке которых ему принадлежит очень видное место.

Ш. Л. Монтескьё (1689–1755) был современником Вольтера и, подобно ему, восхищался теми достижениями, которые демонстрировала миру буржуазная либерально-демократическая Англия. В главной своей книге «Дух законов» он, придавая большое значение роли природных условий в истории общества, ставил тем не менее на первое место разумные законы. Монтескьё отстаивал основные идеи своего времени — конституционную монархию с очень четким и обязательным разделением властей, равенство людей перед законом, свободы и права человека, религиозную терпимость. Ему были ненавистны всевластные правители, а нравственное право людей на свободу было одним из главных пунктов его концепции, что позволяет считать Монтескьё одним из основателей буржуазной теории права.

В противоположность Гоббсу Монтескьё был склонен считать, что право — это нечто вроде естественного состояния для людей и

что «естественное состояние» до появления государства отличалось миром и равенством всех. «Размышления о причинах величия и упадка римлян» (1734) показывают, что ему не была чужда идея исторического прогресса при резком неприятии теологического подхода к истории. В философском романе «Персидские письма» (1721) Монтескьё подверг поистине уничтожающей критике царившие во Франции беззаботность правящей элиты, нетерпимость церковных иерархов и многое другое.

Ж. Ж. Руссо (1712–1778), впоследствии идейный вождь революционных якобинцев, более всего разрабатывал проблему социального неравенства. Он считал — в отличие от Гоббса и многих его сторонников, — что первобытное «естественное» состояние людей во времена, когда не было частной собственности, характеризовалось чистотой нравов и столь высоко ценимым им равенством. Частная собственность и социальное неравенство привели людей к необходимости создать государства.

Государство — и в этом Руссо согласен со своими оппонентами — было результатом общественного договора. Но, как сказано в его трактате «О причинах неравенства» (1755), это отнюдь не было благом для человечества. Подобно Монтескьё и даже во многом превосходя его в этом случае, Руссо относился к первобытности с трогательным чувством преувеличенного восторга. Поэтому каждый новый шаг вперед по пути эволюции, создавая новые потребности, ухудшал, по мнению Руссо, нравы и ограничивал естественную свободу людей. Отсюда лишь шаг до открытого призыва к насильственному ниспровержению деспотического строя, т.е. государства. Эта идея была наиболее откровенно выражена в трактате «Об общественном договоре» (1762), где последовательный демократ Руссо стойко отстаивал принципы суверенитета народа и его права, низвергнув государство, вернуть себе утраченную свободу. Правда, на сей раз возвращенная свобода уже не была первобытной. Она предполагала сознательное повиновение разумным законам гражданского общества.

Противоречиво отношение Руссо к частной собственности. Это и зло, но в то же время и нечто неизбежное. Что касается основ государственного устройства, то в этом Руссо не поддерживал великой идеи Монтескьё о разделении властей. Выступая против конституционной монархии по английскому стандарту и предпочитая ей своего рода всенародную демократическую республику, Руссо считал именно народ активной исторической силой и ратовал за то, что только ему

должна принадлежать и законодательная, и исполнительная власть, что так нравилось, как следует полагать, якобинцам. Для более или менее полной характеристики взглядов этого мыслителя стоит в заключение добавить, что, признавая необходимость религии, он считал нужным вместо католицизма, склонного активно поддерживать тиранов, создать новую религию сердца и чувства. И этот его тезис в годы революции тоже был взят на вооружение якобинцами.

Ж. А. Кондорсе (1743–1794), представитель более позднего поколения французских просветителей, чья жизнь окончилась в период якобинской диктатуры, наиболее известен своей книгой «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794). В этой книге он вслед за другими воспел безграничные возможности разума, закономерно считая именно его первопричиной прогрессивной эволюции человеческого общества. Этапы развития разума определяют в конечном счете смену исторических эпох — таким можно считать главный вывод, заслуживающий серьезного к себе отношения. В отличие от Руссо, Кондорсе отстаивал идею исторического прогресса, отмечая при этом значение эволюции. Как и Вольтер, он верил в безграничные возможности человеческого разума и именно с ним совершенно справедливо связывал поступательное развитие человечества. Соглашаясь с физиократами, Кондорсе отстаивал тезис о правомерности и разумности буржуазного общества и всех связанных с ним социальных отношений, основанных прежде всего на частной собственности, а также на соответствующих и защищающих ее нормах права. Равенство всех перед законом и генеральные принципы либеральной демократии были в числе отстаивавшихся им социополитических норм.

Параллельно с мыслителями, выступавшими как бы поодиночке (что не исключало их участия в сочинениях сводного характера, каким была великая французская Энциклопедия), некоторые другие выдающиеся умы Франции эпохи Просвещения вошли в историю именно тем, что их усилиями было создано это наиболее крупное в европейской мысли многотомное издание. Имеются в виду только что упомянутая энциклопедия и ее авторы, которые традиционно именуются энциклопедистами. Разумеется, среди великих имен французских энциклопедистов были и такие, что вполне могут и должны стоять рядом с описанными выше выдающимися мыслителями. Но при всем том они в первую очередь именно энциклопедисты, ибо их усилиями был создан впечатляющий многотомный труд, основная

ценность которого не столько в том, что в нем были собраны разнообразные сведения, обычно попадающие в любые справочные издания, но **главным образом в том, как были изложены и преподнесены читателю все эти сведения. «Большая энциклопедия наук, искусств и ремесел» издавалась с 1751 года на протяжении трех-четырех десятилетий и в совокупности составила 35 томов.** А основным ее достоинством был тот неоценимый вклад, который она и прежде всего ее не слишком многочисленный авторский коллектив внесли в идейную «базу данных» великого века Просвещения.

Издание энциклопедии оказалось прямым вызовом правящим верхам Франции, которые сразу же это заметили и должным образом оценили. Первые тома они попытались было уничтожить, затем последовало судебное преследование издателей, запрет на продажу вышедших томов и на издание новых. Но, несмотря на все преследования, том за томом выходили в свет и реализовывались, чему, к слову, очень помогла ссора Парижского парламента с католической церковью, которая возглавляла наступление на энциклопедистов. Стоит заметить, что энциклопедисты шли в бой с открытым забралом. Дидро и другие редакторы и авторы издания с первых страниц первого тома утверждали, что главное для людей — это подлинное знание, достигнутое самостоятельным исследованием на основе научного мировоззрения. Никакое преклонение перед авторитетами, тем более церковно-богословскими, подлинного знания заменить не может. Только истинное знание приведет человечество к моральному совершенству.

Апеллируя к Декарту, авторы энциклопедических статей отрицали так называемое природное, т.е. врожденное, знание. Только то, что воспринято мозгом и чувствами людей, ложится в основу их представлений о мире и обретает форму просвещения и образованности. Гельвеций в статьях и книге «О духе», осужденной в Париже на сожжение, но выдержавшей тем не менее около 50 изданий и щедро переведенной на многие языки, утверждал, что основа нравственности не богословие, а опыт, что главное для общества — это общественная польза, т.е. польза для как можно большего числа людей, и что добродетельные люди воспитываются только хорошими законами. Те, кто создавал тома энциклопедии, являли собой новый, рожденный веком Просвещения тип людей. Это были люди иного времени, хотя и несколько опередившие эпоху. Но именно благодаря им Франция — а вместе с ней и другие страны западного мира — впитывала все те великие идеи,

которые в последней четверти XVIII века провели мир через барьер революционных по характеру битв, стоивших немалой крови, к буржуазному времени. Несколько слов о самых главных из их числа.

Д. Дидро (1713–1784), автор нескольких серьезных философских трудов, был главным редактором издания. Его перу принадлежали многие наиболее важные статьи энциклопедии. Касаясь поднимавшейся в его время разными мыслителями проблемы естественного, т.е. первобытного, состояния, Дидро склонялся к мысли, что формирование общества было результатом вполне осознанного выбора и соответствующей деятельности людей. Теологическая идея божественного права монарха на власть была ему чужда. Он отстаивал роль разума как верного средства в борьбе за спасение общества от всех одолевающих его невзгод. Эта точка зрения, как выше не раз упоминалось, была тогда широко распространена. Из всех возможных форм государства Дидро более всего симпатизировал ограниченной, т.е. конституционной, монархии. Он пытался даже побудить Екатерину II провести в России соответствующие реформы.

Демократические идеалы и сочувствие к страданиям простых людей вели Дидро к тому, что в некоторых вопросах его взгляды при всей их вроде бы целеустремленности достаточно противоречивы. Так, будучи вынужденным затронуть важнейшие проблемы своего времени, он оказывался на стороне тех, кто признавал право людей на сопротивление угнетению, необходимость и, надо полагать, благотворность частной собственности, свободной торговли, экономической свободы и т.п. для успешной эволюции общества. Это были элементы складывавшегося в умах просветителей и опиравшегося на реалии английской системы буржуазного общества так называемого «естественного права». Принцип «естественного права» не был тесно увязан с выходом на авансцену истории буржуазии. Напротив, считалось, что такое право вроде бы присуще всем людям от природы, откуда и его наименование. В то же время в работах Дидро подчас прорывались рассуждения, наполненные сомнениями по поводу системы, основанной на частной собственности, а также обличения в адрес крупных собственников, порой воспринимавшихся им в качестве чуть ли не грабителей. Не будучи радикальным мыслителем, Дидро, однако, считал возможным в случае необходимости поддерживать открытое выступление народа против деспотического правительства.

Ж. Л. Д'Аламбер (1717–1783), на протяжении ряда лет бывший, наряду с Дидро, соредактором энциклопедии, не слишком заметен как

оригинальный мыслитель и автор специальных трудов. Но в качестве редактора и автора энциклопедических статей он внес весомый вклад в распространение идей Просвещения. Опираясь на принцип «естественного права», он, как и Дидро, защищал частную собственность, но в то же время полагал, что не следует одним пользоваться богатством, коли другие его лишены. В своих статьях Д'Аламбер резко выступал против католической церкви и ее иерархов, настаивая на независимости науки и политической жизни, отрицая право церкви вмешиваться в эти важнейшие для общества сферы жизни. В 1757 году он вышел из авторского коллектива энциклопедистов и всю свою последующую жизнь посвятил науке, математике и астрономии.

К. А. Гельвеций (1715–1771) написал ряд серьезных книг, в которых подвергались резкой критике феодальные порядки и всевластие клерикалов во Франции. Уделив особое внимание проблеме неравенства и, быть может, преувеличивая интеллектуальные потенции среднего человека, Гельвеций выступал против неравномерного распределения богатств и за определенное вмешательство государства в очень непростое дело смягчения неравенства в распределении собственности. И хотя эти пожелания отнюдь не доходили до требований ликвидации частной собственности в принципе, черты утопического социализма были более чем свойственны этому незаурядному мыслителю. Наибольший успех принес Гельвецию уже упомянутый его трактат «О духе».

П. А. Гольбах (1723–1789) выступал в своих многочисленных работах, включая статьи в энциклопедии, не только против феодальных порядков и религии, но и за просвещенную монархию и царство разума. Он был склонен преувеличивать роль природы и ее имманентных законов, которые детерминируют все проявления жизни, включая деятельность вроде бы свободных в своем поведении людей. Соответственно в отличие от Гельвеция он исходил из факта детерминированного природой неравенства людей, особенно интеллектуального, и считал, что именно для того, чтобы наделенные неодинаковыми способностями люди могли нормально существовать, они создали общество.

Цель общества — обеспечить счастье для всех. Но, поскольку не все это одинаково понимают, нужны законы. Толковать же законы должны лица, избранные обществом и наделенные им же властью. Более того, общество в лице избранных им представителей имеет приоритет над правительством и ради высших ценностей (свобода,

собственность, безопасность) вправе устранить негодное правительство. Стоит заметить, что после великого конфуцианца Мэн-цзы, жившего в IV–III вв. до н.э. и открыто призывавшего народ низвергать недобродетельных правителей, никто никогда ничего подобного в столь резко выраженной форме не писал.

Список выдающихся энциклопедистов этим кратким перечислением не ограничивается. Их было намного больше. Но самое главное в том, что первая в истории человечества энциклопедия в полном смысле этого слова[1] сыграла неоценимую роль в разработке и распространении многих идей, сформулированных виднейшими европейскими мыслителями. Это в первую очередь относится к тем из этих мыслителей, кому не были чужды весомые, даже принципиальные интеллектуальные сдвиги века Просвещения. И очень важно принять во внимание, что французская энциклопедия, объединив группу передовых мыслителей страны, стала документом, в котором нашли наиболее адекватное отражение практически все основные идеи века Просвещения. И если добавить к энциклопедистам всех выдающихся деятелей французской культуры и едва ли не наиболее значительных мыслителей страны, начиная с великого Вольтера, то станет вполне понятным, сколь большой вклад век Просвещения и прежде всего французские просветители внесли в коренное переосмысление всего того, что было общепринятым ранее.

ВЛИЯНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Попытаемся подвести итоги этому переосмыслению. Как о том было уже вскользь упомянуто в преамбуле к пятой части тома, корни идей Просвещения восходят в принципе к событиям, определившим переход человечества в целом и европейского Запада в особенности от средневекового прошлого к буржуазному будущему. Из этих событий следует особо выделить Ренессанс и Реформацию. И хотя не менее полутысячелетия отделяет первых флорентийских гуманистов от французских просветителей, это покажется слишком большим сроком только для нашего времени с его резко убыстрившимися шагами истории. В те времена, о которых идет речь, темпы эволюции

[1] Существенно заметить, что многими веками ранее были написаны сводные сочинения сходного типа в Китае, но они все же по многим параметрам существенно отличны от западных энциклопедий.

хотя и ускорялись, но еще далеко не в такой степени. И поэтому идеи итальянского Возрождения, к тому же развивавшегося на протяжении по меньшей мере двух-трех веков, имеют все основания считаться своего рода точкой отсчета.

Это была та точка, за которой — если иметь в виду сферу идей — кончилось время безраздельного господства церкви и богословия. Сделав на первых порах становления раннесредневековой Западной Европы многое для развития культурного потенциала вчерашних варваров, католическая церковь с ее изуверскими методами борьбы за сохранение догматической мысли и средневековой схоластики превратилась в тормоз. И Ренессанс с его гуманизмом, т.е. заботой о Человеке, дал ощутимый толчок энергичному развитию социополитических, естественно-научных, да и всех прочих идей в ином, антиклерикальном направлении. Реформация, оставшись верной религии и Богу, нанесла католицизму еще один мощный удар, отняв у иерархов монопольное право на религиозную истину.

И в этих благоприятно для антиклерикалов, гуманистов и либералов сложившихся условиях возник вначале некий идейный вакуум. Ренессанс в основном ушел в прошлое. Реформация лишь расчистила место для активных действий, и то далеко не везде. Пришедшие на смену богословию научные идеи ряда великих естествоиспытателей и философов Галилея, Ньютона, Спинозы или Бэкона были доступны лишь для небольшого круга высоколобых. А вот широкие слои обычных людей, способных мыслить и воспринимать новое, и прежде всего передовая группа третьего сословия, активные буржуа и особенно интеллектуалы в их рядах остро нуждались в образовании, начиная с элементарного просвещения. Спрос рождает предложение. Вопрос в том, какой именно спрос и чего ждали от своих идейных вождей все те, кто жаждал приобщиться к новым идеям. Для мыслителей XVIII века в нескольких передовых странах Западной Европы не было сомнений на этот счет. Все они очень четко и точно представляли себе, что на повестку дня встали самые простые и всех интересующие вопросы о том, что такое обычный человек, на какие права и свободы он имеет право и как его основные права могут быть реализованы, учитывая сложившуюся в той либо иной стране конкретную обстановку.

Именно к ответу на эти жизненно важные вопросы и сводится в основном все то, что было сделано выдающимися мыслителями эпохи Просвещения. Проблема лишь в том, насколько эти ответы оказа-

лись не то чтобы уместными, но нужными, даже не вообще нужными для всего просвещенного человечества, а крайне своевременными, т.е. необходимыми именно сегодня, сейчас. И вот в этом пункте мы вплотную подходим к главному, т.е. к влиянию и значению идей Просвещения в том XVIII столетии, когда они в основном были сформулированы, и в тех странах, где их существование оказалось особенно необходимым. К числу этих стран не следует относить ни Англию, ни Германию, ни Италию, ни Россию, хотя во всех этих странах влияние идей Просвещения ощущалось, а символ их — Вольтер — был своего рода знаменем вольнодумства и инакомыслия. По разным причинам ни одна из этих и многих других не названных в связи с распространением упомянутых идей стран воспользоваться тем, что предлагали выдающиеся умы века, их современники, просто не могли. Обстановка в целом либо конкретное стечение обстоятельств этому не содействовали, а то и вовсе делали нечто в таком роде где невозможным, а где уже просто ненужным. Стран, которые могли воспользоваться и действительно впитали многие из идей великих просветителей, оказалось только две. Одна из них даже не была еще страной в точном смысле этого слова. Имеются в виду североамериканские колонии, вступившие в 70–80-х гг. XVIII века в состояние острого конфликта с их метрополией, Англией. Другой была Франция. Вот о том, как и насколько в североамериканских колониях и во Франции были использованы идеи мыслителей Просвещения, и следует говорить, коль скоро поставлен вопрос о великом историческом значении этих идей.

Впрочем, здесь нужны некоторые оговорки. Прежде всего, при всей значимости идей Просвещения далеко не только они сыграли свою роль во всех тех радикальных событиях и многих революционных по характеру преобразованиях, которыми был отмечен конец XVIII столетия в США и во Франции. Идеи и институты античности, гуманизм титанов Ренессанса и даже переворот в отношениях с Богом, который лег в фундамент Реформации, тоже продолжали играть при этом свою вполне определенную роль. Правда, подчас эта роль была опосредована тем, что уже взяли из этих идей и новаций, хорошо продумав и подвергнув их обстоятельному анализу, те самые просветители, которые были в центре нашего внимания в данной главе. Но это важное обстоятельство, которое и выводит на передний план великие идеи Просвещения, отнюдь не означает, что интеллектуалы в странах, подготовленных к радикальным преобра-

зованиям в своем привычном образе жизни, ограничивались только последним словом мыслителей своего времени. Лучшие из них, которые в конечном счете и сделали главное, взяли на вооружение всю ту сумму передовых и позитивных знаний, которые вырабатывались выдающимися умами Запада на протяжении не менее двух с половиной тысяч лет.

Вторая серьезная оговорка сводится к тому, что наряду с идеями свою немаловажную роль постоянно играли в обоих рассматриваемых здесь — как и во многих иных аналогичных случаях — интересы. Не всегда понятно, что имеется в виду, когда речь заходит именно о них. Показательно, что в многотомной «Советской исторической энциклопедии» вовсе нет статьи об этом понятии. И это не так трудно объяснить. В материалистическом марксизме не было принято рассуждать на эту тему применительно к историческому процессу. Употреблялись обычно иные термины — классовые антагонизмы, материальные потребности и т.п. Между тем именно **интересы**, далеко не всегда не только классовые, но и вообще материальные, **всегда правили миром** и, что очень существенно для мирового прогресса и исторической эволюции, **имели теснейшую связь с соответствующими им идеями**. Поэтому мы и обратим специальное внимание на эту историко-философскую и, если угодно, интеллектуально-культурологическую проблему.

Глава двадцатая. ИДЕИ И ИНТЕРЕСЫ

В свое время Макс Вебер, хорошо понимавший значимость обеих обозначенных в главе категорий для понимания исторического процесса, как-то заметил, что идеи — это нечто вроде стрелок на железнодорожных путях, по которым движутся интересы. Если вдуматься в эту не столь уж замысловатую, но весьма глубокую по мысли метафору, то напрашиваются определенные выводы. Суть их в том, что интересы людей являются чем-то основным, быть может наиболее важным, что движется по путям мировой истории и стремится продвинуться в определенном направлении. Но коль скоро встает вопрос, куда, в каком именно направлении движется или должно двигаться стремящееся к удовлетворению своих интересов общество в любой данный момент, то здесь первое слово должны сказать идеи. Они, подобно железнодорожным стрелкам, изменяют направление

пути. Вопрос лишь в том, кто, как и когда это делает и, что очень важно, чем при этом руководствуется.

Будем исходить из того, что этим «кто» являются прежде всего и практически исключительно идеологи, т.е. творцы и носители идей, получающие наибольшее признание в обществе и готовые вести за собой то самое большинство, которое в критические моменты истории следует за своими признанными лидерами. В руках идеологов находятся — если иметь в виду все ту же метафору — сигналы, адресованные автоматически подчиняющимся им стрелкам. Сразу же важно заметить, что и лидеры, и сигналы, и послушно поворачивающиеся стрелки могут быть совсем не теми, которые в состоянии обеспечить благоденствие, обещанное идеологами своим последователям. Иногда это выясняется не сразу (идеолог может умереть, не дождавшись попытки реализации своей идеи и тем более успешного ее воплощения, чем обычно пытаются старательно заниматься при благоприятных обстоятельствах его последователи), иногда почти сразу, как то хорошо известно из истории XX столетия. Но для нас сейчас важно выяснить сам принцип: каков механизм взаимодействия между идеями и теми интересами масс, на выражение которых они претендуют. И что первично в этом механизме, как именно взаимодействуют друг с другом идеи и интересы и как это можно реально проследить.

При попытке ответить на этот вопрос вся сложность для отечественного читателя оказывается в том, что он со школьной скамьи обычно знаком с формулируемым марксизмом основным вопросом философии, суть которого в том, чтобы признавать материю первичной, а сознание чем-то вторичным, производным от материальных потребностей («бытие определяет сознание»). Учитывая сказанное, отнесемся к проблеме с достаточной и вполне заслуживающей этого тщательностью. Начнем с того, что такого основного вопроса философии нет и никогда не было ни в одной из философских школ на протяжении всей истории этой почтенной науки. А выдвижение его марксизмом вполне определенно перекликается с любимым и в некотором смысле краеугольным опять же марксистским тезисом о безусловном примате чего-нибудь материального. Суть, как хорошо известно, в том, что именно условия и уровень жизни будто бы определяют стандарты и потенции социального сознания. Или, если выразиться проще, если все живут на крайне убогом уровне, они и мыслят соответственно. Если же их жизнь хорошо устроена и наполнена благами, то мысли совсем другие (правда, не вполне ясно,

какие именно, — но не будем придираться к постулату, выраженному в форме краткого тезиса).

Этот тезис очень дорог марксистам. Собственно, на нем держится в этом учении слишком многое, в частности теория о базисе и надстройке. В полном соответствии с приматом всего материального эта теория исходит из того, что базис — основа, те отношения людей в процессе добывания пищи и вообще любого производства, на которых покоится бытие людей, т.е. все то, что обеспечивает их жизнь, прежде всего опять-таки производство все тех же материальных благ. А вот разные идеи и институты при этом не более чем надстройка над базисом. Мало того. В соответствии с духом всей этой концепции надстройка — нечто вроде инертного нароста, который сам по себе нежизнеспособен. Только с изменениями в базисе и в результате этих перемен она может измениться. Но тогда на передний план выходит вопрос, когда, как и почему в базисе что-то меняется. **Каков механизм динамики базиса, т.е. отношений между частными собственниками и лишенными собственности в процессе производства** (примерно так расшифровывается в теории марксизма смысл этого термина и соответствующего ему понятия). Сам Маркс не разработал эту проблему. Он просто заменил ее теорией ожесточенной и по сути всегда организованной классовой борьбы собственников с теми, кто лишен собственности. А надстройка в этой системе крайне напряженных взаимоотношений призвана была лишь отразить итоги этой борьбы, чем ее функция в основном и ограничивалась.

Итак, если принять теорию базиса и надстройки за истинное выражение механизма эволюции, из нее вытекает не только неизбежность классовых антагонизмов, борьбы и замены докоммунистических формаций желанным коммунизмом, но и доказательство основного вопроса философии. Суть теории в том, что бытие на самом деле не пассивно, как то может показаться, но напротив, активно и именно потому генерирует классовую борьбу, которая и есть локомотив эволюции. Место сознанию Маркс особо не определял, хотя, как то со временем выяснилось, сделал это с блеском, что, впрочем, негативно отразилось на всей его теории. Но об этом чуть позже. Пока же, пытаясь понять все то, что связано с «основным вопросом философии», нельзя не учитывать, что теория марксизма разрабатывалась в основном уже в XIX столетии, применительно к эпохе развитого буржуазного общества с его огромным промышленным производством и массами пролетариата. Пролетариат по Марксу —

это эксплуатируемые буржуазией труженики, которые всегда вели, причем со своими воинственными организациями и с нарастающей силой, классовую борьбу, в конечном успехе которой Маркс никогда не сомневался. Но так ли все это оказалось на самом деле? И как следует в связи с этим оценивать теорию?

БЫТИЕ ИЛИ СОЗНАНИЕ?

Справедливости ради начнем с того, что определенное здравое начало в марксистском тезисе о бытии и сознании в каком-то смысле вроде бы есть. Но сначала два слова о бытии как философской категории. Это вообще-то просто нечто сущее, живое и неживое. У него нет четких параметров, но если употреблять термин по отношению к людям, то стоит заметить, что бытие фиксирует лишь сам факт их существования, но не более того. Другое дело, если противопоставить повседневную жизнь людей их сознанию, которое рождается, заметим, не столько от самого факта бытия, сколько от наличия в людях разума и интеллектуальных потенций. Как бы то ни было, однако, возникает некая серьезная связь между тем и другим. Что в этой связи можно считать ведущим началом, а что ведомым? Для марксизма сомнений нет. Это основа основ, тот самый «основной вопрос философии». Но как можно доказать истинность его трактовки в этой теории?

В теории марксизма, как известно, доказательством истинности этого постулата является весьма элементарное соображение, суть которого сводится к тому, что для любого сначала важнее решить проблемы пищи, одежды, жилища и прочих минимальных материальных условий бытия и лишь после этого на повестку дня выйдут различные вопросы идейно-институционального характера. И в некотором — очень ограниченном и далеко не безоговорочном — смысле это действительно так. Но обратим внимание на то, что это безусловно так для людей, живущих на самом примитивно-первобытном уровне, которыми сам Маркс никогда не интересовался и о которых ничего не писал. В самом деле, если люди находятся на первобытном уровне, близком, скажем, к стандарту жизни австралийских аборигенов или мелких этнических сообществ в глухих дебрях обширного бассейна Амазонки, то вполне понятно, что их сознание примитивно и чаще всего не выходит за пределы обеспечения себя пищей. Это

полуживотный образ жизни. Ведь весь животный мир, вовсе лишенный сознания, которое является великим достоянием именно людей, частично и предлюдей, занят прежде всего и главным образом тем, что добывает себе пищу (ну еще и тем, чтобы не стать пищей для других). При этом добыча пищи, решение задач продолжения рода, спасения от угрозы гибели, сооружение скромного убежища или охраны в виде постоянно горящего костра, отпугивающего хищников, равно как и многие прочие нехитрые дела, **решаются в этом мире на уровне инстинктов.**

Практически все это означает, что объем и основные формы деятельности тех, кто вынужден вести полуживотный образ жизни, соответствуют нехитрым потребностям, вырабатываемым именно их стандартом бытия. Соответственно и в сфере осознания мира, которое на этом уровне бытия не в состоянии, как правило, выйти за пределы самых элементарных религиозных представлений и верований типа суеверий либо не слишком богатых содержанием и красками мифов, стандарт не слишком высок. Правда, при этом остаются не очень ясными причинно-следственные связи. Совершенно очевидно, что убогая жизнь, оказавшись привычной и в определенной реальности единственно возможной, не способна привести к идеям, которые способствовали бы ее изменению. Но все-таки остается не вполне понятным, то ли жалкое бытие определяет более чем скромное сознание, то ли застывшее на определенном уровне осознание мира не в состоянии в сложившихся обстоятельствах создать что-либо полезное для перемены всего образа жизни.

Обратим для начала внимание на то, что первоосновой является не проблема приоритета бытия либо сознания, а вопрос о неблагоприятной среде обитания, в которой оказались эти коллективы. Поэтому стоит сразу согласиться с тем, что избранный для начала анализа пример не следует считать репрезентативным. Нельзя рассматривать проблему, заведомо зная, что речь идет не о норме, а об исключительных (в данном случае крайне неблагоприятных) обстоятельствах. Для адекватного анализа необходима определенная норма, некий средний стандарт. Возьмем поэтому обычный стандарт бытия первобытных людей. Антропология свидетельствует, что первичной в процессе их эволюции была работа мысли. Если бы не она, т.е. не разум отдельно взятого индивида, эволюции просто не было бы. Ведь только благодаря индивиду, которому пришла в голову мысль взять палку или камень, соединить их и, придав им удобную форму

орудия, вести успешную охоту на животных, а еще лучше устроить загон и западню, куда можно с шумом и трещотками загонять зверя, необходимый шаг по пути эволюции был сделан. Уточним: неважно, кто именно придумал что-то. Не один ум, так другой додумался бы до того же. Любое усовершенствование уже сделанного тоже всегда требовало определенных ментальных усилий, причем опять-таки неважно, кого именно. Единственно и безусловно важно то, что работа мысли и рождение идеи было неизбежной необходимостью. И думали не на заседаниях и не используя коллективный разум. Думали индивидуально, причем только те, кто был способен на это. Иными словами, идеи приходили в такие головы, которых всегда и везде было заведомое меньшинство (порядка, по современным прикидкам, примерно 5%), но которые были пригодны для генерирования идей, пусть для начала самых примитивных.

Если бы кто-то не придумал сделать нечто вроде тачки, тележки и тем более плуга с запряженным в них прирученным животным, важный шаг по пути эволюции опять-таки не был бы сделан. И стоит заметить, что даже в сравнительно развитых и длительное время просуществовавших очагах цивилизации Нового Света этот столь существенный для цивилизации путь так и не был пройден (правда, совсем не исключено, что этого не произошло потому, что подходящего вида животного для упряжи там не оказалось). Не сделали бы очередной шаг вперед люди, если кому-то наблюдательному когда-то не пришла бы в голову мысль самому посадить во взрыхленную землю зерно или приручить оставшихся без матери и обреченных на гибель детенышей некоторых видов животных.

Еще раз заметим, что абсолютно неважно, кто именно и когда все это придумывал. Более того, нет никаких сомнений в том, что такого рода мысль (с оговоркой, что для этого существовали объективные возможности) иногда возникала в разное время у разных людей, живших очень далеко друг от друга, хотя такой повтор был, видимо, сравнительно редким случаем. Дело в том, что контакты между коллективами — культурная диффузия — шли гораздо более быстрыми темпами, нежели рождались новые идеи, особенно важные, так называемые фундаментальные открытия. Но в любом случае обратим внимание на главное: где-то когда-то рождалась принципиально новая идея, после чего она становилась постепенно доступной для очень многих, если только они не жили на другой стороне трудно пересекаемого океана.

Очень важно акцентировать внимание именно на этом: родилась мысль, после чего стало возможным ее воплощение, причем едва ли не повсюду. Иными словами, первичной была идея. А уж реализация ее и превращение в норму бытия были, следовательно, чем-то вторичным, зависевшим от того, есть новая идея или никто пока еще ее не высказал либо ничего о ней не узнал. Так бытие определяло сознание или, напротив, сознание, мысль, идея оплодотворяли до того более трудное и менее успешное унылое бытие? На первобытном или полупервобытном уровне, с которым связаны приведенные примеры, приоритет был, безусловно, за идеей, хотя и нет сомнений, что при этом многое зависело от привходящих обстоятельств. В пользу же тезиса марксизма говорит лишь одно, хотя и немаловажное из их числа. Речь о том, что потребности общества объективно имели какое-то отношение к импульсам, толкавшим людей в сторону поиска условий для улучшения образа жизни. Однако условия среды диктовали пределы возможного улучшения. При благоприятных обстоятельствах оно было, как следует считать, вполне реальным.

Но коль скоро так, и при благоприятном стечении обстоятельств рано или поздно, но идеи рождались и эти идеи как-то соответствовали тому, в чем объективно нуждалось повседневное бытие людей, не означает ли это, что в конечном счете все же бытие как-то определяло сознание, направляло его, определенным образом передвигая стрелки на путях, что и имели в виду не только высказавший метафору М. Вебер, но и в конечном счете марксизм со своим «основным вопросом философии»?

Разберемся и в этом, ибо и здесь есть свои pro и contra. Только сначала все-таки отделим Вебера от Маркса. Вебер писал об интересах, Маркс о бытии. Это явно не одно и то же. Начнем с Маркса — ведь он высказался первым. Что такое бытие как философское понятие по Марксу? Насколько можно понять (о чем уже упоминалось), это некое материальное начало, функция которого сводится к тому, чтобы побудить сознание работать и соответственно улучшать бытие своими новыми разработками. В кратчайшей форме («Советский энциклопедический словарь». М., 1980. С. 187) бытие применительно к обществу обозначено как «процесс материальной жизни людей». Но как именно бытие, даже воспринимаемое как некий процесс, ухитрялось воздействовать на сознание? На этот счет в теории марксизма вразумительного ответа, стоит повторить, нет, как и вообще нет

в нем сколько-нибудь обстоятельного философского анализа столь важного для этой доктрины «основного вопроса философии». Но можно предположить, что имелись в виду какие-то объективные потребности, обладающие некими импульсами, воспринимавшимися людьми. И те, кто обладал способностями генерировать идеи, могли и должны были раньше и лучше других улавливать импульсы и реагировать на них.

Если это действительно так, то теория становится более понятной. Люди жили в определенных условиях, хотели, улавливая общее настроение, т.е. все те же импульсы, добиться чего-то лучшего и думали над тем, в чем остро нуждалась их текущая и на первых порах весьма нелегкая жизнь, львиная доля усилий в которой уходило на обеспечение коллектива пищей. Поколения креативных натур долго думали и многое придумывали, но при этом, как следует полагать, далеко не всегда и не все придуманное ими оказывалось полезным и нужным, подходящим для улучшения их жизни. Не всё поэтому могло реализовываться на практике. Однако кое-что при всем этом оказывалось именно тем, что соответствовало объективным потребностям. Так как ко всему этому относиться? Прав марксизм со своим основным вопросом философии или нет?

Пойдем дальше в наших гипотетических рассуждениях. Похоже на то, что порой сама жизнь подсказывала людям решение: стоило кому-то увидеть, как случайно упавшие зерна на следующий год прорастали или попавший в огонь кусок глины затвердевал, из увиденного мог родиться соответствующий вывод о причине и следствии. Вроде бы вот наглядный пример того, как бытие определяет ход мысли. Но так ли это на самом деле? Вернемся к куску глины. Не исключено, что многие и даже часто видели, что получается с ним в костре. Но разве этого было достаточно для того, чтобы у каждого, кто это видел, сразу же возникала мысль сделать из сырой глины сосуд (что тоже не очень просто — нужно сообразить, как это сделать)? Разве не стоит принять во внимание, что здесь тоже нужна работа мысли и что далеко не каждый способен родить нужную идею? А из этого следует, что **бытие само по себе не определяет ход мысли.** Но оно очень часто, если не всегда оставляет людей чем-то не вполне удовлетворенными. И это ощущение неполного комфорта, т.е. устойчивая и явно лишенная крыльев повседневная жизнь, время от времени при благоприятных для этого обстоятельствах рождало потребности, способные создавать некие импульсы. И именно эти им-

пульсы, идущие от потребностей, вели к генерации новых идей. При этом реально разрабатывать новаторские идеи могли лишь очень немногие, наделенные выдающимся интеллектом.

Конечно, оппоненты из числа марксистов могут возразить: это казуистика. Не все ли равно, бытие или потребности, тем более, если потребности отвечают явно материальным интересам, способствуя с помощью своих импульсов рождению новых идей? Ответим и на это гипотетическое возражение. Разумеется, не все равно.

ПОТРЕБНОСТИ И ИНТЕРЕСЫ

Но почему? В чем принципиальная разница? Все дело в том, что, в отличие от инертного и пассивного бытия, свойственного всему живому и функционирующего среди предлюдей и ранних сапиентных людей в основном на уровне инстинктов, **потребности людей** как неотъемлемая, но особая часть их бытия — это активное начало, к тому же постоянно и при возможности даже энергично действующее, способное рождать импульсы, возникавшие — по крайней мере в глубокой древности — преимущественно в тесном контакте с теми же инстинктами и по меньшей мере вначале под их влиянием. Но чем все же принципиально отличались потребности от бытия? Как раз тем, что так дорого сторонникам теории «бытие определяет сознание», т.е. тем, насколько их — в отличие от бытия — можно считать воплощением именно материального начала и только его.

Суть проблемы в том, что потребности людей отнюдь не обязательно и тем более не целиком и не безоговорочно только материальны. Разумеется, часть их, которая прежде всего связана с улучшением материальных благ и потому близка к инстинктам, может считаться преимущественно имеющей отношение к чему-то материальному. Однако и здесь все не просто. Желая улучшить жизнь, человек включает свое сознание. Это диктуется теми импульсами, которые генерируются потребностями. Сознание включается в виде желаний, стремлений, даже просто более или менее сильных и значимых эмоций, которые вначале тоже не слишком далеки от того, что свойственно всему живому и родственно инстинктам. И здесь сразу же встает строгий вопрос марксистов, наученных жестко отделять материю от сознания как нечто главное от чего-то явно вторичного. Иными словами, все потребности, равно как и функционально в чем-

то близкие, но далеко не идентичные им интересы, о которых речь впереди, это нечто материальное или нет?

На первых порах они, потребности, действительно были очень близки к материальному началу и сводились к тому, чтобы всем всего было вдоволь. Однако со временем этого уже далеко не всегда можно было добиться в силу вполне естественных ограничений со стороны различных внешних обстоятельств, в первую очередь экономических, социальных, а затем и политических. И тем самым закладывалась основа естественной неудовлетворенности всех тех, кто считал себя обиженным сложившейся реальностью. Значит ли это, что с потребностями что-то случилось?

Да, это безусловно так. Сами потребности по мере изменения условий жизни и эволюции общества и тем более государства (когда они проявлялись) могли изменяться и превращаться во все более разносторонние и изысканные формы и претензии. Это вело к формированию потребности социальных верхов, а затем и многих других людей не только в материальных благах, но и в определенных услугах. И, что важно особо отметить, предела этим претензиям в принципе не было и нет, что свойственно человеческой натуре и проявляется если не у всех, то у очень многих. В марксистской философии появился даже «закон возвышения потребностей», смысл которого в том, что потребности все время растут. И все-таки, потребности являются в основном материальными или нет? Можно ли сближать их с бытием как «процессом материальной жизни людей»?

Ответ на этот настойчивый вопрос очень прост, хотя и не будет приемлем для тех, кто твердо стоит на позициях марксистского «основного вопроса философии». И да, и нет. Потребности материальны настолько, насколько они соответствуют материальным надобностям, начиная с потребности иметь пищу. Но они не всегда и не вполне материальны, когда речь заходит о разносторонних услугах, и вовсе не материальны, если встанет вопрос о том, что человек хочет, скажем, чем-то выделиться среди других, пусть даже так, как это сделал некогда незабвенный Герострат. Конечно, сожженный им храм являл собой вполне материальную ценность. Но речь ведь не о храме, а о потребности. Герострату вовсе не хотелось нанести вред доходам полиса. Он жаждал иного — вечной если не славы, то известности. И он добился ее. Было ли это не столь уж и редкое желание его не материальной, но явно душевной потребностью? Безусловно! Даже такой навязчивой потребностью, которая захватила

всю натуру. К слову, о натуре, о характере. Азартная игра — это потребность? Безусловно. Материальная? Снова отчасти да, но скорее нет. Конечно, игрок хочет выиграть. Но он хорошо знает, чем рискует, и на практике чаще проигрывает. А все равно идет играть. Идет, ибо не может остановиться. Так какая же это потребность? Можно смело дойти и до пьянства, курения, наркомании, но проблема будет выглядеть все так же: и отчасти материальная, и в гораздо большей степени другая, причем эта «другая» может быть в разных ситуациях различной.

Это вне всяких сомнений. **Потому очень важно не путать инертное пассивное бытие, которое — в марксизме — будто бы само по себе непонятно как определяет сознание, с потребностями. Потребности как таковые, причем далеко не только материальные, существуют на уровне инстинктов вместе с бытием и рядом с ним с незапамятных времен. Но именно они — в отличие от бытия — в благоприятных для эволюции условиях играли решающую роль в появлении элементов сознания, что и превратило предшественников человека в сапиентных людей.** Взяв на себя все то, что связано с материальными благами бытия, потребности именно в силу существующих уже в сапиентном человеке элементов разума и сознания оказались способными к постепенной, но заметной эволюции. Эволюция потребностей (вспомним марксистский «закон возвышения» их) привела к тому, что возник сложный комплекс потребностей, т.е. всего того, что может пожелать человек.

Зафиксировав это, обратим теперь внимание на сходства и различия близко стоящих друг к другу понятий «потребности» и «интересы». Главное несходство между этими категориями в том, что **потребности — это нечто гораздо более близкое к бытию (хотя и коренным образом отличное от него), заметно приземленное и достаточно часто при этом личностное, индивидуальное, иногда даже просто неосознанное, подспудное.** Будучи близкими к инстинктам, потребности существуют у всего живого, включая и сапиентных людей, у которых именно они при помощи импульсов способны приводить в движение мыслительные процессы. Генерирующие идеи индивиды отвечают как раз на неотчетливо выраженные пожелания, т.е. на разнообразные потребности людей. Но удовлетворение самых насущных из них, как правило, рождает новые, отражаемые в аналогичных импульсах и ведущие к той же работе мысли. Весь вопрос в том, каковы последующие поколения потребностей.

Когда-то в своих утопических мечтаниях о светлом будущем классики марксизма сформулировали упоминавшийся уже лозунг, некое знамя, принцип жизни при коммунизме: «с каждого по способностям и каждому по потребностям». И если против первой части лозунга возражений нет, хотя и нет уверенности, что все пожелают в поте лица всегда реализовывать свои способности, то вторая его часть откровенно утопична. Утопизм и даже бессмысленность ее, очевидная любому непредвзятому взгляду, в том, что потребности большинства не только не имеют разумных пределов, но напротив, имеют признаваемую марксизмом неудержимую тенденцию к беспредельному улучшению качества жизни.

Правда, истовые сторонники светлого будущего в его марксистском понимании вполне могут возразить на это, что люди к тому времени, когда это будущее уже будет близко, принципиально изменятся. Но, как говорится, блажен, кто верует. Легко ему на свете. Что же касается реальности современного бытия, то она упрямо противостоит мечтам о моральном усовершенствовании всего человечества. И едва ли кто возьмется всерьез с этим спорить. Но если так, то, возвращаясь вновь к термину «потребности», стоит подчеркнуть, что за пределами тех импульсов, которые тесно связаны с удовлетворением основных инстинктов и близких к ним страстей и навязчивых желаний, все остальное, имеющее отношение к ним, очень неопределенно. Можно было бы охарактеризовать ситуацию примерно так: для каждого чем больше и разнообразнее, тем всегда лучше.

Сказанное, можно повторить, отнюдь не означает, что имеется в виду только нечто материальное. Практика откликаться на импульсы не могла не сказаться на том, что не совсем материальные и даже совсем не материальные желания обретали форму таких же потребностей. Это может быть потребность в общении, особенно в свободное время (трудно точно определить, материальная она или нет, ибо общение бывает разное и чаще всего сопровождается совместным потреблением чего-либо). Или несколько более редкие, но все же весьма ощутимые сегодня потребности в образовании и вообще в учении, в приобретении знаний, в приобщении к высокой культуре, наконец, в любой форме самовыражения (снова вспомним Герострата, хотя многие довольствовались бы и меньшим, например быть избранным куда-то, отмеченным кем-то или даже просто упомянутым в газете). Словом, потребность как понятийная категория достаточно широка и неопределенна. Но характернейшей ее чертой

является вполне ощутимая тенденция к тому, что она по мере развития общества все дальше уходит от инстинктов и все чаще становится отражением разнообразных желаний. И что важно, не столько желаний многих получить полностью что-то заслуженное, заработанное, сколько стремлений выиграть нечто невероятное просто так, без приложения соответствующих усилий, или, проще говоря, не заработав (три желания или целый старик Хоттабыч).

Конечно, это никак не означает, что не существует общественных или массовых подобного рода само собой рождающихся потребностей. Но все они чаще всего являют собой арифметическую сумму тех же личных. Классический лозунг «отнять и поделить» — наиболее полное, пожалуй, отражение этого. Если выражаться более академическим стилем, массовые и не вполне осознанные потребности отражаются в восходящем к архетипам глубокой древности стремлении к справедливости, причем не столько судебно-правовой, сколько именно уравнительно-социальной. И эти архетипы тоже как индивидуально-личностные, так и коллективно-осознанные. И если обратить внимание на социопсихологический аспект проблемы, то окажется, что потребности очень тесно связаны с такими не слишком уважаемыми в развитом обществе состояниями, как явная инфантильность, иждивенчество, патернализм и соответствующее ему неосознанное стадное чувство. При этом могущая показаться странной близость стадного чувства и иждивенческого патернализма к вроде бы противостоящему им индивидуально-личностному стремлению к обладанию чем-то, чаще всего незаработанным, не должна нас смущать. Напротив, это очень естественно и даже показательно.

Короче, тенденция эволюции потребностей очевидна и, к сожалению, не слишком красит человека, да и все человечество. Поэтому существенно отделить эти беспредельно эволюционирующие потребности, столь явственно проявляющие себя в современном мире, от интересов, уяснение сущности которых неизмеримо более важно для понимания исторического процесса. Чем принципиально отличаются от потребностей интересы как историко-философская категория? В чем суть различий и насколько они существенны при анализе проблемы «идеи и интересы»?

Прежде всего важно учесть, что **интересы как философская категория — это прежде всего осознанные обществом в целом либо большими его группами некоторые из основных рассматривавшихся только что потребностей.** Снова зададим тот же главный вопрос:

материальны ли интересы? Ответ будет таким же. **И да, и нет.** Начнем с того, что само это понятие обычно используется в обществоведении и особенно в политической публицистике применительно к гораздо более позднему времени и много более зрелому обществу, нежели то было с понятием «потребности». Это существенное различие, хотя и все же не самое важное. Дело в том, что потребности как категория относятся к миру всех живых существ, и это рождает те особенности, которые столь присущи людям с их нередко встречающимися не слишком обоснованными желаниями и претензиями. **Что же касается интересов как аналогичной абстрактной категории, то они являют собой не просто осознанное стремление к удовлетворению прежде всего общественно значимых потребностей, но глубоко прочувствованное и жизненно необходимое поведение, находящее обычно свое достаточно четкое и внятное вербальное отражение.**

Иными словами, об интересах говорят, их формулируют, отстаивают и, более того, за них принято бороться. Социопсихологический аспект этого понятия почти прямо противоположен тому, который характерен для выражения определенных потребностей, хотя в отдельных случаях — например, в ходе голодных бунтов — оба они могут сближаться. Суть его в том, чтобы громко заявить о тех заслуженных, выстраданных данной группой общества пожеланиях, а то и законных с точки зрения сложившейся обстановки их решительных требованиях. Речь именно о группе, во всяком случае прежде всего о ней, ибо интересы, как упоминалось, обычно не что-то личностно-эгоистическое и тем более не что-либо привычно-иждивенчески рассчитанное на удачный случай, но именно нечто социально значимое, а то и решительно требуемое массами.

Если внимательно посмотреть на современную прессу и ознакомиться с многочисленными публикациями на тему об интересах, то окажется, что этим термином чаще всего именуется то, что имеет общественно важное значение. Это государственные или национальные интересы (никогда не потребности!), интересы больших и играющих заметную роль в современной жизни массовых движений. Это то, что является требованием разных социальных страт, целью сплоченных групп, например в спорте, хотя и не только, и т.п. Бывают интересы и более скромного масштаба, но и в этом случае чаще говорят о заинтересованности какой-либо коммерческой фирмы в чем-то, нежели об интересе отдельного человека, скажем, посмотреть всю планету, совершая для этого рискованные путешествия (хотя случается и та-

кое). Бывают встречи, клубы, знакомства по интересам. Интерес к кому-либо, чаще всего к человеку известному в политике, в деловом мире, в искусстве, спорте или еще в чем-либо столь же общественно значимом и престижном, тоже широко приветствуется и, более того, старательно освещается в средствах массовой информации. Так все это выглядит сегодня. А как было раньше, начиная с далеких исторических времен?

В общем примерно так же, разве что с учетом реалий иных веков. В центре внимания развитых обществ и государств всегда были люди выдающиеся, мудрецы и воины, богатые и знатные, имеющие власть и обладающие даром вести людей за собой. И именно к ним проявлялся интерес (именно интерес, а не что-то вроде элементарной потребности) со стороны всех или многих из числа тех, кто находился на уровне обычного и ничем не примечательного человека. Иными словами, интерес как некая категория в истории человечества — это прежде всего повышенное внимание кого-то к чему-то, причем внимание чаще не индивидуально-личностное (как в случае с потребностями), а широкомасштабное. Более того, в круг людей с определенными интересами включались, как правило, многие, порой очень многие, а сами эти круги бывали большими, а иногда и очень большими (целыми народами и государствами, например).

Что движет людей, побуждая их объединяться в широкомасштабные группы такого рода? Иными словами, что же это такое, интересы, что стоит за ними, на чем держится единение тех, у кого интересы сходны? Причины единения по интересам (мы ограничимся теперь лишь крупномасштабными группами) различны. Они могут иметь явно выраженный религиозно-традиционный, равно как и столь же значительный по своему масштабу национальный либо национально-освободительный характер. Могут быть вызваны к жизни политическими мотивами, особенно в длительных войнах вроде Столетней, могут питаться конфессиональной нетерпимостью (джихад или Крестовые походы), рождаться в результате массовых геополитических событий, таких как Великое переселение народов, или, наконец, возникать по экономическим мотивам.

Этот последний случай, пожалуй, в некотором смысле наиболее важен, и на нем стоит остановиться особо. Практически вся теория марксизма построена на постулировании основной роли во всех главных сферах жизни человечества и во все времена классов, классовых антагонизмов и классовой борьбы. Классовые интересы,

жестко сформулированные в немногих очень четко звучащих лозунгах, призваны в марксизме не только быть ведущими локомотивами истории, меняя одну формацию на другую (именно классовая борьба это должна делать). Они как раз и обязаны обеспечить пролетариату возможность одолеть буржуазию и создать основы коммунизма, после чего, если верить мечтам Маркса, и начнется настоящая история человечества. Обо всем этом можно вести речь особо. Но пока что мы вплотную подошли к самому важному в проблематике темы, к вопросу о связи интересов и идей. Как решается эта проблема?

ИДЕИ И ИНТЕРЕСЫ. ЧТО СНАЧАЛА?

В той же генеральной идее Маркса о классовой борьбе, смене формаций и грядущем коммунизме нет места для сомнений: материальное начало, бытие, рождает соответствующие этому началу (облику материального бытия с господствующими добуржуазными либо уже буржуазными отношениями) идеи. Эти идеи формулируются идеологами, т.е. в данном случае создавшим марксизм Марксом, после чего берутся на вооружение (в случае, если господствует буржуазия) пролетариатом, интересам которого в борьбе с эксплуатирующей его буржуазией они и призваны служить. Все четко: сперва интересы как осознанные массами потребности, потом идеи, затем снова обогащенные идеями интересы, после чего воплощение носителями интересов принятых ими на вооружение передовых, т.е. марксистских, идей. На первый поверхностный взгляд это кажется очень похожим на теорию Вебера об идеях как стрелках на путях: интересы (и стоящие за ними потребности) толкают не слишком просвещенный пролетариат неведомо куда, а верно установленные стрелки выводят локомотив истории на нужный путь. Так что, Вебер продолжатель Маркса, марксист?

Отнюдь. Никому никогда не приходило в голову даже подумать об этом. Но почему, коль скоро метафора Вебера о железнодорожных стрелках так вроде бы подходит к генеральной концепции марксизма? Все очень просто. **Вебер рисует произвольную картину, с помощью которой пытается объяснить людям принцип. Он стремится образно показать, как именно действуют идеи, и не более того. Суть его концепции только в том, что идеи действительно являются указателем и направляют усилия людей в том направлении,**

которое должно бы соответствовать их интересам. Вебер имеет в виду интересы больших масс (огромный поезд), которые нуждаются в четких ориентирах (идеях-стрелках). Но разве он хоть как-то обмолвился о классах, марксистских формациях и тем более о пролетариате, буржуазии и коммунизме? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять, что к чему.

Главная мысль и Вебера, и Маркса в том, что идеи играют огромную роль в реализации интересов групп, в том числе больших массовых движений. Здесь они единомышленники. Но как дальше? Вспомним знаменитую фразу Маркса о том, что идея, овладевающая массами, становится огромной материальной силой. А поскольку идея сама по себе ни при каких обстоятельствах материей стать не может, то эту фразу надо понимать и интерпретировать так, что идея, оплодотворив массу людей, превращает именно их в гигантскую силу, придавая им огромную дополнительную энергию. **На мой взгляд, лучше этого Маркс ничего не сказал.** Ведь вся история наполнена убедительными примерами, доказывающими справедливость этого тезиса, начиная хотя бы с проповедей пророка Мухаммеда и победоносного шествия бедуинского войска ислама после этого. Все не раз бывало именно так. На протяжении последних веков, по меньшей мере с Великой французской революции (она скорей всего и побудила Маркса создать упомянутую фразу), люди не раз убеждались в правоте именно такого рода постановки вопроса. Проблема только в том (обратите внимание на это **только**!), что идеи, овладевая массами, приводили часто совсем не к тому, на что рассчитывали идеологи.

Характеризуя идеи марксизма, который ошибочно делал ставку на пролетариат в промышленно развитых буржуазных странах, стоит заметить, что это учение, вопреки своему создателю, ничего подобного на буржуазном Западе не дождалось. Правда, оно сыграло свою зловещую роль в обществах восточного типа, в **мировой деревне**, начиная с России и Китая, где пролетариата почти не было, а вот идеи сумели сыграть основополагающую роль. **Переинтерпретированный марксизм, сделавший в умелых руках экстремистов и террористов ставку на равенство и справедливость, столь близкие мировой деревне, сыграл важную роль в массовых протестных движениях XX века и тем доказал, что ведущей силой реально являются именно идеи. Итак, идеи первичны.** Но вот теперь самое время вспомнить о Вебере. Его метафора о роли идей в качестве стрелок на путях гениальна. Без верно поставленных стрелок, как известно, поезд не

попадет туда, куда хотели бы те, кто на нем едет. Поэтому стрелки должны быть установлены правильно, что можно сделать лишь в том случае, если хорошо известно, как это сделать. Или, иначе, только с помощью верной идеи уверенно реализовать интересы тех, кто стремится к движению вперед, к успешной эволюции. Предугадать, разумеется, не легко. Многие пытались делать это, редко кому удавалось. В XIX столетии одним из самых известных был Маркс. И как раз следуя поставленным им стрелкам, **мощные перегруженные десятками миллионов людей составы в XX в. один за другим съезжали с рельсов в пропасть**, отчего и был дискредитирован марксизм. Но какую цену заплатили за этот урок те, кто поверил в манящую идею и упорно ставил стрелки неверно. Так обстоит дело с лживой доктриной, включая и ее «основной вопрос». Маркс оказался прав лишь однажды, произнеся фразу о роли идей, способных трансформироваться в гигантскую материальную силу. Но это умные люди неплохо знали и без него. Пример основателей великих религий был у них перед глазами. Псевдорелигия марксистского коммунизма не относится к числу таких религий.

Глава двадцать первая. БОРЬБА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЗДАНИЕ США

Для американских колоний, быстрыми темпами преобразовывавшихся в штаты, т.е. в серьезные государственные образования с собственными представительными и исполнительными органами при резко обострившихся отношениях с британскими администраторами и тем более с командирами расквартированных в колониях войск, идеи Просвещения стали одной из основ их политики. Начиная с крупнейшего и, в сущности, первого в истории колоний ученого Б. Франклина, знаменитые отцы-основатели США изучали труды английских и французских просветителей. Все они достаточно хорошо осознавали, какие задачи стоят перед штатами и в каком направлении идет их эволюция. Это позволяло более точно сформулировать, что из идей и в какой форме следует воспринять и как эти идеи необходимо реализовать, дабы открыть наилучшие возможности для максимально быстрого и успешного развития вчерашних колоний. Оценить ситуацию необходимо было потому, что на пути

вперед висели тяжелые гири в виде рабства плантационных негров южных штатов и постоянной непримиримой борьбы с воинственными индейцами.

Разумеется, у каждого штата это выходило по-своему, что требовало постоянных дискуссий и компромиссов. Выдающиеся умы американских политиков анализировали идеи европейских просветителей и постоянно примеривали их к своим возможностям. Более того, они все время задумывались над тем, какие из этих идей и в какой именно форме следует принять на вооружение при создании основ нового независимого государства, за что колонии вели долгую и изнурительную борьбу. К сказанному важно добавить, что в конце XVIII в. идеи, о которых идет речь, были уже достаточно широко распространены среди колонистов. Ведь они вплоть до начала войны за независимость не порывали связей с метрополией и воспринимали ее наиболее важные завоевания в сфере политической структуры, т.е. выше всего ценили демократические нормы жизни и либеральные формы административного устройства.

Ситуация острого конфликта, возникшая в колониях в середине 70-х годов XVIII столетия и тесно связанная с неоднократными попытками британской короны и парламента ограничить свободу и независимость колонистов с помощью ряда репрессивных актов, вела к крайне неразумному усугублению конфликта. В Лондоне явно неадекватно оценивали обстановку, которая складывалась в колониях, где буквально на глазах росло стремление любой ценой освободиться от назойливой опеки метрополии. Это стремление было во многом основано на неадекватной оценке положения дел в Америке британскими чиновниками, служившими в колониях и продолжавшими верить в то, что вмешательство английского войска сравнительно легко решит все проблемы. И дело явно шло именно к этому.

С весны 1775 г. английские войска и отряды колонистов-волонтеров начали готовиться к вооруженному столкновению. В центре событий вновь оказалась колония Массачусетс с ее столицей Бостоном. Именно здесь, близ поселков Лексингтон и Конкорд, потерпели первое поражение британские войска, после чего воодушевленные первым успехом колонисты собрали многотысячные отряды волонтеров, вооружившихся за счет захваченных ими арсеналов британского войска и прибывавших в Бостон английских кораблей с вооружением и боеприпасами.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Начало было обнадеживающим. В мае 1775 г., сразу же после первых успехов, в Филадельфии был созван II Континентальный конгресс, который на сей раз заседал достаточно долго. В июне 1775 г. конгресс принял закон о создании регулярной армии во главе с Джорджем Вашингтоном, после чего вновь вспыхнули военные действия, сразу же показавшие британским генералам, что справиться с вооруженными колонистами им будет нелегко. Затем в работе конгресса наступил перерыв, в ходе которого в колониях началось горячее обсуждение сложной проблемы дальнейшей политики. В центре дискуссии стоял вопрос не столько о независимости (он был не только важнейшим, но и наименее спорным), сколько о том, как именно независимые колонии должны выглядеть. Основным документом, оказавшимся самым распространенным в это время, стал памфлет Т. Пейна «Здравый смысл», суть которого сводилась к тому, что колонии должны стать республикой, а все американцы должны иметь равные права.

Радикальные идеи Пейна оказали немалое влияние на колонистов. В то же время политика британских властей, объявивших колонии мятежными (а это означало попытку ввести военное положение), объективно способствовала прекращению споров. 10 мая 1776 г. вновь приступивший к работе конгресс принял крайне важную резолюцию. Она призвала все колонии создать свои независимые от короны органы власти. 15 мая 1776 г. та же резолюция была дополнена жесткой рекомендацией не признавать власть метрополии. После этого конгресс создал специальную комиссию для выработки Декларации о независимости. Хотя к работе над декларацией приступила целая комиссия, в сущности основным автором, создавшим ее, оказался Томас Джефферсон. На заседании конгресса 4 июля 1776 г. декларация была принята, и с тех пор именно этот день является самым большим праздником в США.

Декларация независимости Джефферсона поистине является величайшим из всех документов, положенных в основу существования какого-либо из государств. Основная суть ее заслуживает того, чтобы быть полностью воспроизведенной: **«Мы считаем очевидной истиной, что все люди родились равными и получили от Творца известные неотчуждаемые права, в их числе право на жизнь, свободу и стремление к счастью; правительства установлены для того, что-**

бы обеспечить людям эти права, и власть их может быть признана справедливой лишь при одобрении управляемых. Всякий раз, если какая-либо форма правления начинает разрушать эти права, народ вправе изменить или отменить ее и установить новое правление, основав его на общих началах и устроив органы власти в той форме, которая ему покажется наиболее способной обеспечить его безопасность и счастье... Когда долгий ряд злоупотреблений ясно показывает намерение подчинить народ неограниченному деспотизму, он вправе — и даже это его долг — свергнуть иго подобного правления». Поистине великолепные слова, созвучные идеям Д. Локка (право на жизнь, свободу и собственность), представлениям французских энциклопедистов Дидро и Гольбахи громогласным призывам древнекитайского конфуцианца Мэн-цзы о праве устранить негодное правительство.

В самом деле, Декларация независимости, навеки прославившая имя Т. Джефферсона и ставшая фундаментом Конституции США, это своего рода вершина буржуазных устремлений к очищенной от авторитаризма системе власти. Но не только. Текст декларации — триумф великих идей мудрецов европейского Просвещения, которые подготовили лучших из своих последователей к тому, чтобы воплотить их наиболее важные и радикальные идеи в политическую реальность. Ведь самое главное в этой декларации отнюдь не призыв к провозглашению республики и отказ от какой-либо политической связи с британской короной. Основными положениями текста стали признание равных прав и свобод для всех («право на жизнь, свободу и стремление к счастью»), а также, что наиболее важно, провозглашение высшего суверенитета народа, который должен находиться с избранным им правительством в отношениях столь значимого для многих просветителей общественного договора. Но и этого еще недостаточно. В декларации, как очень важное дополнение, постулируется право народа на решительное выступление против правительства в случае нарушения им упомянутого договора.

Конечно, в декларации были и характерные для того времени пороки. Она не распространялась на неевропейское население, прежде всего на негров. Стоит заметить, что Джефферсон вначале включил было в ее текст логично вытекавшее из ее основного содержания требование отмены рабства и запрета торговли рабами. Но, поскольку южные колонии угрожали в этом случае оставить конгресс и не принимать участие в войне с Англией, это требование пришлось снять. Не

распространялись декларированные права и на индейцев. Мало того, их в полной мере не ощутили и женщины, долго еще остававшиеся лишенными избирательных прав. Но, тем не менее, само провозглашение основных прав стоило многого. И далеко не случайно принципы Декларации независимости вскоре легли в основу Конституции США, действующей с некоторыми поправками вплоть до сегодняшнего дня.

Почему лидеры североамериканских колонистов оказались на столь высоком уровне осознания прав и свобод обыкновенного человека? Истины ради необходимо сразу же напомнить, что либерально-демократические основы декларации были не только результатом хорошего знакомства с идеями века Просвещения. Корни замечательных документов, которые один за другим, начиная с Декларации независимости, появлялись у колонистов и принимались формировавшимися североамериканскими штатами, связаны и с традициями буржуазной Англии с ее знаменитой Хартией вольности и всесильным переизбираемым парламентом. Ведь не стоит забывать, что колонисты в подавляющем большинстве были выходцами именно из этой вольнолюбивой страны, лидера буржуазной эволюции стран Запада. Они, корни, если уж на то пошло, уходили и глубже, в античную свободу.

Как бы то ни было, но факт остается фактом: в поисках наилучшей формы политической структуры жители взбунтовавшихся американских колоний сразу же взяли самую высокую планку, что было в то далекое время под силу далеко не всем. И стоит при этом заметить, что эта планка была взята без особых усилий, чему в немалой мере помогло благоприятное для колонистов стечение обстоятельств. Оно сводилось отнюдь не только к тому, что среди населения будущих штатов заметно преобладали те самые протестанты, чьи этические нормы способствовали ускорению темпов буржуазной эволюции, хотя об этом и не стоит забывать. Очень важно принять во внимание, что успехам в условиях США способствовало то, что эта страна в силу исторических обстоятельств оказалась свободной от феодальных связей и тесно прилипавших к ним сословных предрассудков.

Словом, реализация основных идей декларации оказалась — если учесть все, что было сказано о не считавшихся за людей рабах или об индейцах и даже об ограниченных в гражданских правах женщинах, — делом не слишком сложным. Впрочем, и здесь необходимы оговорки. Все приходилось начинать не то чтобы с нуля, но при отсутствии сколько-нибудь серьезного опыта управления большой и в немалой мере разнородной страной. И еще. Нельзя забывать, что

либерально-демократическая Англия отнюдь не сочувствовала отбивавшимся от рук колонистам и не спешила отказываться от своих прав на взбунтовавшиеся колонии.

ВОЙНА СО СТОРОННИКАМИ МЕТРОПОЛИИ

Война с метрополией затянулась на несколько лет, причем она была для североамериканских штатов — как стали именовать себя прежние тринадцать колоний — борьбой со всеми противниками республики. А противников оказалось немало. Стоит начать с того, что среди самих колонистов было некоторое количество монархистов, которые не только не желали жить в новой республике, но, напротив, были готовы с оружием в руках выступить рядом с английскими войсками. Таких сторонников метрополии стали в штатах именовать привычным английским термином тори (республиканцы именовались вигами). И хотя эта терминология была, мягко говоря, не очень точной, она просуществовала некоторое время и, главное, позволяла достаточно легко определить, кто в назревающих сражениях будет своим, а кто чужим. Согласно некоторым подсчетам, чужих (тори, или *лоялистов*) было не менее 20–30 тысяч — цифра вполне солидная. Стоит к тому же учесть, что имеются в виду лишь активные сторонники англичан, сражавшиеся против основной массы мятежных колонистов с оружием в руках. Что же касается тех из числа лоялистов, убежденных монархистов, кто в годы войны предпочел покинуть колонии и уехать в Англию, то их было намного больше.

Со стороны Англии в войне участвовали многие десятки тысяч хорошо обученных солдат, полностью экипированных и не испытывавших нужды в вооружении. Учитывая возможную нехватку собственных воинов, англичане заблаговременно прибегли к помощи хорошо оплачивавшихся ими немецких наемников (18 тысяч по одним, 29 тысяч по другим данным). Особо следует сказать о неграх из южных колоний. Часть их воевала рядом с колонистами, но значительно большее количество сумели переманить на свою сторону английские агенты, в том числе и из лоялистов, которые искусно играли на том очевидном факте, что в североамериканских колониях негры являлись рабами. При этом агитаторы утверждали, что рабство принципиально чуждо англичанам в Англии, и обещали перешедшим на их сторону неграм свободу. Эта игра на наиболее

чувствительных струнах многих десятков тысяч людей дала свои результаты, хотя негры, поддавшиеся на пропаганду, мало что обрели. Большая часть тех, кто поверил агитаторам, в конечном счете оказались на плантациях в английских колониях Вест-Индии, но отнюдь не в Англии, где действительно рабства не было.

Армия Джорджа Вашингтона была вначале не слишком боеспособной. Достаточно сказать, что из 19 назначенных конгрессом американских генералов лишь трое понимали кое-что в военном деле, не говоря уже о том, что они нередко конфликтовали друг с другом. Причина этого проста: на первых порах независимые друг от друга колонии комплектовали свои вооруженные силы каждая отдельно. Увидев всю слабость такого хода событий, главнокомандующий твердо настоял на том, что американская армия со сроком службы в год-полтора должна быть единой. Конгресс утвердил это требование и ассигновал немало средств на вооружение. Была установлена квота на количество солдат от каждой колонии. Однако и после этого армия достаточно долго продолжала оставаться полупартизанской и соответственно слабой.

Не имея плана ведения войны и будучи вынужденным часто менять состав солдат, которые, отслужив свое, заменялись другими, главнокомандующий обычно имел под своим началом не более 20 тысяч воинов, которых хватало лишь на то, чтобы сопротивляться натиску англичан. И хотя его армия была воодушевлена патриотическим накалом и проявляла немалый героизм, победы в первые годы войны чаще одерживали англичане. Правда, вскоре ситуация начала понемногу изменяться. Американцы выработали тактику ударов мелкими силами, не давая возможности противнику рассчитывать на крупные и решающие сражения. Кроме того, колонистами на частной основе были организованы многочисленные морские каперские рейды. Полторы–две тысячи небольших каперских судов захватывали многие сотни английских кораблей, везших амуницию, вооружение и боеприпасы, что ослабляло английскую армию и усиливало боевую мощь американцев.

Постепенно армия колонистов обретала опыт. Борьбу колонистов за независимость поддержало несколько тысяч добровольцев из разных стран Европы. На заключительном этапе войны существенную помощь окрепшей к тому времени армии Вашингтона оказали французы. В конце войны в решающих сражениях их войско уже достигло 9 тысяч, что можно считать блестящим успехом дипломатической миссии Б. Франклина, направленного в Париж еще в конце 1776 г. Словом, война была вполне масштабной и явно нешуточной, хотя на

первых порах воинству колонистов приходилось добывать оружие и боеприпасы чуть ли не партизанскими рейдами.

Не вдаваясь в детали военных действий, занявших 1776–1781 гг., нужно еще раз отметить, что вначале военный успех был на стороне лучше подготовленных и численно преобладавших войск метрополии. Перевес англичан, которым активно помогали лоялисты, был очевиден, что сказывалось и на результатах. Однако эти поражения не обескураживали американскую армию, регулярно пополнявшуюся новыми бойцами. Кроме того, в сражениях с англичанами уже на втором-третьем году войны наметилась перемена. Успех в сражении при Саратоге в конце 1777 г. стал в этом смысле своего рода поворотным пунктом. Американцы почувствовали, что они могут победить своего сильного противника. И хотя после этой победы война шла еще три-четыре года с переменным успехом, победа колонистов была уже близкой. Ей не помешали ни отдельные неудачи войска колонистов, ни капризы погоды, подчас приводившие к непредвиденным ситуациям. Постепенно положение дел выправлялось и становилось все более определенным. Победа была уже не за горами.

В решающем сражении осенью 1781 г. под Йорктауном колонисты вместе с союзной армией французов (одним из командиров французского корпуса был маркиз Лафайет) нанесли англичанам сокрушительное поражение. Оно оказалось решающим в длительной войне. Вскоре после этой битвы английский парламент согласился на переговоры о мире и вслед за Францией, признавшей независимость США еще в 1778 г., в 1782 г. начал переговоры с делегацией колонистов, которые настаивали на том, чтобы за основу мирного соглашения был взят договор с Францией о признании независимости американских колоний. В январе 1783 г. военные действия были официально прекращены, а после подписания договора в Париже и обмена ратификационными грамотами в следующем году мирный договор вступил в силу. Колонии, превратившиеся в Соединенные Штаты Америки, раз и навсегда обрели свою независимость.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Хотя война шла долгих пять-шесть лет, интенсивность военных действий была не слишком большой даже по меркам того времени, когда войны порой обретали характер столетних. Практически это

означало, что военные действия, не имевшие фронтального характера и более напоминавшие происходившие время от времени вооруженные столкновения сторон, не мешали более или менее нормальному течению событий во всех колониях, которые быстро превращались в штаты, т.е. в политически независимые государственные образования. Если прежде каждая из колоний имела обычно назначавшегося из Лондона губернатора, который управлял, опираясь на опять-таки назначенный либо утвержденный за океаном совет, что и подчеркивало ее колониальный статус, то теперь ситуация стала резко изменяться.

Колониальная администрация была либо распущена самими англичанами, либо ушла в прошлое без особых хлопот. На смену в каждом штате пришли выборные законодательные *ассамблеи* и *конвенты*. Вслед за выборами законодательные собрания каждого штата, ревниво сохраняя независимость, начали вырабатывать собственную конституцию. Прежде всего изменения коснулись самих законодателей, причем перемены имели отчетливо выраженный демократический характер. Так, количество избирателей резко возросло за счет снижения имущественного ценза. В 10 штатах собрания стали состоять из двух палат. В верхнюю, сенат, выбирались наиболее именитые жители, а в нижнюю, за немногими исключениями, могли быть избраны практически все избиратели, что сильно изменило социальный состав корпуса законодателей.

Губернаторы избирались законодательными собраниями, реже (в штатах Нью-Йорк и Массачусетс) прямым голосованием, но в любом случае они были подотчетны тем же собраниям. Некоторые штаты ограничили число сроков пребывания в этой должности, причем в ряде случаев, как то было еще в древнегреческих полисах, один срок был равен только одному году. Как и в полисах, высшую должность предпочтительно предоставляли людям зажиточным. В ряде штатов губернатор обладал правом вето, которое законодательное собрание могло преодолеть лишь 2/3 голосов. Ему была подчинена *милиция* штата, он имел иногда право в перерывы между сессиями законодательных собраний издавать экономические распоряжения, например вводить эмбарго на срок до месяца. При губернаторах создавались исполнительные советы, избиравшиеся законодателями преимущественно из состоятельных людей на срок — в разных штатах — от 1 до 4 лет.

Сложной после всего этого осталась серьезнейшая проблема центральной администрации. Хотя каждый из 13 штатов, как то явствует

из самого его нового наименования, был независимым государственным образованием, страна в целом должна была действовать воедино, подчиняясь каким-то совместно выработанным нормам. Вначале это единство мыслилось в терминах союза и конфедерации. Впервые предложение о создании такого союза выдвинул Б. Франклин еще в 1775 г., до принятия конгрессом Декларации независимости. В сформулированном им документе «Статьи конфедерации и вечного союза», который долго перерабатывался в зависимости от изменения ситуации в колониях в связи с войной и был ратифицирован конгрессом лишь 1 марта 1781 г., однопалатный ежегодно переизбираемый конгресс становился высшим органом власти для всех штатов. Но полномочия конгресса были не слишком велики, а его решения порой имели лишь рекомендательный характер. Обязательными для всех они могли стать только после одобрения их законодателями 9 штатов.

Этот документ, который считается первой конституцией США, оказался после многих лет согласований и поисков компромисса откровенно слабым. Война показала, что стране нужна более крепкая центральная власть. Это стало особенно очевидным, когда в конце войны выяснилось, что финансовая политика многих штатов, проявившая себя наиболее наглядно в никем не контролируемой эмиссии ассигнаций, вела страну к экономической катастрофе. Обеспокоенный этим конгресс добился реформы финансовой деятельности, а вновь назначенный руководитель ведомства Р. Моррис сумел добиться некоторой стабилизации. Но власть конгресса оставалась явно недостаточной для управления огромной новой страной, особенно принимая во внимание продолжавшуюся инфляцию и прочие экономические сложности. Существенно заметить, что Джордж Вашингтон, слагая с себя после победы должность главнокомандующего, обратился к законодателям всех 13 штатов со специальным посланием, в котором он выражал обеспокоенность сложившейся в стране ситуацией, близкой к анархии, и призывал к созданию облеченного достаточной властью центрального правительства.

Параллельно с этим недовольство населения тяжелым экономическим состоянием стало проявляться в форме массовых протестных движений, одно из которых на рубеже 1786–1787 гг. привело к вооруженному восстанию под руководством заслуженного ветерана войны Д. Шейса. Восстание было подавлено, причем без особых репрессий. Но именно оно побудило конгресс позаботиться об укреплении центральной власти в США. Джефферсон даже назвал вос-

стание «очистительной бурей», что, как следует полагать, означало необходимость принять к сведению все то, что вызвало эту бурю.

Весной 1787 г. в Филадельфии по решению конгресса был созван конституционный конвент, основной целью которого было принятие новой конституции США. Конвент был невелик, в его состав вошло всего 55 делегатов (при квоте в 74; остальные так и не приехали), которых впоследствии стали именовать *отцами-основателями*. Конвент проработал около пяти месяцев в условиях порой весьма серьезных споров. К числу спорных проблем относился вопрос о рабстве негров. Южные штаты в связи с этим потребовали сохранить рабство и ввоз новых рабов, угрожая в противном случае не подписывать текст новой конституции. Конвент был вынужден пойти на компромисс: рабство на юге страны сохранялось, а ввоз новых рабов ограничивался 20 годами, до 1808 г. В конечном счете между югом и севером, а также федералистами и антифедералистами, т.е. сторонниками и противниками создания сильной централизованной власти, был достигнут компромисс. Конвент принял вариант новой конституции, разработанный в основном Дж. Мэдисоном. Главным и неоспоримым достоинством конституции Мэдисона был заимствованный у Монтескьё и ставший со временем образцовым принцип разделения властей. Отраженный в созданной именно в его варианте системе сдержек и противовесов, он оказался не просто удачным, но по существу жизненно важным.

КОНСТИТУЦИЯ США (1787)

Система, о которой идет речь, состояла из трех самостоятельных, параллельно функционирующих и обладающих немалой властью органов — законодательного (конгресс), исполнительного (президент с кабинетом министров) и судебного (Верховный суд).

Президент, он же верховный главнокомандующий, избирался на 4 года с возможностью вторичного переизбрания (эта возможность была согласована в ходе устной дискуссии и в текст конституции не вошла) и имел широкий набор прав и полномочий. Ему должно было принадлежать право назначения членов кабинета и высших дипломатических представителей, равно как и членов Верховного суда, остававшихся таковыми пожизненно. Но при этом назначения всех высших должностных лиц должны были утверждаться конгрессом.

Президент обладал важным правом помилования. Он же в ежегодном послании был обязан отчитываться перед конгрессом о своей работе и состоянии дел в стране, а в случае нужды наложить вето на решение конгресса, которое можно было преодолеть лишь 2/3 голосов всех его членов. Именовать его следовало просто: «Господин Президент». В текст конституции была включена и возможность отстранения президента от должности с помощью процедуры *импичмента*. Вместе с президентом учреждался пост вице-президента с крайне незначительными полномочиями, но зато с правом стать президентом в случае, если президент умрет или не сможет выполнять свои обязанности (включая, естественно, и импичмент). Избираться президент и вице-президент должны одновременно специальной коллегией выборщиков, число которых в каждом штате зависит от численности его населения.

Конгресс, состоявший из двух палат, сената и палаты представителей, имел исключительное право объявлять войну, распоряжаться всеми землями, определять и регулировать налогообложение, выпускать деньги и следить за торговлей и размером пошлин. При этом решения палаты представителей подлежали утверждению сенатом, а сенат при согласии 2/3 его членов получал право в случае нужды начинать процедуру импичмента и возбуждать судебное преследование высших должностных лиц. Сенаторы должны были избираться на срок в 6 лет по 2 человека от каждого штата, а члены палаты представителей только на 2 года, причем пропорционально числу жителей штата.

Что касается Верховного суда, то пожизненное членство в нем создавало надежную основу для независимости судей, строго действующих в соответствии с конституцией. Верховный суд имел право отменить закон или даже решение конгресса, тем более какой-либо договор в тех случаях, когда находил в них противоречие конституции. Решения суда должны были приниматься большинством голосов входящих в него судей и считались окончательными, отменяющими все предыдущие решения по данному вопросу.

В целом все ветви власти не только надежно дополняли друг друга, не давая в руки никому из высших должностных лиц возможности безнаказанно узурпировать всю полноту административного управления страной, но и создавали вполне приемлемый и непротиворечивый баланс сил. Опираясь на этот баланс, страна и все ее постоянно растущее население (к моменту принятия конституции

в США жило около 4 миллионов человек, включая и тех, кто был лишен гражданских прав, что касалось не только негров южных штатов, но и всех женщин страны) обретали наиболее надежную основу для благополучного существования республики. Эта основа, помимо прочего, опиралась и на то, что многие права делегировались в отдельные штаты, которые обладали очень заметной долей местного самоуправления. Однако важно иметь в виду, что справедливо высокая оценка принятой отцами-основателями конституции, наиболее совершенной в то время в мире, была воспринята большинством далеко не сразу.

Во-первых, споры не утихали до самого последнего момента, и, более того, несколько делегатов конвента так и не подписали документ, выразив тем самым свое несогласие с отдельными его положениями. А во-вторых, сразу же после опубликования текста новой конституции споры вокруг нее вспыхнули с еще большей энергией. Ведь для того, чтобы конституция вступила в силу, ее должны были ратифицировать две трети штатов, т.е. 9 из 13, для чего в штатах были созваны свои *конвенты*, избиравшиеся местными законодателями. Дискуссии шли свыше семи месяцев, пока 9 штатов не одобрили текст, после чего конституция вступила в силу (в остальных штатах на ратификацию ушло около трех лет). Однако и после этого ожесточенные споры не прекращались, так что в 1789 г. конгресс был вынужден в дополнение к основному тексту конституции принять дополнение в форме Билля о правах с 10 важными поправками, вступившее в силу в 1791 г.

Принятые в основном под давлением антифедералистов, отстаивавших прерогативы самоуправления в штатах, эти поправки, по крайней мере некоторые из них, особенно первая, имели очень важное общественное значение. Смысл **первой поправки** в том, что в стране гарантируется свобода слова и печати, собраний и петиций, а также любого религиозного исповедания при полном отделении религии от государства. **Вторая поправка** утвердила право народа иметь и носить оружие, а штатам — право иметь ополчение; **четвертая** гарантировала неприкосновенность личности, имущества и личных бумаг. **Пятая** вводила суд присяжных, а в **девятой** специально оговаривалось, что все принятые поправки не должны ограничивать тех прав, которые уже имеются. Наконец, в **десятой** было сказано, что права штатов, не переданные по конституции федеральному правительству, остаются в неприкосновенности.

Оценивая конституцию США с вошедшим в нее Биллем о правах, следует еще раз отметить, что отцы-основатели потрудились не зря. Они создали наиболее совершенный в своем роде документ, значимость которого была успешно апробирована временем. И хотя ряд проблем, включая важнейший для демократической республики вопрос о рабстве, остался нерешенным, очень важно обратить особое внимание на то, что этот документ сыграл свою роль. Он, на что стоит обратить особое внимание, не был мало значащим текстом, с которым на деле никто не считается, что, к сожалению, не так уж редко случается даже в наши дни. **Сила** Конституции США, как и самих **Соединенных Штатов, в том, что основной закон чтится выше всего и неукоснительно соблюдается** в этой стране вот уже два с лишним века. И эта стабильность, это восходящее к античности уважение к праву и закону гарантируют процветание Америки.

США ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ

Первой проверкой новой конституции на прочность было избрание в США президента. Стоит в этой связи заметить, что введение этого поста стало новацией во всей мировой истории. Никто нигде и никогда еще не возглавлял страну в этом статусе. И надо сказать, что было немало сомнений насчет такого статуса и среди отцов-основателей. Дело доходило до того, что часто говорили о желательности установить в США столь привычный монархический строй и даже предлагали Джорджу Вашингтону стать американским королем. Вообще же согласие на учреждение поста президента было во многом обусловлено тем, что в глазах народа главнокомандующий, выигравший войну за независимость, был наиболее подходящим и всеми признанным кандидатом на эту должность. И действительно, когда 4 февраля 1789 г. пришло время голосовать, все 69 выборщиков из 10 штатов (два штата к этому времени еще не ратифицировали текст конституции и потому не могли голосовать, а штат Нью-Йорк опоздал с избранием выборщиков) единодушно назвали имя Вашингтона. Вице-президентом с меньшим числом голосов (34) стал Дж. Адамс, один из десяти кандидатов на этот пост.

Вскоре после выборов президента и вице-президента состоялись выборы первого конституционного конгресса, который утвердил результаты голосования выборщиков. В сентябре 1789 г. президент

Вашингтон сформировал кабинет из пяти министров. Руководителем министерства иностранных дел (государственного департамента) стал Т. Джефферсон, а финансов — А. Гамильтон. Были созданы военное министерство, ведомства юстиции и генерального почтмейстера. Президент также назначил шесть членов Верховного суда. Стоит заметить, что, хотя все члены кабинета исправно исполняли свои обязанности, с первых месяцев работы нового правительства выявились серьезные разногласия между основными из их числа. Гамильтон, как и президент, стояли за интенсивное буржуазное развитие, за создание столицы на быстро развивавшемся севере и считались федералистами, а Джефферсон с его антифедералистскими симпатиями был против сильного правительства и стоял за то, чтобы столицей стал какой-либо из южных городов.

При президентстве Дж. Адамса (1797–1800) эти разногласия несколько утихли, ибо президент занял сдержанную позицию. Тем временем в стране популярность Джефферсона усилилась, а Гамильтон выступил против президента. В результате на выборах 1801 г. Адамс не собрал нужное число голосов выборщиков, а президентом стал Т. Джефферсон, чья инаугурация произошла в Вашингтоне, городе, ставшем столицей страны и названном по решению конгресса в 1800 г. после смерти Дж. Вашингтона в честь ее первого президента. Стоит заметить, что, став президентом, Джефферсон начал вести себя более осторожно и в своей инаугурационной речи сблизился с федералистами.

Успехи в борьбе за независимость и в создании принятой всеми штатами конституции способствовали быстрому прогрессу страны во всех сферах жизни. В первую очередь следует сказать о принципах землевладения. Если до войны английские власти запрещали колонистам захватывать земли к западу от Аллеганских гор, то в 1785 г. конгресс принял ордонанс о земле, установивший порядок продаж новых земель участками по 260 акров по цене 1–2 доллара за акр. Это были немалые деньги, так что на первых порах близлежащие земли оказались у богатых плантаторов и спекулянтов. Однако позже ситуация изменилась. В ходе движения на запад (в основном это относится уже к XIX в.) земли стали получать практически все колонисты, которые рисковали покинуть обжитые места и отправиться в рискованное путешествие в неведомое. Таких было немало. Более того, огромные массы жителей США, в том числе и прибывавших в страну заново мигрантов, следовали именно этим путем, ибо он

обещал каждому возможность ценой не слишком больших усилий обзавестись собственной землей и стать на ней хозяином. Это было извечной мечтой европейцев, особенно тех наиболее смелых и предприимчивых, кто сумел принять нелегкое решение бросить унылую безнадежную жизнь в Европе и отправиться на поиски счастья за океан. Разумеется, в числе этих людей преобладали молодые, что опять-таки следует считать вполне естественным и в то же время весьма позитивным для США фактором.

Но продвижение колонистов на запад сталкивало США с проблемой индейского населения, готового с оружием в руках защищать свои права, что приводило к кровавым столкновениям колонистов с индейцами, которые широко представлены в американской художественной литературе и современном кинематографе. Вопрос, связанный с правами индейцев, долго не был решен, пока в США в начале XIX столетия не возникла и не стала осуществляться, постепенно обретая все более позитивные формы, идея о резервациях. Что же касается негров южных штатов, то их положение бесправных рабов, которое можно сравнить лишь с русскими крепостными того же времени, продолжало оставаться невыносимым вплоть до гражданской войны в середине XIX века. И оно было позорным пятном на высокой репутации США, которое понемногу смывается лишь в наши дни с их столь обостренной, а порой и чрезмерной политкорректностью.

Особого внимания заслуживает проблема экономического роста и развития культуры в США в первые десятилетия после войны за независимость. Если вначале финансовое положение страны было более чем удручающим, то с 90-х гг. началась полоса экономического подъема. Население страны подошло к пяти миллионам, причем среди этого населения (о неграх и индейцах речь не идет) преобладали энергичные, активные и деловитые люди, склонные к прагматизму и бережливости и смело двигавшиеся в неизвестные земли западных территорий, успешно их осваивая. Одним из первых великий лозунг «время — деньги» выдвинул в своей книге «Советы молодому купцу» Б. Франклин. И многие в США следовали этому завету великого американца. В стране создавались новые промышленные предприятия, банки, развивалась инфраструктура, росло население городов. В городах возникали колледжи, издавались газеты, создавались различного рода научные общества, работали библиотеки. Американские торговцы стремились установить связи с европейскими и другими странами, в том числе с Россией и государствами Востока.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ США КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ

Все то, что произошло с североамериканскими колониями Англии в конце XVIII столетия, заслуживает особого внимания и специальной оценки по ряду важных причин. Вспомним, что совсем недавно, в 2007 г., США отметили 400-летие с того момента, когда первые английские колонисты создали жизнеспособное поселение на негостеприимном берегу в районе Виргинии. За менее чем два века после того, как потомки первых колонистов и особенно тех, кто прибыл в Америку на знаменитом корабле «Мэйфлауэр», равно как и прибывавшие сюда новые волны европейских переселенцев, в основном из Англии, включая Шотландию, и Ирландии, к тому же прежде всего и в подавляющем большинстве протестанты, прибыли сюда, изменилось многое. Можно сказать и сильнее: перемены шли крайне быстрыми темпами, что даже для заметно убыстрившихся шагов истории в переходный период от средневековья к буржуазному времени было необычным. Малонаселенные земли осваивались при огромном содействии этому со стороны метрополии, которая внимательно следила за благосостоянием колонистов и в лице созданной ею в Америке администрации заботилась о том, чтобы у них не было лишних проблем.

Не стоит забывать и того, что внешняя политика Англии была направлена на приобретение в Северной Америке новых территорий. И если во второй половине XVII в. англичанам удалось вытеснить из северной части восточноамериканского побережья лишь ослабевшую к этому времени Голландию с ее Нью-Амстердамом, то столетие спустя та же участь постигла французскую Канаду с Луизианой. И нельзя сказать, что в колониях не ценили этого. В середине XVII в., когда в метрополии шла напряженная гражданская война между роялистами и парламентом, большинство колонистов, несмотря на миграцию в Америку немалого числа поверженных роялистов, взяло сторону Кромвеля. Неудивительно поэтому, что основные усилия английской администрации — как, впрочем, и самих колонистов — были в полном соответствии с настроениями поселенцев направлены на укрепление самоорганизации колоний, на создание усиливавшей их конфедерации.

Словом, все вроде бы свидетельствовало не только о полном альянсе между властями метрополии и американскими колониста-

ми, но и о стремлении жителей колоний активно поддерживать все те позитивные преобразования, которые шли в Англии и в конечном счете содействовали процессу развития капитализма. Так продолжалось довольно долго, не менее полутора столетий. Что же и почему изменилось во второй половине XVIII в.?

Как о том уже говорилось, все началось с того, что стабилизировавшаяся после «Славного переворота» Англия, заинтересованная в сохранении доходов от торговли с индейцами и несколько озадаченная растущей ролью местного самоуправления и явного нежелания колонистов следовать предписанным им ограничениям (имеется в виду прежде всего стремление Англии не разрешать колонистам продвижение на запад, на территорию, отошедшую к Англии после поражения Франции в Семилетней войне), решила занять твердую позицию во взаимоотношениях с колониями. Эта позиция нашла свое отражение в ряде экономических запретов, на что колонисты ответили бойкотом английских товаров и явным неповиновением.

Дальше все в подробностях было уже рассказано. Но остается все же неясным вопрос, почему англичане пошли на обострение отношений со своими колониями. Неужели им столь дороги были меха, которыми они монопольно торговали с индейцами? Отнюдь! Создается впечатление, что победа в Семилетней войне побудила короля Георга III с его влиянием на парламент, в то время остро раздиравшийся противоречиями между вигами и тори, приструнить непокорных колонистов. Но король, занятый в основном обострившимися внутриполитическими проблемами Англии, явно не сумел учесть последствия своих решений. И это оказалось роковым в отношениях метрополии с колониями. Предоставленные по сути сами себе английские администраторы в колониях не сумели должным образом оценить ситуацию и в результате проиграли. Но какую роль в истории человечества сыграл их проигрыш?

Речь вовсе не идет о том, что при несколько ином стечении обстоятельств сохранившие зависимость от разумно ведшей свою политику метрополии колонисты не могли бы развиваться по восходящей и стать примерно той же Америкой, какой она стала. Имеется в виду другое: возникла ли бы при иных условиях необходимость в полной политической самостоятельности, достигнутой в ходе ожесточенной войны? И еще: было ли бы создано принципиально новое государство с конституцией, которая по сей день справедливо считается непревзойденной по многим основным параметрам и, что самое

главное, по той причине, что она неукоснительно соблюдается вот уже свыше двух веков?

Собственно, именно к этому сводится ответ на вопрос о возникновении США как о великом историческом событии. И имеется в виду отнюдь не только то, что США давно уже являются сильнейшей и в очень многих отношениях самой передовой державой мира, хотя это и очень существенно. Гораздо важнее сам факт: конституция и все устройство нового государства, спровоцированные неразумной политикой короля Георга III и недостаточным влиянием на эту политику английского парламента именно в решающие для американских колоний десятилетия, оказались своего рода откровением, открытием для всей мировой истории. События, спровоцированные неумной политикой английской администрации как в метрополии, так и в колониях, не только способствовали появлению и раскрытию позитивных потенций большинства американских мыслителей, воспитанных как славными традициями метрополии, так и на идеях французского Просвещения, хотя и это опять-таки крайне важно. Они дали мощный толчок для реализации этих потенций. Именно вследствие недальновидной и провокационной политики англичан, вызвавшей войну и приведшей к победе колоний, появились те самые отцы-основатели, усилиями которых были заложены основы Соединенных Штатов и которых за то всегда столь чтила и ныне чтит Америка.

Можно, конечно, бросить в этих великих деятелей камень за то, что они не сумели довести свое благородное дело до конца. Что они не смогли положить конец рабству негров, которое столь разительно контрастировало с идеями свободы и равных прав, что легли в основу всей последующей политики США. Но разве всем политикам в истории человечества не приходилось идти на компромиссы и считаться с реальными обстоятельствами? Разве политика не считается — и вполне справедливо — искусством возможного? Не станем бросаться камнями и примем во внимание то наиважнейшее и не раз уже упомянутое выше обстоятельство, что созданное отцами-основателями великое государство с самого его появления на политической карте планеты было чем-то исключительным, из ряда вон выдающимся. А что касается рабства, то не стоит забывать о том, сколь решительными мерами с ним было покончено в ходе гражданской войны 1861–1865 гг. И пусть даже долгое время после этого африканцы, как и индейцы, еще не считались равными белым, что по отношению к неграм ярко демонстрировали американские раси-

сты. Ныне это время окончательно ушло в прошлое. А вот США с их бережно соблюдаемой конституцией остались и, более того, продолжают служить ориентиром для всего либерально-демократически мыслящего человечества.

Глава двадцать вторая. РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. ВЕЛИКАЯ И КРОВАВАЯ

Франция более или менее благополучно просуществовала вплоть до смерти в 1774 году Людовика XV с его вызывающе-беспечным девизом. Между тем ситуация в стране убедительно свидетельствовала о том, что во Франции назревает серьезный внутренний кризис. Правящая элита страны объективно способствовала замедлению реальных возможностей импульса буржуазной эволюции, выявившего уже на примере других стран, особенно Англии, свою энергетическую силу. Несмотря на многие разумные реформы ряда выдающихся министров, от кардинала Ришелье до физиократа Тюрго, буржуазные по характеру рыночно-частнособственнические отношения во Франции не только крайне медленно развивались, но и подчас осознанно тормозились. Феодальная знать не желала терять своих привилегий. А упоенные своим призрачным могуществом короли с их скудоумной тягой к развлечениям и примитивным представлением о жизни поддерживали такого рода образ существования.

Трудно с точностью определить, насколько понимал это молодой Людовик XVI, явно не слишком готовый к тому, чтобы озаботиться серьезной оценкой положения в стране. Видимо, некая потребность в обновлении побудила его отдать рычаги правления в руки Тюрго, не чуждого идеям Просвещения. Став министром и получив определенную свободу действий, Тюрго приступил к реформам и был, насколько можно судить по его собственным словам, преисполнен оптимизма. Он полагал, в частности, что, имея в своем распоряжении полную власть, сумел бы «сделать Францию счастливой».

Реформы Тюрго начались с нововведений в торгово-промышленной сфере. Были отменены средневековые цехи, открыт простор для развития фабричной промышленности, ликвидированы лишние таможни, объявлена свободная торговля хлебом, ликвидирована государственная барщина в области дорожного строительства. Соб-

ственность и справедливость были объявлены чуть ли не наивысшим достоянием каждого. Министр пытался создать в стране систему выборных представительных органов от приходских советов вплоть до национального совещательного собрания. Он считал необходимым ввести всеобщее светское образование, выкупить у феодалов унизительные крестьянские повинности и, как вершина, уравнять все сословия в правах.

Эти замыслы были не только реальными, но и жизненно необходимыми для страны, давно уже задыхавшейся в тисках, которыми сжали ее два высших сословия, дворянство (точнее, феодальная знать) и духовенство. И если бы король дал своему министру-реформатору столь желанные для него пять лет, как знать, чем все закончилось бы... История человечества наполнена подобного рода утраченными возможностями. И именно поэтому, говоря об эволюции, в данной работе столь часто и много упоминается о роли случайности как первом по счету и наиболее часто встречавшемся факторе, определяющем ход этой самой эволюции. Франция, изнывавшая в уже упомянутых тисках, которые год от года все туже сжимались вокруг ее шеи, не оставляя надежды выбраться без резкого рывка, была уже в состоянии безнадежного отчаяния. Она могла надеяться лишь на то, что реформы Тюрго ослабят давление и дадут возможность основному — третьему — сословию страны и прежде всего наиболее важной части его, буржуазии, реализовать свои давно уже накопленные потенции.

Все, однако, сложилось иначе. Придворные молодого короля, даже его братья и жена были настроены резко против реформ. Трудно сказать, рассчитывали ли все они только на то, что девиза Людовика XV о том, что после него «хоть потоп», хватит и на время их жизни, или были просто недовольны тем, что реформы требовали немалых средств, а казны едва хватало для удовлетворения их собственных потребностей. Не исключено, что правящая элита страны была напугана радикальными преобразованиями явно революционного характера в североамериканских колониях Англии. И хотя именно Франция, этот вечный соперник преуспевающей Англии, пошла на военный союз с мятежными колониями и даже послала в Америку немалый экспедиционный корпус, сыгравший определенную роль в достижении штатами окончательной победы над метрополией, события второй половины 70-х гг. в США явно не могли оставить правящую верхушку страны равнодушной.

Как бы то ни было, но реформатор не только не получил желаемых им пяти лет, но напротив, оказался уволенным уже через два года. При этом почти все из его реформ были отменены. Более того, баланс качнулся в противоположную сторону. Так, например, доступ к офицерским чинам и к церковным должностям для лиц, не принадлежавших к сословию дворян, закрыли. И это было сделано отнюдь не случайно. Во Франции, внимательно следившей за событиями в США, успехи молодой радикально настроенной республики, к тому же явно пропитанной идеями Просвещения, прежде всего французского, встречались с восторгом, особенно среди жаждавшей аналогичных перемен и быстрыми темпами становившейся все более влиятельной буржуазии, а также тех просветителей, которые давно уже стали властителями дум. Идеи века Просвещения, разрабатывавшиеся в ряде стран Западной Европы, но активнее всего во Франции, где феодальная знать наиболее упорно препятствовала свободному развитию буржуазии, снова и все больше выходили на передний план, причем на сей раз в своей наиболее радикальной форме.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Вторая половина XVIII столетия во Франции была временем быстрого экономического роста. Развивались промышленность и торговля. Контакт с североамериканскими штатами обещал французским буржуа новые рынки, много более емкие по сравнению с вест-индским Гаити. Активно строился торговый флот на верфях порта Бордо. Быстрыми темпами перестраивался средневековый Париж. Укрепившая свои позиции буржуазия настоятельно требовала признания и предоставления ей достойного места в жизни страны. Стоит заметить, что в этом требовании ее активно поддерживали и все другие слои населения, входившие в состав третьего сословия, от крестьян до городских интеллектуалов. Но показательно: чем громче раздавались эти требования, тем жестче был ответ дворянства, не желавшего поступаться своими привилегиями и, главное, возможностью щедро черпать из казны государства столько, сколько потребуется для их беззаботной жизни.

Впрочем, черпать было уже неоткуда. Казна была пуста, а на стране висел огромный долг. Этот долг все возрастал как за счет

трат на войну в Америке, так и по причине роста числа высокооплачивавшихся синекур при дворе и в провинциях. Финансовые неурядицы не могли не сказаться на ухудшении экономического положения. К этому прибавился неурожай 1788 г., который привел к ряду голодных бунтов. Страна требовала продолжения начатых было Тюрго реформ. Но идти на реформы правящие верхи не хотели. Тем не менее становилось очевидным, что нужно принимать решительные меры. Уже на собрании *нотаблей* (высшей знати и должностных лиц) в 1787 г. король встретился с решительной оппозицией, представленной, в частности, вернувшимся из Америки маркизом Лафайетом. Оппозиция подвергла положение дел в стране резкой критике.

Критика шла со всех сторон. Остро встал вопрос о созыве Генеральных штатов, не созывавшихся с начала XVII в. В отдельных провинциях, как в промышленно развитой Дофинэ, были созваны провинциальные штаты, на заседании которых представители буржуазии выдвинули решительные требования. Среди прочего это были требования о предоставлении третьему сословию двойного количества голосов по сравнению с дворянством и духовенством и голосования не по сословиям, как то было прежде, а по числу делегатов. Требования такого рода подкреплялись недовольными и голодающими, теперь уже и в больших городах. За это же выступали и некоторые представители знати. Необходимость созыва штатов стала неотвратимой реальностью, и решение было принято. Как писал в этой связи граф О. Мирабо, «нация за одни сутки сделала шаг, равный целому столетию». В стране прошли выборы делегатов, причем было разрешено от третьего сословия выдвинуть удвоенное число делегатов по сравнению с первым и вторым (вот он, отголосок требований из Дофинэ!). Были собраны наказы, и 5 мая 1789 г. в Версале Генеральные штаты приступили к работе.

Работа шла трудно. Во-первых, потому, что делегаты долго не могли договориться о статусе штатов и о повестке дня. Два высших сословия стремились свести статус к совещательным функциям, а обсуждения — к решению проблемы финансирования. Третье настаивало на превращении штатов в высший законодательный орган страны (сведения об американской конституции и о конгрессе в США давно уже ни для кого не были тайной) со всеми вытекавшими из этого важными для Франции следствиями. Во-вторых, из-за споров о ведении заседаний — по сословиям либо всем вместе, что дало

бы третьему сословию, учитывая симпатии к нему со стороны ряда делегатов от первых двух сословий, явное преимущество. Споры не привели ни к чему. А в стране тем временем развертывалась ожесточенная полемика в форме многочисленных брошюр, в основном отстаивавших права третьего сословия, этих «96% всей нации», как о том было сказано в брошюре аббата М. Ж. Сиейеса.

Тот же Сиейес первым предложил предъявить двум высшим сословиям решительное требование отказаться от особых заседаний и присоединиться к третьему. Ультиматум подействовал. Ряд делегатов от двух высших сословий воссоединились с представителями третьего, и 17 июня Генеральные штаты официально объявили себя Национальным собранием. В ответ король распорядился запереть зал заседаний собрания. Собравшиеся в парке делегаты были готовы к сопротивлению и 20 июня 1789 г. сумели занять пустовавшее неподалеку здание для гимнастических упражнений (манеж или зал для игры в мяч), где продолжили свои заседания, на сей раз будучи вынужденными работать стоя. Национальное собрание поклялось, что не прекратит своей работы, пока не выработает конституцию. Тогда разгневанный король 23 июня выступил перед делегатами и, приказав им вновь заседать порознь, потребовал от мятежного собрания разойтись. В ответ Мирабо заявил, что собрание здесь по воле народа и только военная сила способна его разогнать. Людовик XVI начал стягивать к Парижу войска.

9 июля 1789 г. Национальное собрание объявило себя Учредительным, подтвердив тем самым свое намерение стоять до конца, пока конституция не будет принята. Тем временем на защиту собрания поднялись парижане. Город бурлил, всюду собирались и митинговали толпы недовольных. Начали создаваться отряды национальной гвардии или народной милиции (вспомним, как отстаивали свою независимость в борьбе со своим королем североамериканские колонисты), во главе которой стал Лафайет. 14 июля 1789 г. уже весь город был охвачен восстанием. Толпа захватила арсенал, обрела оружие и отправилась на штурм Бастилии, воспринимавшейся в качестве символа завершающейся эпохи ненавистного всевластия знати. Лафайет послал Вашингтону ключи от захваченной народом крепости. А Людовик XVI, узнав обо всем, воскликнул, как гласит предание: «Да это бунт!». И, если верить преданию, что представляется все же не очень основательным, получил в ответ от одного из придворных: «Нет, государь, это революция!».

ПЕРВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Король был вынужден признать сложившуюся ситуацию де-факто. В общем-то у него не было выбора. События явно вышли из-под контроля, и лучшее, что он мог сделать, это признать реальность. Так он и поступил. Было де-юре признано Национальное собрание. Мэром столицы, главой парижской коммуны он утвердил популярного Байи, а командующим национальной гвардией, т.е. милицией, — Лафайета. Король был даже готов нацепить на себя революционную трехцветную кокарду. Однако капитуляция такого рода мало помогла правящим верхам. Революция шла по всей стране. Крестьяне нападали на феодальные замки и уничтожали документы о повинностях, горожане врывались в ратуши и делали примерно то же самое. Церковь больше и думать не могла об обязательной десятине. Кроме того, толпы грабили зернохранилища и хлебные обозы.

Проблема феодального землевладения и привилегий знати была одной из главных, так что неудивительно внимание, уделенное ей Учредительным собранием. Правда, к радикальным переменам решение, принятое в августе 1789 г., не привело. Отменены были только личные повинности крестьян и церковная десятина, тогда как господскую землю следовало выкупать. Что же касается столь страстно ожидавшейся всеми конституции, то делегаты сначала приняли знаменитую Декларацию прав человека и гражданина, во многом перекликавшуюся с аналогичной декларацией Джефферсона и, в частности, твердо провозглашавшую основные права и свободы человека, принципы равенства возможностей и незыблемости частной собственности. И сразу же после этого начали обсуждать проблемы конституционного устройства будущей Франции, которая мыслилась ими — по английскому стандарту — как конституционная монархия. Споры в Учредительном собрании шли по вопросу о том, каким быть будущему законодательному органу, одно- или двухпалатным, и предоставлять ли королю право вето.

Здесь начались сложности. Король не спешил с утверждением Декларации прав и тем более решений, связанных с отменой повинностей крестьян. А испуганные придворные и вся феодальная знать — за исключением тех, кто уже успел бежать из Франции, — лихорадочно готовились к военному перевороту. Тем временем в стране и прежде всего в Париже обострилась продовольственная проблема. В октябре 1789 г. голод стал ощутимым до крайней степени (обра-

тим внимание: в октябре, а не где-либо весной). Толпы голодающих бедняков-*санкюлотов*[1], а также огромное количество женщин (тех самых, которым королева Мария Антуанетта будто бы посоветовала есть булочки или даже пирожные, коль скоро им не хватает хлеба) окружили королевский дворец в Версале и заставили перепуганного короля не только утвердить решения законодателей, но и вместе с Учредительным собранием прибыть в Париж. Воодушевленные активной поддержкой масс законодатели в ноябре 1789 г. приняли решение о ликвидации в стране дворянских титулов и членения на сословия, о конфискации церковных земель и монастырских имуществ, а в декабре вдобавок к этому еще и о распродаже конфискованной земли и о выпуске бумажных денег, ассигнатов.

Революция шла вперед семимильными шагами. Законодатели интенсивно работали, вырабатывая и принимая одно важное решение за другим. В 1790 г. был принят закон о новом административном членении страны. Параллельно с этим были распущены на бессрочные каникулы 12 старых парламентов, включая главный, Парижский, с тем, чтобы позже их можно было бы заменить заново созданными департаментскими, окружными и местными судами, статус которых должен был быть разработан особо. В провинциях продолжались крестьянские волнения, сопровождавшиеся сжиганием документов о повинностях, а то и замков знати, что стало принимать угрожающие размеры и порой требовало вмешательства милиции. На Гаити, в то время чуть ли не главной из французских колоний, началось восстание, впоследствии приведшее к образованию независимой республики. Но французам было не до Гаити. Париж преобразился. В нем начали выходить газеты, сначала десятки, а потом и сотни газет, которые щедро наклеивались на тумбы в городах страны. Среди них — крайне радикальная газета Ж. П. Марата «Друг народа». Кроме того, в стране и прежде всего в Париже начали возникать различные группировки и клубы.

Одним из наиболее влиятельных стал клуб якобинцев или «друзей конституции». Клуб, который расположился в помещении разо-

[1] Этим термином в начале революции презрительно именовали простолюдинов, которые не носили обязательных для дворян укороченных бархатных панталон, а были одеты в длинные брюки из грубой холстины. Чуть позже термин стал использоваться для обозначения революционно настроенных масс.

гнанного монастыря св. Якоба, быстро обрастал сотнями филиалов в различных городах Франции. На заседаниях клуба можно было встретить чаще всего активных политических деятелей, в том числе и Мирабо и М. Робеспьера. В число членов клуба входили многие представители от департамента Жиронда, отчего всех их часто именовали жирондистами. Якобинцы начали издавать свой журнал, вначале достаточно умеренный. Клуб кордельеров (название тоже от монастыря) был по составу демократичным, доступным для простых граждан. Активными членами этого клуба были Ж. Дантон и К. Демулен. В Париж съезжались многие революционно настроенные деятели разных стран, как, например, автор знаменитого памфлета «Здравый смысл» Т. Пейн из США, ставший со временем гражданином Франции и затем избранный членом Конвента.

Свои партийные группировки начали появляться, пусть не в очень оформленном виде, и в Учредительном собрании. Большинство составляли конституционалисты, как умеренные во главе с Мирабо, так и радикальные. Летом 1790 г. Париж пышно отпраздновал годовщину взятия Бастилии. В верности идеалам революции поклялись и все собрание законодателей, и король. В 1791 г. Учредительное собрание подготовило наконец первую конституцию страны, преамбулой которой стала Декларация прав 1789 г. Конституция провозглашала Францию конституционной монархией, но в то же время отдавала явный приоритет основным правам и свободам граждан.

Согласно основному закону, ликвидировались все сословные привилегии, в том числе и право дворян и духовенства не платить налогов. Вводились принципы народовластия, уважения к закону, свободы слова, печати, совести, собраний. Признавалось разделение властей, **а право вето короля ограничивалось только последовательным подтверждением закона решениями двух сменивших одно другого законодательных собраний.** Исполнительная власть четко отделялась от законодательной (члены кабинета не имели права присутствовать на заседаниях собрания). Судопроизводство было объявлено гласным, суд становился бесплатным, вводился суд присяжных. Старое членение на провинции с таможнями и прочими препятствовавшими торговле преградами феодального порядка ликвидировалось, а взамен вводилось деление страны на 83 департамента, каждый из которых состоял из дистриктов, кантонов и общин.

Все административные подразделения наделялись немалой долей самоуправления, основанного на принципах выборности. Высшая

власть не имела права ни утверждать, ни сменять их. Новая избирательная система признавала имущественный ценз и считала активными избирателями тех мужчин, кто платил прямой налог в размере трехдневной зарплаты. Их было, по некоторым подсчетам, 4,3 миллиона, что при общем населении страны примерно в 25 миллионов человек составляло, за вычетом юных и женщин, около двух третей взрослых мужчин страны. Правда, для того, чтобы быть избранным, требовался много больший доход, что открывало путь к выборным должностям лишь заведомому меньшинству более или менее состоятельных людей. Мужчины, вовсе не имевшие избирательных прав, именовались пассивными.

Конституция и некоторые принимавшиеся параллельно с ней законы не освобождали автоматически крестьян от всех повинностей. Учитывая, что многие документы, связанные с этим, были уничтожены в ходе крестьянских выступлений, было принято решение, сохранявшее за господами право на некоторую часть повинностей. Эти повинности крестьянам, не имевшим документов об освобождении от них, следовало выкупать, причем на весьма обременительных условиях. Законодатели также оказались не слишком благоприятно настроенными по отношению к рабочим. Специальное решение запрещало им создавать союзы для защиты каких-либо корпоративных интересов.

Итак, конституция уже в начале 1791 г. была готова. Вопрос заключался теперь в том, чтобы она была официально принята. А для того, чтобы этот торжественный акт был полностью легитимен, в условиях конституционной монархии следовало, чтобы текст основного закона подписал — если точнее, ратифицировал — сам король, остававшийся по букве этого закона главой страны. В изданной еще свыше столетия назад объемистой книге Т. Карлейля «Французская революция. История» (М., 1991) событиям, связанным с бегством Людовика XVI и его конвоируемым возвращением в Париж, после чего только и была в сентябре 1791 г. торжественно принята подписанная им конституция, уделено около полусотни страниц. В других, даже порой многотомных сочинениях (например, во «Всемирной истории», т. VI), для этого хватает одной, к тому же неполной (стр. 29). Почему так, учитывая и расплывчатость текста, и явное многословие у Карлейля? Чего на самом деле стоила попытка бегства короля и какую роль она сыграла? Важно заметить, самому королю и его жене неудача стоила жизни. Это немалая цена. А как насчет революционной Франции?

Легче всего написать об измене короля, о требованиях радикалов казнить изменника и о лавировании некой «крупной буржуазии». Но, положа руку на сердце, считал ли кто-нибудь в то время во Франции короля всерьез преданным идеалам революции? И если этого не было, то в чем была цель «крупной буржуазии», будто бы столь настойчиво ждавшей подписи короля под текстом конституции и так негативно отнесшейся к тем радикалам, которые требовали суда над монархом? Почему все тот же Мирабо, один из наиболее уважаемых и влиятельных руководителей Учредительного собрания (к слову, умерший в том же 1791 г.), с которым король, как известно, доверительно советовался о том, не стоит ли ему покинуть Францию, энергично отговаривал монарха от такого поступка? За ответом ходить далеко не стоит.

Ведь существенное отличие французской революции от войны за независимость в США как раз и сводилось к тому, что там не было своего короля (хотя и предлагали его найти) и потому возникла республика во главе с президентом. Во Франции король был. Более того, Учредительное собрание вырабатывало новую радикальную конституцию страны частично по американскому и отчасти по английскому сценарию, стремясь создать либерально-демократическую конституционную монархию. И флегматичный не слишком властолюбивый Людовик XVI как нельзя лучше подходил к роли такого рода монарха. Король был нужен революции, во всяком случае на ее первом и практически бескровном этапе. Вопрос был лишь в том, чтобы убедить монарха принять конституцию. Но это оказалось делом далеко не простым.

Король относился ко всем новым законодательным актам, так либо иначе включенным в конституцию 1791 г., мягко говоря, без воодушевления. Более того, хотя он еще недавно, летом 1790 г., во время празднования годовщины взятия Бастилии, клялся в верности революции, решения Учредительного собрания были ему — не говоря уже о его окружении и о тех из его близких родственников, кто сумел бежать из страны и готовил интервенцию, — явно не по вкусу. Оказавшись в сущности заложником революции, он тяготился этим положением и втайне рассчитывал на помощь извне. Это было тем более небезосновательно, что его жена была сестрой императора Иосифа II, явно напуганного, как и многие другие европейские монархи, французской революцией. И король, поколебавшись, решил все-таки бежать из страны.

Как то хорошо известно, бегство не удалось. 21 июня 1791 г. бежавший в обычной карете переодетый в униформу лакея король в селении Варенн, неподалеку от австрийской границы, был опознан мелким чиновником. После этого он был взят под стражу, возвращен в Париж и вскоре, как то ни покажется на первый взгляд странным, амнистирован. Мало того, парижане из числа демократически настроенных якобинцев и кордельеров, кто 17 июля вышли на Марсово поле с требованием предать монарха суду, были встречены милицией. Толпа стала бросать в гвардейцев камни, те пустили в ход оружие. Пролилась первая кровь убитых и раненых. Выстрелы милиции, представляющей революционную власть, оказались весомым аргументом как для радикалов, так и для короля. Людовику ничего не оставалось, кроме как поставить свою подпись под конституцией, после чего были проведены по новым правилам выборы в Законодательное собрание, а затем Учредительное собрание было распущено. 1 октября 1791 г. новое Законодательное собрание начало свою работу. На этом, собственно, первый и сравнительно мирный этап революции завершился.

ПАРЛАМЕНТ И КОРОЛЬ. ЛИКВИДАЦИЯ МОНАРХИИ

В новое Законодательное собрание или первый французский парламент (не будем путать его с парламентами, которые существовали прежде и были верховными судебными органами) вошли совсем новые люди, ибо члены Учредительного собрания постановили, что они туда входить не должны. Видимо, этот шаг был проявлением некой щепетильности, нежеланием навязывать новым депутатам всего того, что было пройдено в горячих дискуссиях до них. Но на деле такая щепетильность, как о том пойдет речь далее, обернулась не просто беззаботной неосмотрительностью, но по существу почти что предательством дела революционного переустройства страны. Это важное дело никак нельзя было доверять совершенно новым и не подготовленным к работе людям, да еще и в условиях столь непродуманно оформленного королевского права вето, которое оказалось таким легким способом дезорганизовать работу парламента.

Вновь избранное собрание оказалось более чем умеренным, что и неудивительно. Во-первых, потому, что лучшие люди страны и наи-

более активные сторонники радикальных реформ были избраны в Генеральные штаты всего два года назад, а новое поколение равных им за этот срок вырасти просто не могло. Во-вторых, из-за того, что ведь все основное вроде бы уже было сделано. Главные цели, поставленные революцией, достигнуты. Аристократия и духовенство как сословия были ликвидированы вместе с большинством их привилегий (а что касается церкви, то и собственности), в стране установлена конституционная монархия. Большинство парламента теперь составили так называемые **фейяны** (*фельяны*; название опять-таки от клуба или «Общества друзей конституции, заседающих в помещении бывшего монастыря ордена Фейянов»), представлявшие обширный слой умеренных конституционалистов, т.е. французских буржуа, частично и либерально настроенного дворянства, даже духовенства. Некоторые из их числа были прежде даже якобинцами, но вышли из клуба после того, как многие его члены 16 июля 1791 г. высказались за низложение короля и суд над ним.

Жирондисты, члены якобинского клуба, представлявшие в основном ту же революционную буржуазию, частично городских интеллектуалов, которые были настроены более радикально и с самого начала склонны к созданию республики, оказались в меньшинстве, что и неудивительно, даже вполне закономерно, особенно после кровавых событий на Марсовом поле. При этом, однако, в среде жирондистов со временем, но достаточно быстро, произошел раскол. Наиболее радикальная группа выделилась из их числа и, заняв дальние верхние ярусы здания парламента, получила наименование **монтаньяров**, т.е. «тех, кто на горе», или просто **якобинцев**. Современная лексика позволяет обозначить этих последних столь часто употребляемым словом *экстремисты*. И кто бы мог тогда, осенью 1791 г., представить себе, что всего через год-два именно экстремисты возьмут власть в стране и станут осуществлять кровавый террор. Казалось бы, для этого в тот момент не было никаких видимых оснований. Однако у революции свои законы. Она, как позже писал Анатоль Франс, склонна, подобно древнегреческому титану Кроносу, пожирать своих детей. Впрочем, вернемся к описанию событий.

Начнем с того, что радикальная энергия, даже экспрессия якобинцев, число которых постоянно росло и среди которых видную роль начали играть такие заметные деятели революции, как Дантон, Робеспьер, Марат и многие другие, приносила им немалые успехи. Агитируя и воздействуя на публику, широко пользуясь пассивно-

стью тех, кто имел право голоса (не так уж редко в выборах принимали участие 1/4, а то и 0,1 из них), они в 1791–1792 гг. проводили в депутаты городских и иных местных собраний довольно многих своих представителей. Это превращало будущих экстремистов в серьезную политическую силу. А страх перед интервенцией придавал этой силе националистический оттенок, столь серьезный в обществах с неустоявшимся социальным стандартом. Этот страх перед интервенцией нашел свое отражение также и в одном из первых декретов парламента, пригрозившего эмигрантам конфискацией их имущества и даже смертной казнью в том случае, если они к началу 1792 г. не вернутся. Но король наложил на это решение свое вето, что породило недовольство в стране. Тем не менее раздираемый противоречиями парламент молчал или не мог предпринимать решительных действий, демонстрируя свое бессилие. Правительство, назначенное королем, тоже почти не действовало. Страна была в брожении, а интервенты не медлили, заговоры плелись все быстрее. Ко всему сказанному существенно добавить, что во Франции зимой вновь обострилась столь свойственная революции продовольственная проблема. Снова стал дорожать хлеб. Восстание на Гаити лишило страну привычных кофе и особенно сахара. Весна 1792 г. прошла под знаком острого недовольства населения, особенно парижан, ростом цен. Недовольные требовали установления твердых цен. Крестьяне, не согласные с решениями о повинностях, которые все еще висели на многих из них, тоже время от времени поднимали волны недовольства, порой перераставшие в ощутимые кампании открытого неповиновения властям.

Наконец, стоит обратить внимание и на международную обстановку. По разным причинам, но в единодушном порыве против революционной Франции стали объединяться либерально-демократическая Англия (она пока что медлила с участием в военных действиях), крайне консервативная императорская Австрия и милитаристская Пруссия, которые вкупе являли собой практически все основные государства тогдашней Европы. Во Францию проникали мрачные слухи о том, что свыше 400 тысяч иностранных солдат — не считая 15-тысячного корпуса эмигрантов — вот-вот готовы перейти границу и начать войну. В парламенте разгорелись споры, начинать войну или пытаться вести переговоры. Денег для серьезной войны в казне нет. Ассигнации обесценивались с каждым днем. Новые попытки предпринять сколько-нибудь решительные действия неизменно

пресекались королевским вето. При этом не было никаких сомнений, что за этим вето стояло не только близкое окружение монарха, но и эмигранты, с которыми двор установил регулярную связь. И нет ничего удивительного в том, что в этой гнетущей обстановке при почти полном параличе неумелого парламента открылось широкое поле деятельности для радикально настроенных экстремистов.

Вскоре опасение интервенции переросло в национальную проблему. Встал вопрос о превентивной войне с Австрией, на что король вроде согласился. В этих условиях в стране мгновенно сформировался могучий революционно-патриотический порыв, основательно подогретый знаменитой Марсельезой Руже де Лиля, под будоражащие звуки которой в конце апреля 1792 г. добровольцы из Марселя начали свой поход через всю страну к Парижу. Тем временем и другие федераты, т.е. представители департаментов, во все большем количестве скапливались близ столицы. Напряжение в стране возрастало буквально с каждым днем, причем чем большим оно становилось, тем заметнее выходили на передний план экстремистски настроенные политические деятели, прежде всего якобинцы.

Число федератов у стен Парижа все возрастало, достигнув 20 тысяч. В парламенте был поднят вопрос о создании для них лагеря. Но король 13 июня наложил вето и на это решение. Он явно был воодушевлен тем, что прусско-австрийское войско во главе с герцогом Брауншвейгским подошло к границе Франции. Но на сей раз вето обошлось королю довольно дорого. Несколько тысяч вооруженных санкюлотов 20 июня 1792 г., в день годовщины великой клятвы делегатов в зале для игры в мяч, подошли к дворцу Тюильри, смяли охрану, ворвались в покои монарха и с криками: «Вето!» — попытались припугнуть его. Перепуганный Людовик, однако, держался мужественно и объяснял, что право вето дано ему конституцией. При том он, однако, не протестовал, когда на него надели красный колпак и велели выпить за здоровье народа.

Узнав об этих событиях, люди реагировали по-разному. Немало жителей столицы высказали сочувствие королю. Командовавший войсками Лафайет вернулся с границы в Париж, дабы урезонить якобинцев. Герцог Брауншвейгский заявил, что в случае повторения чего-либо в этом роде он, прибыв в Париж, сотрет город с лица земли. Но большинству революционно настроенных и распропагандированных якобинцами парижан стало ясно, что настал момент действовать решительно. Во дворце измена! Революция в опасно-

сти! В этой обстановке 47 из 48 парижских секций, т.е. избранных народом общинных советов, высказались за низложение Людовика. И пока жирондисты в парламенте еще только рассуждали о том, не объявить ли состояние «Отечество в опасности!», опередившие их решительные якобинцы стали вооружать парижан, захватили здание городской мэрии и выбрали новый состав парижской *коммуны*.

11 июля 1792 г. парламент принял декрет «Отечество в опасности», сопровождавшийся указом о всеобщей мобилизации. Это был, похоже, первый его решительный шаг, не требовавший де-факто согласия короля. Парламент мудро встал на разумный путь противостояния королю, двору, эмигрантам и интервенции. Но, к сожалению, он сильно опоздал. Время было уже не на его стороне. В Париже всем руководили якобинцы, требовавшие низложения короля. Само по себе такое требование в сложившейся обстановке было более чем резонно и справедливо. Людовик всей своей деятельностью за год работы парламента доказал, что он не только мешает, но решительно противодействует его работе. Мало того, он явно замышлял измену революции. И удивительно, крайне прискорбно, что ни фейяны, ни тем более жирондисты за целый год не осознавали этого и не предпринимали решительных действий, дабы пресечь этот саботаж со стороны монарха хотя бы ценой отмены важного пункта конституции о праве вето.

Ведь, если было вполне очевидно, что саботаж монарха дискредитирует и парламент, и конституцию, не столь уж сложно было понять, что такая политика ведет к успеху экстремизма якобинцев. Парламент должен был пойти на решительный шаг. Но он оказался мало того, что неопытным, он оказался слабым, чтобы не сказать ничтожным. И именно в этом пункте стоит снова вспомнить о неосмотрительной не столько даже щепетильности, сколько глупости членов Учредительного собрания. Избранники революции, доведшие свое великое дело до успешного конца в гораздо более трудных условиях, не должны были так неразумно отказываться участвовать в довершении столь великого дела, как революционное преображение Франции, до логического конца.

Зато это дело взяли в свои руки радикальные экстремисты. Играя на возбуждении толпы и умело манипулируя ею, они не теряли времени зря. Вооружив немалое количество парижан, в основном из числа санкюлотов, якобинцы установили тесный контакт с обиженными королем федератами. А их было немало. Франция готовилась отпраздновать день 14 июля, для чего в Париж съезжались новые

отряды патриотов, да и король изъявил желание принять в нем участие. Более того, Людовик в день праздника принес еще одну присягу верности революции. Но чувствовалось, что настроение толпы, собравшейся на Марсовом поле, изменилось. Никто громко более не приветствовал монарха. Праздник был скомкан и быстро завершен. Люди напряженно ждали, что будет дальше. 22 июля 1792 г. король вынужденно санкционировал состояние «Отечество в опасности», за чем последовала очередная вспышка патриотического подъема. Наспех вооруженные необученные добровольцы тысячами отправились к австрийской границе. Заседания парламента, как и избранных совещаний на департаментском и иных уровнях, стали непрерывными.

А 25 июля прусско-австрийская армия пересекла границу. Одновременно командующий армией опубликовал манифест, призывающий всех французов под страхом казни сплотиться вокруг короля и не оказывать сопротивления. Это воззвание подлило масла в огонь. Якобинцы резко усилили борьбу за влияние и руководство патриотически настроенными массами. Они уже почти подготовили восстание. Дело оставалось за немногим. Нужно было выбрать подходящий момент для открытого выступления. Этот момент наступил, когда в город вошли воодушевленные революцией марсельцы со своей будоражащей жителей Марсельезой.

С утра 10 августа 1792 г. восстание началось. Войска парижан, марсельцы и иные федераты штурмовали Тюильри и вскоре добились успеха. Бежавший из дворца король прибыл на заседание парламента и несколько дней оставался под его защитой. За эти дни власть в стране взял парижский муниципалитет, а парламент и конституция почти не функционировали. Правда, 14 августа парламент принял закон о разделе общинных земель и о раздаче в аренду конфискованных владений эмигрантов, а 25-го даже окончательно ликвидировал все феодальные повинности. Короля и королеву отправили в тюрьму Тампль. Лафайет, командующий национальной гвардией, которая противостояла восставшим парижанам, был вынужден 18 августа покинуть Париж. А в стране как итог всего свершившегося были объявлены выборы в новый революционный Национальный конвент, причем право голоса получили все мужчины страны. Пока же выборы не прошли, парижский муниципалитет создал свой кабинет, в котором министром юстиции стал Дантон, что не сулило королю и его окружению ничего хорошего.

На этом завершился второй этап великой революции. Этот этап еще не был слишком кровавым, хотя штурм дворца стоил жизни многим сотням, если не тысяче с лишком французов, в том числе аристократов, находившихся во дворце и буквально растерзанных разъяренной толпой, не говоря уже о защищавших Тюильри наемниках-швейцарцах. Однако главное было все же не в количестве пролитой крови. Много важнее и страшнее оказалось то, что революция вступила в принципиально иную фазу, когда количество крови и цена человеческой жизни вообще стали считаться ни за что по сравнению с теми целями и идеалами, которыми руководствовались пришедшие к власти экстремисты. Они закусили удила и более всего жаждали крови противников, а то и союзников. В большинстве своем, правда, сами они завершили жизнь под ножом гильотины.

Разумеется, речь не идет о том, что французам не следовало защищать преданную королем революцию. Имеется в виду нечто совсем другое: бездарный парламент не сумел создать крепкую революционную власть, вовремя обуздать предательскую деятельность короля и не допустить дело до вспышки бездумного кровавого экстремизма. В этом вина как тех, кто попал в парламент, так и членов Учредительного собрания, которые опрометчиво допустили передачу судьбы революции в безответственные руки бездарных парламентариев. Никакие соображения, связанные не со стратегическим расчетом, а с ложным представлением о щепетильности, в политике не могут играть ведущей роли, ибо это чревато серьезными проблемами. Как гласит русская пословица, простота хуже воровства. В данном случае это означает, что следовало думать о будущем, а не надеяться на лучшее. Правда, остается не вполне ясным вопрос, что в процессе всех событий зависело от воли людей, а что соответствовало жестоким законам революции. Обо всем этом еще пойдет речь в заключительной главе тома.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ. ЖИРОНДИСТЫ И ЯКОБИНЦЫ

Между тем обстановка в стране в августе становилась все более трагичной. 17 августа 1792 г. Дантон создал революционный трибунал и обзавелся гильотиной, а 25-го первые жертвы оказались уже под ножом этой страшной машины. В закоулках и на чердаках Пари-

жа прятались не успевшие бежать аристократы, процветали доносы, а многочисленные и воодушевленные событиями добровольцы лихорадочно искали оружие, лили пули из свинцовых гробов и пушки из церковных колоколов, ковали пики из чугунных оград, дабы хоть как-то вооружиться и идти навстречу пруссакам. В то же время вражеские войска на северо-восточной границе достаточно быстрыми темпами продвигались вперед, осаждая и захватывая город за городом. А на юго-западе, в Вандее, разгоралось первое из многочисленных в этом регионе восстаний крестьян, недовольных главным образом преследованием священников, отказавшихся присягнуть революции.

Нужно было что-то делать. В Париже был создан Комитет общественного спасения, одной из главных фигур в котором стал беспощадный Марат, ставивший своей целью уничтожать аристократов. Мало того, 2 сентября начали стихийно возникать невесть кем созданные суды, выискивавшие врагов и уничтожавшие их прямо на улице, без особых формальностей. Толпы разъяренных граждан жаждали крови — и получали ее. Все еще как-то дышащий парламент пытался вмешаться в ход событий. Но тщетно! Вот отрывок из циркуляра Комитета общественного спасения от 3 сентября 1792 г.: *«Часть ярых заговорщиков, содержащихся в тюрьмах, была казнена народом. Эти акты правосудия народ считал необходимыми для того, чтобы, устрашив террором, сдержать легионы изменников, укрывающихся в стенах Парижа как раз в тот момент, когда он* (народ. — *Л. В.*) *собирался выступить против врага».*

По подсчетам, проведенным разными людьми, включая историков, за один сентябрь этого года всего было уничтожено около двух тысяч человек. Вроде бы не так уж и много, особенно по стандартам более позднего времени. Но страшно! Страшно потому, что в большинстве это были жертвы ничем не ограничивавшегося террора, так называемого *первого террора.* В Париже не было единой и тем более законной власти. Но немалым утешением можно было считать на этом мрачном фоне то, что именно в это время в городе, как и по всей стране, шла оживленная избирательная кампания, формировавшая корпус выборщиков. Они избрали Национальный конвент, собравшийся на свое первое заседание 20 сентября 1792 года. И именно в этот день в первой серьезной битве при Вальми в основном не обученные и плохо вооруженные добровольцы с криками "Vive la Patrie!" (За Отчизну!) дали достойный отпор войскам герцога Брауншвейгского.

Ситуация в стране стала решительно изменяться. Революционная армия перешла в наступление, так что вскоре все оккупированные территории были освобождены. Вспышка террора в Париже погасла. При этом на первый план выступили два знаменитых лозунга, призванных сплотить всю разъяренную страну и подчинить ее наконец законной власти. Первый из них — «Свобода, равенство и братство!», второй — «Да здравствует республика!». Главная задача нового революционного парламента — решить судьбу монархии и составить новую конституцию. Жирондисты (165 из 750 депутатов) были в Конвенте теперь уже правыми, монтаньяры, т.е. якобинцы (100 депутатов), левыми. Но большинство не присоединилось ни к тем, ни к другим, составив так называемое *болото*. Жирондисты в основном вошли в правительство, во Временный исполнительный комитет. Они же на первых порах задавали тон в новом Конвенте. Одним из первых его декретов стало упразднение монархии. День основания республики решили считать первым годом новой эры и революционного календаря, месяцы которого получили новые названия. Неделю законодатели заменили десятидневкой с днем отдыха в десятый день, а все религиозные праздники отменили. Вместо них — пять новых: праздники Гения, Труда, Действия, Вознаграждения и Мнения, а в каждый четвертый високосный год еще и день Революции.

Вопрос о судьбе короля вызвал серьезные разногласия. Жирондисты готовы были отдать его под суд, но не желали казни монарха. Они полагали, что последнее слово скажет народ, который пожалеет короля. Якобинцы горячо требовали смертной казни. Спор шел долго, то затухая, то вспыхивая заново, пока 20 ноября 1792 г. не был обнаружен сейф короля с его перепиской с эмигрантами. В переписке был обнаружен ряд имен, в том числе Мирабо, бюст которого якобинцы тут же разбили. Чаша весов медленно, но уверенно склонялась в пользу немедленного суда и смертного приговора. Якобинцы, опираясь на активную поддержку парижан, потребовали поименного голосования. И перепуганные депутаты сдались. Большинством в 53 голоса Конвент 15 января 1793 года принял решение, и 21 января, после отказа большинством в 70 голосов в отсрочке приведения приговора, король был гильотинирован.

Казнь короля сыграла решающую роль в резком обострении положения. К прежней австро-прусской коалиции врагов присоединилась Англия, которой Конвент 1 февраля объявил войну, а также начавшая более энергично воевать Испания. В военных действиях произошел

перелом не в пользу республики. В Вандее крестьяне, все еще защищая своих священников, в марте 1793 г. снова подняли восстание и отказались подчиняться закону о мобилизации. По призыву Дантона Конвент создал Революционный трибунал для наказания всех заговорщиков, жуликов, недобросовестных поставщиков и пригрозил смертью эмигрантам, а также (это кивок в сторону Вандеи) священникам, которые не желали присягать революции.

Экономическое и особенно финансовое положение Франции становилось все тяжелее. В Париже росли цены и исчезали из продажи товары. Начались хлебные бунты, сопровождавшиеся погромом пекарен и булочных. В городе и в стране появились агитаторы, требовавшие внимания к бедным и открыто выступавшие за всеобщий передел имущества и подлинное равенство. Конвент резко выступил против этих *бешеных*, как их стали именовать. Но, пожалуй, самым существенным для революционной Франции после казни короля стало решительное расхождение между жирондистами, чьи позиции в ситуации кризиса быстро слабели, и якобинцами, которые ощущали прилив новых сил. Они не только чувствовали себя во все более напряженной обстановке как рыба в воде, но и были готовы сыграть на недовольстве народа.

Именно они заставили Конвент в мае 1793 года ввести твердые цены на зерно и объявить о принудительном займе с имущих. Это была кульминация решительного политического раскола. Жирондисты, правда, сопротивлялись. Они попытались было предать Марата суду Революционного трибунала по обвинению в подстрекательстве, но суд его оправдал, и сразу же после этого, в конце мая и начале июня, толпы санкюлотов и национальная гвардия, оказавшаяся под командованием одного из якобинцев, явились в Конвент и потребовали ареста 29 наиболее заметных жирондистов, которые вскоре были казнены. С жирондистами в Конвенте было покончено. Одни из них бежали, другие перебрались в свои города, где пытались найти поддержку, подчас не без успеха. Был момент, когда большинство департаментов страны выступило против якобинцев. Однако вновь созданный Конвентом Комитет общественного спасения и особенно один из его наиболее деятельных членов, Карно, сумели отмобилизовать и сорганизовать многие десятки, даже сотни тысяч молодых добровольцев, которые сравнительно легко усмирили бунтующую провинцию. С этих событий начался новый и самый страшный период в истории французской революции.

ТЕРРОР И ПОРАЖЕНИЕ ЯКОБИНЦЕВ

Якобинцы после всех этих событий чувствовали себя в стране и особенно в Конвенте полными хозяевами. Мало того, они были полны решимости идти дальше. Куда именно? Это несерьезный вопрос. Они движутся туда, куда поведет их логика революционного террора. Многочисленные комиссары Конвента отправились во все департаменты страны, старательно выискивая тех, кто смеет противиться этой логике, и безжалостно уничтожая их. Революция превыше всего, а жалость к контрреволюционерам означает смерть для революции — примерно таков был их девиз. Страна оказалась увешана патриотическими лозунгами: «Республика единая и неделимая!», «Свобода, равенство, братство или смерть!».

24 июня 1793 г. якобинский Конвент торжественно принял новую конституцию страны, которую, впрочем, не предполагалось ввести в действие до окончания войны и внутренней смуты. В отличие от предыдущей конституции 1791 г. новая провозгласила политическое равенство всех французов с избирательным правом для всех мужчин с 21 года. Было несколько увеличено количество свобод (свобода петиций, культов, восстания против правительства, если оно нарушит права народа), объявлено о бесплатной всеобщем обучении, упомянуто о необходимости общества заботиться о неимущих. Во всем остальном изменения были не слишком существенными. Но главное все же в том, что новая конституция строго стояла на защите прав граждан, и прежде всего поэтому якобинцы не стремились ввести ее в действие. Текст новой конституции был положен под сукно, а перед взявшими в свои руки власть кровавыми экстремистами открылась широкая возможность для осуществления безнаказанного террора. Формальных предлогов для начала новой эпохи террора было предостаточно.

В это горячее время Вандея все еще была охвачена огнем восстания, а Испания, Австрия, Пруссия и Англия с разных сторон начали наступление на революционную Францию. Вдобавок ко всему в июле 1793 года ударом ножа Шарлотта Корде покончила с воинственным Маратом. Все это тяжело переживалось захватившими власть в стране якобинцами. Нас теснят, говорил Дантон, но не покорят, «скорее мы обратим в пепел Францию». Великолепно сказано! И сколь точно формула передавала боевой настрой якобинцев, которых логика революционных событий все дальше влекла к пропасти. Вначале эта пропасть еще не была видна. Да никто и не хотел смотреть так дале-

ко. Спасти революцию сегодня — вот главное. Крестьяне, взявшие оружие после ликвидации всех феодальных повинностей и передела значительной части земли, были полны готовности сражаться. Многие сотни тысяч людей были мобилизованы и направлены на фронты, где они начали побеждать врагов. Именно в это время молодой Наполеон Бонапарт с помощью умелой тактики легко овладел Тулоном. Вандейских мятежников и недовольные города комиссары с их санкюлотами безжалостно приводили к спокойствию, в чем им помогала революционная армия.

В Париже в октябре 1793 г. казнили королеву Марию Антуанетту. Той же осенью во всей Франции многими сотнями гибли жирондисты, не успевшие вовремя ускользнуть. В ноябре по всей стране преобразовывали церкви в храмы Разума, причем немалое количество священников и даже иерархов, желая сохранить жизнь, шли к якобинцам не столько с повинной, сколько с готовностью служить революции в каком-либо новом статусе. Встал даже вопрос, не создать ли еще и праздник Разума. Слова «гражданин» и «гражданка», равно как и обращение на «ты», стали нормой в стране, освободившейся от сословного неравенства. К концу 1793 г. и в первой половине 1794 г. интервенты были потеснены революционной армией на всех фронтах, так что положение в стране стало понемногу выправляться. Городские власти помогали бедным. В Париже была принята жесткая ценовая политика. Что касается Конвента, то его роль неуклонно уменьшалась. Он превращался в некий инструмент, который был призван утверждать постановления Комитета общественного спасения, реально руководившего страной. А большинство функционеров этого комитета весной 1794 г. явно пришло в невменяемое состояние. **Всюду для них оказывались враги, всех ненадежных следовало поскорее ликвидировать.**

Казалось бы, революция достигла наконец если и не полной победы, то во всяком случае некой стабильности, предполагавшей возможность институционализации всех ее завоеваний и постепенного перехода к мирному этапу развития страны. Но не тут-то было. У революции, как упоминалось, своя логика. Она требовала все большего накала, все более решительных действий. И неудивительно, что Париж с конца 1793 г. вступил в полосу острых разногласий в среде вождей якобинцев, которые добились наконец права единолично распоряжаться судьбами страны и революции.

Комиссары якобинцев в 1793 г. сумели, запугав большинство, заставить жирондистов отдать им поле битвы практически во всей

стране. После этого, празднуя победу, включая казнь короля и объявление республики, они вынесли решение о введении в стране закона «О подозрительных». Этот закон стал главным сигналом, обозначившим в стране новую эру террора. 44 тысячи секций, т.е. заново созданных муниципалитетов страны, ревностно начали искать всех, кого можно было заподозрить в том, что они близки к подозрительным. Вновь начались преследования лидеров бешеных, обвиненных в заговоре. Клубы якобинцев и кордельеров, которые вроде бы соревновались друг с другом в революционной нетерпимости, начали ссориться. В марте 1794 г. было объявлено о раскрытии заговора в клубе кордельеров, который «за золото Питта» будто бы устраивал провокации с целью дискредитации революции. В числе провокаций упоминались «сжигание церквей» и некоторые иные экстравагантные мероприятия.

Если принять во внимание, что клуб кордельеров был некогда одной из основных групп революционеров-радикалов в Париже, членами которого в свое время были Ж. Дантон и известный публицист и политик К. Демулен, то событие окажется чрезвычайным. Влиятельные члены клуба кордельеров были арестованы и обвинены в том, что своим экстремизмом провоцируют революцию. Среди них — руководитель клуба Эбер и прокурор Шометт, который совсем недавно грозно призывал народ «узнавать подозрительных» чуть ли не по «выражению лица». Через несколько дней без лишних проволочек все они были отправлены на Гревскую площадь. В самом якобинском клубе стали выдвигать претензии в адрес Демулена, которого исключили из клуба, и даже Дантона. Оба были обвинены в «умеренности» за их склонность в обстановке некоторой стабилизации прекратить политику террора. Демулен был вскоре арестован, а Дантона спас на несколько дней от обвинений сам Робеспьер, обнявший его на трибуне Конвента.

В этой уже явно болезненной ситуации ажиотаж начал превращаться в истерию. В начале апреля 1794 г. арестованные Демулен и Дантон предстали перед судом. Суд превратился на время в жесткий диспут, но вскоре Комитет общественного спасения приказал прекратить прения и не давать слова тем, кто «оскорбляет судей». Процесс длился три дня, после чего присяжные (стоит обратить внимание на то, что именно они выносили решение) решили судьбу обоих. Дантон и Демулен были гильотинированы 5 апреля 1794 г. Через пять дней за ними последовала группа близких к ним людей,

включая юную вдову Демулена и вдову Эбера. Затем одна за другой на Гревскую площадь стали отправляться новые повозки с осужденными. Суды работали на полную мощность, а в числе осужденных оказывались самые разные люди, будь то сестра короля, знаменитый химик Лавуазье, который имел неосторожность одно время быть откупщиком, а также бежавший было от расправы философ Кондорсе, да и многие-многие другие. Вслед за «заговором кордельеров» стали один за другим раскрываться новые заговоры против республики, в том числе «заговор иностранцев», т.е. тех, кто прибыл в Париж из других стран с целью защищать революцию. Среди них был и американец Т. Пейн. Суды, количество которых росло, превращались в пустую формальность, с заключенными обращались все более грубо, террор становился все более свирепым.

Ко всему сказанному в развитие событий вмешалось и еще одно очень существенное обстоятельство. Дело в том, что после расправы с церквами и католическими священниками, особенно с теми, кто отказался присягнуть на верность революции, в стране начали устанавливать культ Разума, центром которого становились храмы. Но теперь поклонники «царства Разума» из числа в основном кордельеров были гильотинированы. Страна осталась без культа. И в этой обстановке Робеспьер, доведенный, как можно полагать, процессами, а также казнями близких, особенно Дантона, и, видимо, собственными неврозами до отчаяния, не выдержал и 8 июня 1794 года предложил в Конвенте французам исповедовать новую сочиненную им религию. Эта религия предлагала ввести культ Верховного Существа и веру в бессмертие души. Конвент послушно принял новый декрет. Но некоторые надежды на то, что с принятием новой религии репрессии ослабнут, оказались напрасными.

Революционный трибунал разделился на четыре части, каждая из которых стала работать с удвоенной энергией. На Гревской площади была возведена новая, усовершенствованная гильотина, ибо старая явно не справлялась с объемом работы. 17 июля свой конец встретила сразу группа из 54 человек. Тем временем Робеспьер, погруженный в странное состояние некоторого замешательства, почти перестал показываться на людях. Он явно что-то замышлял. И это многим внушало опасения. Поговаривали, что скоро весь Конвент будет уничтожен, а Робеспьер станет диктатором. Созревал заговор против него. Сам вождь революции, явно бывший в болезненном состоянии, давал немало оснований для подобного рода опасений.

Он перестал ходить на заседания. До конца июля его не видели. 24 июля 1794 г. с трибуны Конвента он заявил, что Комитет общественного спасения наполнен врагами революции, заражен предательством, что кругом враги, с которыми следует еще более беспощадно разделываться. Он недвусмысленно дал понять, что намеревается всех виновных отправить на гильотину. Перепуганный Конвент сначала воспринял все молча. Но затем он отказался, как то было всегда принятой нормой, распечатать речь вождя и разослать ее по стране. Это был открытый вызов. Робеспьер сошел с трибуны, понимая, что перед ним мятеж и что он проиграл.

На следующий день на заседании Конвента Л. Сен-Жюст, ближайший сподвижник вождя якобинцев, попытался было защитить Робеспьера, но ему не дали говорить. Робеспьер, Сен-Жюст и несколько других вождей якобинцев были обвинены в попытке установить режим тирании. Их сразу же изолировали в Тюильри, где располагался Комитет общественного спасения. На этом заседание Конвента завершилось. Все с напряжением ждали, что будет дальше.

27 июля, или 9 термидора, в события попытались вмешаться парижская коммуна и руководство национальной гвардии. Ее командующий Анрио с жандармами, прибыв в Тюильри, настоял на том, чтобы Робеспьера освободили. Снова собрался Конвент, чтобы объявить Робеспьера и Анрио вне закона. Был закрыт якобинский клуб. Тем временем Робеспьер рассылал из мэрии свои прокламации и готовился к реваншу. Но напрасно. Он опоздал. Войска, услышав об объявлении двух их высших руководителей вне закона, отвернулись от них. Попытка самоубийства обоим не помогла, и 28 июля 1794 года Робеспьера с примерно сотней его сторонников из числа членов парижской коммуны во главе с приютившим его мэром привезли на обычных повозках к печально знаменитой Гревской площади, где была установлена не знающая отдыха усовершенствованная гильотина. На этом царство якобинского террора завершилось. Что же дальше?

КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИИ. ДИРЕКТОРИЯ И НАПОЛЕОН

Как считают специалисты, в тот роковой момент, когда нож гильотины опустился на шею признанного вождя якобинцев, заседавшие в Конвенте депутаты меньше всего думали о том, что революции при-

ходит конец. И в чем-то они были правы. Обуздав явно нараставшую тенденцию к усилению беспредельного и не останавливающегося ни перед чем террора и готовой установиться в добавление к этому неограниченной диктатуры, они не только спасали себя, но и защищали ту же революцию, давая ей наконец возможность войти, как предлагал поплатившийся за это жизнью Дантон, в более спокойное русло. Но вся беда в том, что у революции, как о том по крайней мере дважды уже было упомянуто, свои законы. И законы эти столь же жестки, сколь и безжалостны. Либо ситуация идет по нарастающей до крайнего предела, либо ее ломают — и тогда не стоит жаловаться на неудачи.

Страна после казни Робеспьера словно очнулась. Она вдруг увидела, сколь далеко зашли события, как самоубийственно продолжение террора. Нужно проявить наконец милосердие, о котором говорил поплатившийся за это жизнью Демулен. Конвент пересмотрел состав страшных комитетов общественного спасения и общественной безопасности, приняв строгое решение об обновлении каждого из них на 25% ежемесячно. Из тюрем стали выпускать тех, кого не успели гильотинировать, а сторонники Робеспьера сразу же занимали их место. Начали публиковать сведения о зверских убийствах и жестоких репрессиях недавнего прошлого. Якобинские учреждения прекратили свое существование. Революционные комитеты в парижских секциях перестали функционировать. Сами 48 секций были упразднены и заменены всего 12 муниципалитетами. Твердые цены, которые подрывали экономику республики, были отменены, причем санкюлоты на это ничего уже не могли возразить. Их власть окончилась. На парижских улицах стал восстанавливаться порядок. Жирондисты из тайных убежищ и эмиграции начали возвращаться, а уцелевшие их депутаты занимать свои места в Конвенте. Остатки монтаньяров в Конвенте испуганно замолчали.

Исчезли из обихода красные колпаки, непременный знак экстремального революционаризма. Оживились рынки, отели, салоны. Появились бальные вечера и роскошное платье, подчас с черным крепом на рукаве — знак траура по жертвам террора. Однако наряду с этим продолжал торжествовать революционно-патриотический подъем в сердцах многих сотен тысяч добровольцев, обретавших боевой опыт и все успешнее теснивших врагов Франции на ее границах. Пал и оплот контрреволюции в Вандее. Но не все шло гладко. Весной 1795 г. в Париже снова не было хлеба и голодные толпами шли к Тюильри. И хотя мятеж был быстро подавлен, напряжение осталось.

В мае было покончено с Революционным трибуналом, а наиболее известные его судьи гильотинированы. Правда, 20 мая якобинцы и ведомые ими голодающие и недовольные санкюлоты попытались было еще раз поднять восстание с требованием хлеба и конституции 1793 г., причем их приветили последние их сторонники в Конвенте числом около 60. Восстание продолжалось считанные два-три дня, после чего было разгромлено. А затем последовали дни кровавого реванша в Париже и провинциях. Многие сотни последователей экстремистского якобинства были уничтожены. Это был своего рода кратковременный контрреволюционный террор, закономерный ответ на террор якобинцев.

Конвент оказался практически в наибольшем смятении. Возвратились все, кто уцелел, после чего состав его стал более чем пестрым, а решения противоречивыми. То пантеон славы наполнялся великими покойниками, в том числе останками Марата, то они с гневом выбрасывались из этого места. Встал вопрос о введении в действие конституции 1793 г., но так и остался нерешенным. А время шло, раны залечивались. Временами, как в осенне-зимнем сезоне 1794–1795 гг., возникали голодные недели, за которыми следовали бунты, впрочем, легко подавлявшиеся. Но по-прежнему продолжалась охота за уцелевшими якобинцами. Лето 1795 г. снова началось с бунта голодных. Иногда страна вновь вспоминала о гильотине и отправляла на Гревскую площадь то одного, то другого — но теперь уже поодиночке и не слишком часто.

Тем временем Конвент под руководством Сиейеса, проведшего годы в составе «болота» и осторожно никуда не высовывавшегося, приступил к подготовке нового текста конституции. В обстановке натиска то страдавшего от голода народа в мае 1795 г., то спустя несколько месяцев роялистов (оба нападения на Конвент были отражены с помощью артиллерии Бонапарта) Конвент отнесся к составлению третьего варианта конституции с предельной осторожностью. Предполагалось ограничить избирательное право и ввести имущественный ценз. Вместо однопалатного парламента был предложен по английскому стандарту двухпалатный. Совет старейшин и Совет пятисот делили между собой законодательную власть, а исполнительная вручалась Директории из пяти человек, которая получала право назначать кабинет министров. Главный смысл новой конституции был в том, чтобы ни один орган власти и тем более человек не мог получить в свои руки слишком большой власти. Даже законодательная

инициатива была ограничена: одна палата предлагала закон, другая утверждала его. Кроме того, опасаясь стремления роялистов к реваншу, составители конституции благоразумно постановили, чтобы две трети состава обеих палат нового парламента состояли из членов Конвента. В сентябре 1795 г. Конвент принял решение о самороспуске, после чего в ноябре конституция вступила в силу. Прошли выборы, была создана Директория, которая начала энергично действовать.

Введение в действие новой конституции 1795 г., составленной с большой тщательностью и предусматривавшей периодические частичные выборы, способствовавшие стабильности законодательного корпуса, и сменяемость исполнительной власти (Директории), лишенной официального главы, т.е. кого-то вроде вождя революции, было важным фактором движения в сторону стабилизации положения в уставшей от революции Франции. Революция медленно и без особых эксцессов завершала свой путь. Директория достаточно успешно решала текущие задачи. В 1796 г. была проведена финансовая реформа и на смену давно обесценившимся ассигнатам пришла привычная металлическая монета. В 1797 г. была решена проблема государственного долга. В страну тем временем активно и в большом количестве возвращались эмигранты. Немалая их часть готовила контрреволюционный заговор, приурочив его к очередным выборам трети депутатов весной 1797 г., на которых роялисты одержали победу.

Законодательное собрание повернулось вправо и приняло ряд законов, направленных против декретов революции, в частности, в вопросе об эмигрантах и священниках. Но Директория и ряд поддержавших ее генералов, включая Наполеона, отменили итоги выборов и новые законы. Депутаты из числа сторонников монархии были высланы из страны. На аналогичных весенних выборах верх взяли якобинцы, и Директории вновь пришлось вмешаться и лишить якобинцев их мандатов. В итоге в стране все более определенно складывалась ситуация, согласно которой законодатели теряли свою реальную власть, а Директория приобретала силу, опираясь на высокий престиж армии.

Однако позиции корпуса законодателей, а затем и Директории были весьма неустойчивыми. И слева, и справа то и дело зрели заговоры. В октябре 1795 г. это был мятеж в парижской секции Лепелетье, подавленный артиллерией Наполеона. В 1796 году — движение Г. Бабефа, мечтавшего создать во Франции что-то вроде коммунистического общества при жесточайшем контроле государ-

ства над жизнью всего населения. Победы Наполеона Бонапарта как в сражениях с мятежниками, так и в войне с Австрией в Италии выдвинули именно его на передовые позиции политической авансцены Франции. Директория, члены которой регулярно менялись, содействовала организации похода Бонапарта в Египет и, главное, используя не исчезнувший еще революционный подъем в армии и таких генералов, как Наполеон, добивалась победы за победой над своими европейскими противниками. Однако после египетского похода, завершившегося в конечном счете неудачей, победы сменились на поражения, чему способствовала организация Англией на рубеже 1798–1799 гг. так называемой Второй антифранцузской коалиции многих европейских держав.

1799 год стал роковым для сложившейся системы власти в еще не пришедшей в себя от революционных передряг Франции. **9 ноября (18 брюмера) этого года вернувшийся из Египта Бонапарт при содействии ряда сторонников, стремившихся в борьбе со все еще дававшими о себе знать якобинцами опереться на надежную силу, ввел в стране военное положение и распустил очередной состав Директории.** Затем были распущены законодательные органы, а вся власть в стране была передана трем консулам, двумя из которых были Бонапарт и Сиейес. Фактическая власть в стране оказалась в руках первого консула, Наполеона, взявшего на себя полномочия военного диктатора. На этом революции пришел конец. Ушли в прошлое новые названия месяцев, возродилась привычная христианская неделя. Гильотина покинула мрачную Гревскую площадь. Люди успокоились. Но нельзя сказать, что все вернулось, как говорится, «на круги своя». Как хорошо известно, конец французской революции оказался стартом великой процветающей империи Наполеона Бонапарта, с именем и блестящими военными и политическими успехами которого связаны первые полтора десятка лет XIX века во всей континентальной Европе. Почему все случилось именно так? В чем великий смысл великой революции?

Глава двадцать третья. ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ

Вся последняя часть тома в той или иной мере затрагивает проблему, связанную с завершением переходного процесса к новой истории, к триумфу западной буржуазии. При этом имеются в виду

разные события, в том числе и напоминающие нечто вроде революционного взрыва или представляющие собой перемены такого плана и масштаба, которые привычно именуются революцией. Между тем на самом деле вопрос о том, где происходила именно революция, а где было лишь восстание голодного либо еще чем-либо недовольного народа, национально-освободительное движение, сепаратизм стремящейся к политической независимости периферии, война или просто государственный переворот, часто остается без специального анализа недостаточно ясным. Иными словами, для точной оценки некоторых важных закономерностей всего исторического процесса очень существенно понять, что же такое революция и по каким основным параметрам мы вправе и даже обязаны отличать ее от всех прочих сходных с ней, но принципиально других социальных, политических и близких к ним по характеру взрывов или движений.

Заключительная глава посвящена именно этой, одной из наиболее существенных историко-философских проблем. И она в данном случае тем более уместна, что в истории человечества революций как таковых было крайне мало. Представление же об обилии их, столь часто встречающееся на страницах отечественных учебников и иных обобщающих изданий, основано не столько даже на сознательном искажении фактов или недоразумении (хотя то и другое, как правило, имеет место), сколько на неточном или заведомо, даже принципиально неверном понимании сущности феномена революции. Читатель, видимо, очень удивится, если сразу же узнает авторскую позицию по этому вопросу. Поэтому, не желая создавать ситуацию шока, стоит начать издалека, со знакомства с проблематикой темы и с решения вопроса о том, что не следовало бы ни при каких обстоятельствах считать именно революцией. А для этого рассмотрим существующие в науке дефиниции и приложим определенные усилия для того, чтобы, как сказано в мудрой книге, «отделить овец от козлищ», т.е. выяснить наконец, где была революция, а где просто серьезные события, несшие с собой перемены радикального характера.

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ

Дефиниции, призванные обозначить понятие **революция**, не слишком многочисленны и далеко не всегда внятны. К тому же трактовка самого понятия коренным образом меняется в зависимости от

того, кто именно в какой стране и в какое время пытается обозначить этот крайне неоднозначно трактуемый разными политическими силами феномен. Так, понятие *революция* в изданном в Оксфорде словаре современного английского языка (в латинском словаре этого термина автор не сумел найти) трактуется очень широко. Это может быть восстание, свержение существующей власти, а также коренная ломка всей системы, будь то условия жизни, образ мышления и т.п. Быть может, коль скоро все смешивается, к этому вполне разумно было бы добавить и перемены во всем образе существования человека (*неолитическая революция*) или даже в устоявшемся космическом миропорядке. Но нам явно не стоит уходить так далеко.

Для историософской теории это понятие следовало бы вполне сознательно сузить, придав ему лишь то, что имеет отношение только к важнейшим социополитическим, правовым и экономическим переменам радикального характера. А различного рода восстания, национальные либо сепаратистские движения, дворцовые перевороты и многие иные, близкие ко всему этому потрясения, имеющие характер серьезного кризиса и вовлекающие в процесс огромные массы людей, вовсе не обязательно следует считать именно революциями. Даже в тех случаях, когда речь идет о коренной ломке жизненных устоев и радикальной трансформации в системе организации власти (т.е. налицо основные признаки именно революционной перестройки структуры общества), такого рода перемены отнюдь не обязательно следует считать революцией. Они могли быть вызваны, скажем, религиозно-культурными процессами, например исламизацией. Вывод из сказанного вполне очевиден: **необходима более точная и до предела суженная, к тому же основательно аргументированная дефиниция** интересующего нас понятия.

В марксистской историографии это было понято, в результате чего там была выработана своя дефиниция. Однако и с ней все обстоит не так, как должно было бы быть. И это вполне понятно, ибо марксизм имеет свой подход к обозначенной проблематике, а место революции в ней первостепенно. Обратимся к точной дефиниции из наиболее четкого сводно-энциклопедического справочника. Там понятие *социальная революция* воспринимается как конфликт между «растущими производительными силами» (стоит обратить внимание на все ту же проблему неясной динамики их роста) и «системой социальных отношений и учреждений» («Советская историческая энциклопедия», т. 11, 1968, с. 926). Из той же статьи, являющей

собой сгусток историко-материалистических представлений о революции, следует, что таких революций только в Западной Европе последних веков было немало, хотя с классово-формационной точки зрения бывает (дается ссылка на «Манифест коммунистической партии») лишь два типа социальных революций, буржуазная и пролетарская. Разумеется, при этом само собой разумеется, что революции появляются в результате существования «классовых антагонизмов».

Казалось бы, сформулировано все до предела четко. Слабое место в формуле остается лишь там, где заходит речь о причинах революции. Не объяснено, как и почему растут производительные силы, когда и отчего резко обостряются антагонизмы. Поэтому не очень ясно, на каком этапе начинается конфликт с системой сложившихся социальных и политических отношений в данном обществе. Считается, что это как бы само собой разумеется и понятно каждому, знакомому с основами марксизма, т.е. с идеей классовых антагонизмов и формаций. Но ведь вся слабость как раз и заключается в том, что именно эта идея Маркса, о чем уже шла речь, в исторической реальности буржуазного Запада оказалась мифом. Или утопией. На деле не было тех классовых антагонизмов, которые побудили бы почтенных буржуа идти на баррикады в борьбе со знатью, а пролетариев в свою очередь сражаться с буржуазией. Не то чтобы ничего в этом роде вовсе нигде никогда не бывало. Увы, нечто похожее случалось. И как раз об этом и пойдет речь дальше. Но вот к постулированным в теории, но не проявившим себя в исторической реальности формациям все это явно не имело отношения.

Так что же такое тогда революция, чем она вызывалась и к чему вела? Предварительно точка зрения автора примерно такова: **революция — это мощный, сопровождающийся террором взрыв, направленный на насильственный слом существующего порядка с заменой его принципиально новым. *Цель взрыва* — предоставление полного господства в обществе рыночно-частнособственническим отношениям античо-буржуазного типа со всеми их либерально-демократическими правами, институтами, гарантиями и привилегиями. *Смысл* такой замены в обеспечении ускоренной эволюции с нарастающими темпами развития. *Итог взрыва* — полная победа над старым во имя успешного и всегда оправдывающего себя, несмотря на попытки контрреволюции, нового. И цель, и смысл, и итог здесь необычайно важны, ибо отсутствие каждого из этих**

пунктов лишает революцию ее основы и, обрекая ее на неудачу, не дает ей права считаться революцией в полном смысле этого слова.

Как легко понять, революция бывает лишь одна, от структуры власти-собственности с обществом восточного типа к идущей ей на смену антично-буржуазной структуре с обществом западного типа. Других в принципе не бывает и быть не может, причем и здесь революция не обязательна. **В исторической реальности она была лишь раз, во Франции, а в других случаях, на Западе и на Востоке, эквивалентом ее была эволюция.** Впрочем, окончательный ответ на этот вопрос может быть убедительным лишь после детального анализа всего того, что нам известно о революции во Франции. Но почему только и именно во Франции? Потому прежде всего, что остальные *буржуазные революции* таковыми на самом деле не были. Тем более это относится к так называемым *пролетарским* или *социалистическим* революциям XX столетия. И это легко доказать, обратив особое внимание на то, как и почему возникают революции и почему многие из так называемых революций таковыми не были и просто не могли быть.

О ПРИЧИНАХ РЕВОЛЮЦИИ

Стоит с самого начала оставить в стороне рассуждения о так называемой *революционной ситуации*, ибо будто бы создающие ее факторы («низы не хотят, а верхи не могут») слишком неопределенны. Их можно трактовать произвольно и использовать при любом серьезном кризисе, каких в истории многих стран, например в Китае, насчитывается много. Там практически каждая династия сменяла свою предшественницу именно в подобного рода критической обстановке. Причина же революции в реальной истории человечества и в историко-философской теории только одна, причем это не раз давалось понять при изложении и трактовке исторических событий в рамках данного издания. **Эта причина — выход на авансцену истории рыночно-частнособственнических отношений в их наиболее развитой буржуазной форме и, что наиболее важно, отсутствие при этом условий для полного стопроцентного действия буржуазного фактора эволюции, даже более того, *решительное долговременное и вполне успешное препятствие со стороны власть имущих для создания этих условий*.**

Такого рода революций не было и не могло быть много. Почему? Давайте для начала разберемся именно в этом. Ведь выявление истинной причины революции еще не означает, что революция в любом случае, когда нет упомянутых условий, становится неизбежной. Как раз напротив, в каждой стране обстоятельства могут складываться и складывались очень различно. В одних случаях буржуазия оказывалась по многим причинам не в состоянии выйти на авансцену политической жизни, как то было в Испании в период открытия Нового Света. Частично ей просто не давали возможности как следует развиваться в самой Испании, отчасти предоставлялась заманчивая альтернатива в виде активной миграции в колонию, где у ее представителей были возможности начать буржуазное развитие в иных условиях, в принципе вполне приемлемых, но, правда, без особо ясных и радужных перспектив. В итоге иберийско-латиноамериканская буржуазия выходила на авансцену постепенно и столь же медленными темпами открывались в Испании, Португалии и Латинской Америке условия для свободы действия буржуазного фактора ускоренной эволюции.

В других, как то наиболее характерно для раздробленной на множество автономных государственных образований империи германских народов, буржуазия тоже была раздробленной и слабой, причем союзы типа Ганзы мало помогали ей в деле объединения и возможности выйти на авансцену (слишком много было таких авансцен и места в них занимали разные привилегированные слои общества). Здесь процесс выхода буржуазии вперед и замедленная дефеодализация не создавали условий для взрыва, да и фактор буржуазной эволюции с постепенно ускорявшимися ее темпами все-таки получал свободу действий, пусть медленно, но в немалой мере под влиянием успехов более передовых стран Запада.

В третьих, как в высокоразвитой Ломбардии, объективное стечение обстоятельств оказалось неблагоприятным как раз в тот решающий момент, когда союз буржуазных городов мог бы, как то было в блестящую для этого региона эпоху Ренессанса, выйти вперед и стать примером для многих остальных. Но этого не получилось. Ломбардия вместе со всей Испанией по сути разделила судьбу Испании и Австрии, которые постоянно соперничали за обладание ею.

Словом, ситуация в этих странах Западной Европы на протяжении большей части переходного периода складывалась таким образом, что буржуазия не получала широкого простора как для выхода

на авансцену, так и для обретения более быстрых темпов эволюции. То и другое, вкупе с процессом дефеодализации, шло вперед в этих странах постепенно и в немалой мере благодаря заимствованию и использованию опыта более передовых стран, в которых буржуазия давно уже господствовала. Соответственно и условий для революционного взрыва здесь просто не было. Процесс в тех странах, о которых только что шла речь, можно уподобить медленному потоку, не встречающему серьезных и тем более непреодолимых преград, но и не текущему быстро.

Если развить эту метафору и с ее помощью обрисовать ситуацию в большинстве остальных стран Запада, то окажется, что там по разным причинам поток тек быстрее, а преграды оказывались хотя и серьезными, но преодолимыми. Поэтому здесь тоже не было места для решительного революционного взрыва, хотя и встречались моменты, когда нечто в этом роде будто бы назревало. Но судьба судила так, что взрыва не происходило. Почему же? В сущности, в разных странах по различным причинам. Обратим внимание на эти страны, вспомнив о том, что о каждом из этих государств уже специально шла речь.

Учитывая важность проблемы, стоит вкратце напомнить о ситуации, складывавшейся в каждой из них в критические с точки зрения проблемы революционных взрывов моменты. Во-первых, потому, что со временем некоторые из этих государств стали притягательным примером для остальных. А во-вторых, из-за того, что это поможет понять истинную причину той единственной революции, которая все же реально произошла в самом конце переходного периода в крупнейшей и не так уж плохо развитой европейской стране, во Франции. Сопоставление всех рассмотренных ниже случаев с французской революцией позволит должным образом оценить, отчего же все-таки произошел тот взрыв, который с полным основанием можно считать и именовать революцией. Это еще больше важно для того, чтобы понять, почему в остальных случаях, отмеченных энергичным буржуазным развитием, никакой революции не было, а то, что этим термином напрасно именуют, на самом деле было чем-то другим. Стоит оговориться, что такого рода взгляд на всем известные исторические события никому не навязывается. Пусть те, кто привык считать иначе, останутся при своем мнении. Дело автора — аргументировать его собственную авторскую концепцию.

КОГДА РЕВОЛЮЦИЯ НЕ НУЖНА

Первым из государств, о котором стоит напомнить, были **Нидерланды.** Как союз развитых городов этот регион чем-то напоминал Ломбардию, хотя и во многом ей уступал. Единственным преимуществом Нидерландов перед Ломбардией в тот переходный период, о котором идет речь (стоит держать в памяти, что оба региона находились под властью Испании), было как раз то, отсутствие чего сгубило блестящие города Северной Италии. Имеется в виду благоприятное стечение обстоятельств. Оно проявилось в том, что города Нидерландов в трудный для них момент их истории оказались не просто каким-то сплоченным единым целым, но и сумели в конечном счете, пусть не без потерь, дать достойный отпор притязаниям Испании на безусловное их подчинение католическому королю.

К слову, именно этот важнейший момент конфессиональных различий, которого не существовало между Испанией и Ломбардией, сыграл в процессе освобождения Голландии от испанского владычества, быть может, основную роль. Но, как бы то ни было, никакой нидерландской революции, о чем столь часто любили писать отечественные специалисты, не было. Это не что иное, как псевдомарксистский миф, смысл которого в том, чтобы побудить читателей поверить в то, что эпоха так называемых буржуазных революций началась будто бы уже в далеком XVI столетии. То, что нередко именовалось нидерландской революцией, было на деле национально-освободительным движением. При этом, конечно, стоит иметь в виду, что освобождались от испанского владычества и суровых репрессий в католическом стиле в первую очередь именно хорошо развитые буржуазные города (горожане здесь были преобладающей частью жителей). **Иными словами, освобождение от гнета католиков-испанцев было чем-то вроде эквивалента буржуазной революции в Нидерландах, но не было революцией как таковой.** Это очень важно понять и принять во внимание, ибо такого рода события в те времена, о которых идет речь, были почти стандартной нормой.

Вторым, но, пожалуй, самым важным в истории европейских событий псевдореволюционного характера была острая политическая борьба в **Англии.** Здесь в XVII веке все было гораздо серьезнее, дольше и драматичней, чем столетием раньше в Нидерландах. Но, в отличие от Нидерландов, решающую роль в событиях сыграло не столь подыгравшее голландцам благоприятное стечение обстоятельств.

Главным здесь была сама историч Англии, начиная с Великой хартии вольностей и учреждения парламента. Англия была единственной из серьезных европейских стран, где исторически очень рано стала проявлять себя тенденция предбуржуазии, а затем и вполне развитой буржуазии к возрождению античных традиций народовластия, к конституционному ограничению произвола монархов и их приближенных. И хотя движение за ограничение самовластия шло не без серьезных конфликтов и неоднократных реверсий, динамика событий в стране была вполне определенной. Буржуазия быстрыми темпами выходила на авансцену, новое дворянство активно к ней присоединялось, и даже сами монархи, в первую очередь королева Елизавета, активно содействовали буржуазной частнопредпринимательской инициативе, проводя политику, которая способствовала энергичному, с нарастающими темпами эволюции, развитию страны.

В драматический момент середины XVII столетия, когда противоречия между парламентом, отражавшим уже почти целиком интересы буржуазии, и королем дошли до предела, до открытых военных действий, король оказался лишенным серьезной социальной, политической и военной поддержки и не только проиграл войну, но и был казнен. И хотя после этого сложности в буржуазном развитии Англии продолжались еще несколько десятилетий, с появлением новой династии все псевдореволюционные события благополучно завершились в пользу народа. Стоит обратить внимание, не только и даже не столько английской буржуазии, но всего народа. В стране установилась система либеральной демократии с верховной властью короля и реальной властью парламента, т.е. избранных народом депутатов, большинство которых твердо следовало принципам ускоренной буржуазной эволюции.

Если подвести итог, он уложится в краткую формулу: английская буржуазия, поддержанная большинством населения, легко одержала верх над противостоявшими ей силами дефеодализирующейся знати во главе с теми представителями правящих династий, которые мешали ей особенно активно. Это не было ни революцией, ни национально-освободительной борьбой. Это было решительное выступление большинства народа, поддержавшего вышедшую на авансцену страны буржуазию, достигавшую быстрых успехов в развитии страны. Народ в этой стране не поддержал короля, пытавшегося повернуть развитие страны вспять. Он предпочел выступить за древнюю традицию народовластия, символом которой веками

был активно работающий парламент. И это несмотря на то самое огораживание и необычайное обилие нищих-пауперов, напоминанием о которых наполнены многие страницы знаменитого произведения Маркса «Капитал», откуда эти сведения с сопровождавшей их резкой критикой английской буржуазии плавно перетекали во все отечественные исторические труды соответствующей тематики.

Парадокс, но факт: крестьяне лишались земли, города наполнялись пауперами, буржуазия на этом зарабатывала, страна вроде бы была недовольна, но революции не было. Не было даже духа чего-либо в этом роде. Все в общем и целом нашли в конечном счете свое место в жизни. А когда назрели суровые внутриполитические распри, народ, немалая часть которого действительно находилась в крайне тяжелом положении в годы интенсивного роста частнопредпринимательской активности буржуазии, поддержал не короля, но именно ее в лице парламента и его признанного вождя Кромвеля.

Оставив в стороне небольшую Скандинавию и еще менее значительную Швейцарию, где по-своему, но примерно в том же духе решались проблемы явного приоритета буржуазного развития с ускоренными темпами эволюции, обратимся к еще одному сходному историческому событию. Речь о колониях Англии в Северной Америке, которые следует воспринимать как сплоченный воедино и быстрыми темпами развивавшийся по буржуазному пути союз (будущие США). Борьба колоний за независимость чем-то напоминает борьбу Нидерландов с Испанией. Но здесь не было серьезной конфессиональной вражды и, что очень важно, было общее одинаковое убеждение в пользе активного содействия ускоренному буржуазному развитию. И хотя проблема в колониях обострялась рабством африканцев на плантациях южных штатов, основным, что разделяло колонистов и метрополию, было стремление жителей колоний к политической независимости, которой они в конечном счете с помощью войны и добились.

Говорить о революции в этом случае не приходится. Но зато очень важно оговориться, что те политические формы, которые были выработаны отцами-основателями США, и особенно лучшая для своего времени конституция были наиболее совершенными в тот исторический момент с точки зрения буржуазной либеральной демократии, незнакомой ни с монархией, ни с феодализмом. Отсутствие необходимости в дефеодализации тоже было — и это важно — огромным преимуществом США, а непрекращающаяся миграция в

новую страну энергичных европейских колонистов активно способствовала ускорению темпов ее развития.

Итак, завершая эту часть главы, стоит в итоге заметить, что в переходный период на Западе оказалось несколько передовых стран, в которых на авансцену вышла буржуазия. При этом в странах, о которых идет речь, получил возможность для полноценного функционирования буржуазный фактор ускоренной эволюции. Это произошло безо всякой революции, хотя и подчас в нелегкой борьбе, в основном политического характера. В этой борьбе принимали участие и буржуазия, и поддерживавший ее народ. Но здесь не было никаких классовых антагонизмов. Продолжая используемую метафору, везде шел гладкий, иногда нарастающий в узких ущельях и преодолевающий препятствия поток. К революционному взрыву ни в одном из этих, да и любых иных случаев, кроме одного, он не приводил. Одним-единственным исключением стала Франция. Почему?

РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

Собственно, с этого и начинается основной анализ проблематики темы о революции. Почему стала возможной и, более того, единственным выходом из сложившейся в стране ситуации именно революция? В чем причины?

В поисках их специалисты сделали немало. Было учтены и волнения в крестьянской деревне, и влияние католической церкви, сумевшей добиться изгнания из страны многих буржуа из числа протестантов-гугенотов, и общая обида всего третьего сословия, которому не давала хода узурпировавшая власть придворная знать во главе с плохо разбиравшимся в политике королем. И все это в принципе верно, все это, да и многое другое, сыграло свою роль. Но что следует считать главным? И здесь снова возникает уже использованная метафора: сильный поток буржуазного развития, который во Франции конца XVIII столетия, несмотря ни на что, ширился и ускорялся, встретил на своем пути хорошо отстроенную дамбу. Размыть ее не было возможности. Вода прибывала, остановить поток ничто не могло, и дело кончилось тем, что уровень воды превысил высоту дамбы. Это и оказалось началом конца феодальной знати и королевской власти в стране. Не желая поступиться малым, приоткрыть шлюзы, дать проход становившемуся все более мощным пото-

ку, строители дамбы довели свое гидротехническое детище до гибели и погибли вместе с ним.

Оставим, однако, метафору, пообещав более к ней не возвращаться. Она сделала свое дело. Поняв суть происходившего, мы вправе заключить, что во Франции, в отличие от всех остальных стран Запада в переходный период, буржуазия, набрав силу, быстрым рывком стремилась выйти на авансцену, но ей упорно препятствовали в этом. Условий для свободного и успешного функционирования буржуазного фактора ускоренной эволюции не было. Интересы буржуазии и всего третьего сословия подчеркнуто игнорировались, необходимые реформы сворачивались. А между тем именно во Франции с наибольшей силой разрабатывались идеи мыслителей века Просвещения. И эти идеи, особенно облаченные в форму многотомного издания, созданного энциклопедистами и доступного для многих, постепенно овладевали массами населения, особенно наиболее продвинутых в плане просвещения парижан.

Создавалась — буквально по Марксу (имеется в виду тезис о мощности идей) — огромная материальная сила, заряженная энергией идей, вполне четко ставивших акценты и призывавших людей если и не на баррикады, то к решительным действиям с целью добиться осуществления своих интересов. Идеи вели к осознанию интересов, а повседневная практика убеждала в том, что мирным путем добиться реализации интересов большинства едва ли возможно. Вот такой и была в предреволюционной Франции социополитическая ситуация. Она могла и должна была насторожить власть, побудить ее открыть клапан, дать выход накопившейся негативной энергии народа. Но придворная знать, а вместе с ней и король высокомерно игнорировали народ. Отставка Тюрго, перебранка с оппозицией, представленной, в частности, вернувшимся из Америки Лафайетом, дикий страх перед мощным народно-демократическим освободительным движением явно радикального характера в американских колониях Англии — все это никого в правящих верхах не побудило начать хотя бы небольшое отступление. Они явно не понимали, что следует дать выход накопившейся энергии толпы, предотвратить взрыв.

Собственно, это и была причина, приведшая к революции. Революция была уже на крыльце. Она мощными кулаками стучала в двери дворца. Но ее не хотели видеть и слышать. Король и окружавшие его не слишком умные придворные по традиции считали, что главное — не выказывать слабости, а то случится нечто похожее на

события в Америке, где в 1787 г. уже была принята конституция с неслыханными в Европе правами, которыми там теперь обладал народ. Не дай бог нам такого — это была, надо полагать, одна из главных забот напуганных не своим, а чужим народом правящих кругов Франции. Стремясь ни в чем не уступать, король все же дал согласие на созыв Генеральных штатов, резонно рассчитывая на то, что разногласия между тремя сословиями и соответственно палатами штатов утопят в словопрениях всю энергию недовольных.

Расчет был не так уж и легкомыслен. Дебаты о статусе штатов, количестве голосов, порядке принятия решений и вообще о полномочиях штатов грозили превратить собрание в пустую говорильню. Но сами же власти нетерпением своим подлили масло в едва разгоравшийся огонь. Имеется в виду закрытие зала заседаний, что спровоцировало делегатов от третьего сословия к решительным действиям. А тем временем в Париже быстро возрастало число людей, недовольных ходом работы штатов. Обстановка накалялась. Нужен был ничтожный повод, чтобы произошел взрыв. И за поводом дело не стало. Когда делегаты от третьего сословия узнали, что король приказал армии идти к Парижу, они приняли радикальное решение и 9 июля 1789 г. объявили себя Учредительным собранием. Весь город активно их поддержал. Толпа, опасаясь прихода в Париж войск, начала громить арсеналы и вооружаться. А 14 июля штурмом была взята Бастилия. Это и стало началом революции.

Вот, собственно, и все. К этому сводятся все причины, мотивы и поводы для начала той революции, которая вовсе не была неизбежной, которую несколькими небольшими, хотя и важными уступками можно было бы предотвратить. **Но власть имущие на уступки не пошли, ибо не привыкли уступать народу, который они презирали и бесцеремонно игнорировали.** Кроме того, власть имущие проявили полную умственную беспомощность, не уловив и тени грозящей им опасности. Они привыкли повелевать и хотели, чтобы так было и дальше. Это их и сгубило. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, что не стоит даже ставить вопрос о том, что было бы, если бы все повернулось как-то не так. И действительно, гадать в таком стиле и создавать гипотезы и варианты возможного хода событий — дело пустое и бесперспективное. Назад история не поворачивает. Но это отнюдь не означает, что каждое из свершившихся событий не имело альтернативы и даже многих альтернатив. Его величество случай, как о том специально шла речь, —

один из важнейших факторов эволюции. От него всегда зависело, зависит и будет зависеть многое, очень многое. Другое дело, что следует считаться с тем, что реально случилось. Это бесспорно. Однако, оценивая случившееся и тем более разбирая ситуацию как важную историософскую проблему, не только можно, но и следует оценивать возможные альтернативы. Такого рода альтернативы у высших руководителей Франции в 1789 г. были. Но они не были использованы. Нет даже достаточно точных свидетельств, что кто-либо из влиятельных лиц в правящих верхах их предлагал. Сохранилась в преданиях приводившаяся уже мудрая фраза: «Нет, государь, это революция!», сказанная будто бы одним из придворных в ответ на реплику короля: «Да ведь это мятеж!». Не очень похоже, как упоминалось, чтобы это предание соответствовало истине, ибо само понятие *революция* едва ли в то время было употребительным, не говоря уже о том, что 14–15 июля 1789 г. было рано считать, что началась именно революция. Но главное в том, что это предание — единственное свидетельство того, что кто-то что-то будто бы понимал в происходивших событиях с самого начала. А это мало похоже на истину.

ЛОГИКА РЕВОЛЮЦИИ: ОТ ЗАКОНОВ К БЕЗЗАКОНИЮ

Итак, революция началась и сразу же вступила в свои права. Первое право революции — упразднить старые нормы жизни, которые мешали всему народу, особенно все еще опутанному феодальными повинностями крестьянству, но прежде всего и главным образом буржуазии, развиваться. Следовало с помощью радикальных силовых мер ввести новые нормы, содействующие развитию буржуазии и освобождению крестьян. При этом параллельно с проблемами свобод для подавляющего большинства народа решались и сопутствующие им проблемы тех социальных слоев, которые стояли на пути к свободе, да и всей организации власти.

Особенностью логики развития революции следует считать ее достаточно быструю радикализацию: за одними проблемами следовали другие, одни, еще весьма робкие решения сменялись другими, более решительными. Заговоры и попытки противодействия революции начинали все более жестоко и, главное, без долгих словопрений пресекаться, чаще всего с помощью гильотины. Смерть на гильотине

становилась нормой жизни. Зловещий механизм казни не простаивал зря ни дня. Объектами наказания становились сначала главные враги, т.е. прежде всего те, кто бездарно правил страной накануне революции, включая и самые верхи. Суровые репрессии, обрушивавшиеся на провинившихся, влекли за собой бегство из страны всех тех, кто имел основание считать, что вскоре настанет и их очередь оказаться в числе врагов революции. Паническое бегство началось практически сразу же после падения Бастилии.

Врагами в революционной Франции вначале рассматривались, что следует считать в сложившейся обстановке вполне естественным, представители правящей верхушки, титулованная знать и вообще все аристократы. Не успевшие эмигрировать сажались в тюрьмы и нередко уничтожались по приговору скорого суда. Однако аристократы, яростно преследовавшиеся в газете «друга народа» Марата, постоянно увеличивавшей число тех представителей знати, которые должны быть выявлены и уничтожены, пока эта бравшаяся с потолка цифра не достигла 600 тысяч, были отнюдь не единственными среди врагов революции. В законе «О подозрительных», принятом Конвентом уже в разгар эры террора, в 1793 г., к числу врагов официально стали причислять всех тех, кто, как следует полагать, сомневался в мудрости принятых вождями революции актов и внутренне не был готов солидаризироваться с ними. Более того, пояснения к закону утверждали, что подозрительных легко узнать на улице, что чуть ли не каждый может вызывать подозрение.

Постоянное наращивание напряжения, вызывавшееся не только всеми сложностями повседневного бытия, включая трудности со снабжением, но и явственно нараставшей жаждой крови, становилось одной из основных черт революции. Естественно, что в подобного рода условиях — даже учитывая работу верховных законодательных органов, постоянно трудившихся над созданием то одного, то другого варианта конституции, — законы и вообще принцип легитимности постепенно, но решительно отходили на задний план. А на передний выходили различного рода оперативные организации, бравшие на себя не только суд и расправу, но даже просто выявление всех тех, кто подозрителен и потому не заслуживает доверия. Или тех, кто в чем-то провинился либо просто не вписывался в становившуюся все более жесткой норму. Впрочем, в важных случаях внешне легитимный ритуал все же соблюдался. Так было с королем, когда он попытался тайком бежать из страны, был схвачен и, хотя и

не сразу, приговорен к смерти и казнен. Стоит заметить, что спустя несколько месяцев, когда напряжение в стране достигло еще более высокого накала, а яростный террор якобинцев вступил в свои права, королева («вдова Капет») была уже гильотинирована без особых церемоний.

К внутренней напряженности в стране, вызывавшейся медлительностью процесса выработки конституции, длительностью состояния полуанархии, активностью экстремистов из различного рода клубов и партийных группировок, боровшихся за власть, следует добавить внешнеполитические проблемы. Бежавшие от революции люди были не бедными и не без влияния. Кроме того, соседи Франции, во-первых, относились к революции как к страшной заразе, к чему-то вроде опасной эпидемии, потенциально грозившей и им, а во-вторых, стремились не упустить удобного случая воспользоваться кажущейся слабостью соперника и реализовать ее в своих интересах. Логика революции характерна тем, что не оставляет соседей в покое. Но она имеет и обратное действие, причем гораздо более сильное, чем кто-либо мог бы предположить.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДУХ НАРОДА

Все дело в том, что революция, как о том уже шла речь, это прежде всего идеи, овладевшие массами и вселяющие в народ огромный запас энергии, той самой, которая превращает эти массы в гигантскую материальную силу. Люди, пусть не все, но очень многие, и прежде всего легко воспламеняемая молодежь, т.е. основная радикально настроенная сила любой нации, в огромном количестве заражались духом ниспровержения старого порядка и были готовы идти на смерть для того, чтобы защитить завоевания революции. Достаточно любому хоть раз прослушать звуки прославленной Марсельезы, чтобы понять то воодушевление, с каким вся Франция воспринимала то, что происходило в Париже. Воспринимала — пусть опять-таки далеко не все и тем более не везде одинаково (вспомним о Вандее, да и не только о ней) — с огромным энтузиазмом, который удесятерял силы. В революцию поверили многие, и именно они революционными колоннами шли в Париж, чтобы оттуда, собрав кое-какое оружие, которое еще можно было достать либо сделать, идти воевать с врагом, с интервентами и беглыми эмигрантами.

Революционный дух страны затронул и армию. Она комплектовалась заново, ее командный состав выдвигался в боях из числа наиболее успешных воинов. Не стоит забывать, что великий Наполеон начал свою блестящую военную карьеру именно в этих условиях, параллельно с ним проходили боевую закалку и большинство его будущих маршалов. Плохо вооруженная и слабо оснащенная всем необходимым, революционная армия тем не менее после первых и довольно значительных поражений начала одерживать победу за победой над своими врагами, что стало особенно заметным именно тогда, когда наступило царство террора. Это спасло Францию и революцию в самый напряженный момент ее существования, когда режим революционной анархии захлестнул все, а террор обратился против вождей революции. Впрочем, к этому времени в армии уже выдвинулись новые генералы, самым заметным среди которых был Наполеон Бонапарт, который в момент завершения революции захватил высшую власть в стране, став ее первым консулом, а позже и величайшим, боготворимым практически всеми французами императором.

Если принять сказанное во внимание, ситуация полуанархии, характерная для Парижа на протяжении длительного времени напряженной внутренней борьбы, окажется на деле не столь уж и опасной для революции. Можно сказать, что парижские события с их предельной напряженностью и почти полным беззаконием как бы поддерживали тот крайне высокий градус революционного накала, который был необходим для всей страны, готовой сражаться за родину с ее новыми идеалами («свобода, равенство и братство»). И даже беспрестанные схватки различных группировок и постоянные подстрекательства к уничтожению врагов (которыми особенно отличался Марат, склонный к провокационному нагнетанию страстей) не мешали тому неторопливому течению событий, которые растянулись на несколько долгих лет. Париж оставался центром не только страны, но и, что неимоверно важнее, всей революции. С него брали пример и крупные города, и все остальные части страны. Сюда стекались те, кто был готов сражаться с врагами извне.

Именно Париж был центром революционного духа. Из него шли могучие импульсы, сильно влиявшие если не на всех, то на большинство французов. Естественно, что в самом Париже с его яростной борьбой группировок тоже были различные слои населения и разные политические силы, которые имели своих представителей в высших законодательных органах страны, в клубах и в секциях города.

Однако их борьба, хотя она не оставляла равнодушной и провинцию, где тоже встречались аналогичные группировки, до поры до времени не мешала общности великой цели, что и поддерживало во Франции тот революционный дух, о котором идет речь. Но трагедия революции была, в частности, в том, что этот дух, причем чем дальше, тем чаще, оборачивался непримиримой взаимной озлобленностью. Это следует считать естественной нормой. Люди не могут равнодушно выносить обстановку многолетней напряженности, не только постоянно вызывавшей состояние стресса, но и постепенно возраставшей и потому доводившей этот стресс до состояния психологического дискомфорта, чреватого истерическими взрывами эмоций.

Сначала стресс начинал сказываться на состоянии значительной части граждан из числа наиболее активных, склонных принимать участие в практически каждодневных острых столкновениях и тем более в будничных событиях, которые с легкостью перерастали во взрыв эмоций. Это одна из наиболее характерных и в принципе легко объяснимых черт революции. Впрочем, понимание и объяснение здесь не самое важное. Много более существенно увидеть за тем, о чем идет речь, процесс превращения беззакония, которое со временем становилось почти нормой, даже не просто в произвол, сколько в расправу над порой совершенно случайными людьми, как-то задевшими своим поведением окружавшую их толпу.

Специалисты, внимательно изучавшие опыт и уроки революции во Франции, создали целую отрасль современной психологии. Речь идет о так называемой психологии толпы, анализу которой посвящены многие серьезные труды. Не вдаваясь глубоко в их анализ, стоит обратить внимание на основное. Это важно для того, чтобы понять механизмы, которые в ситуации вызванного революцией взрыва и особенно охоты на «врагов народа» превращали простых граждан не просто в палачей, но в тех, кто был вполне удовлетворен, нередко даже горд своим участием в убийстве случайного незнакомца, заподозренного в чем-либо.

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

Французская революция впервые в истории познакомила мир с чудовищным по своему варварству бунтом толпы. Конечно, нельзя сказать, что до этого нигде и никогда не было чего-либо подобного,

т.е. что толпы обезумевших от страха, ярости, голода либо иных состояний и эмоций людей не проделывали что-либо подобное. Можно, в частности, вспомнить, что и в нашем отечестве в критические моменты массы негодующих подходили к Кремлю и по их требованию им в буквальном смысле этого слова выдавались на растерзание те бояре, которыми народ почему-либо был недоволен. Но это разовые эпизоды в полуварварской стране. Можно напомнить и о судах Линча (правда, уже много позже французской революции). Но это, как и многие аналогичные ситуации, тоже разовые и хладнокровно продуманные эпизоды. Кроме того, в случае с США это был открытый вызов правовой системе и всей демократической структуре страны. Во Франции в годы ее революции и особенно после начала эры террора и принятия закона «О подозрительных» происходило нечто иное. Речь о полулегитимном «народном правосудии» толпы, которое (правосудие) считалось нормальным в сложившейся обстановке беззакония и произвола, охоты за «врагами народа» и любыми подозрительными, которые могут оказаться ими.

Но начнем с начала. Что такое толпа? Дело в том, что коллектив — естественное состояние Homo sapiens. Но только тогда, когда стало достаточно много отстранившихся от коллектива индивидов, могла возникнуть проблема толпы. Толпой стали пренебрежительно именовать низшие слои населения, отделенные от аппарата администрации и элиты индивидов, разбогатевших собственников или признанных интеллектуалов. Для толпы с ее традицией архаичного коллективистского прошлого, писал З. Фрейд, характерны стадный инстинкт и нечто вроде коллективного невроза, а также зависть как один из наиболее существенных факторов ее поведения. Зависть, о которой писал Фрейд, имеет давние корни и восходит к социальному неравенству, усиливавшемуся по мере развития общества, особенно тогда, когда на смену противостоянию *свои-чужие* пришло неравенство среди *своих*. Главной характеристикой толпы следует считать то, что **это прежде всего и главным образом случайное сборище.**

Речь не о том, что собравшиеся не знают либо плохо знают друг друга, хотя именно такое нередко случалось на площадях Парижа в дни революции. Люди, подходящие под определение «толпа», в принципе могли, хотя бы отчасти, знать друг друга. Но отличие случайного сборища от любого иного в том, что, хотя все его члены **осознавали себя в чем-то одинаково обиженными и равно недо-**

вольными чем-то, у них не было заранее согласованных интересов и целей. Более того, не было обстоятельств, которые побудили бы людей прийти в установленное место в определенное время. Это прохожие, случайно оказавшиеся именно здесь. Признаком такого рода толпы следует считать то, что до момента взрыва коллективной ярости собравшиеся обычно сами толком не знали, как и для чего они очутились именно в этом месте, и смутно представляли себе, что побудило их выйти из дома и примкнуть к другим.

Словом, феномен толпы вроде бы более или менее ясен. Парижские — да и не только парижские (Франция достаточно велика) — толпы конца XVIII в. достаточно звучно заявили миру о себе. Что наиболее характерно для психологии этих толп? **Во-первых**, агрессивность, чувство свободы от индивидуальной ответственности за последствия всех тех деяний, которые совершаются тобой вместе с другими, ослабление или вообще исчезновение того сдерживающего начала, которое способно обуздывать агрессивные инстинкты. **Во-вторых**, то, что толпе — а точнее, каждому из ее членов — свойственно непроизвольное, подсознательное ощущение своего могущества, частичкой которого ты оказался. Толпа берет на себя всё то, что ты, движимый не разумом, а инстинктами, способен сотворить. **В-третьих**, повышенная восприимчивость к внушению, к иллюзорному восприятию реалий, особенно если во главе умелые и красноречивые вожаки. **В-четвертых**, заразительность внушенных толпе вожаками (в большинстве умелыми ораторами) идей, магическая сила наглядного примера, лозунга либо формулы, которые мгновенно, опять-таки не столько в результате работы рассудка, сколько в силу воображения и подсознательного инстинкта становятся всеобщими и едиными для всех, примыкающих к толпе. **Последнее**, что очень заметно, это нетерпимость толпы, формулирующей обычно свои подчас сиюминутно возникающие требования в крайне элементарной и доступной всем форме.

Но, несмотря на порой революционные лозунги, толпа в конечном счете достаточно консервативна. Она, как правило, уважает силу и обычно склонна поддерживать тиранов. В этом смысле толпа — это стая, стадо, неспособное обойтись без пастыря. Обращается внимание на свойственную толпе изменчивость настроений под воздействием каждого очередного удачливого оратора-вожака. Некоторые из специалистов склонны считать толпу как бы единым существом со свойственными ему душой, инстинктами и гипнозом,

которые лежат в основе ее ярости, разрушительности и преступности. В толпе любая входящая в нее личность как бы растворяется, перестает быть индивидом. Толпа обладает свойством всех уравнивать ровно настолько, насколько каждый теряет чувство личной ответственности за все содеянное. Все это и делает толпу зверской группой убийц. Если в одиночку мало кто решится на нечто подобное, то вместе можно: ответственность ложится на всех и неизвестно, на кого конкретно.

Вожаки, если они успевают себя проявить (нередко зверские акции собравшейся толпы слишком кратковременны для этого), как правило, самые сильные, наглые и волевые. Большинство боится их. Вожак хорошо знает это и в случае нужды наказывает любого из неповинующихся самым зверским образом, что сохраняет и усиливает его власть. Вообще страх — один из важнейших движущих импульсов в толпе. Это может показаться странным: казалось бы, бесчинствующая толпа тем и сильна, что ничего не боится и все повергает в прах. Но это только на вершине ее триумфа. В остальные моменты, особенно когда толпа еще не сформировалась и не обрела признанного вожака, ситуация иная. Страх и паника подсознательно играли свою роль, доводя поведение собравшихся из пригородов или иных близлежащих местностей в Париже толп в дни революции до уровня невроза, истерики. А этот невроз рождал изощренные формы издевательств над теми, кто осуждался лозунгами, внушенными толпе. Исследователи в этой связи не стеснялись заметить, что революция — **это болезнь, во всяком случае душевная болезнь народа.**

Взрывы ярости случайно собравшейся толпы завершались различно. Иногда толпе были свойственны приступы жалости к униженному «врагу» из числа попавшихся под руку. В деталях многие из эпизодов, имеющих отношение к психологии толпы, достаточно красочно описаны во многих разных трудах, посвященных истории французской революции. Но в качестве итогового вывода очень важно обратить внимание на то, что буйство толпы, отражавшее в годы долго длившейся революции состояние усугубляющегося стресса или чего-то вроде «душевной болезни народа», способствовало ускорению темпов роста накала страстей, особенно в Париже. Отсюда и естественное в такого рода ситуации появление эпохи всеохватывающего террора.

ОТ БЕЗЗАКОНИЯ К ТЕРРОРУ. ТЕРМИДОР

Страшный террор относится к лету 1793 г. Это уже пятый год революции. Согласимся, что пять лет — срок для такой перетряски немалый. Народ устал, страна в состоянии если и не болезни, то лихорадки в сочетании с душевным стрессом. Слишком много выпало на долю каждого. А наиболее крайние радикалы, якобинцы, у власти. Их соперники-жирондисты в страхе бегут из Парижа, но все чаще вынуждены прятаться и в других городах страны. Якобинцы, изгнав соперников из Конвента, создали Комитет общественного спасения, комиссары которого с широкими полномочиями рыщут по провинциям с целью окончательно выкорчевать контрреволюционную заразу. Выработанная с огромным трудом и насыщенная благородными идеалами свободы, равенства, братства и, главное, декларациями прав граждан конституция, принятая Конвентом в конце июня 1793 г., так и осталась не приведенной в действие. Да и зачем была нужна настроенным на массовый террор якобинцам такая конституция?!

Именно в это время и началось болезненное состояние страны, о котором только что шла речь в связи с рассуждениями о психологии толпы. Именно теперь толпы такого рода, одухотворенные обещанной законом безнаказанностью и поощренные этим же законом всюду выискивать подозрительных, начали энергично действовать по всей стране и особенно активно в Париже. Еще раз стоит напомнить, что это не были специально организованные отряды. Нет, речь идет о «бдительных гражданах», которые должны были наблюдать за всеми и хватать тех, кто хоть чем-либо вызывал подозрение. А схватив, толпа вела себя со схваченным в зависимости от обстоятельств. Его можно было тащить в ближайшее отделение Комитета или сразу в тюрьму. Но можно было, если так складывалась обстановка, и покончить с ним, причем порой, как упоминалось, самым зверским образом.

Осень 1793 г. прошла под знаком новых казней, которые теперь были уже вовсе странными. Мэра Парижа Байи, назначенного на этот пост королем в самом начале революции по требованию народа, казнили за роялизм и подавление народных волнений на Марсовом поле в 1791 г. Нескольких бывших министров — за то, что были министрами. В провинциях и больших городах недовольных уничтожали массами, так что ситуация все чаще напоминала гражданскую

войну. И все казни, существенно заметить, сопровождались конфискацией имущества в пользу республики. Но что интересно: комиссары Конвента, посланные в армию (не меньше троих при каждом генерале), сыграли немалую роль в подъеме революционного духа войск и в переломе хода войны. Французы стали побеждать все чаще и увереннее. Интервенты начали отступать, подчас бежать. Успехи на поле брани воодушевили наиболее яростных якобинцев и они со все большим пылом стали выискивать подозрительных. Увы, их оказывалось все меньше и меньше. Те, кто могли были быть заподозренными, бежали либо прятались. Других, как то происходило в Париже и особенно заметно в некоторых больших городах страны, массами убивали, топили в реках, уничтожали любыми способами. Теперь они вроде бы уже обезврежены. Более того, казна пополнилась за счет их имущества. Но значит ли это, что дело сделано? Отнюдь! Революция не может из-за этого остановиться! Она, как кровожадное божество каких-нибудь древних жителей Мезоамерики, требует ежедневных жертв, причем ей абсолютно безразлично, кто станет очередной жертвой.

Психически неуравновешенным и страдающим от стресса и неврозов было абсолютно ясно лишь одно: если в эпоху официально объявленного террора этот террор остановить или хотя бы приостановить, накал страстей революционного переустройства начнет снижаться. Мало того, вместе с ним снизится и роль экстремизма якобинцев, которые, чего гляди, окажутся еще и виновными, ответственными за массовые убийства неповинных! Этого допустить нельзя! Время для завершения революции не подошло. Революция все еще в опасности. Враги ее кругом. Они прячутся. Мало того, эти люди умело маскируются, подчас прикидываются друзьями, единомышленниками. Нужно искать их. Искать, найти и наказывать. Террор должен быть беспощадным, иначе он перестанет быть террором.

С этой элементарной и явно еще подсознательной идеей, но уже не первую неделю подспудно вызревавшей в умах вождей якобинцев, якобинский Конвент и его комитеты общественного спасения, спасения революции и т.п. решили начать новый этап революции. Быть может, наконец, завершающий. И этот этап был начат. Да с каким шумом! Как уже говорилось, 9 термидора (27 июля 1794 г.) в Конвенте произошел своего рода государственный переворот. Сам Робеспьер, вождь революции, был обвинен в стремлении к единоличной диктатуре и без долгих рассуждений 28 июля гильотинирован.

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Термидорианский переворот означал конец если и не революции, то ее самого страшного периода, якобинского произвола и беспощадного террора. Страна, по горло насыщенная беззакониями, не желала более жить под угрозой, ежедневно висящей над каждым. Конвент остро сознавал, что еще немного, и настанет очередь всех уцелевших его членов. Комитеты общественного спасения и все прочие органы революционного насилия, насытившись убийствами, притихли, пытаясь после казни признанного вождя революции както разобраться в сложившейся обстановке. Вчерашние обвиненные, ожидавшие казни, спрятавшиеся и иже с ними вышли на свободу и превратились в обвинителей. Сторонники террора заняли их место. Казалось бы, все ясно: революция погибла, контрреволюция торжествует. Но все не так просто. Как обнаружилось, у контрреволюции во Франции нет ни опоры, ни сил. Это значит, что революция должна была выяснять отношения между своими. Она, как метко оценили это впоследствии, уничтожила (пожрала) большинство своих детей. Но, не доведя это дело до конца, остановилась. И этим спасла себя и Францию.

Комитеты и суды прекратили свою работу революционных палачей. Гильотина прервала свою страшную безостановочную деятельность. Париж, а затем и вся страна стали оживать. Осенне-зимний сезон 1794–1795 г., как упоминалось, оказался разительно непохожим на тот же сезон 1793–1794 г. Это был уже совсем новый образ жизни (так и хочется сравнить его с советским НЭПом). А центр тяжести усилий республики был явственно перенесен на границы Франции. Там не угасший еще революционный дух армии в сочетании с набравшимися опыта революционными генералами позволял одерживать над врагами победу за победой. Этому активно содействовали новые офицеры и генералы, вышедшие в основном из рядов простых воинов (нельзя не принять во внимание, что прежний офицерский корпус во французской армии был из аристократов, с которыми революция беспощадно расправилась). Была, пусть очень дорогой ценой — имеется в виду гибель многих тысяч восставших, — повержена мятежная Вандея. Словом, все шло вроде бы к успокоению страны победившей революции.

Работа нового законодательного органа, функционировавшего согласно нормам заново переработанной конституции 1795 г., оказа-

лась неудачной. Законодатели, подвергавшиеся нажиму то справа, то слева, были вынуждены подчиняться воле исполнительной власти. **Директория**, опиравшаяся на генералов, все более очевидно становилась реальной властью во Франции, причем эта власть сохраняла основные достижения революции. В стране больше не было сословного неравенства — все стали равноправными гражданами. Не было никаких привилегий и следов феодальных обязательств крестьян. Буржуазия выдвинулась в экономике страны на авансцену и ждала, когда войны и внутренние неурядицы наконец завершатся.

После ряда военных неудач, связанных с успешными действиями второй антифранцузской коалиции, влияние Директории стало уменьшаться. Новые выборы весной 1799 г., сопровождавшиеся усилением в законодательном корпусе позиций левых, вызвали очередной взрыв нестабильности, итогом которого стал переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), после чего власть во Франции оказалась в руках Наполеона. Это была неоценимая удача для Франции и для ее революции. Как и в чем это сказалось? Что приход к власти Наполеона означал для Великой французской революции с ее кровавым террором? И вообще, какова роль буржуазной революции во Франции для всей мировой истории?

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

В наши дни немало споров о том, как оценивать революцию. Много виднейших специалистов потратили немало усилий для того, чтобы в деталях изучить все то, что с ней было связано. Изучив все ее неповторимые извивы, некоторые из них не раз предлагали свою версию осмысления значения этой революции как для страны, в которой она длилась около десяти лет, так и для всей мировой истории, в которой последующий XIX век в немалой мере прошел под ее знаком. Едва ли стоит приводить все точки зрения. Гораздо важнее в заключение главы о революции как феномене еще раз в этой связи прояснить основные мотивы, предложенные в рамках всей авторской концепции данного издания.

Суть их в общем достаточно очевидна. На протяжении всего длительного переходного периода от средневековья с огромной ролью феодальных связей (речь о Западной Европе) к принципиально но-

вому буржуазному времени с его господством развитых рыночно-частнособственнических отношений шел процесс формирования и укрепления позиций городской буржуазии. В одних случаях этот процесс поощрялся правящей элитой или вместе с этой элитой добивался условий для успешной эволюции, в других умело тормозился и протекал крайне замедленными темпами. В обоих вариантах он не вел к радикальным катаклизмам, хотя и сопровождался порой либо гражданскими войнами, либо ожесточенной борьбой за независимость.

Только однажды и в одной-единственной западноевропейской стране с богатой историей и крайне сложными взаимоотношениями между элитой аристократической знати с пышным центром в Версале, получившем общеевропейскую известность, и развивавшейся буржуазией, которой Версаль создавал препоны, ситуация длительное время складывалась иначе. С одной стороны умные и деятельные министры, начиная с кардинала Ришелье, содействовали созданию условий для развития буржуазии (к этому стоит добавить и немаловажные попытки захвата колоний), а с другой правящая элита временщиков и невежд эгоистично препятствовала этому.

Естественно, что при этом буржуазия достаточно быстрыми темпами развивалась, что стало особенно заметным накануне революции в ходе реформ министра-физиократа Тюрго, но для дальнейшей ее эволюции, шедшей все ускорявшимися темпами, не было возможности. Пути были перекрыты правящей элитой во главе с королями, причем ни короли, ни их окружение просто не понимали складывавшейся в стране ситуации. А ведь она не с неба упала. В стране ширилось недовольство, причем стоит заметить, что шло оно отнюдь не только, быть может даже не столько со стороны городской буржуазии, сколько от недовольных феодальными повинностями крестьян и вообще от огромного большинства народа. Это был протест со стороны «третьего сословия», как его с явным оттенком высокомерия, если даже не презрения привыкли именовать правящие верхи Франции.

Обо всем этом уже упоминалось, но для понимания революции как феномена, как уникального исторического события все стоит не только повторить, но и подчеркнуть. **Революция** — в отличие от того, к чему привыкли воспитанные марксистским историческим материализмом отечественные обществоведы, — **это не нечто обыденное и встречающееся сплошь и рядом в соответствии с теори-**

ей сменяющих друг друга формаций и пропитанных антагонизмом классовых баррикад. Совсем напротив, она уникальна, единственна в своем роде. Для того, чтобы она началась, нужны из ряда вон выходящие обстоятельства. О стечении обстоятельств как важнейшем факторе эволюции — равно как и о случайности, другом таком факторе, — немало было сказано. Так вот, в истории Франции конца XVIII в. сплелись в тугой шнур оба этих фактора. Но они оказались противоречивыми. На долю случайности выпал рост буржуазии в стране, что с мощной силой толкало большинство населения вперед, по пути необходимой для Франции эволюции. А фактор стечения обстоятельств оказался противоречивым. С одной стороны, в нем были силы, способствовавшие эволюции. Это были импульсы, исходившие как от овладевавших массами идей французского Просвещения, так и от очень притягательного примера успешных сторонников (США) и соперников, прежде всего теснившей Францию и в Европе, и в ее колониях Англии. Но вместе с двумя благоприятствующими импульсами составной частью фактора стечения обстоятельств стала мощная неблагоприятствующая сила, т.е. откровенное противостояние власть имущих. В итоге непреодолимый неблагоприятный импульс оказался сильнее двух благоприятных, и стечение обстоятельств не было в пользу спокойной эволюции. А точнее, путь к эволюции был жестко перекрыт. В сложившейся таким образом уникальной ситуации место эволюции заняла революция.

Хорошо это или плохо? Вопрос несколько наивный, но не праздный. И ответ на него должен быть дан, ибо в отечественной историографии (а ее до сих пор новые поколения осваивают преимущественно в первую очередь) марксистский вариант ответа преобладает. Это значит, что не только революцию как таковую все еще безоговорочно воспринимают как благо, но и якобинский террор считается вполне естественным и даже необходимым. Для тех, кто пережил сталинский террор, во многие сотни, если даже не в тысячу раз более страшный по количеству пролитой крови, подобный подход к оценке исторических событий понятен. Более того, он в какое-то время был единственно возможным. Но то время давно прошло. И, будучи свободными в своих суждениях, представители нового поколения уже стремятся осмыслить феномен французской революции заново, подчас даже отказывая ей в том, что она была буржуазной.

Вот с этим последним согласиться невозможно. Ведь носителем эволюции в главной сфере жизни людей, т.е. в технико-произ-

водственных и рыночно-частнособственнических отношениях, были прото-, пред- и, как завершение процесса, полноценные буржуа, т.е. горожане. Поэтому все то, что связано с эволюцией и ее ускоренными темпами, — дело предпринимателей и торговцев, т.е. буржуазии. А потому и революция при колоссальном ее значении для всего французского народа вполне справедливо именуется буржуазной, даже если согласиться с тем, что большинство ее самых выдающихся вождей к буржуазии не имели прямого отношения. Остается ответить на поставленный выше вопрос, хорошо это — революция со всеми сопровождающими ее событиями — или нет.

Попытаемся обоснованно ответить на этот принципиальный вопрос. Важно только, давая ответ, всегда иметь в виду, что горожане (буржуа), о которых идет речь, это жители городов Запада, но никак не Востока, где государство брало городских производителей и собственников под жесткий контроль, лишая их главного, т.е. полной свободы действий, не говоря уже о правовых гарантиях, льготах или привилегиях. Имея в виду именно западных буржуа (проблема революции в любом случае касается только их, ответ не может быть однозначным. С одной стороны революция — это лечение серьезной болезни, затронувшей весь организм, когда без хирургии обойтись невозможно. Такую болезнь лучше вовремя вылечить. Но тогда, когда лечить не хотят, излечимый недуг становится неизлечимым, вмешательство хирурга становится неизбежным. Это и есть момент революции. Несомненно, что она как кровавый феномен с ее эксцессами и тем более с террором нежелательна. Но в редчайших случаях она оказывается необходимой и благотворной. В истории человечества такое случилось лишь один раз, и это способствовало оживлению и обновлению передового Запада, а за ним и остального мира.

Революция ускоряет ход истории за счет энергичного слома старого порядка (власть-собственность с всесилием власти, бесправием населения и частных собственников) и формирования нового, буржуазного либерально-демократического и свободного рыночно-частнособственнического. Она ведет к подъему национального самосознания за счет революционного духа, который многим придает невиданную в иных обстоятельствах энергию и тем содействует победе. Но есть и еще нечто, о чем не стоит забывать. Никакой успешной пролетарской революции мировая история не знает. Если и были в XX веке называемые так революции, то они были не про-

летарскими и не революциями. **Целью их** не было открытие пути для буржуазной эволюции, а то, что произошло в России, в Китае и везде, где предпринимались такие попытки, — это страшные **неудачные социополитические эксперименты, залитые кровью десятков миллионов жертв.** ***Смысл, цель и итог*** их не имеют ничего общего с тем, ради чего человечеству пришлось прибегнуть к революции, случившейся в его истории лишь однажды. Все остальное — жестокая бесчеловечная утопия, лишь по размаху бесчинств напоминающая революцию.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 3

ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.)

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректор *Матвеева В. К.*
Художник серии *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Деева А. Д.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

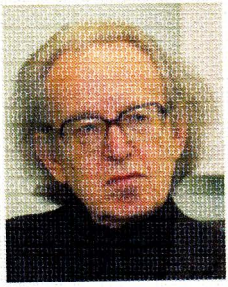
Подписано в печать 02.07.12.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,22. Тираж 500 экз. Заказ № Т-199-12.

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс 939-44-91; 939-57-32.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в типографии КДУ
Тел./факс: (495) 939-44-91.
E-mail: press@kdu.ru

В томе 3 идет речь о переломном моменте мировой истории. Энергичное развитие предбуржуазного мира, эпоха Великих географических открытий, распространение огнестрельного оружия, как следствие агрессивная экспансия передового Запада. Автор по-новому ставит проблему колониализма: он не только принуждение и насилие по отношению к местному населению, но также — стимулирование эволюционных процессов, создание условий для выживания и численного роста человечества.

Как и во всех остальных томах, историософско-теоретические главы насыщены неординарными размышлениями. На этот раз речь идет о факторах эволюции, роли идей, типах власти, феномене буржуазной эволюции (Нидерланды, Англия, США) и революции (Франция).

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-852-4

